РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ-ЭТНИЗАЦИЯ

Этнокультурные и этноязыковые процессы

Книга I

НАУКА

inslav

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ-ЭТНИЗАЦИЯ

Этнокультурные и этноязыковые процессы

В двух книгах

Книга I

МОСКВА НАУКА 2006

inslav

УДК 39
ББК 63.5
Г54

Ответственный редактор
доктор филологических наук Г.П. НЕЩИМЕНКО

Рецензенты:

доктор филологических наук В.А. ВИНОГРАДОВ,
доктор филологических наук Ю.А. СОРОКИН

Редколлегия:

М.Б. ЕШИЧ, А.Ф. ЖУРАВЛЕВ, Я. КОРЖЕНСКИЙ,
Г.П. НЕЩИМЕНКО (отв. редактор), Е.Ф. ТАРАСОВ,
С. ЧМЕЙРКОВА

Глобализация–этнизация : этнокультур. и этнояз. процессы : в 2 кн. / [отв. ред. Г.П. Нещименко] ; Науч. совет РАН "История мировой культуры" ; Ин-т славяноведения РАН. – М. : Наука, 2006. – ISBN 5-02-035613-1.

Кн. 1. – 2006. – 486 с. – ISBN 5-02-033922-9 (в пер.).

Монография выполнена в рамках поэтапной реализации международной научной программы по изучению феноменов "язык–культура–этнос" (предшествующие публикации по названной программе: Язык–Культура–Этнос. – М.: Наука, 1994; Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000; Встречи этнических культур в зеркале языка. – М.: Наука, 2002). Работа над программой осуществляется на основе двустороннего международного сотрудничества Института славяноведения РАН и Института чешского языка Чешской АН.

Для филологов, культурологов, историков, этнологов.

Темплан 2005-II-43

ISBN 5-02-035613-1
ISBN 5-02-033922-9 (кн. 1)

© Научный совет РАН
"История мировой культуры", 2006
© Институт славяноведения РАН, 2006
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство "Наука", 2006

inslav

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Данная книга является результатом творческого содружества ученых, работающих на протяжении целого ряда лет над осуществлением долгосрочной международной целевой программы по изучению проблематики "Язык–Культура–Этнос". Цель программы – систематическое, комплексное, многоаспектное, интердисциплинарное изучение приоритетных вопросов большого теоретического и практического значения и выработка на этой основе рекомендаций по предупреждению реальных и потенциальных конфликтов в области межэтнических, межкультурных и межъязыковых отношений, а также по определению направленности проводимой социально-культурной и этноязыковой политики.

Реализуемая целевая программа не имеет аналога в современной науке как по масштабности проводимых исследований, так и по применяемой в них методике. Не случайно интерес специалистов к выходящим публикациям, а также к участию в работе над данной программой год от года неуклонно возрастает. Это отмечается как в России, так и за рубежом.

Задачи, стоящие перед авторским коллективом и международной редколлегией программы, широки и многосложны. Они заключаются в организации и проведении интердисциплинарных, комплексных, сопоставительных исследований в области культурологии, социолингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии, а также в совершенствовании методики этих исследований, уточнении понятийно-терминологического аппарата. Большое значение придается координации исследований в данной области, поскольку до сих пор разработка названной проблематики обычно осуществляется разрозненно, в рамках отдельных дисциплин.

В реализации программы участвуют отечественные и зарубежные ученые, известные широким кругам научной общественности не только своими трудами, но и способностью по-новому взглянуть на исследуемую проблематику. Как правило, это специалисты из ведущих исследовательских и научно-педагоги-

inslav

ческих центров (безотносительно к их ведомственной принадлежности). В составе авторского коллектива – специалисты различного профиля, в частности, историки и теоретики культуры, лингвисты, социо- и психолингвисты, этнолингвисты, культурологи, социологи, этнологи, этнографы, театроведы, фольклористы, философы и т.д. Это делает возможным применение комплексной исследовательской методики, сочетающей в себе как частные методы отдельных научных дисциплин, так и методы универсальные, в частности, системно-функциональный и сопоставительный подход, использование достижений теории информации и коммуникации и т.д. В силу того, что над реализацией программы работает международный авторский коллектив, при проведении исследований используются теоретико-методологические принципы и подходы не только различных научных дисциплин, но и различных национальных научных школ.

Мы испытываем чувство удовлетворения оттого, что, невзирая на все сложности и перипетии современного развития отечественной науки, а также международных научных связей, в течение всего времени работы над программой удается не только сохранить дееспособный авторский коллектив, но и наладить партнерские отношения между учеными разных стран (прежде всего славянских) при решении приоритетных научных проблем. Большое значение придается сотрудничеству с учеными из стран так называемого "ближнего зарубежья", поскольку это не только способствует восстановлению некогда весьма плодотворных научных контактов, но и подтверждает актуальность выбранной тематики.

Исследования, проводимые в рамках целевой программы, выполняются в жанре коллективных монографий. Подтверждением этого служит не только тематическая и методологическая преемственность публикаций; более или менее стабильным является состав авторского коллектива, работающего по апробированной методике, в соответствии с заранее составленным и обсужденным проспектом труда. Важную роль в этом играют Круглые столы, на которых обсуждается концептуальная основа труда, перспективы дальнейшего сотрудничества, заслушиваются устные версии будущих разделов монографии.

Международная редколлегия программы не ставит своей задачей добиться любой ценой авторского "единомыслия", поэтому одним из основополагающих принципов нашей работы является разнообразие научного подхода, развертывание полемики по всему спектру исследуемых научных проблем. Наша цель –

inslav

выявить многообразие аспектов освещения чрезвычайно сложных, во многом дискуссионных проблем, рассмотреть их в разных ракурсах. К сожалению, несмотря на предпринимаемые усилия, не всегда удается избежать некоторой "разношерстности" отдельных статей монографии.

За время осуществления программы были опубликованы три коллективные монографии: "Язык–Культура–Этнос" (1994 г.), "Язык как средство трансляции культуры" (2000 г.), "Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте)" (2002 г.). На каждом исследовательском цикле программы угол зрения рассмотрения проблематики определяется как современным состоянием науки, так и актуальными потребностями общества.

Так, в монографии "Язык–Культура–Этнос", помимо разработки теоретико-методологических вопросов изучения феноменов "язык" и "культура", их функционального взаимодействия в ходе исторической эволюции этноса, роли языка как фактора этносоциального развития, его функционирования в разных этносоциальных и социокоммуникативных ситуациях, большое внимание уделялось анализу языковой ситуации *полиэтнических государств*, а также возможных путей решения этноязыковых конфликтов, определению направленности стратегии и тактики в области языковой и этнокультурной политики. Данная проблематика была особенно важна для конца 80-х – первой половины 90-х годов XX в., когда, собственно, и проводилось исследование. Во второй и третьей монографиях изучались вопросы, касающиеся роли языка как средства распространения культуры при диахронической (межгенерационной) и синхронной трансляции духовных ценностей, осуществляемой как внутри социума, так и за его пределами. В связи с усилением миграции населения, вызванной экономическими и социально-политическими причинами, приобрело особую значимость изучение роли языка как средства этнической самоидентификации, функционирование этнического языка за пределами метрополии. В число первоочередных проблем вошли и вопросы взаимодействия языков и культур, различные аспекты диалога культур, межэтнических культурно-языковых контактов, взаимодействия типов культур и форм существования языка внутри этноса. В обеих работах большое внимание уделялось изучению культурно-языковой интерференции и, в частности, проблемы заимствований как проявления межкультурных и межъязыковых контактов, их бытования и

inslav

адаптации в воспринимающем языке, последствиях усиленного притока заимствований из генетически неродственных языков (ныне прежде всего англицизмов) для внутриструктурного развития языка-реципиента.

Все эти проблемы играют особенно важную роль в условиях международной культурно-экономической интеграции, создания надгосударственных образований, выбора языка международного общения, распределения коммуникативных функций между международными и автохтонными языками в рамках внутриэтнического языкового пространства и т.п.

Проблематика четвертой монографии – "Глобализация и этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы" – предлагаемой вниманию читателя, продолжает тематику предшествующих проектов целевой программы. Вместе с тем она отражает и специфику современного состояния мирового сообщества, тенденции его развития. Уже в предисловии к предыдущей монографии "Встречи этнических культур в зеркале языка" мы отмечали факт изменения сущности современных интеграционных процессов, их перехода в новую фазу.

Авторы данной работы вполне отдают себе отчет в сложности и дискуссионности рассматриваемой проблематики. При проведении исследования мы исходили из тезиса об извечном диалектическом противоречии, противоборстве тенденций интеграции и дифференциации, которое по-разному проявляется на тех или иных исторических этапах, а также в различных сферах функционирования общества. Учитывались нами и конкретные вопросы, связанные с развитием отдельных этносов, в том числе и полиэтнических общностей, а также универсальные процессы, наблюдаемые в мировом сообществе.

При проведении исследования особое внимание обращалось на динамичность и противоречивость современного развития, наличие в нем как интеграционных, так и дезинтеграционных процессов.

Предметом особого внимания вполне естественно была тенденция глобализации как новая фаза интеграции, являющаяся в своем роде "болевой" точкой в развитии современного европейского и мирового сообщества. Именно здесь в самом ближайшем будущем можно ожидать возникновение острейших этноязыковых и этнокультурных конфликтов.

Как это ни парадоксально, но интегрируемые этносы, "вовлекаемые" в глобализацию (в том числе и ученые этих стран),

inslav

не имеют или же не хотят иметь реального представления о том, как это отразится на их этноязыковом и этнокультурном развитии. Между тем, как известно, в ходе форсированной глобализации, а именно так она сейчас протекает, многие языки, включая и те из них, которые имеют длительные, многовековые культурные традиции, существенно сузят спектр своих наиболее репрезентативных функций. Думается, что именно на этом исследовательском поле ученым предстоит решать ответственные и весьма сложные задачи.

Работа над программой проводится на основе двустороннего международного договора о научном сотрудничестве, заключенного между Российской и Чешской академиями наук, конкретно между Институтом славяноведения Российской академии наук и Институтом чешского языка Чешской академии наук АН. Важную роль в работе над программой играет Институт языкознания РАН.

В данной монографии принимают участие 48 ученых из 7 стран, в том числе России, Чехии, Словакии, Германии, Украины, Эстонии, Приднестровья.

Исследования осуществляются при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (гранты № 96-04-06015; № 99-04-00093а; № 02-04-00274а).

Программа входит в исследовательский план Научного Совета при Президиуме РАН по изучению истории мировой культуры, руководство которого оказывает неоценимую помощь в реализации всех этапов программы. Особую благодарность следует высказать в адрес издательства РАН “Наука”, в котором публикуется, причем на высоком полиграфическом уровне, вся серия коллективных монографий по данной международной программе.

Проведенное исследование, как нам представляется, не только полностью подтвердило актуальность выбранной темы. Оно наметило целый блок новых проблем, разработка и решение которых имеет большое значение для языкового и культурного развития, в частности, славянских этносов в условиях активизации и качественного изменения сущности интеграционных процессов в мире и конкретно в Европе. Исследование позволяет по-новому взглянуть на эволюцию этнической самоидентификации славян, их взаимоотношения с другими этносами, населяющими европейский континент. Важным представляется рассмотрение судьбы этнических языков, находящихся в специфических условиях, т.е. в условиях повышенной конкуренции, а также в “экстремальной” ситуации.

Очевидно и то, что миссией ученых является предупреждение крайне опасных политических манипуляций с языком. В этой

inslav

связи не может не вызывать тревоги то, что в определенных кругах научной интеллигенции, в том числе и среди славистов, иногда приходится слышать мнение о том, что патриотизм в настоящее время уже утратил свою актуальность, что целесообразно пойти на сознательное ограничение коммуникативного спектра целого ряда языков. Отсутствует необходимая ясность, как практически будет осуществляться декларируемое равноправие "малых" языков, "культурно-языковая полифония" и какими жертвами может обернуться форсированная экономическая и финансово-политическая интеграция для этнических традиций, этнического самосознания и достоинства интегрируемых народов. Большого внимания заслуживает и изучение противонаправленных сепаратистских тенденций, чрезмерного дробления языкового пространства, автономизации микроязыков и пр.

Исследуемые в монографии вопросы рассматриваются с применением новых подходов и уникального исследовательского материала. В этом ракурсе данная проблематика ранее практически не изучалась, тем более не проводилось ее сопоставительное и интердисциплинарное исследование.

При решении поставленных задач авторский коллектив труда предпринимает попытку хоть в какой-то мере приблизиться к решению важнейшей проблемы: как в условиях всеобщей интеграции обеспечить для всех этносов полноценное современное культурно-цивилизационное развитие, не уничтожая и не нивелируя их этнические корни. Важной является также проблема сохранения существующего культурного разнообразия человечества, созданных многочисленными этносами фондов оригинальных культурных ценностей.

Планы дальнейшей работы авторского коллектива предусматривают написание исследования "Тенденции и закономерности этнокультурных и этноязыковых процессов в условиях глобализации и регионализации современного мира". Кроме того, планируется проведение международной конференции на тему "Актуальные этнокультурные и этноязыковые проблемы современности".

Для успешной реализации намеченных планов важным представляется привлечение к участию в программе ученых из стран балканского региона, где особенно бурно протекают центробежные тенденции, процессы дробления этноязыкового и этнокультурного пространства. Кроме того, большое значение придается привлечению к решению поставленных задач историков, экономистов, социологов, политологов. Это позволит повысить доказательную силу и обоснованность выводов исследования.

inslav

I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ И ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

М.Б. Ешич
(Россия)

"ЕСТЕСТВЕННЫЙ" ЯЗЫК ЛЮДЕЙ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА И ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ: ОБЪЕКТИВНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ЯЗЫКОВО-КУЛЬТУРНОГО (ЭТНИЧЕСКОГО) ПЛЮРАЛИЗМА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

(некоторые тезисы)

1.1. "Естественный" язык людей (особей вида гомо сапиенс) – это та или иная конкретная исторически сформировавшаяся в определенном этническом сообществе своеобразная динамическая система специфических звуковых знаков. Через эту систему знаков *фиксируются, сохраняются, актуализируются и передаются* во внутренней и внешней коммуникации **результаты человеческого мышления и чувствования** (понятия, суждения, представления, восприятия, ощущения, чувства, эмоции), то есть результаты функционирования биологического "информационного аппарата" людских индивидов – мозга, органов чувств и совокупности нервов. Следовательно, любой "естественный" язык – это не просто некая *системная совокупность словесных знаков*, но одновременно и определенная *системная совокупность* ***значений***, то есть совокупность выработанной людьми, живущих в тех или иных сообществах, разнообразной информации об окружающем их мире и о них самих в этом мире, информации, закодированной и запечатленной в языковых знаках.

1.2. "Естественный" язык не мог бы сформироваться и функционировать как *целостная знаковая система*, если бы не было долговременной, из поколения в поколение совместной жизни определенных групп людских индивидов. Для обеспечения своего

inslav

существования людям необходимо иметь разнообразную информацию об окружающем мире. Эту информацию вырабатывает каждый людской индивид в течение всей своей жизни, формируя, таким образом, свой индивидуальный жизненный опыт. При совместном обеспечении жизни в коллективах всегда формируется определенная *системная совокупность информации*, необходимой и значимой не только для отдельного индивида, но и для жизни всех индивидов данного коллектива и самого коллектива как такового. Это происходит в процессе повседневного общения совместно живущих индивидов и их взаимообмена опытом и знаниями. Для фиксирования коллективно значимой информации и ее передачи от индивида к индивиду, из поколения в поколение внутри коллектива, стихийно формировалась система звуковых знаков, понятных всем индивидам данного коллектива. Каждый индивид, член данного коллектива, осваивает эту систему знаков ("родной язык") путем обучения со дня своего рождения. "Естественный" язык людей – это всегда язык какого-то этноса (определенного, исторически сложившегося множества людских индивидов, ведущих из поколения в поколение совместную жизнь). Абсолютно неэтнических (не имеющих этнических корней и этнических функций) "естественных" языков история человечества не знает.

1.3. Основным элементом "естественного" языка как знаковой системы являются слова. Слова представляют собой своеобразно сформированные в каждом "естественном" языке комплексы звуков, создаваемые человеческим речевым аппаратом и воспринимаемые во всех нюансах произношения человеческим слуховым аппаратом. Слова являются средством фиксации результатов человеческого мышления и чувствования, то есть это фиксация вырабатываемого в человеческом информационном аппарате (мозге и совокупности нервов) представления об объектах окружающего мира, их свойствах, взаимодействиях, динамики, значимости в жизни людей, а также разнообразной информации о самих людях и их жизни. Для формирования звуков и слов как определенных звуковых комплексов было необходимо, чтобы у индивидов вида гомо сапиенс в ходе их видовой биогенетической эволюции сформировались три функционально взаимосвязанных биологических "аппарата":

– аппарат человеческого мышления и чувствования ("информационный аппарат" – мозг и система нервов, органы чувств), создающий нужную людским индивидам разнообразную информацию об окружающем их мире и о них самих в этом мире;

inslav

– речевой аппарат, производящий и модулирующий звуки и комбинации звуков, служащих материальной оболочкой для "упаковки" (фиксации) информации, вырабатываемой людскими индивидами;
– слуховой аппарат, способный воспринимать произносимые человеком звуки любой модуляции и комбинации.

1.4. Основы всех трех "биологических аппаратов" были в какой-то мере, несомненно, заложены еще в анатомии предков вида гомо сапиенс. Но оформлялись они в ходе первоначальных этапов видовой эволюции особей вида гомо сапиенс, приобретая все известные теперь видовые атрибуты. Биологическая "аппаратура", вырабатывающая необходимую людским индивидам информацию, и биологические речевая и слуховая "аппаратуры", создающие и воспринимающие словесные знаки, формировались одновременно, подталкивая друг друга в совместном развитии и совершенствовании. Из поколения в поколение они передавались путем биологического наследования в более или же менее усовершенствованном виде. Однако всегда, когда этому сопутствует нормальное индивидуальное развитие, это приводит к общевидовой генетической эволюции. Поэтому каждый нормальный людской индивид способен вырабатывать все основные разновидности человеческой (видовой) информации, способен овладеть и уметь пользоваться знаковыми системами любого существовавшего или существующего "естественного" языка. Именно поэтому людские "естественные" языки, и те, которые когда-то были "живыми" языками уже исчезнувших этносов, и те, которые являются языками ныне существующих этносов, несмотря на все их отличия, в принципе переводимы друг на друга.

1.5. Популяция вида гомо сапиенс, возникшего из древних гомонидов, изначально была раздроблена на множество организованных для долговременной жизни групп индивидов (первобытные этносоциальные сообщества, ***праэтносы***). В изолированных, территориально удаленных друг от друга группах первобытных людей формировались свои особые звуки-знаки и их сочетания для сигнализации об опасности и других важных событиях и обстоятельствах. Это способствовало развитию голосового (в дальнейшем речевого) и слухового аппаратов, для выработки биологических механизмов соединения знака и значения (информации). На основе проведенных исследований, в том числе и исследования звуков, произносимых детьми в возрасте от четырех до десяти месяцев, можно прийти к выводу о том, что сформированная биогенетическая речевая аппаратура особей вида гомо сапиенс позво-

inslav

ляет им произносить до 80 различных звуков, которые могут войти в фонетическую систему того или иного "естественного" языка. Впрочем, в силу ряда обстоятельств и причин при формировании лексем естественных языков были использованы не все потенциально возможные звуки, а лишь некоторые из них. Кроме того, в различных языках отбор звукового материала, необходимого для формирования лексем, а тем самым и фонетической системы языка, в различных людских коллективах отличался. Создание тех или иных "цепочек звуков", т.е. словесных знаков для обозначения результатов мышления и чувствования, у первобытных людей происходило отчасти и на основе того звукового материала, который имелся у предшественников, т.е. у гомонидов, из которых формировался вид гомо сапиенс в различных регионах Земного шара. Кроме того, каждый стихийно формировавшийся "естественный" язык имеет не только свою особую лексику, специфику фонетической системы, но и свою систему форм и правил существования и употребления языковых знаков. Изначальная раздробленность популяции вида гомо сапиенс на отдельные, зачастую не контактирующие между собой коллективы, обусловила специфику формирования первобытных людских языковых систем – ***естественных праязыков***, на основе которых происходило дальнейшее развитие языков в возникающих людских коллективах, ведущих совместный образ жизни, а также в формирующихся новых этнических общностях в различных регионах Земного шара. С течением времени происходило численное увеличение людских коллективов. Разделяясь и мигрируя, они образовывали новые родственные коллективы, проживающие самостоятельно и далеко не всегда контактирующие друг с другом. В этих процессах, длившихся тысячи лет, происходило развитие языков данных коллективов на первобытной праязыковой основе. Формировались группы древних родственных естественных этнических языков, которые в дальнейшем в процессах этнической дивергенции, этнической миксации, конвергенции и других этносоциальных и этнокультурных процессов разветвлялись на большие языковые группы с той или иной праязыковой основой. В современном мире, согласно различным подсчетам, существует от трех до пяти, или даже семи тысяч языков. Численность носителей каждого из этих языков разная: от нескольких десятков или сотен особей, до десятков и сотен миллионов. Плюрализм людских социумов, плюрализм этносов и их культур, языковый плюрализм – присутствует на протяжении всей истории человечества. Присутствует он и сегодня – в начале XXI столетия.

inslav

Процессы экономической, политической и культурной интеграции, происходящие в наше время на уровнях государств, регионов и всего мира, естественно, затрагивают и процессы развития существующих ныне "естественных" языков. Сказываются они и на языковой ситуации в традиционных и вновь формирующихся современных человеческих коллективах. Не малую роль в происходящих языковых процессах в отдельных странах, регионах и мире играют внелингвистические факторы, в том числе реализуемая языковая политика в существующих государствах. Многочисленные факты показывают, что государственная языковая политика во многих странах ведется с целью реализации тех или иных сиюминутных, чаще всего политических интересов. Во многих случаях языковая политика формируется и реализуется без глубокого научного изучения реальных языковых процессов, без учета фундаментальных проблем, структур и функций естественных языков как знаковых систем. Не учитывается в должной мере роль естественных языков в истории и истории этнической культуры, не принимается во внимание их значение для дальнейшего культурного развития тех или иных народов и человечества в целом.

ОБЩЕЯЗЫКОВАЯ СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ "ЕСТЕСТВЕННОГО" ЯЗЫКА, ФУНКЦИИ ЯЗЫКА КАК СИСТЕМЫ ЗНАКОВ

2.1. "Естественный" язык людей как **особая знаковая система**, возникшая в ходе исторической динамики вида гомо сапиенс как средство фиксации вырабатываемой информации и средство коммуникации индивидов любого конкретного этноса (к какому бы историческому типу этнического сообщества он ни относился), всегда состоит из четырех основных (системообразующих) подсистем:

А. *Системы звуков* (фонетическая система – некоторое количество выработанных в ходе совместной жизни людей специфических, разнообразных звуков, являющихся привычными для некоторого множества индивидов; из этого набора звуков в каждом "естественном" языке образуются словесные знаки).

Б. *Системы слов* (упорядоченный словарный фонд – лексическая система).

В. *Системы словесных форм* (лексико-морфологическая система).

Г. *Системы словесных значений* (лексико-семантическая система).

inslav

2.2. Функции конкретного "естественного" этнического языка: любой "естественный" этнический язык, будучи особой знаковой системой вида гомо сапиенс, имеет две основные функции:

– функцию средства **фиксации информации**, создаваемой в биологическом "информационном аппарате" (мозге и нервной системе в целом) людских индивидов;

– функцию средства **коммуникации** людских индивидов и обмена информации между ними.

Эти две фундаментальные функции всех без исключения "естественных" этнических языков как знаковых систем осуществляются на двух уровнях – ***индивидуальном*** и ***коллективном***.

Таким образом, на каждом из уровней имеется определенный комплекс языковых функций.

А. На ***индивидуальном уровне*** в комплекс языковых функций входят:

1) **номинационно-сигнификативная функция** – функция запечатления в определенных звуковых знаках тех или иных результатов человеческого мышления и чувствования, их обособления в общем потоке информации, создаваемой в "информационном аппарате" людских индивидов для того, чтобы их можно было по отдельности запомнить, сохранить в памяти и в случае надобности актуализировать или сообщить другим индивидам;

2) **когнитивная функция**, проявляющаяся, с одной стороны, в ходе реализации познавательного процесса и мыслительных процедур – анализа, синтеза, компарации, абстрагирования и других, *как их составная часть*, а с другой – в процессе накопления в живой памяти людей и уточнения выработанной информации, ее упорядочения и систематизации;

3) **экспрессивно-эмоциональная функция** – функция выражения внутренних психических состояний людских индивидов, их ощущений, чувств, эмоций в разнообразных жизненных ситуациях и повседневных контактах с окружающим миром, в процессах общения с другими индивидами, когда эта функция может приобретать и характер психического воздействия индивидов друг на друга;

4) **информационно-трансляционная функция** – функция медиатора в непосредственном общении *индивида с индивидом* и передачи выработанной ими информации друг другу;

5) **информационно-консервационная функция** – функция сохранения выработанной информации в живой памяти индивидов при помощи (биофизических и биохимических) механизмов и процедур, характерных для человеческого мозга и нервной сис-

inslav

темы, а также сохранения информации в "объективированном" виде, то есть вынесенной за пределы живой памяти при помощи зрительно воспринимаемой графической или аудиозаписи.

Б. На ***коллективном уровне*** в комплекс языковых функций входят:

1) **общеколлективная коммуникативная** функция языка как средства не случайного, "один на один", общения отдельных индивидов, а постоянного повседневного, из поколения в поколение, общения всей совокупности людей, живущих и реализующих свою жизнедеятельность в том или ином микро-, мезо- и макроколлективе;

2) **интеграционно-этнизационная функция** – функция "естественного" языка как одного из факторов *социокультурного* интегрирования людских коллективов и формирования из них тех или иных конкретных этносов, отличающихся друг от друга, наряду с другими этническими характеристиками, и своим специфическим этническим "естественным" языком.

3) **этноидентификационная функция** – это функция "естественного" языка как важнейшего элемента и показателя этничности и конкретной этнической принадлежности как индивидов, так и этнических сообществ.

СЛОВЕСНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, ИЛИ СИСТЕМА ЗНАЧЕНИЙ "ЕСТЕСТВЕННОГО" ЯЗЫКА И ЕЕ РАЗНОВИДНОСТИ

3.1. **Словесно-семантическая система, или система значений** "естественного" языка является одной из трех его основных (системообразуюших) подсистем.

Каждый "естественный" язык возникает, формируется как *система знаков*, фиксирующая и кодирующая при помощи звуков и их комбинаций (слов, словосочетаний и др.) определенную *систему значений*, то есть разнообразную информацию, вырабатываемую человеческим биологическим "информационным аппаратом". Такая информация, запечатленная и закодированная в знаках и их разнообразных комбинациях, сохраняется в центрах памяти мозга и нервной системы, актуализируясь при определенных обстоятельствах. *Актуализация сохраненной в памяти информации есть возвращение ее в текущие процессы мышления и чувствования либо для опознания уже известных реалий (а, если это необходимо, и для ее уточнения и соответствующего перекодирования), либо для непосредственного использования в*

inslav

какой-то практической деятельности людей и их повседневного общения. В мыслительной процедуре актуализации информации решающая роль принадлежит процессу расшифровки словесного знака, то есть выяснения его значения – **понятийного** и **предметного**.

Понятийное значение языкового знака – это та информация о познаваемом объекте, которая составляет (по терминологии логики) "содержание понятия" и определяет его "объем". В этой закодированной в словесном знаке информации содержатся определенные сведения о качественных, количественных, структурных, функциональных свойствах объекта познания, представленные либо в их совокупности либо в каком-то сочетании, или же, наконец, взятые по отдельности. В содержании понятия могут присутствовать и истинные сведения об объекте и его свойствах, и сведения, приписанные объекту, т.е. которыми он в реальности не обладает и даже вообще не может обладать. Декодирование языкового знака есть акт уяснения содержания понятия, а это и есть акт понимания словесного знака. В повседневном общении людей и при чтении письменных текстов акт понимания проходит сложно и обусловливается целым рядом лингвистических, социокультурных, психологических и других конкретных обстоятельств.

Предметное значение языкового знака – это не понятие об объекте, а сам объект познания, который обозначен данным словесным знаком *через понятие* о нем. Установление предметного значения знака – это выявление на основе информации, содержащейся в понятии, обозначенном данным знаком, к какому объекту этот знак относится. Или, наоборот, какое понятие (содержание информации) имеется об объекте, обозначенном таким-то знаком. Акт уяснения того, к какому объекту или же к каким его свойствам, его взаимодействиям, относится тот или иной словесный знак, в современной лингвистике и семиотике обозначается термином "денотация", а сам объект термином "денотат". Акт денотации – это не просто выяснение прямой связи между объектом и обозначающим его знаком. Акт денотации, то есть определения того, к какому объекту относится тот или иной языковый знак, осуществляется путем сравнения обозначенного понятия (информации, содержащейся в нем об объекте) с самим объектом и его свойствами, и таким образом, определяется истинность, или либо частичная, либо полная недостоверность самих понятий. Поскольку об одних и тех же объектах людские индивиды вырабатывают часто различные понятия (различную инфор-

inslav

мацию об их свойствах), акт денотации позволяет определять, какое из понятий, имеющихся об объекте, является наиболее верным.

Акт понимания словесного знака и акт денотации словесного знака – это две различные (хотя и часто совершающиеся одновременно) лингво-семиотические и познавательные процедуры.

3.2. Язык как система знаков возник и существует именно для того, чтобы закреплять в материальной оболочке результаты человеческого мышления и чувствования. Иначе говоря, языковые знаки, состоящие из слов и словосочетаний (определенных цепочек звуков), являются элементами человеческого языка только тогда, когда в качестве их значения выступает какой-то результат *человеческого мышления и чувствования*. Без этого значения цепочки звуков, из которых состоят слова любого "естественного" языка, теряют свое качество языкового знака и представляют собой просто цепочки звуков как таковые. С другой стороны, результаты работы человеческого мозга, органов чувств и всей нервной системы могут выполнять свои функции в жизни и жизнедеятельности людских индивидов только будучи закрепленными в языковую (словесную) систему знаков, формирующуюся в людских коллективах в виде *общей* для данного множества индивидов знаковой системы, пользованию которой обучается каждый член коллектива с первых дней своей жизни.

3.3. Система словесных (звуковых) знаков любого конкретного "естественного" языка неотделима от системы значений, от результатов человеческого мышления и чувствования, которые закрепляются при помощи данных знаков. Без словесной знаковой оболочки "естественных" людских языков освоение результатов деятельности человеческого биологического "информационного аппарата" (мозга, органов чувств, нервов) вряд ли было бы возможно. Для того, чтобы эти сведения стали специфической информацией, характерной для вида гомо сапиенс, необходимо, чтобы они были закреплены в виде системы знаков, функционирующих в коллективах особей этого вида в качестве специфической знаковой системы именно данного вида живых существ на Земле. Для того, чтобы индивиды вида гомо сапиенс были способны вырабатывать свою специфическую видовую (человеческую) информацию, был необходим особый человеческий *биологический* аппарат (мозг и прочее), вырабатывающий такую информацию. Этот аппарат формировался в ходе эволюции вида, длившейся сотни тысяч лет. Для создания системы зна-

inslav

ков человеческого "естественного" языка, была необходима такая же длительная эволюция *биологических* речевых и слуховых органов, создающих, моделирующих и воспринимающих словесно-звуковые знаки, из которых состоят "естественные" языки людей.

3.4. Семантика любого "естественного" языка формируется и так или иначе изменяется в людских коллективах на протяжении всего времени существования этноса, т.е. этноса, который является носителем данного языка и в среде которого этот язык функционирует. Невзирая на все исторические преобразования в жизни конкретного этноса и его языка, *системная структура* языковой семантики сохраняется. В структуру семантики (системы значения) любого "естественного" этнического языка входят следующие подсистемы: система лексических значений; система грамматических значений; система логико-смыслового значения.

3.5. **Лексическое значение словесных знаков** (слов и словосочетаний) образуется в каждом языке в процессах *номинационного соединения* слов и словосочетаний с теми или иными результатами человеческого мышления и чувствования, то есть в актах наименования при помощи определенного словесного знака какой-то выработанной информации о чем-то. Лексическое значение словесных знаков – это всегда некая (абстрактно-логическая) информация, закодированная в данном словесном знаке (слове и сочетании слов). Словесный знак может быть *однозначным*, если в нем закодирован только какой-то один из результатов человеческого мышления и чувствования (понятие или представление о предмете познания). Впрочем, в большинстве случаев словесные знаки являются средством кодирования нескольких результатов человеческого мышления и чувствования, и тогда они функционируют как *многозначные слова и словосочетания*. Во всей совокупности лексики конкретного этнического языка закодирован жизненный опыт этноса, накапливаемый столетиями в ходе его существования. Этнос может исчезнуть с лица Земли, но если сохранилась лексика его языка и возможность декодирования значения ее лексем, то многовековой жизненный опыт данного этноса остается в составе мировой культуры как ценное наследие.

3.6. **Грамматическое значение языковых знаков (грамматическая система значений)** образуется на основе лексического значения слов и представляет собой кодирование определенных результатов человеческого мышления и чувствования при помощи

inslav

грамматических форм "естественного" языка – фонем, морфем, различных словосочетаний, разнообразных по конструкции предложений (высказываний). Грамматические формы, имеющие в каждом "естественном" языке свои особенности, позволяют кодировать информацию не только о статических состояниях объектов, но и об их динамических состояниях и взаимоотношениях с другими объектами. В этой информации может быть отражено знание о том, что было, что происходит в настоящее время или что произойдет в будущем, отражает она и время, и место события. Благодаря грамматическим формам "естественный" язык имеет возможность фиксировать огромную по количеству и разнообразию информацию, которую лексика как таковая не может отразить. Грамматические формы сделали "естественный" язык такой всеобъемлющей системой знаков, какой не является ни одна другая знаковая система.

3.7. **Логико-смысловое значение языковых знаков (система логико-смысловых значений)** образуется в результате выработки логико-абстрактной (понятийной) информации и ее соединения со словесными знаками. Логико-смысловое значение языкового знака – это то его *понятийное* значение, которое во всех логико-мыслительных процедурах (суждениях, умозаключениях, анализах, сравнениях и пр.) по поводу того или иного объекта познания, фигурирует в неизменном (константном) виде как по содержанию, так и по объему. В *таком же виде* оно соотносится с объектом познания, т.е. участвует в акте денотации. Следовательно, для использования языковых словесных знаков в логических процедурах мыслительных процессов эти знаки должны быть обязательно **однозначными.** В любых естественных языках существуют номинационные знаки, не являющиеся однозначными, т.е. существуют семиотические ситуации, когда одним и тем же знаком обозначаются различные понятия об одном и том же предмете познания или когда каким-то общепринятым термином обозначаются (через те или иные понятия) различные объекты познания. Применение таких неоднозначных языковых знаков в процедурах логико-мыслительной активности приводит к нарушениям закономерностей логического мышления, к серьезным ошибкам в процессе познания.

inslav

О ПРОЦЕДУРАХ СОЕДИНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ И ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ В ПРОЦЕССЕ МЫШЛЕНИЯ

4.1. Одним из сложнейших теоретических вопросов языкознания (равно как и ряда других научных дисциплин, например, семиотики, информатики, психологии, физиологии мозга, педагогики, а также философии) является вопрос о способах, механизмах, процедурах *соединения результатов человеческого мышления*, т.е. выработанной информации в виде понятий, представлений, восприятий и др., и *словесных знаков* "естественного" языка в ходе процессов мышления и интериндивидуального общения людей.

4.2. Нет сомнения, что *первоначальной* и *основной* **процедурой** соединения словесного знака и результатов человеческого мышления и чувствования (то есть вырабатываемой разнообразной информации) является **номинация – закрепление** определенного словесного (звукового) знака в качестве **имени** какого-то результата человеческого мышления и чувствования (понятия, представления и пр.). Без *акта номинации*, т.е. без создания словесных наименований для понятий и представлений, ощущений и чувств и пр., возникших в человеческом познавательном аппарате, был бы невозможен человеческий мыслительный процесс как таковой. Без акта номинации не было бы и словарного фонда естественных языков. Соответственно без словарного фонда, без лексики не может сформироваться ни один "естественный язык" людских индивидов и их сообществ, то есть не было бы человеческого языка как такового.

4.3. Второй важнейшей процедурой соединения словесного знака и результатов мышления и чувствования конкретного людского индивида является **ассоциативная актуализация информации, сохраненной в живой памяти (в мозгу и его центрах).**

Объективная необходимость в такой актуализации информации, уже имеющейся в живой памяти индивида, возникает, по меньшей мере, в следующих случаях:

в случае какого-то непосредственного контакта индивида со знакомым или незнакомым объектом и потребностью его идентификации, определения своего отношения к нему, так же как и выбора типа и способа взаимодействия с ним;

в случае, когда индивид слышит произносимые другими индивидами те или иные слова, являющиеся именами понятий и других результатов человеческого мышления и чувствования, у

inslav

него возникает необходимость понять сказанное другим индивидом;

в случае, когда индивид знакомится с "объективированной" информацией (вынесенной за пределы живой памяти в виде текстов графической или аудиозаписи), то есть когда он читает книги, газеты, любые письменные тексты или слушает радио или какой либо текст в фонозаписи;

в случае, когда индивид сам произносит вслух или мысленно слово-имя понятия о каком-то объекте и тем самым вводит в контекст своих размышлений или своих высказываний ту или иную информацию об объектах, событиях, процессах и других реалиях, содержащуюся в понятиях, "упакованных" в соответствующих знаках, он отправляет их в биологический аппарат своей собственной индивидуальной памяти.

4.4. Третьей важнейшей процедурой, в ходе которой происходит соединение знака и значения в процессах мышления и чувствования людского индивида – это **процедура трансляции, трансформации и перекодирования** информации в ходе процесса ее формирования и закрепления в словесных знаках в человеческом мозгу. Многочисленными научными исследованиями доказано, что первичные данные, необходимые для формирования информации в человеческом мозгу (в соответствующих его центрах), биоинформационный аппарат как таковой получает от рецепторов в органах чувств (зрения, слуха, обоняния и др.), принимающих импульсы разнообразных колебаний элементарных частиц, атомов, молекул при контактах индивида с объектами внешнего мира. От рецепторов эти импульсы передаются (транслируются) через определенные каналы связи, состоящие из специализированных нервных клеток, в мозг. Сам процесс этой трансляции от рецепторов до мозга очень сложен, он проходит через поэтапные процедуры анализа, синтеза, кодировки и перекодировки благодаря определенным, еще пока полностью не изученным биоэлектрическим и биохимическим процессам. На всем этом пути трансляции отмечаются разнообразные формы соединения знака и информации, подготавливающие окончательный акт соединения человеческого **словесного знака** с видовой **человеческой информацией**, т.е. соединение словесного знака и результатов мышления и чувствования конкретного людского индивида. Следовательно, сам по себе процесс транслирования первичного возбуждения рецептора, произошедшего в результате некоего воздействия на него, одновременно является и процессом выработки информации, и процессом ее неоднократных кодировок и пере-

inslav

кодировок на пути до соответствующего мозгового центра. В мозговом центре оба неразрывно связанных процесса получают свое завершение в виде сформированной (видовой человеческой) информации о чем-то и окончательном закреплении этой информации в форме словесного знака некоего конкретного "естественного" языка. Когнитивный и семиотический процессы в человеческом познавательном аппарате (мозге и совокупности нервов) осуществляются только в неразрывном единстве.

4.5. Любой "естественный" этнический язык формируется, функционирует и развивается не просто как какая-то беспорядочно-произвольная совокупность слов, словосочетаний и словоупотреблений, а как определенным образом **упорядоченная функциональная** система. "Естественный" этнический язык как система знаков, используемая для фиксации информации (результатов человеческого мышления и чувствования) и осуществления повседневной коммуникации между людскими индивидами, представляет собой, кроме системной совокупности языковых знаков, еще и *системную совокупность форм, правил и норм* их употребления во всех процессах лингвистической активности. Эти формы, правила и нормы, так же, как и сами языковые знаки, *формируются стихийно* в процессе повседневной жизнедеятельности людей, в процессе выработки необходимой для них информации, а также запечатления ее в знаки, в процессе повседневной коммуникации между индивидами. Упорядоченность системы знаков и их употребления в языковой активности людей возникла в силу объективной необходимости обеспечения эффективного функционирования этнического языка в том коллективе людей, который его создал и который им пользуется. Для этого необходимо, чтобы вводимые в употребление знаки были понятны для всех, и чтобы их употребление происходило по некоторым общим для всех правилам. Только при этих условиях возможна знаковая фиксация коллективной (общей для данного этноса) значимой информации, а также результативная коммуникация людских индивидов в коллективе.

Системы форм и правил употребления языковых знаков стихийно *самообразуются* в каждом этническом языке, они не одинаковы во всех естественных языках. В каждом первобытном коллективе особей вида гомо сапиенс изначально (очевидно, частично и на их досапиентной стадии) формировалась некая совокупность звуков, которая в дальнейшем стала исходным знаковым материалом ("кирпичиками") для построения словесных знаков. Имеется немало оснований думать, что у гомонидов, прямых

inslav

предшественников вида гомо сапиенс, уже имелась и функционировала достаточно обширная система разнообразных звуков, используемых в качестве знаков, выражающих настроение (раздраженность, угроза, удовлетворенность), сигнализирующих опасность и пр. Это способствовало развитию голосового (у человека речевого) и слухового аппаратов, выработке биологических механизмов соединения знака и значения (информации). Создание тех или иных "цепочек звуков", т.е. словесных знаков для обозначения результатов мышления и чувствования у первобытных людей происходило отчасти и на основе того звукового материала, который уже имелся у предшественников и который в каждом первобытном коллективе людских индивидов использовался по-своему. Именно поэтому каждый стихийно сформировавшийся "естественный" язык имеет не только свою особую лексику, но и свою систему форм и правил существования и употребления языковых знаков. Эти системы по типологическому сходству разделяются на несколько категорий. Современное языкознание различает языковые системы *агглютинативные* и *флективные, аналитические* и *синтетические, инкорпорирующие* и *изолирующие.*

4.6. Сформированные языковые знаки и формы их употребления передаются из поколения в поколение путем обучения, т.е. путем *социокультурного наследования.* В течение многих тысячелетий, вплоть до изобретения людьми письменности, языковое наследие передавалось из поколения в поколение путем устной (разговорной) языковой практики ("живой речи"). В повседневной коллективной языковой практике сформированные языковые знаки (общепонятные для данного коллектива), а также формы и правила их употребления не представляют собой некие неизменные окаменелости. В жизни люди (их коллективы) по объективной необходимости постоянно расширяют круг своих знаний об окружающей действительности, уточняют и углубляют выработанные знания (информацию), аннулируют некоторые из результатов познавательно-информационной активности как недостоверные. У людских индивидов, находящихся в течение жизни в ежедневно и ежечасно меняющихся обстоятельствах, постоянно меняются и чувства, и эмоции, и виды мироощущения. Все это для необходимой знаковой фиксации требует, с одной стороны, увеличения арсенала языковых знаков, обогащения лексики или же изменения значения отдельных слов и терминов, а с другой стороны, усовершенствования существующих форм и правил их употребления. Поэтому сама упорядоченность

inslav

системы "живого" "естественного" этнического языка, **никогда не была и не может быть** жесткой и неизменной. Упорядоченность системы любого "естественного" этнического языка всегда динамична (изменчива во времени) и относительна (лабильна, ограничена в пространстве). Любой этнический язык, пока существуют его носители, которые им пользуются, имеет свою историческую динамику. *Остановка этой динамики и абсолютная регуляция "живого" языка в принципе невозможна.*

"ЕСТЕСТВЕННЫЙ" ЭТНИЧЕСКИЙ ЯЗЫК – ЭТНИЧНОСТЬ – ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

5.1. Видовой особенностью особей вида гомо сапиенс является их обязательная совместная жизнь в разнообразных коллективах от микро- до мегауровня. Языки как определенные знаковые системы формируются именно в людских коллективах. В составе коллектива те или иные цепочки звуков, фиксирующие результаты индивидуального мышления и чувствования, становятся понятными для всех его членов как общие знаки элементов мышления и чувствования. В связи с этим следует иметь в виду следующий момент. Людские биологические аппаратуры по выработке информации и ее фиксации имеют свои *биологические механизмы* и биологические способы ("технологии") функционирования на индивидуальном уровне, равно как и *биогенетическое* наследование из поколения в поколение. Результаты человеческого мышления и языковые знаки, в которых они запечатлеваются, переносятся из поколения в поколение путем *обучения в коллективах*, т.е. путем *социально-культурного* наследования. На индивидуальном и коллективном уровне они функционируют как *социальный* (коллективный) феномен посредством множества социальных и социокультурных механизмов и "социокультурных технологий". Впрочем, на индивидуальном уровне биологический фактор всегда функционирует при выработке, хранении, актуализации и передаче информации.

5.2. Социальный характер человеческого мышления и социальный характер "естественного" языка не отменяет биологические факторы их возникновения и функционирования. Без человеческого мозга, человеческих органов чувств и нервов, без человеческих речевых и слуховых органов не было бы ни человеческого мышления и чувствования, ни человеческой речи как таковой. В реальной жизни людских индивидов, их мыслительной и языковой деятельности всегда существует определенная *скоор-*

inslav

динированность действия биогенных и социогенных механизмов. Если эта скоординированность по какой-то причине на индивидуальном биологическом уровне нарушается, происходят дефекты и в мышлении, и в языковой активности.

5.3. Благодаря наличию необходимой скоординированности действия биологических и социально обусловленных механизмов в процессах мышления и запечатления его результатов в словесную оболочку, осуществляется **соединение** информации, выработанной человеческим мозгом и органами чувств, со словесными знаками. Тем самым происходит и **соединение** знака с предметом познания, который принято называть "денотатом" ("предметным значением"). Во многих лингвистических трудах можно встретить утверждение, что словесный знак (как и любой другой знак) является прямым "представителем" некоего другого объекта, вовлеченного в процесс познания, благодаря чему мы через слово прямо узнаем объект, который этим словом обозначен. Это иллюзия. Объект узнается не по словесной этикетке ("представителе"), а по информации, составляющей содержание понятия о данном объекте, т.е. по *значению* знака. Значением знака никогда не бывает непосредственно познаваемый объект, а всегда та или иная информация об объекте, вырабатываемая человеческим мозгом и человеческими органами чувств. Предметное значение знака всегда денотируется (расшифровывается, узнается) через понятийное значение, через понятие об объекте познания.

5.4. В живой познавательной деятельности реальных людских индивидов во взаимоотношении "слово – объект познания", как бы это ни казалось парадоксальным, отсутствует прямая связь. Эта связь устанавливается через вырабатываемую (или уже выработанную) достоверную или недостоверную информацию о познаваемом объекте. Если слово не содержит такую информацию – оно просто "пустой звук" или точнее пустая цепочка звуков, не поддающаяся никакой денотации (определению того, к какому предмету относится и относится ли к чему бы то ни было). Только благодаря наличию определенной *человеческой* информации, обозначенной словесным знаком, в познавательном процессе людских индивидов происходит "денотация" объекта познания (установление "предметного значения" данного знака), т.е. выясняется, к какому объекту тот или иной знак относится. Данная "денотация" всегда происходит в функционирующем реальном познавательном аппарате конкретных живых человеческих индивидов, в конкретных реальных ситуациях, при конкретных реальных физических и психических состояниях

inslav

людских индивидов. Иными словами, денотация (дешифровка того, к какому понятию и к какому объекту относится данный словесный знак) в живой разговорной речи имеет и свои индивидуальные и "ситуационные" измерения и особенности. В повседневной жизни, в непосредственном общении людей, в художественной литературе, в театральном и киноискусстве эти "ситуационные измерения" играют очень большую роль.

5.5. Знаковая система "естественный" язык не является единственной знаковой системой, создаваемой и используемой людьми в их познавательной и прочих видах деятельности, однако это *особо значимая* для людей знаковая система. Огромное преимущество "естественного" языка как определенной системы знаков перед всеми другими знаковыми системами, созданными и используемыми людьми, состоит в том, что она не связана с каким-то ограниченным видом информации, напротив, она способна, причем весьма эффективно и в неограниченном объеме, фиксировать практически все разновидности человеческой информации. Подобная потенциальная возможность изначально заложена в любом сформировавшемся и развивающемся "естественном" этническом языке.

5.6. Следует признать, что существующие ныне и существовавшие в прошлом этносы развивались и продолжают развиваться далеко не в одинаковых природных условиях и в исторически складывающихся для них обстоятельствах. Это явилось причиной неравномерности их развития как определенных множеств индивидов, имеющих определенные этнические (языковые и другие социокультурные) характеристики. Различие природных условий, способов материального обеспечения жизни, темпов изобретения нужных технических средств и технологий для освоения природных ресурсов и благоустройства собственной жизни, специфика взаимоотношений с другими этносами или же их отсутствие – все это сказывается на развитии каждого этноса, обусловливает специфику и темпы его культурного и цивилизационного развития. Совокупность всех этих обстоятельств существенно влияет на объем и структуру создаваемого фонда информации, необходимого для осуществления жизнедеятельности членов этноса из поколения в поколение. Увеличивающееся разнообразие информации, ее количественный рост требовали и стимулировали увеличение фонда словесных знаков (лексики языков) и совершенствование правил их функционирования. В связи с тем, что общее развитие этносов, их знаний об окружающем мире и о самих людях, происходило в неодинако-

inslav

вых условиях и протекало с разной скоростью, этнические языки будучи знаковыми системами также не могли развиваться равномерно. Сказанное касается как богатства лексического фонда, так и функциональных особенностей грамматического строя. Будучи конкретными знаковыми системами этнические "естественные" языки формируются в конкретных этнических сообществах, они имеют свою историческую динамику, *непосредственно* связанную с динамикой образа жизни и с исторической судьбой в целом тех множеств людей, которые они обслуживают.

5.7. Каждый "естественный" этнический язык складывается как своеобразная, характерная для данного этноса общая знаковая система, со своей внутренней организацией и структурой (со своим словарным составом, лексическими и грамматическими значениями). В течение веков он приспосабливается к потребностям развивающихся *этнических* и *общечеловеческих* (общих для особей вида гомо сапиенс) способов и форм мышления, чувствования и знаний. Таким образом, каждый "естественный" язык изначально формируется как сложная динамическая (изменяющаяся) система, обусловленная не только этническими факторами (исторический тип этноса, исторический тип этнической культуры). На нее оказывают влияние и общелингвистические, и специфические *этнолингвистические* закономерности развития, структурирования и функционирования.

5.8. Формирование и развитие любого **этнического** "естественного" языка неразрывно связано с формированием и развитием **культуры** данного этноса. Таким образом, *этнический "естественный" язык* и *информация, создаваемая этническим сообществом* из поколения в поколение, т.е. знания, представления, верования об окружающем мире и самих себе, изначально становятся не только важнейшей частью культуры каждого конкретного этноса, но и важнейшим показателем его своеобразной **этничности**, отличной от этничности других подобных сообществ. **Этничность как реалия** в жизни людей – это набор определенных **специфических социокультурных** характеристик людских индивидов и их сообществ (общий язык, некоторые комплексы культуры, некоторые нормы и традиции поведения и образа жизни, этническое самосознание, общеэтнические символы). Этот набор характеристик особого рода дает возможность на основе реально существующих показателей выявить принадлежность индивидов, а также их групп и сообществ к тому или иному этносу. Иными словами, его учет позволяет осуще-

inslav

ствить этническую идентификацию и самоидентификацию индивидов, определить их этническую принадлежность. "Естественный" язык этноса как "родной язык" определенных множеств индивидов есть важнейший, наиболее существенный признак их этничности.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЭТНОСОВ И ОБЩЕЭТНИЧЕСКИХ СТРУКТУР "ЕСТЕСТВЕННЫХ" ЯЗЫКОВ

6.1. Человечество в целом (то есть, совокупность коллективов и индивидов, составляющих корпус популяции вида гомо сапиенс на Земле), постоянно меняется во времени. Из эпохи в эпоху, из периода в период меняется не только общая численность людской популяции и численность людских коллективов на Земле. Изменяются сами коллективы, их численный состав, их внутренняя стратификация и исторический тип организации. В результате накопления и уточнения информации об окружающем мире и изобретения новых, более совершенных орудий деятельности и технологий изменяются способы обеспечения жизни и жизнедеятельности людей, а тем самим меняется образ и качество их жизни. Все эти процессы, происходящие внутри людских коллективов, в жизни людей, в их знаниях и умениях, в их сознании, оказывают большое влияние на состояние этнических "естественных" языков, на их лексическую систему, на систему грамматических форм и систему значений. Этнические "естественные" языки, так же как и культура этносов в целом, как и сама этничность как таковая, развиваются во времени.

6.2. На базе существующих эмпирических и теоретических исследований можно утверждать, что человечество за весь тот отрезок *астрономического времени*, в котором оно существует как особый вид живых существ на Земле, прошло *три основные исторические эпохи*, имеющие глобальную значимость для его видовой динамики:

– эпоху **первобытности**, длившуюся многие десятки тысяч или даже сотен тысяч лет;

– эпоху **доиндустриального развития**, продолжавшуюся приблизительно около десяти тысяч лет;

– эпоху **индустриального развития**, насчитывающую несколько сотен лет.

В каждую из этих глобальных эпох формировались свои эпохальные ***исторические типы этноса*** и соответствующие этому

inslav

эпохальные ***исторические типы этничности***, в рамках которых как их важнейший компонент формировались и ***исторические типы "естественных" этнических языков***.

6.3. "Естественные" этнические языки как знаковые системы **конкретных этносов** *существовали и развивались* (изменялись во времени и пространстве). При этом они не меняли свою общеязыковую системообразующую структуру, в состав которой входят три основные системообразующие подсистемы: лексическая, лексико-морфологическая и лексикосемантическая. Впрочем, сами эти обязательные структурно-функциональные подсистемы человеческого языка как такового в своем реальном бытии конкретных этнических языков подвержены изменениям, обусловленным в числе прочего эволюцией исторического типа этноса и исторического типа его этничности. В своей эволюции конкретные этнические языки восходят к той конкретной системной знаковой основе, которая сформировалась в эпоху первобытности, т.е. в период существования праязыков. И при последующих сменах исторических типов того или иного конкретного этнического языка его праязыковая основа, так или иначе, сохраняется, что и обусловливает разделение языков на различные группы.

6.4. В ходе эволюции ***каждого конкретного*** "естественного" этнического языка, наряду с постоянно существующей **общеязыковой системной структурой** и в ее рамках, формируется и видоизменяется его конкретно-историческая **общеэтническая структура**. Речь идет о структуре конкретных этнических "естественных" языков, обслуживающих уже не социально и культурно гомогенный первобытный этнос, а новые исторические типы этносов, отличающиеся от праэтносов не только своей численностью, но и наличием в них определенной исторически сложившейся социальной, профессиональной и культурной стратификации. Общеэтническая структура конкретных этнических языков различных исторических эпох и периодов изоморфна социальной и социокультурной структуре конкретных людских коллективов данной исторической эпохи и данного периода.

6.5. *Общеэтническая структура* "естественных" языков **эпохи первобытности**, т.е. периода формирования и первобытного развития этносов как реалии в жизни людей, имела свои исторические особенности. Формирующиеся, развивающиеся и функционирующие в эту эпоху *праязыки* были знаковыми системами, обслуживающими сравнительно малочисленные по составу и социально не дифференцированные группы (множества) людских индивидов. Их общеэтническая структура применительно к

inslav

конкретному историческому периоду фактически совпадала с общеязыковой структурой. В небольших первобытных этносах, в которых *все индивиды* ежедневно общались друг с другом и обменивались мыслями, наблюдениями и переживаниями, еще не могли создаваться групповые варианты языка (диалекты, социолекты). В этих языках закладывались не всегда равномерно (в зависимости от тех или иных параметров), но на принципиально общей системно-знаковой основе все системообразующие подсистемы "естественного" этнического языка: первобытная фонетика, первобытная лексика, первобытные грамматические формы, первобытная семантика слов. Все это происходило в ходе повседневной жизнедеятельности и повседневного общения индивидов первобытных коллективов. Их язык формировался, несомненно, как *общеэтнический разговорный язык*. Иным он не мог быть в этих исторических обстоятельствах. Можно, однако, предположить, что по мере укрупнения первобытных этносов, формирования, кроме родов, и таких этнических сообществ как братства и родственные племена, в общеэтнических разговорных языках начали закладываться основы тех или иных диалектов, что в дальнейшем явилось основой дивергентных тенденций в развитии праязыков, вело к образованию родственных групп этнических языков.

6.6 *Общеэтническая структура* "естественных" этнических языков **доиндустриальной эпохи** (аграрно-руральной и аграрно-урбанной доиндустриальной цивилизации) складывалась и выглядела иначе. В эту эпоху "естественные" этнические языки становились языками численно больших и постоянно так или иначе увеличивающихся человеческих коллективов протогосударственного, а в дальнейшем и государственного типа организации совместной жизни. В разное время, по разным *причинам* и в различных обстоятельствах происходят процессы *этнизации* и *переэтнизации* индивидов, оказавшихся в этих создающихся коллективах, новых по своей социальной структуре и по системе организации и управления совместной жизнедеятельности людей. Многие первобытные этносы исчезли (либо вымерли, либо были истреблены). Переэтнизация индивидов и этнических сообществ, продолжавших свое существование в новых условиях коллективной жизни, происходила в разных местностях в своих конкретных формах (конвергенция этносов, их диссимиляция или же ассимиляция). Тем не менее она всегда осуществлялась на базе первобытной этничности тех этносов, из которых формировались протогосударственные и государственные коллективы.

inslav

В ходе процессов переэтнизации на базе первобытных языков (праязыков) формировались новые этнические "естественные" языки как языки образующихся новых этнических сообществ. В эту эпоху, длившуюся около десяти тысяч лет, происходили:

– изменения "языкового пространства" этнических языков, т.е. увеличение или же уменьшение общей численности носителей того или иного конкретного "естественного" языка и самих пространственных ареалов по сравнению с тем, что было в эпоху существования и функционирования праязыков,

– расширение контактов и взаимодействия языков этносов, оказавшихся в одном и том же протогосударственном и государственном коллективе в течение более или менее продолжительного времени. Это взаимодействие могло носить характер: а) инкорпорирования отдельных элементов другого языка (какой-то части лексики, грамматических форм, значений) при сохранении праязыковой основы и своего системного этнического своеобразия; б) синтеза двух или более языков, их преобразования в новый этнический язык на одной из праязыковых основ, или же на синтезе праязыковых основ.

– разделение того или иного общеэтнического языка на несколько родственных этнических языков, когда этносы распадались, а отдельные их части либо создавали свое государство, либо попадали в состав какого-то другого государства и тем самым сужали, а то и совсем прерывали связь друг с другом;

– внутренняя социокультурная и этно-социокультурная стратификация "естественных" этнических языков на диалекты, социолекты, профессиональные жаргоны, а с изобретением письменности – на литературный и разговорный язык;

– разделение этнических языков мира на языки письменные и бесписьменные;

– разделение этнических языков внутри полиэтнических государств на официальные и "простонародные".

6.7. *Общеэтническая структура* "естественных" этнических языков **эпохи индустриального развития**, которая длится в течение последних нескольких сотен лет, подвергается на всех языковых пространствах существенным и ускоренным изменениям. Это обусловлено множеством причин.

Индустриальное развитие стран повлекло за собой крупнейшие изменения в индивидуальной, социальной и семейной жизни людей. Оно явилось причиной усиленной дезаграризации и урбанизации населения, вызвало массовую миграцию населения

inslav

как внутри отдельных стран, так и из одной страны в другие. Это, в свою очередь, существенно изменило общекультурную ситуацию в странах, изменило условия общения между людьми, переструктурировало языковое пространство и создало по сравнению с предыдущей эпохой новую, гораздо более динамичную языковую ситуацию в отдельных странах и в мире в целом.

Процессы перехода от доиндустриальных форм хозяйствования и образа жизни в современном мире протекают весьма неравномерно, асинхронно и асимметрично. На рубеже XX и XXI веков мир оказался разделенным на высокоразвитые индустриальные страны с высокой степени урбанизации (50–85% городского населения), на аграрно-промышленные страны разной степени индустрализации и урбанизации (городское население 10–50%), и на аграрные страны (городское население ниже 10%), только вступившие или еще не вступившие на путь индустриального развития. Не следует упускать при этом из виду тот факт, что степень урбанизации населения в той или иной стране в целом может не совпадать со степенью урбанизации каждого из этносов, населяющих ее территорию. Процессы индустриализации и урбанизации, т.е. модернизации жизни и жизнедеятельности людских индивидов и их коллективов, во все более широких масштабах охватывают страны и регионы мира, которые еще недавно были аграрными, а их население жило по вековым традициям сельского образа жизни. В условиях индустриальной эпохи происходит существенное изменение этносов во всех отношениях (численность, место жительства основного состава демографического корпуса, тип поселения и тип жилища, связи и способы общения, типы трудовых коллективов и т.д.). Все эти изменения происходят все более ускоренным темпом, причем в последнее время это отмечается в течение жизни одного поколения. На месте этнической культуры, с преобладанием ее *сельского* варианта, образуется новая *городская культура* этносов, в которой, с одной стороны, неизбежно перестают функционировать многие элементы традиционной культуры сельских жителей, а с другой, в развивающейся городской культуре наблюдается своеобразное сочетание элементов и того и другого сегмента культуры. В зависимости от того, в каких конкретных обстоятельствах происходит индустриализация и урбанизация в отдельных странах, от положения, в котором находится та или иная страна в мировой системе государств, а также от того, каково положение самих этносов в отдельных странах – от всего этого зависит складывание языковой ситуации и протекание современных языковых процессов.

inslav

Таким образом, процессы современного развития культуры ныне существующих этносов и развития "естественных" этнических языков определяются множеством факторов: социально-экономическими, политическими, демографическими, социокультурными и чисто лингвистическими. В каждой стране действие этих факторов сочетается по-разному, образуя специфический комплекс проблем, для решения которых требуются комплексные исследования всей совокупности обстоятельств и возникших вопросов. Усиливающиеся ныне как на региональном, так и на глобальном уровнях процессы интеграции, происходят под эгидой правящих кругов наиболее промышленно развитых стран и современной мировой олигархии, которые стремятся, прежде всего обеспечить собственные интересы. Это приводит, помимо прочего, не только к возникновению целого ряда новых этнокультурных и лингвокультурных проблем, но и к обострению еще не решенных проблем старых.

Стремительное развитие средств массовой информации и коммуникации, так же, как и рост коммерческого экспорта и коммерческого монополизма в культурной сфере накладывает свой отпечаток на современную культурную жизнь стран и народов. Все это, включая и массовую миграцию людей из страны в страну, создает множество противоречивых культурных и языковых ситуаций в отдельных государствах, в интегрирующихся регионах (например, в Европейском Союзе), наконец в человечестве в целом.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ПРОЦЕССАХ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ

7.1. В современном мире существует несколько тысяч этносов (по разным подсчетам от 3 до 5, а то и 7 тысяч). Примерно столько же имеется языков, которыми существующие этносы пользуются как своими "родными" языками. Современные "естественные" этнические языки обслуживают этносы, отличающиеся друг от друга по численности (от несколько сот человек до нескольких сотен миллионов), по историческому типу (исторические типы этносов эпохи первобытности, разнообразные типы этносов доиндустриальной эпохи, исторические типы этносов индустриальной эпохи), по уровню цивилизационно-культурного развития. Следовательно, современная ***этноязыковая ситуация*** в мировом масштабе представляет собой крайне сложную моза-

inslav

ику различных (по своему историческому типу и своей общеэтнической структуре) "естественных" этнических языков. В этой мировой языковой мозаике представлен и новый ***исторический тип языка эпохи индустриализма*** и ***индустриального урбанизма***, уже сформировавшийся у многих этносов или же находящийся в фазе формирования у этносов, находящихся в ситуации перехода от доиндустриальной к индустриальной цивилизации.

7.2. Все этносы современного мира обитают ныне на территории примерно двухсот государств Земного шара. Это означает, что **мировая полиэтничность** популяции человечества, изначально сложившаяся в результате этнизации первобытных людских коллективов и в исторически измененном виде существующая и в наше время, приобрела еще и форму **внутригосударственной полиэтничности** населения, которая отмечается практически во всех современных государствах мира. По статистике, в начале XXI столетия из более шести миллиардов людей, населяющих Землю, 99% проживают на территориях полиэтнических государств. Следовательно, практически во всех государствах нашего времени существует *полиэтническая языковая ситуация*, являющаяся составной частью *полиэтнической культурной ситуации*. Соответственно имеются и *этноязыковые* проблемы, являющиеся составной частью совокупных *культурных и этнокультурных проблем* в жизни населения. Во всех государствах реализуется определенная культурная политика и связанная с ней языковая политика.

Во многих современных полиэтнических государствах в ранг государственного языка официально, юридически возведен один из этнических языков. В некоторых странах ранг государственных языков получили два или больше этнических языков. Остальные этнические языки, таким образом, низведены в ранг негосударственных, т.е. языков, которые в официальной жизни страны не могут выполнять ряд важных функций. Разделение языков в полиэтническом государстве на государственные и негосударственные приводит к осложнению языковой ситуации во многих странах и возникновению дополнительных проблем в их политической жизни, в сфере культуры и в межэтнических отношениях. Такое разделение языков не без основания рассматривается как ущемление прав других этносов и нарушение их языкового суверенитета.

7.2. "Естественные" этнические языки являются неотъемлемым и важнейшим компонентом культуры любого этноса, а тем самым и его этничности, компонентом, в котором зафиксирован

inslav

очень важный для жизни людей фонд информации, накапливаемый каждым этносом веками. Сохранение этого фонда имеет первостепенное значение не только для культурного развития каждого отдельного конкретного народа, но и для состояния культуры и культурного развития человечества в целом, включая и современное человечество.

7.3. На основе огромных достижений в области науки и техники в XX веке возникла объективная возможность начала нового витка модернизации общественной жизни и связанного с этим процесса все более масштабной интеграции. Эти процессы стали фактически необратимыми уже в истекшем столетии и, несомненно, будут продолжаться с еще большой интенсивностью и во все расширяющихся масштабах. В наступившем XXI веке уже создано довольно большое число крупных межгосударственных, надгосударственных и трансэтнических функциональных систем в экономической, политической, культурной и других сферах. В современных интеграционных процессах возникают многие новые, а нередко и актуализируются некоторые прежние этнокультурные и этноязыковые проблемы. Сказанное проявляется не только в отдельных странах, но и в региональных и глобальных масштабах.

Современный образ жизни людей в городах современной индустриальной урбанизации коренным образом меняет не только традиционные бытовые условия, но и семейные отношения, способы общения и поведения, меняются и регулирующие данный процесс механизмы, причем не только на общественном, но и на индивидуальном уровне, на уровне индивидуального сознания. Индустриальное общество по объективной необходимости создает новый исторический тип системы культуры в человеческих коллективах, создает оно и многие новые нормы общения и поведения, иные, чем раньше, формы и способы воспитания подрастающих поколений.

Все это, естественно, сказывается на жизни всех этносов, населяющих Земной шар, каким бы ни был уровень их культурного развития. В индустриальную эпоху, как показала и показывает жизнь, этносы и этничность как реалия в жизни людей, не исчезают. Они приобретают новые исторические формы. Этнические индивиды нового урбанизированного образа жизни, нового типа расселения, новой структуры профессиональных занятий, новых форм семейной жизни, новых воззрений и форм поведения, тем не менее все же сохраняют многое из традиционной этничности в синтезе с социокультурными характеристиками современной эпохи.

inslav

Эти процессы мало изучены современной этнографией и этнологией, а, если они и изучаются, то в основном в аспекте выявления *процесса деэтнизации*, которая оценивается либо как абсолютно позитивное явление, без которого этническому индивидууму не стать "современным человеком" ("личностью"), либо как абсолютно отрицательное явление, ведущее человека к деградации, превращающее его в живого "индустриального робота", запрограммированного современными средствами "массовой культуры", через средства массовой информации. Вместе с тем ни один из этих подходов не может объяснить, почему в урбанизированных странах, обладающих высоким промышленным потенциалом, сохраняется этничность основных этносов этих стран, этносов, являющихся фактическими носителями процессов модернизации, прошедших через ее разные этапы. Почему между ними сохраняются очевидные этнические характеристики, по которым можно отличить немцев от англичан, англичан от итальянцев, итальянцев от русских? Все эти этносы и сегодня являются реалией в жизни миллионов людей, функционируют как субъекты их культуры, как факторы их этнической идентификации и самоидентификации. Эти неопровержимые факты доказывают несостоятельность представлений о том, что процессы модернизации и интеграции снимают с повестки дня этнические проблемы вообще и языковые проблемы, в частности. Напротив, эти проблемы и далее присутствуют в жизни людей и во многих случаях приобретают весьма острые формы.

7.4. Для решения этнокультурных и этноязыковых проблем в эпоху модернизации и интеграции и связанных с этим общих проблем бытия этносов и их взаимоотношений как в отдельных государствах, так и в мире в целом, чрезвычайно важным представляется получить **научно обоснованные ответы**, в частности, на следующие вопросы:

А. Каким образом в современных процессах глобальной ***модернизации и интеграции*** можно обеспечить людским индивидам любой этнической принадлежности в любом месте обитания полноценное современное культурно-цивилизационное развитие и соответствующее качество жизни, не уничтожая при этом их ***этнические корни***, их "этничность"?

Б. Каким образом, какими мерами и методами должна осуществляться модернизация жизни и жизнедеятельности этносов любой численности и уровня культурно-цивилизационного развития, чтобы при этом не были уничтожены ***существующее***

inslav

культурное разнообразие человечества, созданные многочисленными этносами ***фонды оригинальных культурных ценностей***?

В. Что необходимо сделать для того, чтобы при наличии объективных предпосылок, а также осознания необходимости осуществления преобразований переход к современному образу и качеству жизни любого этнического сообщества протекал максимально ***безболезненно***, без внутренних и внешних ***конфликтов*** и связанных с этим каких либо трагических последствий?

Все эти далеко не простые вопросы сегодня, в начале XXI века, еще не получили надлежащего ответа, базирующегося на объективном анализе реальных фактов и на научно обоснованных выводах. Это одна из причин (хотя, конечно, и не единственная) той наблюдаемой ныне печальной ситуации, когда во многих полиэтнических государствах современного мира вырабатываются, узакониваются и реализуются некомпетентные и *негативно результативные* "модели" языковой политики.

ЛИТЕРАТУРА

Винер Н. Кибернетика. М., 1968.

Войшвило Е.К., Дегтарев М.Г. Логика. М., 1994. Глава: Язык как средство познания.

Ешич М.Б. Этничность и этнос // Встречи этнических культур в зеркале языка. М., 2002.

Жуков Н.И. Информация. Минск, 1971.

Корогодин В.И., Корогодина В.Л. Информация как основа жизни. Дубна, 2000.

Лебедев М.В. Философия языка на фоне развития философии. Интернет, www.yandex. сайт "Науки".

Нещименко Г.П. Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003.

Прибрам К. Языки мозга. М., 1975.

Росс Эшби У. Конструкция мозга. М., 1962.

Рыбаков С.Е. Философия этноса. М., 2001.

Уорф Б. Наука и языкознание. Интернет, www. yandex. сайт "Науки".

Урсул А.Д. Отражение и информация. М., 1973.

Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. Раздел: Язык и картина мира. Интернет,www.yandex. сайт "Науки".

Ферге Г. Смысл и значение. Интернет,www.yandex. сайт "Науки".

Bogdanovic M. Genetski putokaz. Srpski kao engleski. Газета "Вечерне новости". Београд, 2004. Номера с 19.10 по 25.10. Интернет, www. novosti, co.yu.

Poljanec F. Istorija serbskohrvatskoslovenackog jezika. Zagreb, 1936.

inslav

Г.П. Нещименко
(Россия)

К РАССМОТРЕНИЮ ДИНАМИКИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРОЦЕССОВ ИНТЕГРАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

1. НЕСКОЛЬКО ВВОДНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ

В развитии мирового сообщества рубеж тысячелетий во многих отношениях стал переломным. Он отмечен важными общественно-политическими и социально-экономическими преобразованиями, перспективы и возможные последствия которых пока что еще трудно полностью осознать и оценить.

В целом ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы эти перемены протекали особенно стремительно и болезненно, завершившись *одномоментным* сломом как общественно-экономической формации, так и мировоззренческих установок. Упомянем в этой связи переориентацию данных стран с социализма на капитализм, распад прежних полиэтнических государственных общностей и образование на их месте дробного и расчлененного государственного и этноязыкового ландшафта. Все это сопровождалось не только огромными материальными затратами[1], но и нравственными издержками.

Характеризуя специфику языкового развития в рассматриваемый период, нельзя не отметить две его важных особенности: ярко выраженную *динамичность*, с одной стороны, и несомненную *противоречивость*, с другой. Подобное сочетание не может не служить источником напряженности в развитии как внутриэтнической, так и межэтнической языковой ситуации.

Причиной повышенной *динамичности* во многом явились экстралингвистические факторы и прежде всего огромные достижения научно-технического прогресса. Применение электронных средств связи позволило увеличить и качественно обогатить поток передаваемой информации, расширить диапазон ее распространения, скорость прохождения по трансляционным каналам. Чрезвычайно важным было и то, что впервые стало возможным установление *мгновенной* вербально-визуальной ком-

[1] Ср. статистические данные, приводимые А. Балеком в статье "Некоторые проблемы России: взгляд со стороны", включенной в состав этого труда.

inslav

муникативной связи, ориентированной на *активную интеракцию* с адресатом [подробнее: Нещименко 2001].

Не виданное ранее расширение границ общения изменило привычные представления о времени и пространстве, придавая новую масштабность и динамичность интеграционным процессам, которые, выйдя за рамки конкретного региона, стали все более приобретать *глобальный, транснациональный, надгосударственный* характер.

Таким образом, налицо не только *ускоренное* протекание интеграционных процессов, но и изменение их *качественного* содержания.

Совокупность рассмотренных выше обстоятельств порождала желание *целенаправленно* изменить и языковое обеспечение коммуникации в социуме, приспособив его не только к решению конкретных научно-технических задач, но и к осуществлению актуальных экономических и политических интересов. В попытках реализовать это стремление не всегда учитывалось, что адекватная симметричная реакция языка не возможна, в том числе и по причине *несовпадения* темпа протекания языковых и экстралингвистических процессов, в частности, наличия существенного разрыва между *стремительным* изменением экстралингвистических обстоятельств, с одной стороны, и *более медленным* темпом естественной языковой эволюции, с другой.

Как известно, язык в своих основных параметрах меняется *континуально*. Это обеспечивает взаимопонимание в рамках синхронной общеэтнической вербальной коммуникации, а также генерационную преемственность в восприятии духовных ценностей, в том числе и созданных предшествующими поколениями[2].

---

[2] Сказанное отнюдь не означает, что все уровни языковой системы развиваются с одинаковой скоростью. Так, лексический уровень, непосредственно связанный с внеязыковой реальностью, более мобилен, чем, например, уровень словообразовательный, а тем более фонетический, графический и пр. Не случайно вмешательство в наиболее стабильные зоны языковой системы, как правило, встречает сопротивление носителей языка. Общеизвестной является, например, болезненная реакция на орфографические реформы, что обусловлено как определенной консервативностью навыков правописания, так и сопутствующим этим реформам значительным материальным затратам. К еще более существенным последствиям ведет кардинальное изменение графической системы языка, поскольку в этом случае по сути “неграмотными” становятся сосуществующие в рамках современного общества поколения, приобщенные к иной письменной традиции. В связи со сказанным изменение графической системы допустимо лишь в исключительных случаях, причем при наличии четкой коммуникативно-языковой, а отнюдь не политической мотивации, как это довольно часто бывает.

inslav

Соблазн форсировать языковое развитие, направить его в нужное для социально-политического заказа русло зачастую оказывается настолько велик, что предпринимаются попытки скорректировать приоритеты проводимой языковой политики[3], установить адекватное соотношение между политико-экономической интеграцией в европейском и мировом сообществе и интеграционными процессами в языковом пространстве.

Можно лишь сожалеть, что при внесении этих коррективов обычно "не просчитываются" возможные негативные последствия подобного, прагматически ориентированного вмешательства в функционирование этнических языков, особенно в их коммуникативный диапазон. Не принимается во внимание и то, что язык, равно как и культура представляют собой настолько тонкую и деликатную материю, что неосмотрительное обращение с ними может оказаться пагубным не только для них самих, но и привести в дальнейшем к острым межэтническим конфликтам.

Противоречивость языкового развития на рубеже столетий проявляется и в том, что в этот период практически одновременно, причем *форсированно*, действуют *противонаправленные* процессы интеграции и дезинтеграции. Результаты этого наблюдаются на Балканах, в постсоветском пространстве, а также в других регионах, т.е. везде, где на месте распавшихся полиэтнических государств возникли государства *моноэтнические*. Невзирая на то, что в большинстве этих стран имеются немалые этноязыковые включения, процесс культурной и языковой этнизации в них осуществляется по триединой формуле "одно государство – один этнос – один язык"[4].

Иначе, чем противоречивым, на наш взгляд, нельзя назвать и то, что некоторые из недавно возникших моноэтнических госу-

---

[3] В своих работах мы стремимся интерпретировать понятие "языковая политика" как деятельность, направленную на оптимизацию языкового обеспечения коммуникации в социуме, повышение его языковой культуры. Подобное понимание позволяет, как нам кажется, избежать чрезмерной идеологизации этой важной сферы деятельности [Ср.: Нещименко 2003: 16]. Уточним, что в ссылках и при цитации мы чаще всего будем ссылаться на монографию 2003 г. (а не на издание1999 г.), поскольку она более доступна читателю в славянских странах.

[4] После распада СССР, особенно в период ранней суверенизации, нередко возникали конфликты, когда так называемый "титульный" этнос, даже если он был в численном меньшинстве, пытался навязать другим, проживающим с ним совместно этносам, в качестве языка обучения свой язык, даже если он не обладал устойчивой, сложившейся литературной нормой, стабильной профессиональной терминологией.

inslav

дарств, вместо того, чтобы воспользоваться обретенной свободой и независимостью, проявили стремление по сути сразу влиться в мощное и очень разнородное по своему этноязыковому и этнокультурному составу *интегрированное* надрегиональное, полиэтническое сообщество Европейского союза, "завораживающая" мультикультурность и мультиязыковость (языковая полифония) которого пока что еще лишь декларируется, но эксплицитно не разъясняется. Сказанное невольно наводит на мысль о том, что дезинтеграция прежних полиэтнических сообществ в сущности была прелюдией или же *инструментом* последующей, более масштабной, интеграции.

Тенденции этнокультурной и этноязыковой *интеграции и дифференциации*, обозначенные в заглавии настоящей статьи, находятся в отношении *диалектического противоречия*. Проявления их извечного противоборства можно наблюдать на разных исторических этапах, а также в разных сферах жизни социума – в языке, культуре, политике, экономике и т.п., причем как во внутриэтническом пространстве, так и в межэтнических отношениях. В каком-то смысле оба антипода даже "подпитывают" друг друга. Так, тенденция дифференциации создает предпосылки для действия тенденции интеграции и наоборот.

Столкновение этих *противонаправленных* процессов может, разумеется, порождать конфликтные ситуации, однако оно служит и мощным динамическим импульсом, предопределяющим направленность эволюции социума, в том числе и языковой – что в данном случае нас интересует больше всего, учитывая предмет рассмотрения.

Наблюдая протекание этих процессов, не трудно заметить, что баланс противоборствующих сил, равно как и скорость их размежевания, не являются раз навсегда данными. На разных исторических этапах характер и интенсивность интеграционных процессов может варьироваться, меняется и набор интегрирующих/дифференцирующих признаков[5]. Причем нередко одни и те же факторы в те или иные периоды жизни общества могут выступать в роли как интегрирующего, так и дифференцирующего начала (ср., например, роль религии).

---

[5] К числу проявлений тенденции интеграции, например, могут быть отнесены попытки создания общеславянского литературного языка, предпринимавшиеся в течение XVII–XIX вв. (ср. движение иллиризма и пр.). По этой проблематике имеется большая литература. Назовем выборочно лишь некоторые работы: Запольская 1996; 1998; 2003; Иванова 1991; 2001; 2004; Чуркина 1993.

inslav

Значимость рассматриваемой нами универсальной оппозиции "интеграция–дифференциация" особенно возрастает на переломных этапах жизни социума, к числу которых, несомненно, относится анализируемый нами период. Так, наблюдаемая в начале этого периода активизация процессов этногосударственной *дифференциации* довольно быстро стала сменяться ускорением *интеграционных* процессов. Подобные "колебания маятника" не так безобидны, как это иногда кажется, они чреваты значительными, порой непоправимыми потерями, что нельзя не учитывать при лингвистическом прогнозировании.

Принципиальное значение имеет и то, *как* протекают эти процессы: *стихийно*, т.е. *естественным* путем, или же они направляются и стимулируются *извне*, сознательно и форсированно. Именно это обстоятельство нами будет в дальнейшем приниматься во внимание при выстраивании композиции статьи.

При проведении исследования нас интересовала реализация указанной оппозиции, с одной стороны, в системе этнического языка (в обеих ее подсистемах); с другой, в межэтнических и межъязыковых отношениях.

Предваряя изложение, скажем, что, работая над статьей, мы стремились показать специфику протекания интеграционных процессов в той и другой сферах. Причем, если при внутриязыковой "интеграции / дифференциации" стимулирующие факторы в большей степени находятся *внутри* языкового поля, то регулирование, направление тех же процессов в межэтнических отношениях в значительной мере осуществляется *извне*, с учетом актуальных экономических, идеологических и политических мотиваций и в меньшей степени – системных языковых закономерностей, а также закономерностей языкового развития вообще.

2. МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД, ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ В РАБОТЕ

В процессе работы учитывались следующие основополагающие посылки:

А. Принцип *бинарного* строения системы этнического языка.

Суть этого подхода детально рассматривалась в двух наших монографиях [Нещименко 1999; Нещименко 2003], а также в предшествующих, начиная с 1986 г. [Нещименко 1986], публикациях.

В соответствии с этим принципом в структуре этнического языка вычленяются две автономные и вместе с тем тесно взаимосвязанные и взаимодействующие друг с другом подсистемы: язы-

inslav

ковое обеспечение непринужденного повседневного общения (ареал нерегулируемого речевого поведения) и языковое обеспечение высших коммуникативных функций (ареал регулируемого речевого поведения).

Б. Учет оппозиций.

Кроме оппозиции "интеграция–дифференциация этнокультурного и этноязыкового пространства", принималась во внимание тесно связанная с ней оппозиция "унификация–сохранение этнокультурного и этноязыкового своеобразия". Последнее логически обусловлено тем, что интеграционным процессам, как правило, сопутствуют унификация, нивелировка этнокультурного и этноязыкового своеобразия, неизбежно являющаяся "платой" за объединение.

В определенных случаях была важна и антиномия "языковая экономия – вариативность языковых средств" [Нещименко 2003а].

3. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ВНУТРИЭТНИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

При рассмотрении динамики внутриэтнической языковой ситуации нами учитывался характер протекания интеграционных процессов, т.е. являются ли они стихийными или же направляемыми.

3.1. Подсистема языкового обеспечения непринужденного повседневного общения. Тенденция стихийной интеграции

Языковое обеспечение данного ареала нами определяется как "разговорный язык". Мы понимаем под ним *внутренне дифференцированное совокупное множество идиомов*, детерминированных по социальному, возрастному, профессиональному, территориальному признакам[6] (территориальные диалекты, интердиалекты, жаргоны, сленги, формирующаяся общеэтническая разговорная речь). Непременным условием этого вида коммуникации является ощущение *коммуникативной комфортности* у

[6] В соответствии с нашей концепцией литературный язык может использоваться в качестве разговорного средства узким кругом лиц, имеющих специфическую профессиональную специализацию (преимущественно преподаватели-словесники), однако в этом случае он будет находиться на периферии подсистемы разговорного языка.

inslav

индивидуума, так как без этого непринужденное общение попросту невозможно.

Специфика речевого поведения в данном коммуникативном ареале заключается в его нерегулируемости (или же в ослабленной степени регулируемости). Соответственно и структурирование языкового пространства, его центрирование, здесь осуществляется *стихийно* и несколько *замедленно*, интеграционные процессы развиваются как бы "исподволь", отражая естественные результаты общеязыковой интерференции.

В результате взаимодействия *центробежных* и *центростремительных* тенденций в инвентаре языковых идиомов подсистемы происходит постепенное формирование ее функциональной доминанты (общеэтническая разговорная речь), во всяком случае, тенденция к этому имеется, формируется и периферия. Впрочем, граница между центральной и периферийной зонами подсистемы не столь контрастна, т.е. переход от периферии к центру является более или менее плавным.

К периферии данной подсистемы в первую очередь относятся территориальные диалекты, а также феномены типа русского просторечия с остаточной региональной окрашенностью, значимость которых в системе коммуникации постепенно снижается. Сюда же принадлежат и социолекты типа сленга, арго и пр.

Возможно, впрочем, и обратное движение, проявляющееся в некотором смещении периферийных идиомов к центральной зоне подсистемы. Примером этого является наблюдаемое в настоящее время усиление влияния молодежного сленга, криминального жаргона на узус неофициального, а порой даже официального общения. В этом случае правомерно говорить о *дисперсном, диффузном* использовании этих идиомов [см. подробнее: Нещименко 1999; Нещименко 2003].

Рассматривая в целом направленность динамики разговорного языка через призму интересующей нас оппозиции, отметим две *противоположных* тенденции:

А. *Увеличение* многообразия социолектов, в частности, некоторых разновидностей сленга, возрастание роли *генерационных* различий речевого поведения и пр., что, так или иначе, приводит к дроблению, *дифференциации* языкового пространства.

Б. *Нейтрализация* этого многообразия путем: а) *постепенной* нивелировки региональных форм общения (прежде всего территориальных диалектов); б) становления *интегрированных* речевых манифестаций, организующих языковое пространство (подробнее см. ниже).

inslav

В ходе противоборства названных тенденций возникает равновесное состояние подсистемы, обеспечивающее ей "гибкую стабильность" (термин Пражской лингвистической школы).

Вопреки большинству прогнозов, "стремительное" исчезновение региональных феноменов (в частности диалектов) не происходит. Не подтверждаются в полной мере эти прогнозы даже у этносов с весьма компактным языковым пространством и с высокой степенью индустриализованности, что, казалось бы, изначально должно было бы способствовать развитию интеграционных процессов.

В большинстве славянских языков территориальные диалекты до сих пор довольно хорошо сохранились, они имеют своих носителей и даже активных пользователей[7]. В современной коммуникации диалекты могут использоваться не только как средство бытового и внутрисемейного общения. В какой-то степени они используются в сфере культуры (напр., художественная стилизация речи персонажей, фольклорные тексты и пр.). Наконец, диалекты играют роль средства этнолокальной идентификации, т.е. языка так называемой "малой родины".

Рассмотрим действие интеграционных тенденций на *разных* уровнях подсистемы разговорного языка.

3.1.1. Становление интегрированных наддиалектных образований

Несмотря на относительную "консервативность" территориальных диалектов[8], они не остаются в стороне от общих процессов языковой интеграции, протекающих в разговорном языке, а постепенно "врастают" в обобщенные региональные языковые манифестации – интердиалекты. Кстати, это красноречиво говорит о сохранности языковой материи, поскольку территориально маркированные формы общения обретают новую жизнь в своей более интегрированной, но все же *региональной* ипостаси.

Скорость протекания диалектной интеграции в различных этнических языках не одинакова. Так, бóльшая сохранность диалектов отмечается в болгарском, польском, русском, словацком

---

[7] К их числу в сельской местности относятся, например, представители старшего и младшего поколений носителей этнического языка.

[8] Их эволюция в какой-то мере сдерживается конвенциональной нормой, опирающейся на региональную идентичность индивидуумов (оппозиция "наш – не наш").

inslav

языках[9]. Разнится она и в пределах одного и того же языка. Не одинаков, например, темп диалектной интеграции в восточной и западной частях чехоязычного континуума.

Анализируя направленность этого вида интеграции, имеет смысл выделить, с одной стороны, *региональные* интердиалекты, образующиеся в результате интеграции *одноуровневых* идиомов, т.е. территориальных диалектов (это наиболее низкий уровень интеграции, приближенный к региональным идиомам); с другой стороны, *городские койне*, формирующиеся в результате интеграции разноуровневых идиомов, их интерференции. Так, например, городское койне Брно включает элементы литературного языка, идиома *obecná čeština*, среднеморавского интердиалекта и местного диалектного субстрата [Krčmová 1981].

3.1.2. Становление центральной манифестации подсистемы раговорного языка

Наиболее важным и вместе с тем наиболее проблемным является становление интегрированных идиомов *общеэтнического* значения и в частности центрального разговорного идиома. Для того, чтобы подобный идиом сформировался, необходима достаточно высокая степень языковой интеграции, которая в этом коммуникативном ареале в настоящее время пока что отсутствует, поэтому речь идет скорее о *тенденции* к формированию такого идиома, чем о *реально* существующем, структурно оформленном языковом феномене.

Языковой идиом, претендующий в разговорном ареале на роль функциональной доминанты, должен отвечать, по нашему мнению, ряду условий. Это должен быть:

а) феномен *общеэтнического* разговорного статуса, который может обеспечивать непринужденное повседневное общение в рамках этнической общности в целом. Обычно это "оплачивается" нивелировкой региональной и социальной маркированности, противоречащей речевым навыкам носителей языка из разных регионов и социальных слоев этнической общности;

---

[9] Как отмечает А.И. Домашнев, "Социальная приемлемость диалекта в южных регионах Германии настолько высока, что в замкнутых коллективах (сельская община) во всех жизненных ситуациях используется местный диалект, кроме сферы официального (публичного) общения (собрания, обращения в инстанции), где также вместо литературного языка нередко применяется обиходно-разговорный язык (Umgangssprache) значительной диалектной окрашенности" [Домашнев 1994: 145].

inslav

б) феномен, рожденный в недрах *разговорного языка данного* (а не какого-то другого) этноса, который выделился из многообразия форм реализации этого этнического языка стихийно, путем длительной интеграции, постепенного развития центростремительных тенденций. Использование в этой функции иноязычного идиома может препятствовать возникновению ощущения *коммуникативной и языковой комфортности*, являющейся, как уже говорилось, неотъемлемым свойством непринужденного повседневного общения. Не случайно, ученых обычно беспокоят случаи так называемого "языкового нигилизма", когда исконный носитель этнического языка утрачивает навыки его использования в повседневном общении.

Как уже отмечалось выше, на данном этапе языкового развития практически ни один славянский этнос не обладает полностью сложившимся разговорным феноменом *общеэтнической* значимости, хотя это, несомненно, облегчило бы комфортное вживание индивидуума в меняющуюся языковую среду, сделало бы его регионально и социально более мобильным. В условиях нарастающей миграции населения это было бы чрезвычайно важно. В чешской языковой ситуации в этой функции в какой-то мере, очевидно, может использоваться идиом с *остаточными* региональными признаками, как, например, *obecná čeština*, который, несомненно, играет важную интегрирующую роль в языковом развитии чешского этноса.

3.2. Подсистема языкового обеспечения высших коммуникативных функций. Тенденция направляемой интеграции

Отличительной особенностью речевого поведения в этом коммуникативном ареале является его *регулируемость*, т.е. соответствие определенным коммуникативным и языковым стандартам. Регулирующую функцию в этом случае выполняет либо *внешний речевой контроль* (деятельность языковых редакторов; институций, влияющих на формирование языковой культуры и пр.), либо *речевой самоконтроль индивидуума* (автоцензура), учитывающий такие факторы, как речевой этикет, коммуникативная успешность и под.

Для развития языковой ситуации в данной подсистеме этнического языка характерно *направленное* протекание интеграционных процессов, приводящее к вычленению функциональной доминанты в виде литературного языка.

inslav

Становлению литературного языка в качестве функциональной доминанты подсистемы способствует, в частности, то, что, во-первых, далеко не все языковые идиомы обладают реальными структурно-функциональными предпосылками, необходимыми для обеспечения сложных цивилизационных функций (т.е. круг реальных и потенциальных конкурентов относительно мал); во-вторых, культурные институты этнической общности всемерно способствуют утверждению общеэтнического культурного идиома. Считая его формирование делом национального (этнического) престижа, они посредством целенаправленно проводимой языковой политики и языкового воспитания противодействуют вторжению в эту сферу иных, кроме литературного, языковых идиомов, ограничивая по возможности влияние разговорного языка.

3.2.1. Литературный язык как центральная манифестация подсистемы

Центр подсистемы регулируемого речевого поведения, как правило, манифестируется этническим литературным языком, являющимся единственным языковым идиомом, *оптимально* пригодным для языкового обеспечения высших коммуникативных функций. Он обладает достаточно высокой степенью обработанности, устойчивой нормой, богатым, стилистически дифференцированным словарным составом, развитым синтаксисом и пр. Оптимальное соответствие его параметров коммуникативной норме данного ареала общения позволяет литературному языку стать *общеэтнической* языковой манифестацией, способной выполнять важнейшие цивилизационные и этнорепрезентативные функции[10].

Литературный язык является также единственной "рукотворной" экзистенциональной формой этнического языка, так как всеми своими неоспоримыми достоинствами (стабильная норма, полифункциональность, высокая степень престижности, развернутая терминологическая номенклатура и пр.) он обязан целена-

[10] На ранних этапах существования этноса его члены, как правило, лишь осознают отличие своего языка от языка соседних этносов по принципу "свой – чужой", "наш – не наш". Позднее особую значимость приобретает наличие единого для всей этнической общности языка как непременного условия ее самосохранения, культурной и этнической самоидентификации, этнического самосознания. В этой функции обычно выступает литературный язык.

inslav

правленной деятельности многих поколений кодификаторов. По сравнению со всеми другими претендентами на данную коммуникативную функцию именно литературный язык (в письменной и устной его реализации), имеет наиболее устойчивые позиции, в том числе и в публичной коммуникации.

Предпочтительное использование данного идиома санкционируется регламентирующими установками языковой политики[11], соответствует оно и устойчивым представлениям индивидуума о речевом этикете. Примечательно, что по данным опроса, проводившегося по заказу Института чешского языка Чешской АН в 2002 г.[12], литературный чешский язык чаще всего употребляется в общении с официальными инстанциями (190 очков), на работе (111 очков) и в обществе (109). Небезынтересно сравнить эти выводы с результатами более раннего опроса чешской молодежи (анкетирование проводилось среди учащихся второго курса профессионального училища по специальностям "повар / официант"): "Это язык (чешский литературный язык. – *Г.Н.*), которым пользуются, главным образом, люди наверху, например в суде, в правительстве, президент и т.д."; "Мы пользуемся литературным языком на занятиях стилистикой, литературой, поэзией. Очень редко – в обычном разговоре. Чаще всего он употребляется поэтами, писателями, учителями, в средствах массовой информации. Я редко пользуюсь литературным языком, разве что на занятиях чешским языком, т.е. в школе. Иногда в обычном разговоре. Но чаще всего я пишу на нем письма и всякие бумаги. В школе я употребляю его потому, что этого от нас требуют, а на письме потому, что так подобает выразить то, что я хочу сказать (перевод наш. – *Г.Н.*)" [Brabcová 1996: 222–221]. Как мы видим, сколько-нибудь существенных изменений в использовании литературного языка за это время не произошло.

Так или иначе, в данной языковой подсистеме литературный язык имеет статус бесспорной *функциональной доминанты*

---

[11] Яркой иллюстрацией этого является языковая политика, проводившаяся деятелями чешского национального возрождения. Так, они считали своим долгом защищать литературный язык от деструктивного влияния германизмов, языкового псевдоноваторства, узкорегиональных элементов (ср. критику Ф.Д. Трнки и В.П. Жака, стремившихся приблизить литературный язык к наречию). Подобная защита была необходима для того, чтобы данный феномен мог успешно выполнять свою консолидирующую миссию в жизни этноса.

[12] Результаты опроса обобщены в статье К. Каргановой [Karhanová 2003]. Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить чешских коллег за предоставленную мне возможность познакомиться с анкетами опроса и другими материалами.

inslav

(подчеркиваем, что речь идет именно о данной подсистеме, а не о языковой системе в целом).

Уточним, что в соответствии с нашей концепцией, изложенной нами в ряде работ, этнический язык не является *моносистемой* с *единственным* центром в виде *универсального* идиома – литературного языка, – пригодного на "все случаи жизни". Это система *бицентрическая*, в которой каждая из двух, входящих в ее состав подсистем, имеет *свой* центр, манифестируемый соответствующей формой существования языка.

Рассматривая проблему в ретроспективе, нельзя не отметить, что вычленение доминирующего идиома является процессом *долговременным* и отнюдь не прямолинейным. Так, на определенном историческом этапе при отсутствии сложившейся письменной традиции функцию культурного идиома (в данном случае *устного*) в языках бесписьменных, а также младописьменных (на начальной стадии становления письменности) может выполнять некоторый автохтонный разговорный идиом, например, диалект или же интердиалект, которые в ходе их использования в изначально не свойственной им функции (публичное общение, обеспечение высших коммуникативных функций) подвергаются вполне естественной селекции и культивированию. Есть все основания квалифицировать эти "культурные идиомы" как функциональные *предшественники* литературного языка.

Мы полагаем, что статус "литературного языка" может быть присвоен далеко не всякому языковому феномену, подвергшемуся определенному культивированию (обработке), тем более лишь недавно получившему письменную фиксацию. Думается, что в подобных случаях все же уместно разграничивать такие понятия как "устный культурный язык", "письменный культурный язык", "литературный язык".

Многие из относительно недавно возникших "младописьменных" языков до сих пор продолжают оставаться в основном средством внутрисемейного или же повседневного общения, не имеют разработанной нормы, единой орфографии, сколько-нибудь развернутого функционального спектра (они используются, и то лишь отчасти, в художественной литературе и в какой-то мере в СМИ). Эти культивированные (или же "окультуренные" идиомы) в действительности еще мало отличаются от лежащего в их основе опорного диалекта.

Концепция государственной программы по сохранению и развитию языков народов Российской Федерации (1992 г.) допускала использование некоторых территориальных диалектов (при

inslav

отсутствии соответствующего культивированного идиома) для обучения в школе (в частности, в качестве языка обучения), а также в СМИ. Как мы видим, в описанном случае диалект используется в не вполне свойственной ему функции.

Специфическая ситуация складывается в этом отношении у этносов "островного" проживания (ср., например, немецкий, болгарский и т.п. этносы на территории бывшего СССР или же РФ, Украины, Казахстана и т.д.), носители которых зачастую слабо владеют (если владеют вообще) литературными языками соответствующей метрополии. В сложившихся условиях действует иная оппозиция: местный диалект – литературный язык новой родины (русский, украинский и пр.).

Изучаемая проблема приобретает особую значимость при характеристике языковой ситуации периода языкового строительства, национальной суверенизации (ср. языковую ситуацию периода раннего СССР либо нынешней РФ).

Большой интерес представляет ситуация *полиязычия*, при которой ареал высших коммуникативных функций обеспечивается языком *другого* этноса. Так, в силу действия определенной культурной традиции, преобладающей конфессиональной или же политической ориентации коммуникативное пространство социума может обслуживаться не только своим собственным, автохтонным, но и *другими* языками. Красноречивым примером этого является использование в функции литургического языка в странах Slavia Orthodoxa и Slavia Romana старославянского, греческого, латыни (последняя применялась и в качестве международного языка науки). Старославянский (в соответствующей региональной редакции) функционировал в высших жанрах художественной литературы у южных и восточных славян. Культурную функцию выполнял чешский литературный язык у поляков и словаков; немецкий – у чехов, лужичан; французский – у русских; русский язык – у многих народов, населяющих РФ[13] и т.п. Полиязычным было и языковое обеспечение культурных функций у болгар (см.: Виденов 1982) и т.д.

---

[13] Кстати говоря, функцию языка межнационального общения, своего рода lingua franca, русский язык во многом сохраняет и поныне. В этом отношении весьма красноречивым является отрывок из электронного путевого дневника чешской коллеги, предпринявшей в 2002–2003 гг. многомесячное заграничное путешествие; ср. (письмо из Киргизии от 14 июня 2003): "В Бишкеке мы объясняемся исключительно по-русски. Дело в том, что здесь все говорят по-русски, даже киргизы между собой. Заседания в парламенте тоже, как говорят, проходят на русском языке. Законы и анкеты, выдаваемые в учреждениях, тоже написаны по-русски" (перевод наш. – *Г.Н.*).

inslav

Сосуществование в рамках одного и того же коммуникативного ареала языков с разной степенью длительности культурной традиции создает, разумеется, экстремальные условия для развития автохтонного языка, увеличивая опасность его ассимиляции. Нередко это может даже приводить к острой конкуренции, как это было, например, между немецким и чешским или же словацким и венгерским языками в сфере образования вплоть до провозглашения Первой чехословацкой республики.

Вместе с тем нельзя не учитывать и то, что воздействие иноязыковых "катализаторов" иногда стимулирует функциональное выравнивание более слабого языкового партнера, способствует ускоренному формированию его "культурного" слоя[14].

Стремясь облегчить положение родного языка, этногосударственные культурные институты обычно пытаются по мере возможности проводить политику своего рода языкового протекционизма[15].

Из сказанного выше следует, что если у того или иного социума собственный *культурный* языковой идиом отсутствует или же не имеет необходимой функциональной мощи, или же, наконец, его применение по каким-либо политическим причинам блокируется (ср., к примеру, ситуацию словацкого или же чешского языков в Австро-Венгрии), проблема может решаться путем или диглоссии (использование идиомов одного и того же этнического языка), или же дву-/ полиязычия (использование разных языков).

Утверждение в качестве функциональной доминанты общеэтнического литературного языка (в его письменной и устной разновидностях) является важнейшей задачей языковой политики. Предпочтительное использование литературного языка в данном ареале санкционируется регламентирующими установками языковой культуры, находится под охраной не только кодификации, но и соответствующих культурных институтов. Мало того, оно поддерживается и экспектацией индивидуума, его устойчивым и традиционным представлением о речевом этикете.

---

[14] Примеры этого не редки в национально-языковой политике СССР.

[15] Ср., например, принятие языкового закона во Франции, защищающего французский язык от инвазии англицизмов. Бурную полемику в журналистских кругах России не так давно вызвал закон о русском языке, представленный Государственной думе в 2003 г. Основной целью этого закона также было придание "статуса благоприятствования" русскому языку, защита его от англицизмов. Впрочем, как этот закон, так и его более поздняя версия, по сути, не были доведены до сведения ни научных кругов, ни общественности, в силу чего их практическая целесообразность весьма сомнительна.

inslav

В том, что из всех идиомов этнического языка именно литературный язык оказывается максимально пригодным для функционирования в ареале публичного и официального общения, решающую роль играет не только **оптимальное** соответствие его нормы и нормы данного коммуникативного ареала, но и то, что в современной языковой ситуации именно литературный язык имеет максимальную зону охвата социума. Он является **единственной общеэтнической** формой существования языка.

3.2.2. Вычленение периферии подсистемы

Данная языковая подсистема имеет достаточно четко выраженную *структурную* организацию, характеризующуюся рельефным обособлением ее центра и *периферии*.

К периферии подсистемы, как правило, смещаются региональные варианты литературного языка (если таковые имеются), а также функциональные субституты из разговорной подсистемы, используемые при официальном публичном и полуофициальном непубличном общении лицами со сниженной языковой компетенцией, т.е. активно не владеющими нормой литературного языка (либо не владеющими им вообще)[16].

В целом периферия данной подсистемы является более компактной по численности представляющих ее идиомов, чем периферия подсистемы, рассмотренной нами выше.

Как показывает анализ материала, выбор языкового идиома для официального публичного и полуофициального (непубличного) межличностного общения в конечном итоге зависит от таких факторов, как состав языкового реестра данной этнической общности, а также от диапазона идиолекта конкретного индивидуума.

---

[16] В своих работах мы уже приводили красноречивый пример функциональной субституции разговорного идиома (передача "Радио-Россия", 1990): в магнитофонной записи воспроизводился аутентичный разговор корреспондента с пожилой крестьянкой из Орловской области. В ходе этого диалога крестьянка вначале говорит на местном диалекте, но, почувствовав по реакции собеседника ("чужак"), что тот ее не вполне понимает (корреспондент переспрашивает: "*бабушка, что-что?*"), сразу же начинает корректировать (регулировать, т.е. осуществлять автоцензуру) свое речевое поведение, опуская наиболее специфичные региональные особенности. Примечательно, что в дискуссии, развернувшейся на 8-ом заседании словообразовательной комиссии при МКС в Берлине в 2005 г., польский диалектолог Е. Серочук отмечал, что информатор не должен "выдавать" свое городское происхождение, в противном случае респондент из села непременно будет стараться говорить "по-городскому", т.е. "причесывать", регулировать свою речь.

inslav

Иными словами, помимо литературного языка, здесь могут быть представлены и другие идиомы, в частности, из подсистемы языкового обеспечения непринужденного повседневного общения, которые здесь выступают в функции *субститутов* культивированного идиома. Чаще всего это происходит при ущербной языковой компетенции индивидуума, т.е. при отсутствии в его идиолекте культивированного идиома. Нередко это создает коммуникативный и социальный дискомфорт, особенно, если индивидуум находится в окружении лиц, обладающих более совершенными речевыми навыками. Впрочем, теоретически мы можем по-разному оценивать статус тех или иных разновидностей в системе этнического языка, однако практически это может не совпадать с их реальным использованием в конкретном идиолекте, параметры которого задаются языковой компетенцией индивидуума. Так, если индивидуум не владеет литературным языком, то в функции репрезентативного идиома у него может выступать любой другой, в частности, разговорный идиом. Мало того, если он владеет лишь территориальным идиомом (т.е. он монолингвален), что, конечно, в нашей ситуации, встречается относительно редко, то диалект при определенной селекции может выполнять, как уже отмечалось, и культурные функции.

Рассмотренные выше случаи функциональной субституции идиомов не меняют в корне специфику языкового обеспечения ареала высших коммуникативных функций, поскольку идиомы, используемые не адекватно их субстанциональным параметрам и изначальному функциональному диапазону, обычно остаются *на периферии* данной подсистемы.

Сказанное является дополнительным подтверждением значимости периферии в функционировании системы в целом. Как наиболее динамичная и проницаемая зона системы периферия является местом контактного взаимодействия подсистем друг с другом. В ряде ситуаций именно такие "периферийные" идиомы как диалекты "подпитывают" литературный язык: так было в истории языка (например, при реформировании сербского литературного языка В. Караджичем), так продолжает оставаться и в настоящее время, когда в ходе развития тенденции "автохтонизации" ("национализации" / "этнизации") диалекты становятся источником новой кодификации литературного языка (ср., например, украинский, белорусский, хорватский и другие этносы).

В целом, характеризуя специфику языкового обеспечения данной подсистемы, следует акцентировать два важных момента:

inslav

А. Отсутствие (по сравнению с подсистемой непринужденного повседневного общения) столь множественной репрезентации языковых идиомов;

Б. Ускоренное протекание процесса центрирования, т.е. выделения соответствующей функциональной доминанты.

4. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ. ТЕНДЕНЦИЯ *НАПРАВЛЯЕМОЙ* ИНТЕГРАЦИИ

Анализируя интеграционные процессы в сфере современных межэтнических культурно-языковых отношений, нельзя не заметить, что преобладающую роль здесь, несомненно, играет *направленная* интеграция, стимулируемая прежде всего внешними, т.е. идеологическими, экономическими, политическими факторами. Эта закономерность особенно очевидна для глобальной интеграции, непосредственными участниками которой ныне в той или иной степени становятся и славянские страны.

Масштабность и значимость происходящих интеграционных процессов не могли не сказаться на направленности научных исследований, обусловив в значительной степени изменение их ориентиров. Так, в социолингвистической литературе новейшего периода заметно возрос интерес к изучению внешних обстоятельств функционирования этнических языков, их включенности в мировой контекст.

Большое внимание уделяется и проблемам интерференции языков, а также заимствованиям, появление которых обусловливается межэтническим культурно-языковым взаимодействием[17]. Учитывая, что зоны последнего с течением времени варьируются, немалый интерес представляет диахроническое сопоставление пластов заимствований, поскольку оно может быть полезным для своеобразного "картографирования" этнического языкового пространства с целью выявления в нем очагов культурно-языковой и социально-политической иррадиации.

Вместе с тем, поскольку в "глобализационную воронку" втягиваются страны с разным уровнем социально-экономического,

---

[17] В определенных ситуациях очагом влияния могут служить "мертвые" языки, непосредственно не связанные с каким-то конкретным, живущим в данную эпоху этносом. Так, на формирование конфессиональной терминологии в странах Slavia Orthodoxa оказывал влияние старославянский язык; в свою очередь научная терминология несет на себе печать длительной культурной традиции использования латыни в качестве международного языка науки и образования.

inslav

культурного и пр. развития, с разным социолингвистическим статусом этнических языков, исследователей начинает все более беспокоить дальнейшая судьба этих языков и соответственно этносов, перспективы их сохранности в рамках глобального сообщества. Отсюда все более острый характер приобретают проблемы этнической самоидентификации, существования "малых" языков, языков, находящихся внутри иного этноязыкового окружения и т.д.

Ныне понятие-термин "глобализация" по праву может быть отнесено к числу наиболее часто встречающихся в современном научном узусе, оно становится постоянным атрибутом метаязыка не только политологической, экономической и пр. литературы (равно как и средств массовой информации), но и таких интердисциплинарных ответвлений лингвистики как социо- и этнолингвистика, психолингвистика и т.п. Чаще всего это понятие соотносится с образованием Объединенной Европы, или же Европейского Союза (ЕС).

Сопутствующие этому эмоции обычно укладываются в диапазоне либо восторженно позитивной оценки значимости явления глобализации (подобная оценка неоднократно звучала в выступлениях на XIII Международном съезде славистов в 2003 г. в Любляне), либо, напротив резко негативной. Так, ее сторонники обычно акцентируют важность этого события для обеспечения мира и стабильности, искоренения предрассудков и дискриминации и пр., для процветания языков и культур всех населяющих Европу этносов, сохранения их разнообразия как ценнейшего сокровища и общего богатства. Противники, напротив, сомневаются в истинности, а главное – в реальности жизнеутверждающих заверений в том, что одной из важнейших ценностей объединенной Европы станет сохранение ее многоязычия и многокультурности как источника и гарантии духовного богатства, взаимопонимания, толерантности, сотрудничества и т.п.

В настоящей статье мы постараемся хотя бы отчасти рассмотреть лингвокультурологическую проекцию глобализационных интеграционных процессов, учитывая в том числе и опыт имеющихся исторических прецедентов[18]. Особое значение при этом

[18] Примечательно, что некоторые ученые, увлекаясь заманчивой перспективой объединения Европы, усматривают ее проявления даже в деятельности Кирилла и Мефодия – см. название статьи "Миссия Кирилла и Мефодия и объединение Европы" ("Мисията на Кирил и Методий и обединението на Европа" – Българистика 8/2004, автор Хайнц Миклас).

inslav

будет придаваться изучению влияния процессов глобальной интеграции на функциональную специфику славянских языков, их коммуникативный диапазон.

Невзирая на решающую роль в формировании новых надрегиональных, надгосударственных интегрированных структур экономических, политических и пр. мотиваций[19], в задачи настоящей статьи их анализ не входит. Впрочем, и сам феномен глобализации нами будет затрагиваться лишь в контексте общей проблемы интеграции, т.е. как одно из *частных* ее проявлений.

Сознавая сложность, а, главное, дискуссионность темы, наличие в ней множества составляющих, в частности, социолингвистической, психолингвистической, коммуникативной, культурологической и пр., мы не претендуем на детальное освещение вопроса. Скорее всего, это будет лишь некоторое "вхождение" в тему, попытка наметить возможные аспекты ее исследования, на которых впоследствии имело бы смысл сосредоточить свое внимание.

Говоря о глобализации, мы будем исходить из собственного, *рабочего*, определения. Насколько нам известно, ее точная научная дефиниция (а не пространная интерпретация) еще не вошла в научный обиход[20]. При этом нередко имеется в виду как реально существующая данность, так и перспектива, определяющая вектор современного развития социумов. В соответствии с этим под феноменом глобализации мы будем иметь в виду крупномасштабную интеграцию человеческого сообщества, *направляемую* и *стимулируемую* прежде всего факторами политическими, экономическими, идеологическими, в том числе и религиозными и пр. Несмотря на все несовершенство этого определения, оно хотя бы в какой-то мере может оказаться полезным при рассмотрении намеченных задач.

---

[19] Подтверждением сказанного являются общеизвестные исторические вехи в образовании ЕС: а) установление в соответствии с Парижском договором 1951 г. Европейского сообщества угля и стали с шестью странами-членами: Бельгия, Франция, Германия, Италия, Люксембург и Нидерланды; б) определение в соответствии с Маастрихтским договором 1992 г. организационной структуры Европейского Союза и курса на дальнейшее усиление политической и экономической интеграции; в) расширение в XXI в. состава ЕС за счет включения новых стран (в том числе и ряда славянских), особенно из Центральной и Восточной Европы.

[20] Ср. определение, которым пользуется Х. Миклас: "Характеризуя развитие нынешней Европы, мы чаще всего пользуемся ключевым словом "глобализация", когда под глобализацией мы понимаем объединение и унификацию политических субъектов с близко родственными системами и сопоставимым уровнем развития" [Миклас 2004: 8].

inslav

Выше уже отмечалась значительная противоречивость в развитии мирового сообщества конца XX – начала XXI в.: с одной стороны, это мощные тенденции глобализации, сопровождающиеся этнокультурной и этноязыковой интеграцией; с другой – противовесное усиление процессов суверенизации, этнокультурной и этноязыковой дифференциации, этнизации и пр. Акцентировалось также изменение сущности современных интеграционных процессов. Так, ранее результатом интеграционных процессов было образование полиэтнических государственных структур с более или менее четкой пространственной локализацией (и соответственно с государствообразующими нациями / языками; ср. например, Австро-Венгрию). Ныне же интегрированная структура не имеет строгой региональной закрепленности, она включает континент, а в дальнейшем, возможно, и мировое пространство в целом.

Об уникальности глобальной интеграции пишет и немецкий ученый Р. Пфромм, не скрывающий при этом своих сомнений: "образование супранационально-государственного объединения на основе упомянутых стран Западной Европы не может обойтись без взаимного языкового сближения людей, хотя никто не ставит однозначно вопрос таким образом, что срастание европейских национальных культур должно означать также и языковое срастание этих народов... по чисто прагматическим причинам нельзя оставить без внимания вопрос о том, сохранится ли в объединенной Европе прежнее многоязычие (языковая полифония) или для целей общения в этих пределах могут быть приняты несколько региональных или один общий язык, что не затрагивало бы функции и статус национально-государственных языков нынешних государств. Тем самым выдвигается идея, для которой практически нет аналогов в современном мире, так как речь идет о высокоразвитых культурных государствах с их равнопоставленными культурными языками, которые, с одной стороны, не должны понести никаких социо-функциональных потерь, и тем не менее не могут одинаково равноценно функционировать на репрезентационном уровне всей объединенной Европы. Представление о таком новом языковом Вавилоне может еще более усложниться, если принять во внимание, что круг государств-основателей интегрированной Европы в будущем может заметно расшириться за счет стран Восточной Европы благодаря тем демократическим общественно-политическим и социально-экономическим преобразованиям, которые в них происходят. Одним словом, нет ничего более ошибочного, чем предположение, что

inslav

языковые проблемы, с которыми столкнется Объединенная Европа, имеют примерно такой же характер, как это было в таких многонациональных странах или союзных государствах, как США, Советский Союз, Канада, Швеция или Бельгия" [Pfromm R. Einleitung // Nationalsprachen und die Europäische Gemeinschaft. Probleme am Beispiel der deutschen, französischen und englischen Sprache. München, 1989. – Цит. по: Домашнев 1994а: 7].

Добавим к сказанному, что за прошедшее с 1989 г. (год выхода работы) время культурно-языковая проблема ЕС отнюдь не прояснилась. Иными словами, сложнейшая и деликатнейшая проблема будет решаться "на марше", когда все участники объединения уже будут скреплены жесткими политико-экономическими обязательствами.

Для славянских стран, особенно для тех из них, которые включены в глобализационный ареал ЕС, это событие, по сути, означает начало *дивиргентного* развития отдельных регионов славянского мира.

Для того, чтобы объективно оценить возможные последствия современных глобализационных процессов для этнокультурного и этноязыкового развития человечества, необходимо иметь представление о реальной, а не декларативной направленности культурно-языковой политики нового сообщества, ее приоритетах. К сожалению, именно этой конкретной информации нам и недостает. Между тем чрезвычайно важно было бы получить ответ на следующие вопросы:

не произойдет ли снижение социолингвистического статуса языков объединяющихся этносов?[21]

сохранятся ли за ними и, если "да", то в какой степени, наиболее репрезентативные, т.е. социальные функции (см. ниже)?

не станут ли языки этносов, вступающих в интеграционное поле, лишь средством преимущественно обиходного, повседневного, а то и просто "внутрисемейного" общения?

как будет осуществляться на практике равноправное функционирование языков (притом со столь различными типологиче-

[21] Примечательно, что, проводя параллель между миссией Кирилла и Мефодия и современной глобализацией, Х. Миклас отмечает, что когда на передний план выходят экономические и стратегические мотивы сохранения и защиты достижений цивилизации в условиях международной конкуренции и борьбы за существование, это может быть оплачено ценой ограничения политической и экономической самостоятельности и частичного отказа от отдельных социокультурных традиций (выделено нами. – *Г.Н.*) [Ср.: Миклас 2004: 9]. Подобное уточнение не может не настораживать.

inslav

скими параметрами) при создании системы терминологической номенклатуры, обслуживающей единую экономическую, политическую – а главное – надрегиональную структуру? Вряд ли нужно специально доказывать, что без этого невозможно слаженное, оперативное функционирование механизма этого гигантского объединения;

можно ли исключить вероятность того, что в результате образования глобальных, надрегиональных, надгосударственных структур не возникнет этноязыковое неравенство, результатом которого станет формирование, с одной стороны, суженного "клуба" *престижных* языков с максимально развернутым коммуникативным спектром, включающим в том числе и *репрезентативные* функции и, с другой стороны, языков интегрируемых этносов, обладающих суженным коммуникативным спектром, невзирая на то, что многие из них имеют длительные культурные традиции?

не может ли случиться так, что в результате целенаправленно проводимой языковой политики "престижные" языки осуществят "экспансию" в сферу функционального использования менее престижных на данном этапе мирового развития языков других этносов, узурпируя их репрезентативные функции?

Мы назвали лишь малую толику вопросов, ответ на которые пока что еще не ясен. Между тем именно вокруг этих "неясностей" в дальнейшем могут возникнуть пресловутые "болевые точки", которые станут очагами локализации острейших, межэтнических, межкультурных и межъязыковых конфликтов.

Как показывает анализ, при решении проблемы этноязыковой интеграции на первый план выходит вопрос о языковых функциях, о степени полноты коммуникативного спектра интегрируемых языков. В силу этого, если процесс этнического объединения будет сопровождаться свертыванием наиболее репрезентативных коммуникативных функций языков (тем более, при наличии у них предшествующей длительной культурной традиции), это рано или поздно приведет к возникновению конфликтных ситуаций.

Следует отметить, что проблема языковых функций, невзирая на множество детально разработанных концепций и толкований (которые здесь нет смысла, да и возможности анализировать), до сих пор продолжает оставаться для исследователей "трудным местом".

Говоря о многозначности термина "функция" в языкознании, выдающийся отечественный социолингвист и ориенталист

inslav

Л.Б. Никольский справедливо отмечал, что конкретное содержание этого термина (ученый понимал его как "назначение или роль") должно уточняться в каждом отдельном случае. При этом в каждом таком случае его содержание может интерпретироваться по-разному: указание на связь между языком и социальным взаимодействием / соотнесенность слова-единицы языка и единицы денотативного ряда / отношение единицы плана содержания и единицы плана выражения / указание на связь между единицами двух разных уровней языковой системы в зависимости от того, подходим мы к этому понятию со стороны самого явления или со стороны системы более высокого порядка [ср.: Никольский 1976: 40–41]. Ученый уточняет, что вслед за "пражцами" он понимает под *коммуникативной функцией языкового образования* его назначение быть средством обеспечения социального взаимодействия [Там же: 41]. К числу "социальных" функций языка Л.Б. Никольский относит: *консолидирующую, разъединяющую, символическую* и *интегрирующую* [Там же: 134].

Обобщая опыт функционирования интегрированных государственных комплексов в разных регионах мира, ученый отмечает, что суть *консолидирующей функции* состоит в том, что, реализуясь в стихийном процессе слияния этнических общностей, она способствует становлению более крупных этнических единиц. Соответственно *интегрирующая функция* возникает и усиливается в результате сознательных действий общества или государства, направленных на распространение языка, необходимого для межнационального общения, что интенсифицирует формирование национально-политических общностей.

Значимость этих функций в жизни этноса действительно велика. Обращенные *вовне*, т.е. в аспекте межэтнических взаимосвязей, они представляют данный этнос во внешнем мире, одновременно отличая его от других этносов (этнорепрезентативная, этнодифференцирующая функции); обращенные *вовнутрь*, т.е. во внутриэтническое языковое пространство, они интегрируют данный этнический коллектив и вычленяют его из других этнических общностей, проживающих вместе с ним на данном государственном пространстве (этноинтегрирующая, этнодифференцирующая функции).

Внутриязыковые интеграционные процессы проявляются и в формировании наддиалектных образований, становлении субстандартной разговорной формации, становлении и совершенствовании литературного языка как общеэтнического коммуникативного средства и т.п.

inslav

Иными словами, проблема языковых функций может быть повернута под определенным углом зрения в зависимости от конкретных исследовательских целей. Так, при решении социолингвистических проблем, связанных, в том числе и с развитием интеграционных тенденций, функции языка как системы знаков отходят на второй план. Соответственно первостепенное значение приобретают "социальные" функции, манифестирующие язык как неотъемлемый, причем *репрезентативный* компонент этносоциального коллектива в целом, *целостный* комплекс форм его существования.

Социальные функции (их терминологическими аналогами могут служить и такие обозначения как "символические функции"; "репрезентативные функции") являются константой в жизни этноса, их проявление, разумеется, может варьироваться, однако было бы абсурдным говорить об их нивелировании и даже исчезновении, как это утверждают некоторые авторы, присовокупляя к тому же политическую мотивацию[22].

Репрезентативную роль играет, с нашей точки зрения, и языковое обеспечение сферы управления, судопроизводства, торгово-экономических отношений, науки и пр., по линии которых осуществляется как внутриэтническое, так и межэтническое взаимодействие. Сказанное выводит нас на проблему создания соответствующих терминологических номенклатур. Не случайно лейтмотивом эпохи национального возрождения у славян было становление национальных литературных языков *во всем многообразии* их коммуникативных функций. Решение этой задачи было невозможно без создания отечественной терминологии, чему и посвятили свою жизнь многие поколения будителей.

Эта же проблема выходит на первый план и в период глобализации, становясь в своем роде "камнем преткновения". Дело в том, что для бесперебойного и оперативного функционирования столь сложного и разнородного государственного механизма как ЕС, необходима либо единая, *унифицированная*, либо взаимосоотносимая (т.е. "компатибильная") терминология. Как известно, попытки нормализации специальной терминологии уже предпринимаются, для этой цели даже созданы специальные институты.

---

[22] Так, в понимании Г. Гладковой значимость символических функций в ходе исторического развития этноса меняется: они особенно значимы в эпоху национального возрождения, однако по мере приближения к современности они попросту *нивелируются* [Гладкова, Ликоманова 2002: 156].

inslav

Скорее всего, унификация терминологических номенклатур будет проводиться под эгидой английского или же немецкого языка. Неясно, однако, как это можно осуществить применительно к языкам, имеющим иную типологическую принадлежность, скажем, славянским (так, например, в чешской терминологии явно будут преобладать суффиксальные дериваты, в то время как в немецкой – сложные слова). На практике, очевидно, это приведет к замене отечественной (этноязычной) терминологии англоязычной. Подобная трансформация не может не вызвать противодействия, так как предсказуемым следствием этого станет "омертвление" названных функций в данном языке. Мало того, это потребует смены языка обучения в учебных заведениях и в конечном итоге повлечет за собой генерационный разрыв в интеллектуальной среде[23].

Переизбыток заимствований, тем более при наличии эквивалентных обозначений в родном языке, воспринимается отрицательно не только потому, что речь идет о "вторжении" иной культурно-языковой стихии в живую ткань языка-реципиента, в его структуру и функционирование. Не менее важным является и потенциально возможное возникновение коммуникативного дискомфорта, поскольку для адекватного восприятия передаваемой информации адресат должен обладать соответствующим уровнем языковой (а также культурной) компетенции. В противном случае затрудняется выполнение языком своей важнейшей функции – служить средством общеэтнической коммуникации. Введение же в текст разъясняющих комментариев делает его менее компактным, что противоречит тенденции языковой экономии, а также замедляет скорость распространения информации. В преобладающих ныне устных СМИ пространные комментарии вообще невозможны, в результате чего от информационного потока либо практически "отрезаются" большие пласты населения, не обладающие соответствующей языковой, а также культурной компетенцией, либо информация воспринимается ими искаженно.

---

[23] Применительно к культурно-языковой ситуации Люксембурга в 80-е годы XX в. А.И. Домашнев приводит в упоминавшейся выше статье слова педагога и филолога П. Грегуара: "постоянные поиски языкового средства для выражения национальных ценностей и идей сказываются на качественной стороне духовной жизни народа" [Домашнев 1994а: 5]. В данной статье содержится ценнейший материал по поводу языка общения в Объединенной Европе, по поводу языковых меньшинств, утраты языковой идентичности, агрессии языка, наделенного престижем политического и культурного значения и т.д.

inslav

Чтобы не быть голословными, приведем в качестве иллюстрации полемику, развернувшуюся в октябре 2004 г. в ЕС[24] по поводу термина *евро*. В статье сообщается, что пять новых членов ЕС пригрозили тем, что не подпишут европейскую конституцию, если им будет отказано в сохранении собственного обозначения этого денежного знака. Официальный протест, поддержанный Латвией, Словенией, Венгрией и Мальтой, принес представитель Литвы А. Бразаускас. Протест содержал требование сохранить характерные для языков этих стран версии обозначения этой денежной единицы[25].

Возникший конфликт выявил и другие очаги напряженности: "Малые народы, которые в большинстве своем лишь недавно освободились от господства одного иностранного языка и культуры, ныне опасаются, что уния их поглотит не только политически и экономически, но и в культурном и языковом отношении. Первыми забили тревогу языковеды" [Там же] или же (мнение профессора лингвистики из университета в Любляне) "Решение писать *euro* в Словении принимали политики, а не лингвисты. Это создает опасный прецедент" [Там же]. Как комментирует автор статьи, "обычных людей это особенно не волнует, хотя нельзя отрицать, что некоторых из словенцев это укрепило в их евроскептицизме". Или далее (представительница Литвы): "мы опасаемся, каково будет положение в унии нашего языка. Те же чувства испытывают, насколько я знаю, коллеги из Венгрии и Латвии". Единодушно выражается мнение о возрастании влияния английского языка, из которого заимствуется главным образом терминология. Еще более тревожные мысли высказывает профессор Орешник из Любляни: "словенский язык утрачивает качества и свойства развитого языка... Он уже почти не используется в научных трудах по естественным наукам... Он становится языком второсортным. Тем самым язык утрачивает свой престиж, в том числе и в глазах его пользователей, он становится все более уязвимым" [Там же].

Невзирая на, очевидно, вполне искренние заверения о соблюдении прав всех языков, в том числе и самых "малых" в составе

---

[24] Приводимые данные содержатся в статье "Jednotné euro probudilo" (автор М. Эгл), опубликованной в газете "Hospodářské noviny" (26.10. 2004).

[25] По мнению председателя литовской государственной языковой комиссии, "Буква "О" в конце слова "евро" противоречит системе литовского языка". Соответственно в литовском языке это слово должно воспроизводиться как "euras" и соответственно иметь семь падежей и окончаний.

inslav

Объединенной Европы, идея вербальной интеграции в рамках нового надгосударственного образования с единым экономическим и социально-политическим пространством, на наш взгляд, не так уж неуязвима. На практике это может привести и, как мы видим, действительно приводит, к этническим и этноязыковым конфликтам, к взаимному отторжению этносов.

Настораживает, что по мере ускорения процессов глобализации, вопреки всем благим намерениям, обещаниям и ожиданиям, этноязыковые и этнокультурные конфликты нередко усиливаются. Дело в том, что далеко не всякий этнос во имя идеи интеграции готов отказаться от своей собственной, исторически им занимаемой ниши в мировом культурном пространстве, т.е. от исконных культурных традиций, языкового своеобразия, этнического самосознания, т.е. всего того, что имеет для него непреходящее значение[26]. Возрастает и напряженность во взаимоотношениях между развитыми этносами и этносами, не имеющими длительных традиций культурно-языкового развития, мощного социально-экономического потенциала и пр.

Причиной этой напряженности является, на наш взгляд, столкновение двух *противонаправленных* тенденций:

а) тенденции к этноязыковой *унификации*, сопутствующей интеграционным процессам;

б) тенденции к сохранению этноязыкового своеобразия.

Напряженность усиливает и тревога за судьбу родного языка, опасения, не будут ли нарушены его внутренние закономерности, не ограничится ли сфера использования "малых" языков (а в их числе находятся и языки с давними культурными традициями) лишь "камерным" межличностным общением, не окажутся ли подавленными творческие потенции этнического языка, наконец, не будет ли он сам, а соответственно и пользующийся им социум оттеснены на периферию современной цивилизации.

Об использовании тех или иных языков в этнополитической борьбе пишет, например, К. Шредер: "Более чем 400 лет в Европе осуществляется языковая политика и длятся языковые споры: целые регионы подвергались испанизации, романизации (französisiert), германизации, англизации или русификации. Позд-

[26] Как упоминает в своей статье А.И. Домашнев, один из идеологов создания Объединенной Европы Жак Монэ мечтал о полном объединении Европы европейцев, а не "отечеств", он выступал против возрождения Европы как совокупности национальных государств. Самым большим противником этой идеи Ж. Монэ был маршал Де Голль (ср.: Домашнев 1994а: 3).

inslav

ние последствия такой политики проявляются в многочисленных региональных конфликтах, нарушающих западно- (и восточно-) европейскую стабильность. Во всех этих конфликтах присутствует лингвополитический компонент. Вывод о том, что последовательная регионализация по этническому признаку является единственной серьезной предпосылкой к длительному европейскому единению, лежит на поверхности. Центрально управляемая в языковом и культурно-политическом отношении Европа не может вообще состояться (nicht realisierbar); если бы это произошло, то это стало бы образованием, постоянно подверженным опасности гражданской войны (bürgerkriegsanfällig) [K. Schröder. Eine Sprache für Europa // Wort und Sprache. Beiträge zu Problemen der Lexikologie und Sprachpraxis veröffentlicht zum 125 jährigen Bestehen des Langenscheidt-Verlags. Berlin; München; Wien; Zurich, 1981: 64. Цит.: Домашнев 1994а: 17].

В этом отношении не могут служить утешением и исторические прецеденты. Достаточно привести в качестве примера Габсбургскую монархию и Австро-Венгрию (1868–1918 гг.), где государствообразующим, в сущности надэтническим языком был немецкий, используемый в сфере государственного управления и официального общения, в то время как региональные этнические языки имели ограниченную сферу употребления и использовались в повседневном обиходе, а также на низших уровнях местного делового общения (см. по этому поводу: Домашнев 1994; Нещименко 1994). Как неприемлемое и дискриминационное оценивает языковое право австро-венгерского государственного союза Я. Корженский (см.: Корженский 2000), отмечая, что практически речь шла о легализации гегемонии немецкого языка на всей чешской и моравской территории. Несмотря на то, что формально чешский язык, наряду с немецким, считался официальным, деловым языком – во всяком случае, так это провозглашалось, на практике в административной сфере полностью господствовал немецкий язык.

Как известно, власти Габсбургской монархии лелеяли мечту о национально-языковой интеграции обширной империи и, в частности, о создании единой австрийской государственно-политической нации, стоящей над этнической и языковой разнородностью населения [Střítecký 1990]. По сути, речь шла о некоем надэтническом понятии, предполагающем использование общего официального языка в сфере государственного управления – в данном случае немецкого. Применение так называемых региональных языков разрешалось лишь на более низких уровнях общения.

inslav

Не оказались удачными и попытки создания надэтнической государственности с единым чехословацким языком. Сильнейшие сепаратистские тенденции проявились на постсоветском пространстве после распада СССР, то же произошло и после распада Югославии и т.п.

Интеграционные процессы, происходящие в современном мире, вполне закономерны и предсказуемы. Они имеют и положительные, и отрицательные стороны. Было бы, однако, непростительно закрывать глаза на возможные негативные последствия *форсированного, целенаправленного* создания глобального надрегионального, надгосударственного сообщества. Тем более непростительно "завораживать" общественность туманными фразами о гарантировании равенства всех культур и языков, даже самых малых.

Как нам представляется, профессиональным долгом лингвистов было бы уточнить и, соответственно, разъяснить, чем обернется глобальная форсированная интеграция для культурноязыкового развития этносов, в каком качестве сохранятся культуры и языки интегрируемых этногосударственных образований. И, наконец, не слишком ли дорого может быть оплачено возможное экономическое процветание.

Опасения на этот счет отнюдь не беспочвенны. Нельзя не заметить, что с начала 90-х годов все чаще раздаются голоса о целесообразности введения национально-английского двуязычия, при котором наиболее репрезентативные функции будут переданы английскому языку. Не может не тревожить снижение патриотизма[27] у некоторых слоев молодежи, полагающих, что лишь в интегрированном, глобализованном мире ее шансы на обеспеченное будущее существенно возрастут. В этом отношении показательны результаты социолингвистического обследования, проведенного чешскими учеными Фр. Данешом и С. Чмейрковой. Так, при выявлении отношения пятнадцатилетних чешских учащихся к национальной идее и идее гражданственности были зафиксированы весьма полярные оценки: от патриотической ("Для меня как для чеха чешский язык значит очень

[27] "Никто (имею в виду в чешском языковом обществе и болгарском языковом обществе, в отличие от упомянутых уже словаков, сербов, хорватов и др.) не ощущает или, по крайней мере, не осознает стандартный язык как национально-репрезентативную отличительную черту нации, никто не связывает существование государственности с языковым вопросом" [Гладкова, Ликоманова 2002: 285].

inslav

много, это родной язык") до полностью индифферентной, граничащей с языковым нигилизмом ("Для меня чешский язык не означает почти ничего. Для меня неважно, какой я национальности, важно лишь, чтобы я принадлежал людям, всему миру. Я полностью согласен с образованием единого европейского государства, с использованием единого языка") (Данеш, Чмейркова 1994: 34–37).

ЛИТЕРАТУРА

Гладкова Г., Ликоманова И. Языковая ситуация: Истоки и перспективы (болгарско-чешские параллели). Praha, 2002.

Данеш Фр., Чмейркова С. Экология малого народа // Язык – Культура – Этнос. М., 1994.

Домашнев А.И. Языковая ситуация в странах немецкой речи // Язык – Культура – Этнос. М., 1994.

Домашнев А.И. К проблеме языка общения в Объединенной Европе // ВЯ. 1994а. № 5.

Ешич М.Б. Этничность и Этнос // Встречи этнических культур в зеркале языка: в сопоставительном лингвокультурном аспекте. М., 2002.

Запольская Н.Н. "Общеславянский" литературный язык: модели Ю. Крижанича (XVII в.) и М. Маяра (XIX в.) // Славяноведение. 1996. № 1.

Запольская Н.Н. Модели "общеславянского" литературного языка XVII–XIX вв. // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации / Отд-ние лит. и яз. РАН. М., 1998.

Запольская Н.Н. "Общий" славянский литературный язык (XVII–XIX вв.): Типология лингвистических представлений. Автореф. дис. ... доктор. филол. наук. М., 2003.

Иванова Д. Идеята за общ славянски книжовен език в културната история на славянските народи през XIX век. (Концепцията на М. Рошковски за общославянска графична система) // Научни трудове на ПУ "Паисий Хилендарски". Т. 29, 1. 1991.

Иванова Д. Идеята за общ славянски книжовен език в културната история на славянските народи в периода на националното им възраждане (XVI–XIX в.) // VIII Kolokwium Slawistyczne Polsko-Bułgarskie. t. I. Gniezno, 2001.

Иванова Д. Езикови утопии за общ славянски книжовен език (XVII–XX век). Доклад, зачитанный на заседании международной комиссии по изучению славянских литературных языков при МКС в Варне в 2004 (в печати).

Миклас Х. Мисията на Кирилл и Методий и обединението на Европа // Българистика 8/2004.

Корженский Я. Развитие языкового права в современной Чешской Республике (период последних десятилетий) // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000.

Нещименко Г.П. Язык и культура в истории этноса // Язык – Культура – Этнос. М., 1994.

Нещименко Г.П. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков) // Specimina philologiae slavicae. Band 121. München, 1999.

inslav

Нещименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // ВЯ. 2001. № 1.

Нещименко Г.П. Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций. М., 2003.

Нещименко Г.П. Тенденция языковой экономии. Общие вопросы. Проявления языковой экономии в восточно- и западнославянских языках // Słowotwórstwo / Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Ed. I. Ohnheiser. Universität Innsbruck – Institut für Slawistik – Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. Opole, 2003a.

Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика. М., 1976.

Чуркина И.В. Проблемы создания общеславянского языка в конце XVIII–XIX вв. Национально-политический аспект // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XI Международный съезд славистов. Братислава. Доклады российской делегации. М., 1993.

Brabcová R. Škola a spisovná čeština // Spisovnost a nespisovnost dnes. Sborník příspěvků z mezinárodní konference. Brno, 1996.

Karhanová K. "Nejde jen o formu, ale i o obsah": Ideál dobrého řečníka v zrcadle průzkumu názorů české veřejnosti // Naše řeč. 2004. N 2.

Krčmová M. Běžně mluvený jazyk v Brně. Brno, 1981.

Neščimenková G.P. K problému diferenciace národního jazyka // Jazykovědné aktuality. Informativní zpravodaj československých jazykovědců. Ročník XXIII. 1986, 1 a 2.

Střítecký J. České identity // Přítomnost. 1990. N 3.

Е.Ф. Тарасов

(Россия)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЭТНИЗАЦИЯ: СЕМИОТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Глобализация и этнизация – это два понятия, при помощи которых исследователи пытаются осмыслить развитие современного мира. Эти два понятия являются порождением западно-европейской мысли для умопостижения хаотического космоса, каким представляется мир в последние тридцать лет. Тенденции развития мирового сообщества, наиболее отчетливо проявившиеся в конце XX и начале XXI в. и называемые глобализацией, связывают с распространением экономической деятельности транснациональных компаний (ТНК) за пределы государственных границ, со стремлением к построению монополярного мира и с попытками экспансии западной модели развития на все страны планеты.

Распространение западной модели цивилизации военным путем привело к тому, что прежнее противопоставление этносов,

inslav

описываемое оппозицией "свой – чужой" и ранее приводившее к межэтническим войнам, стало принимать форму межцивилизационных противоречий, как это происходит в Югославии, Ираке и на Украине.

Исследователи полагают, что мировые экономические процессы, называемые глобализацией, в научном осмыслении принимают характер американоцентричности. В целом современную форму глобализации отождествляют с вестернизацией, т.е. с распространением ценностей англосаксонской цивилизации: идей индивидуализма, свободы, демократии, прав человека, равенства, отделения церкви от государства, либерализма [Удовик 2002: 279]. Естественно, что речь идет о том понимании этих идей, которое они имеют в англосаксонской цивилизации и которое отличается за пределами этой цивилизации [Ильин, Ахиезер 2000; Кара-Мурза 2002; Панарин 2002].

Сделаем предварительное замечание, которое будет иметь значение для нашего дальнейшего изложения: речь идет о распространении некоторых идей, знаний, способов (операций) деятельности и общения, а также культурных предметов. В лингвистике этот процесс обмена культурными предметами, способами их изготовления (технологиями) и знаниями о свойствах этих предметов и о способах их изготовления изучается и описывается при помощи представлений о "диалоге культур". Целесообразно подчеркнуть, в этом диалоге культур главную роль играют знания, распространение которых обеспечивает в нашем случае экспансию англосаксонской цивилизации: это знания о способах изготовления культурных предметов и о способах общения, т.е. о способах формирования личностей, ибо, как заметили авторы "Немецкой идеологии", общение – это процесс обработки людей людьми, т.е. процесс формирования личностей.

Придание решающей роли процессу передачи знаний в ходе диалога культур понятно не только с позиции лингвистов – авторов этой коллективной монографии, решающая роль знаний в культурном диалоге очевидна и с онтологической точки зрения: передача культурой–донором культурных предметов и способов их изготовления культуре–реципиенту означает, строго говоря, передачу человеческих способностей (качеств) по изготовлению передаваемых культурных предметов. Эти способности в определенной форме (культурные предметы) "транслируются" в процессе их распредмечивания в так называемой адекватной (форме культурного предмета) деятельности.

inslav

Осуществление этой адекватной деятельности предполагает инструктивное обучение, возможное только при наличии знаний, необходимых для:

1) построения образа результата адекватной деятельности;

2) создания представлений о способах распредмечивания человеческих способностей, застывших во внешней форме культурных предметов, и для превращения этих представлений в точную технологию изготовления заимствованных в ходе культурного диалога предметов чужой культуры.

Очевидно, что та форма диалога культур, которая в западном мышлении получила названия глобализации и вестернизации, имеет конечной целью, по мнению достаточно широкого круга исследователей, построение такого однополярного мира в духе pax americana, в котором культурные предметы, способы их изготовления и знания распределяются по странам мира в зависимости от того, какое место они занимают в мире, построенном по модели: центр, полупериферия, периферия, запериферия.

Попытаемся показать роль знаний в диалоге культур, в котором, как уже упоминалось, культуры-реципиенты заимствуют культурные предметы, способы (операции) их изготовления и знания об этих предметах и об операциях.

Известно, что во время Великой Отечественной войны, немцы, убедившись в превосходных качествах советского танка Т-34, пытались построить по его образцу свой танк, распредметив способы изготовления почти всех частей, кроме корпуса его дизельного мотора, так как не знали (т.е. не обладали знаниями) способы литья под давлением.

Другой аналогичный пример: после Великой Отечественной войны была осуществлена успешная попытка построить дальний бомбардировщик, скопировав американский бомбардировщик Б-26. Имея сохранный экземпляр самолета, советские конструкторы распредметили все операции изготовления самолета и при отсутствии знаний изготовителей построили абсолютно точную копию, у которой, однако, скорость была на 50 км/час ниже, чем у оригинала: сказалось отсутствие американских знаний о технологии, хотя предметная форма этих технологий была в наличии.

И, наконец, последний пример. Успеху создания атомной бомбы в СССР способствовали знания о способах (технологиях) изготовления некоторых ее компонентов.

Для доказательства приоритетной роли знаний в диалоге культур, впрочем, нет необходимости обращаться к историческим примерам, достаточно вспомнить о современных формах

inslav

промышленного шпионажа, например, о всемирной системе США "Эшелон", благодаря которой постоянно перехватываются в мировом масштабе сообщения, позволяющие сформировать знания, дающие возможность компаниям США заключать многомиллиардные контракты в обход конкурентов.

Мысль о роли знаний в диалоге культур облегчает нам подход к проблемам глобализации с семиотической точки зрения: анализ проблем глобализации как современной формы диалога культур наводит на мысль, что распространение знаний в современном мире приобретает беспрецедентные масштабы и составляет сущностную черту всех социально-экономических процессов, именуемых глобализацией.

ООН в границах своей компетенции задает правила общения государств, распространяя документы на эту тему.

Решения Всемирной торговой организации (ВТО) стимулирут конструирование таких знаний, которые носят прескрипционный характер для участников мировой торговли, формируя правила общения в этой сфере.

Расширение деятельности различных государственных и негосударственных организаций по распространению международных стандартов производственной деятельности, стандартов эксплуатации автомобилей, самолетов на международных линиях и т.п. – одни из способов распространения знаний.

Следует подчеркнуть, что языковые процессы имеют этнизационную направленность, т.к. использование языка как средства общения ориентировано на поддержание стабильности параметров акта общения, а процессы глобализации в форме диалога культур расшатывают эту стабильность. Поясним эту мысль.

Сознание членов каждого этноса формируется в процессе деятельностей, осуществляемых в специфическом для каждого этноса ландшафте, образы сознания отображают реальный мир так, как это необходимо для достижения целей деятельности. Образы сознания – это понятие, заимствованное из психологии для обозначения знаний об объектах окружающей действительности, которые используются коммуникантами при знаковом общении. В ходе речевого общения коммуниканты отображают свои мысли, сконструированные из наличных образов сознания, в виде речевой цепи и предъявляют их друг другу для восприятия. Пытаясь понять воспринятые речевые сообщения (речевые цепочки), они конструируют из имеющихся образов сознания, ассоциированных со словами высказывания, содержание сообщений.

inslav

Очевидно, что взаимопонимание возможно только в случае определенной общности у разных коммуникантов образов сознания, ассоциированных с одним и тем же словом. Эта общность сознаний создается единством культуры, присвоенной коммуникантами в процессе социализации. Следовательно, устойчивость этноса создается за счет того, что члены этноса присвоили одну и ту же культуру и сформировали сходные образы сознания и продолжают поддерживать эту схожесть, общаясь друг с другом и побуждая друг друга вызывать из памяти эти схожие образы сознания и конструировать из них содержания сообщений.

Определенное сомнение может вызывать идея о схожести образов сознания у разных коммуникантов, ассоциированных с одним и тем же словом. Доказательство в пользу этой идеи можно найти, если обратиться к анализу ассоциативных полей (АП). В "Русском ассоциативном словаре" (Караулов и др. 2002) со словом *работа* ассоциированы следующие слова: *трудная* 7%; *не волк, тяжелая* 4%; *интересная, любимая, забота, труд* 3%; *отдых* 2%; *учеба, хорошая, волк, дело, легкая* 1,5%; *дом, синий, лень, нравится, сложная, усталость, есть работа, школа* 1%; *по душе, спорится, деньги, домашняя, жизнь, завод, моя, нудная, плохая, радость, скучная* 0,5%; *адская, большая, в школе, глупая, делать, долг, дома, занятие, каторга, кошмар* и т.д.

Всё АП *работа* включает в себя при 714 испытуемых 310 разных слов, при этом частотная часть включает в себя – 10% всех слов. Слова-реакции АП указывают на знания, которые используют русские для конструирования образа работы в своем сознании, в норме слова-реакции АП очерчивают все знания, которые русские связывают со словом *работа*. Частотная часть АП, которая составляет всего 10% АП и которая является достаточно константной во времени, обеспечивает устойчивость этноса. Таким образом, общаясь в рамках своей этнической культуры, коммуниканты "оречевляют" и конструируют новые мысли из старых образов сознания. Если мы эту же мысль соотнесем, например, с АП *работа*, то неизбежно напрашивается вывод о том, что нормативное общение способствует активизации и, следовательно, укреплению связей между языковыми единицами этого АП, исключая, естественно, ненормативное, например, с элементами суперкреативности, общение.

Межкультурное общение напротив имеет своим следствием расширение АП и внесение в него новых знаний, сконструированных при попытках понять лексему чужого языка, эквивалентную слову-стимулу АП.

inslav

Этот механизм расширения знаний можно показать на примере сопоставительного анализа АП *die Arbeit* – "работа" в немецком языковом сознании (Уфимцева и др. М.-Воронеж, 2004). АП *die Arbeit* в немецком языке имеет следующие слова-реакции: *Geld* (деньги) – 15%; *anstrengend* (напряженная), *schwer* (тяжелая) – 5,5%; *Stress* (стресс), *Lohn* (заработная плата) – 2,5%; *Schule* (школа), *Mühe* (усилие), *Schaffen* (творчество), *Geld verdienen* (зарабатывать деньги), *Job* (работа) – 2%; *hart* (жесткая), *Spass* (удовольствие), *verdienen* (зарабатывать); *mühsam* (с трудом); *verrichten* (осуществлять); *wichtig* (важная) – 1,3%; *arbeitslos* (безработный), *langweilig* (скучная), *Pflicht* (долг), *tun, Beschäftgung, Fleiss, Freude, leben, notwendig, Scheisse* и т.д. Все АП *die Arbeit* включает в себя при 453 испытуемых 150 разных слов, частотная часть включает в себя – 12% всех слов: *langweilig* (скучная), *Pflicht* (долг, обязанность), *tun* (делать), *Beschäftigung* (занятие), *Fleiss* (усердие), *Freude* (радость), *leben* (жить), *notwendig* (необходимая), *Scheisse* (дерьмо) – 1%.

Качественный сопоставительный анализ АП *работа* и *die Arbeit* показывает, что в образ "работа" в сознании носителей русской и немецкой культур входит общее представление о работе как чем-то тяжелом, трудном, связанном с напряжением. Но в немецком сознании работа рассматривается также и как долг в гораздо большей степени, чем в сознании русских. Но самое главное отличие в немецком образе "работа" – это представление о работе как о средстве заработка в первую очередь. Это действительно удивительное отличие, подчеркивающее склонность немецкого менталитета к известной рациональности.

Для нашей проблематики распространения знаний в ходе общественно-экономической деятельности, называемой глобализацией, важно увидеть в результатах сопоставительного анализа русского АП "работа" и немецкого "die Arbeit" вывод, что диалог русской и немецкой культур неизбежно приведет к расширению представлений о работе в обеих культурах. Если расшатывается значительное число образов сознания определенного этноса, то это может угрожать потерей идентичности, как это происходит с сознанием современных русских, этические представления которых расшатывает отечественное телевидение, в котором отдельные каналы действуют в духе неосознаваемой вестернизации. Эта неосознаваемая вестернизация проявляется в трактовке текущих политических событий, которые преподносятся телезрителям в понятийном аппарате, сформированном телеведущими под влиянием СМИ стран англосаксонской культуры: "мир

inslav

однополярный", "мир многополярный"; "центр – периферия"; "страна изгой"; "фундаментализм исламский"; "сфера интересов США"; "мировая валюта"; "империя зла"; "наказание (стран противников США)"; "крушение СССР" и т.д.

Наш анализ только пунктирно указывает на, пожалуй, самые важные семиотические проблемы осмысления современного мира. Эта проблематика сейчас уже интенсивно разрабатывается, но нуждается в дальнейшем исследовании и настоящая монография является одним из вкладов в эту разработку.

ЛИТЕРАТУРА

Удовик С.Л. Глобализация: семиотические подходы. Москва; Киев. 2002.

Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000.

Кара-Мурза С. Антисоветский проект. М., 2002.

Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. М., 2002.

Уфимцева Н.В., Стернин И.А., Эккерт Х., Милехина В.И., Топорова В.М. Ассоциативные нормы русского и немецкого языков. Москва; Воронеж, 2004.

В.А. Дыбо

(Россия)

ЯЗЫК – ЭТНОС – АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

(Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы.) IV

В последние десятилетия серьёзно изменилось положение в сравнительно-историческом языкознании. Создание больших этимологических словарей северокавказской (С.Л. Николаев и С.А. Старостин) и алтайской (С.А. Старостин, А.В. Дыбо, О.А. Мудрак) языковых семей и индоевропейской этимологической базы данных (С.Л. Николаев) позволяет ввести в сопоставление тематически организованные корпуса основной праязыковой лексики; наличие этимологического северокавказского словаря и создание сино-тибетского (И.И. Пейрос, С.А. Старостин) и енисейского (С.А. Старостин) этимологических словарей

inslav

позволило С.А. Старостину провести соответствующие этимологические исследования и доказать наличие второй макросемьи Старого Света: сино-кавказской (по предварительным исследованиям С.Л. Николаева на-дене-сино-кавказской) макросемьи; дальнейшие исследования привели к выводу о вхождении в эту макросемью или даже в северокавказскую семью таких языковых групп, как хуррито-урартская (И.М. Дьяконов и С.А. Старостин), хаттская (Вяч.Вс. Иванов), баскская (В.А. Чирикба) и, возможно, тирренская (этрусский с его ретийским диалектом, язык тирренских переселенцев в Лузитании и язык Лемносской стеллы; С.А. Старостин, В.Э. Орел); в последнее время С.А. Старостиным была проведена этимологическая обработка и доказано вхождение в данную макросемью бурушаски-вершикской группы (Памир). По глоттохронологии распадение сино-кавказской макросемьи датируется восьмым тысячелетием до н.э. (распадение ностратической макросемьи датировано нами 12 тыс. до н.э.). Наличие у двух групп языковых семей праязыков-источников позволило провести ряд исследований по выявлению лексических заимствований на праязыковом уровне: из северокавказского в праиндоевропейский и в отдельные индоевропейские группы (С.А. Старостин и С.Л. Николаев), из сино-тибетского в дравидийский (И.И. Пейрос). Такого рода исследования проводились и раньше, но они не могли быть верифицированы ввиду отсутствия сравнительно-исторических грамматик более глубокого уровня. Наличие лексических заимствований из северокавказского в праиндоевропейский и в отдельные индоевропейские группы заставило нас предполагать, что индоевропейский в Европе "наложился" на северокавказские и близкие им языковые группы. Эта ситуация многократно обсуждалась на Ностратическом семинаре и в этом отношении предлагаемое мной направление дальнейшего поиска является продолжением этих обсуждений. Сейчас группой Ностратического семинара создаются этимологические базы данных всех языковых семей Старого Света, а на их основе тематически организованные корпуса основной праязыковой лексики. Сопоставительный список тематически организованной основной лексики двух праязыков: индоевропейского и алтайского, был составлен А.В. Дыбо. Аналогичный список северокавказской лексики, естественно, будет составлен С.А. Старостиным.

Уже тот список, который мы имеем, позволяет нам значительно уточнить наши представления о среде, в которой жили эти два пранарода, об их хозяйственной деятельности, об их пище и под.; иногда такое уточнение довольно неожиданно.

inslav

"Прежде всего, степь должна быть исключена из регионов, заселенных праиндоевропейцами периода распада. В лексиконе присутствуют довольно высокие горы с большим количеством различных типов скал и острых или больших круглых камней[1]. Иногда эти горы покрыты лесом. Имеются слова для узких проходов, ущелий, пещер, обрывов и пропастей, холмов, лощин, речных долин, заливных лугов. Реки определенно мельче, чем у праалтайцев (практически полностью отсутствует семантическое варьирование между рекой и морем); ср. здесь же существенно более слабую функцию рыболовства в индоевропейской экономике (выражающуюся значительно меньшим количеством наименований для частей тела рыбы, видов рыб и орудий рыболовства). Но, возможно, у них было поблизости море или большое озеро с песчаным берегом.

В языке праалтайцев ландшафт был представлен не очень высокими горами, пологими склонами, по-видимому, предгорьями (при наличии также скал и осыпей). Восстанавливается несколько терминов, обозначающих "переходить через горный перевал". В значительном количестве представлены слова для долин и степей. Степи при этом достаточно засушливые и пыльные, по-видимому, с невысокими сопками. Имеется много терминов для обозначения небольших быстрых речек с отмелями и перекатами, но есть и слова для обозначения больших рек, рефлексы которых обнаруживают семантическое варьирование между значениями "большая река" и "море". Можно говорить также о наличии названий для наводнений (последние, в принципе, могут указывать на сезонный разлив больших рек). Не удается получить надежную реконструкцию слова со значением "море" для праалтайского. Тунгусо-маньчжурское название моря может быть возведено к общеалтайскому названию волны, а общекореояпонский термин для моря восходит к исходному значению "брод". Аналогичное развитие можно видеть, например, в древнегреческом, где название моря исторически объясняется как развитие исходного значения "водный путь".

Климат прародины алтайских народов, по-видимому, был более холодным и сухим, чем у праиндоевропейцев. На это указывает существенно большее количество слов со значением "замерзать", "холодный". Имеются слова, обозначающие одновременно "ясная погода" и "холодная погода". Отмечены термины для "пыльной бури". Но и для праалтайского, и для праиндоевропейского, по-видимому, следует реконструировать членение года минимум на четыре сезона[2] (если не на пять, как в пратунгусоманьчжурском, где отдельно выделяются ранняя (период таяния снега) и поздняя (период цветения весна), с холодной снежной зимой.

Что касается флоры, характерной для зоны проживания праалтайцев, то прежде всего следует отметить достаточно большое число названий для хвойных деревьев. Показательным здесь является наличие термина для сибирского кедра. Имеется небольшое количество широколиственных деревьев (в основном, дубы), и значительное разнообразие узколиственных (рябина, тополь, ива, ольха), подлесок, состоящий из разных типов орехоплодных и ягодных растений, цветущих кустов, грибов. Если добавить к этой картине ряд терминов для диких злаков, конопли и полыни, то можно предположить, что прародина алтайских народов находилась в пограничной зоне южной тайги и степи.

---

[1] Ср. то же заключение, опирающееся на несколько другие основания, в [1, 665–670].

[2] Вопреки [1, 677–683], ср. также [2, I 534–535].

inslav

Заметим, что для надежно реконструируемой индоевропейской флоры характерны и хвойные (виды сосен и елей), и значительное разнообразие широколиственных деревьев (бук[3], граб, клен, вяз), как и узколиственных (рябина, ясень, береза, ольха), также растения подлеска с орехами и ягодами. Трудно связать это с конкретной климатической зоной, но отсутствие вечнозеленых растений (кроме хвойных, как тис и можжевельник), возможно, говорит о том, что прародину индоевропейцев не следует относить слишком далеко на юг. Весь список растений производит впечатление горного леса где-то в умеренной зоне (Балканы?)[4]. Индоевропейские названия трав (белена, чемерица, марь, дягиль, сныть, папоротник) скорее указывают на лес, чем на степь.

В праалтайском языке, как и в праиндоевропейском, восстанавливается достаточно разнообразная система названий диких животных. Особенно много терминов для диких копытных: для разных видов оленей, для лося. Существенные отличия между алтайской и индоевропейской системами: во-первых, в праалтайском явно восстанавливается название дикого верблюда, которого нет в праиндоевропейском, зато в праиндоевропейском имеются термины для диких быков, которых определенно нет в праалтайском. Во-вторых, в праалтайском, по-видимому, можно восстанавливать значительно более подробную половозрастную терминологию для диких копытных, чем в праиндоевропейском, что показывает большую важность охоты в жизни праалтайцев.

В обоих праязыках имеется значительное количество обозначений крупных и средних хищников. Для определения географического положения прародины алтайцев важным является термин для росомахи. Интересно, что, в то время как индоевропейские названия крупных хищников хорошо сохраняют семантику по рефлексам, праалтайские названия крупных хищников обычно дают разные рефлексы в дочерних подгруппах, с колебанием между медведем, волком и тигром – скорее всего это связано с табуированием. Точные значения названий пушных зверей не удается восстановить ни для праиндоевропейского, ни для праалтайского из-за большого разнообразия значений рефлексов. Любопытно, что для праалтайского реконструируются два названия для обезьяны (NB, что ПИЕ название обезьяны, скорее всего – семитское заимствование).

Выше уже говорилось о более разнообразной "рыбной" терминологии в праалтайском. Так называемый "критерий лосося" в настоящее время признается менее существенным для определения прародины индоевропейцев, поскольку соответствующее слово в праязыке могло означать и "форель", но в

---

[3] Ср. довольно широкую область, определяемую "критерием бука" в [1, 623], [5, 112].

[4] Ср. похожее заключение в [5, 167]: "The widely ramifying and comparatively regular reflexes [of tree names – A.D.] suggest that the speakers of the Common Slavic period lived in an ecological zone similar or identical to that of the PIE, and that, since the Common Slavic period, the speakers of the various Slavic dialects have for the most part continued to occupy such an area". ("Широко разветвленные и довольно регулярные рефлексы (названий деревьев) предполагают, что носители общеславянского языка жили в экологической зоне, сходной или идентичной с праиндоевропейской, и что с общеславянского периода носители различных славянских диалектов продолжали по большей части занимать ту же область"). Это определенно указывает на Балканы, но Фридрих далее почему-то рассуждает о "the Ukraine or the Cossak steppe" ("Украине или казацкой степи").

inslav

праалтайском определенно обнаруживается большое количество названий для лососевых рыб.

Охотничья и рыболовная терминология развита в праалтайском гораздо сильнее, чем в праиндоевропейском, что указывает на меньшую важность этих занятий для индоевропейской экономики.

Ядром праалтайской экономики, по-видимому, было сезонное пастбищное скотоводство (ср. наличие термина "загон для скота", отсутствующего в ПИЕ) – либо развитая сезонная охота с загонным компонентом. Имеются названия для коров, овец, коз и свиней, однако половозрастная терминология является общей для всех видов скота. Есть слово для лошади и несколько терминов, связанных с верховой ездой. Роль земледелия была менее существенна, хотя имеется ряд названий для культурных злаков. Основным инструментом, вероятно, являлся род мотыги (возможно, использовавшийся также для выкапывания диких корнеплодов, что практиковалось позже сибирскими народами).

Основным родом хозяйственной деятельности для праиндоевропейцев, возможно, были земледелие и хорошо развитое оседлое скотоводство. По-видимому, были специфические инструменты для вспашки (по культурно-историческим причинам, мы не говорили бы здесь о плуге, но, тем не менее, кроме наименований мотыги в ПИЕ имеется общее название для вспашки, сохраняющееся в хеттском[5], от которого произведено ИЕ название плуга; можно восстанавливать общее название сошника – возможно, также специфический наконечник мотыги?). Имеется название для сена (отсутствует в праалтайском), что может указывать на зимнее стойловое содержание скота (в противоположность мене пастбищ у праалтайцев)[6]. В праиндоевропейском восстанавливается терминология коневодства, но не верховой езды. Основными видами скота были, по-видимому, крупный рогатый скот (для которого терминология более развитая, чем в праалтайском), козы, овцы, свиньи.

Номадные черты явно значительно более определенно выделяются в праалтайском лексиконе. Сюда относятся термины, связанные с верховой ездой,

---

[5] Проблема индоевропейского плуга обсуждается в обширной литературе и работает в качестве аргумента для множества противоречивых утверждений. Для нас здесь интересны два из них. 1) Шрадер утверждает, что терминология плужного земледелия лучше реконструируется для индоевропейских языков Европы и отличается от реконструируемой в индоиранских языках, причем это так, в частности, для глагола **ar-* 'пахать' (см. [2, I 9–10]). Но ср. иран. **ar-* 'работать, делать' и такие реликтовые значения как пушту *ā́ṛa* 'борозда', хуф. *arδān* 'насыпь между арыком и полем', см. [12, I 198]. 2) В [1, 690] утверждается, что плуг появляется в Европе относительно поздно (не раньше середины II тысячелетия до н.э.) и что существование названия плуга в ПИЕ указывает на переднеазиатское происхождение ПИЕ (в Передней Азии первые признаки плуга появляются на границе V и IV тысячелетий). Но археологи вовсе не так уверены относительно времени появления плуга, ср. [13, 228–230] относительно надежных свидетельств плужного земледелия в юго-восточной Европе во второй половине III тыс. до н.э., и возможности того, что плугоподобные устройства использовались и раньше; более того, практически общепринято мнение, что использование плуга характерно для культур Винча (V–IV тыс.) и Лендьел (с 2600 г. до н.э.) в юго-восточной Европе, см. [14, 138–139] и [15, 75] (о ритуальном опахивании в Лендьел).

[6] Ср. [2, I 338].

inslav

многочисленные глаголы, означающие "запаковывать" и "распаковывать", более подробная терминология упряжи. Колесо для праалтайского не реконструируется, в отличие от праиндоевропейского. Праалтайское транспортное средство, видимо, представляло собой волокушу. Отметим более развитую в праалтайском терминологию, связанную с плаванием на лодках и/или плотах.

Существенных различий в кулинарной терминологии обоих праязыков не наблюдается. Количественное соотношение названий молочных (по большей части кисломолочных) и мясных блюд с названиями блюд, приготовленных из злаков, в обоих праязыках примерно одинаково. Видимо, праалтайцам было неизвестно бортничество, в отличие от праиндоевропейцев[7].

Что касается названий одежды, то, в отличие от праалтайского, в праиндоевропейском реконструируются только неопределенные названия для одежды и обуви. В праалтайском терминология более дифференцирована и содержит, например, названия чего-то вроде штанов или наколенников[8] (одежды, удобной для верховой езды).

Языковой материал побуждает восстанавливать наличие ранних стадий обработки металлов, возможно бронзы, для обоих праязыков.

По-видимому, на праалтайском уровне можно восстанавливать некоторые термины, связанные с прядением и ткачеством. В этом отношении праалтайский также практически не отличается от праиндоевропейского.

Восстанавливаются два типа праалтайского жилища: переносное с решетчатыми (плетеными) стенками и покрытием из кож и стационарное: полуземлянка со входом через дымовое отверстие и, возможно, со вторым входом через коридор с дверью. Жилище, возможно, было круглым или многоугольным (отсутствует регулярная полисемия "внутренний угол" / "часть дома"), не имело комнат (внутреннее пространство при этом, вероятно, подразделялось на несколько частей с различным функциональным и социальным статусом). Хозяйственные постройки представляли собой нечто вроде крытых лабазов для хранения продуктов или вещей. Отсутствует специальное слово для крытых помещений для скота, однако имеется несколько слов для загонов. Отсутствуют слова для клановых поселений и для внутренней структуры поселений. Имеются некоторые термины для укрепленных поселений. Не зафиксированы названия для дома правителя или храма.

Индоевропейское жилище было определенно не круглым (при наличии регулярной полисемии "внутренний угол" / "часть дома"), возможно, прямоугольным, многокамерным, но вряд ли многосемейным; реконструируется название кланового поселения с несколькими домами. Названия частей построек включают наименования деревянных деталей, возможно столбов, подпирающих крышу. Это вряд ли была полуземлянка (как в праалтайском); отсутствует также название дымового отверстия. Имеется несколько названий для жесткой (деревянной) двери с косяком и каких-то запорных устройств. Восстанавливаются названия вспомогательных строений, в частности, хлева (отсутствует в праалтайском), нет названий переносного жилища. Неясно, были ли ПИЕ поселения уличного или площадного типа, но какой-то тип структуры там присутст-

---

[7] Ср. так же в [1, 602–611], [2, I 139–142] (и ср. также отсутствие одомашненной пчелы в большей части Азии, в частности, что касается Туркестана, Окса и Яксарта).

[8] Ср. [2, I 512–513]: в погребениях даже Северной Европы в эпоху бронзы отсутствуют штаны, они появляются только в эпоху железа.

inslav

вовал. Некоторые термины относятся к укрепленным поселениям; есть названия для дома правителя или вождя, для круглого храма.

Термины родства в праалтайском указывают на патрилокальность, а некоторые особенности (колебания между терминами кровного родства и родства по браку) могут указывать на наличие кросс-кузенного брака или обмена сестрами. Имеются термины для со-жен, что указывает на наличие полигамии.

Термины родства и свойства в праиндоевропейском свидетельствуют о патрилокальности, но вряд ли о кросс-кузенном браке (вопреки [1, 767–768], соответствующая семантика, скорее всего, вторична и возникает в отдельных семьях). Отсутствуют слова со значением "со-жена".

Среди имущественной терминологии в обоих праязыках присутствуют термины обмена и торговли. Любопытно, что только в праалтайском реконструируется расчлененная система непроизводной терминологии дарения, в индоевропейских языках все названия даров производны от глаголов со значением "давать", кроме того, есть названия выигрыша (в состязании), военной и охотничьей добычи (см. [3]).

Из оружия в праалтайском хорошо восстанавливаются термины для каких-то типов стрел и луков, колчанов. Имеются термины для копья и остроги. Нет специализированного термина для меча (только какие-то типы ножей). Для праиндоевропейского не находим общих названий для лука и стрелы; восстанавливаются названия каких-то типов топоров, мечей и копий.

Что касается "религиозной" терминологии праалтайцев, то следует отметить наличие целого ряда слов для названий шаманов, духов и шаманистических практик. Показательно наличие корня со значением 'поститься'. Это существенно отличается от ситуации в праиндоевропейском, ср., хотя бы, разветвленный праиндоевропейский пантеон (А.В. Дыбо. Семантическая реконструкция: мир праалтайцев по данным сравнительно-исторического языкознания. Из текста доклада, прочитанного на Бюро Отделения истории и филологии РАН 20 октября 2004 г.).

Сокращения из доклада А.В. Дыбо

1. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1–2. Тбилиси, 1984.

2. *Schrader O., Nehring A.* Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, I–II. Berlin – Leipzig, 1917–1928.

5. *Friedrich P.* Indoeuropean names of trees. Chicago, 1979.

12. *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. I. М., 2000. Т. 2. М., 2003.

13. *Шнирельман В.А.* Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). М., 1980.

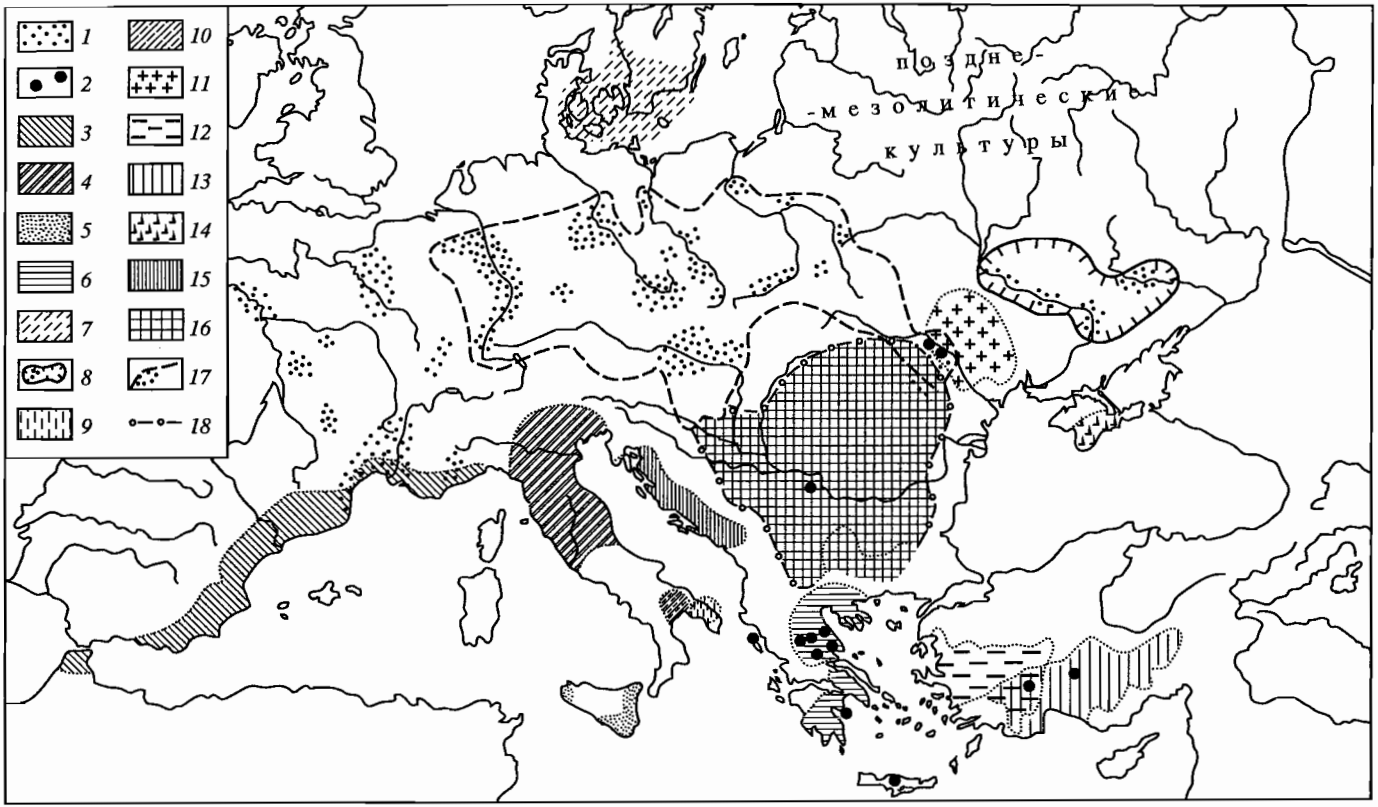
14. *Софронов В.А.* Индоевропейские прародины. Горький, 1989.

15. *Makkay J.* Die Grabenanlagen in indogermanischen Raum. Budapest, 2001.

Сейчас нет подобного списка по северокавказской лексике, он появится позднее; но имеется статья С.А. Старостина "Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде". На основании разбора этой лексики С.А. Старостин пишет: "Носители прасеверокавказского языка уже к моменту его распада

inslav

inslav


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
позднe-
-мезолитические
культуры

находились на довольно высоком уровне развития. Лексический анализ позволяет констатировать у них наличие скотоводства (крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи, лошади), земледелия (с возделыванием проса, ячменя, пшеницы), а также по меньшей мере начальную стадию развития металлургии. Это означает, что ПСК период можно отнести к концу неолита или к началу эпохи бронзы. Такую датировку подтверждают, вероятно, ещё некоторые лингвистические свидетельства (наличие в ПСК ряда корней, связанных с домостроением; ряда корней, обозначающих плодовые растения; полная система числительных от 1 до 100)" (Старостин 1985: 89).

"Глоттохронологические подсчеты показывают приблизительно 20% совпадений в 100-словном списке Свадеша между современными нахско-дагестанскими и абхазо-адыгскими, что соответствует времени распада около середины VI – начала V тысячелетия до н.э." (Старостин 1985: 90).

Бросается в глаза наметившееся в европейской археологии выделение двух генетически связываемых между собой "блоков" археологических культур, в определенных случаях рассматриваемых как хронологические цепочки генетически связанных археологических культур. Наиболее решительно организация этих "блоков" декларируется в книге В.А. Сафронова "Индоевропейские прародины" (Горький, 1989); но указание на связи этих культур мы находим и в работах других исследователей:

I. Блок, который можно, предположительно, связать с северокавказской языковой семьей (см. карту 1).

←

Карта 1. Неолитизация Европы: конец VII, VI и V тыс. до н.э. Основные культурные и культурно-исторические общности

(Из книги: История Европы, I: 670)

1. Основная концентрация памятников культуры Шассей. 2. Памятники и группы памятников протонеолита и докерамического неолита. 3. Ареал культуры керамики импрессо в Западном Средиземноморье. 4. Территория распространения культуры Сассо-Фьорано. 5. Ареал культуры Стентинелло на Сицилии. 6. Территория распространения культур Протосескло и радужной керамики. 7. Территория распространения позднемезолитической культуры Эртебёлле. 8. Ареал днепро-донецкой культуры с районами наибольшей концентрации памятников. 9. Распространение памятников с керамикой Cardium в Южной Италии. 10. Распространение памятников расписной керамики типа Матера. 11. Ареал памятников буго-днестровской культуры. 12. Территория распространения памятников культуры Хаджилар VI. 13. Территория распространения памятников культуры Чатал Хёйюк. 14. Неолитические памятники Крыма. 15. Распространение памятников с керамикой Cardium в Югославии. 16. Территория распространения культурно-исторической общности Караново I–Старчево–Кёрёш–Криш. 17. Границы ареала культуры линейно-ленточной керамики и наибольшая концентрация ее памятников. 18. Западная, северная и восточная границы ареала культурно-исторической общности Караново I–Старчево–Кёрёш–Криш.

inslav

1. Старчево – Криш – Кёрёш – Караново (вторая половина VI – первая половина V тыс. до н.э. до IV тыс. до н.э.).

2. Культура линейно-ленточной керамики (V тыс. до н.э.; в лёссовых областях на большом пространстве [почти 1600 км в длину и около 1000 км в ширину] от Белграда до Брюсселя и от Рейна до Вислы и Днестра [захватывает также Чехословакию, территорию Германии и Южные Нидерланды]; в позднем периоде племена линейно-ленточной керамики занимали часть Франции [Парижский бассейн] и Румынию [северо-восток страны и Валахию]. О генезисе культуры линейно-ленточной керамики А.Л. Монгайт пишет следующее: "По мере изучения культуры линейно-ленточной керамики и установления ее периодизации возникла мысль о ее генетической связи с культурой старчево-криш. Но это был не тот народ, который создал телли на Балканах, так как формы поселений коренным образом различаются" (Монгайт I: 224). Но после изложения позиции Г. Чайльда, он занимает более решительную позицию: "Гораздо более решительно, чем Чайльд, говорят о связях культуры линейно-ленточной керамики с культурой кёреш другие исследователи. Формы керамики – сосуды для ношения на спине, чаши на ножках, шаровидные сосуды и т.п., способы орнаментации, состав глины и поверхность сосудов этих культур очень сходны. Сходство традиции видно и в некоторых глиняных фигурках и гравюрах на сосудах (изображения людей, двойных секир), и в полированных каменных орудиях. Все это свидетельствует о генетических связях культур" (Монгайт I: 229–230).

Поздние варианты культуры линейно-ленточной керамики: железовская культура [Восточная Австрия], культура альфёльд [от Мароша и вдоль Тисы достигает Восточной Словакии]; культура бюкка [буковогорская, вдоль Верхней Тисы в горах Бюкка в Северной Венгрии и в Восточной Словакии]; культура тисы [бассейн Тисы].

3. Культура накольчато-ленточной керамики (территория Чехии, Средней Германии и Силезии; варианты: хинкельштейнская, ниерштейнско-гейдельбергская и рёссенская культуры) (после 4000 г. до н.э.).

4. Трипольская культура (Правобережная Украина, Молдова, в Румынии называется культурой Кукутени); ранний этап (4000–3600 г. до н.э.) – поселения Лука Врублевецкая, Ленковци, Солончены I и II, Флорешты, Бернашевка и др. (Поднестровье), Сабатиновка II, Александровка (Побужье). "Происхождение дискуссионно; в основе – неолитические племена, среди которых особая роль принадлежала носителям культур *Боян, Кереш* и

inslav

линейно-ленточной керамики" (Брей-Трамп: 251). Одним из компонентов формирования трипольской культуры явилась также буго-днестровская культура (см. Брей-Трамп: 41). Т.С. Пассек и Е.К. Черныш, однако, вообще не связывают трипольскую культуру с культурой линейно-ленточной керамики, считая ее предшествующий этап – "южно-бугскую", соответствующей непосредственно культуре кёрёш, а раннее Триполье возводят к культуре боян, соответствующей "концу Винча А" (см. Пассек и Черныш 1963: 39).

Затем следы культур, которые можно было бы отнести к данному блоку и связать с предшествующими, на территории Европы не прослеживаются. По-видимому, их перекрыли или преобразовали культуры, относящиеся ко второму блоку культур.

II. Блок, который можно, предположительно, связать с индоевропейской языковой семьей (см. карту 2).

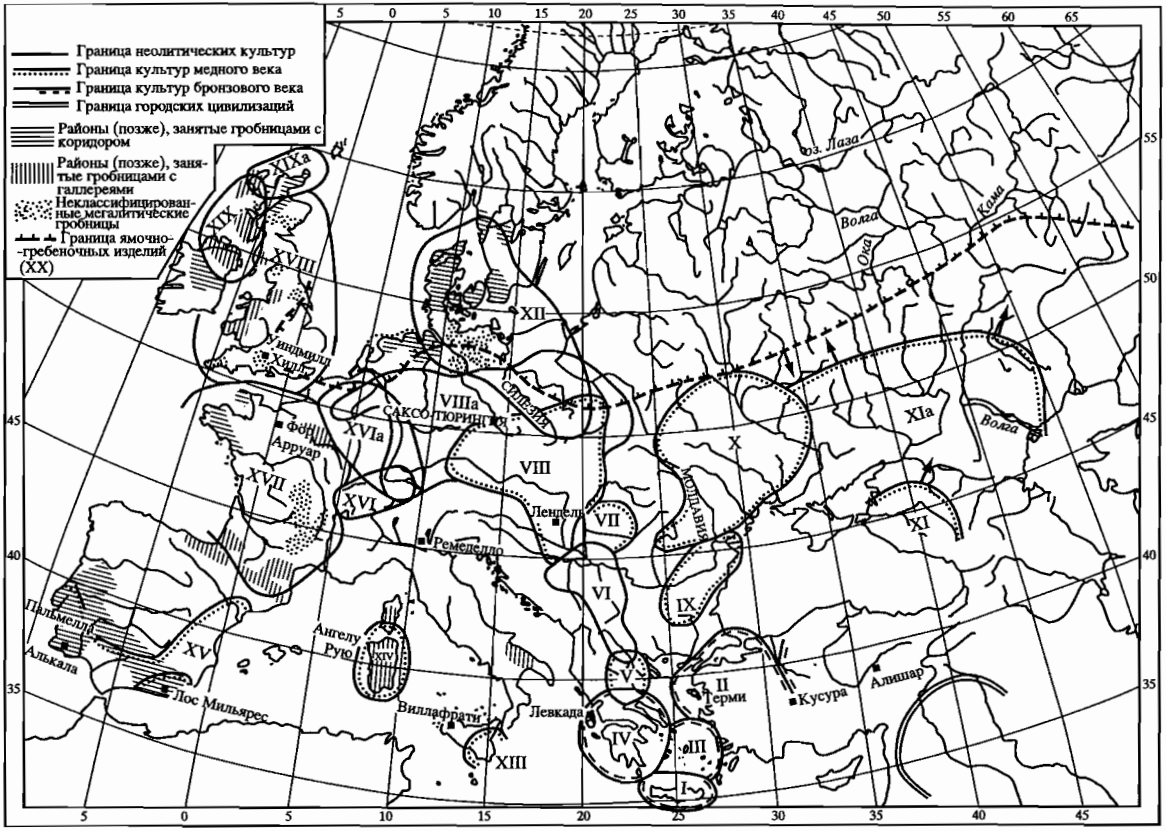
1. Культура Винча (вардар-моравская) – с середины V тыс. до н.э. до середины IV тыс. до н.э. (по одним данным) или до первой четверти III тыс. (по другим данным), распространена за Балканским хребтом от долины Моравы до окраин дунайских лёссовых равнин близ Белграда.

2. Лендьел (IV тыс. до н.э.; Среднее Подунавье и западная часть Карпатского бассейна, включая междуречье Савы и Дравы на юге и Силезию, Малопольшу на севере).

3. Культура воронковидных кубков (точнее, культурная область распространения воронковидных кубков). 3000 г. до н.э. – 1800–1600 гг. до н.э., по другим данным 3350 г. до н.э. (на севере – юг Скандинавского полуострова [Южная Швеция], на востоке – юго-западная граница Литвы и запад Белоруссии, Волынь и бассейн Буга. "Эта культура ... может быть подразделена на четыре группы: 1) северную – в Дании и Южной Швеции; 2) западную – в Нидерландах и северо-западной части ФРГ; 3) восточную – в ГДР, Польше, западных областях СССР; 4) южную – в юго-восточной части ФРГ, Чехии и юго-западных областях СССР" (Монгайт I, 273).

4. Культура шаровидных амфор. Вторая половина III тысячелетия до н.э. (На западе – область Заале-Эльбы и Хафеля, в центральной части ФРГ, на севере до Балтийского моря между Ютландией и бассейном Немана, на юге до Румынии и на востоке до Волыни и Подолии. "Культура тесно связана с культурой *воронковидных кубков* и *шнуровой керамикой*, хотя характер этих связей до сих пор не уточнен" (Брей-Трамп: 284). "Различают три группы памятников культуры шаровидных амфор: 1) вос-

inslav


Граница неолитических культур
Граница культур медного века
Граница культур бронзового века
Граница городских цивилизаций
Районы (позже), занятые гробницами с коридором
Районы (позже), занятые гробницами с галлереями
Неклассифицированные мегалитические гробницы
Граница ямочно-гребеночных изделий (XX)
оз. Лаза
Волга
Ока
Кама
Волга
Уиндмилл Хилл
Фон Арруар
Саксо-Тюрингия
Силезия
Молдавия
Лендель
Ремеделло
Пальмелла
Алькала
Лос Мильярес
Ангелу Рую
Виллафрати
Левкада
Терми
Кусура
Алишар
XIXa
XIX
XVIII
XII
VIIIa
XVIa
XVII
XVI
VIII
VII
VI
X
XIa
XI
IX
XV
XIV
XIII
V
IV
III
II
I

точную, простирающуюся от Среднего Днепра до прибалтийских областей Польши (здесь открыто около 170 погребальных памятников и около 40 поселений); 2) силезскую, плохо изученную и известную главным образом по типичной керамике со штампованным и шнуровым орнаментом; 3) западную, известную по 150 открытым погребениям и нескольким поселениям" (Монгайт I, 278–279).

5. Культура шнуровой керамики, или культура боевых топоров. Радиокарбонные даты появления культур с боевыми топорами на севере Европы 2485 ± 320 и 2245 ± 120 гг. до н.э. Эти культуры занимали громадную территорию от Волги до Рейна и от Финляндии и Южной Скандинавии до Швейцарии (см. карту 3).

Важнейшие разновидности:

1) Саксо-тюрингская культура шнуровой керамики и ряд родственных ей культур в Средней Европе. Саксо-тюрингская культура была распространена в бассейне Заале, к юго-востоку от Центральной Чехии и к западу от Рейнской области и Центральной Швейцарии. Г. Чайлд называет её "классической"; к этой характеристике А.Л. Монгайт дает примечание: "Теперь "классическими" культурами шнуровой керамики называют несколько групп, ранее относившихся к саксо-тюрингской: собственно саксо-тюрингскую, верхнелужицкую, богемскую, моравскую, южногерманскую, западно- и северошвейцарскую" (Монгайт I, 323). "Видна зависимость этой культуры от культуры шаровидных амфор. ... Начало культуры датируется 2200–2100 гг. до н.э., исчезновение – 1900–1800 гг. до н.э. и, вероятно, связано с появлением унетицкой культуры бронзового века, одним из компонентов которой могли стать племена культуры шнуровой керамики" (Монгайт I, 281–282).

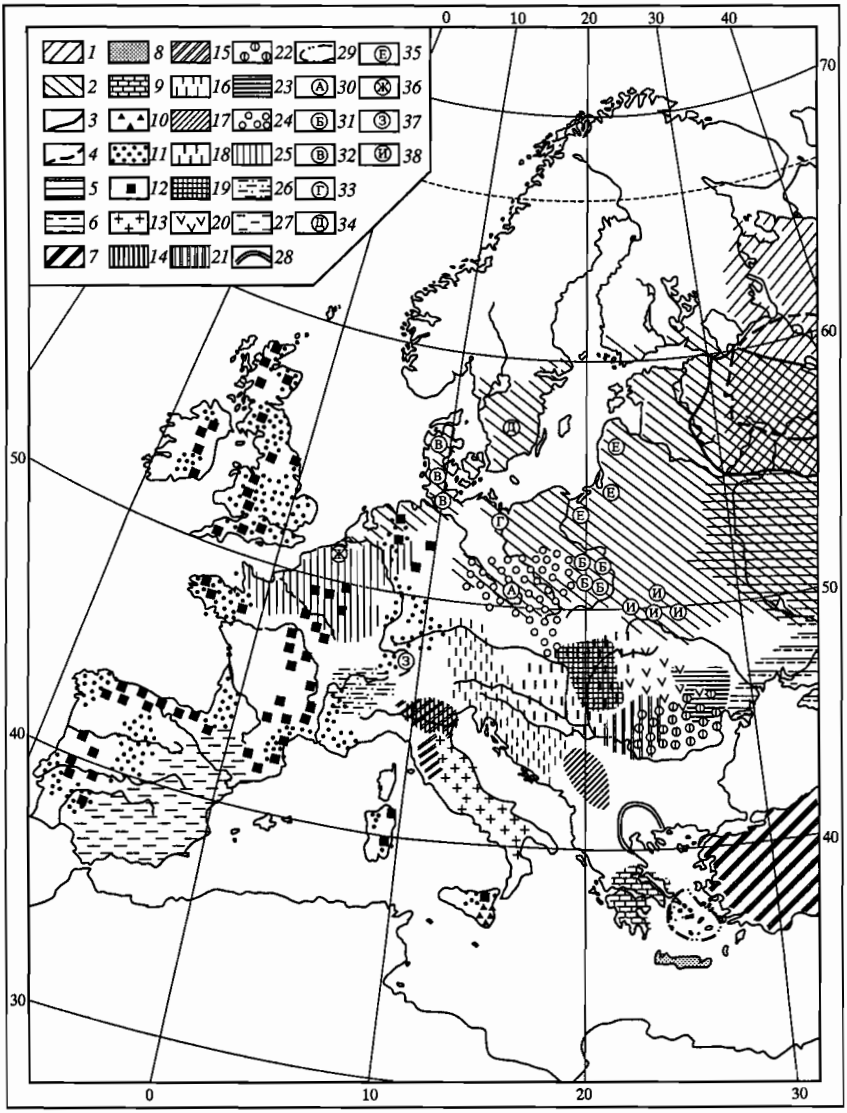
2) Культура злота в Польше: район большой излучины р. Вислы. Названа по могильнику у местечка Злота близ Сандомира в Южной Польше; датируется 2200–1700 гг. до н.э.

←

Карта 2. Европа в IV тыс. до н.э.
(Из книги: Чайлд, 1952: 456, с незначительными поправками)

1. Раннеминойская цивилизация; II. Западноанатолийская культура; III. Раннекикладская культура; IV. Раннеэлладская культура; V. Раннемакедонская культура; VI. Культура Винча (Вардар-моравская культура); VII. Культура Тиссы; VIII. Культура Лендьел; VIIIa. Культура накольчатоленточной керамики; IX. Культура Гумельницы; X. Трипольская культура; XI. Кубанская культура; XIa. Степные культуры (?); XII. Культура воронковидных кубков; XIII. Культура I сицилийского периода; XIV. Культура сан-микеле; XV. Культура лос-мильярес и ее ответвление; XVI. Культура кортайо-лагоцца; XVIa. Михельсбергская культура; XVII. Культура шассей; XVIII. Уиндмиллхиллская культура; XIX. Культура бичарра; XIXa. Уистанская культура; XX. Лесные культуры с гребенчатым орнаментом.

inslav



Карта 3. Европа в первой половине II тыс. до н.э. Археологические культуры

(Из книги: Монгайт II: 51)

1 – культуры ямочно-гребенчатой керамики; *2* – культурно-историческая область шнуровой керамики и боевых топоров; *3* – фатьяновская; *4* – волосовская; *5* – приднепровская; *6* – катакомбная; *7* – западноанатолийская область культур среднего бронзового века; *8* – среднеминойская; *9* – среднеэлладская; *10* – кастелучьо; *11* – колоколовидных кубков; *12* – распространение мегалитических сооружений; *13* – апеннинская; *14* – полада; *15* – ремеделло; *16* – альтгейм – мондзее – вучедол; *17* – бубани-хум; *18* – хатван; *19* – тосег; *20* – витенберг; *21* – ватина; *22* – глина – шнекенберг; *23* – монтеору; *24* – унетицкая; *25* – Сены – Уазы – Марны; *26* – Роны; *27* – лос-мильярес и пальмела; *28* – среднемакедонская; *29* – среднекикладская (см. продолжение на с. 89).

inslav

3) Культура шнуровой керамики Юго-Восточной Прибалтики. "Своеобразная культура шнуровой керамики существовала в Юго-Восточной Прибалтике, её называли Haffküstenkultur в ГДР или культурой Жуцево (Rzucewo) в Польше (по поселению в дельте Вислы). Х.А. Моора называет эту культуру висло-неманской. Среди ученых нет единого мнения об ареале этой культуры. Одни исследователи считают, что в Восточной Прибалтике жили племена культуры боевых топоров, не связанные с висло-неманской группой, другие считают висло-неманскую (жуцевскую) культуру и культуры боевых топоров на территории Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии лишь разными ответвлениями одной и той же культуры" (Монгайт I, 282).

"В Восточной Прибалтике племена боевых топоров проникли не во все области, занятые охотничье-рыболовческими племенами. Как и в других областях Восточной Европы, те и другие обитали в смежных, но разных районах. Кроме того, в пределах Эстонии и Финляндии племена боевых топоров не сумели сохранить свои культурные традиции и к концу II тысячелетия до н.э. растворились среди местного населения. В Юго-Восточной же Прибалтике охотничье-рыболовческая культура полностью исчезла с появлением племен шнуровой керамики" (Монгайт I, 283).

4) Культура одиночных погребений в Дании, ФРГ и Нидерландах; в Дании культура боевых топоров появляется около 2000 г. до н.э. Поселения почти неизвестны.

5) Шведско-финская культура ладьевидных топоров. Ладьевидных топоров культура – составная часть северных культур одиночных погребений; в Швеции, Финляндии, на Борнхольме и восточных датских островах.

6) Культура кубков с утолщенным дном (Нижнерейнская культура кубков). *Кубки с утолщенным дном* характеризуются расширяющимся горлом, S-образным профилем и плоским утолщенным дном. "Сосуды украшались *шнуровым орнаментом*, отпечатками зубчатой лопаточки или насечками (при помощи рыбных косточек), принадлежали культуре, для которой типичны одиночные захоронения в грунтовых ямах или под *курганами*, использование *боевых топоров*. Эти признаки говорят о том, что культура представляет собой голландскую ветвь широко распространенного

Отдельные культуры, входящие в область шнуровой керамики: *30* – саксо-тюрингская; *31* – злота; *32* – одиночных погребений; *33* – одрская; *34* – ладьевидных топоров; *35* – висло-неманская; *36* – нижнерейнская культура кубков; *37* – верхнерейнская культура кубков; *38* – шнуровой керамики Западной Украины

inslav

комплекса *шнуровой керамики* – боевых топоров или культур *одиночных погребений*. ...Радиоуглеродный анализ позволяет датировать К.у.д. 2500–1900 гг. до н.э." (Брей–Трамп: 127).

Культуры одиночных погребений – "общее название пришлых культур, появившихся в Северной Германии, а также в Скандинавии в позднем неолите (2500–2000 гг. до н.э., см. *Воронковидных кубков культура*). Обряд предусматривал *ингумацию* под *курганом* или в нем, иногда в яме или *домике мертвых*. Этот обряд, так же как использование каменных *боевых топоров* и керамики, украшенной *шнуровым орнаментом*, связывает культуры О.п. с огромным комплексом шнуровой керамики – боевых топоров, который в свою очередь многими учеными выводится из южнорусских курганных культур (см. *Кубки с утолщенным дном*)" (Брей–Трамп: 180).

7) Фатьяновская и ряд родственных ей культур на территории СССР. Распространена в центре европейской территории России, названа по могильнику у деревни Фатьяново Ярославской области; 1-я половина 2-го тысячелетия до н.э., известна в основном по могильникам.

Рассмотрение географического распределения культур, которые мы атрибуируем в данном случае как индоевропейские, приводит к выводу, что побережье Балтийского моря было занято индоевропейцами еще в период культуры воронковидных кубков, культура шнуровой керамики значительно расширяет эту территорию, но каких-либо принципиальных территориальных изменений в размещение местных вариантов не вносит. Самым важным моментом в этом расширении представляется распространение индоевропейцев на восточную территорию Прибалтики, так как, по свидетельству археологов, с этого времени на этой территории не усматривается сколько-либо значительных передвижений населения и смен культур: "Пожалуй, наиболее аргументированы с археологической точки зрения доказательства тех ученых, которые основывают свои выводы на том, что на территории Юго-Восточной Прибалтики со времени существования племен шнуровой керамики до времени исторических балтов не наблюдалось существенных передвижений населения, которые нарушили бы преемственность развития культуры" (Монгайт I, 286). Из этого следует ранняя локализация (со времени культуры воронковидных кубков) балто-славянского и протогерманского языков на побережье Балтийского моря и расхождение их в период культуры шнуровой керамики. Балтославянско-германское языковое единство подтверждается их значительной

inslav

близостью в области глагольной системы и, по-видимому, тождественность акцентной системы глаголов с корнями I класса (корни на нешумные), см. Дыбо 2003: 157–159. О значительном расширении территории балтийских диалектов на восток, возможно, связанном с движением на восток культуры шнуровой керамики, по-видимому, свидетельствуют балтийские заимствования в волжских финских языках, см. Серебренников 1957.

Если исходить из представленной выше раскладки неолитических и энеолитических археологических культур и сопоставить их даты с глоттохронологическими датами отделения индоевропейских языков, то анатолийской группе вообще нет места на карте Европы: время отпадения хеттского языка от индоевропейского определяется как 4880 г. до н.э.[9] Согласно этой датировке, он по любой современной концепции прародины индоевропейских языков должен был отделиться от индоевропейского еще в Передней Азии. Время отделения тохарской группы определяется как 3880 г. до н.э. Можно было бы связать эту группу с культурой Лендьел, но эта культура лежит на территории, от которой отходят и на которую наслаиваются другие "индоевропейские" культуры, поэтому трудно связывать с этой территорией процесс изоляции какой-либо индоевропейской группы. Напрашивается другое предположение: это трипольская культура, одним из компонентов её была культура *Боян,* которая рассматривается как ответвление культуры Винча (см. Монгайт I: 241–242), правда в основе трипольской культуры лежала, как предполагают культура линейно-ленточной керамики или культура кёрёш, относимые, по нашей схеме, к блоку, связываемому с северокавказской языковой семьей, но ведь все индоевропейские сообщества при колонизации Европы должны были наслаиваться и ассимилировать или ассимилироваться, объединяясь с этими "северокавказскими" группами и разрывая связи с родственными индоевропейскими. Из остальных глоттохронологических дат обращает на себя внимание датировка распадения между индоиранским, балто-славянским, германским и италийским: 2840–2480 гг. до н.э., которая может также показывать в определенной степени как датировку обособления группы северных индоевропейских языков от южных групп (герман-

[9] Глоттохронологические датировки здесь и ниже даются по спискам, составленным в рамках проекта исследований дальнего родства под руководством С.А. Старостина и обработанным компьютерной программой Starling: см. подробно http:\\www.starling.rinet.ru.

inslav

ский и латинский отделяются от них в 2840 г. до н.э., балто-славянский в 2720 г. до н.э.), так и отделение центральной группы индоевропейских языков от северной и южной групп (так, прагерманский "отделяется" от латинского в 2480 г. до н.э., а греческий – от албанского в 2760 г. до н.э.). Такая датировка хорошо соотносится с процессом распространения на север культуры воронковидных кубков и культурными процессами, последовавшими за ним.

Представляется, что пока это всё, что может дать подобное сопоставление языковых материалов и глоттохронологических датировок с археологической картой неолита и энеолита Европы. Именно в этот период происходит выделение основных индоевропейских семейств, и этот процесс вполне может быть связан с европейской археологической картой. Всякое другое рассмотрение вынуждает перенести процесс распадения индоевропейского праязыка за пределы Европы, что связано с рядом неудобств, как материальных, так и теоретических: отсутствие археологической карты, необходимость объяснить единство адреса передвижения у уже разделенных сообществ и под.

Бронзовый и железный века значительно усложняют проблему сопоставления археологических культур и языковых сообществ и должны быть рассмотрены особо. Здесь же я хочу лишь пояснить мое отношение к глоттогенезу славян. В своей последней книге "Славяне. Историко-археологическое исследование" (М., 2002) В.В. Седов очень убедительно связал прародину славян с территорией племен поморской культуры, однако под давлением господствующей в языкознании концепции С.Б. Бернштейна – О.Н. Трубачева о "балто-славянской сообщности", то есть о вторичном сближении славянских и балтийских языков в результате длительных и интенсивных контактов, отнес протославян и протославянский язык к племенам и диалектам среднеевропейской общности полей погребальных урн, что, конечно, неверно. Славянские и балтийские языки – потомки балто-славянского праязыка. Речь не может идти о возникновении праславянского языка из диалекта племени лужицкой культуры в результате контактов его с западнобалтийским языком. Временной разрыв между отделением диалектов лужицкой культуры и временем контактов их с западнобалтийскими языками можно определять как 2720 г. до н.э. – 550 г. до н.э. (начало миграции племен поморской культуры на территорию лужицкой культуры), то есть 2170 лет. За это время языки расходятся так, что о взаимопонимании между носителями их (без языка–посредника) не может

inslav

быть и речи. Праславянский и прабалтийский имели фактически тождественную просодическую (акцентную) систему. Заимствовать её невозможно. Балто-славянская просодическая (акцентная) система – это не фонетика и не морфология, – это морфонология. Относительно легко заимствуется фонетическая система, часто массово заимствуется лексика, могут даже заимствоваться фрагменты морфологической системы, особенно, если они имеют отчетливую семантику. Но заимствовать морфонологию можно, лишь заимствовав язык. Распределение морфонологических феноменов традиционно, закономерности его, как правило, не ясны для самого говорящего. При контакте и схождении даже близко родственных диалектов их морфонологические особенности устраняются, но не заимствуются.

Отделение славянского от западных балтов (от прусского языка) по глоттохронологической датировке (1110 г. до н.э.) совпадает по времени с образованием поморской группы памятников лужицкой культуры. Судя по описанию В.В. Седова, этот процесс происходит в результате распространения лужицкой культуры на западную часть территории балтов (см. Седов 2002: 61–66), по-видимому, именно этот процесс оторвал население поморской группы от западных балтов и положил начало выходу протославянского из группы западнобалтийских диалектов.

По-видимому ситуация со славянским демонстрирует нам, что при оценке соотношения индоевропейских языковых групп и археологических карт Европы бронзового и железного веков следует учитывать возможность существования в этот период полиэтнических археологических культур.

ЛИТЕРАТУРА

Археология Венгрии. Каменный век. М., 1980.

Брей-Трамп – *Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. М., 1990.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I–II. Тбилиси, 1984.

Дыбо 2003 – *Дыбо В.А.* Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна. 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 131–161.

Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.

История Европы, I – История Европы. Т. I. Древняя Европа. М., 1988.

Кухаренко 1969 – *Кухаренко Ю.В.* Археология Польши. М., 1969.

Монгайт I, II – *Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Т. I. Каменный век. М., 1973; Т. II. Бронзовый и железный века. М., 1974.

inslav

Пассек и Черныш 1963 – *Пассек Т.С.* и *Черныш Е.К.* Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Б 1–11. М., 1963.

Сафронов 1989 – *Сафронов В.А.* Индоевропейские прародины. Горький, 1989.

Седов 2002 – *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

Серебренников 1957 – *Серебренников Б.А.* О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре европейской части СССР // Lietuvos TSR mokslų Akademijos Darbai. I. Vilnius, 1957. С. 69–72.

Старостин 1985 – *Старостин С.А.* Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 74–94.

Чайлд 1952 – *Чайлд Гордон.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952.

Чирикба 1985 – *Чирикба В.А.* Баскский и северокавказские языки // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 95–105.

Brønsted 1961 – *Brønsted J.* Nordische Vorzeit. Bd. I. Steinzeit in Dänemark. Neumünster, 1961.

Forssander 1933 – *Forssander J.E.* Die schwedische Bootaxtkultur und ihre kontinentaleuropäischen Voraussetzungen. Lund, 1933.

Krahe Hans. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954.

Malmer 1962 – *Malmer M.P.* Jungneolitische Studien. Bonn-Lund, 1962.

Mallory J.P. and *Adams D.Q.* Encyclopedia of Indo-European Culture. London and Chicago, 1999.

Oldenberg 1952 – *Oldenberg A.* Studien über die schwedische Bootaxtkultur. Stockholm, 1952.

Struve 1955 – *Struve K.W.* Die Einzelgrabkultur in Schleswig-Holstein und ihre kontinentalen Beziehungen. Neumünster, 1955.

Я. Корженский

Чехия

КОММУНИКАЦИЯ В ЕВРОПЕ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЭТНИЧНОСТЬ

1. История Европы – если смотреть на нее через призму ситуации в Центральной Европе – есть история интеграционных тенденций.

Константами данных тенденций являются следующие факторы:

а) интеграция Европы является средством разделения мира на данном этапе его существования;

б) интеграционные тенденции в определенном смысле отличаются идеологической, пропагандистской преемственностью. В качестве примера можно привести державно-идеологическое, а позднее лишь абстрактное идеологическое существование Рим-

inslav

ской империи (Римской империи германского народа) вплоть до Священного альянса. Эта идеологическая традиция была продолжена итальянским фашизмом и далее через прусский гегемонизм и Третьей империей;

в) интеграция, по сути, всегда сводится к "поиску" границы, отделяющей Европу от не-Европы[1] внутри самой Европы. Приведем в качестве примера фактическое наличие границы между западноримской и восточноримской империями, длительное турецкое присутствие в Европе как гарантия соблюдения этой границы. Этого же порядка и опасения перед интеграцией Балкан, возникшие сразу же после вытеснения Турции из Европы. На современном этапе развития проявлением этого служит готовность признать наличие у Турции и западной Европы общих ценностей. В этом же ряду нужно рассматривать и нынешнюю драму (славянских) Балкан, селективные тенденции в центральной Европе и т.п.;

г) возрастает значимость того, что интеграция есть в сущности державно-политическая форма соответствующих экономических данностей.

Таким образом, в своей основе нынешние интеграционные тенденции являются современным вариантом тысячелетних интеграционных констант.

2. Языковая ситуация в Европе в значительной степени обусловлена в том числе и существующими интеграционными тенденциями. За такими лингвистическими понятиями как мировой язык, международный язык и пр. на самом деле скрываются реальные коммуникативные факторы языка (политико-экономи-

---

[1] В соотношении "Европа–не-Европа (в Европе)" структурно доминирует упоминавшаяся выше реляция "юго-восток–северо-запад". Это, однако, отнюдь не означает иррелевантности соотношения "запад–восток". Напротив, именно реляция "запад–восток" в одном из своих вариантов отражает наиболее укоренившееся этнополитическое, а также экономическое представление о центральной Европе. Именно эта "горизонтальная" реляция исторически стала основой решения проблемы роли и положения России в Европе. Мы имеем в виду следующие исторически конкретные варианты: а) вытеснение России из Европы в не-Европу (государственно-политическая граница Европы на востоке абсолютно не соответствует границе географической); б) с учетом реляции "юго-восток – северо-запад" Россия "используется" для осуществления государственных интересов северо-запада (активное участие России в ситуации на Балканах) или же европейского центра (прежде всего русско-польские отношения); в) Россия в качестве европейской державы (это прежде всего послереволюционная и посленаполеоновская Европа, эволюционирующая в направлении Священного альянса или же Россия второй половины XX столетия).

inslav

ческой) власти, языка процедур управления международными отношениями, языка духовного и культурного влияния, языка духовной и культурной экспансии, языка официальной международной коммуникации. Речь идет, разумеется, о семантико-прагматической сущности всех этих языков как дискурсов, эпистем, однако в нашей конкретной ситуации важно и то, что все это – различные, естественные, национальные языки. Тот, кто интегрирует, хочет, чтобы интегрируемые его понимали. Для него, как правило[2], не так уж и важно, чтобы он сам их понимал. Однако интегрируемые хотят не только понимать происходящее, они претендуют на то, чтобы по отношению к ним самим также было проявлено понимание.

3. Историки с помощью методов современной историографии устанавливают и доказывают, что языковой аспект самоидентификации, независимо от того, идет ли речь об этносе, национальности или же нации, имеет давние корни. При этом, разумеется, имеется в виду не самоочевидное коммуникативное бытие, являющееся отражением материального и духовного бытия, и уж тем более не какой-то его колорит. Речь идет именно о способе, форме этого материального и духовного бытия, которая от него настолько неотделима, что в значительной степени составляет с ним нерасторжимое единство. Любой акт интеграции можно понимать как атаку, вызов, поэтому и соответствующая реакция на него носит вполне конкретный характер (в пределах своего поля коммуникативных отношений интегрируемый сущностно и формально утрачивает суверенитет, поэтому он защищается, ищет решение, приспосабливается). Этнос, подвергшийся интеграции, в материальном и духовном отношении становится регулируемым, манипулируемым; на него с большей или же меньшей степенью категоричности воздействуют не только новые семантические и прагматические ценности, но и, как прави-

[2] Это правило действует лишь в самом общем виде. На данном этапе, напротив, создается впечатление, что интеграционные процессы в Европе будут развиваться под влиянием тенденции, в соответствии с которой интегрирующие субъекты в языковом отношении будут проявлять языковую толерантность в отношении интегрируемых этносов. Говоря это, мы имеем в виду не столько постоянно акцентируемую средствами массовой информации заботу о так называемых малых европейских языках, сколько прежде всего конкретную тенденцию привлечения для осуществления интеграционной политики лиц с соответствующей языковой подготовкой. Пока что мы имеем в виду лишь чисто внешние формы проявления этой тенденции, однако в дальнейшем они станут активным проводником интеграционных семантико-прагматических содержательных намерений.

inslav

ло, иная языковая специфика, т.е. иные естественные национальные языки. Таким образом, здесь обычно имеется следующий спектр возможностей: "не понимаю; совсем не понимаю; не понимаю, но делаю вид, что понимаю, потому что престижнее понимать; не понимаю, так как не хочу понимать". Ситуация, в которую в этом случае попадает человек, весьма затруднительна, но, невзирая на это, ему приходится из нее как-то выходить и соответственно реагировать.

В настоящее время нередко приходится слышать о том, что национализм (патриотизм, осознание своей принадлежности к той или другой национальности и пр.) является исключительно политическим, эстетическим, культурным порождением романтизма и что в период *до* или же *после* расцвета романтизма надобность в этом отпадает, он становится всего лишь негативным проявлением неполноценности, маргинальности. Однако в действительности не трудно доказать, что речь идет о закономерной, функционально обусловленной, адекватной реакции объекта интеграции.

4. Декларирование современных разновидностей интегративизма отнюдь не является обычным атрибутом неолиберализма. Речь идет не о каком-то священном вербальном ристалище, на котором некий супернезависимый индивидуум сражается со всеми и ни с кем конкретно, будто бы совсем не нуждаясь в этническом и социальном словесном облачении. Ведь, казалось бы, все эти слова уже отошли в прошлое, они обретают свою священную осмысленность лишь будучи включенными в упорядоченную последовательность идей, которые, "вызволяя" индивидуума из одной общности (например, родовой, этнической, национальной, социальной и т.д.), встраивают его в шеренги общности, объединенной "новой" интеграционной идеей. У этих идей есть не только свой язык, свой дискурс, но и свой собственный первичный способ грамматического выражения, свой собственный естественный, национальный язык, который раньше или позже будет отождествлен с этой идеей. Этот язык, конечно, непременно включает определенный элемент этничности, национальной принадлежности, культуры – и лишь в этом своем качестве он обретает целесообразность, функциональность, рациональную нацеленность на решение задач, вытекающих из самой сути интеграционных устремлений.

4.1. Интеграционные усилия (космополитические, интернациональные, общеевропейские) и "национализм" являются двумя закономерно обусловленными сторонами внутренне противоре-

inslav

чивого процесса, они необходимы друг другу, поскольку каждая из них, взятая по отдельности, обретает разрушительную силу.

5. В контексте сказанного выше следует рассматривать акцию (действие) и реакцию в интерактивных языковых отношениях. Причем, речь идет не просто о любом межъязыковом контакте, при котором решающую роль играют такие факторы как географическое соприкосновение, генетическая удаленность/близость и из этого вытекающая взаимодополняемость языков в рамках функционального спектра данного сообщества и т.п. Это такой межъязыковой контакт, при котором один из языков является носителем интеграционных тенденций, а другой используется общностью уже интегрированной или же находящейся в процессе интеграции. Позволю себе напомнить, что диалектика акции и реакции в этом смысле весьма замысловатым образом затрагивает содержание и форму, семантические и прагматические языковые параметры, равно как и "грамматическую структуру" языков, находящихся в модусе интеракции.

6. Западная Европа, находящаяся в стадии "новой" интеграции, генерирует идею европейскости, т.е общеевропейских ценностей. Поиски универсалий европейского гражданского сообщества ведутся не только с помощью идеологии, но зачастую и с использованием значительных материальных вложений. При этом делаются попытки найти такой язык-эталон, грамматическая поверхностная структура которого не была бы идентична, скажем, с английским языком, а чтобы это был "язык единый" в семантико-прагматическом понимании. Отсюда и проистекает стремление найти эксплицитные правила соотнесения отдельных национальных языков с чем-то таким, что мыслит по-английски (или же по-немецки?), но имеет различную лексическую, морфологическую и микросинтаксическую реализацию. Государственное образование, которое не стремится к подобной идентичности, по сути, представляет собой лишь бесперспективную фикцию.

6.1. Любая общность "надгосударственного" типа, эволюционируя в направлении "идея – принцип гражданственности – речевое воплощение", при реализации первых двух факторов все-таки не может обойтись без реального, уже существующего речевого воплощения. Для этой общности прагматически совершенно необходим свой "надгосударственный" язык, который будет языком большинства, государственно-экономического и политического, а отнюдь не (по крайней мере, в начале) демографического.

inslav

7. Каковы же состояние и перспективы взаимодействия языков в (центрально)-европейском пространстве? На данном этапе пока трудно говорить абсолютно конкретно о потенциальных вариантах интеракций и контактов языков в будущей Европе. Мы можем определить интеграцию лишь в аспекте политологическом, пропагандистском, с учетом всех коммуникативных особенностей, сопутствующих агитационно-пропагандистскому вычленению явления. Даже при наличии неблагоприятных обстоятельств нам следует задуматься над реальным существом дела. В настоящее время мы можем лишь гипотетически моделировать, прогнозировать, принимая во внимание следующие параметры:

7.1. Необходимо составить представление о коммуникативной ситуации будущей Европы.

7.1.1.1. Очень важно знать, как пройдет граница между Европой "европейской" и Европой, "отлученной" от Европы. Здесь может быть несколько вариантов.

7.1.1.2. Для всех этих вариантов необходимо установить основные типы коммуникативных ситуаций с максимальной степенью коммуникативной релевантности. Разумеется, прежде всего речь пойдет о ситуациях официальной коммуникации, но не только о них одних. К ним будут относиться не только ситуации и структуры политико-экономического управления, но и структуры культурно-идеологического воздействия, воспитания, включая и структуры культурно-унификационной деятельности вообще и т.п. Все эти структуры будут служить средством распространения, создания и насаждения/проникновения идей интегрированной европейскости, принципов европейского гражданства и т.д. Придется быть готовым к тому, что в содержательном отношении этот процесс будет скорее негативно отчуждающим[3], чем позитивно конструктивным.

7.1.1.3. Возникнет необходимость "заполнить" отдельные коммуникативные ситуации потенциально предполагаемыми

---

[3] Имеющийся опыт "новой" европейской интеграции говорит о том, что отлучение коснется прежде всего юго-востока. И, напротив, во "вновь" интегрирующейся Европе политика "отлучения" не будет проводиться в отношении России и европейского востока в целом. Это необходимо для успешной реализации стремления Европы занять главенствующую позицию наравне (на уровне) с Соединенными Штатами Америки. В этом случае речь идет не об интеграции самой России, а об установлении с нею в процессе эмансипации партнерских отношений. В ходе этого процесса Россия будет заниматься воссозданием интеграционных отношений в рамках (славянского) востока Европы, которые в структурном отношении будут сходны с интеграционными процессами в "новой" (западной и центральной) Европе.

inslav

языками, спрогнозировав тем самым пропорции между языками, интегрирующими и национальными в рамках соответствующих коммуникативных спектров. И, конечно же, придется сконструировать варианты: от экстремальных централистских моделей типа "одна Европа, один Брюссель, один язык" вплоть до (внешне) либеральной модели "Европа европейская по содержанию, национальная по форме (языку)". Все это нужно для того, чтобы мы могли интертекстуально сослаться на лозунги, которые в прошлом уже оправдали себя в интеграционном аспекте.

7.1.1.4. Невзирая на известную гипотетичность этих соображений, мы уже сейчас располагаем достаточным количеством данных, благодаря которым эта гипотетичность становится вполне реальной.

7.1.1.4.1. Сюда относится систематический анализ коммуникационных механизмов нынешней западноевропейской интеграции. Это большое количество в целом доступных документов, а также работ из области теории плюралистической языковой эквивалентности, теоретического разграничения перевода и так называемого соотнесения. Необходимо использовать и языковой опыт как позитивный, так и негативный интеграционных процессов в распавшихся восточноевропейских структурах[4]. Сейчас уже можно обобщить результаты перехода от первоначальной формальной, вульгаризаторской русификации чешского или же словацкого языков в 50-е годы (через фазу поспешного подыскания соответствий) к созданию совершенных переводных устройств. Иными словами, это процесс переноса влияния доминирующего языка с поверхностного уровня на уровень семантико-прагматических параметров. В этой связи следует учитывать, что явления чисто внешние, обращающие на себя внимание, являются более эфемерными, чем явления содержательного плана, оказывающие более длительное воздействие. Очевидно также (отчасти с учетом уже имеющегося ныне опыта), что интегрирующий язык, точнее говоря, носители интеграции, особенно в начале этого процесса, исходят из наличия тесной взаимосвязи между лексико-грамматическим уровнем языка и внушаемым содержанием (достаточно обратиться к уже имеющемуся опыту рекламных и вообще пропаган-

[4] Изучение истории восточноевропейских (славянских) государственных образований, развивавшихся под эгидой России, позволяет получить чрезвычайно важные данные, имеющие большое значение с учетом сказанного в сноске "3". Это касается вполне естественно и изучения коммуникативных и межъязыковых отношений в истории этих государств, начиная с Киевской Руси, вплоть до СССР и социалистической системы.

inslav

дистских материалов различных фирм, в которых зачастую в весьма категоричной форме осуществляется серьезное вмешательство в синтаксис и структурацию текста под предлогом сохранения в целевом языке специфического менталитета данной фирмы, являющегося составной частью пропагандируемого типа мышления).

7.1.1.4.2. Чрезвычайно ценным является опыт, накопленный чехами и словаками во время совместной и, как я думаю, обоюдно честной борьбы за функциональное равноправие своих языков (чешского и словацкого) в рамках единого чехословацкого государства[5]. Важно, что мы уже можем судить об итогах этого опыта. Речь идет о функциональных отношениях между обоими нашими языками, история которых весьма примечательна. У истоков этих отношений находилась не лингвистическая, а политическая концепция чехословацкого языка, а в завершающей их части – как я полагаю, мы имеем дело с заслуживающим всяческого уважения примером билингвизма, более совершенного, чем просто пассивный билингвизм. Я полагаю, что как богемистика, так и словакистика должны были бы распространять этот опыт за рубежом.

7.1.1.4.3. Большую информативную ценность имеют навыки и опыт устных и письменных переводчиков. Совершенно ясно, что и здесь развертывается драматическая борьба за так называемый "eurospeek", целью которого является установление тесной взаимосвязи между семантико-прагматическим содержанием и грамматической формой. Квалифицированные письменные и устные переводчики стремятся переводить мысли в мысли, а, если говорить обобщенно, то и культуру в культуру, однако на практике им приходится делать буквальный перевод, т.е. облекать фрагменты текста и синтаксические конструкции языка-оригинала в лексическую материю целевого языка. Именно эти механизмы, возможно, и являются причиной уже упоминавшегося выше сугубо поверхностного, шокирующего вторжения в целевой язык, в результате которого вытесняется интеллектуальный словарный запас родного языка, радикально меняется содержание и семантический объем слов. Впрочем, вторжение это, как подтверждает уже имеющийся опыт, бывает временным, эфемерным.

7.1.1.4.4. Необходимо вести подготовку и по линии языкового права. Этот аспект не следует ни переоценивать, ни, как бывает в случае либералистского ажиотажа, полностью недооценивать. И опять-таки, к какому опыту в этом случае следует обращать-

---

[5] См. в этой связи, по крайней мере, чешский и словацкий тома серии Najnowsze dzieje języków słowiańskich 1998.

inslav

ся? Мы полагаем, что надо изучать опыт не только словацкий и польский, но прежде всего французский, поскольку именно французскими учеными уже давно накоплен богатый антиинтеграционный опыт в области языкового права.

7.1.2. Что касается надежных теоретических источников, то следует прежде всего отметить вклад европейской философии, начиная с Витгенштейна, аналитической философии, через франкфуртскую школу и вплоть до французской философии 60-х и 70-х годов. Именно в этих работах отнюдь не упрощенно, а порой даже трагически показано положение языка, коммуникации, текста в западноевропейском обществе второй половины XX столетия.

8. Обобщение

8.1. Интеграция Европы является для нас лишь делом будущего. Ее реальные контуры пока что еще не четки. Из наиболее доступных источников мы располагаем лишь пропагандистско-идеологическими, политологическими концепциями.

8.2. Невзирая на это, необходимо разрабатывать данные вопросы в аспекте лингвистическом, в рамках теории вербальной коммуникации, в психолингвистическом и социолингвистическом русле. Все это существенно затрагивает и теории национального языка и языковой культуры.

8.3. Необходимо избегать всего того, что еще довольно часто встречается в процессе работы над различными проектами. Так, вместо того, чтобы заниматься теоретическим анализом и прогнозированием, специалисты зачастую лишь осуществляют лингвистическое комментирование идейно-пропагандистских и политологических концепций.

8.4. Говоря о современной интеграционной деятельности, следует учитывать, что здесь нет ничего абсолютно нового. В связи с этим следует воспользоваться доступными источниками эмпирической и теоретической информации, которые позволят лингвистам более или менее верно сориентироваться при подготовке к потенциально возможному будущему.

8.5. При определении значимости отдельных национальных языков в свете наших представлений о будущих международных отношениях в Европе и в мире важно учитывать следующее:

8.5.1. Прежде всего необходимо сформулировать системно понимаемые[6] модели формирования отношений между отдель-

---

[6] Теории системного мышления посвящена обширная литература, в которой показана вся сложность решения парадигматики системного мышления [по поводу нашей позиции см.: Kořenský 1998: 25].

inslav

ными этносами, народами и государствами в будущей Европе с учетом мирового контекста. В рамках множества предполагаемых моделей этих отношений официальные концепции, распространяемые военными, экономическими, финансовыми, политическими, пропагандистскими, медиальными и законодательными институциями Европы, являются всего лишь одним из возможных вариантов будущего развития. К числу критериев отдельных вариативных системных концепций относятся факторы финансовые, экономические, международно-политические, военно-стратегические, а также этнические, культурные и медиальные. Отдельные варианты являются результатом взаимной проекции названных критериев. Важнейшим комплексным критерием является место прохождения границы между Европой, официально контролируемой так называемыми европейскими структурами (НАТО, Европейским сообществом, единой валютой и пр.) и не-Европой (в рамках Европы как континента), т.е. границы между формально интегрированными и не формально интегрированными европейскими регионами[7].

8.5.2. Отдельные варианты устройства отношений в Европе и в мире следует интерпретировать как системно сформулированные динамические сети дискурсов. При структурировании оправдывает себя использование и таких понятий как центр и периферия иррадиации информации. К центру (при широкой трактовке этого понятия) относится не только передвижение информации в узком смысле слова, но и процессы воздействия властных структур, финансовых, экономических, военных и политических. Периферия же более или менее детерминируется центром. Отдельные варианты отношений между государствами, народами, этносами и экономиками в этой связи следует интерпретировать семиотически[8].

8.5.3. Все современные национальные и этнические языки Европы в тесном единстве с их этнокультурной базой представ-

---

[7] Эта граница будет отделять и различные миры, отличающиеся друг от друга в семиотическом отношении, семиотическая интеграция по обе стороны границы будет разниться.

[8] Под семиотической интерпретацией мы в этом случае понимаем систематическое изучение знаковой специфики отдельных дискурсов, проводимое при постоянном учете синтаксических, семантических и прагматических параметров. Вопрос о том, что представляет собой семиотика в историческом и современном аспекте, рассматривается во многих работах – наша точка зрения по этому поводу изложена, например, в работе [Kořenský 1998: 46; 57]. См. также: Ecco 1977: 39–58; Ecco 1999.

inslav

ляют собой семиотическое пространство, некий семиотический субстрат, в рамках которого и на основе которого развертываются все процессы, обозначаемые как интеграция[9], дезинтеграция и т.п. Необходимо учитывать, что все эти исторически сформировавшиеся и исторически обусловленные взаимоотношения наций, этносов и их языков станут не просто объектом интеграционных процессов в одной из возможных их реализаций, а будут воздействовать на эти процессы в качестве их прагматического контекста. В этом смысле данные процессы следует понимать как взаимосвязанные, диалектические.

8.5.4. Отдельные варианты устройства отношений в Европе, равно как и отдельные варианты интеграционных процессов следует интерпретировать как процессы семантические, процессы изменения содержательных свойств знаков, как процессы экспансии или же регрессии определенных значений. Речь пойдет также о процессах эрозии систем значений, возникших и обусловленных действием исторических, этнических и культурных факторов. Все эти семантические процессы следует изучать с учетом их прагматических, т.е. общественных, социальных взаимосвязей. Изменение средств языковой реализации в самом широком смысле этого слова (т.е. изменение содержания и объема значений отдельных слов и словосочетаний, тенденция развития грамматических систем отдельных языков) следует интерпретировать как внешнее проявление семантических процессов в совокупности с широкими общественными мотивациями и консеквенциями. Иными словами, необходимо рассматривать эти реальные или же предполагаемые процессы лексических и грамматических изменений на фоне взаимосвязанных важных семантических процессов, охарактеризованных нами выше.

---

[9] Тысячелетняя история Европы является историей интеграционных процессов, исходящих из различных государственных центров (Рим дохристианский, христианский, Священная римская империя германского народа, Наполеоновский послереволюционный Париж, Вена и Берлин в период после Священного альянса, Берлин 30–40-х гг., Москва и мировая социалистическая система – мы перечисляем лишь те случаи, когда наличествовали не только финансово-экономические, но и государственно-политические тенденции). Как показывает анализ, интеграционные и последующие дезинтеграционные процессы всегда протекали в рамках указанных выше параметров. В этом отношении современная интеграционная идеология является всего лишь современным вариантом этих тысячелетних усилий. Варьируются и видоизменяются лишь финансово-экономические факторы, международно-политическая аргументация и обусловленная этим идеология; ср.: Kořenský 2004; Kořenský 2000: 60–66.

inslav

8.5.5. В известном смысле не так уж и важно, в какой степени в ходе европейской коммуникации одни языки будут вытеснять языки другие, особенно если речь идет о внешней форме этих процессов или же о средствах их выражения. Точно также вряд ли нужно делать трагедию из того, что использование национального или же этнического языка будет ограничено рамками функционального речевого спектра национального или же государственного сообщества, т.е. в некоторых типах коммуникативных отношений он будет заменен языком, совершающим экспансию. Гораздо важнее отношения тождества или же отсутствия тождества исходных, первоначальных ("доинтеграционных") значений и значений, возникающих в результате экспансии идеологий, культур, языков. Иными словами, не так важно, в какой степени меняется внешний облик языка[10], существенно – и это нужно специально изучать – как меняется в этом языке характер восприятия человека и его мира. С учетом этих взаимосвязей можно прийти к важным и интересным наблюдениям, касающимся изменения характера употребления таких слов как *национальность, нация, свобода, общие ценности* и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

Bosák J. Slovenský jazyk // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole, 1998.

Ecco U. The Influence of Roman Jakobson on the Development of Semiotics // Roman Jakobson. Echoes his Scholarschips. Lisse, 1977.

Ecco U. Semiotics in next Milenium: Oppening Speechat the 6th Congres of International Association for Semiotics Studies. Dresden, 1999

Kořenský J. Poznámky k cílům, předpokladům a obsahům regulativních činností zaměřených na společenské fungování národního jazyka // Jazyková politika a jazyková kultura. Bratislava, 1989.

Kořenský J. Zur Frage der Festsetzung von Kriterien der geselschaftlichen Bedeutung der Sprechprozesse // Linguistica XVIII. Praha, 1989.

Kořenský J. Komunikace a čeština. Praha, 1992

Kořenský J. Vztah jazykové praxe a jazykového zákonodárství v podmínkách proměn státnosti na českém území // Kopitarjev zbornik. Ljubljana, 1996.

---

[10] Как следует из исторического опыта, изменения лексической системы или же некоторые тенденции развития грамматической системы, как правило, являются непродолжительными, лимитированными, зачастую эфемерными, они быстро исчезают после смены вызвавших их политико-экономических обстоятельств. С точки зрения богемистики длительный политико-экономический и цивилизационный контакт можно детально и во всех аспектах изучать на материале отношений между чешским и немецким языками; что же касается краткосрочных изменений, то некоторые интересные взаимосвязи прослеживаются в отношениях между чешским и русским языками. Ср.: Kořenský 1992.

inslav

Kořenský J. Proměny myšlení o řeči. Praha, 1998.

Kořenský J a j. Český jazyk // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole, 1998.

Kořenský J. Makrotextologické zkoumání společenských interakcí // Jazyková komunikácia v 21. storočí. Banská Bystrica. 2004. S. 30–34.

Kořenský J. Řečová tvář (hlavního) města // Město a jeho jazyk. Bratislava, 2000.

Корженский Я. Развитие языкового права в современной Чешской республике (период последних десятилетий) // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000.

Корженский Я. Чешский язык как язык национальный // Встречи этнических культур в зеркале языка. М., 2002.

Kořenský J. Language Functions in european Integration Processes // Slovenski knjižni jezyk – aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnje. Ljubljana, 2003.

Нещименко Г.П. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков) // Specimina philologiae slavicae. Band 121. München, 1999).

Перевод Г. Нещименко

Л.П. Крысин

(Россия)

ЗАИМСТВОВАННОЕ СЛОВО КАК ТРАНСЛЯТОР ИНОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

Среди лексики, заимствуемой каждым языком в тот или иной период его развития из других языков, значительный пласт составляют так называемые э к з о т и з м ы – слова, называющие реалии "чужой" жизни. Это могут быть названия объектов природы – деревьев, трав, пород диких и домашних животных, рыб, насекомых и т.п., национальных традиций, особенностей государственного устройства, семейного быта, национальных блюд и напитков, то есть всего того, в чём так или иначе проявляется своеобразие жизни народа и населяемой им территории: ср., например, такие слова, как *араукария, бальса* – породы деревьев, растущих в Южной Америке, *сельва* – влажные экваториальные леса в Бразилии, *пиранья* – хищная прожорливая рыба, обитающая в реках Южной и Центральной Америки, *праймериз* – в США:

[1] Статья написана в рамках проекта "Современный русский язык: система – норма – узус", финансируемого Российским гуманитарным научным фондом (грант № 04-04-00160а).

inslav

первичное собрание избирателей для выдвижения кандидатов на выборные государственные должности, *хурал* – орган государственной или местной власти в Монголии, *шахсей-вахсей* – религиозная церемония у шиитов, имитирующая страдания Хусейна, одного из потомков Мухаммеда, *якудза* – японская мафия, а также представитель этой мафии, гангстер (более подробно об экзотизмах, их весьма пестрых тематических группах и условиях употребления в речи см., например [Супрун 1958; Крысин 1968: 46–52]).

Границы между экзотической лексикой и "обычными" заимствованиями – то есть словами, семантика и употребление которых не специфичны для той или иной страны (территории) – не жестки. При определенных обстоятельствах экзотизм может превратиться в слово, хотя и сохраняющее признаки иноязычности (что обычно более или менее ясно ощущается говорящими), но именующее реалию, которая прививается в жизни носителей языка-реципиента: ср., например, слова *мэр, префект, парламент, муниципальный, спикер* и др., которые до середины 80-х годов XX века были в русском языке на положении экзотизмов, характеризующих политическое и государственное устройство других стран (не СССР и не России). Когда-то, в конце XIX – самом начале XX в. слово *футбол* воспринималось носителями русского языка как явный экзотизм, поскольку обозначало спортивную игру, еще не известную в России, а слово *соккер* и сейчас представляет собой элемент экзотической лексики, поскольку называет разновидность футбола, распространенную только в США и некоторых других странах Америки.

Экзотические слова не только называют реалии, не известные носителям заимствующего языка, – они могут нести в своих значениях указание на определенную специфику к у л ь т у р ы данного народа, особенности его обычаев, его менталитета. Употребляясь в другом языке, такое слово, обозначая соответствующее понятие, как бы транслирует кусочек иной культуры, адресуя трансляцию людям, не являющимся носителями этой культуры.

Такое указание на культурную специфичность понятия и соответствующего ему слова занимает определенное место в толковании слова – наряду с чисто номинативным (ассертивным) смысловым компонентом, называющим данный объект. От исконных или ранее заимствованных слов языка-реципиента такие экзотизмы отличаются именно этим культурным компонентом, совпадая в компоненте номинативном (ассертивном).

Покажем это на нескольких примерах.

inslav

Английское слово *porridge* обозначает овсяную кашу, которую англичане обычно готовят на завтрак. Казалось бы, какая необходимость употреблять в русском тексте слово *поридж*, даже в случае, когда сообщаемое в этом тексте касается жизни в Англии? Так и писали бы: *По утрам англичане едят овсяную кашу*. Но в том-то и дело, что словосочетание *овсяная каша* нейтрально: оно не указывает на то, что в традициях именно англичан, а не вообще людей есть по утрам эту кашу. Поридж – это часть э т н о с т е р е о т и п а, приписывающего англичанам такие свойства, как чопорность, холодность, незыблемую верность традициям и т.п. (о понятии этностереотипа и способах его языкового выражения см. [Крысин 2003]). Слово *поридж* не просто называет соответствующее блюдо, а сигнализирует об определенном национальном обычае, хотя блюдо, которое ест и англичанин, и русский, может быть абсолютно одинаковым и по составу, и по вкусу.

Еще одно английское слово – *tutor* – в Англии служит для называния домашнего наставника, опекуна (оно и происходит от глагола *to tutor* 'опекать, воспитывать'). Если мы переведем его словами *воспитатель, опекун*, даже добавив определение *домашний*[2], и тем самым полностью передадим по-русски ассертивную часть семантики английского слова, такой перевод не будет адекватным: исчезнет указание на особенность именно английского домашнего воспитания и образования. И дело здесь не в том, что в русском семейном быту сейчас, в отличие от XIX в., нет домашних опекунов как определенного социального института (хотя некоторые состоятельные семьи могут это себе позволить), – даже если бы такая традиция возродилась, соответствующее лицо едва ли получило бы название *тьютор*: слишком ярка в нем национальная "английская" окраска, прикрепленность к английской семейной традиции[3].

---

[2] Наиболее близким – но не тождественным – по смыслу однословным эквивалентом было бы устаревшее *дядька*, которое В.И. Даль определяет как "[человек,] приставленный для ухода или надзора за ребенком, пестун" [Даль 1955, т. 1: 512]; в словаре под ред. Д.Н. Ушакова ему дается такое толкование: "Слуга, приставленный к мальчику в дворянской семье (истор.)"; при этом обращает на себя внимание рестриктивный компонент '(приставленный) к мальчику', которого, по-видимому, нет у английского *tutor* (во всяком случае, английские толковые словари его не отмечают).

[3] Кроме того, в словесном арсенале русского языка есть французское по происхождению слово *гувернёр* с близким значением, и в случае необходимости скорее всего возродится оно, так как традиция употребления его в русском языке XIX в. сняла с него ауру экзотичности, отнесённости только к французскому семейному быту, приспособив для обозначения иностранца – воспитателя детей в дворянских семьях.

inslav

Слово *кильт* (в иной форме *килт*) обозначает мужскую юбку – элемент шотландской национальной одежды. Указание на национальное своеобразие этого вида одежды является культурным компонентом значения слова.

Подобные указания на национальную специфичность предметов материальной культуры есть у слов ряда тематических групп:

– названия одежды: *аба* ‘мужская распашная одежда в виде длинного плаща из верблюжьей шерсти у народов Ближнего Востока’ (аба – характерный элемент одежды бедуинов), *айшон* ‘женский головной платок у удмуртов’, *аракчин* ‘мужская тюбетейка у персов’, *бешмет* ‘мужская распашная одежда у народов Средней Азии и Кавказа’, *бурнус* ‘верхняя мужская одежда у народов Ближнего Востока и Северной Африки’, *галабея* ‘широкая мужская рубаха у народов Северной и Центральной Африки’, *гатья* ‘широкие мужские полотняные штаны у венгров’, *гусь* ‘мужская верхняя меховая (мехом наружу, с капюшоном) одежда у манси и ненцев’, *дхоти* ‘мужская одежда у народов Южной и Юго-Восточой Азии в виде полосы ткани, прикрывающей бёдра, конец которой пропускается между ног’, *кебая* ‘женская кофта у народов Индонезии’, *кенте* ‘мужская широкая длинная рубаха у народов Западной Африки’, *койлек* ‘женское платье-рубаха у народов Средней Азии и Поволжья’, *сари* ‘индийская женская одежда из куска ткани, обертываемого вокруг тела’, *саронг* ‘мужская и женская одежда у народов Юго-Восточной Азии в виде полосы ткани, обертываемой вокруг тела и доходящей до щиколоток’, *сая* ‘распашная женская одежда у болгар и македонцев’, *ципао* ‘женская распашная, со стоячим воротником одежда у китайцев’, *чепан* ‘стеганый халат без пуговиц у народов Средней Азии’ и др.;

– названия жилищ: *алачик* ‘войлочный шатёр эллиптической формы у тюркоязычных народов Передней Азии’, *вигвам* ‘куполообразная или коническая хижина из жердей, покрытых корой или кожей, у индейцев Северной Америки’, *викупа* ‘хижина из ветвей у апачей’, *голомо* ‘коническое жилище, утепленное землей и дерном, у народов Севера’, *иглу* – ‘куполообразная хижина канадских эскимосов, сложенная из снежных плит’, *истаба* ‘жилое помещение у латышей’, *кор* ‘дом-крепость у сванов’, *сакля* ‘тип жилища у горцев Кавказа с каменными, глинобитными или

inslav

саманными стенами и плоской крышей', *фанза* 'тип жилища у китайцев на каркасе из деревянных столбов', *чум* 'переносное жилище северных народов в виде шатра конической формы, покрытого шкурами, войлоком, корой и т.п.', *юрта* 'переносное жилище у народов Центральной и Средней Азии в виде конического или куполообразного деревянного каркаса, покрытого войлоком', *яранга* 'переносное жилище у народов северо-востока Сибири в виде конического деревянного каркаса, покрытого оленьими шкурами' и др.;

– названия блюд и напитков: *айран* 'напиток из кислого коровьего молока у народов Средней и Передней Азии, Сибири и Кавказа', *бешбармак* 'мясное блюдо у народов Средней Азии в виде кусочков баранины с мучной приправой', *бигос* 'блюдо из тушеной капусты у поляков', *бозбаш* 'мясной соус у народов Кавказа', *говурма* – 'заготовленная впрок баранина, жаренная в сале, у народов Ближнего Востока', *гуаро* 'водка из сахарного тростника у народов Центральной Америки', *гутаб* 'пирожки с мясом и зеленью у народов Средней Азии и Кавказа', *долма* 'род голубцов, обернутых в виноградные листья, у народов Кавказа и Ближнего Востока', *казы* 'колбаса из конины у народов Средней Азии и Поволжья', *кебаб* 'жаркое у народов Кавказа и Передней Азии', *курут* 'вид сыра у скотоводческих народов Азии', *мате* 'тонизирующий напиток у народов Южной Америки', *хинкали* 'род крупных пельменей у народов Кавказа и Передней Азии', *шорва* 'мясной суп у азербайджанцев' и др.

Компонент значения, указывающий на национально-культурную специфику обозначаемого, содержат и слова, называющие объекты, относящиеся к духовной культуре народов:

– названия музыкальных инструментов: *авлос* 'тростниковая флейта у греков', *ангклунг* 'ударный музыкальный инструмент у народов Индонезии', *гиджак* 'струнный музыкальный инструмент у народов Средней Азии', *дутар* 'струнный щипковый музыкальный инструмент у народов Средней и Передней Азии', *зурна* 'деревянный духовой музыкальный инструмент у народов Кавказа', *кеманча* 'струнный смычковый музыкальный инструмент у народов Кавказа и Передней Азии', *кобза* 'струнный щипковый музыкальный инструмент у молдаван и румын', *ребаб* 'двухструнный музыкальный инструмент у арабов', *саз* 'струнный щипковый музыкальный инструмент у народов

inslav

Кавказа и Передней Азии', *сямисэн* 'японский струнный щипковый музыкальный инструмент с тремя струнами', *танбур* 'струнный щипковый музыкальный инструмент у народов Азии', *хур* 'струнный смычковый музыкальный инструмент у монгольских народов' и др.;

– названия танцев и вокальных произведений: *вилотта* 'песенный жанр у итальянцев', *вильянсико* 'песенный жанр у испанцев', *воладор* 'ритуальный танец-игра у индейцев Мексики и Центральной Америки', *гуарача* 'песня-танец у народов Карибского бассейна', *дайна* 'лирическая песня в фольклоре латышей и литовцев', *дойна* 'лирическая песня в фольклоре молдаван и румын', *дэнгаку* 'японское средневековое театрализованное музыкальное представление', *йодль* 'песенный жанр у альпийских горцев, характеризующийся частой сменой регистров', *корридо* 'песня-баллада исторического содержания у мексиканцев и других народов Латинской Америки', *мунейра* 'галисийский парный танец, сопровождаемый пением', *сардана* 'каталонский хороводный танец', *хоруми* 'аджарский мужской хороводный танец' и др.;

– названия национальных обычаев: *амбиланак* 'обычай усыновления зятя у народов Индонезии', *вендетта* 'обычай кровной мести у жителей Корсики и Сардинии', *дивали* 'индуистский праздник огней', *каргатуй* 'весенний праздник у башкир и татар', *касым* 'осенний праздник у турок', *ртвели* 'праздник окончания сбора винограда у грузин', *сорорат* 'брачный обычай у некоторых народов в период первобытнообщинного строя, заключавшийся в том, что один мужчина одновременно женился на двух или нескольких родных (между собой) или двоюродных сёстрах', *той* 'празднество у народов Средней Азии и Сибири, сопровождаемое пиршеством, музыкой, плясками' и др.[4]

Возникает вопрос: каков нормативный статус подобных слов? Являются ли они элементами русского словаря? Или же их употребление ограничено определенными (и при этом весьма жесткими) условиями? Бóльшая часть приведенных слов-экзотизмов не принадлежит современному русскому словарю в качестве его органической составляющей: они употребляются лишь в ситуациях и контекстах, описывающих соответствующие этниче-

[4] В приведенных примерах использованы сведения, содержащиеся в энциклопедическом словаре [Народы мира 1988: 617–624] и в словаре [Крысин 2000].

inslav

ские реалии. Они уместны, например, в этнографической литературе, при описании обычаев и обрядов того или иного народа, в путевых очерках, в переводах фольклорных и художественных произведений. И не просто уместны – без них нельзя обойтись, ибо именно они, в сочетании (при необходимости) с их толкованиями, передают национально-культурный колорит описываемых особенностей жизни того или иного народа.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что некоторые из слов, которые можно отнести к какой-либо из перечисленных тематических групп, теряют или потеряли совсем семантический компонент, указывающий на национальную специфичность обозначаемого объекта. Это, например, такие слова, как *папаха, халат, плов, пицца, халва, шашлык* и нек. др.: папахи носят полковники и генералы российской армии, в халатах ходят не только кавказцы и жители Средней Азии, пиццу, плов и шашлык едят в кафе и ресторанах всей России, а халву производят не только в странах Востока.

Отдельные слова, в прошлом принадлежавшие экзотической лексике, приобрели переносные значения, окончательно утратив связь с первоначальной национально-культурной самобытностью: таково, например, слово *сабантуй,* которое в современном русском языке обозначает шумное веселье с застольем, пирушку и в словарях имеет стилистическую помету "разг. шутл." (по происхождению же это народный праздник у тюркоязычных народов по завершении весенних полевых работ – от тюрк. *saban* 'плуг' и *tuj* 'праздник'). В других экзотизмах, наряду с прямым значением, развиваются переносные, в которых отсутствует указание на культурную специфику обозначаемого объекта. Так, слово *гуру,* которое в своем основном значении толкуется как специфическое для индуизма обозначение учителя, духовного наставника [Крысин 2000: 204] в современном русском языке может употребляться и в расширительном смысле: 'о том, кто учит, формирует мировоззрение' [Захаренко, Комарова, Нечаева 2003: 180]; словом *камикадзе,* которое в прямом значении называет 'лётчика-смертника в японской армии периода Второй мировой войны, погибавшего вместе с атакующим цель самолетом' [Крысин 2000: 297], в русской разговорной речи называют также 'безрассудного смельчака, жертвующего собой' [там же]: *В этом деле нам никакие камикадзе не нужны.*

Рассмотренный материал свидетельствует: культурная специфика, передаваемая в значении слова или в его коннотациях, может характеризовать разные стороны жизни того или иного

inslav

этнического сообщества: быт, традиции, обычаи и обряды, социальное и политическое устройство общества, управление им со стороны государства, сферы религии и церкви, виды и жанры национального искусства и многое другое. Во всех этих случаях соответствующие слова, называющие то или иное понятие, помимо номинативной функции имеют и функцию "культурную": они сигнализируют об определенной специфической черте понятия, связанного именно с данной национальной культурой. Некоторые из подобных культурно специфичных слов могут с течением времени утрачивать компонент смысла, указывающий на связь обозначаемого с иной культурой, и развивать переносные значения.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1955.

Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. М., 2003.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000.

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.

Крысин Л.П. Лингвистический аспект изучения этностереотипов // Язык. Этнос. Культура. Под ред. Г.П. Нещименко и Е.Ф. Тарасова. М., 2003.

Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988.

Супрун А.Е. Экзотическая лексика // Доклады высшей школы. Филологические науки. 1958. № 2.

Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1935–1941.

А.В. Липатов

(Россия)

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ: ДВУЕДИНСТВО ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЫ

Становление современных гуманитарных наук восходит к временам раннего романтизма, отразившего мироощущение эпохи формирования национального самосознания. Именно поэтому во главу угла историософских, культурологических, филологических и политических дискурсов ставилось национальное свое-

inslav

образие – все то, что отличает каждый народ, выделяет его среди других ближних и дальних соседей.

Зарождаясь в недрах эпохи Просвещения, во второй половине XVIII – начале XIX в., эта философско-эстетическая концепция, нареченная в XX в. предромантизмом, представлена прежде всего снискавшими общеевропейский резонанс воззрениями Руссо. Она представляла образ мира, альтернативный традиционно присущему универсализму европейской цивилизации, как по отношению к типу мироощущения, восходящего к христианскому Средневековью, так и по отношению к его модернизированному секулярным сознанием варианту. Противопоставляясь рационалистическому идеалу космополитичного (над- и внеэтнического) – общекультурного устроения единого – социально справедливого и этически разумного – сообщества народов и рас, "женевский гражданин" (как деист, мыслящий вне категорий христианского универсума) ратовал за сохранение оригинального облика каждого из этих народов и рас, начиная с национальных костюмов, обычаев и обрядов и кончая призывом возвращения к истокам стародавнего бытия каждого этноса, что объективно представало как очередное воплощение прекраснодушных идеалов "народовластия" и мифа "золотого века"[1].

Эта реакция на якобы нивелирующий культуры народов Европы универсализм со стороны "преромантиков" и их нетерпеливых учеников-революционеров, стремившихся теперь уже насильственно усовершенствовать мир, обрела достаточно стремительную динамику развития и особую европейскую масштабность с кризисом идей Просвещения, который обозначили кровавые эксцессы французской революции.

Для эволюции новых идей (в частности, и для зарождающейся тогда славистики) симптоматична фигура Гердера. Вслед за Руссо "старой" и "нивелированной" романо-германской Европе

---

[1] В этом отношении (как, впрочем и с точки зрения приложения своих философско-эстетических идей и социально-правовых идеалов к конкретной общественно-политической реальности определенного народа и его государственного устройства) симптоматичны его проекты корсиканской, а затем и польской конституции. Последний был написан по просьбе дипломатического представителя Барской конфедерации в Париже графа М. Вельгорского в 1771 г. (См.: *Липатов А.В.* Идеи Ж.Ж. Руссо в Польше XVIII в. и Нипуанская утопия И. Красицкого // История и культура славянских народов. Польское освободительное движение XIX–XX вв. и проблемы истории культуры. М., 1966; *Он же.* Возникновение польского просветительского романа. Проблемы национального и общеевропейского. М., 1974).

inslav

он противопоставляет "молодое" славянство. Сохранив свое культурное своеобразие, а тем самым и витальность, оно, по убеждению немецкого мыслителя, придаст новые силы будущей Европе. В эпоху романтизма эти идеи вдохновили деятелей "славянского возрождения" (чехов, словаков, серболужичан, словенцев, хорватов, сербов), которые, будучи гражданами Австрии и Германии, прошли немецкоязычные гимназии и университеты. Наряду с классической немецкой философией гердеровское визионерство обрело отзвук и в русском славянофильстве.

Такого рода локальные веяния – а в этой связи в качестве характерных примеров можно упомянуть такие известнейшие в Европе декларации новых идей, как "Речь к немецкому народу" (1806) И. Фихте или "История романских и германских народов" (1824) Л. Ранке – местное проявление эпохи зарождения и развития национализмов как объективное проявление процесса формирования наций в сфере мировосприятия наложило специфический отпечаток на литературу и искусство (на их современное состояние и их последующую историю). В художественном творчестве произошел радикальный сдвиг в отношении к собственным философско-эстетическим традициям, свершился перелом в сфере исторического сознания народов Европы, а ценностная реориентация светских и церковных элит обрела воплощение в их общественно-политической практике: романтизм разбил зеркало цивилизационного универсума на национальные осколки. Изначально культивируемая христианством универсальная аксиология, послужившая для разных и разрозненных этнических сообществ общим для них фундаментом европейской цивилизации, обретя противовес в антагонистичной системе ценностей национальной исключительности, раскололась на дихотомические составляющие. "Аверсом" этого эпохального внутрицивилизационного разлома и аксиологического излома был процесс этнической самоидентификации и связанная с этим внутренняя общественно-правовая и хозяйственно-экономическая эволюция нации, развитие ее языка, литературы и искусства; "реверсом" – стремительно нарастающий и углубляющийся процесс межнациональных конфликтов, последующее перерождение национализмов в шовинизм и расизм, что обрело свое крайнее воплощение в тоталитарных режимах фашизма и нацизма. Глобальным же проявлением эволюции этой оборотной стороны национально-романтической идеи, трансформировавшейся в национально-государственные идеологии, были в XX в. две мировые войны, а уже в наши дни (если речь идет о славян-

inslav

стве) – кровавый развал Югославии, распад СССР и Чехословакии.

Историческими производными романтического типа мышления были и не изжитые до сих пор концепции европоцентризма, отождествляющими понятие Европы только лишь с романо-германской ее составляющей, равно как и своего рода ответная реакция славянской ее части в виде концепции "славянского единства". По сути, она в свою очередь изолирует славянство от романо-германской составляющей общеевропейского универсума[2]. То же самое представляет и позднейшее, а ныне реанимируемое "евразийство", противопоставляющее Россию европейской цивилизации, отсекающее ее от сообщества народов Европы (среди которых и славяне), конструирующее виртуальный образ некоей концептуализируемой самости – "русской цивилизации".

Наследие романтического мышления, преобразовавшего диалектическое единство универсального и национального в дихотомию – манихейское разделение аксиологически единой и исторически одной цивилизационной целостности – до сих пор дает о себе знать в гуманитарных науках. Это, в частности, проявляется в "опрокидывании" национального мышления в донациональное прошлое, в своего рода обратной проекции восходящих к романтизму представлений на всю "доромантическую" историю, которой был присущ совершенно иной тип мировидения, а во взаимосвязи с этим – и иная парадигма культурной ориентации, совершенно иной облик и качество культурного пространства, абсолютно иной характер локальной (этнической) самоидентификации. Один из характерных примеров – трактовка историко-культурных периодов, квалифицируемых как "Каролингское возрождения" и "Оттоновское возрождение" в историографии нацистской Германии. Значение и роль первого принижались, ибо объективное рассмотрение и вытекающая отсюда оценка этого периода противоречила бы идеологическому тезису о германском генезисе западноевропейской культуры Средневековья. Оттоновские же времена провозглашались как "Малый ренессанс Германии". Рыжебородый и голубоглазый Оттон I представал как воплощение чистоты германской расы и олицетворение немецкого духа, а созданная им "Первая Германская импе-

---

[2] *Липатов А.В.* Славянская общность: историческая реальность и идеологический миф // Павел Йозеф Шафарик (к 200-летию со дня рождения). М., 1995; *Bobrownicka M.* Narkotyk mitu. Kraków 1995; Wielkie mity narodowe Slowian. Poznań 1999.

inslav

рия" – как прямая предшественница второй империи Бисмарка и третьей – Гитлера. Между тем не только хронологически, но и по культурной сути Оттоновские времена были возобновлением исторического опыта и обращением к универсальным (латинским) образцам культуры, государственно-правовой и хозяйственно-экономической практики Каролингского периода. Сама же империя Оттона I Великого, как и империя Карла Великого, была универсальной по сути государственной идеи, типу официальной (надплеменной) высокой культуры Западного христианства, языку этой культуры (латынь) и, наконец, этническому составу. Ни немцев, ни французов в те времена попросту не было, ибо до возникновения народностей и формирования наций и национального сознания было еще весьма и весьма далеко. В границах созданного Оттоном I государства сосуществовали этносы романские, германские и славянские. Корону императора возложил на Оттона папа римский (962), а объединенные им разноплеменные земли назывались Римской империей, которая в своей государственной идее и культурной доктрине была обращена не к античной Римской империи, а к Римской империи Карла Великого. Культурные свершения этого периода связаны с деятелями, воспитанными на образцах Каролингского возрождения. В значительной своей части эти деятели были представителями романских этносов.

Новое название созданного Оттоном I государства – Священная римская империя германского народа – утвердилась много позже (1442 г.) Оно появилось уже в новых исторических условиях (возникновение этноцентричных государств), в иной политико-правовой ситуации, в изменившихся границах и с изменившемся этническим составом народонаселения. При этом оно отражало как идею универсальности в ее папском (конфессиональном) варианте, так и государствообразующую роль близких германских этносов, которые в общих границах империи имели свои особые государственные образования. Вне их общей границы в тот период истории уже образовались другие этноцентричные государства латинской Европы (Англия, Франция, Испания, Неаполитанское королевство, Польша, Венгрия и др.). Что же касается самих Оттоновских времен, то исторически восходящая к античности, а непосредственно – к периоду правления Карла Великого идея универсальной империи была главенствующей, обретая исключительный удельный вес при Оттоне III.

При дворе саксонского династа Оттона II, женой которого была византийская принцесса Феофана, латинство романо-гер-

inslav

манской Европы органично сочеталось с восточно-христианской современностью греческой культуры. Аналогичные веяния были свойственны и части западно-христианской Церкви, что являлось продолжением линии римских пап Николая I и Адриана II, который еще в конце 867 или в начале 868 г. благославил деятельность Кирилла и Мефодия, признав славянское письмо в качестве литургического. В оттоновские же времена центром, культивирующим такие воззрения в Риме, был греко-римский бенедиктинский монастырь святых Бонифация и Алексея. Знаменательно, что именно из него отправился в Польшу во времена правления Болеслава I чех Войтех Адальберт – епископ-миссионер, которому вскоре суждено было стать первым польским святым. В самой Чехии восточно-христианский обряд и связанная с ним письменность существовали до конца XI в., а в Польше – по крайней мере до конца XV в. Тем самым и после формального раскола (1054 г.) христианской Церкви на Западную и Восточную в культурном пространстве латинской Европы продолжалось сосуществование двух христианских обрядностей и двух универсальных языков одной конфессии, раскалываемой институциональным конфликтом Рима и Константинополя. (В славянском мире подобная ситуация сложилась также на словацких, сербо-хорватских и словенских землях.) Сам Войтех использовал и церковнославянский, и латынь – в зависимости от этнической ситуации и характера локальных особенностей.

Традиции общехристианского культурного универсума накладывали отпечаток и на сугубо светскую сферу. Это отражалось в воззрениях Оттона II и особенно его сына Оттона III, матерью которого была поддерживающая, а затем продолжавшая культурную политику своего венценосного супруга византийская принцесса, и который сам был женат на гречанке. Высокообразованный и дальновидный, нареченный современниками "чудом света", друг Войтеха, он вопреки оппозиции части немецких монархов и связанного с ними духовенства стремился к объединению разрозненного христианского мира в границах общей государственности. В этом своем стремлении Оттон III подчинил римскую Церковь государству, способствуя возведению на папский престол своих выдающихся единомышленников среди духовенства Григория V и Сильвестра II. Согласно идеям императора Sclavinia (славянство) входила бы в будущую универсальную монархию на равных правах с романо-германским миром, который представляли Italia, Gallia, Germania. (Сохранилась миниатюра XI в. с изображением Оттона III, который, восседая на троне,

inslav

принимает присягу на верность четырех аллегорических фигур, представляющих Италию, Францию, Германию и Славию). С этим связано признание церковнославянского наряду с традиционными сакральными языками христианства. Помимо бенедиктинцев этот язык использовали монахи-эремиты, а из известнейших миссионеров латинского мира – святой Бруно из Кверфурта, проповедовавший в Польше, Венгрии, Швеции и на Руси. В политической же сфере – с точки зрения реализации идей универсальной монархии – знаменательны особые дружеские связи Оттона III с польским королем Болеславом I, который воспитывался при том же императорском дворе Оттона II.

Это краткое рассмотрение универсализма государственной идеи Оттона III, распространяющейся и на славянство как этническое составляющее Европы, думается, в достаточной степени иллюстрирует несостоятельность не только "немецко-национальной" интерпретации Оттоновских времен, но и функционирующей до сих пор романо-германской версии европоцентризма.

Примеры "обратной перспективы" рассмотрения своего исторического прошлого в разных государствах можно множить. В России и СССР локальным проявлением такого рода общей (восходящей к романтическому типу мышления) тенденции является национальная идеологизация истории собственной государственности, обусловливаемый ею анахронический подход к прошлому, "опрокидывание" национальных критериев в донациональные времена. Одно из проявлений этого – обостренная чувствительность к "норманской теории". Обостряемая идеологическими потребностями элиты власти эта по сути своей сугубо историческая проблема периодически идеологизируется "сверху", политически заостряется, насыщается эмоциями и тем самым смещается из научной области в сферу официального "патриотизма". При этом – как и в других подобных случаях – "свое", "исконное" и якобы национальное ("якобы", ибо это была история донациональная) изымается из цивилизационного контекста и свойственных ему закономерностей, где всеобщее (универсальное) и локальное (этническое) являли собой диалектическое двуединство одной общей системы (цивилизации), а не взаимоизолированные и параллельно функционирующие начала.

В филологической области проявлением постромантического мышления, трансформировавшего диалектическое двуединство универсального и локального в дихотомию, является противопоставление универсального языка (на котором к каждому этносу вместе с христианизацией приходило искусство письменного

inslav

слова) языку национальному (который возник гораздо позже). Тем самым история письменности на локальной почве представала в свете борьбы "своего" и "чужого", в результате которой "национальный язык" неизменно завоевывал свои права. В "смягченном" варианте подобной концепции эти два феномена разведены: они рассматриваются хронологически и параллельно в процессе своего проявления, сосуществования, угасания одного и усиления другого.

Оба эти варианта проявляются и в истории своей древней литературы, предстающей в свете национальных критериев, а отсюда и "борения" творчества на "чужом" и "родном" языках. В таком восприятии и сопутствующей ему системе оценок не учитывается, что в те времена не было наций, а, следовательно, и национальных языков. Каждое из родственных племен обладало своим наречием. Приходящий извне универсальный язык не только присоединял эти племена к христианству, а тем самым не только вводил их в круг европейской цивилизации, но и сближал их друг с другом общностью нового мировидения со свойственной ему культурой и искусством слова. Вследствие этого локальные – архаичные, "языческие", "варварские" (как их нарекли еще в древнеримские времена) уклады сменялись принципиально иной системой ценностей: универсальный язык и создаваемая на нем письменность привносили в бытие каждого этноса мир принципиально новых понятий и представлений, которые неизбежно вели языческие племена к цивилизационной ассимиляции в универсуме христианской эйкумены. Универсальный язык, культивируя новый образ мышления, постепенно – по мере приобщения отдельных этносов к христианству и его локальному укоренению – делал здесь доступными наряду с богословием и другие науки, расширяя тем самым интеллектуальный кругозор и меняя саму ментальность отдельных этносов. Тем самым этот универсальный фактор, обусловливающий цивилизационную интеграцию, одновременно обусловливал и интеграцию локальную: объединение географически и (или) генетически близких этносов в границах общего культурного и государственного пространства. Такого рода процесс способствовал формированию народностей, а во взаимосвязи с этим – самих языков таких христианизированных народностей. Создание же письменных эквивалентов этих языков находилось в прямой связи с уже укоренившейся на местной почве филологической культурой цивилизационного универсума. Иначе говоря: сначала нужно было освоить "чужой язык" – универсальное койне своей цивилизации – чтобы затем на его

inslav

формально-эстетической основе и в свете свойственных ему жанровых и стилевых образцов создавать свои аналоги теперь уже в материи своего языка. Так в лоне цивилизационного универсума зарождались локальные культуры, литературы и языки, которые по мере формирования наций обретали уже национальное качество. Такого рода процесс (а не разрыв или же параллелизм) в эволюции универсального и локального обусловливал исторические изменения в их соотношении и взаимодействии внутри общей цивилизационной системы. Поэтому-то одним из методов познания истоков, ранних стадий становления и первоначальной эпохи истории цивилизационной общности (которая по мере своих исторических изменений дала начало нациям, их языкам и культурам) может быть культурологическое осознание сферы филологии, ибо "внешним" проявлением цивилизационного универсума является его универсальный язык. Владение им означало приобщенность к цивилизации Pax Christiana. Объединяя разноплеменную Европу, этот язык превращал само понятие "Европа" из первоначально (во времена античности) географического в культурно-аксиологическое.

Введенный институтами церковной и светской власти, распространяемый в разноэтничном пространстве посредством находящейся в ведении Церкви системы образования универсальный язык (латынь и отчасти церковнославянский в Pax Latina, греческий и церковнославянский в Pax Orthodoxa) был тем общепонятным для местных носителей просвещенности койне, которое связывало разобщенную своими племенными верованиями этническую разнородность в этнически дифференцированную целостность христианской цивилизации. Функционируя как средство внутрицивилизационной коммуникации идей, людей и их практики, это койне благодаря своему воздействию на умы и чувства посредством искусства слова – от литургии до разных жанров и стилей риторики и письменности – было носителем теологических, философских и эстетических идей, которые порождали исторические изменения в сферах государственно-правовых, общественно-политических, культурно-художественных, морально-бытовых, а отсюда и мировоззренчески-ментальных во всем разноэтничном пространстве Pax Christiana. Эта реализация идей, носителем которых была универсальная словесность, отражала как ответы цивилизации в целом и отдельных ее этнических составляющих на очередные вызовы истории, так и сущность самой словесности, ее культуротворческую роль и историческое значение – всеобщее и локальное.

inslav

Роль филологии как универсального носителя всех знаний, ее значение для культурного самосознания и ее функции во всех областях жизни средиземноморской цивилизации осознавались еще во времени поздней античности. В этом отношении знаменателен труд Мартиана Феликса Капеллы "О браке Филологии и Меркурия" (ок. 430 г.). Написанное в жанре романа, это творение в аллегорической форме изображает супружество добродетельной и мудрой девы Филологии, обладающей всеми познаниями, с богом Меркурием[3]. Совет богов превращает ее в богиню и возносит на Олимп, приравнивая тем самым земную деву божественному жениху. В качестве свадебного дара невеста получает от богов семь свободных искусств, каждое из которых предстает в аллегорическом образе и с эрудиционно описанными атрибутами, символизирующими значение соответствующей области знаний и творчества.

В следующем столетии христианские наследники поздней античности Боэций и Кассиодор разделили описанный Капеллой свод знаний, которыми владела Филология, на тривиум – грамматика, риторика и диалектика (то, что мы называем формальной логикой) и квадриум – геометрия, арифметика, астрономия, музыка. Эта классификация стала основой двух уровней системы образования на всем пространстве Pax Latina, включая и ее славянскую составляющую.

Бракосочетание Филологии с Меркурием аллегорически – в полном соответствии с эстетической конвенцией словесности эпохи – отражало культурное самопознание и философско-историческое самоосознание европейской цивилизации того времени. Ее история и опыт показывали неразрывность взаимосвязи искусства слова с искусством его эффективного воплощения в практике, философской идеи с ее общественной реализацией, сферы знаний со сферой действий, а отсюда и необходимость единения умения логически мыслить с умением претворять в жизнь результаты мышления.

Такого рода внутренне цельный и системно целостный охват античных знаний – "семи свободных искусств" – и такое понима-

[3] В этой связи следует отметить, что Меркурий, отождествлявшийся в римском пантеоне богов с Гермесом Эллады, почитался как покровитель торговли, а также ремесел и практических искусств. Связываемый же с Фортуной, он считался также приносящим удачу. Вместе с римскими завоеваниями проникая в отдельные культы романо-германских племен, Меркурий стал здесь отождествляться с местными верховными богами, входя тем самым в локальные – "исконные" – традиции, сосуществующие с позднейшим христианством и постепенно переходящими из сферы верований в сферу литературной условности.

inslav

ние неразрывности их внутренней сущности и практического значения вошли уже в христианском осмыслении в средневековые учебники и компендиумы, которые на всем протяжении эпохи были основой латиноязычного просвещения и высокой образованности. Тем самым универсальный язык культуры объединил разрозненные в своих локальных верованиях этносы на ставшей для них общей основе христианской цивилизации.

Начиная с XVI в., этот тип латинской образованности распространяется и в восточно-славянской части Pax Orthodoxa (украинско-белорусские земли в составе Польско-Литовского государства), а в течение XVII в. как непосредственно, так и благодаря украинско-белорусскому посредничеству, проникает в Россию. Здесь опыт польско-латинской филологии использовался вплоть до 70-х гг. XVIII в.[4], а украинско-белорусские книжники, впитавшие филологическую культуру в пределах Речи Посполитой, сыграли важную роль в становлении и развитии новой русской культуры, ее литературы и языка[5].

Этот процесс окцидентализации Pax Orthodoxa, или, может быть, иначе – общеевропейского синтеза в литературе и культуре после гибели Византии как живого и животворящего центра – возникает значительно позже. Зарождаясь в недрах позднего Возрождения, он обретает стилевую и генологическую определенность во времена Барокко[6]. В эпоху же Средневековья союз Филологии и Меркурия реализовывался в Pax Orthodoxa в свойственной ей системе образования и первоначально также на универсальном языке Восточной составляющей христианской эйкумены – древнегреческом, а затем – в славянской части – также универсальным (но уже только для нее) – церковнославянском. Такого рода общецивилизационная закономерность проявилась

---

[4] См.: *Lewin P.* Wykłady poetyki w uczelniach rosyskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie. Wrocław 1972. Об этом исследовании см.: *Липатов А.В.* Польское Возрождение и Барокко в русских поэтиках XVIII в. // Русская литература, 1974, № 4; История литератур западных и южных славян. Т. 1. М., 1997.

[5] См.: *Еремин И.П.* Поэтический стиль Симеона Полоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы. М., 1948; *Панченко А.М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. История русской литературы. Т. 1. Л., 1980; *Сазонова Л.И.* Поэзия русского Барокко. М., 1991. История литератур западных и южных славян. Т. 1. М., 1997.

[6] См.: Барокко в славянских культурах. М., 1982. Славянские литературы в процессе становления и развития. От древности до середины XIX в. М., 1987; История литератур западных и южных славян. Т. 1. М., 1997 (Раздел "Смена парадигм"); *Lipatow A.W.* Barok i literatury wschodniosłowiańskie // Idem; Słowiańczyzna-Polska-Rosja. Studia o literaturze i kulturze. Izabelin 1999.

inslav

здесь и в истории возникновения национальных языков и литератур: усвоение универсальной филологической культуры Восточного христианства стало основой формирования локальных филологических культур, воспроизводящих в материи своей языковой стихии лексические, стилевые и жанровые аналоги универсального языка и универсальной литературы Pax Orthodoxa. В сравнении с Pax Latina этот процесс начался здесь гораздо раньше[7], ибо Восточная Церковь изначально признавала и стимулировала богослужение на локальных языках, тогда как Западная Церковь считала сакральными только древнееврейский, древнегреческий и латынь (периодически, как уже отмечалось, делая уступки церковнославянскому). Перелом в этой сфере произвела Реформация, которая как бы "продолжила" языковую доктрину Восточного христианства в раскалываемом ею христианстве Западном.

Если же речь идет об аналогичной трактовке "союза Филологии и Меркурия" в культурах христианизированных этносов латинского Запада и византийского Востока времен Средневековья, а также в государственно-политической практике их правителей, то иллюстрацией, естественно, – ограниченной и фрагментарной – могут служить уже упоминавшиеся преобразования Карла Великого и позднее Оттонов в Римской империи, чешского короля Карла I[8] – основателя Пражского университета (1348), польских королей Болеслава I, Казимежа I и Казимежа III – основателя Краковского университета (1364) – в Pax Latina, а в славянской части Pax Orthodoxa – воззрения и деятельность царя Симеона в Болгарии, Ярослава Мудрого в Древней Руси, Стефана Душана в Сербии. Все эти правители задачи укрепления государственности и проблемы консолидации народонаселения непосредственно связывали со сферой культуры Pax Christiana, а поэтому начинали с радикальных преобразований именно в этой области местного бытия путем прямых политических усилий и ценой вложения огромных материальных средств. Создание (или же обновление) системы образования и ускорение ее развития, распространение знаний и книжности – все это создавало ту новую культурную среду духовных и светских деятелей, которые благодаря своему мыслительному кругозору и взаимосвязанной с ним ментальности были в состоянии понять, адекватно осмыс-

---

[7] Так, например, коптская письменность была создана на протяжении II–III вв., готская – в IV в., армянская – в нач. V в., грузинская – в V в.

[8] Позднее как император Римской империи он именовался Карлом IV.

inslav

лить волю правителя и действенно реализовывать его политическую программу. Именно так через сферу культуры и посредством культуры – осуществлялись общественно-государственные преобразования как локальные ответы исходящему "извне" вызову "своей" цивилизации и ее истории[9]. Поэтому-то все вошедшие в "национальную" историю – эпохальные для национального (уже без кавычек) будущего – этногосударственные модернизации задумывались и реализовывались в своем локальном (с точки зрения общего контекста цивилизации) "внутри". Это "внутри" было составляющей цивилизационного универсума – частью общей системы, функционирующей в многоэтничном пространстве, которое универсум организовывал и объединял. Поэтому-то вследствие импульсов, идущих от универсума, и возникали ответные локальные реакции, вызванные стремлением соответствовать этому универсуму.

Закономерности такого рода системной взаимосвязи и особенностей характера ее функционирования могут быть объективно осмыслены в свете понимания той роли, которую играли "энергетические источники" цивилизации Pax Christiana – Византия и Рим. Именно отсюда общецивилизационное миропонимание (и мироощущение), свойственная ему онтология, аксиология и эстетика, отраженные в письменности и литургии, архитектуре и искусстве, государственно-правовой мысли и нравственно-бытовых установках, распространялись среди разных этносов, объединяя их общей культурой. Она-то в своих ценностных основах (аксиология), единстве этического и эстетического (калокагатия) определяла границы надэтнической цивилизационной общности. Распространялась же эта общая культура на своем – общем – языке. Поэтому-то первоначальный языковой универсум – внутренне дифференцированный (древнееврейский, древнегреческий, латынь, церковнославянский) как внутренне дифференцировалась и сама цивилизация[10] в силу своего огромного географического пространства – был больше, чем язык.

---

[9] Во времена Новой истории ярчайшими примерами эпохальных преобразований всех сфер национально-государственной жизни посредством преобразования самой культуры, через нее и при ее посредничестве являются свершения Петра I в России и его младшего современника Фридриха II в Пруссии.

[10] См.: *Липатов А.В.* Европейская цивилизация как дифференцированная целостность (Запад и славяне) // Европа. Т. 2, № 2(3). Варшава, 2002; *Он же.* Кирилло-Мефодиевская традиция, истоки польской литературы и проблемы славянской взаимности (о взаимодействии латинского Запада и византийского Востока) // Известия РАН. Сер. литература и язык. Т. 54. № 6. 1995.

inslav

В соответствии с внутренней целостностью мировосприятия Средневековья – органичного единства sacrum и profanum – универсальный язык был языком литургии и теологии, равно как философии, астрономии, медицины, права и всех других наук, всех видов церковной и светской письменности, всей системы образования, а также дипломатии, международного общения, иначе говоря – языком культуры, охватывающей все сферы бытия христианской эйкумены, носителем этого типа культуры и ее распространителем.

Отсюда и отношение христианских этносов к этому надэтническому языку не как к чужому, а к языку священному, как к языку не только своей, но одновременно и всеобщей Церкви, как к языку своего воспринявшего эту универсальную церковность государства, языку своей церковной и государственной письменности, своей образованной среды – то есть к языку своей высокой культуры как локальной составляющей общей культуры христианского мира. Именно поэтому – благодаря своей сдвоенной функции (единство локального и универсального), а тем самым и местному этническому восприятию такого языка в двух его функциях (язык своей христианской культуры – язык культуры христианского мира) – он и стал основой возникновения и формирования своей филологической культуры как части культуры Pax Christiana. По мере развития своей государственности, а вследствие этого – и своей народности из отдельных, объединенных такой государственностью племен, эта филологическая культура обратилась к стихии местных племенных наречий. Ни "общенародного" языка, ни тем более его письменного эквивалента тогда не существовало. Поэтому создание этнически своего – надплеменного – языка и сопутствующей ему письменности осуществлялось на основе своего опыта в сфере универсальной филологической культуры. Сам же этот язык был и до сих пор остается (естественно в изменившемся соизмерении и масштабах) некогда искусственно и искусно созданным в основном церковнослужителями, а затем развивающимся благодаря искусству слова обращенных к родной языковой стихии писателям. Такой язык по-прежнему функционирует лишь в определенной высококультурной среде, литературе, театре, средствах массовой информации "над" диалектами, наречиями, говорами и жаргонами. Как язык высокой культуры, он имеет ранг языка национального, а тем самым и государственного, являясь основой образования и показателем самообразованности, основным источником норм и носителем образцов для языкового общения всех слоев населения в официальных сферах.

inslav

Для всех христианских этносов общим истоком этого процесса создания и развития национального языка, а одновременно универсальным фундаментом, на котором основывались и формировались будущие национальные культуры и свойственные им литературы, был христианский универсум и его язык. Именно христианство размыкало каждую этнически замкнутую локальность на открывающийся ей навстречу универсум, вводя ее архаичную отграниченность и географическую ограниченность в систему координат надэтнической цивилизационной общности. Так нивелировалась древняя разобщенность и формировалось этнически дифференцированное единство Pax Christiana.

Культура и язык христианства, создавая это единство и развивая его локальные составляющие, тем самым создавали общую цивилизационную традицию. Опираясь на нее, этно-государственные элиты ускоряли и модернизировали свою локальную реальность. Каролингское и Оттоновское возрождение было возрождением традиций высокой латинской культуры и именно она и ее язык вплоть до XIII в. предопределяли как общее культурное состояние, так и локальные эволюции всех составляющих романо-германо-славянской Pax Latina. Все это подготавливало ренессансную эпоху – пору расцвета литератур на родных языках. Гений Данте – ярчайшее отражение такого процесса и крупнейшее воплощение свойственных ему историко-культурных и художественных особенностей.

Нормы творчества на родном языке Данте теоретически обосновал и детально изложил в латинском трактате "De vulgare eloquentia". Сама же его поэзия содержит богатейший материал не только параллелизма, но и прямого воздействия универсальной латыни и латиноязычной культуры на локальное творчество теперь уже в материи локального (вернакулярного) языка, что знаменовало начальную стадию генезиса и становления этнической литературы на этническом языке[11].

В свете такого рода эволюции культуры и преемственности традиций вполне закономерно, что (если обратиться к славянскому ареалу Pax Latina) расцвет польской поэзии на латыни[12] обрел

---

[11] См.: *Curtius E.R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern 1948. Zweite Auflage. 1954.

[12] Особую известность приобрели К. Яницкий, А. Кшицкий, Я. Дантышек. Я. Яницкий – питомец Падуанского университета – снискал похвалы П. Бембо и вернулся на родину с титулом доктора философии и поэта-лауреата. А. Кшицкого Эразм Роттердамский в "Цицеронианусе" нарек "князем польских поэтов". Стихи Я. Дантышека звучали в королевских дворцах Кракова, Аугсбурга и Мадрида.

inslav

прямое продолжение в расцвете польской литературы эпохи Возрождения на родном языке, когда в XVI в. Я. Кохановский создал национальный эталон творчества, аналогичный пушкинскому в нашей литературе и языке[13]. Первый же трактат, где была разработана польская орфография, был, как каждое научное исследование, написан на латыни. Он вышел из-под пера ректора Краковского университета Я. Паркошовица (первая половина XV в.). На латыни неизвестным автором было написано и предисловие, в котором обосновывалась роль родного языка в жизни страны. Его значение приравнивалось к битвам за родину и к олимпийским победам в древности. Два века спустя аналогичная закономерность проявляется в Литве, которая при польском посредничестве начала входить в культурное пространство латинской Европы. Именно в Кенигсберге (а этот город, как и вся Пруссия, находился в ленной зависимости от Польши) – одном из крупнейших центров Реформации, нобилитировавшей языки и наречия всех этносов, появляется (1547) первая литовская книга – Катехизис М. Мажвидаса[14]. Латинское предисловие ректора Кенигсбергского университета Ф. Стафила, предваряя литовский текст, как бы открывает путь литовскому языку в семью литературных языков других народов Европы.

Задолго до этого – вместе с вхождением древнерусских княжеств в состав Литвы – языком государственной канцелярии ввиду отсутствия литовской письменности стал церковнославянский. В этом своем качестве он функционировал до конца XVII в. Однако общая изменившаяся ситуация Pax Orthodoxa – византинизма без Византии – и объединение с Польшей на основах федерации предрешили позднейший конфессиональный и связанный с этим культурный выбор Литвы в пользу Pax Latina, а тем самым – в пользу ее универсального языка (латыни) и локального носителя латинской культуры в национально трансформированном варианте – польского языка[15].

---

[13] См.: История литератур западных и южных славян. Т. 1, М., 1997.

[14] Из новейших публикаций см.: М. Мажвидас и духовная культура Великого княжества Литовского XVI века. Вильнюс – Москва, 1999.

[15] О культурно-исторической специфике этого государства в контексте латинского и византийского кругов культуры см.: *Липатов А.В.* Великое княжество Литовское: исторический феномен симбиоза этнических культур (К вопросу о национальных путях возвращения в наднациональную Европу) // Вопросы философии, № 11. 2003. *Lipatow A.W.* Kultura: czasoprzestrzenne współrzędne pierwiastków narodowych i uniwersalnych (Na przykładzie Polski i Litwy) // Idem. Rosja i Polska: konfrontacja i grawitacja. Toruń 2003.

inslav

Параллельно процессу возобладания литературного творчества на родных языках универсальная латынь по-прежнему оставалась языком науки. Если речь идет о славянской части Pax Latina, то иллюстрацией могут служить труды целого ряда ученых, снискавших европейскую известность. Итак, на латыни писали силезец Вителo (ок. 1230 – ок. 1314) – физик, математик, философ, автор трактата об оптике; Матэуш из Кракова (ок. 1345–1410) – создатель трактата "Рациональное восприятие деяний Господних" (1391–1394); Томаш из Кракова, живший на рубеже XIV–XV вв., профессор теологии в Сорбонне, не говоря уже о польских ученых эпохи Возрождения во главе с Коперником, Фрычем Моджевским и Польскими Братьями. (Эти последние вошли в историю западноевропейской философии. Крупнейшим центром их творческой и издательской деятельности стал Амстердам.) То же в полной мере относится и к чешским ученым. Крупнейшие из них – историограф Козьма Пражский и теолог, педагог и писатель Ян Амос Коменский, писавший также и на родном языке. Центром латинской науки и культуры, средоточием многоэтничного сообщества ученых и студентов с разных стран Европы были и первые в славянском мире университеты – Пражский и Краковский. Постепенно уступая место родным языкам в художественном творчестве, латынь оставалась здесь языком науки и образования до конца XVIII в.

Аналогичный процесс протекал и в славянском мире Pax Orthodoxa. Первоначальный общекультурный расцвет Болгарии, Сербии и Древней Руси (о чем уже говорилось ранее) также был расцветом на универсальном койне – церковнославянском языке. Такого рода закономерность – общая для Pax Latina и Pax Orthodoxa как двух составляющих одной внутренне дифференцированной европейской цивилизации – была обусловлена действием общецивилизационных факторов: не государственных и не этнических, а общекультурных для всей христианской эйкумены (Pax Christiana). Эти последние неразрывно и непрерывно, начиная с самого генезиса и дальнейшей исторической эволюции, были производными конфессионального начала, что в сумме своей онтологической, гносеологической и аксиологической сути являло собой цивилизационный универсум. Отдельные государственные образования и этнические общности по мере своего вхождения в этот универсум и усвоения его сущности тем самым расширяли общие границы одной цивилизации, а развивая у себя и по-своему характерные для нее ценности, они эту цивилизацию обогащали. Так, функционируя в общем культурном пространстве,

inslav

возникали этнически своеобразные варианты, а по мере своего развития – национально особые составляющие европейского универсума.

Разное время возникновения – пользуясь термином А.Н. Веселовского – "встречных течений" к универсуму, разные исходные пункты и местные условия развития в новом направлении, наконец, разные дарования (или горизонты мышления, уровень таланта) ведущих представителей политической, духовной и творческой элиты – все это, предопределяя асинхронность протекания одного и того же процесса в разных частях Европы, в то же время в силу общности цивилизационного мировидения обусловливало его типологическое единство. Те же самые местные условия могли служить предпосылкой ускорения локального развития общих тенденций, которое вело к качественному выравниванию характера и уровня высокой культуры определенного этноса в сопоставлении с цивилизационным центром. Если для романо-германской части латинского Средневековья такими классическими примерами являются Каролингское и Оттоновское возрождения, то для славянской его части – времена Карла I в Чехии и Казимежа III Великого в Польше. "Обратным" примером – затухания, инволюции высокой культуры вследствие местных факторов истории (утрата государственной независимости под ударами представителей другой цивилизации) является судьба значительнейшей части Pax Orthodoxa – Византии, Болгарии и Сербии. В дальнейшей исторической перспективе это предопределило внутрицивилизационное возрастание удельного веса Pax Latina, непрерывно продолжающей свое развитие и усиливающей саму его динамику. Отсюда и все возрастающая роль этого культурного круга в дальнейшей истории народов Pax Orthodoxa. Уже отмеченный здесь выше синтез византинированного "своего" и воспринимаемого извне латинства отражал как обновление выходящих из своего "затянувшегося" Средневековья литератур Slavia Orthodoxa, их вхождение в Новую историю путем усвоения ренессансной литературной системы (позднее обретающей барочный облик), так и обусловленное этим формирование единого – внутренне дифференцированного – общеевропейского процесса в литературе и культуре.

На этом этапе традиционная для латинского мира латынь обретает параллель в тех возникших на основе свойственной ей филологической культуре национальных языках, которые начинают играть также и посредническую роль. Будучи одновременно носителями как универсальной культуры (и свойственной ей ли-

inslav

тературной системы), так одновременно и культуры собственно национальной, являющейся диалектической составляющей двуединства универсального и возникшего на его основе, а теперь эволюционирующего во взаимодействии с ним локального (этнического), такие языки начинают функционировать вне своих этнических пределов. Именно в силу своей культурной сущности они становятся также и языками-посредниками для других этнически близких культур, играя ту же самую роль, которую некогда сыграла для них латынь. Однако если во времена Средневековья латынь была носителем эталонов универсальной культуры, то во времена Новой истории играющий роль посредника национальный язык был одновременно носителем также и образцов собственно национальных свершений, возникших в русле общеевропейских веяний. Примерами в свете латинского славянства является чешский для словаков и сербов лужицких. В культурном же пространстве взаимонакладывания Slavia Latina и Slavia Orthodoxa характерна наряду с латынью роль польского в украинско-белорусской составляющей Речи Посполитой, а после присоединения этих земель к России – русского. Причем для самой обновляемой России – ее языка и культуры XVII–начала XVIII в. – особую роль наряду с польским как носителем современного европеизма в таком этнически трансформированном варианте особую посредническую роль играли представители украинско-белорусской образованности – более близкие московитам вследствие конфессиональной общности и ранее уже синтезировавшие свою литературную традицию с современным латинством. В силу такого рода опосредованности "украинизация" русской культуры, о которой писал Н. Трубецкой[16], по сути своей была следствием "украинизации полонизации"[17], сама же эта "полонизация" являла собой этнически своеобразное усвоение и колоритное (особенно если речь идет о сарматизме[18]) преломление

---

[16] *Трубецкой Н.* К украинской проблеме // *Н.К. Трубецкой.* Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 412–434.

[17] См.: *Lipatow A.W.* Barok jako kres średniowiecza w kulturach Słowiańczyzny Wschodniej. (Ukrainizacja polonizacji a kwestia sarmatyzmu) // Barok polski wobec Europy. Kierunki dialogu. Warszawa 2003.

[18] См.: по этому поводу: История литератур западных и южных славян. Т. 1. М., 1997; *Липатов А.В.* Литературный облик польского Барокко и проблемы изучения древнерусской литературы // Славянское Барокко. М., 1979; *Он же.* Польская трансформация прециозности // Там же; *Лесконен М.* Мифы и образы сарматизма. М., 2002; *Lipatow A.W.* Sarmackie korzenie okcydentalizacji kultury rosyskiej // Idem. Rosja i Polska: konfrontacja i grawitacja. Toruń 2003.

inslav

универсального латинства в призме локальных представлений, потребностей и самого местного менталитета определенной социальной среды Речи Посполитой.

Именно двуединство универсального и локального (этнического, позднее – национального) в этом типологически общем европейском процессе циркуляции и восприемства ценностей своего цивилизационного универсума от этнически "несвоих" и в трансформированном этими "несвоими" варианте объясняет парадоксальный с точки зрения "оптики" эпохи национализмов факт. А именно: в условиях острых конфессиональных размежеваний, в пору жесточайших военных конфликтов музы оказывались сильнее Марса.

Суть этого явления в том, что – если взять в качестве примера Украину XVII в. – культурно-эстетическая сфера Pax Latina и связанные с ней, являющиеся ее носителями макрорегиональная латынь и региональный польский (функционирующий в качестве койне общекультурного пространства многоэтничной Речи Посполитой) воспринимались не исключительно в этно-конфессионально-политической плоскости, но и в свете цивилизационного варианта западноевропейского универсума – эталонов свойственного ему типа мышления и образцов художественного творчества. Поэтому-то на всем протяжении кровавого XVII в. польский в силу недостаточной разработанности жанров, стилей и самого языка обновляющейся украинской литературы оставался – наряду с латынью – не только образцом, но и языком собственно украинского творчества. Вместе с латынью он постоянно присутствовал в программе Киево-Могилянской академии, равно как польские поэтики и риторики, польские образцы ренессансной и барочной поэзии. И эти языки, и эти учебники не просто осваивались – на этих языках и в соответствии с изложенной в этих учебниках теорией украинцы по польским и латинским образцам сами учились создавать письменные тексты – поэтические, риторические, деловые, научные, эпистолярные. Поэтому-то вполне естественно, что именно на польском составляли документы и писали письма такие носители украинской идеи, как Хмельницкий и Мазепа (не говоря уже о творчестве многих видных писателей, церковных и политических деятелей, ряд которых, как, например, Ф. Прокопович, вошли и в российскую историю). С точки зрения рассматриваемой проблематики весьма знаменательно, что на польском и только на польском писал, например, такой непримиримый враг какого-либо политического диалога Украины и Речи Посполитой, как Д. Братковський. По польским же об-

inslav

разцам создавались первые украинские летописи, повествующие о восстании Хмельницкого[19].

Такого рода билингвизм украинской литературы отражал не столько "бикультурность высшего сословия украинского общества"[20], сколько его "европеизм" – степень окцидентализации высокой украинской культуры на пути синтеза традиционного – византинизированного – "своего" и латинизированного (польского) "чужого". В то же время эта "европеизация" (окцидентализация) обновляемой высокой культуры Украины означала начальную стадию бикультурности в истории этнической культуры украинцев – ее бифуркацию, раздвоение, которое позднее станет уделом и русской культуры[21], что особенно резко обозначилось во времена Петра I.

Украинский пример проявления такого рода общей закономерности может быть продолжен и на других национальных материалах (общеевропейская роль французской, немецкой, английской культур вопреки политическим и военным конфликтам на континенте и в бывших колониях[22]). Красноречивой иллюстрацией является и "трудное соседство"[23] Польши с Россией, уже упоминавшаяся здесь роль Польши для становления новой русской культуры, особенно в XVII в., на протяжении которого польский не только привносит в Московию новую филологическую культуру, но и становится языком царского двора, выполняя ту функцию, которую в следующем столетии обретет здесь французский[24].

Такая роль языка одного этноса по отношению к языкам других этносов отражает не только и не просто отдельные явления культуры, но и стоящие за ними культурно-исторические процессы, свойственные им внутренние закономерности, которые обу-

---

[19] См.: *Грабович Г.* До історії української літератури. Київ. 2003. С. 136–138.

[20] Там же. С. 137.

[21] *Кондаков И.В.* Введение в историю русской культуры. М., 1997; *Он же.* Культура России. М., 2000.

[22] Это же в полной мере относится и к русской литературе времен Российской империи и СССР.

[23] См.: Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000.

[24] Помимо отмеченных здесь ранее работ, посвященных польско-русской проблематике, см.: также: Польша и Европа в XVIII в. М., 1999; Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000; Polacy w oczach Rosjan-Rosjanie w oczach Polakow. Warszawa 2000; Россия–Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002; Studia Polonica. M., 2002; Studia Polonorossica. Изд. МГУ, 2003.

inslav

словливаются принадлежностью к общему цивилизационному пространству.

Этнический язык обретает надэтнические функции койне – языка общения разных этносов, – когда он становится литературно разработанным носителем ведущих тенденций европейской культуры, воспринятых, усвоенных и своеобразно развиваемых данным этносом. Вследствие именно такой универсальной направленности и локальной (национальной) активности этот этнос становится не только восприемником веяний, идущих из цивилизационного центра, но и их распространителем уже в своей собственной – этнически преображенной, оригинальной – версии. Иначе говоря: вследствие такого рода саморазвития он становится аксиологическим "донором" по отношению к этнически "другим", которые в силу местных факторов истории, пребывая на иной стадии, открываются навстречу вызовам цивилизационной современности. Именно этим обусловливается обретение польским языком надэтнической функции в культурно-политическом пространстве многоэтничной Речи Посполитой, а затем и расширение сферы его функционирования на соседнюю Россию. Аналогичные процессы на Западе Европы просматриваются также в истории итальянского, французского, английского и немецкого языков[25].

Каждый из этих этнических языков, ставших впоследствии – параллельно макрорегиональной латыни – региональными койне, "обрел себя" благодаря предшествующей его возникновению универсальной филологической культуре цивилизации на свойственном ей универсальном языке (греческий и церковнославянский в Pax Orthodoxa, и латынь и отчасти церковнославянский в Pax Latina). Проникая вместе с христианством в локальную этническую среду, он создавал не только предпосылки, но и саму цивилизационную основу формирования и самого этноса (а в дальнейшей исторической перспективе – народности и нации). Поэтому-то процессы возникновения этнических языков и культур, равно как самих наций и их самосознания, неразрывно связаны с процессом общецивилизационным. Будучи его органичной составляющей, они являют собой исторически эволюционизирующее двуединство универсального и локального (этнического), а не их дихотомию. Манихейское разделение этих диалектически взаимосвязанных начал восходит к эпохе возникновения национализмов

[25] См.: *Curtius E.R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern 1948, 1954.

inslav

и вытесняет научную объективность идеологической пристрастностью, что в конкретной реальности разделяет не только народы Европы как общей цивилизации, зародившейся на основе христианской аксиологии, но и дробит саму эту цивилизацию, сужает ее культурное пространство границами романо-германского мира. Между тем, если исходить из мудрости древних, которые утверждали, что historia est magistra vitae, следует принять во внимание:

1. Христианская эйкумена, Pax Christiana, впоследствии нареченная европейской цивилизацией, изначально была надэтничной и формировалась на основах универсальной религии.

2. Позднейшее институциональное разделение христианской Церкви при сохранении общей аксиологической основы христианства предопределило внутреннюю дифференциацию этой цивилизации, а не сведение ее к одной из двух составляющих – Pax Latina либо Pax Orthodoxa.

3. Изначальная аксиологическая основа создавала предпосылки и обусловливала взаимодействие этих двух кругов культуры несмотря на институциональный раскол Церкви и связанные с ним конфессионально-политические антагонизмы. Так, например, хорошо известна роль Византии – особенно в сфере словесности – для средневекового Рима, а позднее – византийского искусства и сохраненного в этом центре Восточного христианства античного наследия для итальянского Ренессанса.

4. Pax Latina (как и Pax Orthodoxa) была многоэтнична: помимо этносов романских и германских сюда входили этносы славянские и угро-финские, создавшие свои государства и участвовавшие в общекультурной жизни латинской Европы.

5. Буда, Прага, Краков – столицы полиэтнических государств Центральной Европы, созданных соответственно венграми, чехами и поляками – были не только конфессионально-культурными, но также политическими и хозяйственно-экономическими составляющими Pax Latina. С романо-германским миром эти страны объединяли также династические и матримониальные связи, не говоря уже о массах немецких колонистов, разноэтничных представителей духовенства, ученых и ремесленников. Молодежь этих стран издревле составляла часть западноевропейского студенчества, а возникшие позднее местные университеты (в Праге – с 1348 г., Кракова – с 1364 г., Буде – с 1635 г.) в свою очередь притягивали ученых и студентов с Запада и Востока Европы. Помимо королевских дворцов крупными средоточиями интеллектуальной и художественной жизни (в которой участво-

inslav

вали и иностранцы) здесь были дворы духовных сановников и магнатов. Их деятельность и меценатство единили "свое" и "чужое", способствуя местному распространению новейших западноевропейских веяний. Так, например, знаменитый итальянский гуманист, поэт, теоретик литературы, политик и дипломат Каллимах (Филиппо Бонаккорси), спасаясь от преследований папы Павла II, нашел приют при дворе львовского архиепископа Гжегожа из Санока, поддерживающего связи с ренессансными дворами венгерского короля и аристократов, создавшего первое в Польше ренессансное сообщество. Этот меценат и покровитель Каллимаха не выдал его вопреки настоятельным требованиям понтифика. (Благодаря официальной политике веротерпимости в ренессансной Польше находили приют представители всех стран Запада, как ранее – в средневековые времена – гонимые там евреи). Впоследствии Каллимах поступил в Краковский университет, стал секретарем королевской канцелярии, польским дипломатом, учителем королевских сыновей. Все написанное Каллимахом в Италии было там уничтожено, Польша же сохранила и часть созданного им ранее и то, что было им написано на новой родине. Своим творчеством и деятельностью Каллимах вошел как в историю латиноязыковой поэзии и латиноязычной культуры Италии, так и Речи Посполитой. С Чехией, а также с Краковским университетом и латиноязычной культурой Польши одно время был связан и известный немецкий гуманист Конрад Цельтис (Пикель), который основал здесь первое литературное общество (Sodalitas Litterari Vistulana), членами которого были также и иностранцы. Это лишь отдельные примеры, связанные с наиболее громкими именами латинской Европы и иллюстрирующие органичную общность ее культурного пространства, которое невозможно ограничивать романо-германским миром[26].

6. Культурное пространство Центральной Европы рассматриваемых здесь времен зрелого Средневековья, Возрождения и Барокко исторически и по своей внутренней сути являлось органичной частью Pax Latina. Оно было непосредственно связано с религиозными и светскими центрами Западной Европы, чьи этнические представители там постоянно присутствовали, точно также как этнические представители Центральной Европы постоянно пребывали на ее Западе: свободная миграция духовенства, людей науки, литературы и искусства – характерная черта тех

[26] Подробнее о связях славянства с культурными центрами Pax Latina и Pax Orthodoxa см.: в 1 Т. "Истории литератур западных и южных славян".

inslav

времен. Особый аспект взаимосвязей Европы Центральной и Западной – массовая колонизация славянских земель выходцами из Германии (что уже здесь упоминалось). Это – еще со времен Средневековья – влекло за собой непосредственные и постоянные политические, правовые, хозяйственно-экономические и художественно-культурные связи славянских и германских государств (равно как и наличие славянского населения в границах этих последних). Причем, по мере местного укоренения этих представителей германства и исторической длительности врастания германских анклавов в местную этно-государственную реальность, менялось само качестве этих связей. Они становились факторами уже не только внешних, но прежде всего внутренних взаимоотношений славянства и германства, придавая им местный колорит и естественную органичность[27]. Этот процесс трансформации связей внешних во внутренние может в достаточной степени иллюстрировать история городов, городской культуры, ремесел, искусств и – особо – книгопечатания в славянской части Pax Latina. Примером же совершенно иного, нежели во времена национализмов, самосознания является позиция немецкого населения Речи Посполитой в период войн с крестоносцами. Польские немцы единодушно выступили на стороне "своего" – польского – короля и защищали "свое" – польское государство, гражданами которого они были. Этот абсолютный примат государственной принадлежности над принадлежностью этнической – характерная черта исторических эпох, предшествующих эпохам национализмов. Одновременно это и характерная особенность типа культурной целостности разноэтничного мира латинства при всей его этнической дифференцированности.

7. Этот тип этнически дифференцированной культурной целостности Pax Latina предопределил сохранение и развитие исторически сложившихся системных связей разных народов и государств в позднейшие эпохи (начиная с Ренессанса), когда культура этого круга европейской цивилизации обретает свое воплощение и эволюционирует уже на родных языках, возникших на основе универсальной филологической культуры.

8. Позднейший синтез Pax Orthodoxa и Pax Latina стал возможным именно в силу аксиологической общности этих двух кругов одной цивилизации.

---

[27] *Липатов А.В.* История литературы – типология – литературные связи (На примере польско-немецких литературных отношений от Средневековья до Романтизма) // Славяно-германские исследования. Т. 1–2. М., 2000.

inslav

Такое "припоминание" и такое понимание истории, равно как вытекающие отсюда констатации обусловлены рассмотрением и осмыслением известного прошлого в свете свойственных именно этому прошлому закономерностей и специфики именно его миропонимания. Отсюда и выбор иной исследовательской оптики, позволяющей увидеть известные факты и явления прошлого уже не в свете позднейших национальных идеологий: смещая угол зрения, они тем самым выводили рассмотрение, понимание и оценки исследуемого объекта за рамки системы, частью которой он был, одновременно перемещая его в иной исторический контекст, отражающий состояние умов, менталитет, а тем самым и общую атмосферу совершенно иных – позднейших – времен.

Преодоление такого анахронизма и взаимосвязанной с ним идеологизации означает выход за традиционный круг представлений, связанных с изучением влияний, связей, историко-типологических аналогий, выход – с целью осознать саму их основу, причины их появления и внутреннюю суть их функционирования. Это необходимо для того, чтобы затем, исходя уже из понимания специфики такой основы, причин и сути, переосмыслить уже известные факты влияний, связей, аналогий и т.д. и продолжить дальнейшее изучение такого круга явлений как производных определенной историко-культурной системы. Осознание же ее двуединой сущности будет способствовать пониманию универсума европейской цивилизации и ее национальных составляющих.

Присущий науке поиск истины обусловливает не только поиск исторических фактов, но и во взаимосвязи с эволюцией научного мышления – сокрытых в истории причин их появления, их значимости для прошлого и значения для будущего. Тем самым наряду с фактографией особый смысл обретает теория, а ее примат предопределяет как характер научного познавания, так и динамику движения научной мысли, которое означает преодоление предшествующей традиции и слом устоявшихся стереотипов в самой гносеологии научных подходов.

Вопросы зарождения и особенностей начальных стадий рассмотренных здесь процессов в свете общих закономерностей давней Pax Latina впервые поставил в качестве научной проблемы и на романо-германских материалах глубоко разработал Э.Р. Курциус[28]. В славистике подобная тенденция стала вырисовываться

---

[28] *Curtius E.R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern 1948. Zweite Auflage-1954.

inslav

"самостоятельно" (вне связи с романо-германскими исследованиями Э.Р. Курциуса) и гораздо позже[29]. Теперь уже есть основания говорить об обозначившемся (хотя внутренне еще не интегрированном) научном направлении, однако до сих пор еще рано утверждать о степени его распространенности, понимания и использования.

В.Г. Борботько

(Россия)

ЯЗЫК КАК ПЛАНЕТАРНЫЙ ФЕНОМЕН: СИМВОЛЫ И АРХЕТИПЫ В КОЛЛЕКТИВНОЙ РЕФЛЕКСИИ

1. ЛИНГВИСТИКА НА ФОНЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Глобализация, характерная для современного этапа экономической и культурной интеграции населения Земного шара, содержит противоречивые тенденции, дающие основание для тревоги за судьбу нынешней мозаики культур и языков. Распространение английского языка как языка бизнеса и информационных технологий, с одной стороны, способствует сближению людей, а с другой – несет с собой не просвещение, а насаждение идеологии общества потребления и индустрии развлечений. Интеграционные процессы оказывают влияние на языковую ситуацию в масштабе всей планеты и на каждый этнический язык. Эти процессы явным или неявным образом сказываются и на лингвистике,

---

[29] Об отдельных (порой невзаимосвязанных в силу разобщенности и нескоординированности усилий славистической среды) теоретических предложениях см.: *Липатов А.В.* Древнеславянские письменности и общеевропейский литературный процесс. К проблеме исследования литератур как системы // Барокко в славянских культурах. М., 1982; *Он же.* Общие закономерности истории славянских литератур и концепция Р. Пиккио // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. М., 1990. Т. 49. *Седакова О.А.* Филологические проблемы славянского Средневековья // Вопросы языкознания. 1992, № 1. *Липатов А.В.* Литературный процесс в оптике исторической поэтики. (Новые направления в славистике и концепция Д.Дюришина) // Специфика литературных отношений. Проблемы изучения общности славянских литератур. М., 1994; Славянские литературы в процессе становления и развития. М., 1987; История литератур западных и южных славян. Т. 1. М., 1997 (Вводные главы, там же и подробная библиография).

inslav

в которой можно наблюдать признаки становления методологии, ориентированной на комплексное изучение языка как глобального, планетарного феномена.

Серьезный пересмотр традиционных положений языкознания наметился уже в прошлом веке, когда Э. Бенвенист писал, что "изменения в исследовании языка заставляют еще шире раздвинуть и без того очень широкие горизонты лингвистики" [3, 21]. В традициях структурной лингвистики [16] язык понимается как имманентная сущность, система, содержащая лишь небольшое число основных элементов, которые вступают в комбинаторные отношения, создающие специфичные для каждого языка конфигурации. При этом в языке используется лишь небольшая часть от громадного числа возможных комбинаций. Не отвергая эти положения, Э. Бенвенист пришел к выводу о том, что принцип знака нельзя считать единственным принципом языка [3, 89]. Вспомним, что еще В. фон Гумбольдт писал, что для постижения сути языка "надо абстрагироваться от того, что язык функционирует для *обозначения* предметов и как *средство общения*..." [8, 69]. Как универсальная семиотическая матрица, моделирующая структура [3, 87], язык совмещает в себе и знаковое, и символическое. Знак является принадлежностью системы, он должен быть узнан; его смысл есть значение, которое задано предварительно, является итогом конвенции. Символ, по мнению Э. Бенвениста, создается и раскрывает свой смысл только в процессе речи, в дискурсе. Далее этот смысл может быть закреплен в виде знака, одинаково опознаваемого всеми членами коллектива, что не отменяет применения по отношению к данному выражению нового семантического преобразования, новой символизации.

Во второй половине прошедшего века лингвистика фактически развивалась под флагом кибернетики – науки об управлении, отодвинув структурализм на задний план. Это проявилось в исключительном внимании лингвистов к коммуникативной стороне языка, к теории коммуникации, нашедшей наиболее концентрированное воплощение в лингвистической прагматике. В меньшей степени было использовано понятие обратной связи как элемента взаимной подстройки коммуникантов. Исследуя межиндивидное общение, лингвистика натолкнулась на специфические моменты, обусловленные культурными параметрами, и в конечном счете пришла к описанию языка как средства межкультурной и межэтнической коммуникации, превращаясь из имманентной лингвистики в интерлингвистику.

inslav

Согласно Гумбольдту, формы всех языков восходят, по существу, к одной форме, поэтому "одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим собственным языком" [8, 74]. Именно язык как единый планетарный феномен обеспечивает то, что вслед за П. Тейяром де Шарденом [17] принято называть "ноосферой", т.е. сферой мысли, единого коллективного сознания.

В контексте глобализации язык как феномен, единый для всего человечества, может быть предметом *геолингвистики* [4], синхронический план которой охватит современную геолингвистическую ситуацию, а диахронический – весь процесс становления и развития языка, начиная с древнейших эпох. В методологии геолингвистики видное место должны занять идеи синергетики как науки о самоорганизации и саморазвитии динамических систем, к которым принадлежит и естественный язык.

При решении синергетических задач принципиально важно рассматривать поведение компонентов с позиций целого, располагать любые сведения в *контексте*, в котором они только и обретают смысл [12, 118]. Поэтому, наряду с имманентной синергетикой языка – системы с собственным ключевым параметром порядка, подлежит описанию также синергетика языка и всей той ситуации, в которой он функционирует и развивается, включающей многочисленные факторы культурного, исторического и географического контекста народа и его языка.

Среди древнейших дискурсов разных народов есть мифы о сотворении мира и о его гибели. Они имеют глобальный характер как с точки зрения своей распространенности, так и с точки зрения своего содержания. Столь же планетарен и библейский миф о Вавилонской башне и смешении языков. Общество уже в самом начале своего становления не мыслило себя вне планетарного контекста и пыталось построить языковыми средствами цельную картину мира, включая и то, что находилось за пределами познанного.

2. ЯЗЫК КАК ФАЗОВЫЙ СИНХРОНИЗАТОР

Динамическая система – это фазовое пространство, в котором каждый объект обладает своей фазовой траекторией в процессе своего взаимодействия с динамическим окружением.

С точки зрения синергетики, взаимодействие человека с окружающим миром носит иррациональный характер в силу своей нелинейности, непредсказуемости. Главное в этом процессе – это

inslav

"диалог" человека со вселенной, *синхронизация* деятельности с течением внешних процессов, гармонизация поведения субъекта с поведением объекта. Когнитивный момент здесь оказывается бессмысленным: "знать – значит, уметь *вести себя адекватным образом* в ситуациях, связанных с индивидуальными актами или кооперативной деятельностью" [1, 99].

Из выдающихся психологов только А.Н. Леонтьев усмотрел в деятельности человека ее двухфазовый характер: "фазу подготовления" и "фазу осуществления" [13, 280]. Исполнительная фаза невозможна без тех условий, которые заданы фазой подготовительной. В деятельности человека содержанием подготовительной фазы может быть ориентировочная деятельность, знакомство с предметами окружения и их свойствами. Это может быть и некоторое речевое действие, предваряющее последующее исполнение.

Очевидно, что обе эти фазы могут принадлежать самому человеку. Но часто имеет место более общий случай: в разных ситуациях происходит фазовая комбинаторика, такая, что одно действие оказывается распределенным между двумя субъектами. Один из них совершает подготовительную фазу, другой исполнительную. Деятельность человека переплетена с физическими процессами и сама является их частью. Поэтому подготовительная фаза может оказаться уже проделанной окружением и тогда на долю человека остается исполнительная фаза. И наоборот, подготовительная фаза может принадлежать человеку, а исполнительная – его окружению.

Для согласования процесса деятельности человека с процессами, происходящими в его окружении, необходима фазовая синхронизация.

Можно выделить два вида фазовой синхронизации во взаимодействии человека с миром, где по сути участвуют два субъекта: субъект–человек и субъект–природа:

1. Подготовительная фаза принадлежит субъекту–человеку, исполнительная – субъекту–природе: (*Посадил дед репку. – Выросла репка большая-пребольшая*).

2. Подготовительная фаза принадлежит субъекту–природе, исполнительная – субъекту–человеку (*Выросла репка большая-пребольшая. – Стал дед репку из земли тащить*).

Исполнение не обязательно следует тотчас же за подготовительной фазой, может быть *отсроченным*, что касается как самого субъекта, так и его окружения [13, 280]. Сознание человека выработало специфический тип рефлексии, направленной одновременно на видение настоящего и предстоящего, а

inslav

также и того места, которое занимает в них действующий субъект. Этот тип рефлексии реализован в языковой форме. Язык запечатлевает и формулирует действия мира и действия человека и приводит их во взаимное соответствие, т.е. выступает как *фазовый синхронизатор* взаимодействий человека с миром.

В процессе действия языка формируется дискурс, который содержит в себе фазовые характеристики и человека и его динамического окружения. Дискурсивная рефлексия может протекать латентно или выражаться в звучащей (письменной) речи. К двум фазовым траекториям, описываемым поведением человека и его окружения, присоединяется третья, дискурсивная, которая возникает между ними как граница, как мембрана, обеспечивающая их согласование.

Ядро языковой системы состоит из типовых единиц разных уровней, комбинаторика которых обеспечивает достаточную для адекватного поведения человека расшифровку перцептивных образов реальной действительности, а также концептуальных образов, недоступных для непосредственного восприятия. Языковое сознание человека располагает конечным набором фонем, конечным словарем (базовым лексиконом), а кроме этого и базовой аксиоматикой, состоящей в своей основной части из кристаллизованных в памяти субъекта паремических высказываний различного объема (от поговорки до сказки), которые обладают свойством полного воспроизведения в речи и реализуются как в виде готовых *аксиом*, так и в форме *материала* для построения дискурсивных моделей.

Рефлексия человека диалогична. Это диалог, в котором участвует, по крайней мере, две рефлектирующих инстанции сознания, которые отражают с разных позиций рефлектируемый перцептивный образ. Итогом рефлексии (ее синергией) является построение дискурсивной модели, которая может далее стать тоже объектом рефлексии или же может быть обращена в аксиому – основание для построения новой модели.

Итоговая модель тем содержательнее, чем больше степень контраста рефлектирующих инстанций. И наоборот, чем больше они совпадают, тем беднее модель. В вырожденном случае эта модель совпадает с уже существующей и поэтому хорошо известной аксиомой сознания. Такая рефлексия лишь проецирует на перцепт свой эталон и может увидеть только то, что уже известно.

Действие моделирующей рефлексии может многократно повторяться, прежде чем взаимодействие человека с окружением

inslav

достигнет успеха, поскольку изначально мозг имеет дело не с реальностью как таковой, а с ее перцептивными образами. Поэтому первичные модели реальности могут соответствовать не реальности, а лишь ее искаженным образам в сознании, то есть носить характер иллюзии. Иллюзионная модель создается игрой рефлексии с образами восприятия. Но наличие иллюзий восприятия не исключает возможности построения адекватных моделей реальности и адекватного поведения в ней, так как этот же фрагмент реальности может быть представлен во многих ракурсах, со многих точек зрения.

В социуме одна и та же ситуация отражается в ряде разных моделей–версий, принадлежащих разным индивидам. Язык при этом выступает как орган коллективного мышления, коллективной рефлексии.

Наличие разных языков в человеческом обществе выгодно в том смысле, что каждый из них реализует свой стиль рефлексии. Это дает в итоге многоаспектную, стереоскопическую картину мира, которая выявляется в процессе межъязыковой коммуникации.

Размышляя о языках как о разных семиотических системах, Э. Бенвенист выделил два принципа отношений между ними: 1) принцип "неизбыточности" (дополнительности) в их сосуществовании, отсутствие "синонимии" между ними; 2) принцип взаимонеобратимости: один и тот же символ в разных системах означает не одно и то же [3, 78].

Коммуникация важна не только как обобществление опыта, но и как коллективная рефлексия. Поэтому в интеграции языков и культур можно усмотреть парадокс. В самом деле, для согласования деятельности на суперэтническом уровне необходим общий язык. Но для эффективности коллективной рефлексии важно сохранять этнические языки как своеобразные системы. Получается, что единая аксиоматическая база необходима и в то же время она отрицательно сказывается на коллективной рефлексии, которая из диалогической станет монологической в силу нивелирования разнообразия аксиоматики. Полная языковая интеграция привела бы к исключению важного момента дополнительности в построении образа мира за счет действия разных рефлектирующих инстанций.

Языковая аксиоматика имеет несколько источников расширения. Во-первых, это внешняя текстовая база языка – корпус дискурсов, зафиксированный в виде текстов, принадлежащих к данной языковой культуре. Тексты, вошедшие полностью или

inslav

частично в состав языковой аксиоматики из внешней лингвокультурной памяти, характеризуются как "прецедентные" тексты [11]. Во-вторых, это языковые модели, "схватившие" новые образы внешнего мира в форме слов, фраз и целых дискурсов, которые затем из статуса моделей переводятся в статус базовой аксиоматики. В-третьих, это межъязыковые заимствования.

3. ИНТЕГРАЦИЯ ЯЗЫКОВ НА УРОВНЕ ЛЕКСИКИ

Межъязыковые заимствования – один из аспектов языковой интеграции, происходящий в ходе коммуникативного обмена, результатом которого становится циркуляция языковых выражений за пределами исходного языка. По отношению к различным диалектам и социолектам как подсистемам одного языка можно говорить как о внутриязыковых заимствованиях. Заимствуются и слова, и высказывания, и целые дискурсы.

В отношении лексических заимствований необходимо особо оговорить символьный аспект слова, который приобретает особую важность при рассмотрении межъязыковой циркуляции слов. Для П.А. Флоренского "символ – такая реальность, которая несет в себе энергию другой реальности, не данной нам непосредственно" [18, 306].

В применении к языковым явлениям можно сказать, что языковой символ есть такая сущность, которая несет в себе смысл другой сущности, не данной нам непосредственно. Отсюда, например, слово "книга" как символ – это не то же, что обозначение соответствующего предмета. Для разных людей и в разных ситуациях оно получает разные смыслы: книга – это продукт писательского труда, результат работы типографии, компонент библиотеки, источник знаний, предмет украшения интерьера, пища для ума, товар для продажи, лучший подарок и т.д.

Слово-символ *эндотропно*, оно свертывает в себе смысл тех контекстов, в которых оно употребляется. Содержание символа постоянно обогащается в коммуникации благодаря тому, что он является свертывающим оператором.

В своем знаковом аспекте слово есть связующий оператор. Его значение задано заранее, предваряет коммуникацию. Знак – это уже известная форма, используемая в точно определенной функции. Знак является оператором связи уже означенного (эталонного) образа с образом, означаемым в момент речи. Знак связывает новый образ с известным. В этом смысле знак изотропен,

inslav

так как он не меняет своей функции при переходе от контекста к контексту.

"Окном" в мир для нас является не знак, а символ. Знак – это, скорее, штора с картинкой, которая закрывает от нас мир.

Человеческому мозгу, как известно, свойственна способность оперировать нечеткими понятиями. Сами того не замечая, мы оперируем множеством символов, имеющих диффузную, "облачную" семантику, не заботясь о точности и однозначности. Часто нам бывает достаточно лишь идентификации некоторой предметной области. Это видно на примере того, как функционирует в общем языке специальная терминология. Мы можем слушать или читать о морских приключениях, не вникая в значение таких слов, как *рея, фок-мачта, кливер, бак*. Даже после обращения к специальному словарю значение подобных слов со временем снова становится для нас диффузным, что не мешает смысловому восприятию, очевидно, потому, что семантизация проходит для нас на достаточно адекватном уровне. То же происходит и с любыми терминами, точное содержание которых известно только специалисту, при их проникновении в коммуникативный процесс и в литературу. Для слов, с которыми мы встречаемся впервые, достаточно бывает лишь контекстной семантизации, и это не нарушает понимания всего текста. Слово самоопределяется в своем ближайшем контексте, свертывая в себе его смысл.

Каждое из значимых слов дискурса свертывает в себе смыслы соседних высказываний вместе со смыслами содержащихся в них слов. В процессе речи каждое новое слово насыщается семантикой предшествующих высказываний, которые, в свою очередь, испытывают некоторую смысловую модуляцию, подстраиваясь к последующим словам и высказываниям. В этом и заключается внутренний синергетический эффект дискурса, обеспечивающий его когерентность.

В процессе дискурсивного освоения мира символ наполняется содержанием. Это может происходить на протяжении всей жизни индивида. Л.С. Выготский писал, что "вливание многообразного смыслового содержания в единое слово представляет собой всякий раз образование индивидуального, непереводимого значения, т.е. идиомы" [6, 310].

По внутренней форме символа мы можем определить историю его появления в языке. Многие слова сохранили в свернутом виде микроконтекст первичного закрепления формы за понятием: *самолет – то, что само летает, отвертка – то, чем отвер-*

inslav

тывают, и т.п. Внутренняя форма иностранных заимствований закрыта для носителя языка-реципиента. Поэтому с точки зрения русского языка слово *дирижабль*, например, не имеет языковой истории и в плане своей формы является чистым знаком (фр. *dirigeable* буквально значит "управляемый"), а в плане содержания оно является символом начального этапа воздухоплавания, как и слово *аэроплан.*

Многие слова, пришедшие к нам из иностранного языка, воспринимаются вначале как символы с диффузным содержанием, а впоследствии могут получить более конкретную смысловую определенность.

Среди заимствований на первый план выступают слова-интернационализмы, сохраняющие тождество значения в разных языках и, следовательно, воплощающие в себе саму идею языковой интеграции в процессе коммуникативного обмена.

Заимствование направлено на обобществление слов как семантических констант, но не все заимствованные элементы оказываются способными стать общими для разных культур, сохраняя в них идентичное значение. При переходе слов из одного этнического языка в другой их ожидает разная судьба. Одни слова становятся интернационализмами и, ассимилированные разными языками, сохраняют идентичное значение (например, слово *лампа* во европейских языках), другие же, адаптируясь в новой среде, изменяют смысл.

Не все привнесенные элементы закрепляются в новой системе. Некоторые из них имеют эфемерный статус и вскоре исчезают из сферы коммуникации.

Чаще всего переход слова в другой язык изменяет сферу его применения [ср.: 5]. Слово, переходя из языка в язык, должно подчиниться новому порядку – ***номосу*** данной системы, который проявляет себя как контекстное управление смыслом языковых выражений. Однако это происходит не сразу и не всегда.

На самом первом этапе заимствования, при знакомстве с новым иноязычным словом обнаруживается то, что оно является экзотизмом, символом иной лингвокультуры. Далее оно может оказать сопротивление ассимиляции и продолжает подчиняться порядку прежней лингвокультуры, т.е. находится с данной системой в отношении *экзономии.* Экзономными являются слова, относимые к разряду ксенизмов, например, во французском языке это слова *izba* и *samovar*, заимствованные из русского языка. Для русских экзономами будут, очевидно, такие слова, как *камамбер,*

inslav

сидр, виски, эсквайр. Экзономы, находясь в составе другого языка и даже имея при этом знаковую определенность (указание на конкретный денотат), остаются при этом символами иной лингвокультуры. Параметр экзономии может сохраниться даже в случае перевода слова способом калькирования, что видно на примере слова *небоскреб*, которое продолжает символизировать иную реальность.

Английская лексика, в особенности разговорный штамп, приходя в русскую речь, не утрачивает ореол экзотизма, что касается слов и оборотов типа *уикенд, ноу-хау, пикап, ху-из-ху, хит, шоп, андеррайтер* (подписчик), *консалтинг* и др. Для всех слов такого рода характерен символизм, подразумеваемая ссылка на иную лингвокультуру.

Некоторые из приведенных выражений явно эфемерны в русской речи (*андеррайтер, консалтинг, ноу-хау*) и надо ожидать, что они не приживутся в ней и вскоре исчезнут.

Ассимилированные слова, которые больше не воспринимаются как экзосимволы, можно распределить между двумя классами: заимствования подчиняющиеся закону *изономии* – тождественному контекстному управлению в разных языках, и заимствования, претерпевшие семантический сдвиг или сужение значения, которые пребывают со своими прототипами в отношении *аллономии*.

К области изономии относятся все традиционные интернационализмы. Среди них есть слова и выражения, перенесенные из языка в язык в форме, близкой к оригиналу, в том числе такие, которые произошли от составных выражений и претерпели слияние: *натюрморт* (от фр. *nature morte*), *мизансцена* (от фр. *mise en scene*), *шедевр* (от фр. *chef-d'oeuvre*), *пикап* (от англ. *pick-up*). Сюда же относятся и кальки, например, рус. *железная дорога* – калька с фр. *chemin de fer*.

Динамика, характерная для распространения англоязычных слов в Европе, может быть прослежена на примере взаимодействий английского языка с французским. Во французском общеязыковом словаре содержится около 2,5 тыс. английских (и англо-американских) заимствований; это, в основном, научно-техническая терминология с греко-латинскими основами, по сравнению с которой слова, относящиеся к бытовой, деловой и культурной сферам, составляют сравнительно небольшую долю.

Французский язык явился не только реципиентом, но и ретранслятором многих слов, связанных с реалиями культуры и

inslav

ставших интернационализмами, таких как *électricité* (*электричество*, засвидетельствовано в 1720 г.), *clown* (*клоун*, 1823), *dollar* (1730), *touriste* (*турист*, 1803), *sport* (1828); через английский язык пришли во французский экзотические слова: *tabou* (*табу*, 1822, из Полинезии), *mustang* (*мустанг*, 1840, происходящее от исп. *mestengo* "бесхозный"), *boomerang* (*бумеранг*, 1863, из языков Австралии). Некоторые из интернационализмов пришли и в русский язык почти одновременно с их появлением во французском, другие же пришли с отсрочкой, иногда значительной; например, слово *impeachment* (*импичмент*, парламентская процедура выражения недоверия) употреблялось французами уже в 1778 г., а слово *leader* (*лидер*) в 1829.

Среди английских заимствований конца XIX в. реалии техники, деловой жизни и культуры: *autocar, chèque* (*чек*), *détective, hall* (*холл*), *music-hall, métropolitain* (*метро*, 1874), *record, film* (1889), в том числе американизмы *cow-boy, boom* (*бум*, букв. "взрыв"), и др. Такие слова, как *business, inflation, doping, adrénaline, kaki* (*бизнес, инфляция, допинг, адреналин, хаки*) известны французам уже с начала XX в. Тогда же появились слова из сферы досуга: *star, short* (*шорты*), *week-end, camping, jazz*.

В 20–30-е годы во французский язык приходят слова: *car, autostop*, глагол *stopper* (останавливать), *clip, clone, container, dispatcher* (*диспетчер*), *management* (1921, в России слово *менеджмент* распространилось только с конца 80-х годов), *kidnapping* (похищение человека), американизмы *gangster, thriller, hot-dog* и *hamburger* (1930), а также *barbecue* (*барбекю*, слово испанского происхождения). Американизм *O.K.* (*о'кэй*, от амер. *all correct*) проник во Францию уже во время второй мировой войны.

В послевоенное время во французский язык приходят *bus* (*автобус*), *happy-end, blue-jean* (*джинсы*), *briefing, lobby, cluster, self-service* (*самообслуживание*), *marketing, boogie-woogie, best-seller*; а с 50-х годов – *stress, déodorant* (*дезодорант*), *sponsor, show-business, nylon, téflon, polaroïd, tee-shirt* (футболка в виде буквы Т), *teenager, strip-tease, pop art* и *rock* (*рок-н-ролл*), *hit-parade*. В 60-е годы появляются технические термины: *laser* (акроним от *Light Amplification by Stimulated Emission of Radiation*), *média* (от амер. *mass media*), *design* (*дизайн*), *hippy* (*хиппи*) и *monitoring*.

Компьютерные термины распространяются, начиная с середины XX в.: *feed-back* (обратная связь, буквально – "обратная подпитка"), *scanner, processeur* (*процессор*), *interface* (*интерфейс*), *bit* (акроним от *binary digit* "бинарный элемент"), *byte*, акронимические названия языков программирования *algol, cobol, fortran,*

inslav

basic, а также *chip, disquette, P.C.* [*pese*] *n.m.* (1982, аббревиатура от *Personal Computer,* "ordinateur personnel" марки IBM).

Конец XX века приносит новую серию заимствований из деловой сферы и сферы развлечений: *dealer, audit* (аудит), *broker, know-how, aérobic* (1981), *bodybuilding, sex-symbol, sex-shop, walkman* (портативный плеер), *rafting* (спортивный сплав по реке, 1985). Слово *skinhead* появляется в 1983 г.

Многие из приведенных слов попали в русский язык непосредственно из английского языка. Некоторые из них, попав во французский язык, не были ретранслированы в русский, например, *kidnapping* или *tee-shirt*. Русский язык не принял туристского термина *rafting*, (сплав), но принял *trekking* (пешеходный маршрут), не принятый французским.

Слова вступают в отношения *аллономии*, если попадают в разные номосы двух языков, испытывая при этом изменение семантики. Это может быть сужение значения, например, рус. *шампиньон* происходит от фр. *champignon* – гриб вообще, или рус. *банда* от фр. *bande* – связка, стая, группа, банда. Многие примеры аллономии со сдвигом значения можно найти среди так называемых "ложных друзей переводчика". Такие слова в общем сохраняют легко узнаваемую форму своих прототипов из языка-донора. Но они не могут быть переведены путем прямого замещения по причине существенного смыслового сдвига. Так, русским существительным *журнал, лектор, шансонье* больше не соответствуют их французские прототипы *journal* "газета", *lecteur* "читатель", *chansonnier* "исполнитель куплетов". Английским глаголам *to rest* (отдыхать), *to deceive* (изменять), больше не соответствуют их французские прототипы *rester* (оставаться), *decevoir* (разочаровывать).

Предельным случаем аллономии является приобретение заимствованным словом автономии по отношению к культуре-донору в силу утраты связи со своим исходным номосом. Так произошло со старыми французскими заимствованиями в русском языке. Русское *перрон* это больше не французское *perron* "крыльцо", а платформа на вокзале (т.е. фр. *quai*); в то же время французскому *plate-forme* соответствует русское тамбур, оторвавшееся от фр. *tambour* – "барабан". Русское слово *ремонт* не имеет прямого соответствия во французском языке, хотя может быть возведено к глаголу *remonter* – "снова поднимать".

С некоторыми из слов-аллономов связан эффект *межкультурного бумеранга*, когда заимствованное слово впоследствии

inslav

возвращается в язык-донор, но уже в измененном виде. Слова-бумеранги можно наблюдать при лексическом обмене между странами, находящимися в продолжительных контактах. Много французских слов, заимствованных английским языком в разные периоды времени, возвратилось во французский язык в измененном виде и с новым значением.

Таковы слова *sommet* (вершина), некогда означавшее во французском "суммирование, схождение"; *bagage* (багаж) от ст.-фр. *bague* – пакет; *mille* (миля) от фр. *mille* – тысяча; *contrôle* от фр. *contre-rôle* – повторная проверка; *esquire* (эсквайр) от ст.-фр. *esquier* – конюх; *humour* (юмор) от фр. *humeur* – настроение; *ticket* (билет) от ст.-фр. *estiquet* – вид на жительство; *budget* от ст.-фр. *bougette* – мешочек; *magazine* (иллюстрированный журнал) от фр. *magasin* (магазин, склад); глагол *désappointer* (разочаровывать) от ст.-фр. *desappointer* – лишить функции, как и производное от него существительное *desappointement* (разочарование); *standard* от ст.-фр. *estandard* – непоколебимый.

В новое время из английского пришли бывшие французские слова: *jury* (жюри, 1790), заимствовано английским в XVI в. в форме *jurée* – расследование; *touriste* (1803) от фр. *tour* – оборот, принявшего в английском значение "путешествие"; *confort* (комфорт) от фр. *confort* – поддержка; *tunnel* от фр. *tonnelle* (XVI в.) – свод, беседка; *sport* – от фр. *desport*, *déport* в значении "забава"; *bar* (бар) от фр. *barre* – перекладина, затем стойка буфета, бар; *firme* от фр. *ferme* – ферма, хозяйство; *interview* от фр. *entrevue* – деловая встреча. К словам-бумерангам можно отнести и *test* (тест) от ст.-фр. *teste, tête* – голова; *manager* (менеджер) – от фр. *menage* – хозяйство и *management* (менеджмент) – управление предприятием; *récital* – концерт одного исполнителя, от фр. *réciter* – рассказывать, и др.

Примечательно, что для понятия "ЭВМ" во Франции используется не слово *компьютер*, восходящее к французскому *compteur* (счетчик), а национальный термин *ordinateur*; т.е. слово *компьютер* не стало словом-бумерангом для французов, которые, вероятно, ощутили в нем сильную коннотацию англоязычной культуры.

Итак, процессы интеграции языков на уровне лексики сопряжены не только с конвергенцией, но и с дивергенцией лексических единиц, обобщенных языками путем заимствования.

inslav

4. ИНТЕГРАЦИЯ ЯЗЫКОВ НА УРОВНЕ ДИСКУРСИВНОЙ АКСИОМАТИКИ

Каждый этнос обладает своим корпусом дискурсов, включающих фольклор и литературу. Среди этих дискурсов выделяется такой, который стал базовым текстом, символом культуры и идеологии данного этнического сообщества – этноса или суперэтноса. Библия – символ христианского суперэтноса, Коран – мусульманского. В качестве дискурсов-этносимволов выступают миф, эпос или легенда, принадлежащие либо одному народу, либо группе соседних народов. Таковы эпос о Нартах у народов Кавказа, эпос о Манасе у киргизов. Некоторые дискурсы приобрели совершенно определенный этносимволический характер при формировании нового этноса: миф о близнецах Ромуле и Реме – дискурс-символ римского этноса, легенда о Вильгельме Телле – дискурс-символ швейцарского суперэтноса, состоящего из разноязычного населения. Легенда об Уленшпигеле стала символом Фландрии. "Песнь о Роланде" стала опорным дискурсом в формировании единого этноса на территории Франции. "Песнь о Сиде" стала символом консолидации испанского этноса, выстоявшего многовековое засилье мавров.

В.М. Жирмунский [9, 262] характеризует древнегерманский эпос о Нибелунгах, который впоследствии проник в скандинавские страны, не как международный, а как межплеменной, общий для севернонемецкого суперэтноса, еще не имеющего отдельной государственности.

В Англии на роль дискурса-символа претендует легенда о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, придуманная на основе мотивов из кельтской (британской) мифологии и получившая разработку в литературных произведениях, начиная с XI века [10]. Парадоксально то, что реальный прототип короля Артура являлся предводителем британских племен в их борьбе против англосаксов, германоязычных предков нынешних англичан. Образ Артура претерпел коренную трансформацию: из непримиримого врага он обращен в славного предшественника.

Судьба британской легенды об Артуре представляет собой иллюстрацию явления прецедентности, свойственного мифологии, литературе и вообще языку. Для мифов, как и для многих произведений литературы, характерно то, что им уже предшествовали некие дискурсы сходного содержания, которым, в свою очередь предшествовали другие тексты-прототипы. Этноязыковое сознание, заимствуя дискурсы, обращается с ними по-разному.

inslav

Некоторые тексты действуют на протяжении веков как прецедентные лишь в рамках одного этноса или суперэтноса, другие же переходят эти границы и становятся достоянием носителей иного языка. На уровне межъязыкового общения дискурс – это тоже символическое образование, являющееся окном в иную культуру.

Заимствованные тексты, в отличие от слов и кратких изречений, *переводятся* с языка на язык и становятся фактами новой лингвистической культуры, пополняющими ее понятийную сферу. Это дает возможность широко использовать в речи ссылки на данные тексты, в том числе элементы, представляющие собой имена действующих лиц, названия предметов, отдельные изречения и выражения.

Отметим, как довольно частое явление, возведение заимствованного дискурса в ранг этнического или суперэтнического текста-символа. Это произошло с легендой о короле Артуре, заимствованной англичанами у британских кельтов, с легендой об Уленшпигеле, заимствованной фламандцами у немцев в конце XVI в. Но и легенда о Ромуле и Реме имеет этрусское происхождение и не является чисто латинской. Сама Библия, наконец, из этнического базового текста превратилась в суперэтнический.

Многие мифологические и фольклорные сюжеты получили межэтническое распространение благодаря их позднейшей литературной обработке.

Отношения между параллельными дискурсами в разных языках подлежат уточнению, в зависимости от степени ассимиляции переведенного дискурса. Некоторые тексты, заимствованные в переведенном виде, продолжают осознаваться как экзотизмы, т.е. состоят со своими прототипами в отношении экзономии, другие же претерпевают адаптацию к культуре-реципиенту и становятся ее органическими составляющими, приобретая независимость от своих прототипов, т.е. автономию. Дискурс экзономный и в переведенном виде остается фактом иной культуры и даже ее символом (например, “Песнь о Роланде”, или легенда о Вильгельме Телле). Сюда же могут быть отнесены и многие другие произведения, сохраняющие экзотический колорит. Очевидными экзотизмами являются многочисленные заимствованные микродискурсы – иноязычные крылатые выражения и поговорки, воспроизводимые в оригинальной форме: фр. *c'est la vie, cherchez la femme; англ. time is money, to be or not to be.*

Дискурсы, находящиеся в отношении изономии, сохраняют тождество содержания. Они становятся важными составляющи-

inslav

ми языкового сознания, общими для ряда этнических языков, приобретая вневременной и внепространственный статус. В западной культуре такой общий, надэтнический статус имеют дошедшие до нас фрагменты греко-латинской мифологии, текст Библии, а также наиболее известные произведения мировой литературы (Шекспир, Сервантес, Лафонтен, Мольер), переведенные на разные языки. Их характерной чертой является хождение в виде афоризмов и символов. Афоризм *быть или не быть* в переведенной форме больше не воспринимается как экзотизм, как и *сражаться с ветряными мельницами*. В отношении изономии находится множество библейских паремий (*Метать бисер перед свиньями; Не судите да не судимы будете; Не хлебом единым жив человек*), в том числе и таких, библейское происхождение которых уже не осознается (*Не рой яму другому, сам в нее попадешь; Что посеешь, то и пожнешь*).

При аллономии отношения между дискурсом-источником и дискурсом-версией изменяются, произведение, хотя и воспринимается как производное от своего прототипа, но в нем происходит смысловая переакцентуировка, сдвиги в семантике, в том числе и аллегорическое смещение смысла, особенно в отношении фрагментов, ставших афоризмами, и имен действующих лиц, ставших символами. Заимствованные фрагменты и символы могут не совпадать по смыслу с тем аллегорическим употреблением, какое они имеют в исходной лингвокультуре: Дон-Кихот для испанского читателя символ наивности, а для русского – воплощение бескорыстия.

Дискурс приобретает *автономию* как переосмысленное произведение иной культуры, утратившее связь со своим источником. Такова, например, “Сказка о рыбаке и рыбке” А.С. Пушкина, источником которой послужила сказка братьев Гримм, и его вольные переводы из поэзии зарубежных авторов, ставшие фактами русской литературы. Примечательно, что французы не дают перевода для пушкинской “Сказки о рыбаке и рыбке”, ограничиваясь пересказом ее сюжета, который нивелирует структурную композицию, сводит на нет притчевый характер произведения, и завершается не “разбитым корытом”, а морализующей сентенцией “кто хочет слишком многого, не имеет ничего”. Паремия *остаться у разбитого корыта* не была воспринята французами и осталась русской идиомой.

В сознании современного носителя языка, принадлежащего к западной культуре, имеется много имен и понятий, непосредственно восходящих к древней мифологии. Эти имена используют-

inslav

ся в речи и представляют собой мифосимволы, в которых свернуты смыслы соответствующих текстов, известных в той или иной степени говорящим.

Из десятков тысяч различных имен и реалий лишь незначительная доля древних мифосимволов подхвачена культурной традицией нашего времени, сохранилась в ней и относится к "прецедентным текстам" для представителя западной культуры, в сознании которого, без сомнения, доминирует античная и библейская мифологии. Многие из них продолжают употребляться при частичном или полном забвении содержания соответствующего им текста. Остается лишь отсылка к некому существенному свойству мифологического героя или к той ситуации, в которой он фигурирует в качестве участника.

Из тысяч различных имен и реалий древнегреческой мифологии [см.: 14] в русском языковом сознании лишь немногим более ста можно считать прецедентными для широкой коммуникации, т.е. адекватно воспринимаемыми без обращения к специальным словарям.

Далее мы ограничимся приведением лишь тех мифосимволов, которые, на наш взгляд, являются наиболее частотными и характерными для русской коммуникативной традиции, употребляемыми в качестве аллегорий и в составе паремий. Среди них, в частности, представлены: мифологические божества: – *Аид, Аполлон, Атлант, Вакх, Гефест, Гея, Гименей, Гипнос, дриады, Зевс, Мельпомена, Морфей, музы, нимфы, Посейдон, Прометей, титаны, Фемида, Эрот*; герои: *аргонавты, Ариадна, Ахиллес, Галатея, Геракл, Дедал, Икар, Кассандра, Мидас, Одиссей, Орион, Орфей, Пенелопа, Пигмалион, Плеяды, Прокруст, Семирамида, Тантал, Эдип, Ясон*; чудесные существа и чудовища: *гарпии, гиганты, грифон, демон, дракон, кентавр, Мегера, Медуза, Минотавр, сатиры сирены, Сфинкс, Феникс, Харибда, Химера*; прочие понятия: *амазонки, Золотое руно, лабиринт, космос, Олимп, Парнас, тартар, хаос.*

Некоторые греческие имена, пройдя через римскую культуру, функционируют в латинской транскрипции: *циклопы, Сизиф, Сцилла, Цербер*. Из собственно латинских мифосимволов, не считая тех, которые повторяют имена греческого пантеона, русская коммуникативная традиция удерживает всего около трех десятков. Среди них божества: *Аврора, Амур, Венера, Виктория, Купидон, Мания, Марс, Нептун, Термин, Сатурн, Фавна, Флора, Фортуна, фурии, Эскулап, Юпитер, Янус; герои: Геркулес, Рем, Ромул.*

inslav

Многие из имен греко-римской мифологии знакомы носителю языка, но не употребительны в речи. Другие же известны как названия созвездий и звезд (*Андромеда, Кассиопея, Орион, Персей, Плеяды*) или благодаря изображению мифологических сюжетов на полотнах знаменитых художников (*Похищение Европы, Гектор и Андромаха*) и в произведениях художественной литературы. Ряд мифологических имен используется в наше время в качестве научных метафор (*химера, комплекс Нарцисса, Эдипов комплекс*). Некоторые из них давным-давно переосмыслены в имена нарицательные (*пигмеи, эпигоны*) или же перешли в общий словарный фонд с терминологическим значением: термин *мания*, означающий патологическое состояние психики, больше не связывается с именем римской богини загробного мира.

Из библейской мифологии в словаре под редакцией Е.М. Мелетинского [14] выделено около 80 ветхозаветных и порядка 30 новозаветных мифосимволов. Кроме имен, входящих в божественную троицу, это имена библейских персонажей и святых: *Абрам и Сара, Авель и Каин, Адам и Ева, Давид и Голиаф, Самсон и Далила, Ной, Хам, Соломон, Яфет; Ирод, Иуда, Мария Магдалина, Георгий Победоносец*; чудесные существа и чудовища: *ангелы, Змей, дьявол, Левиафан, Сатана, серафимы, херувимы; Вельзевул, Люцифер;* такие понятия, как *золотой телец, неопалимая купина, ад и рай, апокалипсис, апостолы, волхвы, воскресение, голгофа, "конь блед", страшный суд, тайная вечеря, чистилище, мессия, антихрист.*

Многие из библейских реалий употребляются не самостоятельно, а в составе паремических выражений [15]: *вавилонское столпотворение, геенна огненная, голубь мира, иерихонская труба, мафусаилов век, соломоново решение, Содом и Гоморра, Фома неверующий, хождение по мукам*. Ветхозаветное имя *Хам* и новозаветное *Иуда* сделались символами, оценивающими недостойное поведение.

В арсенал носителя русского языка в разное время также проникли мифосимволы, принадлежащие другим культурам: из добиблейской мифологии – *Молох*; из мусульманской – *аллах, Мухаммед, шайтан* (параллель ветхозаветного Сатаны); из буддийской – *шамбала*. Если *Молох* – это надэтнический символ, то пришедшие из западно-европейской мифологии *валькирии, вальпургиева ночь, вампир, Василиск, драконы, гномы* остаются в русском сознании экзосимволами, как и термины ислама. Зато символы чудесного – *ковер-самолет, сапоги-скороходы, шапка-невидимка*, – заимствованные из европейского и восточного ска-

inslav

зочного фольклора, воспринимаются как атрибуты русской сказки.

Аналогичное обобщение в символах получили и литературные дискурсы, в том числе из жанров исторических хроник и преданий, художественной прозы. Для символов этого рода тоже характерна разная смысловая насыщенность. Если такие имена, как *Цезарь, Ганнибал, Понтий Пилат, Робин Гуд, Гамлет, Шерлок Холмс, Мефистофель, Мюнхгаузен, Робинзон, Маугли* имеют достаточно определенное содержание, то имя *Фридрих Барбаросса* – это пример диффузного символа, в общем утратившего предметную определенность и известного лишь в связи с событиями начала Второй мировой войны.

Содержание имени-символа размывается и становится диффузным ввиду крайней ограниченности контекста, в котором он только и употребляется на протяжении больших отрезков времени. Это справедливо в отношении как мифологических реалий, так и исторических. Символы, претерпевшие характерное семантическое "выветривание", наблюдаются во множестве паремических выражений. С одной стороны, это мифологизмы: *Танталовы муки, Сизифов труд, Прокрустово ложе, ящик Пандоры, Троянский конь,* с другой – такие историзмы, как *Дамоклов меч, Пиррова победа, разрубить Гордиев узел, перейти Рубикон.*

5. МИФ И ИЛЛЮЗИЯ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Подлинный рай – это потерянный рай

(М. Пруст)

Какова причина того, что в языковой действительности столь важное место занимают виртуальные построения и, в особенности, разного рода фантасмагорические модели, противоречащие логике реальности? В средние века на смену древнейшей мифологии пришел фантастический эпос, сказка, а затем прочные позиции заняла литературная фантастика. Следует полагать, что фантасмагорические модели мира суть не только "наивные попытки объяснить мир" или средство регуляции поведения, но и ***формы рефлексии***. На определенном этапе своего развития рефлектирующее сознание перестает довольствоваться только взглядом на мир "изнутри" и выходит за его пределы, дискурсивно порождая мифологию.

inslav

В процессе мифологической рефлексии вырабатывается взгляд на человеческий мир сверху, извне, из области трансцендентного. Кроме того, присущий мифам политеизм дает расщепление рефлектирующей инстанции: разные боги оценивают мир по-разному, поэтому, задобрив одно божество, можно тем самым прогневить другое. Последующий переход к монотеизму – это попытка установить, опять-таки из области трансцендентного, единый взгляд на мир, исключающий двойственность рефлексии, ее диалогический параметр. А это значит, что думать не надо, достаточно верить во всемогущего и вездесущего, который думает за всех и поэтому простит прегрешения человека, "не ведающего, что он творит", если тот, обратившись к богу, совершит искреннее покаяние и будет соблюдать все положенные ритуалы. Тем самым происходит редукция рефлексии, сведение мифа к орудию регуляции поведения. Наличие дьявола как антипода богу лишь утверждает единственность мировоззрения: все, что не соответствует божественным заповедям, идет от дьявола и, следовательно, отвергается.

В политеистической системе речь шла не о прощении post factum со стороны богов, но о том, чтобы не вызвать гнев божества своим действием, для чего необходимо его задобрить заблаговременно. И чем значительнее действие для человека, тем значительнее должна быть жертва. Вероятно, что обычай жертвоприношения восходит к тем временам, когда человек близко контактировал с хищными животными, хозяевами территории, агрессивность которых можно было нейтрализовать предложением пищи. Именно поэтому древнейшие божества были звероподобными, представлялись как ненасытные чудовища, пожирающие бесчисленные жертвы, например, *Молох*. Отсюда же и позднейшие представления о полузверях-полулюдях и оборотничестве, возможно, отражающие переходные ступени от зооморфизма к антропоморфизму в мифологических представлениях.

Переход к монотеизму надолго затормозил развитие науки, которая расцвела именно в эпоху классического античного мифотворчества, когда мифологическая система служила и средством регуляции поведения, и базой коллективной рефлексии. Геометрия, физика и алгебра родились именно тогда, до утверждения новых религий. Лишь обращение к античному наследию в эпоху Возрождения смогло дать новый импульс развитию научной рефлексии. Развитие литературы – это развитие рефлексии как самостоятельной, самоценной духовной деятельности.

inslav

Ролан Барт [2], критически анализируя дискурс массовой коммуникации, говорит о гибели Литературы в обществе потребления. Массовая литература сливается с продукцией масс-медиа. Читатель превращается в потребителя, а писатель – в изготовителя. На рынок, как пишет об этом Р. Барт, поступает синтетическая пища прессы, полностью переваренная изготовителями, которая избавляет от работы мысли; при этом закон имитации (шаблон) позволяет выкачивать деньги, не ухудшая товарного вида. Происходит *подмена* литературы новым мифотворчеством, подмена подлинной культуры поделками эрзац-культуры.

О сотворении "новых мифов" можно говорить по отношению к тем дискурсам, в которых непомерно возвеличиваются достоинства отдельных личностей, что служит целям политики, а также бизнеса, когда рекламой создается "имидж", товарный образ индивида с целью выгодной продажи. В предельном случае "имидж" может оказаться фикцией, за которой в действительности не стоит никакой личности, т.е. получится своего рода "поручик Киже". Так называемые новые мифы, в отличие от классических, недолговечны и рассыпаются, выполнив свою рекламную функцию.

Эфемерные "новые мифы" – это один из компонентов другого широкомасштабного явления – сотворения *иллюзий* средствами прессы.

Что такое иллюзия? Это образ мира, возникающий в силу ошибочного восприятия. Это кажущееся представление мира, зависящее от свойств самого наблюдателя, от его субъективного восприятия, или обусловленное неполнотой знаний о мире. Вращение Солнца вокруг Земли – иллюзия. Мираж в пустыне – иллюзия. Неисчерпаемость природных богатств – иллюзия. Иллюзия может быть рукотворной. Поезд, который мчится прямо на зрителя во время первого киносеанса, – иллюзия, вызвавшая панику в зале. Искусственно созданная иллюзия эксплуатирует неискушенность реципиента.

Многие модели мира являются не "наивными", как их часто называют, а именно иллюзорными. Разумеется, что как об иллюзорной мы можем говорить о модели только тогда, когда со всей очевидностью установлено, что она действительно не адекватна реальности. Дело в том, что по прошествии значительного времени многие наши построения и элементы мировоззрения тоже будут выглядеть "наивными" в глазах людей будущего и, следовательно, иллюзорными.

inslav

Образ мира, существующий в сознании человека, содержит много иллюзий, традиционно передаваемых из поколения в поколение посредством языка. Многочисленные отклонения от адекватного представления мира обусловлены инертностью языка, а вслед за ним и мышления. Привычные формулы, клише и стереотипы оценивают новые ситуации в традиционных категориях. Устаревшие аксиомы сопротивляются адаптации к новой реальности. В то же время, многие языковые аксиомы запечатлели практический опыт человека, противостоящий образованию иллюзий.

Некоторая доля иллюзии есть и в основании мифологических построений. Умерший предок не исчезает бесследно, он продолжает жить в психике человека – в памяти и сновидениях – и продолжает оказывать влияние на его действия. Иллюзия живет бок о бок с религиозными представлениями, как наигранная ими. Человек "видит" духов, архангелов и т.п. Мифы появились как следствие иллюзии того, что кто-то свыше распоряжается миром.

Иллюзорная модель реальности сталкивается с фактуальной (адекватной фактам) и соперничает с ней, часто заслоняя собою действительность. Истинные знания о мире, источником которых является практический опыт, подменяются представлениями о нем. Если эти представления фантастичны, то и иллюзия может быть фантастической. Поэтому встречи с ангелом или дьяволом – не галлюцинации больной психики, а результат проекции образа-концепта, имеющегося в сознании, на нечеткий перцептивный образ.

В средствах массовой коммуникации модель-иллюзия, привлекающая или отталкивающая, часто создается ***преднамеренно,*** с целью манипуляции сознанием человека и его поведением через подмену адекватных моделей мира иллюзорными. При этом эксплуатируются восходящие к древним мифологическим дискурсам глубинные архетипы Рая и Ада.

Психосоциальная система образов мира в значительной мере определяется этими двумя образами-архетипами, находит свое отражение в дискурсах всех языков и поэтому является явлением не частного этнолингвистического, а всеобщего, геолингвистического порядка, наряду с такими же планетарными мифами о происхождении мира и о конце света. В греческой мифологии это Элизиум (Елисейские поля) и Тартар царства Аида. В восточный религиях это светлые и темные силы. Согласно Библии, богоугодные деяния возвратят человеку на том свете утраченный

inslav

им рай, а богопротивные низвергнут в ад, где он будет обречен на вечные муки.

В позднейшей этике эти архетипы преломились в категориях Добра и Зла. И если в древнейших мифах злые силы олицетворяли непознанный и непредсказуемый внешний мир (дикие звери и природные катаклизмы), то в новой фантасмагории, создаваемой литературой, эти же злые силы принимают облик людей. Борьба со злом оказывается борьбой с людьми-носителями зла. В этом аспекте сюжеты новой литературы перекликаются с фольклорными сюжетами: герой проходит через испытания, которые завершаются победой над силами зла (хеппи-энд). Для романтических сюжетов характерна жертвенность: герой становится жертвой во имя торжества добра.

В современной массовой коммуникации мы наблюдаем, с одной стороны, привлечение пользователя образами райской жизни, полной наслаждений товарами потребления, для чего надо следовать образу жизни передовых в технологическом отношении стран. С другой стороны, это всевозможные триллеры, создающие образы адского характера – образы врага в лице чужих цивилизаций, чужих стран, чужих социальных режимов, тайных обществ, контрабандистов, гангстеров и террористов; это запугивание картинами ужасов, защиту от которых надо искать у сильных мира сего, для чего следует опять-таки принять правила "хорошей жизни", беззаботной и полной наслаждений, а главное, избавленной от умственных усилий. Компьютерные игры в большинстве своем тоже триллеры, и все их огромное "разнообразие" на нынешнем рынке сводится к одному: "убей, иначе убьют тебя".

Предметом дискурсивной разработки в коллективной рефлексии была, однако, не только жизнь, полная блаженства, или ее антипод – жизнь, полная страхов и лишений. Это не тема рая или ада, это не тема бунта или борьбы добрых и злых сил. Третья линия в мифологии и литературе связана с поисками утраченного рая, некой чудесной страны. Она восходит к мифу об аргонавтах, к буддийскому мифу о стране Шамбале и продолжается в приключенческой литературе, как тема открытия новых земель первопроходцами, тема робинзонады. Зло при этом, как правило, остается в лоне покинутого человеческого общества, как его порок, как следствие необузданной жадности, свойственной части его представителей. Романтический герой стойко переносит испытания в противоборстве с природой, мечтая создать на новой земле подобие рая. Робинзонада – это еще и символ фило-

inslav

софского осмысления единственности человека перед лицом Вселенной.

В западной литературе романтический пафос первопроходцев и первооткрывателей оказывается приземленным, так как многие приключенческие сюжеты основаны на мотиве поиска сокровищ. Продолжая эту линию, печатная продукция общества потребления искушает соблазном обогащения без особого труда. Главное понятие здесь – удача. Отметим, что в традициях русского (и не только русского) фольклора чудесные помощники приходят не к удачливому, а к смышленому, изобретательному герою, способному пускаться в приключения, рисковать собой не ради наживы, а ради самоиспытания – "не корысти ради, но потехи для".

Весь процесс расселения человека по планете связан с поисками утраченного рая. Рай был утрачен, разумеется, не потому, что бог разгневался и изгнал из него первых людей. Разросшееся "племя Адамово" вынуждено было покинуть свои первоначальные территории в силу крайнего истощения их природных ресурсов. Обращение цветущих земель в пустыни – рукотворное дело, результат их хозяйственной эксплуатации. Магистральный путь распространения человека по планете отмечен вереницей пустынь, которые (все без исключения) сохранили следы существовавших некогда водных систем – разветвленные русла бывших рек и впадины бывших озер. Если начать с предполагаемой территории первичного массового обитания человека – африканской Сахары, то за ней последуют пустыни Аравийского полуострова, Средней и Центральной Азии, а затем и пустыни других континентов (в Австралии и в Центральной Америке), где, очевидно, тоже имела место избыточная концентрация древних популяций. Для обращения земли в пустыню требуется значительное время – тысячи и десятки тысяч лет. В Европе, испытавшей интенсивное природопользование лишь на протяжении последних двух-трех тысячелетий, необратимый процесс образования пустынь наметился в южных ее частях, прилегающих к Средиземному морю, а также на юго-востоке европейской части России. На территориях современных пустынь сохранились следы сооружений, возраст которых насчитывает много тысяч лет, что свидетельствует о том, что некогда там кипела жизнь, поддерживаемая достаточно богатыми природными ресурсами. Некоторые следы памяти о ландшафтах, окружающих наших предков в былое время, запечатлены в языке и подлежат расшифровке [см.: 7].

inslav

Библейский первочеловек, видимо, впервые нарушил то, что находилось под строжайшим запретом – самовоспроизводство земных благ. Земля и есть рай для человека, дарованный ему Вселенной. Мы являемся свидетелями процесса рукотворного обращения этого рая в ад в силу инерции мировосприятия, находящегося в плену устаревших иллюзий. Успеха не будет, если коренным образом не изменится установка всей ноосферы. Быть может, интеграция языков результируется в новой ступени развития коллективной рефлексии, такой, которая обеспечит фазовую синхронизацию деятельности человечества с природными процессами не на основе иллюзий, но адекватную в плане баланса самовоспроизводства и человека, и природных ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аршинов В.И., Буданов В.Г.* Когнитивные основания синергетики // Синергетическая парадигма. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 67–108.

2. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика, поэтика. М.: Прогресс, 1989.

3. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.

4. *Борботько В.Г.* Лингвокультурные коммуникации и геолингвистика // Материалы конф. по проблемам филологии. Сочи, 2001. С. 3–7.

5. *Борисова Л.И.* Ложные друзья переводчика. Общенаучная лексика. М.: НВИ-Тезаурус, 2002.

6. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.

7. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. I–II. Благовещенск, 1984.

8. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.

9. *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1979.

10. *Кельтская мифология.* Энциклопедия. М.: ЭКСМО, 2003.

11. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

12. *Курдюмов С.П., Князева Е.Н.* Синергетика как методологическая основа футурологии // Синергетическая парадигма. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 109–125.

13. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Мысль, 1981.

14. *Мифологический словарь.* Под ред. Е.М. Мелетинского М.: СЭ, 1991.

15. *Николаюк Н.Г.* Библейское слово в нашей речи. СПб.: Светлячок, 1998.

16. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

17. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М.: Наука, 1987.

18. *Флоренский П.А.* История и философия искусства. М.: Мысль, 2000.

inslav

В. Крупа, С. Ондрейович
(Словакия)

ЯЗЫКОВЫЕ МИФЫ И ИХ МИССИЯ

Зачастую мифы тесно связаны с религиозными представлениями, и мы обычно относим их к эпохе зарождения истории или предыстории народов. Взгляды на их функции расходятся, но в любом случае нельзя отрицать их определенную познавательную ценность. В отличие от сказок, мифы в прошлом служили не просто для развлечения или увеселения – они представляли результат попыток осмыслить кардинальные вопросы человеческого бытия: сотворение мира, происхождение богов, людей, языков, не исключая и смысл человеческой жизни. Именно поэтому человечество воспринимало мифы серьезно. Архаические мифы совершенно определенно представляют собой своего рода философию, хотя многие исследователи подчеркивают в первую очередь их иррациональность. С фантастическими сказками мифы сближает богатая образная система. В отличие от сказок (и поэзии) образность в мифах не носит орнаментального характера – она является симптомом ранней ("метафорической") фазы создания абстрактных терминов.

Чем глубже мы проникаем в прошлое архаических языков, тем меньше находим в них средств для выражения абстрактных ("непредметных") понятий, когда общее должно быть выражено через частное. Приведем хотя бы несколько примеров из шумерского языка 3 тысячелетия до н.э. (по материалам И.М. Дьяконова), которые очень хорошо подтверждают сказанное выше: *ik-kid* в этом языке обозначает "открыть" (буквально "дверь толкнуть" – это касается также открытия морского пути); *mi-dug* значит "ласково" (букв. "говорить по-женски"); *ama-r-gi* "освобождение" (букв. "возвращение к матери"); *nig-šu* "имущество" (букв. "вещь руки"); *níg-mí-us* "приданое" (букв. "вещь, данная женщине"); *nam lugal* "царственность" (букв. "судьба большого человека") (Дьяконов 1990, с. 23–24). Подобным образом в древнеегипетском языке "щедрость" выражается как "протягивание руки", "радость" – как "вытягивание сердца", "неутомимость" – как "выход сердца" (Петровский 1958, с. 66).

Э.Р. Маккормак (1976) убедительно показал, что четкое разделение мифа и науки иногда является насильственным и не соответствует реальным взаимоотношениям мифологии и науки.

inslav

Даже познавательная функция мифа еще не является априори гарантией от ошибок. Конечно, мифы как совместное достояние всего общества не только выполняли познавательную функцию, но нередко также играли важную роль в укреплении единства нации, причем не только в синхронном плане, но и на оси времени, т.е. единства всех живых поколений с жившими прежде и с теми, кто еще только родится. Мифы служили инструментом сохранения культурно-исторической идентичности, средством укрепления сопротивляемости против разлагающих воздействий извне. В этом смысле некоторые мифы имеют прямо-таки системообразующую функцию.

Очевидно, что и сегодня мифы создаются и живут. При этом, естественно, те, что создаются сейчас, равно как и известные со времен далекого прошлого, выполняют многочисленные функции. Очень часто они служат способом ухода от неприятной действительности (ср. Tolkien 1964, Tolkien 1992), предлагая людям утешение и убежище. И сейчас нередко встречаются мифы, сплачивающие человеческое сообщество и укрепляющие его веру в себя, что повышает его жизнеспособность при контактах с иными сообществами, пусть даже они исходят из совершенно иллюзорной познавательной функции, а создатели их уже не анонимны. Дело в том, что наличие познавательной функции (пусть даже иллюзорной) – важная сторона осмысленного существования мифов в современном обществе, особенно там, где научный подход столь актуален, что к нему прибегают даже в политике – во всяком случае, словесно. Существенны также очевидные цели и мотивы мифотворчества.

В этом контексте важную роль играет этноцентризм. Он является столь значительным компонентом племенного, этнического самосознания в предыстории и ранней истории всех народов, что в древних мифах сотворение мира, по сути дела, совпадает с сотворением той территории или острова, где проживает данное племя или этническая группа. Позднее, когда их представители постепенно завязывали отношения с другими этническими группами, это ощущение собственной "центральности" обычно сохранялось. Так, китайцы считали свою родину страной центра (Čung-kuo), а японцы гордились тем, что Япония, как они говорили – "гора света", и потому она находится к богам ближе, чем все другие страны. Мангайцы все окрестные острова считали приснившимися – реальными людьми были лишь они сами, а во всех обитателях остальных островов они видели демонов (Gill 1876). Возможно, и древние славяне были склонны к подобному взгляду на окрестные

inslav

племена. Их непосредственные соседи на западе были для них "немыми", поскольку не владели их языком. Поэтому они заслужили имя "немцы", в то время как название "славяне", судя по всему, относилось к тем, кто владел словом, то есть умел говорить. Кстати, и нас может согревать сознание того, что географический центр Европы находится – по крайней мере, по некоторым подсчетам – в районе словацкого села Крагуле, и Словакия является центром Европы. Находиться в сердце, в середине или на вершине чего-то – это однозначно связано с позитивной оценкой, которая, очевидно, в первом случае носит характер скорее эмоциональный, а во втором – скорее политический.

И.М. Дьяконов в своей примечательной работе "Архаические мифы Востока и Запада" (1990) метко указывает на причину возникновения мифов нового времени: "Неэмоциональные логические утверждения воздействуют на сознание масс недостаточно интенсивно и потому всегда остаются привилегией профессиональных философов. Поэтому они прячут идеологические конструкции под мифологическим покровом" (с. 62). В данной связи этот автор говорит прежде всего о секундарных мифах (в сравнении с архаическими), направленных, например, на устранение социальной несправедливости и различных психических проблем, хотя нередко, как мы отмечали, они являются формой бегства от действительности. В связи с языком (и не только с языком) не следует также забывать о маргинальных (терциарных) мифах, которые опираются на заведомо неверные представления или взгляды. Но и это еще не должно означать, что эти мифы – заведомая ложь. Впрочем, есть и такие. Когда утрачивается вера в правдивость мифа, он иногда превращается в сказку (как классические мифы, перешедшие в категорию художественной литературы), или – что хуже – в преднамеренную манипуляцию. Примеров такого рода более чем достаточно, и прежде всего, разумеется, в отношениях сильных и властных к слабым и покоренным.

Для некоторых английских миссионеров маори были детьми, в других случаях – союзниками дьявола. Китайцы и японцы рассматривали других людей как второразрядных варваров, а к их языкам долгое время относились пренебрежительно. Из нашей собственной истории нам помнится, как официальная венгерская идеология отрицала существование словаков как нации (что преподносилось для широкой публики в виде лозунга *Tót nem ember* – Словак – не человек, см. об этом подробнее Krupa, Ondrejovič, 1998), а во времена Третьего рейха часть представителей рода Homo sapiens рассматривали как недочеловеков.

inslav

Особую категорию составляют чисто языковые мифы. Почти каждая нация считает свой язык красивым, совершенным и полезным (что можно считать тенденцией к мифологизации), хотя нам известны и исключения. Например, жители Раротонги на островах Кука, а также население американского Самоа считают английский язык намного более полезным, чем их родной язык, который они своим отношением, сами того не зная, обрекают на скорую гибель. Однако в большей части развитых сообществ преобладает позитивное отношение к собственному языку. Словацкий язык кажется красивым и благозвучным словакам, русский – русским, итальянский – итальянцам, испанский – испанцам, а голландский, конечно же, голландцам, хотя представителям других наций этот язык кажется грубым из-за "какофонического" звучания некоторых его гласных. Впрочем, такое качество, как эвфония, не всегда можно постичь объективными методами и иногда оно является просто фикцией.

Позитивная оценка собственного языка иногда ведет к негативной оценке других языков. Древние греки и римляне пренебрежительно смотрели на языки своих соседей как на варварские. Именно из-за подобного отношения мы сегодня почти ничего не знаем об этрусском языке, хотя именно своим этрусским соседям обязаны римляне значительной частью своей культуры. Многие современные языковые мифы имеют тенденцию превозносить свой собственный язык и прямо или косвенно принижать другие языки, особенно языки соседних народов. Конечно, истинная причина такой контрастной оценки экстралингвистическая – обычно она находится на уровне политических амбиций, а иногда связана с закомплексованностью или, наоборот, преувеличенным национальным самомнением.

Миф присутствует в сфере языка на многих уровнях. Так, мифический оттенок есть в вере в магическую силу языка, древней, как само человечество. Эта вера проявлялась, например, в словесных табу, которые временно или навсегда запрещают употребление некоторых слов. Так, в таитянском языке до прихода на остров европейцев табуированию подлежали все слова, напоминающие имена начальников – эти слова как бы принадлежали начальникам. Этот обычай не так уж сложно понять, если мы вспомним, что в тех условиях личность начальника была до такой степени табуирована, что все, на что он клал руку, автоматически становилось его собственностью, и никто другой под страхом смерти не смел уже коснуться этого предмета.

inslav

Словесное табу могло относиться также к речевому этикету на охоте или при сборе даров леса. Карамы на Центральной возвышенности в центральных районах Новой Гвинеи и сейчас при сборе пандановых орехов пользуются особым "пандановым" языком. Местные жители верили и продолжают верить, что если говорить в лесу на обычном языке, то орехи могут оказаться гнилыми, водянистыми или пустыми. "Обычного" языка карамы избегают и в тех случаях, когда обрабатывают мясо казуаров. Суть панданового языка состоит в том, что туземцы избегают слов, которые могли бы повредить пандановым орехам и предпочитают употреблять слова обычного языка в переносном значении (см. об этом подробнее Pawley 1992).

По-иному предстает убежденность во внутренней силе языка в традиции, идущей со времен В. фон Гумбольдта, который считал язык одной из главных творческих сил в истории человечества и воплощением души народа. Подобные взгляды мы встречаем у немецких лингвистов XX в., например у Л. Вайсгербера (1959). Б.Л. Ворф, создатель теории языковой относительности, который размышлял о параллелях между языковыми структурами (особенно грамматическими категориями), с одной стороны, и особенностями мышления – с другой (он обдумывал даже их влияние на поведение коммуникантов), не считал европейские языки более ценными, чем так наз. экзотические языки, скорее наоборот (Whorf 1956).

Очень распространенным мифом было в прошлом убеждение, что туземные языки или языки без письменной традиции являются примитивными и неразвитыми. Даже некоторые специалисты полагали, что достаточно выучить один из этих языков, чтобы знать, как общались в давно минувшие эпохи наши предки. По-своему поучителен пример известного писателя Адельберта фон Шамиссо, который принял участие в одной из известных русских экспедиций в Тихий океан (1815–1818) и посетил также Гавайские острова. Очевидно, под влиянием тогдашней научной литературы он заявил, что гавайский язык – это совершенно примитивный детский лепет. Однако, когда Шамиссо выучил гавайский, его отношение к нему диаметрально переменилось. Он даже составил грамматику гавайского, не забыв упомянуть, что это такой же язык, как любой другой. Забытые следы веры в существование так называемых примитивных языков мы находим, например, в книге М. Моравека "Lidská řeč" (1969), в которой автор серьезно утверждает, что североамериканские индейцы племени арапахо не могут общаться в темноте, поскольку

inslav

у них очень бедный словарный запас и они вынуждены помогать себе жестами, которые не видны в темноте. Правда, Моравек не был ни лингвистом, ни даже этнологом. Удивительна позиция известного этнолога Б. Малиновского, который написал в 1923 г.: "В примитивном языке грамматической системе не достает точности и определенности нашего (т.е. английского) языка, хотя в некоторых конкретных случаях эта система бывает на редкость выразительной". Он явно ошибался и тогда, когда утверждал, что "дикарский" язык представляет собой лишь сумму свободных высказываний.

Многие полагали, что языки тех обществ, которые не прошли через урбанизацию и индустриализацию, имеют маленький словарный запас и "мало грамматики", т.е. мало грамматических правил или почти полное их отсутствие (Salzmann 1996, 174). Однако попытки овладеть такими языками показали, что некоторые из них настолько сложны, что исследователям едва удалось изучить их. Например, в глагольной морфологии одного из индейских языков, такелма, который "открыл" и описал Э. Сепир, используются префиксы, суффиксы, инфиксы, редупликация слогов, многочисленные наклонения глагола (включая потенциальное и инференционное), повелительное наклонение настоящего и будущего времени (выражающее приказ, который должен быть исполнен в определенном или предполагаемом будущем времени), конечно, тут также используются категории числа, рода, наклонения, вида и т.д. (Salzmann 1996, 174–175). При оценке ценности языка речь ни в коем случае не идет и не может идти о простоте или сложности грамматики.

Сейчас лингвисты рассматривают отношения между языками как равноправные, даже если допустить, что не все они эквивалентны. Отдельные языки служат членам сообщества, использующим его, и потому вопрос стоит лишь о том, является ли данный словарный запас достаточным для того, чтобы удовлетворять социо-культурные потребности данного сообщества. Никого не удивляет, что у эскимосов существует больше названий льда и снега и более тонкая дифференциация их разновидностей, чем, например, у кочевников в пустыне Калахари, которые, в свою очередь, изощряются в названиях видов песка; а вот обитатели тропических джунглей так хорошо знакомы с названиями растительного мира тех краев, что им могли бы позавидовать ученые-ботаники. В иной форме и исходя из иных предпосылок сформировался миф японского языка. Он вырос из ощущения исключительности положения Японии в мире, усилен-

inslav

ного географической изолированностью островной империи от континентальной Азии, то есть, собственно говоря, от всего остального мира, а также верой в происхождение императорской династии от богини солнца. После прихода к власти рода Токугава в XVI в. на протяжении почти двухсот пятидесяти лет проводилась политика закрытости, культурной самоизоляции Японии от других стран, что усилило эти тенденции. В связи с этим важен также тот факт, что Япония впервые за всю свою историю была оккупирована иностранной армией лишь в 1945 г. (после сокрушительного поражения во Второй мировой войне). Вплоть до этого года обстоятельства благоприятствовали возникновению целого комплекса представлений об исключительности, даже уникальности японской нации, ее культуры, образа жизни и языка. Этому комплексу соответствует и сам японский язык, поскольку его родственные связи с другими языками до сих пор являются предметом размышлений и догадок (большинство лингвистов предполагает, что генетически к нему наиболее близок корейский язык, причем малайско-полинезийские элементы, которые в нем также присутствуют, вероятно, являются заимствованиями), и происхождение его пока не получило удовлетворительного объяснения. Необычность японского языка состоит не только в упомянутой генетической изолированности, но также в сложности его письменности и в лексическом богатстве, причем и то, и другое связано с тенденцией, хорошо известной из истории японской культуры вообще – с тенденцией избирательно воспринимать и аккумулировать, не поступаясь при этом ничем из своего собственного богатства. В лексике явственно заметна тенденция присвоить каждому новому явлению (в особенности заимствованному) новое наименование, между тем как во многих языках предпочтение по возможности отдается семантическому переоформлению слова (сдвигу, сужению, расширению значения и т.д.). Нашему слову *srdce* соответствуют по крайней мере три японских слова: *kokoro* (исконно японское слово) относится к сердцу как вместилищу эмоций, разума, добросердечности и под.; *žinzó* (сложное слово, составленное из морфем китайского происхождения) – это сердце как анатомический термин, а *háto* (от английского *heart*) обозначает червовую масть в картах. Слово *kimo* "печень" (исконно японское) обозначает вместилище чувств, мысль и отвагу, в то время как *kanzó* (также сложное слово сино-японского происхождения) относится к печени как к органу, а *reba* (из английского *liver*) – это печень как блюдо. Основой японского питания является рис, и различные фазы произраста-

inslav

ния и потребления этой культуры обозначаются словами *ine, kome, gohan*. Для обозначения такого новшества, как рис с карри, употребляется заимствованное слово *raisu-karé* или *karé-raisu*, и даже для рисовой бумаги употребляется заимствованное слово *raisu-pepa*. Возможно, тут также сказывается стремление называть иностранное явление иностранным словом, т.е. лингвистически и психологически отграничить японское от не японского. Наконец, на это указывает и Н. Мацуо, утверждая, что исконно японские слова вообще не могут выражать чужеземные понятия (Macuo 1982, s. 78).

Подобно некоторым немецким лингвистам, Ш. Ватанабе говорит о "духе языка". По его мнению, в контакт с "духом японского языка" вступают только японцы, и при переводе японской поэзии на иностранный язык этот дух языка якобы утрачивается. При этом Ш. Ватанабе подчеркивает и превозносит не логичность японского, но, напротив, его иррациональность – будто бы японцы посредством японского языка познают мир совершенно иным, неповторимым образом. Эти утверждения весьма напоминают релятивизм Ворфа, хотя он при этом не утверждал, что иностранец не способен изучить, например, язык индейцев *хопи* и проникнуть таким образом в их картину мира. Однако, судя по всему, составной частью японского языкового мифа является убеждение, что иностранец априори не способен постичь "дух японского языка".

Словарный запас современного японского языка состоит из слоя исконно японских слов, из весьма обширного слоя слов китайского происхождения и из увеличивающегося слоя слов иноязычного, в основном английского, происхождения. Однако, по мнению Ватанабе, "дух японского языка" присущ только словам с чисто японской этимологией, а слова китайского происхождения употребляются тогда, когда работает интеллект (Watanabe 1974). Складывается впечатление, что Ватанабе в духе японской вежливости восхваляет свой родной язык не впрямую, но при помощи таких эпитетов, которые мы, европейцы, могли бы счесть обидными или неуместными. Р.А. Миллер называет это своеобразным мазохизмом (Miller 1977, s. 38), но истинная цель здесь – указать на собственные достоинства.

Несколько иначе все это преподносится в публикации Masuda Foundation, где вежливая скромность переходит в самоуверенное утверждение о том, что у Японии – собственная научная логика аналогового характера, в то время как западная научная логика опирается на мышление цифрового (дигитального) характера

inslav

(Masuda Foundation 1990). Этот миф удивителен вдвойне. Во-первых, потому, что его авторы делают вид, словно в Европе никто и не подозревает о существовании аналогового кодирования, а во-вторых – потому, что способность к аналоговому мышлению они распространяют с японцев на всех азиатов. Таким образом, миф переходит с уровня языка и мышления на уровень идеологии, служащей, по сути дела, расистским концепциям. Встречается также мнение, что уникальность японского языка и его недоступность представителям других национальностей определяется тем, что мозг японцев отличается от мозга других народов. Цунода указывает при этом, что даже изучение иностранных языков лишает японцев этих исключительных способностей (Cunoda 1978).

Японские языковые мифы преследуют цели, выходящие за рамки лингвистики. Их первоочередная задача – используя особенности японского языка, подчеркнуть исключительные способности японцев как таковых и подкрепить "научными аргументами" исключительное положение японского языка и миссию японской нации, о чем представители японских образованных кругов заявляли задолго до того, как во второй половине XIX в. Япония открылась для Запада. Однако справедливости ради следует отметить, что далеко не все японские лингвисты считали миф об исключительности японского языка своим кредо, а японцы – не единственный народ мира, который может похвастаться богатым языковым мифотворчеством. И языковые мифы других народов часто преследуют подобные цели.

Другой азиатский народ, который создал обширную и пеструю мифологию – это турки. Успехи движения младотурок в 1908 г. открыли путь к демократизации турецкого языка, в то время переполненного арабскими и персидскими заимствованиями. Журналисты и писатели первыми стали писать на языке, приближавшемся к разговорному. Однако особенным успехом в среде младотурок пользовалась шовинистическая идеология пантюркизма, или туранизма, поставившая своей целью создание единого государства всех тюркских народов, естественно, под руководством османских турок (Celnarová 1989). Очищение турецкого языка от лавины арабских и персидских элементов (при этом заимствованиям из европейских языков препятствия не чинились) следует расценивать положительно. После падения султаната и возникновения республики, опиравшейся на национальный принцип, динамика языковых изменений ускорилась. В 1928 г. вместо переставшей быть удовлетворительной араб-

inslav

ской письменности была введена латиница, что явилось важной вехой в развитии Турции, тяготеющей к Европе и общей модернизации жизни. Однако турецкий язык избавлялся от арабских и персидских слов в таком головокружительном темпе, что это делало его трудным для понимания (немалую роль тут сыграли также многочисленнные неологизмы, создававшиеся из турецких корней). Национальной гордости турок должны были служить старания обнаружить предполагаемые контакты и родственные связи турецкого языка с древними языками Ближнего Востока – с вымершими языками Анатолии, с древними языками Аравии, Месопотамии, и прежде всего – с шумерским языком, а также с языками античного Средиземноморья. В этой ситуации стала популярна так называемая "солнечная теория" (günes-dil-teorisi), в которой турецкий язык рассматривается как самый древний и культурный язык мира и, следовательно, как источник, из которого возникли все остальные языки. Как часто бывает в подобных случаях, приверженцы этой теории слишком вольно обращались с этимологией. Например, корень [social] – интернационализм, известный во всех европейских языках – возводится к турецкому слову *soy* "род", корень [elektrik] – к турецкому слову *iltirik* "свет", слово [botanika] к турецкому *bitki* "растение", а корень [termal] к турецкому *ter* "тело". Эта "солнечная теория" имела и позитивное воздействие, поскольку она несколько замедлила темпы языковой реформы. Это дало возможность отказаться от радикального очищения турецкого языка от иностранных слов – ведь турецкий, по логике этой теории, лишь брал из других языков то, что когда-то давно дал им сам. Впрочем, после смерти Мустафы Кемаля, "отца родины", "солнечная теория" очень скоро встретилась с резкой критикой и в самой Турции (Кононов 1976, с. 71–73).

Туркам удалось запрячь языковые и исторические мифы в одну упряжку, стремящуюся к доказательству исключительной древности турецкой нации. В этом смысле они нашли родственные души в лице венгров, которые еще в XIX в., если не раньше, искали такие исторические корни своего народа, которые помогли бы им заслужить уважение или хотя бы симпатию в глазах других народов. При этом в своих романтических поисках они сознательно принимали во внимание не все источники, из которых складывался венгерский этнос (наряду с этническим слоем угро-финского происхождения здесь можно обнаружить элементы турецкого происхождения, а также иранского, не говоря уже о большом количестве ассимилированных словаков, сербов и немцев).

inslav

Создатели венгерских исторических и языковых мифов с самого начала устремляли свои взгляды к Востоку – впрочем, в соответствии с историческими фактами. Они долго искали, и богатый выбор возможных и предлагавшихся решений указывает на то, что ни одно из них не является достоверным, так что их следует считать лишь свидетельствами романтических мечтаний о померкшей славе минувших веков. Это касается, например, утверждения о родстве венгров и гуннов, империя которых исчезла за много столетий до прихода кочевых венгров в Центральную Европу. Праотцом венгерской языковой мифологии можно назвать И. Хорвата (1784–1846), который еще в 1825 г. в своей книге при помощи весьма вольных этимологий находил предков венгров почти везде, даже в раю. Известным разыскателем родственников венгров в Азии был и Кёроши Цома (1784–1842), который прославился как серьезный ученый, однако не в области предистории и ранней истории венгерских кочевников, но в тибетологии. Со словацкой стороны последовала остроумная реакция на тогдашние венгерские донкихотиады преимущественно исторического характера в виде романа "Bendeguz, Gyula Kolompos a Pista Kurtaforint. Donquijotiáda podl'a najnovšej módy", остроумно написанного Я. Халупкой и изданного первоначально на немецком языке (вероятно, в 1841 г.; ср. словацкий перевод Chalupka 1953, 1983).

Языковая мифология расцвела наиболее пышным цветом на венгерской почве в так наз. теории шумеристов, которую подробно излагает чешский востоковед Б. Грушка (1987). Патриархом венгерских шумеристов, наследников И. Хорвата, был Ф. Йош (Ferenc Badiny Jós), который жил в Аргентине. В книге "Шумерское чудо" он выступил с теорией, что шумеры вообще-то не вымерли, но переселились из Месопотамии, а потомками их стали венгры. Вероятно, венгерское лобби в США действовало достаточно успешно, поскольку в Нью-Йорке возникло издательство "Гильгамеш", которое издавало "Шумерско-венгерские работы". Венгерские шумеристы проникли также в серьезный журнал "Current Antropology", где в 1969 г. А. Закар опубликовал статью о родстве между шумерским и урало-алтайскими языками. Объяснением этого может служить тот факт, что журнал "Current Antropology" издавал нью-йоркский фонд Веннера-Грена, где в свое время в качестве руководителя исследований работала Лита Биннш-Фейош. Несмотря на критику со стороны серьезных специалистов как в Венгрии, так и за рубежом, романтические фантазии о родстве венгров и шумеров по-прежнему живы.

inslav

Костер национальной гордости раздули также археологические находки в Трансильвании предметов, якобы похожих на шумерские, датировка которых, впрочем, неопределенна. Цели шумерских мечтаний точнее всего сформулировал Колман-Габриел Гоштонь в своей книге "Porovnávacia gramatika a etymologický slovník sumerčiny" (1975), где – как и в книге Йоша "Шумерское чудо" – утверждается, что язык древнейшей культуры человечества и грамматически, и лексически поразительно близок венгерскому. Таким образом Гоштонь хотел убить разом двух зайцев: он доказывал, пусть и не слишком успешно, что венгры являются потомками древнейшего культурного народа мира, а значит, и древнейшими обитателями Центральной Европы (ср. Hruška 1987, s. 326–347). К чести венгерской науки надо заметить, что специалист по клинописи из Будапешта Г. Комороци в 1976 г. получил премию научной критики за исследование "Шумерский и венгерский язык", где он весьма энергично вскрыл ошибки большинства мифотворцев-шумеристов.

Языковые мифы, подобные упомянутым выше, конечно, не обходили и не обходят своим вниманием и славянские территории. А. Горак издал в 1991 г. книгу "O Slovanech úplně jinak" (Horák 1991), где говорит о найденных им доказательствах славного прошлого славян в древнем Средиземноморье, более того – во всем мире. М. Драстих заходит еще дальше, находя свидетельства о древних славянах даже в легендарной Атлантиде (Drastich 1993).

А. Горак утверждает, что языком критского иероглифического письма является праславянский и что на Востоке земледельцы эпохи неолита ввели письменность еще 12 000 лет назад (Horák 1991, s. 14), причем эта письменность позднее была перенесена на Крит. Горак усматривает родство критской письменности с корейской (!), японской, протоиндийской, письменностью ронгоронго "и, следовательно", с народной слоговой письменностью древней Америки, далее с письменностью, памятники которой были обнаружены в Губле Леванта, с кипрской письменностью и со слоговой европейской письменностью эпохи неолита (с. 25). Причем, разумеется, во многих случаях между ними нет совершенно ничего общего. Автор также сетует, что непрошенные пришельцы из Азии еще в каменном веке убивали праславян (с. 34). Но, к сожалению, Горак смешивает при этом различные эпохи. Около 1380 г. до н.э. он обнаруживает в Кносе слово *pohan* (с. 37), невзирая на то, что в славянские языки это слово попало уже в христианскую эру из латинского, где означало "крестья-

inslav

нин". Столь же трудно поверить, что греческий топоним *Pylos* является переделкой славянского слова *palác* (s. 41), которое в действительности заимствовано из итальянского. И греческое слово *demokratia* якобы происходит из праславянского *dámokaráčijá*, или "домашнее управление" (с. 47). В самом деле, этимологии А. Горака подчас весьма своеобразны и "оригинальны". Так, исконное население Месопотамии при неолите якобы говорило на праславянском, а "господа" шумеры – на "татарском" языке (с. 59). Порабощенным праславянам пришлось выучить шумерский язык, и вот так якобы в него проникли многочисленные славянские слова (с. 60). По мнению Горака, в Египте все обстояло так же – именно славяне заложили основы египетской цивилизации (с. 61)! В качестве писарей славяне писали в Китае по-китайски, в Шумере по-шумерски, в Египте по-египетски и т.д. (Horák 1991, s. 68).

Кстати, "татарами" Горак называет всех предполагаемых врагов и поработителей славянского населения, включая немцев периода второй мировой войны (с. 97). Более того: перед воображением Горака не устоял и древний Рим: "Латиняне – это S-Latinové" (*slatina* – торфяное болото) и "Sabinové = Slavínové" (с. 253). Похоже, славянской экспансии не избежал ни один уголок мира. Горак находит праславян в Китае, Японии, даже в Океании. Название горного массива *Памир* якобы образовано от слова *Pramír*, т.е. прародина (конечно, славян). *Сыр-Дарья* – якобы река, которая дает (*darja*) дополнительный урожай (предполагается, что *syr* идентично французскому предлогу *sur* "над, дополнительно"), а название *Ladak*, по его мнению, образовано от слова *l'ad* (с. 293). Свои этимологические умозаключения он завершает объяснением этнонима Čech, возводя его к слову *šejch* (татарско-скифскому названию шамана) (с. 313). Примечательны также этимологии М. Драстиха, недавно предложенные им в книге "(Slo)wáni z tieňa? Expedícia do minulosti II" (2000), где он развивает идеи А. Горака; кроме всего прочего, мы узнаем, что "Чехия – это колонна повозок из Китая, возглавляемых праотцом Чехом – возчиком по имени Че" (с. 88).

Для мифа о славянах, преподносимого Гораком, типично то же самое, что и для языковых мифов японского, турецкого или венгерского происхождения. Все они переплетаются с историческими мифами и ставят своей целью превознести репутацию своего народа. Однако при этом неизбежно принижаются другие народы и языки, в основном соседние, хотя в большинстве случаев это не является главной целью. Как видно, языковые мифы опе-

inslav

рируют аргументацией, которая не отличается наглядностью и убедительностью и отвергается в научных кругах, зато она способна оказывать серьезное воздействие на национальное самосознание (и самоуверенность) воспеваемого сообщества, которое само, как правило, не в силах судить, идет ли тут речь о научно доказанных и доказуемых фактах или же о псевдонаучном инструментарии.

В заключение коснемся коротко некоторых мифов, которые непосредственно затрагивают словацкий язык. Их тоже немало. Даже сегодня гипертрофированно патриотический, в чем-то националистический дискурс убеждает нас в том, что словацкий язык – древнейший среди славянских, самый совершенный, исключительный, благозвучный и тому подобное, что он занимает центральное положение среди славянских языков. Справедливы ли эти утверждения? Найдем ли мы в них хотя бы крупицу правды, чтобы по крайней мере частично им поверить, или же их следует отвергнуть как чистейший вымысел?

Начнем с древности словацкого языка. Если бы словацкий язык был самым древним, то это должно было бы означать, что словацкий выделился из праславянского раньше других славянских языков. И действительно, это утверждает Дж.Д. Принс в своей книге "Slovenčina – kl'úč k všetkým slovanským jazykom". Но так ли это в действительности? Безусловно, нет. Словацкий выделился из праславянского вместе с другими славянскими языками в X в. Газета "Slovenské národné noviny" уверяет нас в том, что на съезде славистов в Варшаве в 1973 г. была предложена резолюция, которую были готовы подписать все делегации, уверявшая, что словацкий язык является древнейшим, но этому, согласно все той же газете, помешали чехи, как уже не раз случалось в нашей истории. Об этом же недавно писал Л. Зрубец в статье "Jazyk spája a rozdel'uje"; однако верится этому с трудом. С таким направлением мыслей связано, очевидно, и представление о том, что вероучители Константин (Кирилл) и Мефодий, придя на нашу территорию, перевели религиозные и светские тексты на местный язык – древнесловацкий. В действительности же языком, на котором Константин и Мефодий проповедовали в 863–885 гг. христианство в Великой Моравии, был южнославянский старославянский язык, а не местный (древний) словацкий язык. Его основу составлял культурный язык славянских образованных людей, живших в IX в. в Солуни (Фессалониках) и окрестностях, т.е. на рубеже греческого и славянского мира. Таким образом, это был язык южнославянского, а не западнославянского типа, как древ-

inslav

несловацкий. Однако в то время этот язык, безусловно, был понятен всем славянам, и именно поэтому он мог использоваться и на нашей территории.

Поэтому неверно также представление о том, что древнесловацкий язык вместе с латинским, греческим и древнееврейским языками оказался в числе четырех избранных языков, на которых Ватикан разрешил вести богослужения в церквях. Возникло множество романов, драматических и поэтических произведений, опиравшихся на эту предпосылку и художественно ее осмыслявших (иногда на высоком уровне). К сожалению, с точки зрения исторических фактов это представление остается лишь мифом. Однако, несмотря на все сказанное выше, кое в чем древний характер словацкого в самом деле проблескивает. Конкретно это проявляется в том, что словацкий язык вместе с македонским сохранил наибольшее число исконных праславянских элементов среди всех славянских языков (см. об этом подробнее у Шмилауера 1962).

Как же обстоит дело с неповторимостью словацкого языка, инвентарем его языковых средств, мелодикой и конструкциями? Например, по мнению Й. Фекете (1996), в словацком языке есть по крайней мере пять фонем (ä, l', í, ô, ŕ), отсутствующих в других языках мира. Автор даже полагает, что словацкий язык – единственный, в котором есть соответствующие графемы (за исключением буквы *ä*). Судя по всему, автора настолько пленила возможность легко и быстро доказать исключительность словацкого языка, что он забыл проверить свое открытие. А ведь достаточно было вспомнить о языках наших соседей, и выводы его были бы куда осторожнее.

Дело в том, что уникальность "мягкого l' " сразу ставит под сомнение русский язык, который до недавнего времени все мы изучали. Однако l' наличествует также в других славянских языках, восточных и южных, да и в романских языках, таких, как итальянский, испанский, португальский и другие. Фонема ä есть, например, в английском и венгерском языках (в последнем – представлена лишь позиционно). "Долгое ŕ" мы можем встретить, например, в хорватском языке, а также в баскском и албанском языках, в то время как с "долгим í" все обстоит несколько сложнее. Его нам придется искать в вепсском – маленьком угрофинском языке, близком карельскому. Однако еще важнее тот факт, что, к сожалению, даже фонема ô, которой автор восхищается больше всего, не является достоянием исключительно словацкого языка. Любой романист знает, что она широко предста-

inslav

влена, например, в итальянском. Правда, в этом языке данный восходящий дифтонг записывается так, как его записывал Людовит Штур, т.е. в виде *uo* (ср. его "nárečja slovenskuo" и итальянское *suono, tuono*).

Наш автор прежде всего воздает почести диакритическому знаку над о – этой крышечке под названием vokáň, которая символизирует для него дом, семью, уют, он даже называет ее космической крышей над земным шаром, божественной силой. Й. Фекете заявляет, что он горд тем, что ô является принадлежностью именно словацкого языка, и уверен, что не может быть случайностью тот факт, что эта фонема (скорее графема) встречается в словах с "сильным значением", таких, как *pôvod, pôrod, pôvab, vôl'a, kôra, bôžik* и т.п. Как ни жаль нам нарушать эту столь красиво нарисованную картинку с *ô* посередине, мы вынуждены в сответствии с фактами возразить, что мы, словаки, отнюдь не единственные существа на Земле, которым выпало счастье иметь в своем алфавите букву *ô*. Кроме французского языка (из которого она и попала в словацкий), она встречается также в алфавите кашубского, словенского, фризского, люксембергского, голландского, языка африкаанс, португальского, турецкого и т.д. – а ведь мы еще даже не вышли за границы европейского континента. Ничто не мешает нам продолжать гордиться нашим ô, но этой славой мы должны поделиться с представителями других народов. Мы уверены, что нам это вполне по силам, если мы постепенно осознаем тот факт, что некоторые ставят эту крышечку не только над *о*, но также над *а, е, і, у*, и даже над согласными.

О словацком языке часто говорят как о языке благозвучном. Так его расценивают не только сами словаки, но и носители других языков. Мы уже говорили о благозвучии – каждый считает самым благозвучным языком свой собственный, т.е. тот язык, на котором он "может выражаться наиболее уверенно, тонко и убедительно" (J. Sabol), так что речь почти всегда идет о родном языке.

В качестве критерия для определения степени благозвучия языка часто упоминается вокаличность языка – чем больше в нем гласных, тем более благозвучным (звучным) он считается. Известны и "шкалы" языков, составленные по этому признаку (Jelínek – Styblík, 1971, s. 65). Если верить им, самыми вокалическими являются романские языки, среди которых на первом месте идет итальянский (Evviva la bella lingua italiana!), из славянских языков лидируют южнославянские, причем во главе когда-то

inslav

был уже упоминавшийся старославянский. Список завершают германские языки вместе с пресловутым английским. Словацкий язык (41% вокаличности) вместе с русским и чешским языками стоит перед английским и немецким. Впрочем, очевидно, что в этом случае речь не идет и не может идти лишь о вокаличности – важно также "качество" звуков, структура и тип слогов и слов, и, разумеется, мелодика. Известно, что, например, Я. Коллар хотел сделать чешский язык "более благозвучным" при помощи словацкого; о высоком уровне благозвучности словацкого языка по сравнению с чешским говорил и Г. Бартек в первом словацком орфоэпическом пособии "Správna výslovnost' slovenská" (1944). Но уже Й. Добровский, напротив, полагал, что чешский язык достиг в своем развитии более изысканного состояния, чем более "грубый" словацкий.

Словацкий язык вместе с чешским принадлежит к чехословацкой ветви западнославянских языков, но в его лексике, а также на других языковых уровнях имеются и некоторые элементы и исторические параллели, сближающие его с польским, с южными и восточнославянскими языками. Так что, если вам доведется вновь услышать о том, что словацкий язык является неким подобием эсперанто для славянских языков, что он занимает центральное положение, знайте, что это не миф и не легенда. Это не раз подтверждали известные иностранные слависты, напр. Ерней Копитар, Франтишек Копечный, Карел Горалек, Марио Пеи и многие другие, но, что, возможно, еще важнее, в пользу этого говорят все исследования, которые проводились до сих пор и которые проводятся в настоящее время с целью углубленного изучения и познания славянских языков.

ЛИТЕРАТУРА

Celnarová X. Genéza novej tureckej literatúry. Premeny a návraty. Krupa (ed.): Bratislava, Slovenský spisovatel, 1989. S. 93–124.

Cunoda N. Nihondžin no nó. Tokio, 1978.

Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука, 1990.

Drastich M. Atlantida Slo-Wánov? Bratislava, SAP, 1993.

Drastich M. (Slo)wáni z tieňa? (Expedícia do minulosti 2.) Ružomberok, Epos, 2000.

Fekete J. Ó, ô // Slovenské pohl'ady, 4 + 112,1996. S. 19.

Gill W.W. Myths and Songs from the South Pacific. London, Henry S. King & Co, 1876.

Horák A. O Slovanech úplně jinak. Co nebylo o Slovanech dosud známo. Vizovice, Nakladatelství Lípa, 1991.

Hruška B. Pod Babylónskou věži. Praha, Práce, 1987.

inslav

Chalupka J. Bendegúz, Gyula Kolompoš a Pišta Kurtaforint. Donquijotiáda podl'a najnovšej módy. (Z nemčiny prel. J.V. Ormis). Bratislava, Slovenské vydavatel'stvo krásnej literatúry 1953 (najnovšie vydanie). Bratislava, Tatran, 1983.

Jelínek J., Styblík V. Čteni o českém jazyku. Praha, Státní pedagogické nakladatelství, 1971.

Кононов А.Н. Очерк истории изучения турецкого языка. М.: Наука, 1976.

Krupa V. Rané kontakty Európanov s obytvatel'mi Océanie a Japonska. Slovenský národopis 42. 1994. S. 283–295.

Krupa V., Ondrejovič S. Aká regulácia vývinu jazyka je hriech? // Slovenské pohlady, IV + 114,1998. S. 25–33.

MacCormac E.R. Metaphor and Myth in Science and Religion. Durham, North Carolina, Duke University Press, 1976.

Масuо N. 1982. Nihongo to Nihondžin // Kokubun medžiro, 1978.

Masuda Foundation. Japanese Systems. An alternative Civilization? Jokohama, Secotac Ltd. 1992.

Miller R.A. The Japanese Language in Contemporary Japan. Some Sociolinguistic Observations. Washington – Stanford, American Enterprise Institute for Public Policy Research – Hoover Institution on War, Revolution and Peace, 1977.

Pawlea A.K. Kalam Pandanus Language: An Old New Guinea Experiment in Language Engineering // T. Dutton, M. Ross, D. Tryon (eds.). The Language Game: Papers in Memory of Donald C. Laycock. Pacific Linguistics, C-110, 1992. S. 313–334.

Петровский Н.С. Египетский язык. Л., Изд-во ЛГУ, 1958.

Salzmann Z. Jazyk, kultura, společnost. Úvod do linguistické antropologie. Praha. Ústav pro etnografii a folkloristiku AV ČR, 1996.

Tolkien J.R.R. On Fairy-stories // J.R.R. Tolkien: Tree and Leaf. London, John Allen & Unwin 1964. S. 11–70.

Tolkien J.R.R. O pohádkách (česky překlad) // J.R.R. Tolkien: Pohádky. Praha, Winston Smith 1992. S. 113–188.

Watanabe Sh. On the Japanese Language. Japan Echo 1, 1974, N 2. S. 9–20.

Weisgerber L. Die geschichtliche Kraft der deutschen Sprache. Düsseldorf, Pädagogischer Verlag Schwann, 1959.

Whorf B.L. Language, Thought and Reality. Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. by John B.Caroll. New York: Wiley; Cambridge: Technology Press, 1952.

Zrubec L. Jazyk spája i rozdel'uje. Slovenské národné noviny. 2000. Č. 9. S. 3.

Перевод Е. Овчинниковой

inslav

А. Балек[1]

(Чехия)

КАЧЕСТВЕННО НОВАЯ ФАЗА В РАЗВИТИИ ЕВРОПЫ В БЛИЖАЙШИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI в.

(Глобализация)

За последние три десятилетия процесс глобализации не только драматически ускорился, но и вступил в качественно новую фазу. Однако многим до сих пор не вполне ясны ни его суть, ни возможные последствия. Сказанное подтверждает большое количество статей, публикаций, а также выступлений политиков, представляющих собой весьма пестрый набор взглядов.

Для того чтобы уяснить сущность современной глобализации, стоит хотя бы вкратце обратиться к истории с тем, чтобы, насколько это возможно, показать, что нынешняя глобализация качественно отличается от сходных процессов в прошлом.

Примерно до середины двадцатого столетия основным показателем межгосударственных экономических взаимоотношений была внешняя торговля. До тех пор, пока мировая внешняя торговля осуществлялась на межгосударственном уровне, т.е. носила интернациональный характер, можно было говорить о взаимосвязи между относительно закрытыми и самостоятельными экономическими системами.

Изменение собственника обмениваемых товаров (коммодит) происходило лишь на границе между национальными государствами. Их дальнейшее использование (продажа, установление цен) полностью зависело от национальных корпораций государства, приобретавшего эти товары. Корпорации вывозили только те товары, экспорт которых был выгоден с точки зрения внутренних интересов государства, осуществлявшего экспорт.

Институциональная интеграция национальных государств в международные структуры в это время практически не существовала.

---

[1] Автор статьи на протяжении многих лет являлся ведущим научным сотрудником Института экономики ЧСАН, а затем Института экономического прогнозирования. По просьбе редколлегии А. Балек написал для данного труда две статьи: в одной он излагает свое понимание сущности процесса глобализации; во второй – свое видение экономического состояния современной России.

inslav

Международная деятельность корпораций была полностью ориентирована на национальные рынки. Что же касается интеграции в мировую экономику, то она оставалась в рамках партнерства, обусловливающего в той или иной мере степень зависимости или же независимости.

Применяя иную терминологию, мы можем назвать этот период эпохой индустриализации, которая в третьей четверти двадцатого века, в Европе, Северной Америке и Японии, в сущности, уже исчерпала потенциальные возможности своего развития. Несмотря на это, по-прежнему имеются силы, которые хотели бы сохранить отношения, сложившиеся в индустриальную эпоху, и которые поэтому не хотят ликвидировать национальные границы. Так, например, чешская оппозиция истолковывает национальные интересы в контексте отживающей промышленной эпохи, отнюдь не связывая их с задачами, которые диктует будущее. При этом не учитывается, что в ближайшие десятилетия Чешская республика не сможет устоять, оставаясь изолированным небольшим государством. Ее насущные интересы связаны с функционированием Европейского союза как сильного государственного объединения (федерации), предполагающего соблюдение всеми членами этого сообщества основных правил (например, принципа взаимоувязанности[2]).

В XIX веке в Европе после победы индустриализма в сознании людей возобладало представление о будущем, сложившееся именно под впечатлением этой победы: "Индустриальная картина будущего мира имела и важное психологическое воздействие. Разделяемое всеми представление об индустриальном будущем очерчивало контуры возможностей, оно давало индивидууму ощущение не только того, кем он является, но и того, кем он, возможно, мог бы стать. Это повышало ощущение стабильности и самопознания даже в условиях чрезвычайных социальных перемен" [Toffler, Tofflerová 2001: 200].

Вплоть до середины двадцатого столетия мировое развитие, если рассматривать его в ракурсе выбранной нами темы (расширение границ контактов), отличалось прежде всего доминированием национальных корпораций и национальных государств. Межгосударственные границы одновременно служили и границами относительно замкнутых экономических комплексов. Из сказанного логически следует, что для расширения своего экономического пространства необходимо было посредством

[2] Терминологический эквивалент – когезия. (*Прим. переводчика.*)

inslav

различных форм насилия захватить пространство кого-то другого. При мирном решении это сопровождалось лишь минимальным выходом неторговой экономической деятельности за рамки государственных границ на основе двустороннего международного разделения труда.

Оглядываясь на тысячелетнее развитие человечества, нетрудно заметить, как постепенно, хотя и неравномерно, расширяются локальные границы, как коммуникативные взаимосвязи все чаще простираются на все большие и большие расстояния. В какой-то мере, весьма приблизительно, это тоже можно было бы назвать глобализацией. Правда, в этом случае начало глобализации следовало бы отнести к XVII веку или даже еще к более раннему времени[3]. Это, впрочем, вряд ли могло бы объяснить, почему в те или иные исторические периоды происходило столь кардинальное по сравнению с предшествующим этапом качественное изменение данного общества[4].

Переворот в области новой техники и новых технологий и особенно в сфере информатики в корне изменили облик капитала. Это привело к ранее невиданному ускорению в формировании и движении информации. Стало возможным и мгновенное перемещение финансового капитала, облегчившее управление производством, торговлей и транспортом в международных масштабах из единого наднационального центра, находящегося в любом месте мира. Вместе с тем эволюция в сфере новой техники сделала возможным и децентрализованное функционирование капитала. Образовались и продолжают образовываться новые производственные, торговые и финансовые субъекты, которые довольно часто выходят за рамки нынешней классификации предпринимательской деятельности, существенно меняя все отрасли и сферы экономики, равно как и жизни вообще.

Тем самым глобализация прокладывает дорогу для принципиально нового типа технического развития, при котором, в от-

---

[3] Ср., например, янтарный торговый путь, по которому с древнейших времен, вплоть до Римской империи, переправлялись на юг янтарь и другие товары. Этот путь проходил от устья Вислы через Моравские ворота до Каринтии, неподалеку от нынешней Вены. С этим путем смыкались и другие пути, продлевающие его трассу далее на юг.

[4] "В течение нескольких столетий в истории Запада всегда происходят важные трансформации. Всего лишь за несколько десятилетий общество буквально преобразовывает самого себя – меняются его взгляды на жизнь, его система основных ценностей, его политическая структура, его искусство, его ключевые институты. Мы сами живем в период подобной трансформации, когда образуется посткапиталистическое общество" (Drucker 1992).

inslav

личие от эпохи промышленной революции, достигается повышение производительности труда не столько увеличением количества изделий на единицу вложенного труда, сколько прежде всего посредством использования качественных показателей, а именно совершенствованием или же интеллектуализацией изделий и услуг[5]. Это позволяет одновременно повысить продуктивность капитала. Все это вместе взятое ускоряет рост совокупной (тотальной) продуктивности производственных факторов, труда и капитала, что особенно характерно для стран, в которых эти революционные преобразования проходят особенно успешно[6]. Тем самым открываются возможности для нематериального, экологически сберегающего, стабильного развития. В экономическом, экологическом, а, следовательно, и в затратном отношении это более экономный и рачительный тип технического развития (см. табл. 2).

Глобализация принципиально меняет всю структуру экономики и общества. В ходе ее в развитых странах происходит развитие терциарного сектора, т.е. сектора услуг, доля которого в общей занятости превышает 70%. В настоящее время начинается новый этап, когда из сферы обслуживания выделяются интеллектуальные услуги, наука, исследования, образование, здравоохранение и т.д. Если ныне доля этих услуг во внутреннем валовом продукте (включая социальные услуги и трансфер) развитых стран Европейского союза составляет около 30%–40%, то благодаря их дальнейшей экспансии мы оказываемся на пороге эпохи общества знаний, когда доминирующую роль будут играть именно эти отрасли квартерного сектора, т.е. отрасли интеллектуальных услуг.

Все это вместе взятое создало предпосылки для возникновения транснациональных корпораций, для нового укрепления взаимосвязи макрорегионов мира и планеты в целом. Иными слова-

---

[5] Рыночную оценку степени интеллектуализации изделий удачно отражают введенные цены экспорта в пересчете на килограммы. Регрессивный анализ выявил при этом не только высокую степень зависимости уровня производительности труда от показателя интеллектуализации изделий (корреляционный коэффициент достиг величины 0,9), но и резкий подъем этой зависимости (регрессивный коэффициент зависимой переменной достиг 1,5). При повышении показателя интеллектуализации изделия (экспортные цены выражены в килограммах) на один процент достигается повышение продуктивности труда на 1,5 процента (см. табл. 1).

[6] В Ирландии в первой половине 90-х годов ежегодный прирост общей продуктивности составлял 2,3%, в 1995–2001 гг. он повысился до 2,8%, а в Финляндии – с 1,3% до 2,1% [Commission of EU/2003: 77].

inslav

Таблица 1

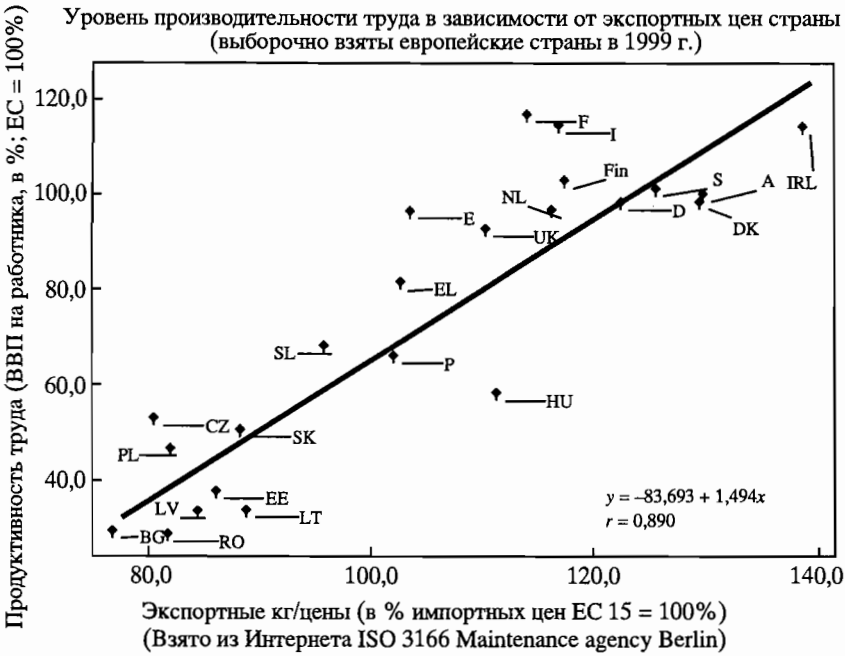


Таблица 2

ми, речь идет прежде всего о качественно новом этапе развития экономически развитых стран.

Изменение условий развития в истории наблюдается довольно часто. Это происходит постепенно, по мере развития производительных сил, технологий, знаний, роста квалификации и т.д. Новое принимается и развивается, как правило, лишь некоторой

inslav

частью людей – им противостоят люди, живущие лишь своим прошлым. Борьба старого и нового носит динамичный характер, она развивается неравномерно, поэтому и ее объективная оценка в те или иные периоды может меняться. Столкновение интересов нового и старого зачастую ведет к тому, что люди теряют ориентиры, у них возникает чувство растерянности. Наглядным историческим примером этого является, в частности развитие конфликта между аграрным пониманием цивилизации и нарастающей (триста лет тому назад) цивилизацией промышленной.

В литературе имеется несколько определений глобализации. Различие между ними обусловливается идеологической позицией того или иного автора, расхождением критериев, используемых при выявлении степени глобализации. Свою роль играет и то, что этот процесс, если подходить к нему с историческими мерками, весьма непродолжителен. Вряд ли можно согласиться с тем, чтобы при определении глобализации брался за основу рост доли внешней торговли к уровню мирового производства. Данный фактор не влияет на качество экономики. Кроме того, если бы мы руководствовались этим критерием, нам пришлось бы отнести начало глобализации к XVII или же XVIII в. А это в свою очередь помешало бы нам понять последствия глобализационных тенденций в начале XXI в.

Дефиниция, предложенная Международным валютным фондом, характеризует глобализацию как возрастающую экономическую взаимозависимость стран в мировом масштабе, обусловленную увеличивающимся объемом и многообразием межгосударственных трансакций товаров и услуг, продвижением международного капитала. Принимается во внимание и более быстрое и более масштабное распространение технологий. Вместе с тем данное определение ничего нам не говорит ни о какой зависимости идет речь, ни даже о том, какие трансакции имеются в виду, неясен и характер функционирования наднационального капитала.

Глобализация[7], как понимаем ее мы, т.е. для периода после 1970 г., представляет собой реакцию на качественное изменение производительных сил[8]. Эти изменения позволяют финансовому

---

[7] Очевидно, более точным был бы термин “транснационализация”, однако менять уже принятое обозначение довольно сложно.

[8] Имеются в виду изменения как технологические (прежде всего на основе компьютерных, информационных и коммуникационных технологий), так и происходящие в сфере образования и квалификации рабочей силы, т.е. людей.

inslav

капиталу[9] стать решающим фактором экономической системы. Это и есть та питательная среда, из которой произрастают наднациональные корпорации (Transnational Corporation – TNC). Наднациональные корпорации начинают играть все большую роль в национальных экономиках, формируя их сообразно своим интересам. Значимость иностранных инвестиций и наднациональной организации производства превосходит значимость торговли. Этот переворот в сфере экономики, как и в случае промышленной революции, затрагивает не только способ производства (организацию производства, услуг и пр.), но соответственно и все сферы жизни (организация общества, культуры, здравоохранения и цивилизации вообще).

В настоящее время решающее влияние на мировое разделение труда оказывают именно ТНК (причем, это касается как входящих в их состав систем, так и взаимоотношений между этими системами). ТНК проникли и продолжают решительно проникать в национальные экономики, что приводит к срастанию систем мировой экономики, пока что еще неравномерному и неполному. Таким образом, в этом случае возникает некое подобие оборота внутри предприятий в широком наднациональном формате.

Начало глобализации относится к тому времени, когда внутренний оборот наднациональных компаний стал составлять значительную долю в мировой внешней торговле. Уже в первой половине 90-х годов мировые годичные продажи иностранных афиляций[10] ТНК составляли более 5 миллиардов американских долларов. Тем самым уже тогда они превзошли годовой объем мирового экспорта (примерно 4,8 млрд долларов США).

Это, конечно, не означает, что глобализация уже не имеет противников – ей противостоят живые силы индустриализации, объективной поддержкой которых является консервативное мышление[11]. Именно поэтому столь трудно вести диалог о феде-

---

[9] На каждый доллар, обмениваемый в сфере реальной экономики, приходится почти 100 долларов в финансовой сфере.

[10] Понятие "афиляции" включает в себя различные торгово-правовые типы фирм: дочерние компании, смежные предприятия, филиалы, репрезентации.

[11] «В настоящее время все страны, достигшие уровня "хайтек" (т.е. страны, обладающие развитыми, самыми совершенными технологиями), ломают себе голову над тем, как избежать столкновения между третьей волной и устаревшими, окостеневшими экономиками и институтами второй волны» [Toffler, Tofflerová 2001: 19].

inslav

рализации Европейского союза. Многие участники этой дискуссии не осознают, что основы нашего будущего закладываются именно сейчас, что факторы, от которых в ближайшие десятилетия будет зависеть уровень развития Европы, формируются в настоящее время, и если они не возникнут, судьба Европы окажется под угрозой.

Успех транснациональных корпораций, навязывающих свою волю всему миру, помимо прочего, заключается в том, что они могут решать дорогостоящие задачи технической революции, открывая свободный доступ финансовому капиталу практически во все уголки мира. Вместе с тем, в этом заключается и одна из причин того, почему новые тенденции развития многими воспринимаются как гибельные. Поводом для подобных суждений является то, что несколько сотен наднациональных корпораций отчасти прямо, отчасти косвенно, через различные формы кооперации, распоряжаются двумя третями мировой внешней торговли, превращая, таким образом, современный рынок в рынок с неравенством цен и неравенством положения отдельных предприятий.

Эта ситуация порождает и неравенство народов. Так, менее развитые страны вынуждены идти на преждевременную либерализацию. Они могут стать конкурентоспособными лишь путем экстремального снижения цен, при невероятно низких заработках и налогах, но прежде всего посредством экстремально низкого курса валюты, позволяющего перекрыть многократный разрыв в отставании производительности труда по отдельным видам продукции (этот путь является более дорогостоящим, чем таможенная и внетаможенная защита). Это приводит, с одной стороны, к гигантскому перераспределению доходов из стран менее развитых в более развитые. С другой стороны, для более развитых стран это оборачивается некоторыми потерями в результате снижения ценовой конкурентоспособности – последнее, впрочем, можно выровнять путем заключения различного рода "соглашений" ("outsourcing"[12]) с профсоюзами (ср., например, ситуацию с немецкими автомобильными заводами).

Так или иначе, осуществляемое наднациональным капиталом объединение ранее самостоятельных национальных экономик

[12] Перенесение производства в страны с более дешевой рабочей силой и более благоприятными условиями для деятельности наднациональных компаний.

inslav

отвечает логике развития производительных сил. При изучении этой проблемы нельзя рассматривать ситуацию в мире как нечто статичное, с учетом ее состояния в 2005 г. Необходимо видеть намечающиеся тенденции развития и задачи, с которыми европейской глобализации придется столкнуться в ближайшие десятилетия.

Надвигающийся период глобализации, как уже говорилось выше, будет характеризоваться прежде всего проникновением капитала в национальные экономики. Структура последних будет все более меняться под влиянием потребностей транснациональных корпораций, значимость которых станет все более возрастать. В этом случае сохранение национальных границ совершенно объективно будет становиться тормозом в развитии производительных сил. Наблюдаемая в настоящее время ликвидация этих границ, хотя и осуществляется в интересах наднациональных корпораций, тем не менее она вполне соответствует логике возрастающих мировых параметров или же структур. Концепция существования самостоятельных, суверенных государств становится все менее и менее реальной.

Бóльшая прозрачность национальных границ устраивает многие государства также потому, что они заинтересованы в притоке иностранных инвестиций (ПИИ – данная аббревиатура, используемая в практике международной статистики, расшифровывается как "прямые иностранные инвестиции". – *прим. переводчика*). Они связывают с ними надежды на повышение уровня жизни, приток современных технологий, увеличение производительности труда. Они полагают, что благодаря этому смогут выйти на новые рынки.

Проводя общий анализ глобализационных процессов, нетрудно прийти к выводу, что создание единого глобального мирового пространства – дело отдаленного будущего. Ближайшие десятилетия пройдут под знаком прежде всего создания крупных комплексов, которые, впрочем, по вполне объективным причинам не смогут выходить за рамки допустимых размеров. Таким образом, Европейский союз[13], если он хочет не только сохраниться, но и развиваться, должен будет поставить во главу интересов свое экономическое и политическое упрочение. Именно под этим углом зрения следует рассматривать вопрос о его последу-

[13] Европейский союз, включающий ныне 25 стран, насчитывает 455 миллионов населения.

inslav

ющем расширении (невзирая на то, что тенденция к расширению весьма популярна среди некоторых политиков). Именно эти две задачи, которые следует решать одновременно, т.е. развитие и расширение, на многие годы поглотят большую часть сил Европейского союза. И тем не менее опасения за будущую судьбу Европы станут стимулировать тенденцию к ее дальнейшему расширению.

Вместе с тем следует отметить, что Европейский союз открывает простор не только для развития тенденций глобализации, но и, судя по всему, для определенного управления ими. Одновременно – и это я привожу в качестве комментария – глобализация является той питательной средой, из которой произрастает сам Европейский союз.

Нынешний период глобализации сопровождается конфликтами и противоречиями, как это обычно и бывало в прошлом при изменении условий развития. Глобализация несет с собой как новые положительные моменты, так и моменты, углубляющие кардинальные экономические и политические проблемы современного мира, обусловленные внутренними проблемами развитого общества, и в том числе, и неравномерным развитием стран и континентов.

Современный этап мирового развития характеризуется усилением ряда негативных явлений, угрожающих существованию жизни на Земном шаре (например, нарушение климатического равновесия земли, вызванное "парниковым" эффектом). Судя по тому, что масштабы глобализации пока еще не соответствуют планетарному характеру этих явлений, можно заключить, что на данном этапе процесс глобализации еще не находится в той стадии развития, когда он мог бы повлиять на решение этих общепланетарных проблем (ср., например, сложную судьбу Киотского протокола). Нельзя все же не отметить некоторые достижения Европейского союза, например, в области экологии. В ближайшие десятилетия, очевидно, будут заключены соглашения на уровне, соответствующем современному состоянию глобализации, допускающем существование нескольких центров глобализации.

Для решения множества экологических, энергетических, общественных, социальных или же демографических проблем в масштабах Земного шара у современного мира сил пока не хватает. Сколь угрожающими бы нам ни казались силы, формирующие новый образ будущего, ясно одно: важнейшие мировые проблемы нельзя решить старыми методами.

inslav

Современные протесты антиглобалистов своей неуклюжестью поразительно напоминают протесты зарождающегося рабочего класса против раннего капитализма. Тем не менее, как и ранее, эти протесты содержат ценную информацию о наличии теневых сторон: сейчас – нынешней глобализации, тогда – промышленной революции. Точно так же, как тогда им не удалось вернуть мир вспять к мануфактуре, так и теперь им не удастся отвратить его от глобализации.

Благодаря экономической заинтересованности транснациональных корпораций и имеющимся у них возможностям привлечь достижения научного прогресса в их материальном воплощении, процесс глобализации будет развиваться дальше, оказывая интенсивное воздействие на широчайший спектр изменений в мире. Было бы ошибокой думать, что этот процесс не затронет, хотя и по-разному, культурно-цивилизационное развитии тех или иных стран или же континентов. Совершенно очевидно, что в этой сфере появятся новые аспекты этого развития и соответственно исчезнут старые.

Для того, чтобы процесс глобализации в той или иной мере достиг своего завершения, понадобятся три или четыре десятилетия и, конечно же, этот процесс не будет протекать равномерно во всем мире.

Говоря о глобализации, следует обратить внимание на то, что она по-разному проявляется в отношении больших и малых стран. При этом, конечно, важную роль играет степень экономического и научно-технического развития. В конце 90-х годов 85% материнских корпораций размещалось в экономически развитых странах и 60% их зарубежных дочерних предприятий находилось в развивающихся странах и странах переходного типа. Из этого следует, что двигателем глобализации являются именно экономически развитые страны.

Экономически развитые страны производят практически четыре пятых мирового ВВП, причем из этого количества около 90% реализуется на их внутреннем рынке. Несомненно, что глобализация затрагивает целостность и идентичность национальной экономики развитых стран иначе, чем стран небольших. Этот процесс развивается и в Европейском союзе 25, т.е. включающем 25 стран-членов. Было бы неверно утверждать, что это делается в ущерб малым странам (достаточно сравнить, например, ситуацию Дании, Финляндии или же Швеции). Что же касается трансформирующихся стран, то здесь следует учитывать, что после 1989 г. они попали в сферу влияния иной рыночной системы.

inslav

Что касается Европейского союза, то вряд ли можно сомневаться в том, что формирование его экономического и политического единства – процесс долговременный. В ходе этого процесса нельзя не учитывать изменения, происходящие в странах, являющихся его членами. Вместе с тем необходимо создавать и что-то новое, чего еще нет в политическом репертуаре Союза. Прежде, чем сформируется внутренне взаимоувязанное экономическое и политическое пространство Союза, ослабление государств, входящих в его состав, логически вполне обосновано. Этот процесс развивается постепенно, его не следует воспринимать негативно, поскольку здесь незаметно рождается новое качество.

Тот, кто любит ездить по наезженной колее вчерашнего дня нашей экономики, пока что еще не задумывается над тем, какие проблемы придется решать Европейскому союз, например, в 2030–2040 годы. При этом уже сейчас совершенно ясно, что Европейский союз, останься он в своем нынешнем качестве, никогда не сможет их решить за оставшиеся 30 лет. Европейский союз в своем окончательном виде должен будет соответствовать тем условиям, которые появятся в результате развития производительных сил и изменений в экономической, политической и социальной структуре будущего мира. Без сильной федерации со всеми сопутствующими этому атрибутами это невозможно осуществить.

Можно думать, что к концу 40-х годов XXI в. в экономическом развитии Европы и мира в целом возникнет мощное переплетение трудно решаемых проблем. К этому периоду постепенно будут иссякать запасы нефти, мир будет биться в клещах энергетических проблем, во многих регионах мира возникнут проблемы с питьевой водой, многие виды сырья станут дефицитными, что сделает необходимым поиск их заменителей. Обострится экологическая угроза. Следствием всего этого может стать борьба за выживание, столкновение одних людей с другими. Все это не может не отразиться на отношениях между экономически развитым миром и развивающимися странами. Чем завершатся эти столкновения цивилизаций, трудно предугадать заранее.

На мировой арене могут появиться и новые игроки, которые к тому времени обретут необходимую силу и мощь. Не лишне подумать и о том, что затяжное экономическое неравенство может стать причиной трудно переносимой социальной напряженности как в мировом масштабе, так и внутри отдельных стран или же их объединений.

inslav

Особой, исторически обусловленной проблемой станут взаимоотношения между США и остальным миром или же Европейским союзом и США. И дело здесь не только в том, что наднациональным корпорациям в США принадлежит 90% всей внешней торговли этой страны. Важнее другое: в США происходит перераспределение ресурсов всего мира.

В настоящее время по производительности труда США превосходят Европейский союз примерно на 10%. Затраты труда на единицу продукции в пересчете на паритет покупательной способности составляют примерно столько же. По предварительным оценкам, уровень цен в 2004 г. (паритет по отношению к курсу валют) в США на одну десятую ниже, чем в Европейском союзе, несмотря на то что, если исходить из уровня производительности труда, можно было бы ожидать скорее обратное соотношение. Таким образом, с учетом всех этих факторов затраты труда в США по сравнению со средним уровнем в Европейском союзе-15 (т.е. когда в него входили 15 стран), примерно на одну пятую ниже. Образующийся в результате этого демпинг США угрожает конкурентной способности Европейского союза. Я уже не говорю о том, что США являются монопольной супердержавой, обладающей самым мощным военным потенциалом, страной, вкладывающей максимальные инвестиции в развитие науки и исследований (в 2003 г. на эти бюджетные статьи США израсходовали 2,8% ВВП, в то время как в ЕС всего лишь 1,9%. Добавим к этому, что в США сосредоточено 40% мирового научного потенциала).

С учетом этих показателей Европейский союз является ныне уязвимым звеном этой цепи, поэтому по объективным причинам он должен стремиться расстаться с этой ролью "младшего брата"[14]. В свою очередь, США будут стремиться укрепить свои позиции в мире, в том числе и по отношению к Европейскому союзу. Последнее, конечно, на определенном этапе не может не вступить в противоречие с некоторыми интересами Европы.

Регулирование деятельности наднациональных корпораций, к чему призывает и ООН, в обозримом будущем пока еще не предвидится. Тем не менее, и на этой ранней стадии глобализации можно отметить некоторые обстоятельства, которые могут объ-

---

[14] Поэтому не случайно в лиссабонской программе 2000 г. ставится задача в течение 10-ти лет догнать США, с тем, чтобы в экономическом отношении ЕС приобрел максимальную конкурентоспособность в мире. Впрочем, особых успехов в выполнении этой программы пока что еще не видно.

inslav

ективно помешать бесконтрольной деятельности[15] этих корпораций. Создаваемые товары и услуги нуждаются в реализации – а это значит, что будут нужны и клиенты, и адекватные условия для их реализации.

Следует также отметить, что региональные интегрированные объединения типа Европейского союза располагают достаточной мощью и размерами для того, чтобы эффективно регулировать на наднациональном уровне деятельность наднациональных рыночных сил и субъектов. То же самое относится и к таким крупным государствам, как Россия, Китай, Индия, которые также обладают всеми необходимыми предпосылками для того, чтобы стать полноценными субъектами регулирования.

Обобщая, можно добавить к сказанному, что так же, как деревьям еще никогда не удавалось дотянуться своими макушками до самого неба, так и теперь найдутся объективные силы, которые не позволят наднациональным корпорациям роковым образом нарушить существующие границы, эти силы смогут заставить уважать интересы народов и простых людей.

Анализируя проблемы, связанные с глобализацией, нельзя обойти вниманием и национальный вопрос. В предшествующую промышленную эпоху он стоял очень остро. В эпоху глобализации данный вопрос по шкале ценностей смещается несколько ниже. Это обусловлено не только тем, что уже нет необходимости препятствовать продвижению капитала. Главное заключается в том, что становится все более очевидным, что без этого невозможно ни развитие производительных сил, ни объединительный процесс, который сейчас развивается в рамках Европейского союза, а завтра – может начаться, например, в России. Из этого следует, что все эти опасения перед утратой государственной целостности, которые нет-нет да и возникают, на самом деле, про-

[15] Заметим, что уже появляются "первые ласточки", свидетельствующие об обратной реакции на нынешний способ глобализации. Так, например, ведущий сотрудник фирмы "Canon", хотя и утверждает категорично, что, если доля заработной платы в цене изделия превышает 5%, он незамедлительно перемещает производство в другой регион, однако в действительности в отличие от предыдущих лет ему приходится семь раз отмерить, прежде чем на это идти. Дело в том, что уже однажды, когда они переместили свое современное техническое оборудование за границу, местные предприниматели не только его освоили и усовершенствовали, но и стали успешно конкурировать с материнским предприятием. По этой причине они теперь многое из своего оборудования уже хранят у себя дома. Мало того, уже начался процесс "in-sourcing", т.е. обратного возвращения ранее перемещенных производств.

inslav

истекают из опыта прошлого, а отнюдь не из новых условий, формирующихся в XXI в.

Несмотря на то что стремление к сохранению разнообразия в области культуры, языков (и связанного с этим мышления), обычаев и т.п. как важной предпосылки инновационного развития будет актуальным и далее, тем не менее совершенно объективно во многих сферах жизни будут давать о себе знать тенденции взаимного сближения. Это исторический процесс, который нельзя повернуть вспять. Наверное, стоило бы еще напомнить о том, что триста лет тому назад, в начале промышленной эпохи многие проявления эпохи аграрной навсегда отошли в прошлое. Не нашлось силы, которая могла бы тогда этому помешать. И тем не менее это не могло воспрепятствовать развитию Европы и всего человечества. Объединительный процесс ныне, как и тогда, будет более продолжительным, чем жизнь одного поколения.

Обобщение

В последнюю четверть двадцатого столетия весь мир или же во всяком случае экономически развитые страны вступили в качественно новую фазу своего развития – глобализацию.

Для периода глобализации особенно характерным является перемещение материальных и нематериальных ценностей за рамки государственных границ, причем все чаще это происходит без изменения форм собственности. Речь идет о внутреннем обороте наднациональных корпораций и о движении капиталов (финансовых и материально реализованных), когда их владельцы – транснациональные корпорации – сами принимают решение о том, как поступать с этими ценностями, а также с получаемыми от них доходами. Так происходит проникновение иностранного капитала в национальные экономики, структура которых видоизменяется под его влиянием и сообразно его интересам. Именно это обстоятельство качественно отличает развитие после 1970 г. от предшествующего периода.

Это стало возможным в результате революционных достижений в области новой техники и новых технологий, причем особенно важную роль в этом играют огромные успехи в области информатики. Сейчас этот процесс находится в фазе своего подъема, в его развитии крайне заинтересованы транснациональные корпорации. Обусловленный этим переворот в области экономики затрагивает не только способ производства (организация

inslav

производства, услуг и т.д.), соответствующим образом он проецируется и на все сферы жизни. Судя по всему, это будет продолжаться в течение нескольких десятилетий.

Данный процесс, разумеется, будет по-разному проявляться в культурно-цивилизационном развитии отдельных стран и континентов. В ходе этого процесса совершенно очевидно будут возникать новые формы развития и отмирать старые. В ближайшие десятилетия этот процесс будет протекать относительно медленно, однако в длительной перспективе здесь произойдут такие изменения нынешней культуры и цивилизации, которые сейчас даже невозможно себе и представить. В том случае, если в Европейском союзе действительно будет соблюдаться принцип взаимоувязанности, эти изменения будут проходить относительно спокойно.

Нельзя отрицать, что глобализация имеет и своих противников, для которых важнее всего то, что наднациональные компании диктуют свои условия всему миру, нарушают национальные границы, угрожают самому существованию самостоятельных и суверенных государств.

Тот факт, что процесс глобализации, с исторической точки зрения, находится в самом начале своего развития, говорит о том, что создание единого, глобального мирового пространства – дело отдаленного будущего. Ближайшие десятилетия будут характеризоваться прежде всего существованием крупных комплексов. Одновременно это обстоятельство в известной степени создает предпосылки для некоторого регулирования деятельности транснациональных корпораций – малые же государства перед ними совершенно беспомощны.

Некоторые мыслители связывают завершение эры глобализации с возникновением посткапиталистического общества.

Множество самых различных организаций, включая и ООН, призывают к тому, чтобы наднациональные компании были включены в демократический процесс в той же мере, в какой в нем участвуют правительства или же региональные органы. Они призывают наднациональные компании к тому, чтобы при принятии тех или иных решений те исходили бы не только из своей собственной экономической мощи. Некоторую надежду на реальность этого в настоящее время вселяет лишь наличие таких больших комплексов как Европейский союз. Однако уже сейчас необходимо готовиться к ответу на вопросы, как справиться с теми огромными трудностями, с которыми придется столкнуться в период около 2030 года.

inslav

ЛИТЕРАТУРА

Bálek A. Problémy sociálněekonomického vývoje České republiky v období 1996–2006 // Studie národohospodářského ústavu Josefa Hlávky v Praze. 1996.

Bálek A. Základní síly, které určují vývoj Evropské unie // Klub 2004, Rakousko.

Bálek A. Europska únia a malé štáty // Slovenské dotyky. 2003. N 12.

Bálek A. Budoucnost Evropy. Zpravodaj klubu ekonomů. 2004. N 5.

Bernášek V. a kol. Globalizační procesy ve světové ekonomice. Nakladatelství Oeconomica. Praha, 2002.

Commission of EU/2003 – Commission of the European Communities // European Competitiveness Report 2003.

Drucker P. Postkapitalistická společnost. Praha. Management Press, 1992.

Holub A. a kol. Česká ekonomika na cestě do Evropské unie. Edition Professional Publishing. Praha, 2003.

Naše globální sousedství. Zpráva komise pro globální řízení. Praha, 1995.

Pick M. Dnešek a zítřek sociálního státu (sociální stát v éře globalizace) // Konference SOK, 29.10.2004.

Pick M., Ungerman J. "Co po Washingtonském konsenzu?" // Ekonom. 2004. N 32.

Reich R.B. Dílo národů, česky // Prostor. Praha, 1995.

Toffler A., Tofflerová H. Nová civilizace, Třetí vlna a její důsledky. Nakladatelství "Dokořán". Praha, 2001.

Vintrová R. a kol. Sociální a ekonomické dopady integrace České republiky do Evropské unie. Vysoká škola ekonomická. Praha, 1991.

Перевод Г. Нещименко

А. Балек

(Чехия)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

На долгосрочное развитие как самой России, так и ее экономики будут оказывать влияние не только стремительно меняющиеся внешние обстоятельства, но и внутренние факторы. Несмотря на первостепенную значимость именно внешних обстоятельств, т.е. событий окружающего мира, мы хотели бы все же начать с анализа внутренних особенностей развития России в предстоящие десятилетия. Хотя речь пойдет в основном о фактах более или менее известных, мы все же остановимся на наиболее существенных отрицательных и положительных моментах. Некоторые из них были унаследованы Россией от прошлого, однако они продолжают оказывать влияние на ее современное положение.

inslav

В советский период, помимо всего прочего, удалось существенно повысить уровень образования и квалификации людей, создать промышленность, особенно космическую, добиться грандиозных успехов в жилищном строительстве. Холодная война, а также системные сбои, суть которых заключалась в преимущественной ориентации на рост количественных показателей, привели к тому, что качественное **развитие науки и техники**, равно как и практическое внедрение их достижений, на Западе проходили быстрее и с большей результативностью, чем в СССР (за исключением, пожалуй, военной промышленности и космических исследований). Все это, конечно, не могло не сказаться на жизненном уровне. В силу названных причин не удалось обеспечить переход от промышленной цивилизации к цивилизации нового типа[1].

Распад Советского Союза сопровождался глубоким кризисом. По сравнению с 1989 г. уровень внутреннего валового продукта в экономике России снизился наполовину, на Украине – на 60%, в Азербайджане – он доходил до 30% и т.д. Тяжелее всего распад СССР затронул небольшие республики. Трансформация в капитализм нанесла промышленности России больший ущерб, чем вторая мировая война. Так, в годы второй мировой войны промышленное производство России снизилось на 40%, за период 1990–1999 гг. – практически на 60%. В подобном развитии российской экономики в период Ельцина в значительной степени повинны так называемые “гарвардские мальчики”.

За годы трансформации в капитализм в России значительно снизилась рождаемость (в 1989 г. она составляла 14,6 промиле, в 1993 году опустилась до 9,4, в 1999 г. – до 8,3 промиле, т.е. практически это была самая низкая рождаемость в Европе). Ныне рождаемость держится на уровне 9,3 промиле. Все это не могло не повлечь за собой значительное изменение возрастной структуры населения страны.

По величине ВВП, созданного в 2003 г., Россия достигла уровня 77% по сравнению с 1989 г. (при различной структуре созданного ВВП). За последние годы темп роста ВВП в России является одним из наиболее высоких в Европе: он составляет примерно 7% за год[2].

---

[1] При социализме Советскому Союзу не удалось добиться ни переворота в техническом и социальном обеспечении трудового процесса, ни обогнать капитализм по продуктивности труда.

[2] Темп роста ВВП в Чешской Республике в последние годы составляет примерно 3, 5%.

inslav

Ныне российская экономика вступает в фазу стабилизации. Внешняя задолженность России сейчас ниже, чем ее валютные резервы. Как уже отмечалось, она имеет высокий темп прироста ВВП; усиливается, по крайней мере, судя по программным заявлениям, ориентация на превращение России в технологическую державу. Некоторые, возможно, упрекнут меня в чрезмерном оптимизме, однако, как я полагаю, со временем будет возрастать и отдача от российского экспорта капитала.

Несмотря на то, что уровень инфляции все еще продолжает оставаться довольно высоким, России удалось выбраться из инфляционной воронки – при правильной экономической политике она сумеет довольно быстро преодолеть трудности и решить свои экономические проблемы. Современное состояние государственного бюджета, внешней торговли, внешней задолженности и заграничных активов, некоторые, хотя и непопулярные, меры в сфере социальной, пенсионной политики, в здравоохранении и пр. – все это приближает желанный момент. Основной путь достижения экономического равновесия – это ускоренный рост предложения. Меры, направленные на ограничение спроса, в условиях относительно высокого уровня бедности могут оказаться слишком рискованными, к ним можно прибегать лишь в исключительных случаях. *Судя по данным, приводимым министерством труда России, ныне в нищете живет 27,8 млн человек. Эти показатели, хотя и на 30% ниже, чем в 1999 г., тем не менее все еще продолжают оставаться довольно высокими*[3].

Нельзя не отметить, что за последние 15 лет появился целый ряд факторов риска, которые могут негативно повлиять на будущее развитие страны. В их числе следует назвать депрессивное состояние населения, вызванное распадом Российской империи, обнищание широких слоев населения, все еще высокий уровень бедности, негативная демографическая ситуация как следствие низкой рождаемости, старение населения, алкоголизм и пр. Все это может повлечь за собой в будущем значительное снижение численности населения России. Катастрофическое впечатление производят данные о средней продолжительности жизни мужчин. В 1994 г. она составляла 57,6 лет[4], в 2001 г. – 59,0 лет. Совер-

[3] В 2002 г. этот показатель снизился до 20%. Следует, однако, учитывать, что есть и такие люди, достаток которых лишь незначительно превышает порог бедности.

[4] По данным на этот год продолжительность жизни мужчин в Чешской республике в среднем составляла 69,5 лет (данные этого года), т.е. почти на 12 лет больше, чем в России.

inslav

шенно очевидно, что необходимо принимать системные меры по изменению негативных сторон образа жизни в России. У многих людей возникает ощущение обреченности, утрачивается вера в возможность изменения положения в стране к лучшему.

В этой связи следует подчеркнуть, что православная церковь в настоящее время способствует стабилизации положения в России, т.е. есть основания говорить о том, что она играет позитивную роль. К сожалению, однако, ныне монопольное положение православной церкви в России продолжает все более укрепляться. Подобная ситуация создает почву для усиления ее догматизма, что в свою очередь может стать сдерживающим фактором на пути творческого мышления. В отличие от церкви католической (Гус, Лютер, Кальвин, протестанты) православная церковь никогда не утрачивала своего монопольного положения. Советская власть выступала против религии, не способствовала она и созданию новой церкви. В современной России деятельность православной церкви становится особенно интенсивной. Это проявляется не только в чрезмерном внимании к обрядам, религиозным праздникам и т.п., но и отражается на политической, а также благотворительной деятельности. В подобной ситуации православная церковь может начать оказывать негативное влияние на развитие творческого мышления.

Нельзя, однако, не учитывать, что Россия обладает большим потенциалом развития. Это обусловлено как высоким уровнем образованности населения, включая наличие научных кадров, квалифицированной рабочей силы с большими инновационными возможностями, так и природными ресурсами, огромной территорией. Экономика России вступила в стадию своего развития, можно надеяться на то, что ей удастся сохранить взятый темп. Это потребует, однако, преимущественной ориентации на качественные показатели, передовые технологии, на опережающее развитие **несырьевых** отраслей, сферы обслуживания, инфраструктуры.

Для того, чтобы подобная направленность развития стала действительно реальной, необходимы огромное инвестиционное строительство, дальнейшее повышение образованности людей, рост жизненного уровня. Последний прямо и косвенно связан с ростом образования и квалификации. Повышение уровня потребления сопряжено с увеличением рынка сбыта для все более возрастающего количества товаров и услуг. Все это вместе взятое будет способствовать увеличению темпов роста. Разумеется, при этом речь не идет о создании благоприятных условий лишь для каких-то определенных звеньев экономики.

inslav

Принципиально важно, чтобы данная система стимулировала укрепление ориентации на инновации, качество, эффективность, продуктивность труда, причем как в сфере предпринимательства, так и в сфере создания соответствующих институций. Обе эти сферы, вне всякого сомнения, имеют резервы как для дальнейшего совершенствования, так и для сбережения временных ресурсов.

В этой связи следует особо остановиться на вопросе о значимости науки и исследовательской деятельности. Если Россия намерена укрепить свои позиции в будущем мире, она должна всерьез заняться вопросами интенсивного стимулирования развития науки как фундаментальной, так и прикладной, а также укреплением их взаимосвязи со всеми имеющимися в стране отраслями. Именно в этой сфере будет решаться вопрос, сумеет ли Россия создать предпосылки для своего дальнейшего подъема или же, напротив, откатится назад. Достаточно сказать, что Соединенные штаты Америки выделяют на эти цели 2,8% своего ВВП, т.е. примерно 260 млрд долларов. Несмотря на наличие у России иных по сравнению с США ценовых, тарифных, стоимостных показателей, она не только может, но и просто обязана решить данные научные задачи посредством имеющегося у нее потенциала.

Что же касается будущего развития России, то, очевидно, попрежнему самым больным местом будет оставаться отсутствие ясности в понимании долговременных целей и путей (стратегии) их достижения. Как мне представляется, причина этого заключается в сохранении приверженности догмам уходящей промышленной эпохи, основу которой составляло крупное машинное производство. Возможно, именно поэтому в России до сих пор все еще недостаточно активно проявляются глобализационные процессы. Суть последних заключается в том, что стремительно развивающиеся производительные силы (технологии, знания) начинают все меньше нуждаться в сохранении национальных и государственных границ. Это означает, что общество должно начать функционировать иначе, чем это было раньше.

Объективная ситуация эволюции развитого мира, впрочем, такова, что, если Россия вовремя этого не осознает, она вместе со своим окружением будет все более и более отставать. Упустив свое время, она уже не сможет вернуться на орбиту своего развития. Положение России еще более усугубляется тем, что ее производительные силы, являясь решающими рычагами глобализации, отнюдь не так развиты, как, например, в Европейском союзе.

inslav

Совершенно очевидно, что, помимо всего спектра внутренних ресурсов развития, можно и нужно привлекать свободный мировой капитал. Вполне естественно, что это сопряжено со значительными затратами, однако без них трудно получить новое техническое оснащение, новые технологии, новые экспортные возможности. Даже в таких высокоразвитых странах как США внешняя торговля составляет важную часть экономики. В 2001 г. подушевой экспорт в США составлял 2566 долларов, в России – 692 доллара, причем большая доля его приходилась на вывоз сырья, прежде всего энергетического.

Степень включенности в мировую экономику, разумеется, зависит не только от одного лишь желания или же от эффективности или же характера торговых взаимосвязей. Не менее важно и то, чтобы мир или же Европейский союз действительно хотели принять в свой состав Россию. Из этого следует, что Россия с помощью средств информации должна сделать все возможное для того, чтобы на нее не смотрели через призму прошлого.

Между тем постоянно, причем на разных уровнях, приходится слышать о русской угрозе, об имперских амбициях России, о ее непрозрачности и непонятности. Объектом критических оценок становится система управления страной. Нередко раздаются голоса, что Россия официальным путем или же под нажимом передаст оружие Северной Корее, другим подобным государствам или же, наконец, террористам. Можно слышать и утверждения о том, что Россия все более теряет свой престиж.

В этой связи я бы хотел обратить внимание на то, что некоторые круги в постсоциалистических и постсоветских государствах переносят свою неприязнь к прошлому и на русский язык. Подобное заблуждение, когда невиновный считается виновным, сохраняется, нанося ущерб как самим русским, так и тем, кто это делает. После Второй мировой войны то же самое проявлялось в отношении немецкого языка, который ассоциировался с фашизмом. В настоящее время мы более или менее избавились от этого заблуждения. Язык Гёте, так же, как и язык Пушкина или же Толстого, являясь коммуникативным средством, не может нести ответственность за те или другие грехи прошлого[5]. Поскольку подобное деформированное представление продолжает сохраняться, с ним необходимо бороться. Вполне естественно, что это будет проходить по-разному внутри России или в странах, выде-

[5] В той же степени английский язык абсурдно винить в уничтожении индейцев, а турецкий – в геноциде армян и т.п.

inslav

лившихся из Советского Союза или же освободившихся от его влияния.

Этот, далеко не полный, перечень говорит о том, что оценка России не является столь же объективной, сколько оценка других крупных стран. Если проводить действительно детальный анализ, то не трудно прийти к выводу о том, что интересам России объективно должна соответствовать не имперская ориентация, а включенность в мировой глобализационный процесс. Подобная установка, несомненно, принесла бы России, да и не только ей одной, гораздо больше пользы, чем сохранение верности традициям уходящей промышленной эпохи.

В свете сказанного выше репутацию России в мире трудно признать хорошей. Для того, чтобы исправить это впечатление, необходимо, с одной стороны, форсировать рост российской экономики, экспорт товаров и услуг, создать надежно функционирующее общество; с другой – нацелить усилия информационных средств и дипломатических органов на то, чтобы Россия, наконец, смогла занять в рейтинговой шкале ведущее место.

Анализируя тенденции развития современного мира, нетрудно не заметить, что в нем формируется, образно говоря, клуб "больших игроков", достаточно могущественных для того, чтобы навязать свою волю более малым и слабым странам. Будущее развитие мира и прежде всего Европы (конечно, включая Россию), несомненно, повлечет за собой серьезные изменения в Азии (за которой, возможно, последуют и изменения в Южной Америке, например, в Бразилии). Мы имеем ввиду то, что в Китае, Индии, а также других странах Азии концентрируется (с учетом, разумеется, перспективы грядущих десятилетий) экономическая и связанная с нею политическая мощь, которая рано или поздно сможет превзойти мощь Европейского союза и России.

В связи с этим необходимо уже сейчас задуматься над тем, что произойдет, когда эти страны освоят капиталистические принципы, причем это будут принципы, которые к тому же сформируются на иной системе ценностей и в иных условиях, чем это было в Европе.

Обретя свою мощь, эти страны могут повести себя совсем иначе, чем нам думается. Это тем более вероятно, что в конце сороковых годов XXI в., судя по всему, обострятся проблемы экономического и экологического развития Европы и мира в целом, будут истощены запасы нефти. Мир может оказаться в тисках энергетического кризиса. Мало того, в целом ряде регионов ми-

inslav

ра возникнут проблемы с питьевой водой. Многие виды сырья станут дефицитными, а это значит, что возникнет необходимость поиска их заменителей, которые окажутся более дорогими, чем нынешние природные ресурсы. Все это, взятое вместе, может спровоцировать возникновение опасных конфликтов, которые, в свою очередь, повлекут за собой борьбу за выживание одних стран за счет других.

Вряд ли можно полностью исключить и то, что в регионе между Европейским союзом и Восточной Азией не возникнет ситуация, когда развитие производительных сил, качественные изменения в области техники и технологий, вкупе с возрастающей значимостью человеческого фактора, не повлекут за собой возникновение сходных глобализационных тенденций, как это сейчас наблюдается в странах Европейского союза. В этом случае границы, образовавшиеся после распада СССР, могут стать тормозом для дальнейшего развития. Таким образом, дело лишь в определенной отсрочке во времени.

В интересах России, а также стран, исторически находившихся с ней в союзе, важно уже сейчас трезво, отбросив старые стереотипы, задуматься над путями своего развития. Мало того, им следовало бы учитывать, что если они, объединившись, не создадут на основе новых принципов, принципов XXI столетия, сильный экономический и политический союз, грядущий мир может оказаться для них весьма опасным. Впрочем, для этого нужно, чтобы этот союз был для них выгоден, причем как для больших, так и для малых государств. Как показывает опыт прошлого, это, конечно, грандиозная задача.

В этой связи нельзя не упомянуть о национальном вопросе. Краткий исторический экскурс убеждает нас в том, что значимость этой проблемы в системе ценностей меняется. Так, в средневековье этот вопрос был гораздо менее значимым, чем в период XIX и XX вв., т.е. в промышленную эру. В эпоху глобализации – по объективным причинам – национальный вопрос вновь опускается на нижние позиции в шкале ценностей. Положение не меняет тот факт, что многие пока что еще в полной мере не осознают вновь возникшие обстоятельства. Неслучайно поэтому такие термины как *интегрированность, национальная самостоятельность* и тому подобное все еще “украшают” лексикон ряда политиков. “Бывшие советские республики вроде Эстонии, Украины или же Грузии упорно настаивают на самоопределении, добиваясь возврата уже отошедших в прошлое символов государственности, таких, как, например, собственные флаги, армии и

inslav

валюты, т.е. всего того, что характерно для национальных государств периода второй волны, т.е. эпохи промышленной эры" [Toffler, Tofflerová 2001:29].

В будущем, это может стать, однако, лишь бременем, которое осложнит решение возникающих проблем.

Совершенно очевидно, что для того, чтобы Россия стала организующей основой будущего союза государств, она сама должна измениться. Россия не сможет выполнить эту функцию, оставаясь классическим государством промышленной эпохи. Это значит, что она должна думать и действовать в интересах этого сообщества. Для этого потребуется, помимо всего прочего, чтобы она нашла в себе силы для принятия компромиссного, мультилатерального подхода.

Подобная ориентированность на интеграцию пространства, расположенного на восток от Европейского союза, полностью отвечает интересам не только России и соседних с ней государств, но и интересам Европейского союза. Если же исходить из того, что в течение нескольких ближайших десятилетий в мире, судя по всему, произойдут важные изменения в распределении экономических, политических и культурных сил, то дальнейшая позиция России и Европейского союза в этом мире будет зависеть от того, насколько они сумеют стать такими союзниками, какими они должны быть в XXI в. Вполне естественно, что дело не ограничивается лишь существующими ныне торговыми взаимоотношениями.

Продолжая логическую нить рассуждений, можно заключить, что дальнейшее распространение на восток (как об этом бы ни мечтали некоторые политики) не отвечает интересам Европейского союза. Это могло бы лишь помешать его укреплению, являющемуся самой главной, жизненно важной задачей будущих десятилетий. Из сказанного также вытекает, что долговременным интересам Европейского союза отвечает создание надежно функционирующего союза с Россией[6] и с ее пока что еще потенциальными союзниками. Именно поэтому было бы большой ошибкой, если бы ЕС – во имя тех или других преходящих интересов – не поддерживал бы экономическое и политическое укрепление пространства, находящегося на восток от него.

---

[6] Ср. такие документы, как "Договор о партнерстве и взаимодействии" от 1994 г. (его действие распространялось и на новых членов ЕС, вступивших в него в 2004 г.), "Общая стратегия ЕС в отношении России" от 1999 г., "Среднесрочная стратегия развития взаимоотношений между ЕС и РФ в 2000–2010 гг." (документ РФ от 1999 г.).

inslav

Чрезвычайно важно, чтобы Европейский союз и "Российский союз" (к последнему термину я прибегаю исключительно из экономии места) заблаговременно осознали значимость этого императива будущего.

При рассмотрении данных проблем необходимо встать выше кратковременных предпочтений, к чему политики так привыкли. Вместе с тем необходимо учесть, что для устранения спорных, еще не назревших или же пока что еще не поддающихся решению вопросов, понадобится время. В этом случае поспешность не всегда оказывается полезной. Впрочем, и затягивание времени может оказаться делом слишком дорогостоящим.

Некоторые, возможно, скажут, что выстраивание прогнозов на столь длительное время, выходящее за рамки двадцати или же тридцати лет, может оказаться слишком смелым или же не реалистичным. Следует, однако, учитывать, что развитие производительных сил вступило ныне в такую фазу, когда их динамика еще более ускоряется. Сейчас не является проблемой что-либо создать. Научные результаты и их материализация осуществляются в реальном времени. Для этого достаточно сопоставить изменения в сфере технических достижений, организации производственного процесса, а также изменения, произошедшие в сообществе экономически развитых стран в период между 1970–2005 годами.

ЛИТЕРАТУРА

Toffler A., Tofflerová H. Nová civilizace, Třetí vlna a její důsledky. Praha, 2001.

Перевод Г. Нещименко

inslav

II. ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ЭТНОС В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В. Крупа
(Словакия)

ИДЕАЛЬНЫЙ ВСЕМИРНЫЙ ЯЗЫК?

Как показывает исторический опыт, решающую роль в судьбе языков, в их экспансии или вымирании, играют не их чисто структурные преимущества или недостатки, не богатство или скудость культуры, с которой они связаны. Судьбы языков решает по большей части практика и требования, диктуемые экономическими и политическими обстоятельствами; определенную роль играет также репрезентативная функция языка, неотделимая от национального самосознания. Так, шумерский язык, который был когда-то языком самой высокоразвитой этнической группы на юге Месопотамии, уступил место аккадскому – языку кочевых восточно-семитских племен; в Задней Индии подобная судьба постигла и язык монов, сохранившийся лишь в редких анклавах; греческий язык в тюркизованной Малой Азии перестал существовать уже с двадцатых годов XX века. В древности такой же была судьба этрусского языка – языка этнической группы, оказавшей большой влияние на латинян, основателей Римской империи, а в средние века, начиная с VII в., и египетский язык стал терять под ногами почву в соперничестве с арабским – языком народа, ранее кочевавшего по территории Аравийского полуострова. Языки наднациональной или международной коммуникации возникали преимущественно как языки подвижных, удачливых в военном, экономическом и организационном смысле этнических групп, которые, однако, не замыкались от культурных влияний соседей, даже несмотря на комплекс собственного превосходства.

Исчезновение латыни из средневековой Европы не было результатом борьбы: после распада Римской империи она утрачивала опору постепенно, и в своей классической форме осталась достоянием образованных людей, в то время как так наз. вульгарная латынь распалась на дочерние романские языки. Классическая латынь в наднациональной функции дольше всего сохра-

inslav

нилась в научном и церковном употреблении. Светские функции она, по всей видимости, дольше всего выполняла в Австро-Венгрии, где еще в первой половине XIX в. входила в обиход образованных словаков, о чем нам известно, например, из словацкой литературы того времени.

Эпоха Возрождения в Европе означала прежде всего возрождение античной культуры, но не латыни; таким образом, латынь, которая на протяжении многих веков была самым главным языком Средиземноморья и позднее средневековой Европы, постепенно утратила значение международного языка.

Вероятно, последнюю серьезную попытку оживления латыни предпринял в конце XX в. итальянский математик Джузеппе Пеано – создатель международного языка (интерлингвы), известного также под названием latino sine flexione и содержащего наряду с латинскими элементами много элементов из современных романских языков; в конце 40-х – начале 50-х гг. Александр Гоуд придал ему форму языка международного научного сообщества. Кстати, пособие по интерлингве вышло также на словацком языке (Tomin 1994). И хотя нам представляется, что она могла бы стать в Европе более подходящим вспомогательным языком, чем эсперанто Людвика Заменгофа, но и она не прижилась, хотя в некоторых научных журналах используется как язык резюме и рефератов. Европейская традиция говорит в пользу интерлингвы, но при выборе кандидата на роль самого значительного международного языка решающими были иные обстоятельства – обстоятельства, не игравшие с чисто языковой точки зрения никакой роли, да и в культурном или научном аспекте они приобрели значение уже позднее. Таким языком стал английский. Все прежние международные языки носили скорее региональный характер: аккадский на древнем Ближнем Востоке, греческий в восточном Средиземноморье, латынь в западном Средиземноморье и в Европе, арабский в исламском мире, санскрит и позднее пали в Индии и Юго-Восточной Азии, малайский в островном мире между азиатским континентом и Австралией, в Южной Америке в области Анд перед приходом испанцев распространился язык инков кечуа и т.д. Все это были языки сравнительно крупных регионов. Наряду с ними мы без труда могли бы насчитать десятки языков, по сей день успешно функционирующих в рамках более или менее обширных регионов. Важнейший из них – это, бесспорно, испанский. Сейчас он является родным уже для большего числа людей, чем английский (предположительно более, чем для 400 миллионов), при этом число людей, для которых англий-

inslav

ский язык – родной, убывает. Однако для языка, претендующего на роль всемирного, куда важнее, сколько людей владеет им в качестве второго языка и насколько равномерно он распространен в мире; и в этом отношении английскому языку нет равных.

Английский является первым языком в мировой истории, который стал называться всемирным, хотя в качестве явления нового времени и инструмента распространения так называемой западной культуры он скорее заслуживает названия глобального или глобализационного языка. Первоначально причины распространения английского языка носили великодержавный характер, но постепенно к ним прибавлялись факторы, связанные с образованием, наукой, техникой и образом жизни. Однако всемирный язык должен был бы отвечать также определенным требования лингвистического характера, к которым мы еще вернемся.

Достаточно сложно найти язык, который связан со значительным числом носителей, мощной культурой и сильным государством, но при этом, как ни удивительно, не приобрел широкомасштабного наднационального значения. Наиболее удачным примером нам представляется китайский язык – один из тех редких языков, которые характеризуются непрерывной, в том числе письменной, традицией, начиная со второго тысячелетия до нашей эры (в этом аспекте с ним можно сравнить греческий). И как раз на примере китайского языка можно проиллюстрировать некоторые лингвистические характеристики, нежелательные или несовместимые с ролью всемирного или международного языка: китайский – это язык сложной высокоразвитой культуры, язык с поразительной исторической преемственностью, язык самого крупного этноса мира – этноса, наложившего свою печать на всю Восточную Азию. Китайские меньшинства в Юго-Восточной Азии отличаются не только количественно (в Малайзии они составляют 32% населения, в Таиланде – 14%, в Бирме – 3%, в Индонезии – 4%, во Вьетнаме и Камбодже – около 2%, а на Филиппинах менее 2%; китайские меньшинства распространены также в Океании), но и экономической эффективностью. Тем не менее всемирным языком китайский не стал. И за пределами Китая он остался языком китайцев. Возможно, наднациональный язык должен отвечать также каким-то другим критериям? Не стоит ли на пути китайского языка к роли мирового какое-либо серьезное препятствие также на лингвистическом уровне?

Язык мировой коммуникации должен иметь письменность безусловно простую и наднациональную – такую, как латиница. Китайский же язык связан с так называемым моноэтническим

inslav

письмом (в настоящее время, кроме Китая, оно используется только в Японии), которое постепенно развилось из слов-знаков до своей сегодняшней формы – идеографически-фонетического письма, причем каждый из нескольких тысяч знаков современного китайского языка можно охарактеризовать не только как знак, означающий слово, но и как знак-морфему (конечно, существуют и одноморфемные слова). Овладение тысячами иероглифов – это задача на долгие годы учебы, и мало у кого достанет сил и упорства, чтобы овладеть многотысячным инвентарем знаков, в большинстве своем совершенно неиконических, если только не начать учить их с самого детства. Поэтому не удивительно, что многие народы, на заре своей истории заимствовавшие письменность у китайцев, постепенно от нее отказались, как, например, вьетнамцы или корейцы; японцы существенно уменьшили число иероглифов, используемых в повседневной практике, и дополнили фоноидеограммы китайского происхождения двумя слоговыми алфавитами (используемыми в основном для записи грамматических морфем и для записи заимствований, главным образом из европейских языков). Таким образом, всемирный язык, если им будут пользоваться также те, для кого он не является родным, должен иметь максимально простое и логичное письмо, такое, например, которое приближалось бы к фонологическому идеалу. Естественно, китайские иероглифы не отвечают этим требованиям. Сразу добавим, что стопроцентно им не отвечает и английский, где количество письменных знаков значительно меньше, чем количество фонем, а орфография достаточно архаична.

Другой особенностью китайского, не соответствующей критериям всемирного языка, является специфика его фонетики и фонотактики. Набор различных слогов в китайском языке достаточно скромен и легко поддается подсчету, причем он в то же время является и набором всех возможных морфем. Строгие фонотактические ограничения характерны для многих языков. Китайский язык оперирует в общей сложности 1324 слогами-морфемами, и если не принимать во внимание различия в тоне (их четыре), то их количество уменьшилось бы до 414! В данном случае фонотактика безусловно препятствует заимствованию слов из других языков, а также удовлетворительному и более или менее точному заимствованию имен собственных (имен, топонимов и т.д.) из языков, где часто встречаются двусложные и многосложные слова. Это делает китайский замкнутым в себе самом языком, и хотя большая часть других языков без особых сложно-

inslav

стей заимствует китайские слова, сам китайский в плане заимствований вынужден ограничиваться калькированием.

Своеобразная, четко организованная фонотактика – не лучшая основа для межэтнической коммуникации. Что касается набора фонем, оптимальное количество находится посередине между малым количеством звуков, с одной стороны, и их избытком – с другой. Если в языке мало фонем (от десяти до двадцати) и строгие фонотактические правила (слоги типа согл.-гласн./гласн./ и гласн./гласн./) – как в полинезийских языках или в японском – то это неизбежно ведет к большему количеству долгих морфем по сравнению с другими языками, что с точки зрения языковой экономии не является идеальным решением. И наоборот – когда число звуков экстремально велико и приближается к ста (например, в некоторых кавказских языках и т.д.), тогда у людей, которые овладевают этим языком в качестве второго, при распознавании и произнесении этих звуков и особенно групп согласных могут возникнуть проблемы, ведущие в конечном итоге к элиминации и редукции (с различными результатами – в зависимости от типа их родного языка). Набор звуков, находящийся в промежутке между двумя этими крайностями, указывает на равновесие между экономией и понятностью (распознаваемостью).

В случае английского языка самая важная проблема на фонетическом уровне возникает из-за большой вариативности согласных по линии диахронии и синхронии, на которую косвенно указывает и психолингвист И. Тэйлор. Он полагает, согласно общепринятой точке зрения, что для языка идеально чередование согласных и гласных. Однако его замечание о том, что произносить гласные легче, чем согласные, но различать их труднее, справедливо, как нам представляется, только для конкретной ситуации в английском языке, где для согласных характерна значительная артикуляционно-фонетическая нестабильность. (Taylor 1976: 154). Об этой проблеме Тейлор размышляет и тогда, когда констатирует, что пять японских гласных стабильнее, чем английские гласные (Taylor 1976: 39).

Точно определенное количество слогов и морфем является также причиной чрезмерно высокой омонимии, которая может серьезно ограничить избыточность разговорной речи и затруднить понимание. Хрестоматийным, даже экстремальным примером такого ограничения является японский язык, который в массовом порядке заимствовал китайские слова (или же морфемы), но без их тоновых характеристик. Это означает четырехкратное

inslav

возрастание омонимии по сравнению с первоначальным положением в китайском языке. Сюда следует добавить также недостаточную избыточность, обусловленную более скромным набором звуков в японском языке по сравнению с китайским. Эта ограниченная фонетическая избыточность является для японского языка настолько серьезной проблемой, что неизбежным является употребление вспомогательных знаков – например, на лекциях, на телевидении; будущее развитие разговорного японского языка немыслимо без целенаправленного устранения излишних омонимов, которые можно было бы заменить неомоничными словами. Так что японский никак не подходит на роль наднационального языка с широким спектром функций. По стечению обстоятельств он отличается еще одним качеством, которое, на наш взгляд, излишне усложняет понятность языка. Мы имеем в виду выражение более сложных смысловых связей в конструкциях, которым в словацком и других европейских (а также неевропейских) языках соответствует сложное предложение, в особенности сложноподчиненное. Для агглютинативных языков (к которым относится и японский) характерна скудость союзов, которая компенсируется на уровне строения предложения – в том числе такого, которому у нас соответствует сложноподчиненное предложение – железным принципом: грамматически зависимая часть конструкции (детерминант) стоит перед грамматически определяющей ее частью (determiné). Образно говоря, сложное предложение в японском языке развивается справа налево, в то время как в словацком (английском, французском и т.д.) – слева направо (Yngve 1960). Недостатком развития предложения справа налево является то, что оно предъявляет повышенные требования к краткосрочной памяти, так называемой глубине структуры предложения (Yngve 1960, 450). Как утверждает японист Р.А. Миллер, более сложные синтаксические конструкции этого типа представляют трудность в понимании и для самих японцев. Это косвенно доказывают типологические изменения в агглютинативных языках, позднее развивавшихся в окружении типологически отличных языков. Так, турецкий заимствовал сочинительный союз *ve* “и” из арабского *wa* “и” (в агглютинативных языках в значении этого союза употребляется, в сущности, частица со значением “с, со”). А в венгерском исчезли типичные левосторонние синтаксические конструкции, которые заменило развитие предложения справа налево (устная информация Л. Дроздика). Венгерские ученые объясняли это влиянием латинского синтаксиса, хотя на самом деле речь идет о наследии более ранней

inslav

фазы развития венгерского языка, уже, впрочем, отошедшем в прошлое. И если преобладание в языке развития конструкций слева направо представляет собой меньшую нагрузку на кратко-срочную память, тогда с точки зрения удобства речевой коммуникации язык такого типа будет куда уместнее в роли наднационального средства взаимопонимания, чем язык, в котором последовательно применяется развитие синтаксических конструкций справа налево. К тому же в языках, где предложение развивается слева направо, как правило, значительно лучше развита система союзов, что позволяет говорящим более адекватно выражать различные связи между отдельными частями сложного предложения.

С точки зрения удобства и точности коммуникации можно рассматривать также словообразование. Лексика наиболее оперативно отражает изменения среды и их динамику, реагируя на эти процессы расширением словарного запаса. Естественно было бы полагать, что язык, обладающий гибкой системой словообразовательных средств (как, например, испанский, немецкий, славянские языки, индонезийский), лучше отвечает динамическим потребностям современного общества, чем язык, зависящий от словообразования, так сказать, ad hoc, от случая к случаю (сюда, например, относится английский язык). В языках с более ограниченным набором словообразовательных средств их недостаток компенсируется заимствованием из других языков.

В эпоху интенсификации контактов между различными этническими группами и нациями потребность в языке наднациональной коммуникации становится просто неизбежной. Создание искусственных международных языков – не выход из положения, о чем свидетельствует большое количество подобных языков и их весьма скромные успехи; это относится и к эсперанто, наиболее удачному из них.

В настоящее время наднациональным языком, не имеющим сколько-либо серьезной конкуренции, является английский. В пользу этого говорит важная роль, которую он играет в мировом масштабе и которую определяют факты истории англоязычных национальных сообществ, причем сюда относятся не только государственные факторы, но также научные исследования, престижное положение английского в вопросах образа жизни, во влиятельных средствах массовой информации (кино, телевидение, популярная музыка) потребительского общества и удачное распространение знания английского языка в мире. Однако действительно ли английский является международным языком “без страха и упрека”?

inslav

На фонетическом уровне он содержит характеристики, которые могут представлять трудности как для говорящего, так и для слушающего. Речь идет прежде всего об английской системе вокализма, которая словно находится в постоянном движении, что проявляется как в плане синхронии, так и в диахронии. В качестве примера значительного сдвига гласных можно привести новозеландский английский. Так, например, *e* (в слове *set*) изменяется в *i*, *i* (в слове *sit*) изменяется в новозеландском английском в *o* (*sot*), долгое *i* (в слове *see*) превращается в *ei* (*sei*), в то время как *ei* (в слове *say*) произносится как *ai* (*sai*). Наряду с новозеландским вариантом английской фонетики существуют и другие региональные варианты, представляющие определенные трудности для понимания. Сюда можно отнести и редукцию гласных в безударных слогах, причем место ударения также непостоянно. Проблемой можно считать также неустойчивость щелевых согласных, графически передаваемых как *th*.

Предметом частых обсуждений – и решительных возражений – является весьма слабая связь между фонетической и письменной формой английского. Нельзя с чистой совестью утверждать, что английская орфография фонологична, поскольку она содержит черты, напоминающие, образно говоря, иероглифику. Возможно, сравнение английского алфавита с египетскими иероглифами – вымысел Марка Твена, который добивался введения строго фонетической орфографии с использованием диакритических знаков по образцу немецкого языка. Английский алфавит он называет чистым безумием, поскольку из письменной формы слова не вытекает автоматически его произношение (прибавим, что не происходит и обратного), и именно это побудило М. Твена сравнить английский алфавит с иероглифами. Он пишет, что английский алфавит никогда не позволят реформировать люди, которые "привыкли к иероглифам с незапамятных времен... иероглифы вызывают у них священные и дорогие для них ассоциации" (Twain 1964, 120). Лингвист Стивен Пинкер не согласен с мнением Твена о том, что английский алфавит состоит из одних глупостей; за его утверждением о том, что в (английском) правописании часто применяется глубинный принцип устройства грамматики (Пинкер в 6 главе книги *Words and Rules*, перевод на словацкий в печати) скрывается тот факт, что этот язык уже несколько столетий не подвергался сколько-нибудь принципиальным реформам. Джордж Бернард Шоу в предисловии к книге Р. Вилсона *The Miraculous Birth of Language* говорит о "безнадежно недостаточном алфавите, составленном за столетия до

inslav

возникновения английского языка для записи совершенно иного и сильно отличающегося от него языка. Но и этот алфавит был уменьшен до абсурда глупой орфографией, исходящей из представления о том, что ее миссия состоит в том, чтобы представлять происхождение и историю слова, а не его звучание и значение" (Wilson 1941, 22). Дж.Б. Шоу предложил новую систему записи английского, внешне напоминающую скоропись, но его предложение на практике не прижилось.

Ноам Хомски и Моррис Халле в работе *The Sound Pattern of English* (1968/1991) склоняются к мысли о важности сохранения преемственности с культурным наследием прошлого. По их мнению, английская орфография "восхитительно приближается к оптимальной орфографической системе".

Критик английского языка сетует на его подводные камни в следующем стихотворении, практически непереводимом на словацкий язык:

A *moth* is not a *moth* in *mother*
Nor *both* in *bother*, *broth* in *brother*,
And *here* is not a match for *there*,
Nor *dear* and *fear* for *bear* and *pear*.
And then there's *dose* and *rose* and *lose*
Just look them up – and *goose* and *goose*,
And *cork* and *work* and *card* and *ward*,
And *font* and *front* and *word* and *sword*,
And *do* and *go* and *thwart* and *cart*–
Come, come, I'have hardly made a start!

Текст стихотворения опирается на отсутствие корреляции между английской орфографией и произношением, допускающем различное звучание слов с одинаковым написанием и наоборот – одинаковое звучание слов с разным написанием. После перечисления капризов орфографии следует логичный вывод;

Страшный язык! Господи Боже!
Ведь я овладел им уже в пять лет,
Но писать на нем не умею, как ни стараюсь,
Даже в пятьдесят.

(Из статьи "English" Т.С. Ватта, впервые опубликованной в *Manchester Guardian*; С. Пинкер заимствовал его из книги Lederer, II. 1990. Crazy English. New York: Pocket Books, 1990).

Для языка, функционирующего во всемирном масштабе, частая омонимия с изобилием фразеологизмов и идиом – не самое подходящее качество. Высокая степень омонимии проявляется в чрезмерной функциональной нагрузке многочисленных наиболее употребительных глаголов, таких, как *set, get, put, go, turn* и

inslav

т.д. Чтобы отыскать адекватное значение таких и подобных им слов в словарных статьях, занимающих в хорошем словаре несколько страниц мелким шрифтом, требуется много сил и времени. Поражает отсутствие разработанной терминологии некоторых философских терминов, четко разграниченных в немецком языке. Так, английское слово *concept* переводится как понятие, в то время как *conception* – как понимание, понятие, как концепция и как представление, но ведь и *idea* переводится как представление, да и слово *notion* приводится в словарях со значением (наряду с другими) 'представление, понятие' (Hais-Hodek 1984). С точки зрения всемирной функции английского языка его благоприятным качеством является его готовность заимствовать в широком масштабе слова из иностранных языков, включая неевропейские, относительная простота морфологии и синтаксиса (наряду с развитием конструкций слева направо), а также средства, дающие возможность значительной семантической компримации, которая используется прежде всего в журналистском стиле. Не следует забывать и о том, что терминология во многих областях (астрофизике, ядерной физике, а также компьютерной технике и современном спорте) возникает непосредственно в профессиональной среде, у колыбели научных и технических открытий, и процесс этот способен обойтись без терминологических комиссий и становится источником обогащения словарного запаса многих других языков.

Размышления о структурных особенностях, благоприятных для языка в аспекте его наднациональной роли, затрагивают и такие его свойства, которые облегчают овладение им в качестве второго языка, то есть языка, которому мы, как правило, не учимся в детстве. Сюда относится сравнительно компактная морфология, высокая степень регулярности в формообразовании, отсутствие морфологически определяемых именных классов (например, грамматических родов) или же отсутствие морфонологических чередований. Довольно много примеров сложной морфонологии мы находим, например, в словацком языке: глагол *piecť* при изменении образует формы *pečie, piekol, opekal*; в английском сложность представляет образование форм прошедшего времени и причастий прошедшего времени типа *see* 'видеть' – *saw* 'видел' – *seen* 'увиденный'; образование множественного числа имен существительных в арабском языке – ночной кошмар всех начинающих студентов (*kitab* 'книга' – *kutub* 'книги'; *bahr* 'море' – *buhur* 'моря'). Язык наднационального общения мог бы обойтись без флективного склонения по многочисленным так на-

inslav

зываемым "типам", а также без категории лица и без сложной системы глагольных времен. В категорию именных классов следует включить не только грамматические роды существительных в славянских, романских и германских языках, но также категоризацию, которая является обязательной при сочетании существительных с числительными, так называемые нумеративы. Сеити Макино и Митио Цуцуи приводят 84 нумератива (Makino – Tsutsui 1996, 685–697). Об их избыточности свидетельствует постепенное снижение их количества, что отмечается в современном японском и индонезийском языках. Еще более серьезным и почти непреодолимым препятствием к тому, чтобы в совершенстве овладеть языком в зрелом возрасте и вне конкретной языковой среды, является хорошо известная и широко развитая в японском и яванском языках категория вежливости. Факторы, являющиеся решающими при выборе "языка" (стиля) вежливости, носят социальный характер, и в эпоху широкомасштабной миграции населения и урбанизации заметна тенденция к упрощению этой категории даже у тех людей, для которых японский и яванский языки являются родными.

О недостатках английского языка в роли всемирного говорят достаточно много, чаще всего предлагая в качестве альтернативы эсперанто – наиболее успешный из искусственных языков. Однако его недостатком является связь с относительно узким кругом европейских языков, причем в выборе не только слов, но и грамматических категорий. Еще важнее отсутствие сообщества людей, для которых эсперанто был бы живым разговорным языком – языком, на котором издавалась бы большая часть книг и журналов. А ведь именно масса сведений, которые английский язык сделал доступными общественности, является в значительной степени гарантией его долгосрочного существования в качестве самого важного языка всемирной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

Chomsky N., Halle M. The Sound Pattern of English. Cambridge, MA: MIT Press 1968/1991.

Hais K., Hodek B. Velký anglicko-český slovník. 3 zv. Praha, Akademia, nakladatelství CSAV. 1984

Makino S., Tsutsui M. A Dictionary of Intermediate Japanese Grammar. Tokio, The Japan Times 1996 (Third Printing; First Printing 1965).

Pinker S. Words and Rules. (Перевод на словацкий Slová a pravidlá. Bratislava, Kalligram, в печати).

Shaw G.B. Preface // Richard Albert Wilson: The Miraculous Birth of Language. New York 1941.

inslav

Taylor I. Introduction to Psycholinguistics. New York, Holt, Rinehart and Winston 1976.

Tomin J. EURO. Jazyk pre spoločnú Európu publikovaný v New Yorku pod názvom INTERLINGUA. Krupina, vytlačil R. Jurových – NIKARA 1994.

Twain M. Zjednodušený pravopis // Mark Twain. Listy zo Zeme. Bratislava, Vydavatel'stvo politickej literatúry 1968: 116–120.

Yngve V.H. A Model and a Hypothesis for Language Structure. Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 104, 1960: 5: 444–466.

Перевод Е. Овчинниковой

В.М. Мокиенко

(Германия–Россия)

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В СЛАВЯНСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

Проблема лингвистического изучения европейской паремиологии лишь недавно начала завоевывать место в общем контексте сопоставительного межъязыкового анализа. Это и понятно: до недавнего времени пословицы и поговорки являлись традиционным объектом исследований фольклористов и этнографов, что было вполне оправдано как жанровой спецификой паремий, так и их культурологической функцией. В качестве фольклористической единицы их и лингвисты справедливо рассматривают, с одной стороны, как одно из народных литературных произведений "малого жанра" [Grzybek 1994], с другой – как один из трех языковых элементов с ярко выраженной кумулятивной культурологической функцией [Верещагин, Костомаров 1973; 1983].

Лингвистическое исследование славянских пословиц в основном ведется сейчас в синхронных аспектах: семантическом, функциональном и структурном. Актуальны и продуктивны, например, попытки выявления реального статуса и частотности пословиц и поговорок в современных языках [Пермяков 1970, 1979, 1988; Schindler 1993]; описание синтаксической структуры пословиц как целого [Тарланов 1993]; выявление семантических и культурологических доминант современной паремиологии [Савенкова 2002, 2002a]; распределения русских пословиц по доминантным концептам "картины мира" [Сидорков 2003]; определение функционального диапазона паремиологической системы в идиолекте одной личности [Благова 2000]; демонстрация прагма-

inslav

тических потенций пословиц и поговорок как речевого действия [Сидоркова 1999]; анализ паремий как фактора структурно-смысловой организации дискурса [Сидорков 2003]; паремиография и библиография пословиц [см.: Mokienko 2004]; лексикографическая параметризация речевых и литературно-художественных трансформ пословиц [Мелерович, Мокиенко 1997] и т.д. Появились и практические руководства по русским пословицам – например, такие, где вся грамматика демонстрируется как система на примерах одних пословиц [Хлебцова 1999].

Диахронический же аспект исследования славянской паремиологии, традиционно вызывавший постоянный интерес у фольклористов и этнографов XIX в., до сих пор у лингвистов так и остается дезидератом. Во многих сборниках славянских – в том числе и русских – пословиц, которые интенсивно сейчас издаются, удовлетворяя читательский спрос, историко-этимологические, культурологические и сопоставительные справки либо вовсе отсутствуют, либо воспроизводят интерпретацию классиков паремиографии XIX в. Характерно, например, что фундаментальное собрание М.И. Михельсона [Михельсон 1902–1903] многими современными популяризаторами используется весьма некорректно [Мокиенко 1994, 2004]; нередко из нескольких интерпретаций, предлагавшихся им, каждый популяризатор без аргументации выбирает лишь одну, столь же произвольно оперируя и его богатым европейским сопоставительным материалом (немецким, французским, итальянским, латинским и древнегреческим). Большинство русистских описаний паремиологии обходятся лишь собственно русским материалом, без сопоставления с другими языками.

Одна из кардинальных проблем лингвистического исследования пословиц в диахроническом ракурсе – разграничение *национального* и *интернационального* их источника. Проблема эта стара как паремиологический мир и до сих пор осложняется многими субъективными моментами. Издавна паремиология рассматривалась как диалектически противоположная фольклорная и языковая данность: и как ярко национальная, самобытная, отражающая специфику культуры соответствующего народа, и – a contrario – как проводник интернационального, как некий общечеловеческий ментальный и образный языковой код, позволяющий разным народам передавать друг другу универсальные морально-эстетические ценности. Выбор той или иной позиции в прошлом во многом определялся прагматическими причинами. Так, известный европейский просветитель, “učitel národů” Ян

inslav

Амос Коменский, в трудах которого апелляция к общечеловеческим ценностям является доминантой, в своем собрании чешских пословиц [Komenský 1901] намеренно подчеркивает их славянскую национальную специфику, создавая "картину чешского мира" в некотором отрыве от мира общеевропейского. Во многом эта тенденция просматривается и в популярном лингвистическом направлении последнего десятилетия – поисках "языковой картины мира", где многие исследователи отвлекаются от общечеловеческих и общеевропейских языковых фактов, целенаправленно инструментализируя идею национальной специфичности некоторых концептов.

Поиски национальных истоков народной культуры и народного языка (в том числе и фольклора малых жанров) в Европе стали доминантой в конце XVIII – начале XIX в. благодаря романтизму, во многом одушевленному идеями Иоганна Г. Гердера, усматривавшему в поэтическом самовыражении народа проявление национального характера. Русские романтики, начиная с кружка Н.М. Карамзина, увлеченные идеями Гердера и их последователей, также искали и находили национально специфическое в общечеловеческом. Известно, какое влияние оказали такие поиски на русскую литературу XIX в. Многие сказки А.С. Пушкина, например, воспринимаются теперь именно через такую сугубо национальную призму, являясь на поверку органическим симбиозом европейского и русского фольклора. Такова, в частности, судьба сюжета "Сказки о золотой рыбке" и крылатых выражений, с нею связанных. Сюжет этот восходит к северонемецкой померанской сказке, включенной в собрание братьев Гримм и ставшей известной А.С. Пушкину благодаря ее французскому переводу [Мокиенко 2002].

Показательно, что поиски национально специфического в фольклоре почти всегда органически уживались с признанием общечеловеческого или общеевропейского. Многие фундаментальные собрания национальных пословиц и поговорок имели и имеют широкую многоязыковую "дальнобойность" – ср. классические собрания Эразма Роттердамского, К.Ф. Вандера, Фр. Лад. Челаковского, В. Фляйшганса или изданные в наши дни собрания А. Артхабера, А. Бёклена, Й. Глуски, К. Григаса. Многие из них убедительно констатируют едва ли не полную идентичность основного паремиологического фонда многих европейских народов. Так, в собрании Йежи Глуски [Gluski 1971] даны лишь полные эквиваленты (resp. параллели) таких языков, как английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, латин-

inslav

ский и русский. В основном из такого рода паремий состоит и недавно вышедшее в Украине собрание украинских, русских, латинских, немецких, английских и польских пословиц и поговорок Г. Бигуна [Бігун 2003].

Противоречивая интерпретация статуса пословиц по оси "национальное" ↔ "интернациональное" заметно отразилась в истории славянской паремиологии, где поиски специфического народного духа были достаточно долго пронизаны идеями панславизма. Известный чешский фольклорист Фр. Лад. Челаковский своим паремиологическим тезаурусом "Mudrosloví národu slovanského ve příslovích" [Čelakovský 1949] дал мощный импульс славянизации (нередко – русификации) сборников пословиц других славянских народов. Следы этого процесса нашли отражение и в литературе соответствующих народов. Так, в романе классика чешской литературы Божены Немцевой (хорошо знакомой с Фр. Лад. Челаковским и его собранием) несколько раз употреблена украинско-русская пословица *Trp, kozáče, budeš atamanem!*, которая благодаря ей надолго закрепилась в чешском языке. Не случайно она и теперь зафиксирована как достаточно частотная в речи современных носителей чешского языка [Bittnerová, Schindler 1997: 21]. Доказать ее украинские истоки в русском фольклоре нетрудно.

Русская паремиология до сих пор весьма сильно отмечена печатью первой тенденции. С первых собраний русской паремиологии идея их национальной "отмеченности", народности стала путеводной звездой собирателей. «Простой народ упорнее хранит и сберегает исконный быт свой, и в косности его есть и дурная, и хорошая сторона... Он неохотно отступается от того, что безотчетно всосал с материным молоком и что звучит в мало натруженной голове его складной речью, – писал в "Напутном" к своему тезаурусу В.И. Даль. – Ни чужие языки, ни грамматические умствования не сбивают его с толку, и он говорит правильно, метко и красно, сам того не зная» [Даль 1984: 1, 7]. Современники В.И. Даля, увлеченные этой идеей, неоднократно высказывались о пословицах в духе известного афоризма М.В. Ломоносова о превосходстве русского языка перед другими европейскими. Характерна дневниковая запись друга А.С. Пушкина В.К. Кюхельбекера: "Не знаю пословиц остроумнее русских; старинные французские очень хороши, а все не забавнее наших" [Дневник В.К. Кюхельбекера. Л.: Прибой, 1929: 53]. Подобные высказывания русских аристократов с европейским образованием навеяны именно гердеровскими идеями и убежденностью в том, что "по-

inslav

словицы и поговорки слагаются только в пору первобытной простоты речи и, как отрасли, близкие к корню, стóят нашего изучения и памяти" [Даль 1984: 1, 7].

Попытки материализовать национальный дух нашего языка в последние десятилетия ведутся, как уже отмечено, в направлении воссоздания так называемой "языковой картины мира", которое, как известно, имеет древние корни. Сам термин *картина мира* восходит, по-видимому, к дидактической системе Яна Амоса Коменского, книга которого (изданная в 1658 г.) так и называется "Svět v obrazech" – "Мир в картинах". Для всех, кто занимается преподаванием языков, в том числе и русского как иностранного, "мир в картинах" и "картина мира" – это понятия, которые были и остаются существенно значимыми для повседневной практики. Ведь любое погружение в язык другого народа высвечивает разные ракурсы картины мира его носителей.

Не случайно поэтому современные теоретические исследования, нацеленные на системное воссоздание "языковой картины мира", которые стали в последнее десятилетие одной из доминант русистики, имеют – во всяком случае у нас в России – своим предшественником лингвострановедение. Эта дисциплина, которой, благодаря работам Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова и их последователей, "переболели" с 70-х годов многие специалисты по русскому языку как иностранному, постепенно "заразила" и академических ученых. С середины 80-х годов в академической среде (особенно – у московских исследователей) разрабатываются различные модели "наивной" и "научной" картин мира, делаются плодотворные попытки детализированного описания ее фрагментов, ведется целенаправленный поиск национальной маркировки этой картины и т.д. Работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Ю.Н. Караулова, В.В. Колесова, С.Е. Никитиной, В.Н. Телии, Н.И. Толстого, Е.С. Яковлевой и др. прояснили различные аспекты взаимодействия "язык – культура", нащупали доминантные фрагменты языковой картины мира, – такие, например, как "Время", "Пространство", "Судьба", "Душа", предложили разные подходы к их интерпретации.

В прагматическом плане большинство таких исследований направлены в конечном итоге на поиски национальной специфики языка как культурологического феномена. При всех несомненных теоретических достоинствах разработанных моделей картины "русского мира", их построение обнаружило и достаточно большую уязвимость. Основная трудность, как кажется, в излишне обобщенной и потому достаточно субъективной интер-

inslav

претации языковых фактов, выдаваемых за сугубо национальные стереотипы. Общая методологическая особенность многих исследований такого рода – глобальность выводов, построенных на неадекватном сопоставлении фактов разных языков или вообще отсутствие сопоставительного фона.

Типичны в этом отношении некоторые конструкты А. Вежбицкой, влияние которой на современную европейскую и российскую лингвистику все более усиливается. Во многих ее работах реконструкция национального русского менталитета ("судьба", "душа", "тоска", "подлец" и т.п.) отталкивается от сопоставления с соответствующим английским словом или синонимическим рядом. При этом нередко, к сожалению, глоссарный и весьма общий характер сопоставления оставляет в стороне важные ситуативно-контекстуальные и коннотативно-стилистические детали, что чревато субъективизмом глобальных выводов исследовательницы, несмотря на их кажущуюся привлекательность. Такова, например, интерпретация А. Вежбицкой пресловутой русской поговорки *на авось* и целого ряда пословиц, смысловым стержнем которых она становится. "Русское авось", по мнению исследовательницы, "это отношение, трактующее жизнь как вещь непредсказуемую: нет смысла строить какие-то планы и пытаться их осуществлять; невозможно организовать свою жизнь, поскольку жизнь нами не контролируется; самое лучшее, что остается делать, это положиться на удачу". И далее: "Таким образом, русская частица *авось* подводит краткий итог теме, пронизывающей насквозь русский язык и русскую культуру, – теме судьбы, неконтролируемости событий, существованию в непознаваемом и не контролируемом рациональным сознанием мире. Если у нас все хорошо, то это лишь потому, что нам просто повезло, а вовсе не потому, что мы овладели какими-то знаниями или умениями и подчинили себе окружающий нас мир" [Вежбицкая 1996: 78–79]. Обращение к языковым фактам, особенно русской и европейской паремиологии [Мокиенко 1998: 11–19; Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 18–19; Мокиенко 2000: 26–29] дает, однако, возможность иначе оценить "национальный статус" *русского Авося*, а вместе с тем и усомниться в принятом стереотипе о гипертрофированной фаталистичности русских. Вера в судьбу и неверие в нее в России – и индивидуальны, и региональны, и ситуативны, и социальны, и генерационно дифференцированы, а главное, исторически обусловлены и ограничены, – как и у других народов.

Воссоздание национально специфичной "языковой картины мира", естественно, интересует как паремиологов, так и фразео-

inslav

логов. Д.О. Добровольский справедливо констатирует наличие "фразеологической картины мира" [Dobrovol'skij 1992], а В.Н. Телия настойчиво и разнопланово пытается реконструировать доминанты русского менталитета, запечатленного в различных тематических группах фразеологии и паремиологии. Как и у А. Вежбицкой, здесь искомым обычно становятся именно негативные стороны "языкового и экстралингвистического мира". В фундаментальной монографии В.Н. Телии иллюстрациями к принципиально важным общетеоретическим положениям становятся, например, фразео-паремиологические поля "бездельничать" и "женщина" [Телия 1996: 231, 246, 262–268]. Негативистская направленность таких поисков объективно оправдана, ибо, как подчеркивал еще Л.И. Ройзензон, негативно коннотированные поля во фразеологии значительно более мощные, чем положительные [Ройзензон 1972: 18].

Но – и в этом парадоксальность фразеологического видения языковой картины мира – поскольку негативная оценочность является универсальным, типологическим, интернациональным свойством фразеологии, то приписывание ей национальной специфичности без широких сопоставительных разысканий чревато субъективизмом.

Поле "безделье" в русской фразеологической (resp. паремиологической) системе имеет, действительно, определенную образную специфику, которая может казаться с позиций "чистой" русистики спецификой национальной [Ковшова 1996]. Однако сопоставление фразеологизмов этого поля с материалом славянских и неславянских языков [Мокиенко 1973; 1980; 1989] показывает, что основные структурно-семантические модели русских паремий универсальны и русский бездельник в зеркале фразеологии ничем принципиально не хуже (хотя, конечно же, и не лучше) бездельника других регионов Славии и Европы вообще. Такой же структурно-семантический и негативно коннотированный универсализм отличает и паремиологию, характеризующую труд и безделье в разных языках [Ганапольская 1995; Wildmann 2000].

На фоне основательных исследований этого семантического поля лингвистами весьма сомнительными и "национализированными" выглядят констатации некоторых этнопсихологов, ищущих в данной паремиологии сугубо национальный дух. Так, харьковский исследователь С. Таглин на материале сопоставления русских и украинских пословиц пытается определить национальное самосознание и так называемое "малороссийство" как этнопсихологический феномен. Путем противопоставления довольно

inslav

случайных паремиологических пар автор делает далеко идущий вывод о "загадочных" русских и украинских "душах". Оказывается, что основой паремиологического менталитета украинцев является ориентация на отдельную личность, "хозяина" и хозяйственность, в то время как для менталитета русского типичным признается "анархизм, общинность и государственность" [Таглін 1994: 26]. Комментарии, как говорится, излишни. Ведь любой непредвзятый читатель фундаментальных или даже популярных украинских и русских паремиологических собраний легко найдет в двух родственных языках столько общих оценок труда и безделья, что выявленное С. Таглиным "ментальное различие" повиснет в воздухе, демонстрируя свою субъективность. Вот, напр., типичные пословицы, свидетельствующие об "общинности" менталитета украинцев: *Друзі пізнаються в біді* (ср. рус. *Друзья познаются в беде*), *Не май сто рублів, а одного друга* (ПП 2: 22–23; ср. рус. *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*), *Добре братерство краще богатства* (ПП 2: 26; ср. рус. *Доброе братство лучше богатства*), *Не купи хату, та купи сусіда* (ПП 2: 28; ср. рус. *Не покупай избу, покупай соседа*), *В гурті й каша їсться, В гурті й смерть не страшна, Гуртом добре й батька бити, Собором і чорта поборем, Громада по нитці та й бідному сорочка, З миру по нитці – голому сорочка, На миру і смерть красна* (ПП 3: 275–277; ср. рус. *На миру и смерть красна*) и мн. др. Любой русский эти украинские пословицы не только поймет, но и примет близко к сердцу как "свои", "общинные". Не составит большого труда подобрать к ним и славянские и инославянские параллели, показывающие универсальность оценки "общинности", "хозяйственности", "государственности" и т.п. у разных народов. Так, пословица *Друзья познаются в беде* и укр. *Друзі пізнаються в біді* известна и другим славянам: белор. *Сябры пазнаюцца ў бядзе*; пол. *Prawdziwych przyjaciół poznajemy w biedzie*; чеш. *V nouzi poznáš přítele* [Котова 2000: 55]. Известна она в литовском, латышском, немецком, латинском, французском, испанском, английском и практически во всех европейских языках [Grigas 1987: 199–200; Paczolay 1997: 159–164]. Показательно даже, что чешское *nouze* в составе пословицы, так же как лит. *bėda* (*Į bėda nepuolęsč draugo nepažinsi*), нем. *Not* (*Freunde erkennt man in der Not*), англ. *need* (*A friend in need is a friend idened*), фр. *besoin* (др.-фр. *Au besoing voit l'en qui amis est*) проясняют исходную семантику русского и украинского слова *беда* (*біда*): здесь оно значит 'нужда', 'крайняя бедность', а лишь потом развили значение 'горе, невзгода, несчастье' (ср. рус. *Друг познаётся в несчастии*;

inslav

бел. *У няшчасці прыяцеля пазнаш* и др.). Впрочем, возможно, эти два значения у слов, обозначающих "нужду", были изначально синкретичны: об этом, в частности, свидетельствуют параллели нашей пословицы о друзьях в беде из арабского, персидского, санскритского, китайского и других восточных языков [Paczolay 1997: 163–164], которые еще убедительнее подтверждают наличие "общинности" менталитета не только у украинцев и русских, но и всех народов мира.

Не менее уязвим в свете фронтального межславянского (resp. межевропейского) сопоставления становится и национальный стереотип о "загадочной русской душе", разгадать которую веками пытаются культурологи, литераторы и филологи. Действительно ли он – как и обозначаемый им концепт – являет собой доминантный фрагмент "чисто национальной" языковой картины мира?

На первый, чисто русский паремиологический взгляд, так оно и есть. Ведь слово *душа* в нашей паремиологии по частотности чрезвычайно активно. В паремиологической базе данных, созданной фразеологическим семинаром Петербургского университета, таких паремий около 600. Рассматривая в специальной статье [Мокиенко, Николаева 2001] этот обильный материал как представительный фрагмент русской паремиологической системы, можно установить, что оборот *русская душа* вырос из массы словосочетаний "прил. + *душа*", широко представленных в пословицах и поговорках с этим стержневым словом.

Среди массы таких сочетаний находим и оппозицию "Своя душа" ↔ "Чужая душа", сыгравшую, как кажется, "судьбоносную" роль в формировании оборота *русская душа* и соответствующих коннотаций. Доминантой их являются популярные пословицы *Чужая душа – потёмки* [Д 1, 505; Ил.: 115; Соб. 1961: 51; Жук. 1966: 508–509; Спир. 1985: 52; 70, 145] и *Чужая душа – тёмный лес* [Раз. 1957: 75; Жук. 1966: 509; Спир. 1985: 145], имеющие множество вариантов и проецирующиеся в другие славянские языки – ср. укр. *Чужа душа – темний ліс* [ПП 2: 254], пол. *Swoją duszę zbawić, a czyją w gówno wewaliś* [NKP 1, 511]. Такая оппозиция регулирует образование и таких пословиц с компонентом душа, в которых уже эксплицитно выражен "религиозный" или "национальный" компонент: *Душа христианска, да совесть цыганска!* [Д I: 505]; *И у цыгана душа не погана* [Д. 3: 153; ДП 1: 272]; *У немца (француза) ножки тоненьки, душа коротенька* [ДП 1: 271, 505].

На этом фоне, естественно, *русская душа* становится позитивно-оценочным символом: *Русская душа – нараспашку* [Под.,

inslav

Зим. 1956: 25]; *Есть где развернуться русской душе* [Спир. 1985: 107]; *Русская душа простор любит* [Спир. 1985: 98].

В паремиологических системах других языков, однако, легко найти пословицы и поговорки, которые стали основой для образования интересующего нас клише *русская душа*. Вот лишь несколько примеров из украинских и польских собраний:

Аби душа чиста, а постоли нічого [ПП 2: 253]; *Бідна душа без гроша* [ПП 2: 253]; *Велика душа, як с міх гроша* [ПП 2: 253]; *Горда душа в убогім тілі* [ПП 2: 253]; *Душа чорна, мов у ченця ряса* [ПП 2: 254]; *Чорну душу і милом не відмиєш* [ПП 2: 254]; *Кров бурякова, душа часникова* [ПП 2: 254]; *Моя душа кривая – усе приймає* [ПП 2: 254]; *Паперова душа не варта ні гроша* [ПП 2: 254]; *Хоч у мене шуба овеча, та душа чоловіча* [ПП 2: 254]; *Хоч він сам білий, та душа в нього чорна* [ПП 2: 254]; *Cierp duszo grzeszna, i będziesz zbawiona* [NKP 1: 508]; *Dobra dusza cudzygo nie rusza* [NKP 1, 508]; *Dobra dusza żije bez obrusa* [NKP 1: 508] и т.п.

Правомерен вопрос: почему – если в различных языках также существовали паремиологические и лексико-коннотативные предпосылки для образования ФЕ-символа типа *русская душа*, – в них мы не находим аналогичных оборотов "украинская душа", "белорусская душа", "польская душа", "немецкая душа" и т.п. Не в специфично ли русском менталитете тут все-таки дело?

Как кажется, причина своеобразия оборота *русская душа* лежит все-таки не в менталитете, а в коннотативном потенциале русской языковой (resp. паремиологической) системы. Известно, что слово *душа* во фразеологии и паремиологии многих европейских языков эквивалентируется пословицами и поговорками со словом "сердце", что обусловлено и различными источниками переводов Библии, и различными культурно-языковыми традициями [ср. Nowak 1997]. Однако сочетание *русская душа* в нашей паремиологии, как это ни парадоксально, – позднейшего происхождения, о чем свидетельствуют как его приведенные фиксации, которые не выходят за пределы XIX в., так и его небольшая активность в паремиологическом фонде по сравнению с другими паремиями с этим стержневым словом. Это позволяет предположить, что и у нас, и в других европейских языках это достаточно поздний, маркированный временем культурологический стереотип – типа нем. *German Geist* 'германский дух' или фр. *esprit français* 'французский дух', которые перекликаются с воспетым А.С. Пушкиным *русским духом*. Возможно, что он навеян европейским романтизмом прошлого века. Не случайно в этом плане и патриотическая инструментализация этой поговорки в русской

inslav

литературе [Lauer 1997], и литературизованное восприятие клише *русская душа* поляками [Sielicki 1997].

Как же, учитывая приведенные конкретные языковые данные (за недостатком места мы не можем представить их во всей полноте), интерпретировать такие национальные стереотипы, как *русская душа* или *русский Авось* в его паремиологической проекции?

Представляется, что при их интерпретации следует отказаться от однонаправленной специфично национальной их квалификации, а учитывать и иные факторы, приведшие к их формированию в конкретном языке и конкретной культуре – особенно временны́е и пространственные ограничения каждого паремиологического стереотипа. Без подобных ограничительных рамок (что характерно для многих работ когнитивной направленности) экстралингвистическая интерпретация такого рода слов или идиом-символов неминуемо становится весьма субъективизированной.

Излишняя прямолинейность выводов о национальной специфике менталитета на основе фразеологического и паремиологического материала заставляет некоторых лингвистов скептически относиться к заманчивой и в принципе продуктивной идее поисков. Во 2-м издании монументальной энциклопедии русистики [Handbuch 1999] автор раздела "Phraseologie" W. Eismann выделяет проблему "Phraseologie und Weltbild" в самостоятельную, заключительную (14-ю) рубрику. Оценивая попытки В.Н. Телии реконструировать народный менталитет, национальный характер или картину мира на основе русского фразеологического материала, он справедливо подчеркивает: "Однако специфичные и общечеловеческие, национальные и ареальные культурные традиции с большим трудом поддаются разграничению. К фразеологизмам, которые, по мнению В.Н. Телии [Телия 1996: 252 и сл.], должны отражать особый русский менталитет, можно без труда найти соответствия в других европейских языках. Русскую "фразеологическую картину мира" следует строже отграничивать от других языков" [Eismann 1999: 357]. Это утверждение справедливо и для интерпретации русских пословиц.

В "чистой" русистике (т.е. без сопоставления русского языка с другими языками) мы действительно постоянно встречаемся с излишне прямолинейной и целенаправленной интерпретацией пословиц и поговорок как "специфично национальных" элементов лексикона. Действительно, квота "чисто" национального при интерпретации русской фразеологии о паремиологии в когнитив-

inslav

ном ключе В.Н. Телией значительно завышена. В частности, в упомянутой монографии ею выдвинут тезис о специфичности для обыденного русского менталитета воззрений на женщину [Телия 1996: 262–268]. «Для русского обыденного самосознания нехарактерно восприятие женщины как “слабого пола” и противопоставление ее “сильному полу”..., – утверждает известный теоретик-фразеолог. – Для русского мужского менталитета характерен взгляд на женщину как на нечто соблазнительное чисто физически» [Телия 1996: 263–264]. Автором выделяются и другие негативные “греховные” знаки женщины, отраженные русской фразеологией и паремиологией – конфликтное поведение, вздорность, болтливость, распутность и бесстыжесть, хитрость и коварство, интеллектуальная “второсортность” и др. В этом ключе интерпретируется ряд русских пословиц, напр.: *Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка – в избе; Курица – не птица, баба – не человек; У бабы волос долог, да ум короток* [там же, с. 264–267].

Сопоставление такого рода русских пословиц с паремиологическим фондом других языков, однако, показывает, что негативные концепты, характеризующие женщину, отнюдь не национально специфичны, но являются паремиологическими универсалиями, известными многим народам, особенно народам Европы. При всей культурологической оригинальности некоторых из таких паремий, они – порождение не национальной культуры, а конкретных “исторических переживаний” этих народов. В случае концепта “Женщина” они лишь отражают европейское (и не только европейское) патриархальное сознание периода феодализма. И этот паремиологический “пережиток” вряд ли корректно возводить в ранг национально маркированной черты русского менталитета. Характерно в этом ключе, что одно из многоязычных собраний интернациональных пословиц и поговорок XIX в. под красноречивым названием “A Collection of the Proverbs of All Nations”, изданное в Англии (1859) и недавно переизданное В. Мидером [Kelly 2002], начинается именно с концептов “Женщина, Любовь, Брак и т.д.” При этом собрание открывается типичной для патриархального менталитета европейцев итальянской пословицей: *A gli uomini ogni peccato mortale è veniale, alle donne ogni veniale è mortale* [Kelly 2002: 1] – “Для мужчин любой смертный грех простителен (букв. преходящ), для женщин любой простительный грех смертелен”. Она полностью соответствует старинной русской пословице, узаконивавшей неравноправие ответственности мужчины и женщи-

inslav

ны за совершенные грехи: *Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет* [Д. 3: 318; Снег., 1848: 234]. Далее ирландский паремиолог приводит целый ряд подобных пословиц из самых разных языков, которые вполне укладываются в русло "мужской ментальности" русских, реконструированной В.Н. Телией: нем. *jedes Weib will lieber schön als fromm sein; Es gibt nur zwei gute Weiber auf der Welt: die eine ist gestorben, die andere nicht zu finden*; исп. *De la mala mujer te guarda, y de la buen no fies nada* ("Берегись плохой женщины, но не доверяй и хорошей"); итал. *Tre oche e tre donne fann' un mercato* ("Три женщины и три гуся – базар") и т.п. [Kelly 2002: 2–9]. Убедительно показана универсальность таких представлений – разумеется же, теперь устаревших! – о женщине в паремиологии многих языков мира в объемистой штудии К.-Д. Пилца [Pilz 1998]. Любопытно, что немецкий автор завершает ее [Pilz 1998: 706] именно русской пословицей – одной из немногих, которая уравновешивает в мировой паремиологии права мужчины и женщины: *Каждый мужчина – сын женщины.*

Такого рода примеры показывают, что поиски национально маркированной "картины мира" на уровне паремиологических концептов мало перспективны. Исследователи, включающие в сопоставительный анализ пословиц большое число языков, давно приходили к заключению, что в паремиях концентрирована универсальная человеческая мудрость, отражающая диалектику жизни. Итог таким заключениям подвел известный паремиолог-востоковед Г.Л. Пермяков, создавший последовательную логико-семиотическую классификацию русских и восточных пословиц, названную им "грамматикой пословичной мудрости" [Пермяков 1979]. Она была применена и к европейскому паремиологическому материалу, особенно немецкому [Permjakov 2000], что подтвердило ее универсальность. Эта классификация построена на системе концептуальных оппозиций: "Акция – реакция", "Друг – враг", "Жизнь – смерть", "Здоровый – больной", "Молодой – старый", "Мужчина – женщина", "Начало – конец", "Свое – чужое", "Содержание – форма", "Сытый – голодный", "Труд – безделье" [Permjakov 2000: 106–124]. Она во многом перекликается с давно уже применявшимися европейскими паремиологами прагматическими группировками материала разных языков и стала, между прочим, общим классификационным стержнем собрания русских пословиц В.И. Даля (ДП). Типологическая идентичность таких оппозиций несомненна. Ведь параллели из разных языков убедительно показывают, что многие паремиологические "дискурсные" концепты являются универсальными, интернациональны-

inslav

ми, напр. паремии, связанные с концептом *судьбы* (с. 169–171), *любви* (с. 171–172), *краха и возмездия* (с. 172–180), *морального падения* (деградации) (с. 181–184) и др. [Сидорков 2003].

Исключает ли универсальность большинства паремиологических концептов их региональную самобытность? Значит ли она, что поиски национальной специфики бесперспективны?

Разумеется, нет. Национального и регионального в универсальном паремиологическом наследии немало, и это тоже давно установленный факт. Необходимо, однако, при поисках национального четко разграничивать концептуальную универсальность большинства пословиц от их формально-языковой (resp. компонентной) национальной маркированности. Иными словами: национальная специфика паремиологии заключается не в выражаемом ими содержании, а в форме выражения этого (обычно – общечеловеческого) содержания. Не всегда, разумеется, форма пословицы маркирует какие-либо национальные реалии. Некоторые компоненты, на которых строятся многие паремии, имеют также универсальный характер, что затрудняет национальную паспортизацию формы. Условно (поскольку границы между каждым из разрядов компонентов неопределенны) поэтому можно предложить общую трехчленную классификацию паремиологических компонентов по степени "национальной маркированности".

К лексемам первого – универсально человеческого типа – относятся, например, соматизмы (*голова, рука, нога, глаз, ухо* и т.д.), имеющие в пословицах народов мира ограниченную национальную "отмеченность" из-за естественной реалемной универсальности.

К лексемам второго типа можно отнести, напр., более национально маркированнные анималистические компоненты (*волк, конь, собака, кошка, корова* и т.д.), универсальность которых в определенных языковых зонах конкурирует с локальностью и образной индивидуальностью.

Третий разряд компонентов пословиц, ярко маркирующий их "couleur locale", включает такие лексемы, которые аккумулируют собственно национальные коннотации.

Национальная маркировка каждого из трех выделенных типов паремий может осложняться различными культурологическими и собственно языковыми факторами. Так, маркером такого рода может стать и сама структура пословицы – например, рифма или ритмическое созвучие (напр., *Старость – не радость*), не воспроизводимые средствами других языков. Национально спе-

inslav

цифичными по форме оказываются и трансформы известных пословиц – так называемые "антипословицы" [Walter, Mokienko 2002] или паремиологические неологизмы разного состава [Мокиенко 2003]. Аккумулированная культурологическая информация (мифологическая, обрядовая, материальная и т.п.) также может окрашивать пословицы и поговорки в национально специфические тона.

Выявление и последовательное описание трех выделенных типов формально маркированных пословиц – одна из перспектив современной лингвистической паремиологии. Ясно, что 3-я группа здесь наиболее привлекательна в силу прямой национальной или локальной идентификации. Так, Н.А. Добролюбов, записывавший в родной ему Нижегородской губернии русские пословицы, справедливо разделяет их на общие и местные. Есть "пословицы общие, ходячие, употребляемые с незначительными вариантами по всей матушке-Руси, – пишет он. – Есть пословицы другого рода, в которых находят историческое основание и которые указывают на известное место или лицо. Некоторые из названий этих мест и лиц, как напр., *Иван Великий* и *великая Федора, Фивы* и *Сенька*, сделались уже именами нарицательными и повсюдными, но другие не удостоились этой чести и довольствуются бедной известностью в том темном уголку, к которому они относятся" (Н.А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 1, с. 494). Как видим, вторая группа пословиц определяется по явному формальному признаку – наличию собственного имени, обретшему культурологические коннотации в конкретном регионе.

Собственные имена в составе пословиц, действительно, являются "мечеными атомами" конкретных местных и исторических событий. При интерпретации таких пословиц поиски национальной специфики особо целенаправлены, что оправданно именно формальной маркированностью. Но даже в этом случае паремиолог должен четко разграничивать специфику формы и относительную специфичность содержания. Относительную потому, что, несмотря на принципиальную индивидуальность имени собственного и связанных с ним коннотаций, оно является частью универсального, общечеловеческого содержания паремий.

Приведем достаточно показательный пример и сугубо национального, и относительно национального статуса русских пословиц с названием города *Тула*:

В Тулу со своим самоваром не ездят (Соб. 1961; Жук. 1966: 71);

inslav

Живёт в Туле да ест дули (ДП I: 51, 267; Раз., 1957);

Тула зипуны сдула (здула), а Кашира (Кошира) в рогожи (рагожи) обшила (Сим. 1899: 144).

Первая пословица относится к весьма актуальным и часто инструментализированным в процессе преподавания русского языка как иностранного, ибо позволяет рассказать и о специфично русской реалии – самоваре и о городе Туле, славящемся своими знаменитыми мастерами. Любопытно, что эта пословица относительно недавно (в послевоенный период) вошла в русские паремиологические сборники: её не фиксирует, напр., двухтомник М.И. Михельсона и все предшествующие собрания. При всей лингвострановедческой "отмеченности" этой пословицы, паремиологический (resp. универсальный) эквивалент к ней подобрать нетрудно: хрестоматийной уже стала её английская параллель *One shouldn't bring (carry) coals to Newcastle* [Кузьмин, Шадрин 1996: 37]. При различии локусов, обозначаемых топонимами *Тула* и *Newcastle*, содержание русской и английской пословиц укладывается в одну из универсальных концептуальных оппозиций, выделенных Г.Л. Пермяковым. Этой универсальности не противоречит и факт, что русская пословица маркирована такой "национальной" реалемой, как *самовар*: она ведь на поверку оказывается старым "экспортом" из той же Англии, в чем легко убедиться, рассматривая коллекции старинных английских самоваров в Эрмитаже. Русская и английская пословица входят в более общую паремиологическую модель, образованную по так называемой "формуле невозможного" – ср. нем. *Eulen nach Athen tragen* (букв. "носить сов в Афины") 'делать что-л. напрасное, прилагать усилия впустую', имеющее образные параллели в разных европейских языках (WdPh 2004: 38–39).

Иное дело – две устаревшие русские пословицы о Туле, которые, по Н.А. Добролюбову, можно квалифицировать как местные. Их локальная специфичность усложнена рифмованной структурой, которая в данном случае резко разрывает логическое пространство пословицы. Здесь форма побеждает содержание, поэтому локальное (resp. национально специфичное) становится доминирующим. В случае с пословицей *Живёт в Туле да ест дули* формальная индивидуальность подчеркивается семантической амбивалентностью слова *дуля*, которое в диалектной речи значит 'груша', а в просторечии – 'жест, выражающий отказ, нежелание сделать что-л.; фига'. В случае с пословицей *Тула зипуны сдула, а Кашира в рагожи обшила* локальная маркировка формы поддерживается как словами-маркерами "лапот-

inslav

ной Руси" (*зипун* и *рогожа*), так и сугубо русской топонимической перекличкой (*Тула* и *Кашира*). Понятно, что такой "букет" компонентных маркеров обеспечивает почти полную победу формы над содержанием. Однако эта победа Пиррова, ибо расплатой за нее оказывается предельное сужение ареала соответствующих пословиц и периферийность их употребления: они давно уже ушли в пассив русского паремиологического фонда.

Еще бо́лее детализированным оказывается распределение по оси "национальное – интернациональное" для представительной группы русских пословиц с топонимом *Москва*, которая недавно подверглась специальному лингво-культурологическому исследованию [Fomina 2004]. Эти пословицы включены автором в общую парадигму оппозиции концептов "Своё" ↔ "Чужое", "Родина" ↔ "Чужбина", "Собственная культура" ↔ "Чужая культура". При этом, в русле актуальных ныне поисков "языковой картины мира" на сугубо русском материале, исследовательница не прибегает ни к каким иноязычным сопоставлениям, интерпретируя всю данную концептуальную оппозицию как собственно русскую. «Проведенный анализ пословиц с компонентом "Родина" показал, что с перспективы русского менталитета необходимыми составляющими концепта "Родина" являются следующие важные понятия, – формулирует З. Фомина свои выводы. – a) "Деревня", что понятно, поскольку Россия издревле была аграрной (деревенской) страной; b) "Москва" как "Ego" / "Serdce" vsej strany; c) "древнерусские города" (Новгород, города так называемого "Золотого кольца"); d) "Санкт-Петербург" и, наконец, e) "Река" (Волга, Дон, Енисей). Эти понятия можно считать своеобразными визитными карточками страны, без которых нельзя представить Россию» [Fomina 2004: 104].

На первый, общий взгляд, такой вывод вполне приемлем, ибо он традиционен для поисков национального в пословицах, тем более – с ярко маркированными локально и исторически компонентами. Конкретный сопоставительный анализ многих пословиц с компонентом *Москва* (*Москва всем городам мать; Москва людна и хлебна; Москва любит запасец; В Москву бресть – последнюю копейку несть; Москва слезам не верит; Жить в Москве – пожить в тоске* и др.) на фоне европейских паремий аналогичного типа, однако, весьма сужает их собственно национальные потенции. Так, пословица *Москва всем городам мать* имеет в Европе массу "национальных" параллелей – ср. чеш. *Praha je matka měst* (*Прага – мать городов*). Легко подобрать – разумеется, на уровне паремиологических концептов, а не пословичной

inslav

формы – и параллели из других языков к большинству пословиц о Москве, приводимых З. Фоминой. Так, в числе актуальных сейчас чешских пословиц о Праге зафиксированы такие: *V Praze blaze, kdo má peníze* [Bittnerová, Schindler 1997: 25]; *Za peníze v Praze dům, ve Vídni dva* (s. 57); *Kdo je z Prahy, ten zná tahy* (s. 71); *Za rok také Praha vystavěna nebyla* (s. 124). Подобную подборку концептуальной оценки большого столичного города можно найти и в других языках. Вот оценка украинцами Киева: *Від Києва до Львова всюди біда однакова; Далеко п'яному до Києва; Дурний і в Києві не купить розуму; Київ відразу не збудували; Так і в Києві сидять, як свічки поїдять; Що в Києві, то і під Києвом* и др. [ПП 3: 280]. Вот – пословицы о Варшаве: *Choć Warszawa siasna, ale jasna; Do Warszawy po buty, do Krakowa po żonę; Kto nie umie kraść i oszukiwać, nie ma się po co w Warszawie znajdywać; Lepiej w nocy na wsi niż w dzień w Warszawie; Na uciechy i zabawy trzeba jechać do Warszawy; Nie tylko w Warszawie śni się ludziom na jawie; Poszła bieda do Warszawy i tam nie ma wielkiej sławy; Spytałbym, co Warszawa kosztuje; Warszawy nie zadziwisz* и др. [NKP 3: 615–616]. В ряду польских пословиц, кстати, можно найти и такие, в которых есть компонентные маркеры русских, – напр., пословица о Варшаве, по дороге из которой "пыхтит... самовар": *Od Warszawy aż do Marek zapycha samowarek.* Или – уже известную нам пословицу о "матери городов", которая в польском фольклоре трансформирована в "мать бедных": *Warszawa jest biednych matka: kto mało ma, weźmie do ostatka.*

Концептуальное и интернациональное паремиологическое содержание, как видим, доминирует даже в случаях, когда национальная компонентная форма несомненна. Это и понятно, поскольку сама оппозиция "Своё ↔ "Чужое", "Родной дом" ↔ "Чужбина" и т.п. относится к универсалиям и находит отражение в культурах (в частности, литературах) самых разных народов [Piretto 1995; Djerić 2004]. Воплощенная в конкретные языковые формы, эта оппозиция (или концепты, ее репрезентирующие) нередко разворачивается на безграничном паремиологическом пространстве, выходя за пределы Европы. Причем, синтаксический каркас соответствующих пословиц в таких случаях оказывается типологически идентичен, несмотря на значительные языковые различия.

Типичный пример такого рода "национализации интернационального" – пословица *Москва не сразу строилась*, которая сразу же вызывает конкретные исторические ассоциации. И действительно: в какой-то степени эта пословица соответствует факту длительной застройки и постепенного разрастания Москвы

inslav

[ШСП 2002, 2002: 165–166]. В летописях она впервые упоминается при князе Юрии Долгоруком, под 1147 годом, хотя археологические раскопки свидетельствуют о поселениях на месте Москвы еще в IX–X вв. С начала XIII в. Москва становится центром Московского княжества, с XIV в. – Великого княжества Московского, со второй половины XV в. – столицей единого Российского государства, крупным торгово-ремесленным и культурным центром. Даже после перенесения столицы России в Петербург при Петре Первом (1712 г.) Москва продолжала оставаться второй столицей до возвращения ей столичного статуса в 1918 г.

Такого рода культурологический подтекст приводит некоторых историков русского языка к прямолинейной и в то же время противоречивой диагностике: "Собственно русское. Первоначально – *Москва не вдруг строилась*, – констатируют авторы одного из фразеологических словарей. – Возможно, влияние фр. *Paris ne s'est pas fait en un jour* (Париж был построен не в один день)" [Опыт 1987: 81]. Такая квалификация нашей пословицы здесь явно дана по принципу "единства противоположностей": быть "собственно русской" и в то же время образоваться под "влиянием" французской паремии одновременно она все-таки не могла. Да и французская параллель, приведенная составителями словаря – лишь одна из многих интернациональных воплощений концепта о постепенном сооружении большого города. Параллель, к которой русскую паремию ведет последовательная цепь славянских и неславянских пословиц, ареальный континуум которых свидетельствует не о заимствовании, а о древней общей для этих языков "национализации" интернационального концепта. Мы уже видели, что такие пословицы есть в близкородственных славянских языках: укр. *Київ відразу не збудували*; чеш. *Za rok také Praha vystavěna nebyla*. Ряд славянских параллелей легко продолжить: белор. *Не за дзень Вільня станавілася; Не адразу Вільня будавалася*; пол. *Nie od razu Kraków (Warszawę) zbudowano*; словен. *Ni na en dan sezidan Zagreb* и т.д. На европейском паремиологическом пространстве доминирует вариант этой пословицы с компонентом "Рим" [Wander 3: 1716; Röhrich 2001: 4, 1251], который во французском языке зафиксирован с 1190 г.: *Rome ne s'est pas fait en un jour* и известен в таких языках, как бельгийский, датский, английский, эстонский, финский, немецкий, венгерский, итальянский, литовский, норвежский, польский, португальский, провансальский, ретороманский, румынский, шотландский, испанский, шведский и др. Названия крупных городов, которые стали основой этой пословицы в разных языках,

inslav

весьма многообразны: Ааахен (нидерл., фризский), Брюгге (нидерл.), Буда (венгер.), Кёльн (нидерл., фризск.), Краков (белор., польск.), Эгер (венгер.), Гент (нидерл.), Львов (польск., укр.), Париж (франц.), Прага (чеш.), Вильнюс (белор.), Варшава (польск.), Вашингтон (англ.-амер.), Загреб (словен.), Замора (порт., исп.). Показательно, что и в наши дни постоянно возникают новые и новые варианты этой пословицы: таков, например, немецкий вариант, в котором речь идет о Любеке: *Lübeck ist in einem Tage gestiftet, aber nicht in einem Tage gebaut* [Lewandowska, Antos 2004: 181]. Столь многочисленные варианты общеевропейской пословицы, компактно описанные венгерским паремиологом Г. Пачолаем [Paczolay 1997: 449–451], демонстрируют общность представлений разных народов о том, что строительство больших городов требует больших усилий и немалых затрат времени.

Таким образом, даже в пословицах и поговорках с национально маркированными компонентами нередко обнаруживаются черты типологического или генетического универсализма, свойственного концептуальной ткани паремий. Констатируя этот факт, не следует, однако, впадать в другую крайность, т.е. отрицание национальной специфики, столь же закономерно отражаемой пословицами. Каковы же возможности и методика разграничения типологического (т.е. универсально человеческого) и генетического (т.е. национально и локально специфического) в структуре пословиц?

Возможности анализа этой проблематики диктуются уже названным выше соотношением общего содержания паремий и конкретных форм воплощения этого содержания. Признаки национальной маркированности следует искать в языковой плоти пословиц, скрупулезно анализируя весь спектр их варьирования в каждом языке или диалекте. Именно наблюдения за варьированием той или иной пословицы с точным, детализированным ареальным ее описанием приближает паремиолога к ответу на "проклятый вопрос" об ее исконности в том или ином языке. Образец такого рода анализа дают исследования Э.Я. Кокаре, которая проецирует массированное и компактное описание географии латышских паремий на широкий европейский языковой фон, приходя к объективному выводу, что лишь 10% всех латышских типов пословиц относятся к балтийским, т.е. ограничиваются соответствиями на латышском и литовском языках [Кокаре 1978]. Продуктивно доказывает интернациональную основу большинства типов балтийских пословиц и литовский исследователь К. Григас, гармонически совмещающий тонкое и последователь-

inslav

ное описание вариантов с проекцией в такие языки, как белорусский, русский, польский, немецкий, английский, латинский, французский, испанский и др. [Grigas 1987]. Имея подобный детализированный материал для славянской фразеологии, автор этих строк предложил в свое время методику структурно-семантического моделирования, позволяющую, как кажется, относительно точно разграничить фразеологические параллели от фразеологических изоглосс [Мокиенко 1975] и, далее, – типологические схождения в области фразеологии от генетических [Мокиенко 1982, 1985].

Эта методика кажется весьма полезной и для структурно-семантического анализа русских пословиц на славянском и общеевропейском фоне.

Приведем два конкретных примера, иллюстрирующих такую методику.

Русская пословица *Как аукнется, так и откликнется* входит в паремиологическую универсалию, выделенную Г.Л. Пермяковым в виде оппозиций "Акция" ↔ "Реакция" и "Громко" ↔ "Тихо" [Пермяков 1979: 465]. Она, действительно, относится к общей концептуальной модели, представленной самыми разными формами выражения – напр., нем. *Wie du mir, so ich dir* (букв. *Как ты мне, так я тебе*); *Eine Hand wascht die andere* (*Рука руку моет*); *Wie man in den Wald hineinruft, so schallt es wieder heraus* (букв. *Как в лес кричат, так и отзывается* – Chlosta, Grzybek 2000: 199).

Две первых немецких пословицы соотносятся с русской лишь на уровне общей паремиологической оппозиции "Акция" ↔ "Реакция". Третья же соответствует русской как по структуре, так и по образу, что генетически их сближает. Национальным маркером русской пословицы в какой-то мере является лишь междометный глагол *аукаться*. Он образован от восклицания "Ау-у!", которым перекликаются идущие в лес грибники или ягодники, чтобы не заблудиться. Варианты русской пословицы показывают, что речь идет именно о "лесной" перекличке: *Каково аукнешь, таково и откликнется; Как в лес кликнешь, так и откликнется; Каково стукнешь, таково и отзовется*. Такая глагольная маркировка, однако, нерелевантна и может рассматриваться как межъязыковая вариантность. Аналогичные пословицы можно найти и в других славянских и неславянских языках: укр. *Як гукають, так і відгукуються;* бел. *Як гукнешь, так і адгукнецца; польск. Jak kto huka, tak mu echo odpowiada; чеш. Jak se do lesa volá, tak se ozývá;* болг. *Каквото повикало, таквоз се и обапило;* нем. *Wie man in den Wald hineinruft, so schallt es wieder heraus* (*Как в лес кричат, так и отзывается*); англ. *As the call, as*

inslav

the echo (*Каков зов, таково и эхо*); фр. *Tell voix, tel echo* (*Каков голос, таково и эхо*) и под. Ср. лат. *Ut salutamus, ita salutamur* (*Как мы приветствуем, так и нас приветствуют*). Во всех этих пословицах, видимо, первоначально отражалось мифологическое представление о "диалоге" с лесным духом: чем приветливее к нему обращается человек, тем лучше отношение "лесного хозяина" [ШСП 2002: 12–13]. Генетическая идентичность этих пословиц (кроме, пожалуй, английской, французской и латинской, имеющих несколько иную образность) подтверждается не только структурной и образной их идентичностью, но и наличием в каждом из названных языков массы вариантов (проецированных на широкие диалектные ареалы), ещё более их сближающих. Ср. рус.: *Как аукнется, так и откликнется* [Раз. 1957: 73, 154, 199; Соб. 1961: 32; Спир., 1985: 142]; *Каково аукнется, таково и откликнется* [ДП I, 29, 165; Д 1, 29; Д 2, 729; Снег. 1848: 162; ДП I: 149]; *Каково аукнешь, таково и откликнется* [ДП 1: 149; 165, 18]; *Каково аукнешь, таково и откликнешь* (Д 2, 729); *Каково аукнуть, таково и откликнется* [Д 4: 388]; *Как свистнешь, так и отзовется* [Рыбн. 1961: 106].

К. Григас [Grigas 1987: 320] также фиксирует большое число подобных литовских компонентных вариантов этой пословицы и их иноязычных параллелей и распределяет их на 4 группы:

1) *Kaip lauke šaukia, taip miske atsiliepia* (*Как в поле кликнешь, так в лесу и отзовётся*); рус. *Как в лесе кликнешь, так и откликнется;* бел. *Як у лесе гукнеш, так адазвецца;* нем. *Wie man in den Wald ruft, so bekommt man Antwort* и др.

2) *Kaip kas šaukia, taip ir atsiliepia* (*Как кликнешь, так и отзовётся*); рус. *Каково аукнешь, таково и откликнется;* бел. *Як гукнеш, так і ададгукнуць;* пол. *Jak kto krzyka, tak mu się odzywa* и др.

3) *Koks balsas, toks ir aidas* (*Каков голос, таково и эхо*); пол. *Jaki głos do lasu, taki nazad;* англ. *As the call, so the echo;* фр. *Tel bruit, tel écho* и др.

4) *Lauke šaukia, miške atsiliepia* (*В поле кликнут, в лесу отзовётся*).

По-видимому, активная вариантность и ареальная компактность приводимого материала дает основание свести группы 1, 2 и 4 в единую структурно-семантическую паремиологическую модель: "Как кликнешь + так откликнется". Генетически эти пословицы объединены общностью образа, структуры и переносного смысла. Вариации же легко интерпретируются как динамические мутации исходной генетической модели. Так, пословицы с ком-

inslav

понентами *пол*, *лес*, вероятно, являются исходными, а варианты, где они отсутствуют, видимо, – один из случаев имплицирования бóльшего текста в меньший [ср. Мокиенко 1989: 96–125].

Приведенный анализ демонстрирует количественную компонентную вариантность русской пословицы на широком иноязычном фоне. Такой анализ позволяет диагностировать исконно русское происхождение пословицы на индоевропейском ареале. Единственным маркером национальной специфичности при этом остаётся междометный глагол *аукаться (аукать)*, имеющий по сравнению с параллелями других языков более конкретную семантику и повышенную экспрессивность.

Интерпретацию с акцентом на различия в детализации исходного образа, можно предложить для двух русских пословиц: *В тихом омуте черти водятся* и *Тихие воды глубоки*. Первая по ареалу ограничивается восточнославянскими языками [Котова 2000: 107]. Вторая – широко зафиксирована во всех славянских (бел., укр., польск., чеш., словацк., в.-луж., болг., серб., хорв., словен. и др.) и неславянских (напр., др.-греч., лат., фр., итал., исп., лит., латыш., англ., нем., швед., венг. и др.) языках. В европейских паремиологических собраниях эти пословицы записаны с XIII в. в весьма близких вариантах, напр., *Тихие воды глубоки; Тихая вода берега подмывает; Тихая вода ломает запруду* и т.п. [Paczolay 1997: 373–376]. К. Григас распределил варианты этой общеевропейской пословицы на 8 типов, различия между которыми весьма невелики [Grigas 1987: 510–511].

Несмотря на общность смысла, структуры и частичное сходство компонентного состава структурно-семантический анализ позволяет констатировать различное происхождение и ареальную протяжённость этих двух русских пословиц. Первая из них по образности и компонентному составу является исконно русской. *Омут здесь* – 'глубокая яма на дне реки, озера'. В таких местах, по народным поверьям, и живут водяные и вировики – духи воды. Известен и вариант пословицы: *В тихом озере всегда черти водятся*. Пословица с вариантом *болото* известна также укр.: *У тихому болоті черти водяться (плодяться)* и бел. *У ціхім балоце черці вядуцца*. В этом случае речь идет о болотном черте – болотянике, который в иерархии чертей занимал важное место, поскольку болота считались любимым местом пребывания чертей. Ср.: *Было бы болото, а черти будут* [ШСП 2002: 183–184].

В русских собраниях пословиц можно найти и вариант, объединяющий оба образа: *В тихой воде омуты глубоки* [Спирин

inslav

1985: 77]. Он, однако, периферien, записан очень недавно собирателем-любителем фольклора и является лишь окказиональной контаминацией двух разных моделей и языковых воплощений единого паремиологического концепта. Образность и различный компонентный состав, а также национально маркированная культурологическая информация, "свёрнутая" в первой пословице, позволяет генетически "развести" эти две структурно подобные паремии.

Близость образа при различиях в структуре сопоставляемых пословиц также не является признаком их генетической общности. Так, рус. *Яйца курицу не учат*, нем. *Das Ei will klüger sei als die Henne* (*Яйцо хочет быть умнее курицы*) и англ. *Don't teach your grandmother to suck eggs* (*Не учи свою бабушку есть яйца*) объединены образно стержнем "Яйцо". Однако английская пословица имеет совершенно иную смысловую и синтаксическую структуру, что сразу же – несмотря на общность паремиологического концепта – отделяет ее генетически от русской и немецкой. В рамках 6 параллелей к русской пословице [Бігун 2002: 18–19] полным тождеством можно считать лишь укр. *Яйця курей не вчать*. Пол. *Czasem jajko kurę uczy* (*Иногда яйцо учит курицу*) генетически связано с русской и украинской, но по "негативной" структуре отличается от них. Вторая же польская пословица, приведенная как эквивалент к русской Г. Бигуном – *Jaje mądrzejsze od kury* (*Яйцо мудрее курицы*), уже не входит в её генетический континуум, а представляет иную образную и структурную модель с близким паремиологическим содержанием. Корректно в этом отношении распределение вариантов соответствующей литовской пословицы и её иноязычных соответствий К. Григасом [Grigas 1987: 292–293]. В первую вариантную группу (по частотности и широте распространения) им выделен именно "положительный" иронический вариант: лит. *Kiaušinis vištą moko* (*Яйца учат курицу*); рус. *Яйца стали курицу учить*; белор. *Яйца курыцу вучаць*; пол. *Jajko kurę uczy*; нем. *Das Ei meistert die Henne*. Сюда можно добавить и серб. *Јаје кокошку учи* [Котова 2000: 181], полностью соответствующую этому паремиологическому ряду. Во вторую группу выделяется "негативный" вариант пословицы: лит. *Kiaušinis vištos nepatokys* (*Яйца курицу не учат*); рус. *Яйца курицу не учат;* белор. *Яйцы курэй не вучаць;* пол. *Jeszcze przykładu nie było, żeby jaje kurę uczyło* (*Ещё не было примера, чтобы яйцо учило курицу*). Последняя польская пословица в силу рифмованной структуры уже содержит определённую национальную маркировку, но явно сохраняет структурно-семантиче-

inslav

скую связь с генетическим источником. Другие репрезентации этой пословицы (напр., белор. *Разумнейшыя яйца за куры*) уже от этого источника далеки и могут рассматриваться как типологические параллели. Таков же и статус некоторых других славянских параллелей этой пословицы, напр.: словацк. *Vajce múdrejšie ako sliepka;* чеш. *Už vejce moudřejší než slepice* и др. [Котова 2000: 181].

Различия по оси "Национальное" ↔ "Интернациональное" при сопоставлении пословиц различных языков, разумеется, не укладываются в простую двучленную оппозицию "Своё" ↔ "Чужое". Анализ конкретного материала всегда даёт широкий спектр сходств и различий, затрудняющих точную квалификацию исконности или заимствования. При сопоставительном анализе русских и немецких пословиц, напр., выявляется 5 типов отношений [Мокиенко 1996]: 1) полное тождество (*Ворон ворону глаз не выклюем – Eine Krähe hackt deranderen die Auge nicht*); 2) частичное тождество (*Дурная голова ногам покоя не даёт – Ein dummer (toller) Kopf macht den Füßen Arbeit*); 3) тождество образа и структуры при различиях в объёме лексики, их воплощающих в русских и немецких паремиях (*Дураков не сеют, не орут, они сами растут (родятся) – Narren wachsen unbegossen*); 4) близость образа и структуры при различиях в компонентном составе (особенно стержневых компонентов): *С глаз долой – из сердца вон – Aus den Augen, aus dem Sinn*); 5) близость образа и общего содержания пословиц при расхождениях в синтаксической структуре и компонентном составе (*Бодливой корове Бог рог не даёт – Bose Kühe haben krumme Horner*). Внутри каждой из таких групп просматриваются ещё более детализированные различия, дающие конкретные обоснования паспортизации отношений между паремиями как генетически родственных или типологически сходных.

Таким образом, в свете последовательных сопоставлений русских пословиц, многие из них – если не большинство – оказываются не специфично-национальными, а интернациональными, имеющими соответствия в паремиологии Европы. Истоки такой "европейскости" русских паремий различны: это и древняя генетическая общность индоевропейских языков и фольклора; и разнообразные исторические и культурные контакты; и многовековая адаптация античного и христианского наследия; и целенаправленные усилия составителей паремиологических собраний по европеизации (resp. панславинизации) нашего общего пословичного наследия. Констатация такой общности, как мы видели, противоречит глобальной переоценке квоты национального в "языковой картине мира". Демонстрация общеев-

inslav

ропейского в русском паремиологическом фонде, однако, также таит в себе опасность глобализации, поскольку универсальность концептов в виде оппозиций может вести и к переоценке интернационального в ущерб национальному. Вот почему паспортизация европейского статуса каждой русской пословицы требует детализированного языкового анализа. Этот анализ предполагает учёт таких важных лингвистических параметров, как:

1) ареал паремии и описание семантических параллелей в разных языках;

2) структурно-семантическую моделируемость паремиологических параллелей и изоглосс с целью разграничения генетических и типологических схождений;

3) частотность употребления пословицы на ареальном континууме и иерархия её вариантов по данному параметру;

4) последовательность структурной динамики пословицы в пространственной проекции;

5) установление относительной хронологии функционирования пословицы в русском языке в соотношении с фиксацией её в других языковых зонах.

Понятно, что паремиологи-лингвисты далеко не всегда имеют достаточную информацию, обеспечивающую такой анализ по всем необходимым параметрам. Европейская паремиология, в том числе и русская, стоит перед необходимостью восполнять многие лакуны, порождённые глобально фольклористическим и этнографическим подходами к её анализу. К ним относится необходимость экспериментального статистического сбора данных о реальном употреблении и функционировании паремий в современных литературных языках и живой речи; детализированная фиксация их вариантности в их диахронической иерархии; обоснованная стилистическая квалификация паремий разных типов и мн. др. Не дожидаясь окончательного восполнения этих лакун, паремиологи-русисты и слависты могут уже и сейчас давать корректные и последовательные описания русских пословиц в общеевропейском контексте. Ведь современная лингвистическая паремиология – также, как Рим, Москва или Париж – строится не сразу.

ЛИТЕРАТУРА

Бігун Григорій. Прислів'я та приказки шістьма мовами: близько 2200 одиниць / Уклав Г. Бігун. 2-е вид., випр. і доп. К.: Тандем, 2003.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Под ред. проф. В.М. Мокиенко. СПб.: изд-во СПбГУ – Фолио-Пресс, 1998.

inslav

Благова Г.Ф. Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М.: Наука. Восточная литература, 2000.

Вежбицкая Анна. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. / Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996.

Верещагин, Костомаров 1973 – Язык и культура. Лингвострановедение и преподавание русского языка как иностранного. Изд. 3-е. М.: Русский язык, 1983.

Ганапольская Е.В. Фразеосемантическое поле "труд" в русском языке (в сопоставлении с английским): Автореф. канд. дисс. ... филол. наук. Л., 1995.

Д. – *Даль В.И.* Толковый словарь живого русского языка. 3-е изд. Т. 1–4. М., 1955.

Даль В.И. Пословицы русского народа. Изд. 3-е. В двух томах. М.: Художественная литература, 1984.

ДП – *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1957.

Жук. 1966 – *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Сов. энциклопедия, 1966.

Ил. – *Иллюстров И.И.* Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. СПб., 1910.

Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты): Автореф. канд. дисс. ... филол. наук. М., 1996.

Кокаре Э.Я. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках. Рига, 1978.

Кузьмин С.С., Шадрин Н.Л. Русско-английский словарь пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1989.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М.: Русские словари, 1997.

Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. СПб., 1902–1903.

Мокиенко В.М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? // Вопросы языкознания. 1973. № 2.

Мокиенко В.М. Фразеологические параллели и фразеологические изоглоссы в славянских диалектах // Вопросы фразеологии. Вып. IX. Самарканд, 1975.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1980. 2-е изд. М., 1989.

Мокиенко В.М. К разграничению генетических и типологических связей славянской поговорки // Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст. Материалы Международной конференции ЮНЕСКО. К.: Наукова думка, 1982.

Мокиенко В.М. К разграничению генетических и типологических связей славянской поговорки // Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej. – Warszawa, 1985.

Мокиенко В.М. Предисловие и комментарии к книге: Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. М.: Русские словари, 1994.

Мокиенко В.М. Славянские и немецкие пословицы (проблемы типологического и историко-этимологического сопоставления) // Slawische und deutsche Sprachwelt. Typologische Spezifika der slawischen Sprachen im Vergleich mit dem Deutschen (= Berliner slawistische Arbeiten). Hrsg. Wolfgang Gladrow, Sonja Heyl. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 1996.

inslav

Мокиенко В.М. От Авося до Ятя: Почему так говорят? Справочник по русской идиоматике. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1998.

Мокиенко В.М. Пушкинская *золотая рыбка* до и после Пушкина // Пушкин. Альманах / Под ред. С.Г. Шулежковой. Вып. 3. Магнитогорск: МаГУ, 2002.

Мокиенко В.М. Новая русская фразеология. Uniwersytet Opolski: Instytut Filologii Polskiej. Opole, 2003.

Мокиенко В.М. Русская мысль и речь М.И. Михельсона и современная фразеография // Проблемы фразеологической и лексической семантики. Материалы Международной научной конференции (Кострома, 18–20 марта 2004 г.). М.: ООО "ИТИ технологии", 2004.

Мокиенко В.М., Николаева Е.К. Русские пословицы и поговорки и нерусская картина мира // Русский язык на рубеже тысячелетий. 26–27 октября 2000. Материалы докладов и сообщений. Т. 1. Актуальные проблемы лингвистической теории и практики преподавания русского языка и культуры речи. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001.

Опыт 1987 – *Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Русский язык, 1987.

Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише. М., 1970.

Пермяков Г.Л. Грамматика пословичной мудрости // Пословицы и поговорки народов востока. М., 1979.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988.

Под., Зим. 1956 – *Подобин В.М., Зимина И.П.* Русские пословицы и поговорки. Л., 1956.

ПП – Прислів'я та приказки. Упорядник М.М. Пазяк. Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини. К.: Наукова думка, 1989; Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. К.: Наукова думка, 1990; Т. 3. Взаїмини між людьми. К.: Наукова думка, 1991.

ППЗ – Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVII–XX веков / Издание подготовили М.Я. Мельц, В.В. Митрофанова, Г.Г. Шаповалова. М.: Л., 1961.

Раз. 1957 – *Разумов А.А.* Мудрое слово: русские пословицы и поговорки. М., 1957.

Ройзензон Л.И. Фразеология и страноведение // Бюллетень по фразеологии. Самарканд, 1972. № 1.

Рыбн. 1961 – *Рыбникова М.А.* Русские пословицы и поговорки. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002.

Савенкова Л.Б. Русские паремии как функционирующая система: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002а.

Сидорков С.В. Пословично-поговорочные паремии как фактор структурно-смысловой организации дискурса. Ростов-на-Дону: Изд-во СКННЦ ВШ, 2003.

Сидоркова Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевое действие. Краснодар: Изд-во Краснодарск. ун-та, 1999.

Сим. 1899 – *Симони П.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собрал и приготовил к печати Павел Симони. СПб., 1899.

Снег. 1848 – *Снегирев И.М.* Русские народные пословицы и притчи, изданные И.М. Снегиревым с предисловием и дополнениями. М., 1848.

inslav

Соб. 1961 – *Соболев А.И.* Народные пословицы и поговорки. М., 1961.

Спир. 1985 – *Спирин А.С.* Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. Ростов-на-Дону, 1985.

Таглін Сергій. Про народні паремії*, національну свідомість та "малоросіянство" як етнопсихологічний феномен // Збірник Харьківського історико-філологічного товариства. Нова серія. Т. 3. Харьків 1994.

Тарланов З.К. Язык, этнос, время. Очерки по русскому и общему языкознанию. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1993.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа "Языки русской культуры", 1996.

Хлебцова О.А. Русский язык в пословицах, поговорках, крылатых словах, афоризмах. М.: Изд-во МИЭПУ, 1999.

ШСП 2002 – Школьный словарь живых русских пословиц / Сост.: Ю.А. Ермолаева, А.А. Зайнульдинов, Т.В. Кормилицына, В.М. Мокиенко, Е.И. Селиверстова, Н.Я. Якименко. Гл. ред. В.М. Мокиенко, редакторы: Е.К. Николаева, Е.И. Селиверстова. Спб.: Издательский дом "Нева"; "ОЛМА-ПРЕСС", 2002.

Arthaber A. Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue (italiana; latina; francese; spagnola; tedesca; inglese; greca antica). Milano: Ulrico Hoepli Editore, 1989.

Bittnerová Dana, Schindler Franz. Česká přísloví. Soudobý stav konce 20. století. Praha: Karolinum, nakladatelství Univerzity Karlovy, 1997.

Čelakovský Frant. Ladislav. Mudrosloví narodu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prostonárodních českých pořekadel. Uspořádal a vydal František Lad. Čelakovský. Praha: nakl. Vyšehrad, 1949.

Chlosta, Grzybek 2000 – Versuch macht klug? Logisch-semiotische Klassifikation bekannter deutscher Sprichwörter // Permjakov G.L. Die Grammatik der sprichwörtlichen Weisheit. Mit einer Analyse allgemene bekannter deutscher Sprichwörter. (=Phraseologie und Parömiologie. Bd. 4). Herausgegeben, übersetzt und bearbeitet von Peter Grzybek. Hohengehren GmbH: Schneider Verlag, 2000.

Djerić Zoran. Figury domu w poezji emigrantów słowiańskich XX wieku // Tradycja i nowatorstvo w kulturach i literaturach słowiańskich. Pod red. I. Kowalskiej-Paszt, J. Czaplińskiej, A. Horniatko-Szumiłowicz, M. Kuczyńskiej. Szczecin: Uniwersytet Szczeciński, 2004.

Dobrovol'skij D. Phraseologie und sprachliches Weltbild (Vorarbeiten zum Thesaurus der deutschen Idiomatik) // Földes, Cs. (ed.). Deutsche Phraseologie in Sprachsystem und Sprachverwendung. Wien, 1992.

Eismann Wolfgang. Phraseologie // Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen. Hrg. von Helmut Jachnow. Wiesbaden: Harrasowitz-Verlag, 1999.

Gluski Jerzy. Proverbs: A Comparative Book of English, French, German, Italian, Spanish and Russian Proverbs with a Latin Appendix. Amsterdam; London; New York, 1971.

Fomina Sinaida. Die Konzepte "Fremde" und "Heimat" in der russischen Parömiologie // Proverbium. Vol. 21. Vermont: University of Vermont, 2004.

Grigas K. Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvuių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis. Vilnius: Leydykla Vaga, 1987.

Grzybek P. Proverb // Simple forms 1994: Simple forms. An Encyclopaedia of Simple Text-Types in Lore and Literature. Koch Walter A. (ed.) Bochum: Universitätsverlag Dr. Norbert Brockmeyer, 1994.

inslav

Handbuch 1999 – Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen. Hrg. von Helmut Jachnow. Wiesbaden: Harrasowitz-Verlag, 1999.

Kelly Walter K. A collection of the Proverbs of All Nations. Edited by Wolfgang Mieder. Burlington, Vwemont: The University of Vermont "Provervium", 2002.

Komenský Jan Amos. Moudrost starých Čechů, za zrcadlo vystavěna potomkům. Z rukopisu Lesenského // Spisy Jana Amosa Komenského. Vydal Jan Novák. Číslo č. Praha, 1901.

Lauer Reinhard. Die russische Seele. (= Burstfelder Universitätsreden. Hsg. von Lothar Perlitt. Abt von Bursfelde, N 15). Gottingen: Verlag Göttinger Tageblatt GmbH&Co., 1997.

Lewandowska Anna, Antos Gerd. Sprichwörter als kulturelle Metaphern oder "Warum gebrauchen wir heute noch Sprichwörter?" Ein kultur-kognitiver Erklärungsversuch // Res humanae proverbiorum et sententiarum. Ad honorem Wolfgangi Mieder. Edidit Csaba Földes. Tübingen: Narr Verlag, 2004.

Mokienko V. Wolfgang Mieder und die moderne slawische Parömilogie und Phraseologie // Res humanae proverbiorum et sententiarum. Ad honorem Wolfgangi Mieder. Edidit Csaba Földes. Tübingen: Narr Verlag, 2004.

Neussel Frank. Toponyms in a Corpus of the Proverbs of Spain // Proverbium. Vol. 21. Vermont: University of Vermont, 2004.

NKP – Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / Pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego. T. 1–4. Warszawa, 1969–1978.

Nowak Elena. Phraseologische Einheiten mit den Komponenten "Herz" und "Seele" im Russischen, Deutschen und Spanischen. Magisterarbeit zur Erlangung des akademischen Grades Magister Artium (M.A.) im Fach Russistik. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin. Philosophische Fakultät II. Institut für Slawistik. Wiss. Betreuer: Profg. Dr. Wolfgang Gladrow, 1997.

Paczolay Gyula. European Proverbs in 55 languages with equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese. Veszprem: Nyomda Rt., 1997.

Permjakov G.L. Die Grammatik der sprichwörtlichen Weisheit. Mit einer Analyse allgemene bekannter deutscher Sprichwörter. (=Phraseologie und Parömiologie. Bd. 4). Herausgegeben, übersetzt und bearbeitet von Peter Grzybek. Hohengehren GmbH: Schneider Verlag, 2000.

Pilz Klaus-Dieter. 'Frauensleute und Mannsleute sind die besten Menschen'. Frau und Mann im Sprichwort (verschiedener Sprachen) // Europhras 95. Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt. Wolfgang Eismann (Hrsg.). (= Studien zur Phraseologie und Parämiologie; 15). Bochum: Universitätsverlag Dr.N. Brockmeyer, 1998.

Piretto Gian Piro. Тройка и поезд: "своё" и "чужое" в русской культуре // Studia Russica Helsingensia et Tartuensia, IV: "Своё" и "чужое" в литературе и культуре. Tzrtu Olikooli Kirjastus. Tartu, 1995.

Röhrich Lutz. Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Bd. 1–V. Freiburg; Basel; Wien, 2001.

Schindler Franz. Sprichwort im heutigen Tschechischen: empirische Untersuchungen und semantische Beschreibung. München: Otto Sagner, 1993.

Sielicki Franciszek. Postrzeganie "duszy rosyjskiej" przez Polaków // Słowianie wschodni. Duchowność – mentalność – kultura. Księga jubileuszowa dedukowana Prof. Ryszardowi Łużnemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Kraków, 1997.

Świerczyńscy Dobrosława i Andrzej. Przysłowia w sześciu językach. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1996.

inslav

Świerczyńscy Dobrosława i Andrzej. Słownik przysłówow w ośmi językach. Warszawa: wyd. Naukowe PWN, 2001.

Walter Harry, Mokienko Valerij. Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter. Lehrmaterial für Studenten der Slawistik. Greifswald, 2002.

Wander Karl Friedrich Wilhelm. Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. 5 Bde. Leipzig, 1867–1889. Ndr. Darmstadt, 1964; Ndr. Kettwig, 1987.

WdPh 2004 – Wörterbuch deutscher Phraseologismen mit englischen und slawischen Äquivalenten. H. Walter (Leitung), W. Breustedt, J. Getzin, J. Grätz, I. Kolsut. Dr. Harry Walter (Hgs.). Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2004.

Wildmann Oxana. Russische Sprichwörter im Spiegel des Deutschen am Beispiel der semantischen Felder mit der allgemeinen Bedeutung трудолюбие – лень/Fleiß-Faulheit. Greifswald, 2000.

К. Штейнке

(Германия)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ – РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И ЛИНГВИСТИКА

В лингвистике уже стало привычным делом сожалеть об угрозе, нависшей над малыми языками, и клясться, что их исчезновение сулит гибель культурному многообразию, а то и миру в целом. Так дает о себе знать неприятие глобализации, принимающей, подобно ужасному призраку, различные формы. Действительно, многие серьезные прогнозы сегодня допускают возможную гибель многих языков, причем уже в ближайшие десятилетия. Такие предостережения не возникают на пустом месте, но обычно служат выражением общего страха перед глобализацией, нивелированием всех различий и стандартизацией грядущего жизненного уклада. Боязнь всего этого приобрела четкие контуры после того, как в XX в. рухнули две диктатуры, ориентированные на стандартизацию жизни. Вовремя припомнились и романы-антиутопии – "Мы" Замятина и "1984" Оруэлла. Они черными красками рисуют будущее человечества, не пожелавшего свернуть с избранного пути. Вообще-то авторы этих страшных сценариев человеческой истории не намеревались сделать их рассадниками пессимизма и фатализма. Скорее всего они хотели, чтобы общество очнулось и притормозило свое роковое движение вперед.

Что все это означает для лингвистики и лингвистов?

inslav

Что же, и лингвистика видит мало утешительного в будущем многих и многих языков. Существуют разнообразные инициативы[1], как достаточно серьезного, так и расплывчато-декларативного свойства, направленные на то, чтобы приостановить гибель языков и целых языковых миров. Часто в этих потугах сквозит лишь безнадежность, присущая гуманитариям нынешнего времени. Она – свидетельство беспомощности и бессилия перед натиском экономических и технических проблем, неспособности дать трезвую оценку фактам.

Меры, предпринимаемые языковыми экологами для защиты языкового многообразия, кажутся мне весьма сомнительными, так как осуществляются без учета желания тех, кому они адресованы. В этом проявляется профессиональная слепота лингвистов, которые готовы превратить свободных людей в объект своих экспериментов.

Почему становится возможной такая ошибочная точка зрения? Представим себе ситуацию, знакомому каждому (и мне в том числе): исследователь наблюдает с близкого расстояния жизнь староверов в Болгарии, Польше или странах Балтии, болгарских католиков в Банате, горанцев и торбеши в Албании и т.д. В подобных экспедициях устанавливается дружелюбная, прямо-таки сердечная атмосфера. В обстановке обоюдной симпатии исследователь теряет необходимый критический настрой в отношении людей, которых он изучает. Все представляется ему в розовом свете. И вот уже исследователь готов помочь своим информаторам избавить и их язык, единственный и неповторимый, и сам их патриархальный уклад от всех язв нашей цивилизации. Кто из нынешних пропагандистов здорового образа жизни не поддержит запрет на курение у староверов? Какой интеллектуал не восхитится, тайно или явно, отказом от телевидения и других сомнительных технических завоеваний? И вот уже в работах о национальных меньшинствах и малых языковых группах то и дело ощущаешь грусть по поводу того, что на скорое исчезновение обречены тот или иной прекрасный диалект и связанная с ним богатая, оригинальная культура. Но кто же всерьез захотел бы вечно жить в музее? А ведь именно этого требует ученый от своих информаторов, когда он желает убедить их отгородиться от всего нового и замкнуться в собственном мирке.

---

[1] В связи с этим следует назвать "Gesellschaft für bedrohte Völker" [www.gfbv.de] или "European Charter for Regional or Minority Languages" [www.coe.fr/eng./legaltxt/148e.htm].

inslav

К тому же такой взгляд на культуру как на нечто статичное может привести лишь к стагнации и эпигонству. Впрочем, оценки условий жизни национальных меньшинств нередко основываются на ложных посылках, что подрывает ценность каких-либо прогнозов. Обрисовав в общих чертах проблематику вопроса, перейдем к рассмотрению ее истоков. Имеет ли она отношение к глобализации? Действительно ли глобализация угрожает языковому многообразию? Если да, то в чем конкретно выражается эта угроза?

Обсудим в начале само понятие "глобализация", которое у всех на устах. Исходным фактором тут является развитие экономики, техники, транспорта и, прежде всего, коммуникаций. Этот конгломерат различных феноменов сегодня часто рассматривается как замкнутое в себе понятийное единство. Затем под "глобализацией" подразумевают постепенный процесс гомогенизации, охватывающий все сферы жизни, перед которым каждый человек ощущает свою беспомощность. Это связано с такими техническими достижениями, от которых, если говорить начистоту, никто не хочет отказываться. Кто сегодня мыслит свою жизнь без железной дороги, автомобиля, самолета, телефона, компьютера и т.д.? Самые решительные противники глобализации в процессе борьбы пользуются, ничтоже сумняшеся, интернетом и мобильниками. Как сторонникам, так и противникам глобализации грядущий мир представляется одной всемирной деревней (global village) с одним жизненным укладом, одной культурой и (что больше всего волнует лингвистов) одним языком. В глазах многих вопрос о всемирном языке решен, такой язык уже определился, безусловно им является английский язык. Вспомним в этой связи время расцвета коммунизма с его мечтами о единстве пролетариата. Тогда языком самого передового пролетариата был русский, и именно он впоследствии должен был обрести мировое господство. Что можно сказать по этому поводу?

Глобализация, если обратиться к подробным исследованиям, оказывается пустым лозунгом, бумажным тигром.

Квинтэссенцией изысканий в данном вопросе можно считать определение из "The New Encyclopaedia Britannica": *"Research on globalization has shown that it is not an omnipotent, unidirectional force leveling everything in its path. Because a global culture does not exist, any search for it will be futile. It is more fruitful to focus on particular aspects of life that are indeed affected by globalizing process"* [The New Encyclopaedia Britannica, 15 изд.,

inslav

том 20: 134][2]. К этому остроумному проницательному анализу нечего добавить. Создание единого всемирного языка является утопией, осуществление которой не принесло бы человечеству облегчения. Впрочем, памятуя об этом определении, не станем забывать о "particular aspects of language", которые затронуты процессом глобализации. Они не просто достойны исследования – их детальный и объективный анализ является обязанностью лингвиста.

Глобализация в сфере языка не может считаться порождением только Нового времени. Достаточно вспомнить об эллинизации, латинизации, балканизации или арабизации большого гетерогенного ареала в древности и в средневековье.

Что действительно является новым, так это масштаб процесса, обусловленный научно-техническим прогрессом, а также его невероятная скорость. Не только компьютерные вирусы, но и новые идеи, понятия, слова и т.д. распространяются по земному шару с молниеносной быстротой. Многие усматривают в этом не только количественный, но и качественный феномен. Водораздел проходит по этому пункту. В ходе актуальной в наше время дискуссии об американизации часто высказывается мнение, что европейская культура сдает свои позиции и капитулирует перед американской. Даже древние культурные языки уходят на периферию и вытесняются английским.

В этом процессе надо различить два аспекта. Во-первых, действует смешной закон, гласящий: *"кому нечего сказать, тот говорит по-английски"*. Такую формулировку предложило Общество немецкого языка, которое серьезно отмечает самые заметные языковые промахи. В настоящее время это почти исключительно англицизмы. В круг "лауреатов" попадают не только рекламные менеджеры, но, бывает, и ректоры университетов, которые тоже хотят выглядеть современно. Общество немецкого языка справедливо критикует эти попытки, определяя их как "недостойное приспособление немецкого вузовского ландшафта к американской системе".

Такие увлечения модой, порожденные тщеславием, существовали всегда, они уже увековечены мировой литературой. До-

---

[2] Перевод: "Исследования по глобализации показали, что она не является всемогущей неуклонной силой, выравнивающей все на своем пути. Всемирной культуры не существует, поэтому все попытки отыскать ее являются тщетными. Более плодотворным было бы стремление сфокусироваться на отдельных сторонах жизни, которые действительно затронуты процессом глобализации".

inslav

статочно вспомнить, как высмеивается галломания в пьесе Лессинга "Минна фон Барнхельм", где французское *"corriger la fortune"* передается как "обманывать". Мода не стоит того, чтобы с нею бороться, так как со временем она сама по себе сходит на нет. Насмешка – самое сильное средство борьбы с модой? И оно оказывается куда эффективней, чем серьезные занятия этим явлением.

Иначе обстоит дело с заимствованием слов, оборотов и новых средств выражения, которые потоком хлынули из американского варианта английского языка. Очевидно, что наличие иностранных слов является косвенным показателем общественных изменений, которые отражаются в языке. В настоящее время большое число заимствований говорит об особой динамике развития языка, в то время как отсутствие чужих элементов предвещает изоляцию языковой общности, а с ней стагнацию и отсталость.

Движение в сфере культуры и в других областях человеческой жизни возникает лишь в ходе соревнования различных идей, культур, систем. Применительно к капиталистическому развитию говорят: конкуренция оживляет бизнес. Применительно к лингвистике это звучит так: язык, не способный к приспособлению, теряет свою ценность. Иными словами, контакт и языковой обмен с другими обществами являются *conditio sine qua non* для способности языка к функционированию в полном объеме. Даже в диалектах старообрядцев, которых трудно заподозрить в приверженности к прогрессу, в диаспорах всегда обнаруживается влияние окружения[3], с которым они общаются. Особенно заметно это у староверов Северной Америки, критически относящихся к американскому образу жизни (*"american way of life"*), под влиянием которого они находятся. Их диалект впитал многие чуждые языковые элементы. Здесь, как и везде, это необходимо для сохранения способности к функционированию. Заимствования всегда осуществляются по законам принимающего языка, причем результаты процесса иной раз могут поставить в тупик. Так, слову "бармен" (название профессии, едва ли существовавшей в гастрономической культуре социализма) сегодня соответствует в русском языке женск. "барменша", в болгарском "барменка". Для американского уха эти слова, объединяющие в своей структуре обозначение мужчины и женщины, должны звучать весьма дико.

---

[3] Ср.: *Никитина С.Е.* Русские конфессиональные группы в США: лингвокультурная проблематика // Русский язык зарубежья. М., 2001.

inslav

Бессмысленной тавтологией должна казаться англосаксам и форма мн.ч. *Chipsy* или *Čipsy*[4] (из чешского компьютерного жаргона), так как англ. *Chips* уже указывает на мн.ч. Эти формы обусловлены чешской грамматической системой, что и позволяет им свободно функционировать в чешском языке. Даже в окказионализмах всегда очевидна их подчиненность своей языковой системе, отклонения здесь едва ли возможны.

В то время как морфологическая и грамматическая адаптация чужих элементов, как правило, не вызывает проблем и протекает почти автоматически, в написании могут возникнуть значительные сложности. Причиной тому служат определенные орфографические навыки. В немецком языке царит ситуация почти полного хаоса, англицизмы усваиваются в оригинальной форме почти при полном отсутствии транскрипций для них. А вот в албанском, как правило, они транскрибируются, включая имена собственные (*Shekspir* вместо *Shakespeare*). Отсюда следует, что у немцев, недостаточно владеющих английским, возникают определенные трудности при чтении англицизмов, тем более, что соотношение графем и фонем в немецком и английском языках различное. Русским читателям проще, так как при передаче англицизмов кириллицей имеет место фонетическая транскрипция. Слово *"пиарить"* может без труда прочесть и написать каждый русский, даже если он не понимает его значения (это наблюдение я сделал при тестировании русских студентов в Германии).

Все эти рассуждения непосредственно подводят ко второму из заявленных в названии настоящей статьи понятий. Речь идет о "регионализме", или, если имеется в виду процесс, о "регионализации". Для этого понятия существует многозначное и сжатое определение в *Webster's Comprehensive Dictionary of the English Language* (1966): 1. *An emotional loyalty or strong feeling for a particular region.* 2. *An emphasis on regional flavor in art and literature.* 3. *A specific habit, custom, or way of speaking*[5] *of a certain region* (s.1061)[6]. Для индивидуума связь с определенным регионом выполняет защитную функцию, она способствует налаживанию со-

---

[4] Этот пример указывает на существование важных лингвистических проблем, связанных с культурой речи.

[5] Здесь речь идет о языковых регионализмах в виде диалектов и региональных языков и т.д., следовательно, о лингвистических масштабах этого феномена.

[6] Ср. перевод: "1. Эмоциональная привязанность или сильное чувство по отношению к какому-либо региону. 2. Подчеркивание региональных особенностей в искусстве и литературе. 3. Характерная черта, обычай или манера выражаться, присущая какому-либо региону".

inslav

циальных связей и дает ощущение безопасности. Все это проявляется в чувстве солидарности ("Мы"), в защите от всего чужого, от всех влияний извне, угрожающих целостности личности. Естественно, что важную роль при этом играет охрана всего того, чем владеет индивидуум, как следствие – оказывается предпочтение региональному продукту, проявляется забота о местных обычаях, о языке. Использование областных языковых вариантов является мерилом силы регионализма. Отсюда следует, что марксистская интерпретация этого явления представляется не вполне убедительной. Пусть сегодняшние диалекты в большинстве своем возникли в эпоху феодализма – совсем необязательно, чтобы они исчезли вместе с изменением общественных и экономических отношений. Есть отчетливое различие в отношении к диалекту в России и Франции, с одной стороны, и в Германии, Швейцарии и Италии – с другой. Причина этого не в различии общественных структур, а в форме государственного управления, в особенности – в значении регионов в данном государстве. В централизованном государстве в диалектах видят помеху, в федеративных – вырабатывают компромисс между центром и регионами, воспринимая областные языковые различия как нечто само собой разумеющееся. Между тем и в централизованных государствах регионализация приобретает относительное значение в качестве противовеса глобализации, а также для поддержания своей самобытности и своего языка. В связи с этим не приходится удивляться, когда Франция при помощи государственных постановлений пытается поставить заслон англицизмам, в то время как Германия, изведавшая силу регионов, не устанавливает в этом вопросе никаких запретов.

Регионализация, если представить себе современное движение русинов, может пересекать границы государств. Это движение, концентрируясь в восточной Словакии, воздействует и на соседние страны. С другой стороны, регионализм может преследовать и особые интересы внутри отдельного государства. Так, кашубы, усиленно укрепляя свое языковое своеобразие в общественной жизни, в настоящее время находятся на пути к тому, чтобы кашубский язык стал языком региона, наряду с польским. В итоге такая тенденция может привести к глоттотомии (рассечению языка), как это случилось в Югославии, где после распада федерации сербскохорватский язык утратил свой базис и были созданы новые государственные языки.

В контексте нашего исследования более важной представляется сила, которая, проявляясь в развитии регионов, направлена

inslav

против глобализации. Как, применительно к физике, *actio* равно *reactio*, так и тут рождается противодействие.

Глобализация отнюдь не улица с односторонним движением, она вызывает к жизни и силы, движущиеся в противоположном направлении (они особенно значительны в экономически развитых странах, где государство находится под защитой мощных полицейских служб безопасности). Применительно к нашей теме, это означает, что предположение, будто английский может стать языком всего мира или даже родным языком всего населения Земли, является утопией. Уже на самом англоязычном пространстве обнаружились существенные различия, сфера английского языка стала неоднородной, британский английский и американский английский изучаются как отдельные дисциплины. Вероятно то же можно будет сказать и про варианты английского в Австралии и Новой Зеландии. Особую форму издавна представляет собой английский язык Индии. Этот вариант рождает в памяти сравнения с вульгарной латынью.

Продолжим параллель с латынью. Это был единый язык общения и управления в империи, в то время как в провинции, включая в себя элементы других наречий, развивались местные диалекты. Впоследствии из них возникли совершенно новые романские языки. Так что языковое многообразие и языковая специфика никуда не исчезли, но лишь получили иную, новую форму. Несомненно, английский как язык делового общения, точнее, ломаный английский, охватил весь мир. Отрицать это было бы глупо. Разумеется это именно мировой язык делового общения, ломаный английский в классическом смысле слова, а никакая не новая родная речь. Англичане порой приходят в ужас от того английского, который они слышат из уст иностранцев, и не спешат отождествлять его со своим языком.

Мы набросали эскиз напряженных взаимоотношений между силами глобализации и регионализации. Какую роль могут они играть с точки зрения лингвистики? Само собой разумеется, что они оказывают влияние на язык, как и любые экономические, общественные и культурные изменения. Перед лингвистом, изучающим процесс трансформации языка, лежит в данном случае широкое поле деятельности. От него требуется провести точный научный анализ на основе частных социолингвистических дисциплин: контактной лингвистики, исследований билингвизма, языковой политики и т.д.

Предпосылкой научной работы остается одно: лингвист должен проводить четкую границу между своей наукой и политикой.

inslav

Как гражданин (*zoon politikon*) он имеет не только право, но и обязанность быть политически ангажированным. Но и смешивать политику с наукой он также не должен. Это совсем не просто, так как ученый, как правило, эмоционально тесно связан со своим языком. Однако нельзя, чтобы политическая ангажированность приводила к научным спекуляциям. Такая опасность особенно возрастает, если лингвисты из *Комитета защиты родного языка* сотрудничают с националистическими партиями или являются их членами. В националистически зашоренном восприятии пуристов заимствования кажутся главной опасностью, с ними и ведется сомнительная культурная война, меж тем как истинная проблема (использование чужих элементов в необходимых пропорциях) игнорируется. Язык – самый важный инструмент человеческого общения и как всякий инструмент он требует для бесперебойной работы надлежащего ухода. Забота о языке предполагает ответственное отношение к регулированию языковых новаций.

Как бы то ни было, употребление родного языка есть важнейшее право, признанное большинством конституций и защищенное Хартией Европейского сообщества. Конечно, нельзя терпеть, чтобы использование какого-либо языка сдерживалось запретами или препятствиями. Вспомним запрещение украинского и польского языков при царизме или немецкого языка после 1945 г. в СССР и Польской Народной Республике. Последний запрет дает о себе знать и в наши дни, когда многие из реэмигрантов слабо или совершенно не владеют немецким языком, так что для них пришлось ввести языковое тестирование.

Несомненно, что борьба за сохранение национальных меньшинств и их языков проходит не без осложнений, так как имеет политическую окраску. Позиции сторон можно описать следующим образом: защитники большинства выдвигают аргументы экономического и утилитарного характера, в то время как функционеры меньшинства, стремясь усилить свои позиции, преследуют иногда сугубо личные цели.

При этом не всегда ясно, в чем же состоят интересы меньшинства – в сохранении родного языка и традиций или же в том, чтобы, усвоив язык большинства, добиться экономических и социальных преимуществ. Решать такие вопросы можно только индивидуально, а не коллективно.

В целом надо отметить, что сохранение многоязычия предпочтительно не только для национальных меньшинств, но и для представителей крупных языковых сообществ. Новое глобаль-

inslav

ное коммуникационное общество не сможет обойтись одним языком, по крайней мере, всеобщим арго на основе английского. Напротив, знание многих языков станет важнейшей предпосылкой профессионального успеха.

Перевод М.И. Ермаковой

А.С. Стыкалин

(Россия)

ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ В РАБОТАХ И. БИБО

Среди оригинальных центральноевропейских мыслителей[1], чье обширное творческое наследие в полном объеме и без купюр стало вводиться в научный оборот только в период "смены систем" в бывших странах советского лагеря, т.е. с рубежа 1980–1990-х годов, следует безусловно упомянуть венгра Иштва-

[1] Говоря о Средней (Центральной) Европе, мы имеем в виду регион, за которым в англоязычной литературе прочно закрепилось трудно переводимое на русский язык понятие "East Central Europe". То есть речь идет о восточной части Центральной Европы, тогда как западной можно условно считать Германию. Т.М. Исламов, наиболее авторитетный в России специалист по новой истории стран этого региона, считает термин "Средняя Европа" более предпочтительным, нежели "Центральная Европа", поскольку "подразумеваемые страны центрального положения по отношению ко всей остальной Европе никогда, ни в прошлом, ни в настоящем, не занимали и не займут, очевидно, в обозримом будущем. Нас вправе спросить: если это "центр", то где же периферия? Или таковой надо считать Западную Европу? Но ведь не о чистой географии идет речь, а об истории, о прогрессе, о цивилизации и культуре. Мы за менее вызывающий и претенциозный, более умеренно-точный термин Средняя Европа, ибо регион этот занимает промежуточное положение между Западом и Востоком и в содержательном плане, историко-культурном смысле представляет собой промежуточную зону" (*Исламов Т.М., Фалькович С.М.* Средняя Европа в Новое время (XVIII в. – 1918 г.) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 96). Несомненно, что в Средней (Центральной) Европе важным регионообразующим фактором было многонациональное государственное образование – Австрийская империя, с 1867 г. Австро-Венгерская монархия. По справедливому замечанию Т.М. Исламова, "Среднюю Европу на протяжении ее бурной истории могучими порывами кидало от берега к берегу до тех пор, пока утвер-

inslav

на Бибо (1911–1979). Человек огромной эрудиции и широкого диапазона интересов (социолог, историк, юрист, однако, прежде всего, политолог), Бибо не только стал одной из знаковых фигур целой эпохи в развитии венгерской общественной мысли, эпохи хотя и пройденной, но связанной множеством нитей с сегодняшним днем. Его лучшие работы, привлекая читателя мастерством политического анализа и умением обнаружить глубокое историческое измерение современных ему конкретных социальных явлений, по-прежнему востребованы венгерской гуманитарной интеллигенцией, осмысляющей многострадальный опыт своей нации в "некалендарном" XX веке (1914–1989)[2]. В последнее вре-

дившаяся здесь новая среднеевропейская империя не стабилизировала международно-правовой статус региона и его положение в отношении к соседним регионам" (*Исламов Т.М.* Средняя Европа на начальном этапе модернизации // Центральная Европа как исторический регион. М., 1996. С. 52). Говоря же о сегодняшнем восприятии жителями Центральной Европы своей региональной идентичности, следует заметить, что они в большей мере воспринимают собственный регион как "запоздалый Запад", нежели как зону столкновения западных и восточных влияний. Переходность и "промежуточность" этого региона не исключает, таким образом, духовной устремленности к западной цивилизации (См., например: *Кржен Я.* Центральная Европа: какой она видится из Чехии // Европейский альманах. 1993. М., 1993. С. 87–88). Осознание интеллигенцией и политическими кругами стран Центральной Европы своего в известной мере периферийного положения по отношению к Западной Европе и связанное с этим стремление объединиться с ней в некое целое сочетается, как правило, с довольно произвольной трактовкой восточных границ Центральной Европы. Как замечает хорватский ученый Д.Роксандич, в сегодняшней конкретно-исторической ситуации никому не хочется оставаться в Восточной Европе, и при этом некоторые полагают, «что с "исключением" восточного соседа из числа основных претендентов на объединение с европейским Западом может стать более легким собственный ускоренный успех в этом отношении» (*Роксандич Д.* "Европа граждан", Средняя Европа и границы Европы // Центральная Европа как исторический регион. С. 132). Наряду с многими другими исследованиями см.: *Исламов Т.М., Фрейдзон В.И.* Средняя Европа – миф, плод воображения или реальность? // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. 1992. М., 1992. С. 119–133; Австро-Венгрия: Опыт многонационального государства / Отв. редакторы Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М., 1995; *Миллер А.И.* Об истории концепции "Центральная Европа" // Центральная Европа как исторический регион; *Стыкалин А.С.* Центральная Европа как регион. Проблемы изучения // Центральная Европа в новое и новейшее время. М., 1998; Центрально-Европейский ежегодник 2003. Выпуск 1. Международные отношения и безопасность / Сост. И. Киш. М., 2003.

[2] С другой стороны, его последовательная приверженность своим идеалам в практической политике (а Бибо участвовал в ней с разной степенью активности и в годы борьбы с фашизмом, и в дни событий "будапештской осени" 1956 г., и позже, находясь в духовной оппозиции кадаровскому режиму) позволила наделить личность Иштвана Бибо определенной моральной харизмой. К нравственному

inslav

мя все больший интерес к наследию венгерского мыслителя проявляют и в соседних с Венгрией странах, связанных с родиной Бибо общностью исторических судеб в составе монархии Габсбургов, и позже, в эпоху социализма, взаимопереплетением культур и (пусть небезусловно и всего лишь до известной степени) специфической среднеевропейской ментальностью, пробивавшей себе дорогу вопреки всем драматическим, подчас кровавым катаклизмам, разводившим национальных политиков по разные стороны баррикад и наносившим каждой из наций региона раны, не заживавшие в течение нескольких десятилетий. Здесь достаточно сказать о серьезном отклике на творчество Бибо в Словакии после издания ряда его работ на словацком языке.

Иштван Бибо родился 7 августа 1911 г. в Будапеште в состоятельной интеллигентной семье кальвинистского вероисповедания, где не только почиталось знание, но сильно было сочувствие неимущим, а передававшийся из поколения в поколение весьма характерный для венгерской протестантской среды культ Л. Кошута, Ш. Петефи, героев антигабсбургской освободительной борьбы и революции 1848 г. был свободен от националистической зашоренности, не столь уж редкой среди представителей "христианского" городского среднего класса Венгрии, перенявшего многие черты менталитета венгерского дворянства эпохи дуализма, и в том числе не лучшие (к последним следует отнести представления о собственной национальной исключительности, и это в стране, где венгры составляли всего лишь половину населения; прибавившийся к этому с конца XIX в. сильный антисемитизм, приумножавшийся из-за трудностей конкуренции с выходцами из ассимилированного еврейства – особенно в бизнесе и сфере свободных профессий; тесно связанная именно с этими трудностями ориентация дворян на чиновничью карьеру в рамках существующей неэффективной бюрократической системы). Отец Бибо, человек очень образованный, автор ряда научных трудов по истории культуры, тоже был чиновником в министерстве образования и религии, а позже, в период хортизма, стал директором университетской библиотеки в г. Сегеде.

примеру Бибо-политика в сегодняшней Венгрии иной раз не прочь апеллировать и те, чьим общественно-политическим взглядам не слишком-то созвучны теоретические построения и духовные искания Бибо-мыслителя. Как бы там ни было, неоспоримо влияние Бибо на идейное становление многих политиков и интеллектуалов, составляющих леволиберальное крыло национальной элиты и представляющих соответствующий фланг в общественной жизни современной Венгрии.

inslav

Детские годы Бибо пришлись на череду драматических событий в венгерской истории: первая мировая война с невиданными доселе человеческими жертвами, падение Габсбургов осенью 1918 г. и коммунистический эксперимент 1919 г., подавленный после 133 дней существования Венгерской Советской Республики путем вооруженного вмешательства извне, наконец, Трианонский мирный договор 1920 г., имевший для Венгрии мало с чем сопоставимые исторические последствия.

Лидеры держав-победительниц, определявших послевоенные судьбы народов Центральной Европы, не поддержали, собравшись в Париже в 1919 г., стремления Будапешта сохранить за собой обширные территории, которые, будучи заселенными другими народами, входили испокон веков в историческое Королевство Венгрия. "Даже и тысячелетнее положение вещей не должно продолжаться, коль скоро оно признано противным справедливости", – заявил в своем обращении к венгерской делегации председатель Парижской мирной конференции, известный французский политик А. Мильеран[3]. Принимая решение не в пользу Венгрии, устроители Версальской системы были движимы, впрочем, не только абстрактными представлениями о справедливости, а в еще меньшей мере желанием наказать венгров за Советскую республику. Суть дела была не в эмоциях, речь шла в первую очередь о достижении равновесия сил в Дунайском бассейне в интересах будущей европейской стабильности, и ради этого пришлось подумать об ослаблении Венгрии – потенциального претендента на доминацию в регионе и вероятного союзника всегда способной воспрять Германии. И, несмотря на усилия группы международных экспертов, тщательно изучивших особенности расселения разных этносов в тех районах, где в силу смешанности состава населения было трудно или (как в Трансильвании) совсем невозможно провести размежевание по этническому принципу, установленные границы оказались, впрочем, далеки от идеала, поскольку в Центральной Европе сохранились обширные районы с компактным расселением национальных меньшинств. Так, каждый четвертый представитель венгерского этноса оказался за пределами своего национального государства.

Итоги мирного договора с Венгрией (в силу своего особого статуса в монархии Габсбургов причисленной, и не без основа-

[3] Цит. по: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы / Отв. редактор Т.М. Исламов. М., 2000. С. 319.

inslav

ний, к побежденным в первой мировой войне державам) потрясли в самой стране даже наиболее жестких критиков темных сторон довоенного режима и, в частности, его национальной политики. Ведь в самом деле, неизменно претендовавшая на ведущую роль на востоке Центральной Европы Венгрия была теперь низведена до положения малого государства – соседние Румыния, Чехословакия и Югославия каждая в отдельности превзошли ее по площади и по численности населения.

Влияние Трианона на венгерское национальное самосознание трудно переоценить. Последнее, пишет современный венгерский историк Л. Контлер, "было скроено по образцу, вполне соответствовавшему мироощущению граждан среднего по размерам государства с 20–30-миллионным населением, в котором мадьярский приоритет базировался не только на вульгарных принципах статистического большинства", но и "на исторических и политических достижениях нации. Такое самосознание испытало ужас ментальной клаустрофобии, когда его заставили втиснуться в узкие пределы маленькой страны, населенной всего 8 млн граждан"[4]. Не удивительно, что внешняя политика хортистского режима, направленная на ревизию трианонских границ (а, пожалуй, ни одно европейское государство, включая Германию, не выдвигало требований пересмотра версальских мирных договоров в их территориальном аспекте с такой настойчивостью и упорством, как Венгрия), была всецело поддержана общественным мнением страны, в течение двух межвоенных десятилетий так и не адаптировавшимся к новой геополитической ситуации. С точки зрения внутренней политики, лозунг ревизии Трианона имел огромное консолидирующее значение, став важнейшим инструментом достижения национального единства.

Таким образом, годы юности и духовного взросления Бибо совпали со временем воинствующего национализма (поначалу в основном консервативно-монархической, а в 1930-е годы все чаще крайне правой окраски). Либеральные, демократические, а тем более социалистические ценности, вызывая в памяти нации события 1918–1920 гг., третировались не только официальной пропагандой, но и значительной частью общественного мнения или по меньшей мере воспринимались им с подозрением как нечто способствовавшее национальному унижению. Вместе с тем и людям, чуждым национальной ограниченности, трудно

---

[4] *Контлер Ласло*. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 424.

inslav

было уклониться от своих ответов на насущные вопросы, продиктованные временем. Выявление исторических истоков национальной катастрофы 1920 г., осмысление уроков Трианона, поиски путей преодоления губительной для национального духа "ментальной клаустрофобии", тесно связанные с определением реального (что отнюдь не означает: недостойного) места Венгрии среди доброжелательно настроенных к ней соседей – все это стало одним из главных направлений в духовных исканиях зрелого Бибо, особенно начиная с 1943–1944 гг., когда с обозначившейся перспективой падения "третьего рейха" вырисовываются контуры новой модели межгосударственных отношений в Центральной Европе.

По окончании в 1929 г. престижной гимназии Бибо поступил на юридический факультет университета в г. Сегеде. Основанный во второй половине XIX в. в трансильванском городе Коложваре (румынское название: Клуж) и эвакуированный после 1920 г. в пределы трианонской Венгрии, этот университет (расположенный на юго-востоке страны, совсем в преддверии Балкан) по замыслу самим своим существованием призван был доказать всей Европе культурное превосходство венгров над соседними народами. Хортистское правительство денег на него не жалело, и в результате по своему научному потенциалу сегедский университет в межвоенный период соответствовал самым высоким европейским меркам – можно назвать лауреата Нобелевской премии 1937 г. биохимика А. Сент-Дьерди, крупных специалистов по высшей математике, ученых других областей (далеко не в последнюю очередь, гуманитариев). С 1933 г. в течение двух лет Бибо совершенствовал свои знания в юридических и политических науках, будучи стипендиатом в Вене и Женеве. Позже стажировался также в Гааге в Международной правовой академии. Свое многомесячное пребывание за рубежом он объяснял не только вполне естественным стремлением глубже освоить новейшие достижения европейской правовой и политической мысли. В одном из писем 1935 г. начинающий юрист мотивировал свой отъезд за границу отсутствием в современной Венгрии духовной атмосферы, которая располагала бы к независимой интеллектуальной деятельности; в нашей стране, писал Бибо, каждый, кто стремится сохранить духовную независимость, в конце концов или эмигрирует, или, жертвуя наукой, включается в политику[5].

---

[5] См.: *Huszár Tibor*. Bibó István – a gondolkodó, a politikus // Bibó István. Válogatott tanulmányok. Harmadik kötet. 1971–1979. Bp., 1986. 393.o.

inslav

Неприятие политики означало не в последнюю очередь отсутствие в Венгрии серьезной политической силы, чью программу он разделял хотя бы в основных моментах. Между тем, обстановка середины 1930-х годов в Европе неизбежно втягивала в политику даже последовательно сторонившихся ее интеллектуалов. Находясь в 1934 г. в Австрии, Бибо становится непосредственным свидетелем острых политических столкновений и, в частности, февральского вооруженного выступления социал-демократического Шуцбунда, которое было подавлено клиро-фашистским режимом канцлера Э. Дольфуса (последний вскоре был убит сторонниками аншлюса). Приобретавшийся в эти годы жизненный опыт сказался в последующей деятельности Бибо – ученого и публициста. Кроме того, за рубежом он получил возможность посмотреть на свою родину, ее место в Европе глазами иностранных интеллектуалов, а судя по статье 1936 г. "Современный взгляд на мадьярство извне"[6], проблема эта уже в те годы его глубоко занимала.

Надо сказать, что серьезное обращение к этой проблеме в 1920–1930-е годы могло привести соотечественников Бибо к весьма неутешительным выводам, ибо предубеждение против Венгрии было очень сильно в среде даже самых либерально настроенных западноевропейских интеллектуалов, особенно во Франции. Живучий образ венгров как угнетателей соседних (не только славянских, но и восточно-романского) этносов дополнился новыми негативными чертами вследствие прогерманской ориентации венгерской правящей элиты во время первой мировой войны. Сыграли свою роль и коммунистический эксперимент 1919 г., и ревизионистские устремления хортистского режима, которым противостояли, защищая при поддержке Франции свои новые границы, страны Малой Антанты. Причем незавидный политический имидж Венгрии в межвоенной Европе в известной мере способствовал предубеждению против венгерской культуры и даже языка, само существование которого в иноязычном среднеевропейском окружении иногда рассматривалось как нечто иррациональное, мешающее взаимопониманию народов. В самой крайней, провокативной и даже циничной форме такую точку зрения выразил всемирно известный французский лингвист Антуан Мейе, еще в 1906 г. избранный иностранным членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. "В тот

[6] A mai külföld szemlélete a magyarságról // Bibó István. Válogatott tanulmányok. Első kötet. Bp., 1986. 149–160.o.

inslav

день, когда олигархическая структура Венгрии уступила бы натиску катящегося по всему миру простонародного движения, венгерский язык был бы сметен с лица земли вместе с обломками феодального сословия, которое насильственно навязало этот язык другим. Ведь венгерский язык был защищаем лишь политической силой этого сословия. Язык этот не несет в себе оригинальной цивилизации"[7], – писал он в конце 1920-х годов на волне антивенгерской истерии во Франции, усилившейся после нашумевшей финансовой диверсии: в отместку за Трианон венгерские авантюристы при участии хортистских спецслужб пытались наводнить рынки Франции фальшивыми деньгами, что едва не привело к серьезному расстройству финансовой системы в этой стране. Изложенные в одной из работ Мейе его представления о перспективах венгерского языка (независимо от мастшабов дарования этого исследователя) свидетельствовали прежде всего о том, что не только в сталинском СССР, но и в странах либерального Запада лингвистика не всегда была свободна от выполнения довольно грубого политического заказа, причем даже в трудах наиболее выдающихся ученых. Но как бы то ни было, ознакомление с подобными взглядами могло лишь утвердить Иштвана Бибо в его стремлении своей научной деятельностью способствовать в меру сил решению чрезвычайно нелегкой задачи – примирить национальные интересы Венгрии с интересами соседних народов и переустройством системы международных отношений в регионе на демократических принципах.

В ранних работах Бибо по проблемам философии и социологии права, правовой этики, международного права доминировал неокантианский подход, основанный на резком разграничении мира реальных фактов (поступков, действий) и мира ценностей, в частности, правовых. Мыслитель, восприимчивый к реальности, чуждый оторванных от жизни бесплодных схоластических упражнений, Бибо, однако, уже в 1930-е годы пытается преодолеть односторонность такого подхода на путях приближения к философии неопозитивизма, феноменологии, "новой онтологии" Н. Гартмана. Параллельно с эволюцией философских взглядов происходило изменение его отношения к политике.

Великий экономический кризис 1929–1933 гг. и наступление фашизма в Европе, как известно, способствовали "полевению" сознания многих европейских интеллектуалов разных поколе-

[7] Цит. по: Венгры и Европа. Сборник эссе / Сост. В. Середа и Й. Горетить. Предисловие и комментарии В. Середы. М., 2002. С. 33.

inslav

ний, усилению просоветских ориентаций вплоть до безудержной апологетики сталинской политики. При всех своих демократических симпатиях и глубоком неприятии хортистской системы молодой Бибо, по собственным позднейшим признаниям, не ощущал себя левым, питая надежды на реформы в рамках существующей системы. Тем не менее в середине 1930-х годов он сближается с более радикально настроенными участниками так называемого движения "народных писателей", оставившего очень заметный след в развитии не только художественного слова (Дюла Ийеш и Ласло Немет стали классиками национальной литературы), но и гуманитарных наук – социологии, этнографии. Начинающий ученый-юрист не только посещает собрания молодых интеллектуалов, ищущих пути разрешения аграрного вопроса. Рискуя поломать удачно складывавшуюся карьеру (а с середины 1930-х годов он служит в общегосударственных судебных органах, затем в министерстве юстиции), Бибо участвует в 1937 г. как один из идеологов в оппозиционной политической акции, организованной "народными писателями" в сотрудничестве с коммунистами-подпольщиками, искавшими себе союзников среди сторонников легальных методов борьбы. Эта акция вошла в новейшую историю Венгрии под названием Мартовский фронт[8]. Неуспех этого предприятия, так и не сумевшего предотвратить массированного наступления крайне правых сил в политической жизни Венгрии, был воспринят Бибо как личная неудача и на несколько лет отвратил его от участия в практической политике, заставив (без отрыва от службы в судебных инстанциях) сосредоточиться на научной работе. В 27 лет он избирается членом Венгерского философского общества. В 1940 г. Бибо окончательно принимает решение отказаться от судебной карьеры в пользу академической и избирается приват-доцентом Сегедского университета. Позже он признавал, что стремился, став видным универ-

[8] Через 20 лет, в работе 1957 г. "Положение в Венгрии и положение в мире", Бибо следующим образом объяснял мотивы взаимного сближения на антифашистской платформе людей различных политических убеждений: "Политика народного фронта – это признание того, что фашизму, культу грубой неумолимой силы противостоят как социалистическая установка, направленная на построение общества без эксплуатации, так и западная позиция, отстаивающая достигнутые завоевания политической свободы, причем между ними существует нравственное сообщество" (Мост, Будапешт, 1992. № 1–2. С. 33). Однако Сталин и его сторонники, развивал свою мысль Бибо, так прибрали к рукам эту политику, что похоронили ее, поскольку восприняли ее исключительно как тактический маневр, как хитрость в целях внесения раскола в существовавший, по их мнению, единый фронт капиталистов.

inslav

ситетским профессором, добиться большей духовной независимости и в силу своего статуса большей возможности влиять на политику в качестве публициста.

Острый территориальный спор между Венгрией и Румынией вокруг Трансильвании, резко обострившийся к концу 1930-х годов, получил временное разрешение вследствие непосредственного вмешательства Германии и Италии, в условиях начавшейся общеевропейской войны явно не заинтересованных в углублении раздора в стане своих союзников. Состоявшийся 30 августа 1940 г. Второй венский арбитраж принял решение о передаче Северной Трансильвании Венгрии. Новые власти возрождают в Коложваре венгерский университет, куда в 1941 г. приходит Бибо. В годы войны, живя попеременно в Будапеште и Коложваре, он много работает, не всегда рассчитывая на скорую публикацию своих трудов – с участием Венгрии в войне вводятся меры по дальнейшему ограничению политических свобод, становится почти невозможным открытое выражение в прессе последовательно демократических принципов. Если в опубликованных в те годы узкоспециальных статьях и рецензиях отношение к конкретной политической ситуации проявлялось по преимуществу лишь опосредованным образом, то в неопубликованных работах связь с политикой более прямая. Бибо пытается осмыслить причины резкого сдвига вправо в венгерской политической жизни, упрочения социальной базы партий профашистской ориентации, в частности нилашистов. В его рукописях, относящихся к началу 1940-х годов, большое место занимает критика расовой мифологии, крайне правых идеологий в различных национальных вариантах, причем в основе размышлений автора лежала мысль о том, что только радикальное обновление системы ценностей, доминирующих в общественном сознании, способно предотвратить наступление тоталитарных диктатур.

В 1942–1944 гг. Бибо работает над крупномасштабным по замыслу трудом “О европейском равновесии и мире”, выходя далеко за пределы юридической специфики, выступая уже по преимуществу как политический аналитик, опирающийся на глубокие знания истории и теории международных отношений. В одном из цельных фрагментов этого так и не завершенного труда (“Причины и история немецкой политической истерии”) он пытается осмыслить в контексте истории нового и новейшего времени тот комплекс внутренних и внешних, международных факторов, которые привели к столь невиданному грехопадению нацию, давшую человечеству Гете и Шиллера, Канта и Гегеля. Работа

inslav

"О европейском равновесии и мире" знаменательна тем, что в ней уже начинает развиваться жанр своеобразного политического эссе, принесший Бибо известность во второй половине 1940-х годов, предвосхищается характерный для его более поздних трудов метод анализа конкретно-исторических явлений, намечается круг проблем основных его работ, обрисовываются контуры ключевых понятий его системы идей, определяются ценностные ориентиры его общественно-политической позиции первых послевоенных лет. В подходе Бибо к рассмотрению истории и современных политических процессов слышатся отзвуки влияния разных философов и социологов – М. Вебера, Б. Кроче, Э. Дюркгейма, Й. Хейзинги, К. Манхейма.

Придавая решающее значение в развитии общества происходящему не в экономике (вопреки всей марксистской традиции), а в политической сфере, Бибо считал, что нормальному, безболезненному функционированию политической жизни отдельных стран, равно как и механизма международных отношений в пределах региона или всей Европы, мешают прежде всего социально-психологические феномены. Его специфический интерес к социально-психологическому аспекту политических процессов потребовал выработки адекватного категориального аппарата, обращения к таким терминам, как "политическое равновесие" и "политическая истерия", являющаяся реакцией на нарушение этого равновесия. Понятие "политическое равновесие" (внутреннее и международное) не сводится у Бибо к механическому соотношению объективно существующих в политике величин (т.е. политических факторов, политических субъектов, субъектов международных отношений и т.д.). При всей своей привязанности к конкретным, объективным реалиям, далеко не в последнюю очередь географическим, оно наполнено глубоким социально-психологическим содержанием. Это особенно отчетливо видно, когда происходит нарушение достигнутого равновесия. Возникающая в результате "политическая истерия" характеризуется устойчивыми состояниями страха перед общественными потрясениями, заговорами, революциями, нападениями извне, и страх этот проявляется во внутренней политике в преследовании действительных или мнимых политических противников, а во внешней – в раздувании мнимых угроз, в неадекватной реакции на те или иные шаги соседних государств. Представители определенных классов проявляют усиленную, не всегда в полной мере обоснованную обеспокоенность в связи с возможной утратой собственности и привилегий, а национальные политические эли-

inslav

ты по поводу претензий на те или иные принадлежащие данному государству территории со стороны непосредственных соседей. В любом случае речь идет о неспособности к реальному восприятию происходящих социально-политических процессов, об утрате ориентиров под воздействием сиюминутных эмоций, о невозможности для политиков давать взвешенные ответы на вызовы времени.

Обращаясь к историческим истокам возникновения тех "истерических" состояний, которые, периодически потрясая европейскую политику, провоцируют новые войны, создают напряженность в международных отношениях, Бибо не мог обойти стороной Великую Французскую революцию, которая вызвала к жизни противоречивые тенденции – с одной стороны, освободила от мощного феодального балласта европейское политическое и общественное развитие, высвободила демократические потенции общества, колоссальную творческую энергию масс, а с другой стороны, вышла из-под контроля сил, ее инициировавших, а затем пытавшихся встать во главе революционного процесса, что имело далеко идущие последствия. Своей неуправляемостью Французская революция стала на многие десятилетия вперед источником "политической истерии"[9]. Ведь именно опасения революционных катаклизмов породили в европейском политическом сознании и практике "романтические" тенденции, мешающие адекватной оценке ситуации и тем самым нередко нарушающие равновесие политической жизни. Поляризацию политической жизни в тех или иных конкретно-исторических условиях, неспособность создать сильный и эффективный центр, обрубив и ослабив радикальные фланги, определяли, согласно Бибо, не столько объективные социальные противоречия, сколько борьба с фантомами, чрезмерный страх политиков перед революционным взрывом. Венгерский мыслитель отнюдь не выступает здесь апологетом консервативной, контрреформаторской системы ценностей, сложившейся в эпоху Реставрации. Речь идет прежде всего о нарушении органичного развития, об искусственном ускорении событий под влиянием Великой Французской революции, например, о провозглашении республики, введении широкого избирательного права в условиях, когда еще не созрели внутренние

[9] Развивая свою мысль, Бибо доказывал, что со времени Французской революции в Европе не изжит страх перед радикальными революционными проявлениями: в XIX – начале XX в. разве что в одной лишь Англии власти могли проводить общественно-политические реформы в состоянии спокойной уверенности в том, что удастся избежать революционных потрясений.

inslav

предпосылки для действенного функционирования этих демократических механизмов (в этом, как и во многих других случаях, основанные на историческом материале построения Бибо позволяют проводить параллели с сегодняшним днем, что во многом как раз и объясняет востребованность работ Бибо политическими экспертами и публицистами в сегодняшней Венгрии и соседних странах).

Все это в первую очередь касается востока Центральной Европы. Демократические институты и в том числе современные конституции не стали здесь плодом органичного развития, они чаще всего заимствованы на Западе, причем существующие в обществе состояния страха перед диктатом неуправляемых масс часто мешают совершенствованию демократических механизмов. Недостаток политической культуры сопровождается деформацией национального сознания. Большинство наций Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европы привязывает свои патриотические чувства к территориям, которые, как правило, шире, нежели те, на которых является доминирующим язык данной нации (причем речь здесь идет в первую очередь именно о национальном, а не государственном, тем более имперском патриотизме). Происходит, таким образом, фетишизация определенной национальной (не только государственной) принадлежности спорных, полиэтничных и разноязыких "исторических земель" (например, Трансильвании), при этом ссылки на "историческое право" зачастую мешают прояснить картину с этническим составом населения. Ставя в своих работах (не только "О европейском равновесии и мире", но и в последующих, послевоенных) вопрос подобным образом, Бибо не просто шел против течения, но имел смелость наносить чувствительные удары по идолам, которым поклонялась вся венгерская политическая элита.

В странах восточнее Эльбы национализм и демократия редко находятся в органическом единстве, как это было в революционной Франции конца XVIII в. – с некоторыми оговорками об этом можно говорить применительно к Венгрии кануна революции 1848 г. Чаще, однако, страх перед возможной утратой определенных территорий, а в крайних случаях даже опасения за само существование нации порождают националистические настроения отнюдь не демократической направленности, что проявляется среди прочего в политике притеснения национальных меньшинств (когда возникает возможность для проведения такой политики). Общественное мнение в странах региона весьма

inslav

восприимчиво к шовинистическим, ирредентистским лозунгам, что широко использует в своих интересах антидемократическая пропаганда. Таким образом, особенности политической культуры в регионе мало способствуют прекращению национально-территориальных споров и установлению равновесия в международных отношениях. Причем политическая анархия в странах-наследницах монархии Габсбургов, а также на Балканах легко становится фактором (как это показал и опыт межвоенной истории), подрывающим равновесие сил на континенте в целом.

В работе "О европейском равновесии и мире" Бибо не просто изучал опыт прошлого, но пытался определить те принципы послевоенного устройства Европы, последовательное претворение которых в жизнь способно гарантировать длительное мирное сосуществование на континенте и в отдельных его регионах. Он полагал, что будущее Средней Европы зависит во многом от того, насколько большие державы примут во внимание специфические особенности развития стран региона, окажутся ли они способны избежать роковых ошибок, допущенных в Версале. С другой стороны, лидеры среднеевропейских государств могут добиться внутриполитической консолидации и внешнеполитической стабильности лишь в том случае, если их политика также будет строиться на должном историческом анализе этих особенностей.

Работа Бибо писалась в условиях, когда развитие событий на фронтах второй мировой войны давало Германии и ее союзникам все меньше шансов на конечный успех. Осознавая превосходство сил антифашистской коалиции, а значит и бесперспективность прогерманской ориентации, люди из окружения Хорти пытаются с ведома самого регента навести мосты к Британии и США, с тем, чтобы по возможности не допустить советской оккупации Венгрии и, кроме того, выторговать более щадящие условия мирного договора. Во избежание потери сателлита вермахт в марте 1944 г. оккупирует Венгрию. В эти черные месяцы сотни тысяч венгерских евреев становятся жертвами Холокоста. Проявляя личную смелость, Бибо помогал укрывать в Будапеште евреев, которым грозила расправа. За это он был арестован 16 октября, в дни отстранения адмирала Хорти от власти преданными "третьему рейху" нилашистами во главе с Ф.Салаши, развязавшими невиданный доселе в Венгрии массовый террор. Правда, через четыре дня он был освобожден, лишившись права занимать место на государственной службе и преподавать в университетах.

inslav

В дальнейшем он несколько месяцев живет на нелегальном положении, опасаясь нового ареста. Нилашистский террор был, однако, проявлением агонии крайне правого режима. По мере продвижения Красной Армии на Запад территория, находившаяся под контролем Салаши, все более сужалась. В декабре 1944 г. в освобожденном г. Дебрецене при советской поддержке было образовано временное правительство антифашистской коалиции с участием вышедших из подполья левых партий. Через считанные дни после завершения в феврале 1945 г. штурма Будапешта Бибо оказался востребованным новой властью, испытывавшей острую нужду в квалифицированных юристах, не запятнавших себя сотрудничеством с крайне правыми. Более года возглавляя отдел в аппарате МВД, он участвовал в разработке ряда законопроектов, выступал с инициативой коренной демократической реорганизации системы административно-территориального управления Венгрией[10]. Рациональные проекты Бибо были по достоинству оценены только в посткоммунистическое время, в 1940-е же годы они никак не могли быть воплощены в условиях обострившейся межпартийной борьбы, в которой все более задавала тон компартия, опиравшаяся на разностороннюю поддержку СССР. Вытеснив к середине 1948 г. своих конкурентов, она фактически монопольно утвердилась у власти на долгие годы[11]. Впрочем, уход Бибо с государственной службы в июле 1946 г. был вызван не только и не столько разногласиями с коллегами по МВД, в котором, кстати говоря, с конца 1945 г. почти безраздельно господствовали коммунисты. Напряженность вокруг его персоны возникла из-за его активной деятельности независимого публициста, малосовместимой со статусом государственного служащего.

По мнению Бибо, которое отчетливо прочитывается в его работах 1940-х годов, уважению к человеческой личности, свободе и демократии отнюдь не противоречат требования о создании общества, лишенного глубоких классовых антагонизмов, напротив, последовательное осуществление демократических принци-

---

[10] Суть его предложений состояла в упразднении изжившей себя комитатской системы управления, обеспечивавшей ведущие позиции консервативно настроенного дворянства, в силу особенностей своего менталитета игравшего, по убеждению Бибо, весьма отрицательную роль в венгерском общественном развитии нового времени.

[11] Не был среди прочего реализован представленный Бибо альтернативный план выселения немцев из Венгрии, менее жесткий в сравнении с тем проектом, что был принят правительством.

inslav

пов со всей неизбежностью ставит вопрос о социализме как общественном состоянии, исключающем политическую и экономическую дискриминацию. Таким образом, идея социализма была органической составляющей системы взглядов венгерского мыслителя, связывавшего ее с продолжением и развитием самых устойчивых ценностей гражданского общества. Будучи с мая 1945 г. членом союзнической коммунистам национальной крестьянской партии, он выступал за сотрудничество с компартией, в которой видел действенную политическую силу, выдвигающую наиболее развернутую и продуманную программу восстановления страны[12]. В то же время он считал недостаточно дифференцированной выдвигавшуюся коммунистами программу борьбы с реакцией и фашизмом, критиковал методы ее реализации. Радикально не принимая системы политических институций, унаследованной от хортизма, и выступая за углубление аграрной и социальных реформ, упразднение монархии, Бибо вместе с тем указывал на приоритетность решения такой задачи, как укрепление законности, стабильности функционирования новой власти[13]. Опубликовав в конце 1945 г. статью "Кризис венгерской демо-

---

[12] В 1946 г. Бибо писал о том, что в силу объективных геополитических условий Венгрия не может не проводить дружественной СССР политики, и уже это обстоятельство ставит вопрос о целесообразности приобщения коммунистов к управлению страной. Однако независимо от внешнеполитического фактора участие коммунистов во власти соответствует интересам Венгрии, поскольку в стране нет другой столь же мощной и организованной силы, которая бы, исходя из иной идеологии и прибегая к другой политической технологии, столь же последовательно стояла бы за насущные социальные реформы (A koa líció valaszúton // Bibó István. Válogatott tanulmányok. Második kötet. Bp., 1986. 349.o.). Причем вовлечение коммунистов во власть не является, по мнению Бибо, венгерской и даже восточноевропейской спецификой; в сложившихся в результате войны условиях силы "плебейской демократии", т.е. рабочий класс и формы его политической организации (партии, профсоюзы) могут стать серьезным фактором послевоенного демократического переустройства Европы. На склоне лет, в 1970-е годы, Бибо, чье отношение к марксизму и идее социализма претерпело к тому времени определенную эволюцию, не стыдился своей позиции середины 1940-х годов: каждый ответственный за собственные действия интеллектуал мог выбирать между делом восстановления (при участии коммунистов) и призывами к саботажу, что, разумеется, противоречило интересам Венгрии (Ibid., Harmadik kötet. 449.o.).

[13] Если и говорить о революции применительно к происходящему в послевоенной Венгрии, то она должна быть, по его мнению, "планомерной", т.е. не следует нарушать органичного развития общества, предпринимать меры, для которых не созрели объективные условия, надо по возможности избегать скачков и форсированных изменений, болезненно сказывающихся на положении населения и настроениях в массах.

inslav

кратии", он стал, вероятно, первым венгерским публицистом, который еще в 1945 г., выступая отнюдь не с консервативно-контрреформаторских позиций, обратил внимание на опасную тенденцию концентрации власти компартией, чреватую подрывом широкой демократической коалиции, необходимой для решения стоящих перед нацией задач[14]. Среди тех, кто спорил тогда с Бибо с более левых позиций, был и всемирно известный философ, классик западного неомарксизма XX в. Дьердь Лукач. Какие бы мощные интеллектуальные силы ни были брошены тогда против Бибо, действительность, однако, в скором времени во многом подтвердила правоту этого мыслителя, не связавшего себя в данном случае с официальной точкой зрения какой-либо определенной партии, но выступившего в качестве независимого политического эксперта – наблюдателя и аналитика все обострявшихся межпартийных конфликтов.

В 1946–1950 гг. Бибо был профессором Сегедского университета и одновременно одним из руководителей Института Пала Телеки в Будапеште, важного центра исторической и политической науки в Венгрии тех лет. Незадолго до кончины, в 1970-е годы, в одной из бесед с более молодыми коллегами он, размышляя о несинхронности биологического и исторического времени, с горькой усмешкой предложил друзьям выбить на своем надгробном памятнике даты жизни: 1945–1948. Ведь история именно в этот короткий период предоставила ему возможность активного действия, активного присутствия в политической, обществен-

[14] В этой статье Бибо сосредоточился на социально-психологических последствиях неоправданного ускорения общественного развития и связанной с ним неизбежной поляризации политических сил. Требования следовать российскому примеру не создают тех же объективных условий, в которых вспыхнула в 1917 г. российская революция, а только вызывают страх перед неуправляемостью революционного процесса, что сказывается и на отношении к социалистической перспективе как таковой. Опасения драматических эксцессов, всегда сопутствующих скачкообразному развитию общества, вызывают консервативную реакцию, усиливают противодействие реформам, отпугивают потенциальных сторонников демократии. Равновесие внутриполитической жизни может быть в результате нарушено в ущерб поступательному движению по пути реформ. Условием сохранения равновесия Бибо считал нейтрализацию крайних политических течений в интересах сильного и стабильного центра.

Статья положила начало большой дискуссии о политической ситуации в Венгрии и перспективах дальнейшего развития страны. Коммунисты критиковали Бибо, в частности, за попытки заслонить объективно происходящие в обществе процессы социально-политического размежевания "надуманной" проблемой борьбы с виртуально существующими фантомами.

inslav

ной, духовной, научной жизни. Именно в эти годы было создано большинство его значительных работ[15].

Наряду со строго академическими работами по проблемам государства и права в наследии Бибо заметное место занимают отвечающие высоким научным критериям, но свободные по форме и стилю, близкие к жанру эссе дискуссионные статьи и монографии, опирающиеся на большой исторический материал и призванные раскрыть глубинные корни актуальных социальных явлений и процессов, дать анализ их современного состояния и, что характерно, предложить исторически обоснованную программу действий, способ решения насущных проблем. Подход к современности у Бибо, таким образом, глубоко историчен, а с другой стороны, история неизменно рассматривается им под углом зрения активно действующего на современной политической арене субъекта. При этом проведение исторических параллелей у него никогда не становится просто эффектным приемом, усиливающим аргументацию политолога. Обращаясь к рассмотрению складывавшихся на протяжении веков структурных закономерностей венгерского и среднеевропейских обществ (а центр тяжести в интересах Бибо-историка в некоторой степени переместился от историко-дипломатической и историко-правовой тематики к проблемам социальной и отчасти культурной истории), венгерский мыслитель показывал, как при сохранении основополагающих структурных особенностей на каждом новом витке развития возникают сходные проблемы, возрождаются старые, лишь на время заглушенные противоречия – между центром и периферией, отдельными социальными группами и т.д.

Представленная в работах Бибо концепция венгерской истории строилась на сопоставлении социальной и политической эволюции Венгрии и западных стран. До начала XVI в. Венгрия, как и вся Средняя Европа, развивалась в основном синхронно с Запа-

---

[15] См. наиболее полное собрание сочинений Бибо: *Bibó István*. Válogatott tanulmányok. Vál., utószó Huszár Tibor, jegyz. Vida István, Nagy Endre. Bp., 1986. Köt. I–III. 4-й том, включивший в себя ряд работ, не утративших в середине 1980-х годов политической остроты, вышел в 1990 г. На русском языке в Будапеште в 1991 г., после смены систем, был опубликован специальный номер журнала "Венгерский меридиан", составленный прежде всего из фрагментов ряда крупных трудов Бибо. Несколько работ было опубликовано на русском языке в других изданиях. В 2004 г. в России был издан однотомник Бибо: *Бибо Иштван*. "О смысле европейского развития" и другие работы. М., 2004. См. здесь избранную библиографию И. Бибо. В 2005 г. отдельным изданием вышла работа "Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года".

inslav

дом и лишь пришествие турок в регион заметно деформировало этот поступательный процесс. Застопорилось складывание гражданского общества с присущим ему многообразием общественных (в том числе политическо-правовых) отношений на всех социальных уровнях. Во всех частях разделенной на полтора столетия Венгрии тон задавала централизованная власть, предельно униформизируя общественные отношения, подавляя политическую инициативу снизу. Объединившие под своим управлением Венгрию Габсбурги придавали ей оборонительное, а также вспомогательное экономическое (в качестве поставщика дешевого сырья) значение. В силу этого они не проводили на венгерских землях интенсивной общественно-устроительной работы, тем более что не питали доверия к венгерскому дворянству, не без оснований видя в нем потенциальный источник сепаратистских устремлений. Ростки гражданского общества в Венгрии не только не получали, таким образом, развития, но зачастую выкорчевывались, поскольку противоречили интересам габсбургского централизма. Горизонтальные общественные связи по своему объему и значимости резко уступали вертикальным. Закостенелые иерархические формы общественной организации тормозили движение Венгрии по пути прогресса.

При этом Бибо весьма критически относился к Соглашению 1867 г. между венгерской политической элитой и переживавшими кризис своей власти Габсбургами, вследствие которого на политической карте Европы образовалось новое государство – Австро-Венгрия. С венгерской стороны в самом акте заключения Соглашения, по мнению мыслителя, проявились комплексы страха перед собственными национальными меньшинствами, выступавшими со все более радикальной политической программой. Этим комплексам не были чужды даже такие крупные политики XIX в., как Йожеф Этвеш и Ференц Деак. Страх подавлял голос здравого смысла, требовавшего пойти на компромисс не столько с Габсбургами, сколько с национальными движениями в регионе в интересах создания более совершенной конструкции, нежели дуалистическая австро-венгерская модель, так и не сумевшая примирить венгерский национализм и демократию. В условиях дуализма венгерская политическая элита продолжала испытывать те же комплексы страха, что нашло отражение в практической национальной политике, попытках ассимиляции меньшинств. Между тем, осуществление идеала разноязыкой венгерской нации (а этому идеалу отдали дань даже самые выдающиеся венгерские умы) также с самого начала было несбыточной иллюзией.

inslav

При хортизме источники страха сменились – теперь, после 1919 г., венгерская национальная элита жила не только утопическими надеждами на возрождение Великой Венгрии, но и опасениями коммунистической диктатуры. Истерические настроения правящей верхушки способствовали роковому внешнеполитическому выбору – поддавшись планам Гитлера по переустройству Европы, Венгрия вступила на путь, приведший к национальной катастрофе 1944 г.

При всех своих опасениях концентрации власти одной, радикально настроенной политической силой, Бибо до некоторых пор был в целом оптимистичен в оценке послевоенной ситуации. Суть событий, полагал он, определяет прежде всего освобождение от балласта, затрудняющего развитие по пути прогресса. Возникновение снизу новых форм управления, приобщение широкого круга населения к деятельности местных органов власти, демократизация выборной системы – все это позволит массам приобрести ранее немыслимый в Венгрии демократический опыт. Задача социальной теории состоит в том, чтобы изучить открывшиеся перед обществом возможности, выявить ростки новых, более совершенных структур и дать ориентировки политикам, разрабатывающим конкретную программу действий.

Роль хортизма и особенно нилашистского режима во второй мировой войне давала мало шансов на благосклонное отношение держав-победительниц к Венгрии при обсуждении на Парижской мирной конференции 1946 г. условий мирного договора с ней. Тем не менее еще за несколько месяцев до заключения в 1947 г. договора венгерская демократическая элита питала надежды на некоторую корректировку трианонских границ в соответствии с этническим принципом, надежды, как оказалось, неоправданные. Именно в последние месяцы 1946 г., когда в Париже решался вопрос о послевоенных межгосударственных границах в Средней Европе, в Будапеште вышла в свет едва ли не лучшая работа Иштвана Бибо "О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств", тоже явившаяся своеобразным сплавом научной монографии и политического эссе[16]. Обратившись к чрезвы-

[16] На русском языке см.: *Бибо Иштван*. "О смысле европейского развития" и другие работы. М., 2004. С. 155–262; главы из этой книги см. также: Венгры и Европа. Сборник эссе. М., 2002. С. 224–259. См. также: *Стыкалин А.С.* Проблемы польской и чехословацкой истории в работе И.Бибо "О бедствиях и убожестве малых восточно-европейских государств" (1946). К выходу российского издания // Славянский альманах. 2002. Отв. редактор М.А. Робинсон. М., 2003. С. 521–535.

inslav

чайно острой и болезненной проблеме, Бибо не просто стремился своим политико-аналитическим мастерством помочь оформлению позиций венгерской делегации на Парижской конференции и тем самым в меру собственных более чем скромных возможностей способствовать заключению максимально благоприятного для Венгрии в сложившихся условиях мирного договора. Более всего его заботило установление после войны при помощи системы мирных договоров устойчивого равновесия в среднеевропейском регионе. Система договоров при всей ее значимости должна была послужить лишь первым шагом к образованию новой системы международных отношений. Уже в 1946 г. венгерский мыслитель вынашивал идеи создания в отдаленном и все же обозримом будущем структуры наподобие Европейского союза, способной (в идеале) органично соединить узконациональные и более общие интересы. Предпосылкой ее успешного функционирования стало бы разрешение территориальных споров, в том числе в Средней Европе, а это окажется возможным только тогда, когда в развитии народов региона, преодолевая все препоны, преобладают демократические тенденции (мирное сосуществование, создание атмосферы доверия между большими антифашистскими державами Бибо, отдавая дань характерным для того времени иллюзиям, считал первейшим условием такого развития).

Исходным пунктом многих построений Бибо являлось аксиоматическое неприятие им претензий прежней венгерской консервативной элиты на превосходство венгров над соседними народами. Известный политолог не только решительно не принимал планов реставрации в модернизированной форме Дунайской монархии, в целом весьма критически оценивая габсбургский опыт управления многонациональной империей. Он указывал также на явную иллюзорность восстановления Великой Венгрии в границах сколько-нибудь приближенных к границам "королевства св. Иштвана", включавшего в себя наряду с собственно венгерскими землями Трансильванию, Словакию, Банат, Воеводину, Закарпатскую Украину, австрийскую провинцию Бургенланд, а с учетом некоторой исторической специфики и Хорватию. Такое понятие, как "венгерская политическая нация", которому в общественной мысли венгров традиционно придавалось сакральное звучание (символизированное "короной святого Иштвана", основателя венгерского государства), представлялось в работах Бибо в его адекватном, реальном, "земном" значении, в качестве продукта определенной конкретно-исторической ситуа-

inslav

ции; и это было в 1946 г. достаточно смелым актом для венгерского интеллектуала, глубоко укорененного (в сравнении, например, с "космополитом" Д.Лукачем) в своей национальной почве. Актом, способным повлечь за собой обструкцию значительной части интеллигентского общественного мнения. Не меньшим проявлением интеллектуального мужества было стремление Бибо прояснить, в чем же состояла ответственность венгерской стороны, в том числе отдельных классов и политических институций, за сохранявшуюся напряженность межнациональных отношений в регионе. Не удивительно, что в эмигрантских правоконсервативных кругах на протяжении десятилетий критиковали Бибо не только за лояльное отношение к СССР и сотрудничество с коммунистами, но и за такой подход к венгерской национальной политической традиции, который перед лицом массированного наступления коммунизма способствовал ослаблению этой традиции – на самом деле изжившей себя, нуждавшейся в коренной переоценке.

Проблему примирения полиэтничного по составу общества со сложившейся (национально окрашенной) государственной традицией Бибо отнюдь не считал проявлением венгерской специфики. Принципиальный интерес в его работе представляет проведение параллелей между сходными явлениями в истории Венгрии, Польши и Чехии. Ведь в каждой из этих стран на определенном витке развития несовпадение национально-языковых и государственно-исторических границ становилось фактором, крайне болезненно сказывавшимся на судьбах титульной нации.

Предпринятый в работе Бибо глубокий экскурс в польскую историю позволил ему сосредоточиться в первую очередь на проблемах взаимоотношений поляков с их восточными соседями. Истоки драматических коллизий, пережитых Польшей с конца XVIII века, венгерский мыслитель выводил из польско-литовской унии 1569 г., вследствие которой в составе единого государства наряду с территорией, заселенной польским этносом, оказалась литовская часть с преобладающей долей православного (украинского и белорусского) населения, в определенной мере ориентированного на Россию. Притязания России на земли польско-литовского государства поначалу в основном ограничивались ее восточной половиной (Великим княжеством Литовским) и были, по мнению Бибо, изначально более обоснованными как в этническом, так и в историческом плане, нежели претензии Пруссии и особенно Австрии. К тому же по мере своего усиления в XVIII веке, превращения в великую европейскую державу, Рос-

inslav

сия становилась все притягательнее для православных Речи Посполитой. Импульсы к расширению российского государства исходили, таким образом, не только изнутри его, но и извне.

Говоря о предпосылках трех разделов Речи Посполитой, Бибо отмечал, что мощное демократическое, реформаторское движение, возникшее в стране после первого раздела (1772) и достигшее своей кульминации в Конституции 1791 года, не имело перспективы, поскольку Великая Французская революция вызвала мощное противодействие в Европе, усилив повсеместно контрреформаторские тенденции. По мнению венгерского ученого, после третьего раздела Польши (1795) создалась объективная ситуация, которая диктовала национальной политической элите насущную историческую задачу – привлечь на свою сторону Россию, чтобы, "имея за спиной такого союзника, попытаться возродить свою национальную жизнь в противостоянии двум немецким государствам" – Австрии и Пруссии[17].

Задача установления союза с Россией так и не была решена. Суть будущих драм заключалась в том, что польское общественное сознание, однозначно восприняв раздел страны как вопиющую несправедливость, оказалось неспособно осознать различие между исторически закономерным, по убеждению Бибо, отделением от Польши ее восточных (украинских и белорусских) земель и тем в чистом виде насилием, которое также присутствовало в разделе Польши. Национальная элита продолжала верить в возможность существования Польши как великой державы, что и предопределило ее политический выбор в пользу Наполеона, го-

---

[17] Венгры и Европа. С. 226 (в дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы). Анализируя позицию Бибо, следует помнить, что его работа 1946 г. была плодом той конкретно-исторической ситуации, когда в результате второй мировой войны по всей Европе резко усилились антинемецкие настроения, проецировавшиеся и на прошлое взаимоотношений тех или иных этносов с Германией. При всей сдержанности своего подхода, заметно контрастировавшей с полемическим запалом в работах многих других авторов, в том числе и венгерских, Бибо также не избегает в отдельных случаях некоторой тенденциозности там, где дело касается признания роли германского фактора и прогерманских ориентаций в развитии отдельных европейских стран и народов. Это сказывалось и в расстановке им акцентов, в частности, в треугольнике российско-польско-германских отношений. При этом важно заметить, что "односторонность", о которой идет речь, не только расходилась с глубоко укорененной в венгерской внешнеполитической мысли (достаточно вспомнить выдающегося австро-венгерского государственного деятеля графа Д. Андраши) традицией отношения к России как оплоту панславизма и главной угрозе европейской цивилизации, но и преодолевала ограниченность подобного подхода.

inslav

товившего свой антироссийский поход. Между тем, вопреки ожиданиям польской аристократии вступление наполеоновских войск в пределы земель, отошедших в конце XVIII века от Речи Посполитой к России, не привело к антироссийскому восстанию. Опыт, извлеченный Россией из наполеоновских войн, продиктовал ее позицию на Венском конгрессе. К Российской империи, как известно, отошла значительная часть исконно польских земель. С одной стороны, им были дарованы конституция и достаточно широкая автономия, отобранные после восстания 1830–1831 гг. С другой стороны, все три великие державы, участвовавшие в разделе Польши, утвердились в своем стремлении не допустить возрождения самостоятельного польского государства.

Хотя польский вопрос продолжал на протяжении всего XIX в. сохранять международное значение, задача восстановления национального государства могла быть поставлена в практическую плоскость только вследствие итогов первой мировой войны. Присущее Бибо мастерство в проведении исторических параллелей проявилось в сравнении ситуаций, сложившихся в результате третьего раздела (1795) и первой мировой войны. Урок истории, полученный в эпоху наполеоновских войн, не был усвоен польской политической элитой. В 1918–1920 гг., пишет Бибо, "история вновь подсказала Польше возможное решение: постараться развивать свою национальную жизнь, опираясь на исконно польские территории, и отказаться от тех обширных восточных районов, где, хотя и оставались крупные владения польских помещиков, но не было значительных масс польского населения" (С. 227). Такая позиция, способная снять напряженность в отношениях с Москвой, не отвечала, однако, великодержавным устремлениям Варшавы. Воспользовавшись тяжелым положением Советской России, польская армия в 1920 г. не удержалась от искушения перейти установленную Антантой границу – так называемую "линию Керзона". Этот акт, по мнению Бибо, имел не только внешнеполитические, но и серьезные внутриполитические последствия. В частности, именно желание любой ценой удержать свои восточные земли предопределило отход властей от демократических методов, "ибо Польша не была уверена в лояльности населения этих территорий, а пережитые польской нацией в прошлом исторические катастрофы не позволяли рассчитывать на то, что с помощью великодушных демократических уступок ей удастся удержать эти территории" (С. 227–228).

Рижский мирный договор 1921 года зафиксировал границы нового польского государства, далеко продвинутые к восточным

inslav

границам Речи Посполитой в канун ее первого раздела, что никак не могло принять советское правительство, выступавшее за воссоединение всех украинских и белорусских земель в составе СССР. Не углубляясь в проблематику польско-советских отношений в межвоенный период (а надо заметить, что, в целом придерживаясь в 1920–1930-е годы антисоветской внешнеполитической линии, Польша вместе с тем старалась не провоцировать крайнего обострения отношений со своим восточным соседом[18]), Бибо, однако, попытался обосновать свою принципиальную позицию: независимое польское государство опять "не выдержало тот же исторический экзамен, суть которого – установление отношений доверия с Россией" (С. 228). По мнению венгерского политолога, значение войны 1920 г. заключалось, помимо всего прочего, в формировании негативного образа Польши в советском политическом сознании: это государство и особенно его восточные территории, незаконно присвоенные с точки зрения СССР, расценивались в качестве "символического плацдарма для враждебных акций, угрожавших новой социалистической империи со стороны капиталистического мира" (С. 228).

Известно, что в сентябре 1939 г. существование независимого польского государства было принесено в жертву советско-германскому сближению. Однако итоги второй мировой войны заставили советское правительство пересмотреть свою позицию в отношении Польши. Так, в 1944 г., встречаясь с польскими эмигрантскими политиками, Сталин говорил о своем стремлении возродить в российско-польских отношениях традиции Грюнвальда[19]. Причем по мере укрепления позиций просоветских сил в Польше усиливалась готовность СССР содействовать расширению польских земель в западном направлении[20]. В качестве ком-

---

[18] Так, например, в январе 1939 г. ее министр иностранных дел Ю. Бек в беседе с германским коллегой И.Риббентропом мотивировал отказ присоединиться к Антикоминтерновскому пакту тем, что подписав такое соглашение, Польша не смогла бы сохранить то "мирное соседство с Россией, в котором она нуждается для своего спокойствия" (Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / Отв. редакторы В.К. Волков и Л.Я. Гибианский. М., 1999. С. 119).

[19] См.: Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. Документы / Отв. редактор Т.В. Волокитина. М., 1999. С. 74; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002. С. 30.

[20] Первоначальные установки СССР в отношении места и роли Польши на международной арене были наиболее откровенно сформулированы в январе 1944 г. в записке, которая была подготовлена комиссией Наркоминдела во гла-

inslav

пенсации за утраченные восточные земли новая Польша при содействии СССР получила Силезию, часть Померании и Восточной Пруссии, при этом великими державами-победительницами ей была предоставлена возможность полного выселения с этих территорий немецкого населения. Став основным гарантом новых западных границ Польши, Советский Союз теснее привязал ее к себе. Необходимость союза с СССР в противодействии возможным в будущем реваншистским устремлениям Германии трудно было отрицать даже самым непримиримым оппонентам коммунистов[21]. Вопрос об оценке европейским общественным мнением в 1940-е годы новых границ Польши с точки зрения их оптимальности для национального развития заслуживает самостоятельного изучения. Обращает на себя внимание, что либеральный политолог в стране с глубокими полонофильскими традициями (речь идет о венгре И. Бибо) в 1946 г. воспринял компенсацию, полученную Польшей от СССР и его союзников, как чрезмерную(!), чреватую новыми осложнениями в центре Европы.

Значительное несовпадение этноязыковых и государственных границ сыграло роковую роль и в чешской истории новейшего времени. В чешских землях не только чехи, но и немцы со времен средневековья обладали развитым богемским и моравским самосознанием. Этому способствовало сохранение исторических рамок чешской государственности в структуре монархии

ве с И.М. Майским, занимавшейся проблемами послевоенных границ в Европе: "Целью СССР должно быть создание независимой и жизнеспособной Польши, однако мы не заинтересованы в нарождении слишком большой и слишком сильной Польши. В прошлом Польша почти всегда была врагом России, станет ли будущая Польша действительным другом СССР (по крайней мере на протяжении жизни ближайшего поколения), никто с определенностью сказать не может. Многие в этом сомневаются, и справедливость требует сказать, что для таких сомнений имеются достаточные основания. Ввиду вышеизложенного осторожнее формировать послевоенную Польшу в возможно минимальных размерах, строго проводя принцип этнографических границ" (Трансильванский вопрос. С. 222). Новая восточная граница польского государства в основном совпадала с линией Керзона, пересмотренной в пользу Польши, в частности, в районе г.Белостока. Области Западной Украины и Западной Белоруссии, Виленский край были включены в состав СССР, произошел обмен населением по этническому принципу.

[21] Известно, в частности, с какой настороженностью был воспринят польской политической элитой (отнюдь не только на ее левом фланге) ряд выступлений У. Черчилля 1946 г., давших основания увидеть в позиции лидера британских консерваторов некоторые сомнения в целесообразности столь радикального пересмотра польско-германских границ.

inslav

Габсбургов – при том, что вследствие Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. эта государственность была чисто фиктивной. Между тем, с начала XIX в. в условиях подъема как чешского, так и немецкого самосознания национальные движения, принимавшие все более массовый характер, уже не могли удовлетвориться идеей исторической Чехии; чехи все чаще находили себе опору в солидарности славянских народов, а немцы – в пангерманизме. Возникновение чехословацкой идеи Бибо рассматривал как производную от идеи славянской. Проживавшие на севере "земель венгерской короны" словаки, испытывая все большее отчуждение от венгерской государственности, ориентировались на чехов, которые в свою очередь в духе славянской взаимности совершали встречное движение.

Утвердившееся при поддержке Антанты в центре Европы молодое чехословацкое государство было пестрым по национальному составу. При этом из населявших его народов одни лишь чехи могли считать его воплощением собственной государственно-исторической традиции. Судетских и прочих немцев, составлявших 3 млн, связывала с новым государством как коренных жителей Чехии и Моравии историческая, но не этническая близость. Словаков (а также русин), проживавших на "землях венгерской короны", не имевших до тех пор отношения к чешской государственной традиции, – этническая, но не историческая. Венгерские по национальному составу земли на крайнем юге Словакии не были связаны с чехословацким (а по сути дела с возрожденным чешским) государством ни этническими, ни историческими узами, в Чехословакии они оказались в результате своего рода "случайности", а именно так, считает Бибо, можно квалифицировать достаточно произвольное проведение границы между Чехословакией и Венгрией в условиях формирования Версальской системы.

Все вышесказанное предопределяло сложность национального вопроса в межвоенной Чехословакии. Национальные противоречия власти пытались разрешить путем последовательной демократизации. Как небезосновательно заметил Бибо, "ориентация нового чехословацкого государства на демократическое развитие была более интенсивной по сравнению с его восточноевропейскими соседями не только потому, что чешское общество достигло гораздо более высокого уровня буржуазного развития, индустриализации страны, чем поляки и венгры, но и потому, что оно было более оптимистичным" (С. 233). Чешский исторический опыт нового времени в самом деле не испытал (после

inslav

1620 г.) таких сокрушительных поражений, какими были 1795 год для поляков и 1849 год для венгров. Именно политический оптимизм чешского и словацкого общества, считает Бибо, помог межвоенной Чехословакии стать настоящим "оазисом демократии" в регионе. "Чехи имеют все основания утверждать, что судьбу немцев или венгров в чехословацком государстве никак нельзя назвать невыносимой" (С. 234).

Вместе с тем, поскольку при образовании чехословацкого государства акцентировался именно этнический принцип, немецкое, а тем более венгерское население ощущало себя отчужденным от новой государственности; при всем демократическом характере правления в Чехословакии власти так и не сумели наполнить приобретенные по итогам первой мировой войны исторические территории единым национальным сознанием (как не удалось это сделать ни в Венгрии эпохи дуализма, ни в Польше после 1920 г.). Конечно, положение трех миллионов немцев и более полумиллиона венгров в условиях режима Масарика и Бенеша было вполне сносным, признает Бибо, и вместе с тем "нелепым был сам факт их пребывания в составе страны чехов и словаков, обретших друг друга на основе славянского братства" (С. 234). Чехословацкая политическая элита, однако, и слышать не хотела о какой-либо корректировке границ в соответствии с этническим принципом. Все более осознавая, что демократия не оградит их государство от влияния центробежных сил, окружение Масарика и Бенеша по мере осложнения ситуации с собственными нацменьшинствами с тем большим упорством отстаивало на международной арене принцип незыблемости границ, установленных в рамках Версальской системы. Жесткость этой позиции не способствовала разрешению спорных проблем, а напротив, считает Бибо, вела к их усугублению. Среди множества факторов, направивших европейское развитие по пути к катастрофе, по мнению венгерского политолога, сыграло свою роль и отсутствие должной гибкости в чехословацкой внешней политике. Небеспристрастная позиция Бибо вне всякого сомнения отразила неприятие венгерским политическим сознанием (не только консервативным, но и либеральным) Версальской системы, не просто узаконившей расчленение "исторической Венгрии", "земель короны святого Иштвана", но – что существенно было именно для Бибо – оставившей за пределами нового венгерского государства около 3 млн соотечественников, в том числе полмиллиона в Чехословакии вдоль венгерской границы.

inslav

Ужесточение требований гитлеровской Германии в отношении заселенных немцами областей Чехии привело к кризису чехословацкой государственности. В 1938 г. окончательно выяснилось, что не только 3 млн немцев и полмиллиона венгров, но и значительная часть представителей одной из титульных, словацкой нации хочет добиться национального самоопределения вне рамок государства, основанного в 1918 г. Томашем Г. Масариком. По мнению Бибо, это обстоятельство заметно повлияло на позицию западных держав, в конце концов, согласившихся на раздел "исторической Чехии" (и шире – Чехословакии) на основе этнического принципа. Мюнхенский договор означал, однако, не просто раздел страны, а полное ее подчинение фашистской Германии. Как и в случае с Польшей времен трех разделов (конец XVIII в.), Венгрией 1849 и 1920 гг., Польшей конца 1930-х гг., длительный исторический процесс нарастания центробежных тенденций в многонациональном государстве получил здесь в 1938–1939 гг. развязку вследствие грубого внешнего вмешательства (подверстывая под проводимые здесь параллели новый раздел Польши в сентябре 1939 г., Бибо совершал довольно смелый жест в условиях советского военного присутствия в Венгрии 1946 г.). Причем факт грубого насилия, полагает мыслитель, помешал чехам (как в свое время полякам и венграм) увидеть за произошедшим проявление логики истории, определенную закономерность распада той достаточно искусственной, по его мнению, полиэтничной конструкции, которая (как масариковская Чехословакия) явилась не более, чем продуктом конкретной исторической ситуации. Подобный, пугающе беспристрастный взгляд на дело жизни великого европейского гуманиста Т.Г. Масарика, конечно, в 1946–1947 гг. мог вызвать резкие возражения не только в Чехословакии, но и за ее пределами. И только распад двуединого государства в начале 1990-х годов в совершенно иной исторической обстановке заставляет признать если не относительную правоту Бибо, то по крайней мере правомерность его позиции.

Подобно чешскому сознанию в 1938–1939 гг., венгерское политическое мышление начала 1920-х годов расценило итоги Трианона "как жестокое насилие, как лицемерный шаг стран-победительниц и оказалось не способным ощутить различие между отделением созревших для этого (т.е. очевидно сформировавших предпосылки собственного самостоятельного развития. – *А.С.*) иноязычных территорий и немотивированным и несправедливым отторжением земель с венгерским населением. В результате оно так и не смогло освободиться от иллюзорной мечты о великой историче-

inslav

ской Венгрии, и в душевном настрое венгров все более определяющим стало сознание того, что Европа совершила по отношению к ним вопиющую несправедливость" (С. 231). Сочтя себя поэтому свободной от каких-либо обязательств в отношении Европы, национальная элита, когда представилась возможность для пересмотра границ, попыталась осуществить свою мечту о великой "исторической Венгрии", что привело ее к самому настоящему краху. "Ныне Венгрии придется принять к сведению такой, обещающий стать окончательным мир, который не обеспечивает даже ее этнических границ. Сумеет ли она мобилизовать свои внутренние ресурсы, чтобы вынести это положение, – этот вопрос станет решающим на пути ее будущего демократического развития" (С. 231).

В другое время и в других исторических условиях, нежели венграм, однако близкое по характеру психологическое потрясение пришлось пережить чехословацкой политической элите и чешскому обществу. Их также не могла не шокировать после Мюнхена несправедливость, допущенная Европой. Но в отличие от Венгрии начала 1920-х гг., где в силу специфики конкретной ситуации происходит резкий поворот вправо, в Чехословакии 1940-х годов поиски выхода из создавшегося положения сопровождались заметными сдвигами влево в политическом сознании. Чешские политологи неоднократно отмечали социально-психологические последствия мюнхенского сговора, его влияние на настроения в стране – речь идет, в частности, о том, что разочарование в западной демократии вело к усилению левых, социалистических тенденций в идеологии и политике, обращению части интеллигенции к славянской идее, в конкретных условиях второй половины 1940-х годов предполагавшей просоветскую политическую ангажированность[22]. На со-

[22] Один из видных идеологов "пражской весны" 1968 г. З. Млынарж следующим образом объяснил уже в начале 1990-х годов мотивы приверженности многих интеллигентов своего поколения идее "социализма с человеческим лицом": "У поколений, которые были причастны к событиям 1968 г., имелся и опыт до 1948 г., и довоенный опыт. Мы хорошо представляли себе, что означают парламентаризм, многопартийная система. Не надо нас считать наивными. Мы прекрасно понимали, что в 1938 г. и парламентаризм, и многопартийная система оказались слишком слабыми, чтобы защитить существование национального демократического государства от гитлеризма. Наши западные союзники – Англия и Франция – пошли на мюнхенский сговор, продав тем самым Чехословакию Гитлеру. Все это имело значение. Ведь люди принимают решения, исходя не только из своих идеологических убеждений, но и учитывая исторический опыт. А он тогда был именно таким" (З. Млынарж. Восточная Европа на историческом переломе // Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития. М., 1992. С. 77).

inslav

циально-психологических последствиях мюнхенской катастрофы концентрирует свое внимание и Бибо. Оказавшись у власти в многонациональном государстве, чешская политическая элита (как в свое время польская и венгерская) всерьез питала надежду, что "демократия и свобода станут той силой, которая будет способствовать сплочению в единое целое ориентирующегося в разных направлениях разноязычного населения" (С. 236). Эти надежды, однако, оказывались тщетными, внедрить единое национальное сознание на унаследованных исторических территориях все никак не удавалось. А к концу 1930-х годов чехи с горечью могли ощутить, что "Европа бросила их на произвол судьбы", как бросала поляков (1795, 1815, 1939) и венгров (1849, 1920), не считаясь с тем, что применительно к Польше конца XVIII в., Венгрии 1848 г., Чехословакии 1938 г. речь может идти о национальных движениях, шедших в авангарде европейского прогресса. С другой стороны, и собственные национальные меньшинства не только не поддержали чехов в их противостоянии силам европейской реакции, но нанесли им "удар в спину", как венграм в 1849 г. Отныне "политический облик чехословацкого государства, возрожденного после постигшей его катастрофы, теперь уже омрачала та же неизгладимая память о катастрофах, которая была свойственна польской и венгерской нациям" (С. 325). Чешская элита уже тоже совсем не питает надежд на демократию как метод сплочения многоязычного общества. Идеи единения с соседями на платформе демократии, создания "общего дома" в Центральной Европе и т.д. отступают на второй план, тогда как на первый – выходит стремление обезопасить себя, оградив свой дом от нежелательного соседства. В 1946 г. Бибо мог наблюдать, что не только и не столько левые, сколько либеральное окружение Бенеша, продолжавшее ориентироваться на западные модели демократии, демонстрировало вместе с тем непримиримость в решении национального вопроса. Причем если, к примеру, в Польше и Румынии 1920–1930-х годов, в Венгрии после Венских арбитражей 1938–1940 гг. разочарование в демократических методах разрешения национальной проблемы проявлялось в политике мелочного притеснения меньшинств в использовании родного языка и в их деэтнификации, то власти Чехословакии пошли гораздо дальше, выдвинув программу массового выселения неславянских национальностей, поддержанную великими державами-победительницами там, где дело касалось немцев, и лишь отчасти поддержанную применитель-

inslav

но к венграм[23]. Венгерский политолог, писавший свою работу в момент обострения отношений Чехословакии и Венгрии вследствие требований Праги об осуществлении неравного обмена населением между двумя странами[24], прокомментировал чехословацкую позицию следующим образом: "Если это и безумие, то в своем роде последовательное: чехи желают демократии для себя, желают обеспечить своей стране покой от национальных меньшинств, но при этом не хотят поступиться ни пядью своей территории, то есть желают иметь все сразу. Однако за этими притязаниями на все сразу стоит не сознание собственной силы, а страх, порожденный памятью о пережитой катастрофе" (С. 236).

Трагический опыт, пережитый среднеевропейскими странами за годы второй мировой войны, отнюдь не является, по мнению Бибо, панацеей от новых губительных иллюзий. Несправедливость иногда (как, например, в случае с Чехословакией 1939 г.) казалась столь явной, что возникало впечатление, "будто и сам распад исторических рамок в целом произошел лишь в силу случайного стечения обстоятельств, воздействия факторов власти и принуждения" (С. 237). Кому-то может показаться, что с устранением источников насилия не останется серьезных препятствий для восстановления государств в их исторических рамках, более широких, нежели этнические границы титульных национальных сообществ. С точки зрения венгерского мыслителя, эти иллюзии следовало бы развеять в интересах самих наций; подлинное благодеяние полякам, венграм и чехам оказал бы "тот, кто ликвидировал бы рамки исторических государств, строго сообразуясь с этническим принципом и принципом самоопределения" (С. 238). Конечно, распад исторических государств не может не вызвать длительной болезненной реакции, но, по мнению венгерского политолога, она не усугублялась бы страданиями притесняемых за границей соотечественников, отрезвляюще подействовало бы и отсутствие жалоб на свою судьбу со стороны тех, кто оказался в составе других государств, не стремясь при этом вернуться в рамки прежних государственных образований. В обществе, считает Бибо, "смогло бы сложиться такое настроение, которое позволило бы осознать неизбежность частичной потери исторических

[23] См.: Национальный вопрос и национальные меньшинства в Восточной Европе. 1944–1948 годы (Материалы Круглого стола) // Славяноведение, 2001. № 5. С. 90–105. Подготовил А.С. Стыкалин.

[24] См. там же.

inslav

территорий, и рано или поздно эти страны смирились бы со своими новыми границами, подкрепленными реальным, объективным положением" (С. 238).

Трезво оценивая современную ситуацию, Бибо воздерживался от слишком оптимистических прогнозов. В самом деле, в Чехословакии, еще недавно бывшей гордостью европейской демократии, как политическая элита, так и массы настолько разочаровались в демократических принципах как силе межнационального сплочения, что, оказавшись перед выбором между приверженностью идеям демократии и своими территориальными притязаниями, власти без колебаний выбрали второе, напрочь отбросив даже видимость демократических методов. Тяжелые душевные потрясения, вызванные последствиями войны, повергли чехов, как и поляков, в такое психологическое состояние, что "они были способны лишь предъявлять претензии мировому сообществу, забывая при этом о своих обязанностях и ответственности" (С. 239) по отношению к собственным национальным меньшинствам. Последнее касалось не только словацких венгров, но в первую очередь немцев в Чехии и Польше. Поднимая в 1946 г. вопрос о несправедливостях в отношении мирного немецкого населения, Бибо не побоялся пойти вразрез доминировавшей в европейском общественном сознании тенденции, согласно которой массовое выселение немцев из стран Восточной Европы рассматривалось как не только законная, но и адекватная в моральном отношении мера, поскольку нация, виновная в развязывании войны, должна понести коллективную ответственность, пройти через серьезное искупление. Бибо признавал, что после второй мировой войны Европа не может не чувствовать себя в долгу перед Польшей и Чехословакией, а потому ей неизбежно пришлось бы пойти навстречу некоторым их претензиям в национально-территориальном вопросе. Однако столь крупномасштабное (измеряемое не в тысячах, а в миллионах людей) насильственное переселение народов не только не приведет, по его мнению, к полной душевной умиротворенности наций, решившихся на столь беспрецедентный шаг, но вызовет тяжелый "кризис совести", последствия которого еще долго будут сказываться на взаимоотношениях европейских стран.

Построения Бибо (чей скептицизм в отношении исторически сложившихся полиэтничных государств может, конечно, вызвать и возражения, основанные на обращении к опыту Швейцарии, Бельгии и т.д.) не просто отражали сиюминутную реакцию венгерского политического сознания на острый национально-терри-

inslav

ториальный конфликт с Чехословакией. Они строились на иллюзиях длительного мирного сосуществования в рамках сложившейся антифашистской коалиции, создающего предпосылки для продвижения (пускай и небезболезненного) стран Центральной и Восточной Европы по пути демократии. Холодная война внесла, однако, в скором времени свои коррективы в ход событий. На ближайшие сорок лет демократическая перспектива оказалась совершенно несбыточной для стран, в соответствии с договоренностью великих держав, отнесенных к сфере влияния СССР. С другой стороны, Советский Союз был совсем не заинтересован в сохранении, а тем более усилении центробежных тенденций в лагере, в раздувании национально-территориальных противоречий. Венгерско-чехословацкие разногласия к концу 1940-х годов урегулируются на компромиссной основе под бдительным оком "старшего брата", проблема переселений не слишком отягощала и отношения между Польшей и ГДР. Логика истории, пожалуй, несколько посрамила как чересчур пессимистические прогнозы крупного венгерского политолога, писавшего в 1946 г., что еще весьма далеко то время, когда среднеевропейские нации "обретут свои, уже привычные для них и никем не оспариваемые рамки" (С. 240). Проблема заключалась, наверное, лишь в цене, которую предстояло уплатить народам региона за достигнутое видимое спокойствие в общем доме.

В поворотном 1948 г., когда компартия, вытеснив конкурентов, монопольно утвердилась у власти, выходит другая важная работа Бибо – политико-социологическое исследование "Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года", посвященное весьма актуальной проблеме. Во второй половине 1940-х годов неравнодушным наблюдателям не могло не броситься в глаза парадоксальное явление. Едва ли с чем-нибудь сопоставимые в XX в. по масштабам жертвы, понесенные венгерскими евреями в 1944 г., отнюдь не устранили почвы для антисемитских настроений в стране. Напротив, на первые послевоенные годы пришлась новая вспышка антисемитизма. Именно выявлению исторических корней венгерского антисемитизма и была посвящена работа Бибо, в которой снова проявился его особый интерес к социально-психологическим феноменам как факторам политического развития (страхам, предубеждениям, массовым психозам и истериям, бытующим в обществе и влияющим на принятие политических решений силами той или иной ориентации, зачастую склонными использовать социально-психологические явления в своих узкогрупповых интересах).

inslav

В 1949–1950 гг. еще выходили новые работы Бибо, но ситуация вокруг него отличалась все большей напряженностью. Упрочившаяся тоталитарная власть совсем не нуждалась в независимом политологе, напротив, видела в нем опасного оппонента. В конце 1950 г. он перестал преподавать в университете, а еще годом ранее лишился позиций в научных учреждениях. Избранный еще в 1947 г. (в 36 лет!) членом-корреспондентом Венгерской Академии наук, через два года, в процессе реорганизации Академии, Бибо был выведен из нее. С января 1951 г. он работал библиотекарем в будапештской университетской библиотеке.

На несколько лет интенсивность научной работы Бибо не только заметно снижается, но почти сводится к нулю. Он не только не стремится к публикации своих политологических сочинений (в новых условиях это было уже невозможно), но фактически в течение ряда лет не берется за перо, считая бессмысленной в сложившихся условиях работу в стол, в надежде на публикацию в неопределенном будущем. И дело было, очевидно, не только и не столько во внутреннем надломе, духовной и душевной опустошенности человека, в расцвете сил и своего незаурядного дарования отторгнутого от активной научно-общественной деятельности, сколько в утрате перспектив общественного развития. Для Бибо было совершенно неприемлемым связать себя каким-либо образом с активизировавшимися в эмиграции ретроградными политическими течениями, против которых он всю свою сознательную жизнь боролся. В Венгрии же он не видел реальной общественной силы прогрессивной направленности, с которой мог бы с чистым сердцем себя идентифицировать и за которой, по его убеждению, стояло бы будущее страны. Такую силу он увидел лишь осенью 1956 г. – в массовых общественных движениях, выступавших за полный разрыв с тоталитаризмом, обеспечение национального суверенитета и в то же время стремившихся в своей политической практике синтезировать демократические и социалистические ценности.

Бибо был министром в правительстве Имре Надя, выступал как один из идеологов венгерской революции, а после ее поражения пытался теоретически осмыслить ее исторические уроки. Арестованный весной 1957 г. за свою политическую деятельность в период венгерского кризиса, в 1963 г. он был амнистирован, но до конца жизни продолжал находиться под подозрением властей. Его основные работы 1960–1970-х годов писались в стол и были опубликованы только после смерти автора, в 1980-е годы. Однако все это уже предмет другой статьи.

inslav

С начала 1990-х годов в определенных кругах активизируются попытки сделать Бибо своего рода знаменем либеральной идейной традиции в Венгрии. "Несомненно крупнейшим венгерским мыслителем своего времени" назвал Иштвана Бибо его соотечественник Имре Кертес, лауреат Нобелевской премии 2002 г. по литературе[25]. Попытки, о которых идет речь, оказались, впрочем, не совсем удачными – это особенно хорошо видно со стороны. Судя по количеству работ о Бибо, изданных за пределами Венгрии, внимание к его фигуре за рубежом совершенно несоизмеримо с интересом к философу-марксисту Д. Лукачу. Сам этот факт, однако, не перечеркивает значения творчества Иштвана Бибо как действительно крупного восточноевропейского политического мыслителя, отразившего в своей духовной эволюции основные исторические потрясения, выпавшие на его век.

ЛИТЕРАТУРА

Исламов Т.М., Фалькович С.М. Средняя Европа в Новое время (XVIII в. – 1918 г.) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996.

Ф.Б. Людоговский

(Россия)

ПРАВОСЛАВНЫЙ АКАФИСТ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (конец XX – начало XXI в.)

Введение. Девяностые годы минувшего века отмечены двумя значимыми явлениями: 1) резким изменением общественно-политической ситуации в Восточной Европе (в частности, в России); 2) бурным развитием информационных технологий. Оба эти фактора способствовали оживлению церковной жизни в странах бывшего социалистического лагеря и интенсификации контактов представителей различных стран и культур (не в последнюю очередь при посредстве Интернета). Оживление церковной жизни проявляется, среди прочего, в возникновении новых гимнографических

[25] Венгры и Европа. Сборник эссе. С. 487.

inslav

текстов и, прежде всего, акафистов[1], количество которых возрастает экспоненциально; контакты же через Интернет позволяют производить оперативный обмен создаваемыми в различных странах текстами (в том числе и на частном, неофициальном уровне).

Усвоение гимнографических текстов, созданных в рамках одной культуры, при рецепции их другой культурой может потребовать перевода. Так, акафисты, написанные на церковнославянском (далее – цсл.) языке, для успешного функционирования их, например, в Американской православной церкви, должны быть переведены на английский язык. Вместе с тем, в рамках Slavia Orthodoxa такие тексты, в принципе, могут использоваться и без перевода на тот или иной национальный язык. Это относится прежде всего к Русской православной церкви, так как цсл. язык как язык богослужебный здесь используется наиболее последовательно[2]. При этом русский язык практически не используется в богослужении (об отдельных исключениях см.: Людоговский 2003, 26, 99), однако имеются многочисленные молитвы на русском языке, а также единственный русский акафист – акафист благодарственный "Слава Богу за всё!" [СБВ]. Поэтому имеет смысл рассматривать русский язык как факультативный вариант богослужебного языка в рамках русской церковной культуры. В Болгарской православной церкви богослужебным языком является прежде всего цсл., но наряду с ним ограниченно используется и болгарский. В Сербской православной церкви использование соответствующего национального языка представлено шире; в частности, это проявляется в наличии оригинальных акафистов на сербском языке и в переводе с некоторых акафистов с цсл. на сербский.

Настоящая статья ставит перед собой задачу осветить процессы возникновения новых акафистов и обмена ими как внутри Slavia Orthodoxa, так (отчасти) и за ее пределами. В качестве точки отсчета взята современная ситуация в Русской православной церкви. По этой причине для цсл. акафистов принимаются во внимание прежде всего печатные источники, для текстов на других языках – интернет-публикации.

1. Церковнославянские акафисты в Русской православной церкви. Акафист является наиболее продуктивным в настоящее

[1] Подробнее о цсл. акафистах см.: Попов 1903; Козлов 1992; Акафист 2000 (дана обширная библиография); Людоговский 2004; Людоговский, в печати; см. тж. Правдолюбов 2001.

[2] При этом наряду с цсл. в Чувашии во многих приходах и монастырях используется чувашский язык, в Белорусском экзархате – белорусский, в Сурожской епархии (Великобритания) – английский.

inslav

время гимнографическим жанром. При этом акафист составляет серьезную конкуренцию традиционным последованиям. Так, в настоящее время новопрославленному святому, как правило, пишется сначала акафист, а потом (может быть) ему будет написана служба. Сознание того, что святому (иконе и т. п.) непременно должен служиться акафист, привело к появлению таких весьма своеобразных текстов как "Акафист святому (имя рек) егоже имя дается христианину (христианке) при крещении и в постризе его (ея) во иноки (инокини), емуже акафиста несть написано"[3], т. е. своего рода общий акафист святому вообще (подобно тому, как имеются служба общая преподобному, мученику и т.п. на тот случай, если у конкретного святого нет своей службы), и "Акафист всем иконам Божией Матери"[4] (аналогично общей службе Богородице). Налицо тенденция к функциональному уподоблению акафиста службе.

Акафист, не являясь уставной службой, тем не менее нередко вытесняет части службы, предусмотренные уставом, – например, кафизмы или даже канон на утрене. В практике келейного чтения богослужебных текстов акафисты преобладают безусловно, в то время как келейное чтение канонов из Минеи практически не встречается.

В параллель (или вместо?) последования к причащению и благодарственных молитв после причащения читают соответствующие акафисты. По аналогии с покаянными канонами появляются покаянные акафисты.

Темпы прироста акафистов не могут не обращать на себя внимание. До учреждения в 1721 г. Святейшего синода в России было в употреблении около 25 акафистов (из них едва ли пятая часть переведена с греческого). Половина этих текстов перепечатывалась и в синодальную эпоху (некоторые – с существенными изменениями). В XVIII в. создается менее десяти из печатаемых ныне акафистов, зато в XIX – более ста. По состоянию на 1901 г. в России было разрешено к печатанию 135[5] акафистов и почти в два раза больше (291) по тем или иным причинам не бы-

[3] http://akafist.narod.ru/I/Imjarek.htm.

[4] http://deva-maria.narod.ru/Molitvi10.htm.

[5] Подсчитано нами на основании данных монографии А. Попова. Сам автор говорит о том, что "за синодальный период... принято в церковное употребление до 130 акафистов" (Попов 425). Приводимая свящ. Максимом Козловым цифра в 158 акафистов (Козлов 1992, 11; повторено в: Акафист 2000, 380) неверна и образована, по всей видимости, сложением акафистов синодальной и досинодальной эпохи (между тем те из ранних акафистов, которые были в употреблении и в синодальный период, Попов описывает повторно, в соответствующем разделе; таким образом, эти акафисты уже вошли в число 135).

inslav

ло допущено к печати (Попов 1903, 426–444). К началу 1990-х гг. соответствующая цифра равнялась 177 (Козлов 1992, 12)[6]. На февраль 2003 г. нам было известно 416 акафистов[7] (мы учитывали как печатные издания, так и интернет-публикации)[8]. В октябре 2004 г. общее число произведений этого жанра составило 499[9]. Из них Господу Богу адресовано 35 акафистов, Богородице – 113, святым и ангелам – 351.

Разумеется, среди этих без малого пятисот акафистов встречаются весьма различные – как по степени соответствия их стандартному цсл. языку (представленному в богослужебных книгах), ясности изложения мыслей и поэтичности, так и по их статусу. Имеются акафисты, которые прошли через синодальный цензурный комитет еще в XVIII – начале XX в. или же через богослужебную комиссию Московской патриархии во второй половине XX – начале XXI в. Эти акафисты, как правило, написаны достаточно хорошим языком, удовлетворительны в богословском отношении и, разумеется, адресованы канонизированным святым (или же написаны в честь богородичной иконы, празднование которой официально установлено и т.п.). Другая группа акафистов – это те, которые издаются по благословению патриарха или какого-либо епархиального архиерея, но не проходили через специальную комиссию. Язык и содержание этих акафистов могут быть весьма различными, так как большинство из них не было подвергнуто надлежащей редактуре. Наконец, существуют акафисты, которые по тем или иным причинам в принципе не могут быть одобрены церковными властями. К этой группе следует отнести акафисты Иоанну Грозному и Григорию Распутину [ГН, 579–609] (патриарх Алексий II неоднократно

[6] Возможно, эта цифра зависит от цифры 158, приводимой тем же автором (см. предыдущее примечание).

[7] Перечень акафистов с указанием точного названия, рефрена и источника см.: Людоговский 2003, 262–316.

[8] Ссылки на большинство акафистов, выложенных в Интернете, даны на сайте http://www.akafist.narod.ru.

[9] В это число входят лишь те акафисты, которые нам оказались доступны. Мы не располагаем текстом акафиста царю Иоанну Грозному (хотя нам и приходилось слышать пение этого акафиста), акафиста святителю Савве Сербскому (Попов 1903, 382–383) и акафиста священномученику Андронику Пермскому (Правдолюбов 2001, со ссылкой на следующие издания: Любовью побеждая страх. Жизнеописания новомучеников Российских. Архиепископ Пермский Андроник, епископ Соликамский Феофан, архиепископ Черниговский Василий, епископ Семиреченский Пимен. 1867–1918 / Сост. В.А. Королев. Фрязино: Содружество "Православный Паломник", 1998; Акафист священномученику Андронику, архиепископу Пермскому и Курганскому / Подготовлен В.В. Вяткиным. Пермь, 1997 г. С. 141–147).

inslav

высказывался о невозможности их канонизации), акафист Игорю Талькову [Тальк.], а также акафист непорочному зачатию Богородицы[10] (догмат о непорочном зачатии принят в католической, но не в православной церкви; данный акафист является униатским по происхождению – см., напр., [УА, 145 – 163]). По всей видимости, не будет одобрен и акафист бесланским мученикам, появившийся в Интернете несколько дней спустя после штурма школы[11].

2. Церковнославянские акафисты за пределами Русской православной церкви. Акафисты на цсл. языке (и переводы на цсл.) создаются не только в России. Так, акафист Богородице в честь Леснинской иконы[12] написан во Франции[13], акафисты новомученикам и исповедникам российским[14], мученице Злате Мыгленской[15], священномученику Виссариону Смолянскому[16], Царственным мученикам[17] – в Болгарии[18], акафист равноапостольному Науму Охридскому – в Сербии[19].

---

[10] Данный акафист имеется лишь в первой версии пятого тома нижегородского сборника акафистов (НН, 20–38; подписано в печать 25.04.97). По всей видимости, уже после отпечатки тиража издатели осознали странность нахождения в православном акафистнике этого текста и осуществили корректировку, выпустив вторую версию пятого тома (подписано в печать 01.09.97), где акафист непорочному зачатию был изъят, а на его место был помещен акафист Богородице в честь Владимирской иконы. Титульные листы обеих версий тома идентичны, упоминания о внесенных изменениях отсутствуют. Первую версию пятого тома можно увидеть в Синодальной библиотеке (Москва).

По этому поводу нельзя не вспомнить рассказ Х.Л. Борхеса "Тлён, Укбар, Orbis Tertius": "Принесенный Бьоем том был действительно томом XXVI Anglo-American Cyclopaedia. На суперобложке и на корешке порядковые слова были те же (Тор – Урс), что и в нашем экземпляре, но вместо 917 страниц было 921. На этих-то дополнительных четырех страницах и находилась статья об Укбаре, не предусмотренная (как читатель наверняка понял) словником. Впоследствии мы установили, что никаких других различий между томами нет" (Борхес 1997, 105).

[11] http://www.pravaya.ru/faith/117/949.

[12] http://pravoslavie.domainbg.com/14/lesna-akatist.html.

[13] См.: http://pravoslavie.domainbg.com/14.

[14] http://pravoslavie.domainbg.com/pdf/rusnovomuc.pdf.

[15] http://pravoslavie.domainbg.com/14/zlata_akatist.html.

[16] http://pravoslavie.domainbg.com/pdf/visarion-akatist.pdf.

[17] http://pravoslavie.domainbg.com/14/carstveni_mucenici_ru.html. Имеется еще один цсл. акафист Царственным мученикам: http://www.mitropolia-spb.ru/vestnik/y2002/n8/15.html.

[18] См. http://pravoslavie.domainbg.com/14. На этом же сайте выложены служба священномученику Виссариону Смолянскому (http://pravoslavie.domainbg.com/pdf/visarion-sluzba.pdf) и служба китайским первомученикам (http://pravoslavie.domainbg.com/pdf/cnmartyrs.pdf).

[19] Мы располагаем этими сведениями и самим текстом акафиста святому Науму благодаря любезности священника Марьяна Кнежевича (Сербия).

inslav

Русскими эмигрантами был написан акафист Богородице – "Светлой обители странников бездомных"[20]. При издании этого акафиста в России [РНН, 605–613] были внесены необходимые изменения (с тем, чтобы он мог читаться не только от лица эмигрантов).

На Западе были созданы и другие акафисты. В частности, акафист преподобному Герману Аляскинскому был написан протоиереем Стефаном Ляшевским в США, акафист святителю Иоанну Шанхайскому (Сан-Францисскому) – иеромонахом Серафимом (Роузом)[21], также в США.

Перевод греческого акафиста святителю Фотию Константинопольскому (см. 4.5, 5.2) выполнен в Болгарии. Там же с сербского языка переведен акафист преподобной Параскеве Эпиватской (см. 5.1). Акафист апостолу и евангелисту Луке был переведен с сербского на цсл. в Казахстане[22] (см. 5.1).

3. Переводы церковнославянских акафистов. Последние несколько столетий Русская православная церковь играет определяющую роль в православном мире. Благодаря нескольким волнам эмиграции в XX в. с русским православием познакомился Запад, образованы автокефальные и автономные церкви, во многом зависящие от русской богослужебной традиции. В частности, в настоящее время под русским влиянием в Европе и Америке пишутся акафисты на национальных языках (см. § 4), а также активно осуществляются переводы акафистов и других богослужебных текстов с цсл. на сербский, румынский, болгарский, английский и другие языки.

3.1. Переводы на сербский язык. На язык сербский (в сравнении с румынским, английским и болгарским) переведено больше всего акафистов. К настоящему моменту известно около сорока таких акафистов.

Прежде всего следует назвать "Великий акафист" Богородице ("Взбранной Воеводе..."). Этот византийский акафист, положивший начало интересующему нас жанру, в настоящее время переведен на сербский[23], румынский (см. 3.2), английский (см. 3.3), болгарский (см. 3.4) и другие языки. Имеется также древний перевод с греческого на латынь[24].

---

[20] http://www.deva-maria.narod.ru/Molitvi14.htm.

[21] Самому отцу Серафиму (преподобному Серафиму Платинскому) также написан акафист (см. 4.3).

[22] Сообщение Сергея Скоморохова, администратора сайта www. akafist. narod.ru.

[23] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=prl/002. Цсл. текст: [РНН, 5–12].

[24] http://www.odox.net/Liturgy/Acathistus.htm.

inslav

Назовем другие акафисты, переведенные с цсл. на сербский.

Акафисты, адресованные Господу Богу: Святой Троице[25], Иисусу Сладчайшему[26], Преображению Господню[27], Кресту Господню (Воздвижению)[28], о упокоении усопших[29].

Акафисты Богородице: "Великий акафист"[30]; в честь Покрова[31]; в честь икон: Ахтырская[32], Владимирская[33], "Всецарица"[34], "Избавительница"[35], "Неупиваемая чаша"[36], "Нечаянная радость"[37], "Скоропослушница"[38], Толгская[39], "Троеручица"[40], "Утешение" ("Отрада")[41].

Акафисты святым: великомученице Варваре[42], мученицам Вере, Надежде, Любови и Софии[43], великомученику Димитрию Солунскому[44], пророку Илии[45], апостолу и евангелисту Иоанну

---

[25] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/061. Цсл. текст: [Двун., 339–356]. Переведен также на румынский (см. 3.2), английский (3.3) и болгарский язык (3.4). Имеется и другой цсл. акафист Иисусу Сладчайшему: http://akafist.narod. ru/S/Iisus_Sl_in.htm.

[26] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=prl/027. Цсл. текст: [ПМ, 48-55].

[27] http://www.bsn.org.yu/stampaj.php?id=mlt/080. Цсл. текст: [Преобр.]. Имеется еще один, более известный, акафист Преображению: [Двун., 360–376].

[28] http://www.bsn.org.yu/pdf/krstu.pdf. Цсл. текст: [Двун., 45–59]. Имеется другой акафист Воздвижению: [Двун., 60–74].

[29] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/063. Цсл. текст: [Ак. 2, 567–576]. Переведен также на английский (3.3).

[30] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=prl/002. Цсл. текст: [РНН, 5–12]. Переведен также на румынский (см. 3.2), английский (3.3) и болгарский (3.4).

[31] http://www.bsn.org.yu/pdf/pokrov.pdf. Цсл. текст: [РНН, 76–85]. Переведен также на румынский (см. 3.2).

[32] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/002. Цсл. текст: [РНН, 107–117].

[33] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/075. Цсл. текст: [РНН, 159–167].

[34] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=prl/028. Цсл. текст: [РНН, 187–194]. Переведен также на румынский (3.2).

[35] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/017. Цсл. текст: [РНН, 278–282]. Имеется также другой цсл. акафист в честь данной иконы: [Изб.].

[36] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/033. Цсл. текст: [РНН, 380–388]. Отметим, что издания данного акафиста могут содержать существенные текстуальные различия.

[37] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/038. Цсл. текст: [РНН, 389–399].

[38] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/006. Цсл. текст: [РНН, 453–462]. Переведен также на румынский (3.2).

[39] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=prl/029. Цсл. текст: [РНН, 514–525].

[40] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/060. Цсл. текст: [РНН, 534–543].

[41] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/003. Цсл. текст: [АБ, 192–217]. Имеется также другой акафист в честь данной иконы: [РНН, 413–421].

[42] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=prl/030. Цсл. текст: [НН 5, 216–236].

[43] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=prl/032. Цсл. текст: [Ак. 2, 196–210].

[44] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/007. Цсл. текст: [ДимС].

[45] http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/014. Цсл. текст: [ПА 2, 138–145].

inslav

Богослову[46], святителю Иоанну Златоусту[47], праведному Иоанну Кронштадтскому[48], пророку Иоанну Предтече[49], святителю Иоанну Шанхайскому (Сан-Францисскому)[50], священномученику Киприану и мученице Иустине[51], блаженной Ксении Петербургской[52], архистратигу Михаилу[53], равноапостольному Науму Охридскому[54], святителю Николаю Чудотворцу[55], великомученику Пантелеимону[56], апостолам Петру и Павлу[57], семи отрокам Ефесским[58], преподобному Серафиму Саровскому[59], преподобному Сергию Радонежскому[60], апостолу Симону Зилоту[61], сорока мученикам Севастийским[62], Трем святителям (Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту)[63].

3.2. Переводы на румынский язык. На сегодняшний день нам известно о 21 акафисте, переведенном с цсл. на румынский язык.

---

46 http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/084. Цсл. текст: [Ак. 2, 65–76].

47 http://www.bsn.org.yu/prilozi/zlatoust.htm. Цсл. текст: [НН 3, 112–127].

48 http://www.bsn.org.yu/index.php?id=prl/008. Цсл. текст: [АРС 2, 319–330]; существенно отличный вариант указанного текста: [Календ. 2001, 112–118]; имеется также другой праведному Иоанну: [АРС 2, 302–315].

49 http://www.bsn.org.yu/index.php?id=prl/007. Цсл. текст: [Ак. 2, 16–29].

50 http://www.fatheralexander.org/booklets/english/st_john_service.htm#akathist. Цсл. текст: [АРС 2, 331–339]; имеется также другой акафист святителю Иоанну, см.: http://akafist.narod.ru/index_i.html

51 http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/021. Цсл. текст: [НН 2, 138–148].

52 http://www.bsn.org.yu/molitve/kseni-a.htm. Цсл. текст: [АРС 3, 641–651]. Имеется также другой акафист блаженной Ксении: [Ксен., 12–55, 60–63].

53 http://www.bsn.org.yu/index.php?id=prl/001. Цсл. текст: [СбАк., 351–367]. Переведен также на английский (3.3).

54 http://www.bsn.org.yu/molitve/naum-pr.htm. Цсл. текст этого акафиста, написанного святителем Николаем Жичским, прислал автору настоящей статьи священник Марьян Кнежевич.

55 http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/040. Цсл. текст: [ПМ, 64–71]. Переведен также на болгарский (3.4).

56 http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/081. Цсл. текст: [НН 5, 197–211].

57 http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/046. Цсл. текст: [ПА 2, 14–157].

58 http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/009. Цсл. текст: [НН 5, 163–176].

59 http://www.bsn.org.yu/molitve/serafim3.htm. Цсл. текст: [АРС 3, 313–323].

60 http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/083. Цсл. текст: [АРС 3, 370–381]; имеется также другой акафист преподобному Сергию: [АРС 3, 347–363]. Помимо двух указанных акафистов, существовали и другие (Турилов 2000, 379), однако в настоящее время они не печатаются.

61 http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/082. Цсл. текст: [НН 1, 58–72].

62 http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/028. Цсл. текст: [НН 2, 106–118].

63 http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/058. Цсл. текст: [ПА 2, 161–169].

inslav

Акафисты Господу Богу: Иисусу Сладчайшему[64], Воскресению Христову[65], Святому Духу[66], а также акафист благодарственный "Слава Богу за всё!"[67].

Акафисты Богородице: "Великий акафист"[68], в честь Покрова[69], в честь икон: "Аз есмь с вами и никтоже на вы"[70], "Всецарица"[71], "Всех скорбящих радость"[72], "Неупиваемая Чаша"[73], "Прибавление ума"[74], "Призри на смирение"[75], "Скоропослушница"[76].

Акафисты святым: всем святым[77], великомученице Варваре[78], пророку Илии[79], святителю Иоанну Шанхайскому[80], святителю Леонтию Редеуцскому[81], блаженной Матроне Московской[82],

---

64 http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/01/index.html. Цсл. текст: [ПМ, 48–55]. Переведен также на сербский (см. 3.1), английский (3.3) и болгарский (3.4).

65 http://biblioteca.golia.ro/acatistier/Acatistul_Sfintei_Invieri.html. Цсл. текст: [Двун., 291–301].

66 http://www.ortodox.as.ro/acatiste/ac16.html. Цсл. текст: [НН 5, 5–17].

67 http://saraca.1plan.net/acatiste/acatist_de_multumire.htm. Цсл. текст: [СБВ]. Переведен также на английский (см. 3.3).

68 http://www.ortodox.as.ro/acatiste/ac52.html. Цсл. текст: [РНН, 5–12]. Переведен также на сербский (см. 3.1), английский (3.3) и болгарский (3.4).

69 http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/02/index.html. Цсл. текст: [РНН, 76–85]. Переведен также на сербский (см. 3.1).

70 http://www.blaj-matrona.orthodoxy.ru/books/akafist/akaf_r_eu.htm. Цсл. текст: [Аз, 48–62].

71 http://biblioteca.golia.ro/acatistier/Acatistul_Maicii_Domnului_Pantanassa.html. Цсл. текст: [РНН, 187–194]. Переведен также на сербский (см. 3.1).

72 http://saraca.1plan.net/acatiste/acatistul_maicii_domnului.htm. Отметим, что соответствующий цсл. акафист имеет в виду две иконы: "Взыскание погибших" и "Всех скорбящих радость", см.: [РНН, 176–186].

73 http://www.ortodox.as.ro/acatiste/ac58.html. Цсл. текст: [РНН, 380–388].

74 http://www.ortodox.as.ro/acatiste/ac62.html. Цсл. текст: [Приб., 226–252].

75 http://www.blaj-matrona.orthodoxy.ru/books/akafist/akaf_r_cauta.htm. Цсл. текст: [ПС, 11–29].

76 http://www.ortodox.as.ro/acatiste/ac51.html. Цсл. текст: [РНН, 453–462].

77 http://www.ortodox.as.ro/acatiste/ac56.html. Цсл. текст: [Ак. 2, 532–545].

78 http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/15/index.html. Цсл. текст: [НН 5, 216–236].

79 http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/31/index.html. Цсл. текст: [ПА 2, 138–145]

80 http://saraca.1plan.net/acatiste/acatistul_sf_ioan_maximovici.htm. Цсл. текст: [АРС 2, 331–339]. Имеется также другой цсл. акафист святителю Иоанну, см.: http://akafist.narod.ru/index_i.html.

81 http://www.ortodox.as.ro/acatiste/ac57.html.

82 http://www.blaj-matrona.orthodoxy.ru/akaf_r.htm#matrona. Цсл. текст: [Матр.].

inslav

царю-мученику Николаю[83], преподобному Серафиму Саровскому[84], преподобному Силуану Афонскому[85].

3.3. Переводы на английский язык. Мы располагаем сведениями о двенадцати акафистах, переведенных на английский с цсл. и об одном – с русского.

Акафисты Господу Богу: Страстям Христовым[86], Живоносному гробу и Воскресению[87], Иисусу Сладчайшему[88], о упокоении усопших[89], а также акафист "Слава Богу за всё!"[90].

Акафисты Богородице: "Великий акафист" (имеется по меньшей мере два перевода)[91] и в честь Тихвинской иконы[92].

Святым и ангелам: преподобному Герману Аляскинскому[93], святителю Игнатию Кавказскому[94], благоверной княгине Иулиании Лазаревской (Муромской)[95], архистратигу Михаилу[96], царю-мученику Николаю[97], преподобному Нилу Сорскому[98].

---

[83] http://www.blaj-matrona.orthodoxy.ru/books/akafist/akaf_r_nik.htm. Цсл. текст: [АРС 3, с. 80–87].

[84] http://biblioteca.golia.ro/acatistier/Acatistul_Sfantului_Serafim.html. Цсл. текст: [АРС 3, 313–323].

[85] http://saraca.1plan.net/acatiste/acatistul_sf_siluan.htm. Цсл. текст: [АРС 3, 395–409]. Имеется еще два цсл. акафиста преподобному Силуану: [СилАф.] и http://www.teos.org.ru/library/003.htm.

[86] http://www.monachos.net/other/akathist_passion.shtml. Цсл. текст: [Двун., 244–256].

[87] http://gnisios.narod.ru/aktomb.html. Цсл текст: [Двун., 259–276].

[88] http://pages.prodigy.net/frjohnwhiteford/akswjs.htm. Цсл. текст: [ПМ, 48–55]. Переведен также на сербский (см. 3.1), румынский (3.2) и болгарский (3.4).

[89] http://users.sisqtel.net/williams/akathist-repose.html. Цсл. текст: [Ак. 2, 567–576]. Переведен также на сербский язык (см. 3.1).

[90] http://paul.goarch.org/en/ourfaith/articles/article8228.asp. Цсл. текст: [СБВ]. Переведен также на румынский (см. 3.2).

[91] http://www.monachos.net/other/akathist_to_theotokos.shtml и http://www. fatheralexander.org/booklets/english/m_akathist_e.htm. Цсл. текст: [РНН, 5–12]. Переведен также на сербский (см. 3.1), румынский (3.2) и болгарский (3.4).

[92] http://www.oca.org/pages/orth_chri/publications/music/akathists/tikhviniconakathist.html. Цсл. текст: [РНН, 503–513].

[93] http://www.alaskanchurch.org/pdf/liturgical/StHermanAkathist-FullPage.pdf. Цсл. текст см.: http://akafist.narod.ru/index_g.html.

[94] http://www.podvorje.orthodoxy.ru/English/frame.htm. Цсл. текст: [АРС 2, 228–238].

[95] http://stjulianalazarevo.org/akathist_hymn.html. Цсл. текст см.: http://akafist.narod.ru/index_i.html.

[96] http://cs-people.bu.edu/butta1/akathistarchangelmichael.htm. Цсл. текст: [СбАк., 351–367].

[97] http://www.serfes.org/royal/akathist.htm. Цсл. текст: [АРС 3, с. 80–87]. Помимо данного, имеется по меньшей мере еще четыре акафиста царю-мученику

inslav

3.4. Переводы на болгарский язык. С цсл. на болгарский переведено несколько акафистов: Иисусу Сладчайшему[99], Акафист Всемогущему Богу в нашествии печали[100], "Великий акафист" Богородице[101], святителю Николаю Чудотворцу[102].

3.5. Переводы на греческий язык. Имеются факты перевода цсл. текстов на греческий язык. Например, известно о переводе служб преподобному Сергию Радонежскому и преподобному Серафиму Саровскому; кроме того, переведена молитва Богородице святителя Димитрия Ростовского, а также (с русского на новогреческий!) молитва Оптинских старцев. Однако на сегодняшний день мы не располагаем достоверной информации о переводе на греческий язык цсл. акафистов.

4. Оригинальные акафисты на других языках. Под влиянием русской гимнографической традиции возникают оригинальные акафисты и на других языках. Наибольшее число акафистов имеется на румынском языке.

4.1. Оригинальные акафисты на румынском языке. На данный момент нам известно около семидесяти акафистов на румынском языке. Их них более двадцати переведены с цсл. (см. 3.2), еще два – преподобному Никодиму Тисманскому[103] и архидиакону Стефану[104] – имеют соответствие на сербском языке (см. 4.2), при этом не ясно, на каком языке написан оригинал; акафисты святителю Григорию Паламе[105] и Иоанну Предтече[106] переведены с греческого.

Николаю: [ЦС, 119–130], [ЦС, 246–257], [ЦС, 258–270], http://www.st-nikolas.orthodoxy.ru/questions/akafist_tzar_nickolas.html. Помимо этого имеются два акафиста царственным мученикам, два акафиста царице Александре, акафисты царевичу Алексию, царевне Ольге и царевне Татьяне.

98 http://www.saintnilus.org/akathist.html. Цсл. текст: [АРС 3, 95–105].

99 [Мол., 176–193]. Цсл. текст: [ПМ, 48–55]. Переведен также на сербский (см. 3.1), румынский (3.2) и английский (3.3).

100 http://www.pravoslavieto.com/molitvoslov/akatisti/Bog.htm. Цсл. текст: [Скорб., 162–191].

101 http://www.pravoslavieto.com/molitvoslov/akatisti/PresvetaBogoroditsa.htm. Цсл. текст: [РНН, 5–12]. Переведен также на сербский (см. 3.1), румынский (3.2) и английский (3.3).

102 http://www.sv-nikola.hit.bg/bogosl/akat.htm#akat. Цсл. текст: [ПМ, 64–71]. Переведен также на сербский язык (см. 3.1).

103 http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/22/index.html.

104 http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/23/index.html. Имеется также цсл. акафист архидиакону Стефану, см.: http://akafist.narod.ru/index_s.html.

105 http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/10/index.html.

106 http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/26/index.html. Имеется также цсл. акафист Иоанну Предтече: [Ак. 2, 16–29].

inslav

Оригинальные же акафисты (общим числом около сорока) суть следующие: Кресту Господню[107];

Богородице – в честь икон Боянской[108], "Воспитание"[109] и Харбоватской[110], а также стихотворный акафист[111];

святым и ангелам: святителю Александру Константинопольскому[112], апостолу Андрею Первозванному[113], преподобному Антонию Великому[114], святителю Василию Великому[115], преподобномученикам Виссариону иеромонаху, Софронию монаху и Опре монахине[116], святителю Геласию Раметскому[117], великомученику Георгию Победоносцу[118], преподобному Димитрию Бессарабскому[119], великомученику Димитрию Солунскому[120], великомученице Екатерине Александрийской[121], священномученику Елевферию Иллирийскому[122], праведным Иоакиму и Анне[123], святителю Иоанну Шанхайскому[124], святителю Калиннику Черничскому[125],

---

[107] http://www.ortodox.as.ro/acatiste/ac22.html. Имеется также два цсл. акафиста Кресту Господню (Воздвижению): [Двун., 60–74] и [Двун., 45–59]. Последний переведен на сербский язык (см. 3.1).

[108] http://www.ortodox.as.ro/acatiste/ac61.html. Имеется также цсл. акафист в честь Боянской иконы, см.: http://akafist.narod.ru/index_b1.html.

[109] http://www.ortodox.as.ro/acatiste/ac54.html. Имеется также цсл. акафист в честь иконы "Воспитание": [Ак. 1, 458–468] (ср. тж. существенно переработанный вариант этого акафиста: [РНН, 168–175]).

[110] http://www.blaj-matrona.orthodoxy.ru/books/akafist/akaf_r_hirbov.htm.

[111] http://saraca.1plan.net/acatiste/acatist_rugul_aprins.htm.

[112] http://www.ortodox.as.ro/acatiste/ac20.html.

[113] http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/14/index.html. Имеется также акафист апостолу Андрею на цсл.: [ПА 1, 117–125].

[114] http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/27/index.html.

[115] http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/25/index.html. Имеется также цсл. акафист святителю Василию: [НН 3, 132–150].

[116] http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/05/index.html.

[117] http://www.ortodox.as.ro/acatiste/ac59.html.

[118] http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/32/index.html. Имеется также цсл. акафист великомученику Георгию: [Ак. 2, 128–137].

[119] http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/07/index.html.

[120] http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/06/index.html. Имеется также цсл. акафист этому святому: [ДимС], переведенный на сербский язык (см. 3.1).

[121] http://www.prilutsk.mrezha.ru/zitie/ekaterina.htm#akafist. Имеется также цсл. акафист великомученице Екатерние: [ПА 2, 228–234].

[122] http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/21/index.html.

[123] http://saraca.1plan.net/acatiste/acatist_sf_ioachim_si_ana.htm. Имеется также цсл. акафист праведным Иоакиму и Анне: [НН 2, 53–67].

[124] http://saraca.1plan.net/acatiste/acatist2_sf_ioan_maximovici.htm. Имеется также два цсл. акафиста святителю Иоанну, один из которых переведен на румынский язык (см. 3.2).

[125] http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/30/index.html.

inslav

мученику царю Константину Бранковичу[126], равноапостольным Константину и Елене[127], блаженной Ксении Петербургской[128], великомученику Мине[129], святителю Модесту Иерусалимскому[130], святителю Нектарию Эгинскому (два акафиста)[131], мученику Нестору Солунскому[132], святителю Николаю Чудотворцу[133], преподобному Паисию Величковскому[134], великомученику Пантелеимону[135], преподобной Параскеве Эпиватской[136], апостолам Петру и Павлу[137], архангелу Рафаилу[138], святителю Спиридону Тримифунтскому[139], благоверному господарю Стефану Великому[140], преподобному Стилиану Пафлагонянину[141], мученице Татиане[142], Трем святителям[143], великомученику Фанурию Родес-

---

126 http://saraca.1plan.net/acatiste/acatistul_sf_brancoveni.htm.

127 http://www.ortodox.as.ro/acatiste/ac60.html. Имеется также цсл. акафист равноапостольным Константину и Елене: [КЕ].

128 http://saraca.1plan.net/acatiste/acatist_xenia_sankt_petersburg.htm. Имеются также два цсл. акафиста блаженной Ксении: [АРС 3, 641–651], переведенный на сербский (см. 3.1), и [Ксен., 12–55, 60–63].

129 http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/09/index.html. Имеются также акафисты великомученику Мине на цсл. и болгарском (см. 4.4).

130 http://www.ortodox.as.ro/acatiste/ac50.html.

131 http://saraca.1plan.net/acatiste/acatistul_sf_ierarh_nectarie.htm и http://saraca.1plan.net/acatiste/acatistul_SF_NECTARIE.htm. Имеется также два цсл. акафиста святителю Нектарию – [Нект. 1] и [Нект. 2], причем последний переведен с греческого.

132 http://saraca.1plan.net/acatiste/acatistul_sf_nestor.htm.

133 http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/16/index.html. Имеется также цсл. акафист [ПМ, 64–71], переведенный с греческого, который, в свою очередь, переведен на сербский (см. 2.2) и болгарский (см. 2.3).

134 http://saraca.1plan.net/acatiste/acatist_sf_pasie_velicicovski.htm. Известно о существовании акафиста преподобному Паисию на английском языке: http://www.libfl.ru/newbnp/2001–04/e1.htm. Имеется также цсл. акафист (рукопись).

135 http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/33/index.html. Имеется также цсл. акафист великомученику Пантелеимону: [НН 5, 197–211].

136 http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/04/index.html. Имеется также сербский акафист этой святой (см. 4.2), переведенный на цсл. (см. 5.1).

137 http://www.ortodox.as.ro/acatiste/ac49.html. Имеется цсл. акафист первоверховным апостолам: [ПА 2, 149–157], переведенный на сербский (см. 3.1).

138 http://www.ortodox.as.ro/acatiste/ac53.html.

139 http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/20/index.html. Имеется также цсл. акафист святителю Спиридону: [ПА 2, 174–182].

140 http://www.ortodox.as.ro/acatiste/ac63.html.

141 http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/13/index.html.

142 http://saraca.1plan.net/acatiste/acatistul_sf_tatiana.htm. Имеется также цсл. акафист мученице Татиане: [ПА 2, 237–242].

143 http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/28/index.html. Имеется также цсл. акафист Трем святителям: [ПА 2, 161–169], переведенный на сербский (см. 3.1).

inslav

скому[144], мученице Филофее[145], священномученику Харалампию Магнезийскому[146].

Следует упомянуть еще один румынский акафист – святителю Гликерию Исповеднику (1892–1985). Однако здесь нужно сделать две оговорки. Во-первых, этот акафист нам доступен лишь в переводе на цсл. (см. 5.3); во-вторых, митрополит Гликерий был предстоятелем Румынской старостильной православной церкви, которая не признана ни одной из поместных православных церквей[147].

4.2 Оригинальные акафисты на сербском языке. Оригинальные сербские акафисты адресованы по преимуществу сербским святым: преподобной Параскеве Эпиватской (Сербской) (XI в., память 14 октября)[148], святителю Савве Сербскому (1169–1237)[149], преподобному Никодиму Тисманскому (?–1406)[150], благоверному князю Стефану Бранковичу (XV в.)[151], два акафиста святителю Василию Острожскому (1610–1671)[152], два акафиста святителю Николаю Жичскому (1881–1956)[153], а также акафист всем сербским святым[154]. Однако на сербском языке имеются также акафисты вселенским святым – апостолу и евангелисту Луке[155], первомученику архидиакону Стефану[156] и преподобной Марии Египетской[157].

---

144 http://www.ortodox.as.ro/acatiste/ac21.html.

145 http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/17/index.html.

146 http://www.biserica.org/Publicatii/Acatiste/29/index.html. Имеется также цсл. акафист священномученику Харалампию: [НН 4, 95–107].

147 Точно так же не признаны болгарские и греческие старостильники.

148 http://www.svetosavlje.org/biblioteka/Bogosluzbeni/akatist01.htm.

149 http://www.dverisrpske.com/brojevi/svetosavski/tekstovi/akatist%20Svetom%20Savi.htm. Известно о существовании цсл. акафиста святителю Савве (см.: Попов 1903, 382 – 383), однако, как уже отмечалось выше, на сегодняшний день он оказался нам недоступен. Таким образом, нельзя исключить, что сербский акафист представляет собой перевод с цсл.

150 http://www.bsn.org.yu/stampaj.php?id=prl/013.

151 http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/085.

152 http://www.bsn.org.yu/molitve/vasil.htm и http://www.bsn.org.yu/molitve/vasil2.htm.

153 http://www.bsn.org.yu/molitve/nikolaj.htm и http://www.bsn.org.yu/molitve/nikolaj2.htm.

154 http://www.bsn.org.yu/index.php?id=mlt/055.

155 http://www.bsn.org.yu/prilozi/luki.htm.

156 http://www.bsn.org.yu/stampaj.php?id=mlt/056). Имеется также акафист на цсл. (см.: http://akafist.narod.ru/index_s.html).

157 http://www.svetosavlje.org/biblioteka/Bogosluzbeni/akatist04.htm. Имеется также три цсл. акафиста преподобной Марии Египетской. Ссылки на два из них см.: http://akafist.narod.ru/index_m.html. Третий акафист: [МЕ].

inslav

Два сербских акафиста обращены к Богородице – в честь хиландарской иконы "Млекопитательница"[158] и в честь Чайничской иконы[159].

4.3. Оригинальные акафисты на английском языке. Акафисты на английском языке пишутся по преимуществу в США, их авторами, как можно предположить, являются клирики и миряне автокефальной Американской православной церкви, а также Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ, Зарубежная церковь).

Разумеется, в первую очередь американские акафисты адресованы причисленным (или еще не причисленным) к лику святых жителям североамериканского континента: праведному Иакову Нетсветову (1804–1863)[160], святителю Рафаилу Бруклинскому (1860–1915)[161], преподобному Серафиму Платинскому (1934 –1982)[162].

Следует также отметить акафисты, адресованные святым, которые многое сделали для распространения православия в Америке, но последним местом служения которых была Москва. Это акафисты святителю Иннокентию Аляскинскому (Московскому) (1791–1879)[163] и святителю Тихону, патриарху Московскому и всея Руси (1865–1925)[164].

Среди русских эмигрантов на Западе особым почитанием пользуется преподобномученица великая княгиня Елизавета Феодоровна – ей также адресован акафист на английском языке[165].

Нельзя не отметить акафист царю и пророку Давиду[166], а также акафист новомученикам китайским, пострадавшим во время боксерского восстания в 1900 г.[167]

Два акафиста имеют британское происхождение. Это акафист святому Гутлаку Кроулендскому (64–689)[168] и Богородице в честь иконы Феликстовской (местночтимая икона)[169].

---

158 http://www.bsn.org.yu/pdf/Mlekop.pdf. Имеется также цсл акафист: [РНН, 353 – 359].

159 См.: http://www.bsn.org.yu.

160 http://www.alaskanchurch.org/pdf/liturgical/StYakovAkathist.pdf.

161 http://www.angelfire.com/pa3/straphaelcanonized/hymns/BRAkathist.htm.

162 http://users.sisqtel.net/williams/akathist-frseraphim.html. Не канонизирован.

163 http://www.angelfire.com/nv2/carthusian/Akathist/innocent.html.

164 http://akafist.narod.ru/T/Tikhon_Patriarch.htm. При этом имеется акафист патриарху Тихону, написанный в России на цсл., однако это другой текст: [Тих.].

165 http://www.serfes.org/royal/akathisttoelizabeth.htm. Ей также написан цсл. акафист: [ЕлФ].

166 http://akafist.narod.ru/D/David.htm.

167 http://www.asna.ca/resources/akathist-chinese-martyrs-1900.pdf.

168 http://www.orthodoxengland.btinternet.co.uk/akaguth.htm.

169 http://www.orthodoxengland.btinternet.co.uk/akafmog.htm.

inslav

Наконец, следует упомянуть акафист священномученнику Максиму Лемковскому (1886–1914)[170] – русинскому священнику, расстрелянному австрийцами. Этот акафист имеется также и на цсл. языке[171]. К сожалению, нам не удалось установить, какой из двух текстов является оригиналом.

4.4. Оригинальные акафисты на болгарском языке. Нам известны лишь два оригинальных акафиста на болгарском языке – святителю Клименту Охридскому[172] и великомученику Мине Котуанскому[173]. Впрочем, не исключено, что последний акафист переведен с цсл.[174]

4.5. Оригинальные акафисты на греческом языке. Современное гимнографическое творчество на греческом языке должно стать предметом отдельного рассмотрения. Мы же ограничимся упоминанием акафистов святителю Фотию, патриарху Константинопольскому, и святителю Нектарию Эгинскому. Оба эти акафиста переведены на цсл. язык (см. 5.2).

5. Переводы акафистов на церковнославянский язык. В наши дни мы можем наблюдать интересный процесс: в России оказываются востребованными акафисты, написанные в других православных странах.

5.1. Переводы с сербского языка. В переводе с сербского языка известны акафисты апостолу и евангелисту Луке[175] (перевод первоначально выполнен в Казахстане, исправлен и дополнен в России) и преподобной Параскеве Эпиватской[176] (перевод выполнен в Болгарии).

5.2. Переводы с греческого языка. Первые цсл. акафисты были переведены с греческого языка. Это, прежде всего, "Великий акафист" Богородице, а также акафист Иисусу Сладчайшему и некоторые другие.

В наши дни с греческого переведены два акафиста: святителю Нектарию Эгинскому (Нектарий 2002) и святителю Фотию, патриарху Константинопольскому (перевод этого акафиста был выполнен в Болгарии)[177].

---

170 http://akafist.narod.ru/M/Maxim_Sandovich.htm.

171 См.: http://akafist.narod.ru/index_m.html.

172 http://www.novamacedonia.com/StCliment.doc.

173 http://pravoslavie.domainbg.com/14/menas_bg.html.

174 Известный нам цсл. акафист великомученику Мине [Мин.] представляет собой иной текст, нежели болгарский акафист.

175 См.: http://akafist.narod.ru/index_k.html.

176 http://pravoslavie.domainbg.com/14/petka_akatist.html.

177 http://pravoslavie.domainbg.com/pdf/photius.pdf.

inslav

5.3. Переводы с румынского языка. С румынского на цсл. переведен один акафист – святителю Гликерию Исповеднику (см. 4.1). Перевод был выполнен в Болгарии и размещен на сайте болгарских старостильников[178].

5.4. Переводы с английского языка. На сегодняшний день мы не можем указать достоверных случаев перевода акафистов с английского на цсл.; однако можно предположить, что в ближайшем будущем будут переведены акафисты святителю Иннокентию Московскому, проповедовавшему православие не только на Аляске, но и – прежде того – в Сибири; преподобному Серафиму Платинскому, которого знают и любят в России, а также пророку Давиду, имя которого известно каждому христианину.

Заключение. Жанр акафиста, возникший почти полтора тысячелетия назад в Византии, в наши дни ассоциируется прежде всего с русской гимнографической традицией. Под ее влиянием цсл. акафисты, созданные в России, в XX в. начинают использоваться и у южных славян; при этом на Балканах создаются и оригинальные цсл. акафисты. В Сербии и (в меньшей степени) в Болгарии наряду с цсл. акафистами (переводными и оригинальными) создаются тексты на соответствующих национальных языках; аналогичные процессы имеют место и в англоязычных странах.

Особого внимания заслуживает румынская акафистная традиция – как можно предположить, в значительной мере независимая от русской. На румынском языке написано порядка сорока акафистов, и это приблизительно в два раза больше количества текстов данного жанра, переведенных с цсл. Отметим также, что по меньшей мере два акафиста были переведены на румынский с греческого, без посредничества цсл. языка.

Что же касается греческой традиции, то мы знаем о ней слишком мало. Не исключено, что с введением в научный оборот акафистов на греческом языке обнаружатся тексты, с которых были переведены те или иные румынские, сербские или английские акафисты, в данной статье трактовавшиеся как оригинальные.

Таким образом, жанр акафиста, перенесенный с греческой почвы на русскую, в XX столетии распространился по странам Старого и Нового Света. В начале же XXI в. наблюдается новое, хотя и не неожиданное явление: на цсл. язык (который в настоящее время является литургическим языком прежде всего Русской православной церкви) начинают переводиться акафисты, созданные в других странах. Первой ласточкой стал сербский акафист

[178] http://pravoslavie.domainbg.com/14/glicherie-akatist.html.

inslav

апостолу и евангелисту Луке; имеется несколько английских акафистов, интересных для русского православия; пристального внимания заслуживают румынские акафисты.

На примере жанра акафиста мы видим, что обмен текстами служит взаимному обогащению национальных культур и литургических традиций поместных православных церквей.

ЛИТЕРАТУРА

Акафист // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 371–381.

Борхес Х.Л. "Вавилонская библиотека" и другие рассказы. СПб., 1997.

Козлов М. Акафист как жанр церковных песнопений // Акафистник. Т. 1. М., 1992. С. 3–12.

Людоговский Ф.Б. Графическая оболочка современного церковнославянского языка // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2000 г. М., 2000. С. 505–509.

Людоговский Ф.Б. Состав, структура и функционирование корпуса современных церковнославянских богослужебных текстов / Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003.

Людоговский Ф.Б. Современный церковнославянский минейный корпус // Лингвистическое источниковедение и история русского языка ⟨2002–2003⟩. М., 2003а. С. 500–528.

Людоговский Ф.Б. Церковнославянские акафисты как современный гимнографический жанр: структура, адресация, содержание // Славяноведение. 2004. № 2. С. 56–67.

Людоговский Ф.Б. Современные церковнославянские акафисты: зависимость содержания от структуры // Христианское просвещение и русская культура. VII научно-богословская конференция. Йошкар-Ола, 24–25 мая 2004 г. В печати.

Попов А. Православные русские акафисты, изданные с благословения Святейшего Синода. История их происхождения и цензуры, особенности содержания и построения. Церковно-литературное исследование... Казань, 1903.

Правдолюбов С. Проблемы современного гимнографического творчества. http://www.uchkom.ru/reg/09102001_pravdok.htm

Турилов А.А. Славянские и русские переводные акафисты // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 378–379.

ИСТОЧНИКИ

АБ – Акафисты Пресвятой Богородице. Кн. 3. Изд. Задонского Богородицкого монастыря, 1997.

Аз – "Аз есмь с вами и никтоже на вы". Повествование о чудотворной иконе Пресвятой Богородицы. Свято-Георгиевский женский монастырь, 2001.

Ак. 1–2 – Акафистник. Кн. 1–2. М.: Отдых христианина, 2002.

АРС 1–3 – Акафисты русским святым. Т. 1–3. СПб.: Титул, 1995–1996.

ГН – *Гроян Т.* Мученик за Христа и Царя Григорий Новый. М., 2000.

Двун. – Акафисты Святой Пасхе и двунадесятым праздникам. СПб.: Царское Дело, 2002.

ДимС – Акафист святому великомученику Димитрию Солунскому. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2002.

inslav

ЕлФ – Акафист святой преподобномученице Великой Княгине Елизавете. М.: Изд-во им. святителя Игнатия Ставропольского, 2002.

Изб. – Акафист пресвятой Богородице в честь иконы Ее "Избавительница". [М.:] Православный приход Храма Казанской иконы Божией Матери в Ясенево, 2001.

Календ. 2001 – Православный церковный календарь. 2001. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2000.

КЕ – Акафист святым равноапостольным царем Константину и Елене. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2000.

Ксен. – Канон и акафист блаженной Ксении, страннице Петербургской. М.: Изд-во им. святителя Игнатия Ставропольского, 2002.

Матр. – Акафист святой праведной Матроне Московской. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2002.

МЕ – Акафист преподобной Марии Египетской с житием. Б. м., 2001.

Мин. – Акафист святому великомученику Мине. Монастырь Рождества Пресвятой Богородицы "HORECEA", 2001.

Мол. – Молитвенник. София: Синодално изд-во, 1991.

Нект. 1 – Акафист святителю Нектарию, митрополиту Пентапольскому, Эгинскому чудотворцу. Б. м., б. г.

Нект. 2 – Акафист иже во святых отцу нашему Нектарию Пентапольскому, Эгинскому чудотворцу. Богородице-Сергиева пустынь, 2002.

НН 1-5 – Акафистник. Кн. 1–5. Нижний Новгород: Братство во имя святого князя Александра Невского, 1995–1997.

ПА 1–2 – Акафистник. Т. 1–2. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1992, 1989.

ПМ – Православный молитвослов и Псалтирь. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1980.

Преобр. – Акафист Преображению Господню. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2000.

Приб. – Икона Божией Матери "Прибавление ума". С присоединением тропаря и кондака, акафиста и молитвы. [М.:] Паломник, 2001.

ПС – Акафист иконе Божией Матери "Призри на смирение". М., 2001.

РНН – "Радуйся, Невесто Неневестная!" Акафисты Божией Матери. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2002.

СбАк. – Сборник акафистов. [М.:] Преображение, 1992.

СБВ – Акафист благодарственный "Слава Богу за всё". Воронеж, 1999.

СилАф. – Акафист преподобному Силуану Афонскому. М.: Издание Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря, 1999.

Скорб. – Акафисты и каноны, чтомые в скорбях и искушениях. СПб.: Сатисъ, 1995.

Тальк. – Акафист славному сыну Российской земли, страстотерпцу и мученику Игорю Талькову. [М., 2001]

Тих. – Акафист иже во святых отцу нашему Святителю Тихону, Патриарху Московскому и всея России Чудотворцу. М.: Изд. Донского м-ря, 1993.

УА – Акафистник. Жолков: Типография иноков чина святаго Василия [Великаго][179], 1905.

ЦС – Царский сборник: Службы. Акафисты. Месяцеслов. Помянник. Молитвы за Царя. Коронация. [М.:] Паломникъ, 2000.

[179] В доступном нам экземпляре поврежден титульный лист.

inslav

А.Е. Тарасов
(Россия)

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
(на примере космической деятельности)

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важнейших факторов, влияющих на ход развития современной политической ситуации в мире, считается глобализация, под которой обычно понимают углубление политических, экономических, научно-технических и культурных связей между государствами в масштабах всей планеты. В этих условиях национальные институты начинают играть меньшую роль по сравнению с наднациональными органами, обеспечивающими интеграцию и взаимодействие государств. В наибольшей степени глобализация проявляется в области информационных обменов, торговли энергоносителями и некоторыми видами растительного сырья (хлопок, чай, зерно), воздушного и морского транспорта, массовой культуры и финансов.

Глобализация считается закономерным *следствием* бурного технологического развития транспорта и средств связи, способствовавших созданию мирового финансового рынка и транснациональных компаний. Это привело к ослаблению влияния государств на экономическую и политическую ситуацию в пределах национальных территорий.

Глобализация является одним из самых употребительных терминов политической науки, а работы, в той или иной степени посвященные этому явлению, исчисляются тысячами тем не менее единого понимания этого термина на сегодняшний день не существует. Несмотря на значительные финансовые средства, выделяемые на исследование глобализации, до сих пор не получены ответы на вопросы: являются ли процессы глобализации обратимыми и поддаются ли они какому-либо регулированию?

Необратимость процесса глобализации, ещё несколько лет казавшаяся бесспорной, сейчас вызывает серьёзные сомнения. Значительное число исследователей начинают рассматривать глобализацию как часть циклического процесса. Иными словами, все больше и больше исследователей, а вслед за ними и политиков, приходят к мнению, что за периодом углубления связей на

inslav

глобальном уровне последует период обособления отдельных государств или групп государств. Косвенными признаками начала процесса "деглобализации" можно считать, по их мнению, развитие сотрудничества на региональном уровне, когда экономики стран-соседей превращаются в закрытую экономическую систему. Ещё одним доводом в пользу этой точки зрения служит тот факт, что большинство тенденций в мировом политическом и экономическом процессе, обозначившихся в начале нынешнего этапа глобализации в середине 80-х годов, не получили дальнейшего развития. Так, несмотря на многочисленные прогнозы, роль политических институтов суверенных государств не только не уменьшилась, а напротив, в значительной степени возросла. Не оправдались также прогнозы о возрастании роли средств связи в жизни общества. В частности, темпы увеличения числа абонентов компьютерной сети Интернет в конце 90-х годов сильно замедлились по сравнению с концом 80-х годов. Более того, в сети Интернет, которая провозглашалась доступной для любого жителя планеты, стали образовываться области, доступ в которые по разным причинам оказался ограничен. Оказались неточными предположения относительно постепенного исчезновения государственных границ, что, по мнению многих исследователей, должно было способствовать свободному перемещению людей и товаров. На деле открытость границ на одном участке сопровождалась усилением пограничного режима в других. Так, формирование Европейской безвизовой зоны – так называемого Шенгенского пространства – привело к ужесточению режима въезда в эту зону из других стран.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Процессы глобализации диктуют необходимость глобального подхода в решении масштабных проблем. При этом "масштаб" проблемы по сути определяется субъективным пониманием значимости проблемы со стороны исследователя, политика или, например, журналиста. Так, две крупнейшие войны в XX веке получили название мировых, хотя они скорее являлись Европейскими войнами, ибо накал вооруженной борьбы на других театрах военных действий по сравнению с тем, что творилось в Европе, был гораздо ниже.

Если попытаться составить примерный перечень проблем, претендующих на статус глобальных, то выявится, что понимание глобальности проблемы определяется ее важностью для нор-

inslav

мального функционирования страны, т.е. фактически "глобальность" проблемы детерминируется внутриполитическими "локальными" проблемами. Так, например, США и Евросоюз считают рост цен на энергоносители одной из насущных проблем, а в России и странах ОПЕК рост цен на нефть рассматривается как фактор роста экономики. Другой пример: сейчас идет много разговоров о негативных последствиях потепления климата для населения планеты. Причем одной из серьезнейших последствий глобального потепления указывается ухудшение условий проживания населения Европейских стран и США. В то время, как в России глобальное потепление, напротив, ведет к подъему уровня жизни за счет смягчения сурового континентального климата, уменьшения зоны рискованного земледелия.

Таким образом, можно констатировать, что понятия "глобализации" и "глобальности" отражает не природу какого-либо явления или процесса, а наше субъективное понимания важности этого явления или процесса. По мере изменения места этого явления или процесса в системе жизненных приоритетов того или иного общества явление или процесс могут потерять статус глобального. Мы назовем этот процесс "деглобализацией". Ниже на примере космической деятельности покажем как это происходит.

КОСМИЧЕСКИЕ МЕЧТАТЕЛИ

Впервые цели и задачи космической деятельности в интересах *всего человечества* были сформулированы К.Э. Циолковским. Он считал, что Земля рано или поздно станет непригодна для существования людей и возникнет жизненная необходимость выхода человека за пределы земной атмосферы [Циолковский 1989: 129–155]. По мнению К.Э. Циолковского, рост населения в будущем вызовет нехватку территорий для жилья и дефицит энергии. Выход за пределы Земли и расселение людей по планетам К.Э. Циолковский считал основным условием сохранения *человечества* как биологического вида [Циолковский 1989: 155–185].

Идеи о неотвратимой гибели мира из-за роста энтропии, остывания Солнца, охлаждения Земли или из-за космической катастрофы, предвестники которой видели в кометах и метеоритах, или в результате борьбы за существование в соответствии с теорией Ч. Дарвина были весьма популярны в конце XIX – начале XX в. В противостоянии этим угрозам начало формироваться учение о том, что человечество должно в своем развитии выйти

inslav

на качественно новую стадию – стадию освоения космического пространства.

Основы нового учения, получившего впоследствии название "космизма", заложили русские философы-космисты. Приоритет в осмыслении космического будущего человечества принадлежит, несомненно, Н.В. Федорову и А.В. Сухово-Кобылину [Федоров 1993; Сухово-Кобылин 1993]. Космисты не рассматривали, какую роль играет космос в жизни человека, напротив они рассматривали человека как часть космоса [подробнее см.: Русский космизм 1993; Философия Русского космизма 1996].

Наиболее выдающимися достижениями космистов были учение В.И. Вернадского о ноосфере [Вернадский 1993; Вернадский 1995], работы А.Л. Чижевского о физических факторах исторического процесса [Чижевский 1924] и уже упоминавшаяся научная космонавтика К.Э. Циолковского[1].

Одним из основополагающих принципов русского космизма было восприятие космонавтики как *общечеловеческой деятельности*. Космисты не рассматривали возможность космической деятельности в пределах одного государства, напротив, выход в космическое пространство они рассматривали как объединяющий фактор, призванный обеспечить человечество необходимыми ресурсами и устранить политическую конкуренцию. С точки зрения космистов, человечество представляет собой *единый* экипаж "Планеты Земля".

Таким образом, можно констатировать, что с самого начала космическая деятельность рассматривалась как предприятие "глобального", "общецивилизационного" масштаба. В понимании космистов, особенно В.И. Вернадского и А.Л. Чижевского, выход человека за пределы земной атмосферы начинает новую эру, в которой любая сознательная деятельность неминуемо приобретает глобальный характер [Вернадский 1993; Чижевский 1924].

ПЕРВЫЕ ПОЛЕТЫ

Одним из базовых понятий, определяющих содержание глобализации, является понятие "национальной" или "государственной границы". С точки зрения "пионеров" глобализации, исчезновение национальных границ как препятствия на пути свободно-

[1] К.Э. Циолковский оставил значительное научное наследие. Вопросы перемещения людей в космическое пространство рассмотрены: [Циолковский, 1989: 103–118].

inslav

го перемещения людей, товаров, услуг и капиталов как раз и составляет процесс глобализации [Ohmae 1990]. Национальная граница является фактором, ограничивающим движение любых транспортных средств, включая воздушные суда, которые должны следовать вертикальной проекции границ в атмосфере. На сегодняшний день граница виртуально "прозрачна" лишь для радиопередач в диапазоне коротких волн и для спутникового телевидения.

Особенностью движения космических аппаратов является их неспособность следовать ограничениям, накладываемым государственными границами. В силу этого в начале практического освоения космоса были разработаны юридические нормы, которые провозгласили отказ от принципа государственного суверенитета по отношению к космическому пространству и небесным телам[2]. Таким образом космическая деятельность с самого начала приняла глобальный, наднациональный характер.

Однако дальнейшее развитие космонавтики пошло по пути яростного соперничества космических держав. Это было отражением нарастающего ракетно-ядерного противостояния двух соперничающих военно-политических блоков во главе с СССР и США. Первый полет космического аппарата был связан не столько с началом освоения космического пространства, сколько с демонстрацией возможностей ракетного оружия, оснащенного ядерным зарядом[3]. Разрушительная мощь ядерного оружия, неограниченная дальность поражения и практически стопроцент-

---

[2] Запрет на установление национального суверенитета на отдельные участки космического пространства и сохранение запускающими государствами юрисдикции и контроля в космосе над космическими объектами закреплено в Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, который был принят Генеральной Ассамблеей ООН (Договор по космосу 1967 г.). В частности, Договор запрещает "Национальное присвоение космического пространства и небесных тел путем провозглашения суверенитета на них, либо их использованием, колонизацией, оккупацией, либо другими способами...".

[3] Космическая программа СССР началась с того, что было необходимо продемонстрировать способность *боевой баллистической* ракеты Р-7 достигать территории США. Нанесение *демонстрационного удара* могло бы спровоцировать новую войну. Чтобы этого избежать, нужно было разогнать *заведомо мирный* объект, формой, размерами и массой соответствовавший по геометрическим размерам и весу ядерной боеголовке, до первой космической скорости, т.е. до скорости, при которой объект становится искусственным спутником Земли. Этим объясняется необычная форма первого советского спутника – шар с антеннами, расположенными вдоль касательных к поверхности сферы.

inslav

ная неуязвимость ракеты в полете сделали ядерное оружие фактором *глобального* доминирования технологически развитых держав. Причем это доминирование основывалось на неспособности большинства стран мира создать ракету с большой дальностью полета. Страны, обладающие способностью выводить объекты в космос, объединились в некий неформальный клуб, в значительной степени, определяющий развитие политической ситуации в мире[4].

Таким образом, космическая деятельность из глобального общечеловеческого "предприятия" стала постепенно превращаться в занятие для избранных – начался процесс *деглобализации* космонавтики[5].

ОТ "САЛЮТА" ДО "СКАЙЛЭБА": ПЕРВЫЕ КОСМИЧЕСКИЕ СТАНЦИИ

Договор по космосу запрещает объявление национального суверенитета над любым участком космического пространства, включая любое небесное тело. В то же время Договор предписывает необходимость обозначения национальной принадлежности каждого космического аппарата. Это связано с принятым в странах Европы и США порядком возмещения ущерба чьему-либо имуществу или здоровью. В силу того, что космические аппараты не способны соблюдать государственные границы, возникает проблема определения ответчика, обязанного компенсировать ущерб, нанесенный, например, потерпевшим аварию космическим аппаратом. Таким образом у ведущих космических держав появилась юридическая возможность объявлять суверенитет над пространством вокруг своего космического аппарата. Причем размеры этого аппарата и, соответственно, объем примыкающего к нему космического пространства никак не регламентируются.

После высадки американских астронавтов на Луну в 1969 г. советское руководство утратило интерес к полетам на Луну и сосредоточило усилия на новом проекте – орбитальной станции. Используя накопленный опыт и технические наработки, оставшиеся от советской лунной программы, Советский Союз осуще-

---

[4] Интересно, что список стран, имеющих независимый постоянный доступ в космическое пространство, практически полностью совпадает со списком постоянных членов Совета Безопасности ООН, за исключением Великобритании.

[5] Место космической деятельности как фактора объединения человечества перешло к ядерному оружию. Теперь мир объединяло то, что в случае ядерной войны человечество будет уничтожено *полностью*.

inslav

ствил в 1971 г. запуск первого постоянно обитаемого космического аппарата – орбитальной станции "Салют"[6].

Станция создавалась в рамках восходящей к работам К.Э. Циолковского концепции межпланетных полетов, предусматривавшей создание промежуточных космических станций на пути к другим планетам. Следует отметить, что идея промежуточных станций заимствована не прямо у К.Э. Циолковского. Несмотря на мировую известность К.Э. Циолковского, в 1920-х годах советское правительство относилось к идеям ученого с настороженностью. Новый всплеск интереса к К.Э. Циолковскому произошел в 1950-е годы после того, как приобрел популярность проект создания космической транспортной системы, состоящей из множества промежуточных станций. Эта система была описана в романе писателя фантаста А. Беляева "Звезда КЭЦ". Впервые этот роман был опубликован в 1936 г. и успеха не имел. Однако с 1956 по 1966 г. роман неоднократно переиздавался, что свидетельствует о том, что автору удалось высказать идеи, созвучные замыслам тогдашнего руководства космической программой СССР. Роман описывает *мирную колонизацию* космоса людьми, живущими в условиях *социалистического общества* (*то есть в СССР и странах социализма!*) и ведущими *научные исследования в космосе*. Кроме того, роман описывает *промышленное освоение* космического пространства представителями *различных народов (опять же в основном дружественных СССР стран)*.

Несмотря на гибель первого экипажа, проект орбитальной станции имел оглушительный успех и на долгие годы стал символом советского присутствия в космосе. Естественно такая ситуация не устраивала руководство США, которое закрыло зашедшую по сути в тупик лунную программу и переключилось на создание орбитальной станции. В результате в 1973 г. на орбиту была выведена космическая станция "Скайлэб", собранная с использованием космической техники, оставшейся после лунной программы[7]. Проект оказался бесперспективным и был вскоре закрыт.

---

[6] Обитаемость станции предусматривает возможность смены экипажа на космическом аппарате. В отличии от орбитальной станции космический корабль, например, "Союз" не допускает смены экипажа и не способен к полету в автоматическом режиме без экипажа. В тоже время орбитальная станция не оснащена спускаемыми аппаратами для возвращения космонавтов на Землю.

[7] "Скайлэб" – "Skylab" – небесная лаборатория.

inslav

FREEDOM – ALFA – МЕЖДУНАРОДНАЯ КОСМИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ

В конце 1970-х годов, видя успехи СССР в области создания обитаемых космических аппаратов с большим сроком использования и понимая политическую значимость орбитальной станции, руководство США сосредоточило усилия на проекте орбитальной станции "Фридом" (Freedom – Свобода)[8], участвовать в строительстве которой были приглашены союзники США – Европейские страны и Япония. Предполагалось, что эта станция будет своеобразным "ответом" Запада на достижения Советского Союза в космосе.

Однако в процессе строительства станции США и их партнеры по проекту столкнулись со значительными техническими трудностями, и проект был приостановлен. Тогда США изменили подход к строительству станции: в новой Международной космической станции (МКС) США попросту купили у России готовые блоки орбитальной станции и механически состыковали их со своими модулями.

Новая станция, которая уже находится на орбите, представляет собой весьма интересный объект с юридической точки зрения. Впервые в космическом пространстве появился объект, *юридически* и *физически* разделенный по национальной принадлежности. Иными словами, впервые государственная граница была демаркирована за пределами Земли. Деятельность космонавтов на станции и порядок ее эксплуатации регламентируются *межгосударственным* договором, который не только определяет правовые, но и *хозяйственные* аспекты использования этого космического аппарата. По духу это отступление от Договора по космосу 1967 г. Была не просто проведена *граница* по космическому объекту, пусть и искусственному, но был установлен *национальный суверенитет* на участке космического пространства вблизи станции. Космическая деятельность окончательно приобрела ограниченный *национальный* характер.

ГЕОСТАЦИОНАРНЫЕ СПУТНИКИ: ТОРГОВЛЯ КОСМОСОМ

Развитие коммерческой космической деятельности привело к распаду некогда единой космонавтики на несколько отдельных отраслей, которые связаны друг с другом только словом "космическая" в названии. Космическая навигация, дистанционное зондиро-

[8] Фридом – первый американский космический аппарат, носящий название "станция".

inslav

вание Земли из космоса, космическая связь, космический туризм – это виды хозяйственной деятельности в космическом пространстве, в которых разработка космических аппаратов, их запуск на орбиту и эксплуатация осуществляются совершенно независимо друг от друга несвязанными между собой организациями.

Развитие этих видов деятельности еще больше углубило процесс "суверенизации" космического пространства, разделения его на отдельные зоны. "Глобальный" характер космического пространства и невозможность соблюдения территориальных границ космическими аппаратами уже не играет роли. Субъекты космической деятельности рассматривают космическое пространство как совокупность отдельных орбит и орбитальных позиций.

В этом отношении особенно показателен пример космической связи через геостационарные спутники. Особенностью орбиты такого спутника является совпадения периода обращения спутника с периодом вращения Земли. Иными словами, для наблюдателя находящегося на Земле этот спутник кажется неподвижно висящим над определенной точкой экватора. Из-за того, что Земля не является идеальным шаром, спутники медленно "дрейфуют" по орбите, обгоняя, или, наоборот, отставая от периода вращения Земли. Если движение спутника не контролировать, то в конце концов может произойти столкновение спутника с другими, имеющими другую массу и, соответственно, другую скорость "дрейфа".

Под управлением сигналов с Земли спутник перемещается только в пределах небольшого участка орбиты, именуемого орбитальной позицией. Количество орбитальных позиций ограничено и они неоднократно становились предметом споров между разными странами. Немало стран желают получить орбитальную позицию, однако, в силу объективных причин не могут ее использовать. Ряд стран, расположенных по Экватору, заявляют о своем праве на *суверенное* обладание орбитальной позицией, находящейся над их территорией. Стремление этих стран получить орбитальную позицию объясняется банальным стремлением получить в пользование некую *собственность*, которую можно будет впоследствии *продать* или *сдать в аренду*. По духу получение орбитальной позиции является реализацией *прав собственности* на космическое пространство – такое развитие событий русские космисты вряд ли могли себе представить. Деглобализация космонавтики завершилась. Призванный объединить человечество в единое целое космос превратился в место для извлечения прибыли.

inslav

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанный процесс трансформации общего *глобального* представления о космонавтике как едином *общецивилизационном* виде деятельности и ви́дение ее как совокупности независимых узкоспециализированных отраслей отражает специализацию и диверсификацию технологии в процессе ее развития. Однако процесс деглобализации какого-либо представления не является линейным и необратимым. Напротив, трансформация национальных образов глобализации носит циклический характер. Развитие национальных космических программ, в частности, и мировой космонавтики, в целом, свидетельствуют о начале формирования нового подхода к космонавтике в мире. Стремление многих стран осуществить пилотируемый полет к Марсу и получить гарантированный выход в космическое пространство стимулирует развитие международного сотрудничества в космосе, что, весьма вероятно, будет способствовать появлению нового целостного представления о космической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Циолковский К.Э. Промышленное освоение космоса. Сб. науч. трудов. М.: Машиностроение, 1989.

Федоров Н.Ф. Философия общего дела // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. Семенова С.Г., Гачева А.Г. М. Педагогика-Пресс, 1993, С. 34–67.

Сухово-Кобылин А.В. Философия духа или социология (учение Всемира) // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. Семенова С.Г., Гачева А.Г. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 67–88.

Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. Семенова С.Г., Гачева А.Г. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.

Философия Русского космизма. М.: Фонд "Новое тысячелетие", 1996. 376 с.

Вернадский В.И. Биогеохимические очерки // Русский космизм. С. 288–303.

Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Грезы о земле и небе. СПб.: Художественная литература, 1995. С. 104–116.

Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924. 72 с.

Ohmae K. The Borderless World. London, 1990.

inslav

А.П. Василевич

(Россия)

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗМА И ЛЕКСИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ

При обсуждении проблем, связанных с активным процессом глобализации в современном мире, некоторые склонны включать сюда не только экономические, но и культурно-этнические аспекты. Тотальная политическая интеграция Европы, США и некоторых других стран неизбежно ведет к драматическому сближению культур, а в дальнейшем, возможно, к возникновению цивилизации нового типа, в которой, как в плавильном котле, смешаются этнокультурные особенности разных стран и народов – наподобие того, как это произошло в свое время в североамериканских Соединных Штатах. Не нам судить, насколько глубоко суждено зайти этому процессу, но два факта очевидны:

1) сближение культур в настоящее время, действительно, имеет место;

2) последствия культурной интеграции испытывают и национальные языки.

Именно последнему факту посвящается настоящая работа. Мы попытаемся проследить процессы взаимоотношений разных языков на материале слов-цветонаименований.

Следует, прежде всего, разграничить явления, которые вызваны в языке именно процессами глобализации, и процессы и явления, свойственные языку как таковому и действовавшие задолго до появления самого понятия глобализации. Как раз в области появления и функционирования названий цвета существует целый ряд закономерностей, которые характерны для всех языков, независимо от того, какую культуру они обслуживают. В первой части статьи мы кратко опишем литературные данные относительно “языковых универсалий”. Центральное место здесь займет проблема эволюции лексики цвета. Во второй части затронем процессы, которые прямо противоречат возможности языковой интеграции. Речь пойдет о национально-культурной специфике, отраженной, прежде всего, в теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа. И, наконец, в заключительной части представим фактические языковые данные, которые можно расценить уже как “следы” глобализации в развитии лексики цветообозначений в современных языках.

inslav

ЛЕКСИКА ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ КАК ПРИМЕР ПРОЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ УНИВЕРСАЛИЙ

Наиболее распространена в литературе следующая точка зрения на последовательность этапов развития цветовой лексики.

Вначале цвет передается опосредованно, путем *указания на цвет* соответствующих распространенных предметов или объектов природы: "как молоко", "как снег" (*белый*), "как сажа" (*черный*), "как кровь" (*красный*) и т.д.

Затем появляются абстрактные слова специально для обозначения цвета (*белый, черный, красный*). В большинстве развитых языков в этой функции выступают прилагательные. Некоторые из них становятся названиями основных категорий, на которые делится цветовое пространство в данной культурно-языковой общности людей ("основные цветонаименования", или *basic color terms*).

Далее возникают слова, которые выполняют функцию называния цвета, но образованы от названиий соответствующих предметов. Ср. цепочки "как кровь" > "красный, как кровь" > "кровавый"; "как небо" > "голубой, как небо" > "небесный" и т.д. Поначалу этот процесс идет достаточно медленно: между появлением в языке самого названия предмета и последующим использованием этого названия как основы для называния цвета проходило от 100 до 500 лет (например, в английском языке к XV в. таких слов было не более десятка-двух: *трава, снег, орех, зола, мак, молоко, сапфир, вишня, яблоко, кость, облако* и т.п.). Указанный процесс происходил весьма неравномерно в разных языках, и потому наряду с "естественным" цветоназыванием по предмету, языки все время "заимствовали" готовые модели друг у друга.

Такого рода слова могли передавать оттенки основного цвета, и их число было напрямую связано с уровнем цивилизованности общества. Некоторые бесписьменные языки современных туземцев до сих пор содержат не более десятка-двух терминов цвета. Источники появления новых слов могут быть разными, но, что важно, универсальными, т.е. свойственными языку вообще.

Обычно потребность в появлении нового слова обусловлена потребностью в назывании все новых и новых объектов действительности, в особенности, все возрастающего числа артефактов. Последнее напрямую связано со степенью цивилизованности общества. При этом возникшая потребность "удовлетворяется" путем появления нового слова или же в результате появления нового значения у существующего слова. Как говорил Бреаль, чем

inslav

больше значений собрано в одном слове, тем больше аспектов интеллектуальной и социальной деятельности оно представляет. Вепроятно, именно это имел в виду Фридрих Великий, который видел в множественности значений показатель превосходства французского языка[1].

Упомянутое выше использование названий окружающих предметов и объектов природы с характерной окраской (*молочный, пепельный, кровавый*) для образования новых названий цвета – один из наиболее продуктивных способов полисемии. Некоторые слова этой группы постепенно утрачивают изначальную этимологическую связь и начинают восприниматься как абстрактные (ср. русск. *коричневый, малиновый, сиреневый, болотный*). Широкое использование модели "цвета..." (*цвета слоновой кости, цвета мха*), и ее эмоционально отмеченные разновидности (особенно в литературе – *цвета давленой земляники, цвета мокрого асфальта*).

Другим источником расширения возможностей цветоназывания является развитие в языке арсенала лексико-морфологических средств (появление двусоставных слов типа *фиолетово-красный, небесно-голубой* и появление специальных слов для передачи оттенков (*темно-красный, бледно-зеленый, интенсивно-розовый*).

Ну и, конечно, весьма продуктивным источником новой лексики являются заимствования. На этом явлении мы остановимся более подробно, поскольку оно, как никакое другое, связано с процессами взаимодействия разных культур вообще, и языков в частности и, тем самым, наиболее тесно связано с темой нашей работы.

Известно, что обогащение словарного состава языка за счет словаря других языков – обычное следствие взаимодействия разных народов и наций на почве политических, торговых, экономических отношений. При заимствовании новое слово чаще всего приходит вместе с новыми предметами или явлениями (ср. русск. *трактор, канцелярия, консерватория, компьютер* и т.п.).

Однако бывают и такие случаи, когда заимствованное слово приходит как синоним для уже имеющегося в языке слова. Иног-

[1] У одного африканца спросили, как ему нравится английский язык, которому его обучали. Он ответил: "Вообще язык ничего себе. Но уж очень много в нем слов!". Для того количества понятий, которым владеет данный человек, такое обилие слов чрезмерно. Совсем другая ситуация, когда, например, русский овладевает французским или английским. Здесь ему скорее "не хватает" слов неродного языка, чтобы выразить в полной мере то, что он хочет.

inslav

да заимствованное слово может вытеснить "свое" слово из основного словарного фонда (например, *лошадь, собака вместо конь, пес*). В других случаях победителем выходит исконное слово, а заимствование, после некоторого непродолжительного периода употребления, покидает язык (ср. пары *победа – виктория* или *вежливость – политес* в русском языке XVIII в.).

Примерами взаимодействия слов-дуплетов, из которых одно является "своим", а другое – заимствованным, пестрит и лексика цветообозначения. В некоторых случаях верх одерживало заимствованное слово – ср. пары *соломенный – палевый*; *семговый – сомо*; *маковый – пунцовый*[2] и т.д. Мы уже не говорим о десятках слов типа *оранжевый, фиолетовый, пурпурный, алый,* которые ныне входят в число самых употребительных терминов. Однако известны и обратные примеры. Заимствованные слова в парах *белый – бланжевый; яблочно-зеленый – вердепомовый; вишневый – серизовый; смородинный – грозелевый* просуществовали в языке очень недолго.

Известны случаи, когда одно и то же понятие заимствовалось в разное время из нескольких языков. Так, персидское слово *saraj* 'дворец' через татарский пришло в русский в виде *сарай*, а через турецкий, балканские языки и французский в виде *сераль* 'гарем'. Этот же принцип наглядно иллюстрирует пример с русским термином *оранжевый*.

Долгое время оранжевый цвет выражался в русском языке словами *рудожелтый, жаркий* и *огненный*, которые можно считать исконно русскими. Уже в XVIII в. они были практически вытеснены словом *померанцевый*, которое было заимствовано из немецкого языка. В свою очередь, в немецкий язык Pomeranze в значении "горький сорт апельсинов" пришло в XV в. из итал. *pomo* "яблоко" и *arancia* "золотистый" (последнее происходит из персидско-арабского *nāranĵ* букв. 'яблоко золотистое'). Заметим, что в самом немецком языке *Pomeranze* никогда не употреблялось в значении цвета. Вообще определенные "трудности" с называнием оранжевого цвета испытывали практически все европейские языки, и это продолжалось до тех пор, пока португальцы не завезли из Китая апельсины (1548 г.). Название плода в разных языках звучало несколько по-разному: голл. *appelsien* < < (разн. нем. диалекты: *Apfelsine, appelsine, Chinaapfel, Sineser Apfel*) < франц. *pome de Sine*, но в переводе было одним и тем же –

[2] Впрочем заметим, что жизнь "откровенно" французской формы *пансо* в русском языке была очень короткой.

inslav

‘яблоко из Китая’. Затем появился новый французский вариант *orange*, который, очевидно, восходит к упомянутому перс.-араб. *nāranĵ* ‘золотистый’. Именно апельсин стал наиболее типичным “представителем” оранжевых оттенков цвета. Однако переход от названия предмета к названию цвета впервые произошло во французском языке, и именно франц. *orange* как цвет впоследствии вошло во множество языков.

Как ни странно, в свое время исходная перс.-араб. форма *nāranĵ* также присутствовала в русском языке (ср. зафиксированное в литературных текстах словосочетание *цветом норанж*. Однако это первичное заимствование продержалось сравнительно недолго. Как мы уже сказали, очень скоро ведущим стал термин *померанцевый*. Что касается слова *оранжевый*, то, по данным словаря Фасмера, оно впервые вошло в русский язык из нем. *orange* в 1616 г. – но в значении ‘апельсин’[3]. И только в XVIII в. непосредственно из французского языка было заимствовано слово *orange* в значении ‘оранжевый цвет’. Как это часто бывало, вторичное заимствование оказалось сильнее первичного. Насколько легко *норанж* было вытеснено словом *померанцевый*, настолько легко это последнее уступило место прилагательному *оранжевый*. В качестве цветообозначения *оранжевый* совершенно отошло от своего французского первоисточника; называя оранжевый цвет, современные русские люди (в том числе и образованные, знающие иностранные языки) практически не связывают его с цветом апельсина[4].

Процесс обретения словом *оранжевый* лидирующего положения и “получение” им статуса основного цветонаименования протекал довольно быстро. *Померанцевый, жаркий* и *рудожелтый* были вытеснены из языка вообще, *огненный* перешло в сочетание *огненно-рыжий* с узкой сочетаемостью (преимущественно о цвете волос).

Частным случаем заимствования иноязычных слов является калькирование. Еще Ломоносов, переводя с латинского экспери-

---

[3] Отсюда, кстати, происходит и русский термин *оранжерея* – помещение, где выращивали апельсиновые деревья. Ср. термины *ранжерея, аранжерея*, употребляемые во времена Петра I наряду со словом *апельсинница*. Того же происхождения и знаменитый свадебный *флёр-доранж* (венок из цветов апельсинового дерева, венчающий головной убор невесты).

[4] В доказательство этого приведем пример, употребления сложного прилагательного апельсинно-оранжевый: “Нога лошади зацвела, как некая чудесная, безлистая ветвь, окрашенная апельсинно-оранжевым цветом” (Шолохов. Тихий Дон).

inslav

ментальную физику Х. Вольфа, писал: "...принужден я был искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые сперва покажутся несколько странны, однако надеюсь, что они со временем через употребление знакомее будут" (1748). Среди этих найденных Ломоносовым слов есть и классические заимствования: *атмосфера, барометр, горизонт, диаметр, метеорология, микроскоп*, и т.п. (международные термины, прочно вошедшие в русский язык), и кальки: *зажигательное стекло, земная ось, негашеная известь* и др.

Аналогичный прием применялся и в отношении названий цвета. Приведем несколько примеров. В XVIII в. культура Франции оказывала сильнейшее влияние на все страны Европы, и на Россию в особенности. Касалось это, в том числе, моды в одежде, вместе с которой экспортировались и "модные", броские названия цвета. *Лорд Байрон, пюсовый* (*рисе* 'блоха') и т.п. с легкостью "завоевали" страницы русских модных журналов. Причем подобные слова очень быстро начинали жить "обычной жизнью". Так, наряду с *пюсовый* в русском языке уже вскоре появилась целая группа слов и словосочетаний, построенных по исконно русским моделям: *блошиный, блошиная спинка, блошиное брюшко, раздавленная блоха* и, наконец, *мечтательная блоха* и *блоха, упавшая в обморок*. А далее последовали по аналогии *лягушка в обмороке, бедро испуганной нимфы* и т.п. Последние примеры можно рассматривать как исторический прецендент рекламной "упаковки" цвета как товара: их основная функция – не называть конкретный цвет, а привлекать к нему внимание. В некоторых случаях для таких слов прослеживалось влияние социальной стратификации. Скажем, *смурый* ('серый') использовалось для описания быта простолюдинов (*смурый армяк*), а *пюсовый* с тем же значением – только в обиходе высшего света; "аристократическому" *цвету бедра испуганной нимфы* соответствовало просторечное *цвет ляшки испуганной Машки* и т.д.

Следует отметить, что процесс обогащения языка за счет иноязычных заимствований протекает не хаотично, а "волнами". Так, известно, что французский язык XVII в. "снабдил" многие европейские языки словами культурного слоя, включающими и термины цвета.

Вплоть до XVII в. словарь цветонаименований в русском языке был относительно небогат. Исследователи отмечают, например, что во всех письменных памятниках XI–XII вв. встретилось лишь около 20 разных слов, обозначающих цвет. Затем был

inslav

300-летний период татарского ига, в течение которого культурное и экономическое развитие Руси было сильно замедлено, зато русский язык обогатился целым рядом цветонаименований тюркского (а через них – арабского и персидского) происхождения, в том числе связанных с цветом предметов восточной торговли, драгоценных тканей и почти всем набором слов, обозначающих масти лошадей. Следует сказать, что иноязычный материал приспосабливался к русской словообразовательной системе, и многие слова через какое-то время переставали восприниматься как заимствованные.

Сразу большое число новых цветонаименований появилось в русском языке в XVII в. Это связано, прежде всего, с известным "окном в Европу" Петра I. Обогащение цветовой лексики идет по преимуществу благодаря заимствованию иноязычных терминов цвета, прежде всего в области называния красителей, тканей, в описательной ботанике, химии и минералогии. Соответствующие книги, как правило, переводились, а термины цвета, естественно было оставлять в форме оригинала (ср. Брикман 1779).

Следующая "волна" новых названий цвета пришла в первой половине XIX в. и была прямо связана с политическим и культурным влиянием Франции. И здесь решающую роль сыграла мода. Русское общество пристально следило за французской модой, а модные журналы пестрели французскими словами[5]. Русского словаря цветообозначений явно не хватало[6]. Кальки, переводы, прямая транслитерация и даже использование слов в оригинале стали для этой сферы жизни привычными. Число разных слов перевалило за несколько сотен.

После падения наполеоновской Франции влияние французской культуры на русскую жизнь сильно ослабло. На это же время приходится начало славянофильства. В результате целый ряд заимствований (и в первую очередь "рекламные" словосочетания) исчезли из активного употребления, а язык цветообозначения второй половины XIX в. в целом вновь становится относительно небогатым.

Иллюстрацией сказанному может служить анализ множества слов-цветообозначений в монографии по описанию растений –

---

[5] "Дамский журнал", "Модный свет", знаменитый "Московский телеграф" и другие журналы пользовались огромным успехом в высшем свете, который, в свою очередь, имел необычайно сильное влияние на развитие общества в целом.

[6] Характерна цитата из "Мертвых душ" Н.В. Гоголя: "Муслины, атласы, кисеи были таких бледных модных цветов, каким даже названия нельзя было прибрать (до такой степени дошла тонкость вкуса)".

inslav

области, где, конечно, существовала острая потребность в вербальном различении цветовых оттенков (Таліевъ, 1912). "Различить" с помощью слова разные оттенки – значит, в данном случае, не только назвать их разными словами; важно, чтобы читатель точно представил себе, какой именно цвет имеется в виду.

Общая частота появления цветонаименований в книге составляет около 350 случаев на 10 тыс. слов текста (в обычной литературе эта частота не превышает в среднем 70–90 случаев)[7]. Всего было выписано около 1600 случаев употребления слов-цветообозначений, в том числе лишь 36 разных слов: 12 основных цветонаименований (из которых белый встретилось 284 раза; *желтый* – 130 раз и т.п.). Далее шли слова *железистый* (36 раз), *лиловый* (32), *пурпуровый* (31), *сизый* (23), *бурый* (10), *ржавый* (8) и т.д. По-видимому, этим и ограничивается тот набор терминов, которые автор считает однозначно понятными читателю[8].

В этих условиях передать большое число оттенков можно лишь путем использования двусоставных слов (сочетаний, включающих два цветонаименования: *бело-зеленый, красно-синий, кровяно-красный, лилово-розовый* и т.п.). Действительно, в данной книге доля подобных сочетаний весьма велика – около 14% всех случаев, что существенно превосходит долю подобных сочетаний в обычном тексте (менее 4%). При этом основная часть случаев приходится на сочетания, включающие два основных цветонаименования (*желто-белый, сине-черный* и т.п.), а не на сочетания, в состав которых входит только одно или ни одного основного цветонаименования (*серно-желтый, мучнисто-железистый* и т.п.). В художественной литературе это соотношение прямо противоположное: там гораздо чаще встречаются именно сочетания второго типа, которые, хоть и более расплывчаты по смыслу, но зато гораздо "свежее" и образнее по форме.

Последний мощный приток новых слов-цветонаименований приходится на конец XX в. и связан с социально-политическими переменами, приведшими к открытому обществу и интеграции России с мировым сообществом. Мы специально поговорим об

---

[7] Индивидуальные колебания здесь весьма значительны: от 20–30 случаев у писателей и поэтов начала XIX в. до 190 у Бунина – наиболее "щедрого" на использование цветонаименований писателя XX в.

[8] Из упомянутых 36 слов "устаревшими" можно считать всего семь: *железистый, лилейный, мучнистый, смолистый, серный, лазуревый и кровяной*, причем три последних встретились только в сочетаниях (*серно-желтый, лазурево-синий* и *кровяно-красный*).

inslav

этом в третьей части работы. А пока обратимся к идеям Б. Берлина и П. Кея (Berlin, Kay, 1969).

По их мнению, для всякого языка центральным звеном развития системы цветообозначения является процесс формирования "ядра" – группы основных цветонаименований (basic color terms). Формирование этой группы занимает немалое время и подчинено строго определенным универсальным закономерностям. Описанию этих закономерностей и посвящена их работа.

Классическая монография Б. Берлина и П. Кея (условимся для краткости называть ее "теория БК", или просто "БК") являет собой образец (один из первых, если не единственный) систематического описания лексической группы слов.

Номенклатура названий цвета, во всяком случае в европейских языках, может быть описана с помощью трех компонент: цветовой тон (главная компонента), яркость и насыщенность. В цветоведении разработана система описания, позволяющая охарактеризовать любое цветоощущение с помощью набора значений этих трех переменных. То, что принято называть *цветом* в обыденной речи, ближе всего к тому, что в цветоведении называется тоном, но тоже далеко не всегда.

Как бы то ни было, центральное место в БК занимает не психофизиологические понятия, а понятие "основное цветонаименование". Именно выделение ограниченного числа "основных" слов для нескольких десятков языков и их сопоставление позволили сделать ряд нетривиальных выводов.

Берлин и Кей формулируют четыре критерия, необходимые для включения слова в группу "основных цветонаименований":

1) слово должно быть непроизводным и не относиться к сложным словам;

2) его значение не должно быть у́же значения другого имени цвета, указывающего на какой-либо близкий оттенок;

3) слово должно обладать широкой сочетаемостью;

4) для носителей данного языка слово должно быть "психологически выделенным", значимым (salient).

Критерий 1 исключает из числа "основных" слова типа *сине-зеленый, голубоватый*, а критерий 3 исключает из рассмотрения слова типа *пегий, белокурый,* что ограничивает объем рассматриваемой номенклатуры довольно разумным образом и потому не вызывает возражений.

Критерий 2 нацелен на то, чтобы считать "неосновными" именами цвета типа *малиновый*, англ. *crimson* на том основании, что они являются оттенками красного (red) и в этом смысле как

inslav

бы "включены" в 'красный' по значению. Впрочем, никаких дополнительных доводов в пользу разумности критерия 2 авторы не приводят, и для нас здесь остается элемент неопределенности.

Критерий 4 является наиболее неопределенным по содержанию и вызывает сомнения уже потому, что может быть интерпретирован самыми разными способами. Согласно определению авторов, к числу "психологически выделенных" следует относить слова по трем основаниям:

а) они появляются в начале списка в эксперименте, где информантов просят перечислить известные им цвета или записать их;

б) они обладают устойчивым денотативным значением (stability of reference), т.е. их денотаты для разных носителей языка и в разных контекстах совпадают;

в) они присутствуют во всех идиолектах данного языка.

Предложенные критерии нельзя считать однозначно понятными и потому неудивительно, что в литературе появляются иные мнения. Так, некоторые авторы склонны считать, что к "основным" не следует относить *серый*, другие полагают, что этой группе не принадлежат *розовый* и *коричневый*. Однако следует признать, что существует историко-культурная традиция, которая удивительным образом подкрепляет описанный выше подход. В русской традиции к "основным", помимо наименований ахроматических цветов (*черный, белый, серый*) относят обычно *красный, синий, голубой, оранжевый, желтый, зеленый, фиолетовый, розовый* и *коричневый*.

Психологи пытались (хотя и с переменным успехом) найти перцептивные корреляты выделенным основным цветам. Появилось понятие "фокального цвета" (Rosch, 1971), который якобы стабильно выделяется среди множества близких оттенков в разных культурах (и, естественно, может рассматриваться как денотат соответствующего основного цветонаименования).

Исследовав десятки европейских языков, с одной стороны, и языков целого ряда примитивных культур – с другой, Берлин и Кей открыли "всеобщий" эволюционный закон, который выглядит так. Существует семь ступеней (стадий) развития цветовой терминологии, отражающих строгую последовательность появления каждого слова. Более поздняя стадия как бы включает в себя все предыдущие.

На "самой низшей" стадии, стадии I, в языке есть только два basic-цветообозначения, и это во всех случаях оказываются слова, указывающие на белый и черный цвета.

inslav

На стадии II к двум цветам добавляется третий – и это всегда слово, обозначающее красный цвет. На стадиях III–V добавляется каждый раз по одному слову из трех – "синий", "зеленый", "желтый". Седьмым словом (стадия VI) всегда бывает "коричневый", а высшая стадия VII характеризуется появлением сразу четырех – "розовый", "оранжевый", "фиолетовый" и "серый".

Все развитые индоевропейские языки находятся на VII стадии, но в мире можно найти примеры языков, представляющих любую из семи.

Этнографам в целом импонирует исторический взгляд на цвет как на культурную реалию и идея поступательного развертывания системы цветовых категорий. Однако они упрекают БК в отсутствии конкретно-исторического анализа хозяйственно-трудовой деятельности, которая как раз и *детерминирует* структуру цветовых понятий. *Почему* сложился именно такой порядок следования слов?

Эта лакуна знаний уже заполняется. Если говорить о цветах стадии I, то многие источники убедительно показывают первичность бинарной оппозиции белого и черного: изначально человеческая жизнь регулировалась двумя факторами – дневным светом и ночной тьмой. Свет ассоциировался с активной деятельностью и солнечным теплом, а мрак ночи – с пассивностью, холодом и таинственностью. Отсюда выводится устойчивый для большинства культур комплекс положительных значений *белого, белизны, светлого* и отрицательных – *черного, черноты, темного*[9].

Очень много работ посвящено красному цвету, характерному для стадии II. Некоторые вообще считают триаду [*белый-черный-красный*] не только универсальной, но и, возможно, первичной[10].

Достаточно хорошо известно о наличии ассоциации красного цвета с кровью в первобытную эпоху (как и в позднейших куль-

---

[9] Конечно, такое значение цвета не является всеобщим. Приведем забавный эпизод на эту тему. В одной африканской стране проходил международный съезд священнослужителей. Один из священников повел группу гостей из Европы в местный храм, чтобы познакомить с особенностями церковной службы. Появление делегации внесло некоторое смятение в толпу верующих. Чтобы снять напряжение, местный священник обратился к верующим: "Братья, все в порядке. Вы не смотрите на то, что у них кожа белая. Хочу вас заверить, что душа у них черная!"

[10] Интересный факт. По свидетельству Ф.Н. Шемякина, в чукотском языке подавляющее большинство терминов цвета имеет "предметное" происхождение. Исключение составляют названия черного, белого и красного цвета: они являлись абстрактными изначально (Шемякин, 1960).

inslav

турах, например, в православной символике). С другой стороны, существует и другой отождествляемый с красным цветом природный элемент – огонь, связанный с теплом и защитой от опасностей. Наконец, существуют и менее распространенные локальные идентификации красного цвета, обусловленные спецификой жизнедеятельности и среды обитания. Так, у островитян островов Тробриан обнаружена ассоциации красного с одной из пород красной рыбы и с местной красной землей, которая в окраске лица символизировала кровь[11].

Важность трех последующих цветовых категорий ("зеленый", "желтый" и "синий"), объясняется прежде всего преобладанием этих цветов в окружающем природном мире, в особенности с окраской природных объектов (воды, неба, земли, песка) и растений, являющихся основой питания.

Теория БК "слишком красива", чтобы быть безукоризненной. Как всякая серьезная теория, которая находится под самым пристальным вниманием большого числа исследователей, она неоднократно подвергалась резкой критике с самых разных сторон, в том числе самими авторами (Chapanis, 1965; Rosch, 1972; Kay, 1975; Kay, McDaniel, 1978; Saunders, 1993; Вежбицка, 1996 и др.). Но с какой бы стороны ни критиковалась теория, три достижения авторов теории остаются очевидными.

Во-первых, это введенное БК понятие "основное цветонаименование" и, соответственно, критерии выбора, позволяющие достаточно научно подойти к проблеме описания терминов цвета как системы. Другое дело, что сами критерии можно совершенствовать и, следовательно, несколько менять состав группы "основных" слов.

Во-вторых, выделение особо значимых (фокальных) оттенков цвета и установление их связи с соответствующими "основными" цветонаименованиями. Пусть эта связь оказалась не столь однозначной (многие не смогли в точности воспроизвести результаты БК) и не столь универсальной (для многих редких языков, это оказалось не так), но отправная точка для сопоставления языков была определена.

Наконец, **в-третьих,** универсальный характер эволюции развития "основных" терминов цвета. Пусть уже определились ис-

---

[11] Кстати, по БК низшая стадия развития лексики цвета неизменно сопрягается с относительно примитивным уровнем экономического и технологического развития соответствующей популяции носителей языка – утверждение, вызывающее много споров.

inslav

ключения, выдвинуто много оговорок, но сходство большой группы европейских языков по-прежнему поражает.

Так или иначе, время для окончательного вердикта теории БК еще не пришло. Во всяком мы не берем на себя высокую роль арбитра. Однако наши собственные исследования в этой области позволяют сделать несколько общих замечаний, которые можно рассматривать как приглашение к построению новой, более совершенной теории в будущем (Василевич, 2003).

1. Принимая "стадиальный" подход БК к развитию лексики цветообозначений, мы не понимаем, почему диахрония обращена только в прошлое. Ведь все языки, в том числе и индоевропейские, продолжают развиваться, и вслед за VII стадией, возможно, придет VIII стадия развития. Чем она будет характеризоваться? Накопление данных и их квалифицированный анализ вполне позволяет делать прогнозы на будущее развитие.

Нам представляется, что дальнейшая эволюция может идти двумя путями.

– К группе "основных слов" будут присоединяться слова, которые находятся "на стыке" между двумя существующими. Именно так на стадии VII в индоевропейских языках появились "оранжевый" (на стыке красного и желтого), "фиолетовый" (красный ↔ синий) и "серый" (черный ↔ белый).

– В категорию "основных" перейдут названия светлых (или темных?) оттенков существующих цветов. Пример такого перехода – светлый оттенок красного, "розовый", ставший основным цветонаименованием во всех языках[12]. Кстати, отмечаемое многими особое положение слова *голубой* в русском и некоторых других славянских языках имеет, в сущности, ту же природу.

2. Понятие "основное цветонаименование" надо расширить, приняв в качестве ведущего критерий "психологической важности" (англ. *salience*). Операционально определять его можно поразному. В наших экспериментах по порождению названий цвета "основные" (в формулировке БК) слова неизменно оказывались в числе наиболее значимых (назывались в первую очередь и значительно чаще других слов). Однако именно здесь выявлялись слова, значимость которых была тоже очевидной (типа русск. *малиновый, салатовый, алый, лиловый, бордовый*), и отказ рассматривать их в сопоставительных исследованиях снижа-

[12] Некоторые авторы рассматривают "розовый" как цвет на стыке красного и белого. Но нам кажется более естественным говорить о "стыке", имея в виду соседние цвета спектра. "Белый" в этом контексте – совсем другой случай.

inslav

ет ценность результатов. Полагаем, что аналогичная картина окажется и в экспериментах с другими языками.

Работа с материалом, полученным таким образом, позволяет рассматривать и более широкую задачу описания языковой картины цветового мира – категоризацию цветового пространства, отраженную в данном языке. Эта проблема прямо связана с другой важной теорией – гипотезой Сепира-Уорфа, к обсуждению которой мы и переходим

ЛЕКСИКА ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ КАК ПРИМЕР НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОГО СООБЩЕСТВА

Хронологически теория лингвистической относительности Сепира-Уорфа возникла еще до теории БК, и список публикаций по этому поводу вообще трудно обозрим, тем более что материал цветонаименований был здесь далеко не единственным (Блэк, 1960; Брутян, 1968; Conklin, 1973; Collier, 1976; Горелов, 1977; Hardin, Maffi, 1998 и мн. др.).

Центральными проблемами этнопсихолингвистики считаются проблема соотношения языка и мышления или, иначе, влияние различных языков на познавательную деятельность их носителей; проблема различной категоризации действительности и проблема влияния языка на поведение людей. Все это и составляет ядро теории Сепира-Уорфа. В дихотомических противопоставлениях (язык ↔ познавательная деятельность; язык ↔ категоризованная в языке реальная действительность; язык ↔ поведение носителя языка) язык мыслится, по Сепиру–Уорфу, как некое деятельное начало, как “причина”, детерминирующая второй элемент противопоставления.

Все исследования в данной области основаны на сопоставлении разных языков, в особенности, представляющих кардинально различные культуры; излюбленным материалом служат так называемые примитивные культуры. Предполагалось, что жизнь соответствующих племен и народов в известной мере напоминает жизнь наших далеких предков и, следовательно, языки этих народов должны содержать типические черты, свойственные языкам первобытных людей. Начальный период изучения проблемы характеризуется представлением о первобытном мышлении как явлении крайне неопределенном, которое можно лишь частично воссоздать, исследуя структуру языков современных народов, находящихся на низком уровне культурного развития.

inslav

Многие исследователи указывали, что языки "примитивных" народов богаты словами со специфическим значением и бедны словами с родовым значением. Австралийские аборигены имеют отдельные названия почти для каждой мельчайшей детали человеческого тела: так, например, у них существует много отдельных слов, обозначающих верхнюю часть руки, ее переднюю часть, правую руку, левую руку и т. д., но нет слова "рука"; в языке туземцев Тасмании нет слова для понятия "дерево", но есть специальные названия для каждой разновидности эвкалипта и акации и т.д. Впрочем, на симпозиуме, посвященном гипотезе Сепира–Уорфа, состоявшемся в Чикаго в 1953 г., один философ отметил, что "все, очевидно, склонны говорить о примитивности той или иной культуры, но большинство ученых предпочитает не говорить о примитивности того или иного языка".

Необходимо твердо помнить, что избыток специфических слов может объясняться не недостаточной способностью к абстрактному мышлению, а влиянием климата и окружающей обстановки. Так, совершенно естественно, что у эскимосов и саами имеется большое количество слов, соответствующих различным видам снега.

Культурно-историческую специфику следует искать не только в своеобразии реальной действительности, в которой живет конкретный народ; в качестве объектов и условий деятельности фигурируют и артефакты. Когда мы сравниваем два языка, мы можем обнаружить, что в одном из них есть слово, для которого нет соответствующего лексического эквивалента в другом. Например, в европейских языках есть обобщающие слова типа "животное", "птица", "существо", которых нет в некоторых других языках, однако нет слова, которое обобщало бы, например, фрукты и орехи, а такое слово есть в китайском.

Наконец, языки различаются еще и тем, как в них осуществляется разграничение разных семантических сфер. Как раз цветовое пространство является наиболее популярной областью исследования в связи с этой проблемой, поскольку оно может быть описано объективным образом и не имеет границ, обусловленных природными факторами. Языки различаются по тому, сколькими и какими способами делят они это пространство на категории. В чукотском языке есть очень мало слов, обозначающих цвета, но есть 25 терминов, называющих масти оленей. В некоторых языках отсутствует само слово, соответствующее понятию "цвет", хотя нет языка, в котором отсутствовали бы слова, называющие конкретные оттенки цвета.

inslav

Обычно сравнение языков по характеру отображения в их лексике цветового пространства ведется по одной и той же схеме. В качестве "эталона" берется какой-то язык (чаще всего в этой роли выступает английский). Далее привлекается какой-либо другой язык (чаще всего экзотический) и выбирается ограниченный участок цветового спектра, который представляется в виде континуума. Наконец, берутся слова, отображающие выбранный участок спектра в сравниваемых языках и показывается, что они "членят" этот участок по-разному. В качестве слов привлекаются только основные цветонаименования (мы подробно обсуждали их выше).

Типичным примером графического представления результатов исследования по описанной схеме может служить следующая иллюстрация, заимствованная нами из работы Л. Ельмслева (1960):

<table>
<tr><td>английский</td><td colspan="2">green</td><td>blue</td><td>grey</td><td>brown</td></tr>
<tr><td>валлийский</td><td>gwyrd</td><td colspan="2">glas</td><td colspan="2">llwyd</td></tr>
</table>

Приведенная "картинка" в сжатом виде манифестирует установленные автором факты: англ. *green* 'зеленый' соответствуют в валлийском или *gwyrd*, или *glas*; англ. *blue* 'синий' – *glas*. В свою очередь, валлийское *glass* может иметь одно из трех значений – "зеленый", "синий" или "серый". Отсюда вывод: цветовой спектр в двух сравниваемых языках членится по-разному.

Прокомментируем этот путь исследований. Прежде всего, весьма странным выглядит предположение о линейности цветового спектра: введение континуума противоречит всем известным ныне моделям цветового пространства, или, как его еще называют, цветового тела. Понятие континуума адекватно лишь в одном отношении: оно верно передает представление о непрерывности перехода одного цветового оттенка в другой. Итак, первое существенное соображение, которое мы хотели бы сформулировать, – следующее: цветовое пространство делится на "области" (область синих цветов, область коричневых цветов и т.п.). Условимся в дальнейшем называть такие области "категориями".

Находясь в рамках психолингвистического исследования, мы не считаем себя вправе делать какие-либо заключения о членении цветового пространства на уровне зрительного восприятия.

inslav

Мы ограничиваемся тем, что признаем саму идею членимости (категоризации) цветового пространства и принимаем гипотезу о существовании отображения указанной категоризации в лексике цветообозначений. Соответственно и исследуем мы не столько категории цветового пространства, сколько категории слов-цветонаименований, которые выделяются в разных языках.

Следующим этапом рассуждений, требующим пояснений, является употребление слов типа *green*. Что, собственно, имеется в виду? Название всего пространства зеленых оттенков (категории "зеленых") или конкретное цветонаименование? Смысл этого вопроса становится ясным, если мы обратимся к результатам некоторых экспериментов, в которых исследовалась связь между реальными цветовыми оттенками и словами-цветообозначениями. (Lenneberg, Roberts, 1956; Фрумкина, 1984). В них было показано, в частности, что хотя можно представить себе ситуацию, когда, например, словом *зеленый* будет называться любой оттенок зеленого цвета, тем не менее, само это цветонаименование имеет вполне отчетливое значение для носителей языка – гораздо более узкое, чем все множество зеленых оттенков. Это справедливо, конечно, и по отношению к словам *желтый, синий* и т.д.

С другой стороны, по мере своего развития язык включал в свой состав слова, которые называли различные оттенки данного участка спектра. Скажем, для русск. – это *малиновый, пурпурный, алый, рубиновый* и т.д. для красных оттенков, *салатовый, изумрудный, оливковый* – для зеленых и т.д. Эти слова в настоящее время являются неотъемлемой частью языковой картины "мира цвета", и игнорировать их было бы странным. Адекватную языковую картину можно описать только с привлечением ***всей*** активной лексики цветообозначения.

Далее, опираясь на это множество слов, следует определить для каждого языка, каким образом это множество разбивается на категории, которые, собственно, и отражают ту сегментацию цветового континуума, которая свойствена носителям данного языка.

Что мы имеем в виду, употребляя здесь термин "категории", и как можно решить задачу их выявления? Современная наука считает способность к классификации (т.е. к выделению классов, категорий объектов) одной из основных функций человеческого интеллекта. Недаром одно время такой популярностью пользовался метод свободной классификации как инструмент исследования отношений между объектами. В отечественном языкознании этот метод успешно разрабатывался Р.М. Фрумкиной и ее сотрудниками (Фрумкина, 1985).

inslav

У нас в качестве объектов (предметов) категоризации выступают слова-цветонаименования. Посмотрим, в чем состоит специфика этих "объектов".

Пусть в русском языке имеется ***n*** слов для обозначения цвета (хотя множество цветонаименований открытое, но допущение о его конечности не выглядит слишком неправдоподобным). Каждому слову соответствует некоторый объект действительности – конкретный цветовой оттенок или некоторая область близких оттенков. Сделаем второе естественное допущение: у носителей русского языка одно и то же слово вызывает примерно одно и то же цветовое ощущение, т.е. разные носители языка ставят в соответствие одному слову примерно одну и ту же область оттенков (будем говорить, что это слово имеет для всех носителей "один и тот же смысл"). Известно, что в любом языке существует лексическая синонимия; наблюдается она и в лексике цветонаименований. Другими словами, среди множества цветонаименований имеется некоторое количество синонимов. В качестве примера синонимического ряда в русском языке можно привести группу слов *изумрудный, ярко-зеленый, насыщенно-зеленый, изумрудно-зеленый.* Но ведь сходство по смыслу – это хорошее основание для объединения объектов в категорию. В таком случае приведенные только что цветонаименования как раз и составят одну категорию русских цветонаименований. В другую же категорию могут быть включены, например, слова *нежно-зеленый, салатовый, яблочно-зеленый,* которые сходны по смыслу между собой и отчетливо отличаются от слов первой категории. Итак, все множество из ***n*** цветонаименований может быть разделено на ***k*** синонимических групп (***n*** заведомо больше ***k***) так, что в одной группе окажутся слова, которые носителями языка не различаются по смыслу, и, наоборот, в разные группы будут помещены цветонаименования, которые отчетливо ощущаются как разные по смыслу. В полном соответствии с принятым пониманием термина "категория" выделенные группы составят ***k*** категорий, на которые и членится вся лексика цветонаименований.

Понятно, что при описанном подходе было бы странным ожидать, что множество русских слов разделится на "традиционные" категории типа "красные" (все слова, означающие красные оттенки), "синие" (все синие) и т.д. Это следует хотя бы из приведенных примеров двух категорий зеленого цвета.

Описанный подход был применен нами для описания цветонаименований в 14 языках мира (Василевич, 1987). Число предъявляемых слов в серии проведенных экспериментов зависело от

inslav

объема словника, полученного для соответствующего языка в предварительном ассоциативном эксперименте. Приведем данные по 12 языкам:

Языки	Всего слов в наборе	Число выделенных категорий	Языки	Всего слов в наборе	Число выделенных категорий
Русский	296	56	Эстонский	158	51
Французский	284	54	Японский	118	46
Английский	279	53	Таджикский	77	40
Венгерский	187	53	Амхарский	66	39
Сербский	128	52	Узбекский	96	34
Болгарский	193	51	Бамана	46	24

Отметим, что более всего категорий выделялось в семи европейских языках. В этих же языках оказалось и более всего самих цветонаименований. Однако не во всех случаях число категорий прямо связано с разнообразием лексики цветообозначения. Так, в узбекском языке число слов больше, чем в таджикском и амхарском, а число категорий меньше, чем в каждом из этих языках.

Следующим этапом анализа результатов было сопоставление полученных категорий разных языков. Разработанная нами методика позволила не только объединять слова в категории, но и выразить "смысл" каждой категории усредненным распределением оценок охватываемых ею слов. В результате мы смогли оценить близость каждой категории одного языка к каждой из категорий других языков. Степень близости категорий оценивалась конкретным числом.

Итогом нашей работы стал сводный список 57 категорий, охватывающий категории всех обследованных языков. "Смысл" каждой из них можно представить, ознакомившись с набором слов по каждому из языков. Надо заметить, что в некоторых случаях состав категорий не выглядит безупречным: соседство тех или иных слов несколько противоречит интуитивным представлениям (в том числе, и нашим собственным). Например, было бы очень "красиво", если бы, скажем, в одной категории оказались слова разных языков, обозначающие цвет одного и того же предмета (цвет моркови, цвет изумруда, цвет неба, цвет крови). Такого рода совпадения, конечно, есть, но есть и немало случаев несовпадений. Например, слово *хаки*, имеющееся во многих языках, появляется в пяти языках в категории 56, а в двух языках – в категории 57; *беж* встречается сразу в трех категориях: 22 (венгерский и японский

inslav

языки), 15 (4 языка) и 23 (французский и сербский) и т.д. Конечно, можно было бы считать эти примеры игрой случая, однако мы не будем уподобляться исследователю, который топчет бабочку со словами: "Ты мне портишь все представление о виде!"

В качестве примера приведем состав двух категорий (табл. 1).

"Сетка" категорий, характеризующая данный язык – это не что иное как отражение языковой картины мира цвета, представленой в речевых мезанизмах носителей данного языка. Имманентность этой "сетки" становится очевидной в тех случаях, когда мы имеем дело с билингвами. Как правило, один из языков у них – родной, а другой – неродной, как бы хорошо они его ни знали. Эта ситуация была смоделирована нами в двух группах испытуемых – малийцы, живущие в России и достаточно хорошо владеющие русским языком (родной язык – бамана) и эфиопы, в совершенстве владеющие английским (родной язык – амхарский). В эксперименте те и другие работали с названиями цвета на неродном языке, однако предложенная ими категоризация в точности соответствовала категоризации родного языка[13].

Наличие национально-культурных особенностей в восприятии цветового пространства ставит одну практическую проблему, которая, на наш взгляд, незаслуженно игнорируется, а именно: проблему перевода терминов цвета. Этой проблеме мы посвятили несколько своих работ (Василевич, 1988; 1989). Разработанный там подход, основанный на опросе носителей сопоставляемых языков, воплощен в опытном четырехязычном словаре цветонаименований (Василевич, 1986).

Тесно связана с языковой картиной мира и проблема предпочтений в цвете, которые диктуются культурно-историческими традициями. Общеизвестна, например, особая роль красного цвета в русской культуре. Примечательно здесь само слово *красный*. Ни в одном индоевропейском языке нет слов этого корня в значении "цвет" – в отличие от всех других основных цветонаименований. Напомним, что изначально *красный* означало "красивый, великолепный", а в значении "красный цвет" довольно быстро вытеснило слова с тем же значением общеиндоевропейского корня (*рдяный, червчатый* и т.д.). Своеобразие русского языка состоит и в наличии пары терминов *синий – голубой*[14].

---

[13] Подробнее исследование описано в упомянутой выше монографии (Василевич, 1987).

[14] См. наши соображения по этому поводу в работе (Василевич, Михайлова, 2003).

inslav

Таблица 1. Состав двух категорий цветонаименований в 12 языках мира[15]

Язык	Категория 34	Категория 35
русский	фиолетовый*, сливовый, фиалковый, чернильный // темно-фиолетовый, темно-сиреневый, насыщенно-фиолетовый	сиреневый, аметистовый, гелиотроповый // светло-лиловый, нежно-лиловый, бледно-фиолетовый, ярко-сиреневый
болгарский	морав // тъмно морав, тъмно-виолетов	виолетов*, теменужен, люляков, лилав // бледо лилав, избеляло лилав, светло виолетов, убито виолетов
сербский	льубичаст*, лила // тамно льубичаст	– //светло лила
француз.	violet*, prune, aubergine, violacé // violet foncé	lilas, mauve, amethystc, floral // violet clair, violet tendre, mauve clair
английский	purple*, violet, amethyst, magenta, eggplant // dark purple, deep violet	lilac, hyacinth, lavender, mauve // light lilac, soft violet, pale violet, pale purple
венгерский	lila*, ibolyalila // sötét lila, mély lila	– // vilagos lila, halvany lila, pasztell lila
эстонский	– // tumelilla, tumeviolett	sirelilla, sinakaspunane // heleviolett, kahvatuviolett, ornviolett, maheviolett,
японский	murasaki*, kurai murasaki, aomurasaki // koi-murasaki	rairakkiuro // usumurasaki, sameta murasaki, asaimurasaki
узбекский	бунафша*, гунафша*, нопармон, кукногурли, кук кизил// оч бинафша	
таджикский	бунафша* //бунафшаи паст	
амхарский	woyn : tɛj	
бамана	encriji	

Наконец, нельзя не упомянуть и о цветовом символизме, который, конечно, тоже носит отчетливый национальный характер.

Итак, мы показали, что в основе сложного процесса развития лексики цветонаименования лежат, с одной стороны, неко-

[15] Звездочкой отмечены слова, которые входят в группу "основных" цветонаименований данного языка.

inslav

торые универсальные закономерности, а с другой – этнокультурные и социально-исторические особенности, характерные для совокупности носителей данного языка. Однако в последние годы все возрастает роль еще одного фактора – общемировые процессы интеграции. О них мы и поговорим в последней части работы.

ЛЕКСИКА ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ КАК АРЕНА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Было бы странным не замечать мощных интеграционных процессов, которые протекают во всех странах без исключения, но в особенности в странах Европы и США. Открытые границы, все более концентрирующееся промышленное производство, все более сближающиеся культурные запросы и ценности – все эти факторы ведут к нивелированию определенной части социально-культурных традиций соответствующих сообществ. Данный процесс неминуемо затрагивает и национальные языки.

В современном мире, пожалуй, ничто так не влияет на язык, как развитие рекламного бизнеса. В условиях отсутствия дефицита и относительно высокого качества любого товара его продвижение на рынке становится исключительно функцией рекламы. Упаковка, изготовление брэндов и товарных знаков, создание рекламных текстов и т.п. становятся не менее важными, чем технология производства самого товара. Возникают целые области науки, которые занимаются разработкой соответствующих рекомендаций. Не осталась в стороне и лингвистика: ведь языковая составляющая рекламы в большинстве случаев оказывается основной.

Если говорить о развитии лексики цветообозначения, то здесь решающее значение имели два обстоятельства. Первое: формирование своего рода “общего рынка” товаров и услуг. Автомобили, парфюмерия, ткани, малярные краски и т.п. производятся небольшим количеством фирм, а продаются на всем пространстве цивилизованного мира. Второе: появление такой формы продажи, как продажа по каталогам. Человек должен выбрать товар по рекламе в каталоге или журнале, причем оценке подлежит не только сам товар (например, марка автомобиля), но и его цвет. Название цвета товара становится своеобразной частью “упаковки” товара: ведь назвать автомашину “красной”, “белой” или “серебристой” – совсем не то же самое, что дать та-

inslav

кие броские названия ее цвету, как “монте-карло”, “корсика”, “сафари” или “авантюрин”. Аналогичным образом “помада красная, № 17” воспринимается не так, как помада “загадка Востока”, “розовый поцелуй” или “розовый ноктюрн”[16].

Заметим, что коллекции помад, тканей, мебели и т.д. меняются раз, а то и два раза в год. Меняется ли при этом цвет – не столь уж и важно, а вот название цвета меняется, так сказать, “по определению”: именно оно призвано вызвать у потребителя ощущение новизны.

Принято считать, что язык, в частности, его лексика, изменяется постепенно все время, накапливая новые слова и понятия. Испанские физики Рамон Феррер-и-Канчо и Рикард Соле из университета Помпеу (Барселона) построили математическую модель развития языка, в которую в качестве крайностей были заложены однословный и невообразимо большой словарь. Введя в модель соответствующие параметры, они получили, что язык должен развиваться скорее скачкообразно. Тот “всплеск” названий цвета, который мы наблюдаем сейчас в европейских языках (прежде всего, английском), в полной мере подтверждает выводы модели. Появились имена цвета нового типа: их условно можно назвать “рекламными словами” Основная функция таких слов – привлекать внимание к даннуому оттенку цвета, а не называть его.

Теперь обратимся к языковой ситуации в России.

Последние годы происходит активный процесс интеграции России в современную западную цивилизацию, от которой она раньше была отгорожена железным занавесом. Однако, если экономическая, политическая и даже культурная интеграция западных стран уже практически совершилась, то до полного присоединения России к этому сообществу еще далеко. Россияне во многом остаются приверженными своему традиционному культурно-историческому сознанию, своим привычкам и своему видению мира. Однако реалии таковы, что они вынуждены пользоваться по большей части импортными товарами. И хотя западное производство традиционно уделяет большое внимание человеку, в данном случае поправок на российского потребителя не делается. Запад вместе со своими товарами навязывает свою шкалу предпочтений, нимало не заботясь о ее связи с российскими традициями.

---

[16] Приведены реальные названия из рекламных проспектов российского рынка 2001 г.

inslav

Сплошь и рядом приходится наблюдать, как дилеры и посредники, "продвигающие" на наш рынок западные товары, не утруждают себя даже элементарным переводом иностранных слов (ср. *грин, игуана, амаретто, санрайз* или предлагают такие "перлы", как *radica, iceberg, mogano* и т.д.)[17]. Еще более парадоксальными выглядят примеры транслитераций, обнаруженных нами в рекламе косметических товаров: Наив роуз (в оригинале *Naive rose* 'наивный розовый'); *Бернинг роуз* (*Burning rose* 'пылающая роза'); *Паризиан роуз* (*Parisian rose* 'парижская роза') и т.д. Отметим очевидный факт: в предложенной форме термины цвета совершенно чужды восприятию российского потребителя и совершенно лишены тех ассоциаций, на которые был рассчитан оригинал торгового знака.

Приведенные примеры – частный случай "стихийной агрессии" иностранной терминологии (чаще всего, английской). Следы этой языковой экспансии можно встретить на каждом шагу. На ежегодном всероссийском показе мод 2003 г. к числу явных заимствований относились более 40% девизов всех коллекций ("Габриэль", "Гроун ап энаф", "Драйв в кайф", "Кватроченто", "Нео-гарем", "Плиссарио" и т.д.). Девизов типа "Вишневый сад" или "Проказницы" были единицы. Явно "импортными", совершенно чуждыми нашим литературным традициям выглядели и короткие аннотации коллекций (из них "торчат уши" перевода с английского):

"Стиль – кровосмешение. Эстетика движения. Сканирование внешних форм как выявления внутреннего "Я". Сканирование индивидуального как путь к свободе, как путь к себе"; "Изменение внутреннего качества покровов тела ... составляет внутреннее единство интуитивных чувствований, когда созерцание становится плотью, а плоть – созерцанием. Линии теряют отчетливость, но получают новую ценность – не по качеству, а по своей музыкальной значимости".

Вообще обилие чуждых русскому языку слов, характерное для нынешнего этапа развития российского общества, на наш взгляд отнюдь не безобидно, и можно наблюдать естественное противоборство этому процессу со стороны определенной части образованных носителей языка. К счастью, и сам язык обладает

[17] Основные названия цвета в форме англ. оригинала (*green, yellow* и т.п.) "укореняются" еще во многом благодаря интернету. Роль последнего в функционировании русского языка весьма велика и еще ждет своего исследователя. Похвально появление сайтов типа learningrussian.com, которые берут на себя роль посредника между двумя языками.

inslav

достаточными ресурсами, чтобы противостоять тенденциям, которые являются для него чуждыми (Василевич, Мищенко, 2003).

Здесь следует различать процессы, общие для всех языков и вытекающие, в том числе, из явления глобализма, от преходящих фактов, которые обречены на быстротечность. К числу первых относится, прежде всего, отмеченный нами выше всплеск появления новых слов и сочетаний, используемых для цветообозначения. Причем самое существенное новое явление – бурное развитие лексики рекламного характера. Действительно, как показывают наши наблюдения за последние 15 лет, в русском языке слова, для которых рекламная функция – основная, становятся наиболее востребованными.

Поначалу активное проникновение подобных слов в русский язык происходило под влиянием лексических моделей английского языка. Однако следует сказать, что хотя назначение новых терминов – называть конкретный цвет, а лишь привлекать внимание, они будут удачными и жизнестойкими только в том случае, если будут иметь с называемым цветом определенную *ассоциативную* связь. Ассоциативное поле слова – вещь вполне реальная и самым тесным образом связана с культурно-исторической традицией данного народа. Наличие устойчивой ассоциативной связи можно умело использовать при "изобретении" названия цвета. Игнорирование ассоциативных законов, напротив, делает название малоэффективным.

Как мы говорили, восприятие цвета у каждого народа имеет специфические черты. За многие годы взаимодействия западных культур, их национальные особенности в определенной степени нивелировались. Иная ситуация с Россией. Хотя она в последние годы постепенно присоединяется к современной западной цивилизации, до соответствующего слияния культур еще далеко. Российский потребитель остается со своим традиционным культурно-историческим языковым сознанием, своими привычками и своим видением мира. Именно поэтому были столь неудачны первые рекламные термины, которые напрямую заимствовались из английского языка[18].

Однако сейчас можно говорить, что русский язык начинает справляться с возникающими лексическими потребностями, так сказать, своими силами.

Начнем с того, что он традиционно компенсирует относительный лексический "недостаток" богатым словообразователь-

[18] Мы показали это в эксперименте – (Василевич и др., 1999).

inslav

ным аппаратом: это и сложные прилагательные, выражающие оттенки цветов (*ярко-красный, прозрачно-голубой, ядовито-зеленый, светло-светло-коричневый*), и морфологические средства (*сероватый, голубоватый*), и продуктивный путь создания двусоставных прилагательных типа *оранжево-красный, сине-зеленый, угольно-черный* и т.д. С другой стороны, резко увеличивается доля названий цвета по предмету, причем все чаще используется модель *кофе, асфальт, бордо, слоновая кость* вместо традиционных форм *цвета кофе, цвета слоновой кости* или *кофейный, бордовый*. Одновременно все активнее применяются словосочетания типа *давленая земляника, ветка сирени, мокрый асфальт, разбавленное молоко, увядшая фиалка*, а также *черная кровь, фиолетовая ночь, пурпурное вино, розовый иней*. Существование подобных средств увеличивает возможности выражения цвета в десятки раз.

Однако сейчас на первый план выдвигается совсем другой способ – словотворчество. Мы отмечаем беспрецедентный по интенсивности процесс введения в языковой обиход новых терминов. Их основной источник – специальные тексты, особенно рекламного характера. Одни из них имеют все шансы на вхождение в нормативный язык, перспективы других сомнительны (сюда относятся, прежде всего, прямые заимствования типа *radica*, а также малопонятные термины типа *цвет пьюмо*, *аффриволюта* или *дисторсио*. В результате обработки большого количества информации (включая анализ словарей и разнообразных текстов, опрос представительной группы информантов и т.д.) мы собрали около двух тысяч разных цветонаименований, в виде каталога лексических средств цветообозначения, которыми располагает русский язык в настоящее время (Василевич и др. 2002). Приведем несколько характерных примеров из разных разделов Каталога:

Кислотно-лиловый, пылкий оранжевый, больнично-белый, невесомый зеленый, вызывающий ярко-красный, голубой блюз, малахитовый каприз, смарагдовое очарование, шепот бирюзы[19];

Ангара, воспоминания о Египте, дыхание Востока, парижская грязь, апрельское небо, изумруд Нефертити, капризная роза, влюбленная жаба, Аэлита, глаза Элизабет Тейлор в молодости и т.п.

Легко видеть, что круг подобных слов практически неисчерпаем. Однако при кажущейся простоте порождения словосочетаний описываемого типа, подчеркнем, что перспектива освоения их языком напрямую зависит от наличия и качества соответству-

inslav

ющего ассоциативного поля. Цветонаименование здесь – своего рода стимул, который возбуждает в сознании носителя языка целый ряд ассоциаций. Они могут быть положительными, отрицательными или нейтральными, но одновременно ассоциациями с некоторым цветом. Насколько адекватными будут эти реакции, зависит от того, удачно или нет придумано название для данного оттенка.

Надо сказать, что некоторые слова из этого ряда имеют четкую связь с собственно русской культурой и вряд ли что-то скажут иностранцу, будучи переведенными на другие языки: *патина Исаакия, алые паруса, барышня-крестьянка, Патриаршьи пруды*. Однако еще в большей степени национальные особенности проявляются в относительно устойчивых цветовых предпочтениях. Приведем два примера.

В конце 80-х годов прошлого века по инициативе ЮНЕСКО был проведен своего рода цветовой мониторинг многих стран мира. По его результатам тогдашний СССР был назван "серо-коричневой" страной. Кстати, серо-коричневая гамма московской толпы – это ее первая отличительная черта, которая бросалась в глаза иностранцу, впервые попадавшему в СССР. После перестройки вместе с потоком товаров в Россию "хлынул цвет"; специалисты отмечали своего рода цветовой взрыв. Однако продолжался он не более десяти лет. Уже сейчас наметилась тенденция возвращения роли коричневого и серого цвета в одежде основной массы потребителей. Культурно-историческая традиция оказалась сильнее, чем влияние западного цветового стиля.

Другой пример касается непосредственно слов-цветонаименований. Известно, что в русской культуре есть особо значимые цвета, среди которых выделяются красный и золотой. Предприниматели используют это обстоятельство, привлекая эти цвета при производстве упаковки своих товаров, но в еще большей степени – при создании *названий* товаров, брендов и т.п. Ни в одной другой стране, насколько нам известно, нет такой широкой практики использования цветонаименований как средства усиления рекламного эффекта названия фирмы или товарного знака. При этом больше половины всех случаев приходится именно на слова

---

[19] Экспрессивные "добавки" типа *агрессивный, ошеломляющий, меланхоличный* (в сочетании с цветом – *меланхоличный голубой, изысканный бордо* и т.д.) свойственны уже не только цветонаименованиям. Приходилось слышать рекомендацию использовать тот же прием применительно к названиям сортов пива: вместо распространенных ныне "классическое" или "оригинальное" ввести, например, "Очаковское внезапное" или "Клинское искрометное".

inslav

золотой и *красный* (ср. мед *Золотой улей*, витамины *Золотой Шар*, ресторан *Золотая вобла,* мебельный гарнитур *Красная опера*, стекольный завод *Красное эхо,* пиво *Красный Восток,* конфеты *Красный цветок*, духи *Красная Москва* и т.д.)[20].

Итак, современные процессы в области русской лексики цветообозначения обнаруживают тенденции, которые можно связывать с общемировыми чертами развития – резкое увеличение числа терминов, в особенности тех, которые имеют рекламную самоценность; интернационализация цветообозначений, которая является проявлением интернационализации мирового пространства в целом и поддерживается, в частности, широким распространением международных каталогов изделий, и, наконец, демократизацию цветообозначений в смысле расширения возможностей их неограниченного использования широкими слоями общества. Бурное развитие цветовой лекики приводит к необходимости серьезной работы по каталогизации слов, поскольку уже пришло осознание того, что сами цветообозначения – знаки культуры и мощное средство воздействия на человека. Ранее каталогизации обычно подвергались лишь колерные образцы (издавались многочисленные цветовые атласы для нужд текстильной, полиграфической промышленности и т.п.).

С другой стороны, продолжают действовать этно-культурные факторы, которые в определенной мере противостоят процессам глобализации в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

Блэк Л.Г. Лингвистическая относительность. (Теоретические воззрения Б. Уорфа) // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.

Брикман У.Ф. Сочинение о драгоценных камнях. Перев. с нем. М., 1779.

Брутян Г.А. Гипотеза Сепира–Уорфа. Ереван, 1968.

Василевич А.П. Русско-англо-немецко-французские термины цветообозначения. “Тетради новых терминов”, № 98. М.: ВЦП, 1986.

Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. На материале цветообозначения в языках разных систем. М., 1987.

Василевич А.П. Цветонаименования и проблема перевода текста // Текст и перевод. М., 1988.

Василевич А.П. К исследованию субъективизма составителей двуязычных словарей // Болгарская русистика. София, 1989, № 5.

Василевич А.П. Языковая картина мира цвета. Методы исследования и прикладные аспекты. Диссертация в виде научного доклада, составленного по опубликованным работам и представленного к защите на доктора филол. наук. М., 2003.

[20] См. об этом подробнее в нашей статье (Василевич, Мищенко, 1999).

inslav

Василевич А.П., Михайлова Т.А. Лазурь и пурпур. Чему учит история терминов цвета // Российская наука: "Природой здесь нам суждено". Сборник научно-попул. статей. М.: "Октопус-Природа", 2003.

Василевич А.П., Мишенко С.С. Лексика цвета в рекламе. Как расположить к себе российского потребителя? // *КомпьюАрт.* 1999. № 9.

Василевич А.П., Мищенко С.С. Лексика цветообозначения: реакция русского языка на новые реалии. // Русский язык сегодня-2. Активные процессы конца XX века. М.: "Азбуковник", 2003.

Василевич А.П., Мищенко С.С., Кузнецова С.Н. Не все слова хороши. Цвет и его рекламное название // *КомпьюАрт.* 1999. № 11. Переизд. В книге лауреатов конкурса научно-популярных статей РФФИ 1999 года: Российская наука. Грани творчества на грани веков. М.: "Научный мир. Природа", 2000.

Василевич А.П., Мищенко С.С., Кузнецова С.Н. Каталог названий цвета в русском языке. М.: "Смысл", 2002.

Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. Глава: Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия, с. 231–290.

Горелов И.Н. Опыт психолингвистического подхода к проблеме "лингвистической относительности" // Виды и функции речевой деятельности. М., 1977.

Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.

Таліевъ В.И. Опредълитель высшихъ растеній Европейской Россіи. Харьков, 1912.

Фрумкина Р.М. (ред.) Лингвистические и психолингвистические структуры речи. М., 1985.

Шемякин Ф.Н. К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его названия). Известия АПН РСФСР. 1960. Вып. 113.

Berlin B. and Kay P. Basic color terms, their universality and evolution. Berkeley; Los Angeles, 1969. Reprinted 1991.

Chapanis A. Color names for color space // American Scientist, 1965. Vol. 53. N 3.

Collier G.A. Further evidence for universal color categories // Language, 1976. V. 52. N 4.

Conklin H. Color categorazation // Amer. Alnthropol. 1973. Vol. 75. N 1.

Hardin L. and Maffi L. Color categories in Thought and Language. Cambridge, 1998.

Kay P. Synchronic Variability and Diachronic Change in Basic Color Terms // Language in Society. 1975. Vol. 4. P. 257–270.

Kay P., McDaniel Ch.K. The linguistic significance of the meanings of basic color terms // Language. 1978. Vol. 54. N 3.

Rosch E. "Focal" colour areas and the development of names / Develop. Psychol. 1971. Vol. 4. P. 447–455.

Saunders B.A. C. On the Concept of "Basic" in Berlin and Kay's Basic Color Terms // Antropologische Verkenningen. 1993. Vol. 12. P. 35–50.

inslav

Ю.В. Мельник
(Украина)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ НА ФОНЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В УКРАИНЕ И В СРЕДЕ ПОСТСОВЕТСКИХ ЭМИГРАНТОВ

Процессы интеграции и дифференциации языков по-разному проявляли себя в разные исторические эпохи. В период глобализации усилилось англоязычное влияние на славянские языки, более активно начали развиваться социолекты эмигрантов (увеличение числа носителей социолектов, отражение языка эмигрантов в художественной литературе). Украинские лингвисты пишут, что развитие украинского и русского языка в Украине проходит на фоне глобализации и деколонизации (Ажнюк, 2001).

Наибольший интерес для славистов представляют:

1) усиление роли так называемого суржика, т.е. разговорной формы украинского языка, содержащей большое количество русских лексем, который может в будущем стать литературной нормой;

2) появление большого числа англоязычных заимствований в украинском и русском языке в Украине;

3) появление новых и развитие уже существующих социолектов, носителями которых становятся украинские эмигранты[1];

4) влияние социолекта эмигрантов на язык жителей постсоветского пространства;

5) влияние технологий на развитие формы и системы языка, а также методов изучения иностранных языков.

Языковую ситуацию в Украине сегодня можно охарактеризовать как украинско-русское двуязычие с элементами диглоссии. На фоне расширения украиноязычного образования на всех уровнях, включая воспитание детей в дошкольных учреждениях, наблюдается доминирование русского языка в следующих сферах:

– на книжном рынке: 90–92% книжного рынка занято русскоязычной литературой (Залізняк, Масенко, 2001: 46);
– на рынке периодики: по данным 1998 г. только 17,5% газет и журналов издается в Украине на украинском языке

[1] В период глобализации значительно увеличилось количество специалистов, которые переезжают в другие страны по рабочим визам на длительный срок. Образцы их речи также привлекались в процессе исследования.

inslav

(в 1995 г. – 70,8%, в 1990 г. – 90,4%) (Залізняк, Масенко, 2001: 46);

– в FM – эфире: украиноязычная культура полностью вытеснена в русскоязычных регионах, например, в Одессе, все передачи звучат на русском языке;
– на телевидении: украиноязычные каналы включают все больше различных российских ток-шоу и телесериалов;
– в электронной почте FIDO украинский язык практически не применяется. Сообщения на украинском языке являются исключением.

Особый интерес представляет языковая ситуация в Киеве. По данным социолингвистического исследования, проведенного в 2000 г., 53% жителей Киева являются русскоязычными, 32% ситуативными билингвами, 15% украиноязычными (Залізняк, Масенко, 2001: 23). Среди указанных 53% две трети считает себя украинцами, одна треть русскими (соответствующая графа в паспорте в Украине отменена[2]). Несмотря на повальную украинизацию учебного процесса (русская литература, например, включена в курс зарубежной литературы, который преподают на украинском языке, то есть ряд произведений А.С. Пушкина, С. Есенина и др. изучается тоже на украинском языке) 57,9% киевских студентов продолжают разговаривать на переменах только по-русски, в зависимости от ситуации 24,4% двуязычны, только 17,7% говорят по-украински (Залізняк, Масенко, 2001: 31–33). При этом нельзя не отметить, что в процессе цитируемого исследования авторы анкет не различали литературный украинский язык и так называемый суржик, на котором фактически говорит большая часть лиц, указывающих этот язык в ответах на вопросы анкеты как украинский. Суржик – это смесь украинского и русского языков, грамматической основой которой является украинский язык, содержащая очень много русизмов. Кроме того, носители суржика обычно

– не употребляют звательный падеж ("*клична форма*"): типичное употребление *Христя* вместо литературной украинской формы *Христю*;

– слабо владеют украинскими формами с уменьшительно-ласкательными суффиксами: вместо *валізка* (от укр. *валіза* 'чемо-

[2] В украинских паспортах фамилия, имя и отчество указаны на украинском и русском языках. При выдаче загранпаспорта транслитерация производится с украинского языка. Географические названия с 1991 г. тоже транслитерируются с украинского языка. На англоязычных картах Украины произошли изменения: Kiev–Kyiv, Odessa–Odesa, Lvov–Lviv, Kharkov–Kharkiv и др.

inslav

дан') употребление русского *чемоданчик* даже теми носителями языка, которые знают слово *валіза*;

– не различают фрикативного и взрывного украинских "г".

Сегодня появляется много статей с прогнозами языковой ситуации в Украине, и все больше специалистов говорят о том, что суржик может в будущем стать литературной нормой (Дубичинский, 2002: 2–4; Радчук, 2002: 40). Детские журналы на украинском языке, например, "Барвінок" часто предлагают своим юным читателям задания по переводу с суржика на литературный украинский язык. При этом иногда предлагается заменить слово, которое ранее считалось полноправным синонимом в украинском языке, например, *клюква*. "Русско-украинский словарь" (Ганич, 1979: 283) соотносит русское слово *клюква* с украинскими *журавлина* и *клюква*. Украинцы в США и Канаде употребляют слово *журавлина* или заимствование *cranberry*. Официальный литературный украинский язык старательно избавляется от русизмов, иногда заменяя их германизмами и заимствованиями из английского языка: *мапа* 'map') вместо *карта, гелікоптер* (helicopter) вместо *вертоліт, вакації* (vacation) вместо *канікули* и др. Уже несколько лет украинисты открыто говорят о проблеме все большего распространения суржика (Радчук, 2002). В журнале "Барвінок" детям предлагается перевести типичные примеры суржика на литературный украинский язык: *розовий коврик* (укр. лит. *рожевий килим*), *мраморний пол* (*мармурова підлога*), *щотчик* (*лічільник*), *утюг* (*праска*), *вторий етаж* (*другий поверх*) и т.п. (Барвінок, 2002, № 8: 9; № 11: 10–11). Суржик распространен и в студенческой среде, в том числе, среди будущих филологов. В следующем примере вместо литературной формы *не хворій* употреблено *не болій*: *Ну, не болій. До побачення* (из речи студентки 2 курса украинского отделения филологического факультета Кировоградского педуниверситета).

Интерес для лингвистов представляет издание в Канаде двух книг для детей на украинском языке "Пес Баскервілів" (2000) и "Подорож у небувалі світи" (переводы Н. Носова, С. Лагерлеф, А. Линдгрен и др., 1997) под редакцией известного канадского исследователя детской речи и редактора Ромы Чумак-Горбач. Основой для этих изданий послужили книги, изданные в Украине издательством "Веселка", в которых редактор Р. Чумак-Горбач изменила все слова, которые, по ее мнению, являются русизмами. Издания также содержат комментарии на английском языке, т.к. книги были напечатаны для детей канадских украинцев.

inslav

Подобное "избавление от русизмов" все чаще демонстрируют и украинские издания.

С окончанием "холодной войны" во многие языки потоком хлынули англоамериканизмы, в первую очередь, связанные с экономикой, современными технологиями и политикой. Распространение американского бизнеса, продукция Голливуда, Интернет, американские скоростные технологии приготовления пищи, переход военно-воздушных сил ряда стран на стандарты НАТО (Домашнев, 2001: 134) и многое другое – все это способствует появлению новых понятий, необходимости изучать английский, и, как следствие, появлению англоамериканизмов в речи. Украина не стала исключением. В украинских газетах повсеместно употребляются слова *піар, фандрейзінг, секонд-хенд, селфмейдмен, бейджик, мейкап* и др. Ср.: *Автомобілів з такими "бейджами" на склі, бамперах чи дверцятах з'їхалось до площі Богдана Хмельницького більше шістдесяти.* (Из репортажа корреспондента. "Вечірня газета", 4.01.02); *Здесь, в киевском "Динамо" он исповедовал одни принципы игры, а в "Тоттенхеме" ему предложили действовать по другому – быть плеймейкером* (статья корреспондента газеты "Бульвар", 18.02.02).

Наибольшее число заимствований наблюдается в сфере политики, экономики, современных технологий: *На цих ринках Укрексімбанк є одним з лідерів (маркет-мейкерів)* (материалы конференции. Матеріали, 2002: 13).

В последнее время наблюдается инициатива Министерства образования и науки Украины способствовать распространению программного обеспечения с украинским интерфейсом. В 2001 г. был подписан договор Министерства с компанией Microsoft и 12 марта 2002 г. были выпущены программы Word и Outlook, что стало событием для украинского общества, т.к. они есть практически на каждом компьютере. Обсуждается вопрос о том, что в будущем государственные организации будут обязаны устанавливать на компьютерах украинский интерфейс (Гудзь, 2003: 46). Те же самые компьютерные журналы, которые содержат большое количество не всегда оправданных заимствований, публикуют статьи, эти заимствования критикующие. Что касается различного рода технической и проектной документации, Закон Украины "Про мову" ("О языке") разрешает создавать ее на украинском или русском языке.

Издаются газеты на английском языке: *Kyiv Post, The Day, Kyiv Weekly*, журналы *Welcome to Ukraine, The Ukrainian*, детские журналы *Dobrik, Poznayko*. Для газет на английском языке харак-

inslav

терно смешение норм британского и американского вариантов. Это объясняется тем, что традиционно преподавание английского языка в Украине базировалось на британском варианте, на котором пишут авторы статей, но в редакциях этих газет работают американцы. В украино- и русскоязычных газетах публикуются объявления на английском языке. Один из самых мощных украинских телеканалов называется ICTV. Многие журналы выходят под английским названием: *Internet UA, Mobile Radio, Visual & Verbal Arts, Motor News, Parents, PC World Ukraine* и др.

Особый интерес представляет появление новых (формирование диалекта русскоязычных эмигрантов в Германии) и развитие уже существующих диалектов, носителями которых являются эмигранты. Для украинской науки этот вопрос особенно актуален, т.к. украино- и русскоязычных выходцев из нашей страны за ее пределами немало, и при исследовании процесса заимствований особенно интересно сравнить процесс заимствования англоамериканизмов в славянских странах, чтобы показать, как они поглощаются языком эмигрантов, какие тенденции совпадают, какие отличаются. Результаты такого исследования позволяют прогнозировать, появления каких слов можно ожидать в славянских языках в недалеком будущем. Русский и украинский языки наиболее распространены в США и Канаде среди славянских языков, поэтому лингвисты традиционно уделяют внимание языку эмигрантов (Ажнюк, 1999; Грановская, 1995; Земская, 2001; сб. Русский язык за рубежом; Andrews, 1999; Wertsman, 1976, 1977).

Ряд заимствований в речи любого славянского эмигранта совпадает с заимствованиями, которые появляются в речи славян, живущих у себя на родине (рус., укр. и болг. *грант*, рус. *бренд*, укр. и болг. *бренд*), но многие заимствуются только эмигрантами: ср. рус., укр. и болг. *порч* (англ. *porch*) 'веранда', рус., укр. и болг. *бейсмент* (англ. *basement*) 'подвал', рус., укр. и болг. *даунтаун* (англ. *downtown*) 'деловой центр города', рус. *таксы*, укр. *такси*, болг. *такси* (англ. *tax*) 'налоги'. Ср.: *25c/min до България без допълнителни такси* (из американской рекламы Deutsche Telekom на болгарском языке, 2001); *Сейчас рождественские сэйлы, классные дилы, надо все покупать* (из речи телефонного собеседника автора статьи, проживающего в США около 10 лет, 2002), где *Sale* 'распродажа', *deal* 'сделка'. Слово *сэйл*, ранее считавшееся чертой языка эмигрантов, становится все более частотным на просторах бывшего СССР, в то же время употребление слова *дил* зарегистрировано только в англоязычных странах.

inslav

Приведем также пример: *Я не могу это аффордать* (из речи выпускницы филологического факультета Одесского университета, проживающей в США 8 лет, Миннеаполис, 2000), где *To afford* 'иметь финансовую возможность что-либо приобрести'. В данном случае английскому глаголу в русском языке соответствует словосочетание, т.е. заимствование обусловлено отсутствием адекватного однословного соответствия в русском языке.

Роман В. Аксенова "Новый сладостный стиль" содержит целые главы, написанные языком русскоязычных эмигрантов. Не все словоупотребления оправданы, однако в целом роман по-новому, с большим количеством деталей иллюстрирует среду эмигрантов. Роман также содержит комментарии к заимствованиям. Загруженность речи эмигрантов иноязычными словами исследователи называют интерференцией, речевой чересполосицей (Земская, 2001), интеркалляцией (Капустина, 2002). Появление художественных произведений на языке эмигрантов доказывает тезис К. Кучеры о развитии языка эмигрантов как самостоятельного языкового варианта, не зависящего от варианта базисного (Кучера, 2000).

Англоамериканизмы, которые еще недавно однозначно относились к языку эмигрантов, все чаще встречаются в российских фильмах, иллюстрирующих российскую действительность. Эти фильмы часто показывают по украинским телеканалам: *Здесь 500 долларов кешью*, где англ. *cash* 'наличные' (слова героя, телесериал "Клетка", 2002); *А мы кешем. Это великое дело* (слова героя, х/ф "Герой ее романа", 2001).

Стихийное распространение заимствований не способствует формированию языковой нормы: наряду с формой женского рода употребляется форма мужского рода.

В то же время современные российские фильмы, описывающие жизнь наших бывших соотечественников за рубежом, достойны критики за полное отсутствие отражения языка эмигрантов. Например, в российской комедии "Любовница из Москвы" (2001 г., реж. А. Эйрамджан) герои разговаривают совсем не так, как разговаривают реальные люди, живущие в Майами: за весь фильм прозвучало только два англоамериканизма, которые традиционно относились к языку эмигрантов, а сегодня активно употребляются и в языке русскоязычных жителей просторов СНГ: *редайл* (англ. *Redial* 'кнопка на телефоне для повторного звонка') и *паркинг* (англ. *parking* 'парковка'). В фильме "Сын неудачника" (2002, реж. А. Эйрамджан) герой употребляет слово *бенефит*, активно используемое русскоязычной ди-

inslav

аспорой. Ср.: *А еще будут премиальные, бенефиты, как здесь говорят.*

Вхождение слова *бенефит* (англ. *benefit*) в речь эмигрантов объясняется тем, что для многих организаций в США в отличие от бывшего СССР характерно выдавать премии сотрудникам не в денежной форме: страховки, определенное количество оплачиваемых дней по уходу за ребенком, подарки к Рождеству и др.

Большинство заимствованных эмигрантами слов связано с такими областями жизни, как названия учреждений и документов, работа, продукты, жилье, бизнес, образование. Заимствования подобной тематики характерны не только для англоязычных стран. Сравним слова, характерные для наших бывших соотечественников, живущих в Израиле, и содержащие заимствованный из иврита корень и русские флексии[3].

Я завтра еду в мисрад га-пним (Министерство внутренних дел) *за дарконом* (паспорт для поездок за границу) (устная речь. Бат-Ям, Израиль, 2002), где русское окончание *-ом* придает слову русское звучание.

Уже изданы художественные произведения, содержащие заимствованные из иврита слова и в речи персонажей, и в речи автора (Вильмонт, 2002; Мелихов, 2001; Рубина, 2001). Заимствования выполняют в тексте различные функции: иллюстрации среды эмигрантов, синонимическую, эвфемистическую. В следующем примере слова из иврита (для солидности и иронии одновременно названные в романе греческими) выполняют все перечисленные функции. Ср.: *Эля изобразила пару-тройку сцен из своих халтур, носивших звучные греческие имена "никайон"* и "*метапелет*" (первое означало мытье – зато с мылом! – лестниц, второе – уход за беспомощными старцами и старицами) (Мелихов, 2001: 68).

Часто использование заимствований из иврита связано со спецификой религиозного Израиля: *В первую субботу зашли к нам доброжелательно улыбающиеся соседи, подарили Борису талит и пригласили в синагогу.* (Д. Рубина. Во вратах твоих), где *талит* – мужское одеяние белого цвета с отверстием для головы посередине, используемое во время молитвы; *Да у них сейчас минха* (Там же), где *минха* 'вечерняя молитва'; *А я в ортодоксальную иешиву ходил, – ответил на это другой.* (Там же), где *Иешива* – религиозное учебное заведение. В эмигрантских

[3] Материал собран с использованием веб-сайта www.sem40.ru и в ходе переписки с русскоязычными жителями Израиля.

inslav

газетах юридическая терминология часто употребляется на двух языках, так как оттенки значений, как правило, не совпадают.

Ср. также: *После заключения брака в одном из загсов ФРГ (Stamdgesamt) правовые отношения между супругами определяет немецкое законодательство. В весьма ограниченных случаях – обычно для обеспечения равенства имущественных прав (eheliches Güterecht) – брачующиеся могут договориться о действительности права страны одного из партнеров* (раздел юридических конультаций газеты "Восточный экспресс"[4], 13–26. 12.2000, 21).

В речи русско- и украиноязычных эмигрантов в англоязычных странах прочно закрепились слова, обозначающие названия продуктов: рус. и укр. *багель* (англ. *bagel* 'бублик'), рус. *бэгел бейкери*, укр. *бегел бейкери* (англ. *bagel bekery* 'бубличная'), рус. и укр. *салмон* (англ. *salmon* 'лосось'), рус. *шримпы* и укр. *шрімпи* (англ. *shrimp* 'креветки'), рус. и укр. *лабстер* (англ. *lobster* 'омар'), рус. *фиш* и укр. *фіш* (англ. *fish* 'рыба'), рус. *турки* и укр. *туркі* (англ. *turky* 'индюк'), рус. *сифуд* и укр. *сіфуд* (англ. *sea food* 'морепродукты').

Представляется интересным заимствование *багель* ('бублик'): название традиционно русского продукта, казалось бы, должно быть заменено английским эквивалентом в последнюю очередь. Однако определенное влияние оказали и специфика приготовления теста, отличная от российской, и то, что бублики в Америке не подают к чаю, как в России, а делают из них сэндвичи, и обилие сортов, нехарактерных для России.

Заимствования в речи эмигрантов представлены в художественной литературе: *Ну, тогда возьмем по лобстеру, по-русски они называются омарами, и поговорим о Майкле Джексоне* (Некрасов, 1990, 379).

Безусловно, заимствуется много слов, связанных со страноведческими реалиями. Очень активно используется слово *парти* ('вечеринка'), при этом его часто произносят с американским звонким звуком, который является промежуточным между *т* и *д* и который нехарактерен для британского варианта английского языка. В ходе опроса информантов, в чем они видят разницу между *вечеринкой* и *парти*, характерными были ответы: "*Вечеринка на дому у официального лица, т.е. носящая полуофициальный характер, на которую не нужно приносить*

[4] Газета издается в Германии.

inslav

подарки или сдавать деньги", "*Вечеринка в учреждении за счет учреждения*", "*Шикарная вечеринка*", "*Американская халява*".

Заимствование слова *аппойнтмент* (англ. *appointment* 'деловая встреча') аналогично заимствованию *термин* (нем. *termin* 'срок, заседание') в речи русскоязычных эмигрантов в Германии и связано с более серьезным отношением на Западе к понятию "деловая встреча": крайне нежелательно приходить без предупреждения, нельзя опаздывать, в случае отмены встречи необходимо предупредить заранее. Приведем еще примеры: *Извини, я тороплюсь: у меня аппойнтмент* (устная речь. Вашингтон, 2000); *Я сегодня еду к зубному, у меня термин в пять часов. Здесь нельзя опаздывать, иначе придется все равно платить* (устная речь. Карлсруэ, 1997).

Для языка эмигрантов традиционны заимствования *парт-тайм* (part-time) 'частичная занятость' и *фул-тайм* (full-time) 'полная занятость'. Эти заимствования уже появились в газетах, издаваемых в Украине: *Требуются официанты на парт-тайм* (объявление в киевском журнале "Пропоную роботу". № 38. 2001).

Исследователи уже неоднократно отмечали употребление диаспорными украинцами в США и Канаде слов, которых никогда не было в украинском языке и которые были созданы заокеанскими украинцами специально для того, чтобы избежать заимствований. К таким словам относятся *летовище* 'аэропорт', *пересідка* 'талон для получения скидки в транспорте', *скоростріл* 'пулемет', *мета* 'мишень' и др. Слово *летовище* в последнее время часто используется в украинских новостях и в американских фильмах, переведенных на украинский язык. Влиянием языка диаспоры является также употребление сочетания *Велика Британія* вместо *Великобританія*. Многие эмигрантские украинские издания следуют правилам, закрепленным Г. Голоскевичем в словаре "Правописний словник" (орфография, принятая в Харькове в 1928 г). Есть факты издания на Украине таких книг представителями украинской диаспоры (Соневицький, 2001). Влияние языка диаспоры проявляется и на фонетическом уровне, когда дикторы телевидения произносят украинские слова, копируя представителей диаспоры. Все это находит отражение в прессе: "Але робиться ще одна підступність проти нашої мови, і напевне найстрашніша. Йдеться про втручання у саму мелодику, голос української мови, що не можна допускати жодними реформами, указами, розпорядженнями. Голос народу не можна

inslav

підробляти, підганяти під чиїсь смаки, забаганки, комусь на догоду. Пісню солов'я навряд чи поліпшиш звуковими елементами воронячого каркання чи півнячого кукурікання. Голос народу розвивається самодостатніми засобами. Будь-яке насильство, рекомендації чи пропаганда щодо мелодики мови позбавить народ його власного голосу" (Кердіваренко, 2003).

В работах украинских лингвистов отмечалась тенденция культурно-языкового сознания противодействовать заимствованиям[5] (Семенюк, 2001: 114–117). Она проявляется в различных сатирико-юмористических текстах и зафиксирована как в украинских печатных изданиях, так и в эмигрантских: *Що таке депресія? – Це коли немає за що передплатити пресу* (Перець, 2003); *Носится Мишка со своим русским языком. Даже стих про него написал и на холодильник мне пришпандорил; Еду ли басом, сопраном ли еду я; Кейс ли тащу ли я, кейс ли расследую; Ты – мой суппорт, словно house of brick; Мудрый и power рашн язык; И что характерно? Стих-то написан на нормальном канадском языке. Значит, не все еще потеряно! Человек – он ведь как огурец в рассоле. Кожица жесткая, а соль все равно впитается. Так что скоро станет наш Мишка нормальным русским канадцем. Таким же культурным, как и я* (А. Рудкевич. Мишка-русофил. The Yonge Street Review[6]. 10.05.02).

В украинской прессе появляются слова из речи нелегальных украинских эмигрантов: *Те, кто впервые приехал в Италию на заработки, при удачном стечении обстоятельств могут устроиться работать фисами. Поясню. Фисы – это сиделки по уходу за недвижимыми престарелыми итальянцами... Фисы* – низкооплачиваемая, тяжелая работа для тех, кто не знает языка (Украина-Центр, 16.05.2003, г. Кировоград); *Иногда удавалось устроиться в каритасы – комнатки с кроватями плюс двухразовое питание, которое нашим опустившимся нелегалам безвозмездно предоставляет Ватикан* (Там же).

В Украине очень популярен российский писатель Виктор Пелевин, произведения которого представляют собой острую сатиру не только на современный образ жизни, но и на современный язык. В приведенном ниже отрывке автор явно противопоставляет не просто русское слово заимствованному, но традиционную

---

[5] Интересные примеры сатиры на современный русский язык есть у М. Задорнова: "Секьюрити – это такая охрана, у которой накачаны даже уши" (Запись выступления 1995).

[6] Газета издается в Канаде.

inslav

русскую культуру чуждой духовной организации. Англоамериканизм *криэйтор* отражает трансформацию в "картине мира" общества, переживающего кардинальные изменения: *Татарский еще раз посмотрел на плакат с тремя пальмами и англоязычным обещанием вечных метаморфоз. – Кем? – спросил он. – Криэйтором. – Это творцом? – переспросил Татарский. – Если перевести? – Ханин мягко улыбнулся. – Творцы нам тут ... не нужны, – сказал он. – Криэйтором, Вава, криэйтором* (Пелевин, 2001); *Это был крошечный магазин-однодневка, только что переделанный из бутербродной, но уже несущий на себе печать упадка и скорого заката: плакат в окне объявлял пятидесятипроцентный сэйл* (Пелевин).

Слово *сэйл* – это не просто иностранное слово со значением "распродажа", это часть современной американской поп-культуры. В Европе нет такого количества различных распродаж (от так называемого "yard sale", когда люди распродают то, что им не нужно прямо у себя во дворе до широкомасштабных распродаж в крупных торговых центрах, когда на один и тот же предмет распространяется несколько видов различных скидок), которое можно увидеть в США. "Сэйл" – очень важная деталь западного мира, которая пока еще вызывает сильную дисгармонию в традиционной славянской "картине мира". В то же время эта деталь входит постепенно в нашу жизнь, и заимствования также выполняют роль проводников западной культуры.

Варваризмы – явление не новое в славянских языках. В произведениях А.С. Пушкина современные исследователи зарегистрировали 234 варваризма с общим числом употреблений 891 раз (Васильев, 2000: 99). В последнее время наблюдается интерес исследователей к употреблению варваризмов в работах классиков. И это не случайность, а необходимость, вызванная потоком англоамериканизмов в современных славянских языках и желанием ученых разобраться в причинах явления и выработать способы регулирования процесса.

Описывая феномен глобализации, лауреат двух Пулитцеровских премий (высшая награда в журналистике) Т. Фридман подчеркивает, что период глобализации характеризуется невиданным ранее всплеском развития технологий, в первую очередь, компьютерных (Friedman, 2000: 316). Б.М. Ажнюк характеризует глобализацию как "информационную открытость" (Ажнюк, 2001: 49). Влияние развития компьютерной техники на язык проявилось на нескольких уровнях: 1) на уровне формы, 2) системы языка, 3) появления новых способов общения.

inslav

Приведем в качестве иллюстрации появление нового социолекта пользователей компьютеров, который развит в каждом языке по-разному. Наибольшего развития он достиг в английском языке, так как появился в нем намного раньше, чем в славянских языках. Традиционное использование сокращений в английских газетных текстах, объявлениях, рекламе привело к их использованию в социолекте пользователей компьютеров (IMHO, AFAIK и др.), а оттуда перешло и в славянские социолекты пользователей компьютеров. Ср.: *И я бы хотел, чтобы ты впредь относился с уважением к моему имху* (Материалы эхо-конференции).

В электронной почте изменилось использование заглавных букв: традиционным стало их употребление во многих словах в середине слова (*e-Learning*), а из электронной почты оно перешло в литературный язык.

Изменением на уровне системы языка можно считать появление эмотиконов (смайликов) – огромного количества сочетаний пунктуационных знаков, которые обозначают на письме эмоции. Из электронной почты смайлики перешли и в текстовый редактор Word, который сегодня автоматически меняет наиболее употребительные из них на изображение человеческого лица, выражающее эмоции: ☺.

Под влиянием новых технологий появились новые способы общения: синхронное и асинхронное общение через Интернет. Активно используются *mailing lists* 'электронные конференции', создаются новые интерфейсы для общения человека и компьютера, программы распознавания речи.

В период глобализации в информационно-коммуникативном пространстве Украины все более усиливается роль английского языка. Сосуществование украинского и русского языков, а также так называемого суржика при обилии нерегулируемых заимствований расшатывает языковую норму. Варваризация речи грозит лишить общество его литературного языка, который является необходимым признаком самого существования нации, средством ее творческой активности. В то же время на общем фоне стихийных заимствований замечена тенденция противодействия потоку иноязычных элементов, которая проявляется в сатирико-юмористических текстах, изданных как в Украине, так и за ее пределами. Эти противоречия и являются постоянным стимулом внутреннего развития языка.

inslav

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕКСТЫ

Аксенов В. Новый сладостный стиль. Изограф, ЭКСМО-Пресс. М., 2000.

Барвінок. Київ. 2002, № 1–12.

Вильмонт Е. Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры. Олимп. М., 2002.

Дойл А.К. Пес Баскервілів // Редакція Рома Чумак-Горбач. Торонто: Видавництво ЖУК, 2000.

Мелихов А. Любовь к отеческим гробам // Новый мир. 2001. № 10.

Некрасов В. Маленькая печальная повесть // Маленькая печальная повесть. М.: Книжная палата, 1990. С. 342–385.

Пелевин В. Generation "П". М.: Вагриус, 2001.

Перець. 1999.

Подорож у небувалі світи. Антологія перекладів фантастичних оповідань для школярів // Редакція Рома Чумак-Горбач. Торонто: Видавництво ЖУК, 1997.

Рубина Д. "Я не любовник макарон", Или кое-что из иврита. http://dinarubina.wallst.ru/start.html

ЛИТЕРАТУРА

Ажнюк Б.М. Мовна єдність нації: діаспора і Україна. К.: Рідна мова, 1999.

Ажнюк Б.М. Мовні зміни на тлі деколонізації та глобалізації // Мовознавство. 2001. № 3. С. 48–54.

Васильев Н.Л., Савина Е.В. Варваризмы в языке А.С. Пушкина // Филологические науки. 2000. № 2. С. 99–105.

Ганіч Д.І., Олійник І.С. Російсько-український словник. Київ: Радянська школа, 1979.

Голоскевич Г. Правописний словник. Дев'яте видання. Нью-Йорк: Книгоспілка, 1962.

Грановская Л.М. Русский язык в "рассеянии". Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М.: ИРЯЗ, 1995.

Гудзь Ю. Веселі пригоди "і", "ї" та "є" при дворі короля Льоні // Комп'ютери + Програми. 2003. № 1. 46–49.

Домашнев А.И. Проблемы классификации немецких социодиалектов // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 127–139.

Дубичинский В.В. Статус русского языка в Украине // Русский язык и литература в учебных заведениях. 2002. № 2. С. 2–4.

Залізняк Г., Масенко Л. Мовна ситуація Києва: день сьогоднішній та прийдешній. К.: КМ Академія, 2001.

Капустина В. Русско-немецкая интеркаляция в диалогической речи эмигрантов // Слов'янський збірник. Вип. IX. Одеса: Астропринт, 2002. С. 145–149.

Кердіваренко О. Рідна мова: Збагачуємо чи калічимо? // Кіровоградська правда, 3.06.2003. С. 3.

Кучера К. Эмиграция в XIX и XX вв и дифференциация языка // Язык как средство трансляции культуры / Под ред. М.Б. Ешича, Я. Корженского, Г.П. Нещименко и др. М.: Наука, 2000.

Матеріали першої конференції Укрексімбанку. К., 2002.

Радчук В.Д. Мова в Україні: Стан. Функції. Перспективи // Мовознавство. 2002. № 2–3. С. 39–45.

inslav

Русский язык зарубежья / Под ред. Е.В. Красильниковой. М.: Эдиториал УРСС. 2001.

Семенюк О.А. Язык эпохи и его отражение в сатирико-юмористическом тексте. Кировоград: РИЦ КГПУ им. В.К. Винниченко, 2001.

Соневицький Р. Базова економічна фінансова та ділова термінологія. Англо-український словник. Тернопіль: Збруч, 2001.

Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Земская. М., Вена: Языки славянской культуры. 2001.

Andrews David R. Sociocultural Perspectives on Language Change in Diaspora. John Benjamins Publishing Company. Amsterdam; Philadelphia. 1999.

Friedman Thomas L. The Lexus and the Olive Tree. Anchor Books, NY, 2000.

Wertsman Vladimir. The Russians in America, 1727–1975. Oceana Publications, Inc. NY, 1977.

Wertsman Vladimir. The Ukrainians in America 1608–1975. Oceana Publications, Inc. NY, 1976.

Б.Л. Бойко

(Россия)

ОБРАЗНОСТЬ СЛОВА И ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА

Ш. Балли, размышляя о наличии сходных черт в современных европейских языках, стремлении этих языков "ко все большему сближению", основанному на многочисленных и разнообразных связях между народами как в области материальной культуры, так и в области мысли, высказывает предположение о наличии общего психического склада, характерного для европейской цивилизации и уходящего корнями в культуру Древней Греции и Древнего Рима (Балли, 2001: 40). "Сходные вещи, – утверждает Балли, – не могут быть выражены слишком различными способами; духовная общность отражается в языке и в отношениях между языком и мышлением" (Там же: 41). Связи между европейскими языками финским, венгерским, английским, итальянским основаны не на лингвистическом родстве, а на способах выражения понятий, свойственных европейскому психическому складу. Препятствием для изучения эсперанто, заложенного в зачаточном состоянии во всех европейских "Kultursprachen", для представителя неевропейской цивилизации оказывается, по мнению Ш. Балли, ход мысли европейца (Там же: 41). Заметим, что с аналогичным препятствием встречается и представитель европейской цивилизации, погружающийся в изучение культур и языков

inslav

Нового Света, Африки и Азии. В другом месте Ш. Балли высказывает мысль о том, что сходные черты европейских языков могут обнаруживать определенные количественные различия: 1) та или иная общая тенденция может быть с различной степенью отчетливости выражена в различных языках; 2) явление, характерное для выразительной системы одного языка, может отсутствовать в другом; 3) большие различия могут быть обнаружены в природе образов, в образной речи вообще; 4) перспективны в исследовательском отношении языковые факты, вызывающие представления об определенной социальной среде, а также социальная окраска экспрессивных фактов различных языков. Для того чтобы такое исследование было плодотворным, утверждает Балли, необходимо изучать всю систему языка в целом (Там же: 42–43).

Тенденции к сближению, отмеченные Ш. Балли в самом начале 20 в., стали реальностью Европы последней четверти того же века. Об этом свидетельствует выход экономики отдельно взятой страны за национальные границы, создание наднациональных экономических корпораций, единой денежной системы ряда европейских государств. Сближение в духовной области достигается принятием общих ценностей европейской цивилизации, получивших материальное воплощение в музыке, живописи, литературе. Превращение английского языка в средство межнационального общения, мирового хозяйствования и мировой культуры свидетельствует о процессах глобального порядка, характеризующих материальную и духовную культуру цивилизации землян.

И все же надрегиональное общее сосуществует с этнически различным. Этническое различное в каждой из взаимодействующих культур сохраняет своеобразие соответствующего этноса, проявляясь наряду с прочим в языке, в способах описания картины мира, в языковом сознании. Е.Ф. Тарасов, предваряя материалы Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 29–31 мая 2003 г.), замечает, что для сопоставительного анализа языкового сознания (ЯС) чрезвычайно важна онтологическая предпосылка внешней детерминации ЯС, его обусловленность человеческим способом бытия в мире. Подвергая анализу конкретные речевые овнешнения ЯС, исследователь изучает идеальную форму культуры конкретного этноса в определенное историческое время. Сопоставительный анализ идеальной формы культуры этносов позволяет выявлять их специфику и осуществлять профилактику коммуникативных кон-

inslav

фликтов, например, конфликтов непонимания в практике межкультурного общения (Тарасов, 2003).

Ниже мы попытаемся сопоставить фрагменты образных систем, лежащих в основе немецкого и русского языкового сознания, делая акцент на область военной лексики и фразеологии, лексики немецкого и русского военного жаргонов как части общей военной лексики. Мы будем исходить из того, что системность части есть производное системности целого. Последнее должно остеречь нас от тенденциозного отбора языкового материала, подтверждающего выдвинутую гипотезу, и игнорирования языковых фактов, эту гипотезу отрицающую. Любая системность характеризуется, на наш взгляд, сочетанием непротиворечивых и противоречивых элементов, обеспечивающих жизнеспособность системы в целом. При общем сходстве образной системы немецкой и русской военной лексики, опирающейся на общность военного дела в целом, событийную общность вооруженного противостояния в поле, в воздухе или на море, частные подразделы этой системы сохраняют черты национального, уходящего корнями в образную систему соответствующего языка как части культуры этноса.

Образность слова – производное поэтического восприятия и осмысления человеком внешнего мира, использование впечатлений от ярких красок природы, экспрессии, выразительности природных явлений в процессе означивания. А.А. Потебня соотносит понятия образ и значение, утверждая, что образ предшествует значению, составляет его основу. В основе наименования цветка "мать и мачеха" лежит представление о тепле и холоде человеческих отношений, соотносимых с холодным зеленым цветом верхней стороны листа и теплой беловатой, как бы покрытой белой паутиной, его нижней стороной. Противопоставление матери и мачехи, или любви (тепла) и нелюбви (холода) становятся образом по отношению к значению слова, иначе – ботаническим признаком этого растения (Потебня, 1990: 108–109). Яркой образностью характеризуются народные наименования других цветов – "иван-да-марья", "полуцвіток" (укр.), "bratky" (брат и сестра, польск.) – в основе образа представление о необычном сочетании разноцветных лепестков на одном стебле, "смілка", "лепок", "дрёма", "сон трава", "незабудка", "забудька"(чернобыльник), "не чуй ветер". Всякое удачное этимологическое исследование, утверждает А.А. Потебня, приводит к открытию, что за значением известного слова лежит представление, образ (Там же: 111). Слова с сохранившимся представлением

inslav

принадлежат поэзии, слова с потерянным представлением – прозе. Созданию нового слова предшествует познание на основе сопоставления нового с прежде познанным. В основе слов “cervus” (лат.), “крава” (слав.) и “корова” (русск.) лежит признак “рогатый”, наличие рогов. Процесс познания есть соотнесение познаваемого с ранее познанным, установление tertium comparationis, или третьего при двух сравниваемых. Tertium comparationis становится признаком, на основе которого в слове обозначается вновь познаваемое, представлением о значении (Там же: 114–115).

Действительно, использование слова “корова”, в представлении о котором утрачен основной признак рогатости, наличия рогов на голове, для образования вторичных наименований человека или предмета, основано на эксплуатации нового признака – полноты, бесформенности и неуклюжести, сравни “корова” по отношению к человеку, чаще к женщине, и “корова” как наименование тяжелого, транспортного вертолета Ми-6 в современном русском военном жаргоне. Утраченная поэтика, содержащаяся в образе рогатого животного, восстанавливается в иной образности того же слова, используемого в ситуациях обиходного общения как единица разговорной речи.

Образ способствует познанию, он несет в себе условное изображение действительности, помогает проникнуть в сущность изображаемого объекта.

Сопоставление, сравнение – один из главных способов осмысления внешнего и внутреннего мира человека. Образность крестьянской речи, речи человека, живущего на природе, основана на сопоставлении. Поэтичность этой речи сохранена в метафорах: “смотреть зверем (волком)”, “ходить гоголем”, “по-волчьи выть”, “вставать на дыбки”, “заживать, как на собаке”, “напиваться, как свинья”, “подсадная утка”, “слепая курица” – все это словесные образы, основанные на наблюдении за поведением животных и перенесенные на человека (Фразеологический словарь 1995). Аналогичный материал находим в немецкой фразеологии: einen Bock haben – упрямиться, ein krummer Hund – подозрительный тип, lahme Ente – о неуклюжей, громоздкой женщине или автомобиле с маломощным двигателем, die Kuh vom Eis bringen / holen / kriegen – решать трудную проблему, Schäfchen zählen – мучиться бессонницей, ein blindes Huhn findet auch einmal ein Korn – и неумеха в чем-то может преуспеть. Часть немецкой и русской фразеологии может иметь одинаковую образность: da lachen [ja] die Hühner – курам на смех, mit den Hühnern aufstehen / zu Bett gehen / schlafen gehen – вставать и ложиться с курами, das

inslav

Huhn, das goldene Eier legt, schlachten – зарезать курицу, несущую золотые яйца (образ заимствован из басни Ла-Фонтена), wie Hunde und Katze leben – жить, как кошка с собакой, müde sein wie ein Hund – устать, как собака, wie ein Pferd arbeiten – работать, как лошадь и др.[1]

Общность и различие в образных системах военных культур немецкой и русской хорошо просматривается в фразеологии. В одних случаях наблюдаем совпадение образов: das Pulver [auch]nicht [gerade]erfunden haben – (он) пороха не выдумает (о недалеком человеке), sein Pulver trocken halten – держать порох сухим (быть всегда готовым к защите, обороне), jmdn. aufs Korn nehmen – взять кого-л. на мушку, einen Ladestock verschluckt haben – словно аршин проглотил (в основе образа лежит представление о шомполе и аршине, имеющих общий признак жесткости – причина неестественной позы человека). В других – расхождение образных систем: sein Pulver verschossen haben – исчерпать запас (своих) аргументов; истратить все силы, выдохнуться, die Flinte ins Korn werfen – (досл. бросить ружье в рожь) спасовать перед трудностями[2].

Общность образных систем возникает как результат взаимодействия культур в технической области и сопровождается необходимым означиванием элементов иноязычной культуры. В случаях транскрипции и транслитерации слово лишается своей образности, например, Stutzer – патрубок, штуцер (утрачена основа образности – признак опоры), Schlagbaum – шлагбаум (утрачен образ падающего со стуком бревна), Bohrmaschine – бормашина (утрачен признак сверления / бурения); в отдельных случаях лексикограф прибегает к необходимым пояснениям, раскрывающим семантику транслитерированных единиц: Packhaus – пакгаус; склад; сарай для хранения грузов; Fachwerk – фахверк, каркас и т.п. Процессы усвоения иноязычной лексики, наряду с воспроизведением звуковой формы на базе звукового строя заимствующего языка, включают калькирование как стремление сохранить образность и экспрессивность заимствуемого слова: Peitschenarm – *текст.* погонялка, Bohrkopf – сверлильная головка, Stirnmauer – *стр.* лобовая [торцовая] стена, Rammbär – баба копра (в последнем случае образ грузного животного заменен на образ грузной женщины) и т.п. (Немецко-русский политехнический словарь 1979).

---

[1] Материал заимствован из Duden Deutsches Universalwörterbuch 1996, перевод наш. – *Б.Б.*

[2] По: Мальцева, 1991: 150–151, Duden Deutsches Universalwörterbuch 1996.

inslav

Сохранение образности характерно в случае подбора русских эквивалентов наименованиям отдельных деталей винтовки[3]:

Korn – *мушка* – общее в выборе основы для образа – маленький размер предмета, однако различная предметная основа (зерно злаковых – насекомое),

Schaft – *ложа* и *ложе* – общее в выборе основы для образа – выемка в деревянной основе, полученная с помощью режущего инструмента и предназначенная для укладывания в нее и соединения в одно целое нескольких деталей винтовки (ружья), сравн.: ~*Schaft* восходит к schaben (скоблить, скрести),

Kolben – *приклад* – общее в выборе основы образа – утолщенная оконечность детали, удобная для опирания о плечо, прикладывания к плечу, в немецком языке Kolben восходит к древненемецкому kolbo – то же, что Keule – дубина, булава (с утолщением в форме комля),

Verschlussbolzen – *стебель затвора* – различное в выборе образной основы: Bolzen – толстое, короткое, прочное, за что можно надежно ухватиться, в русском языке *стебель* – тонкое, изящное относительно массивного затвора, наконец,

Kolbenhals – *шейка приклада* – полное совпадение образов в наименовании передней, зауженной части приклада, в русском языке *шейка*, возможно, калька с немецкого.

Общность и различия образных систем в немецком и русском языках могут быть обнаружены при сопоставлении лексики, используемой для означивания единиц боевой техники. Так, для немецкой военной культуры традиционным является включение наименований хищных животных в состав терминов, обозначающих боевую технику сухопутных войск (танки, бронетранспортеры, самоходная артиллерия). В основе образов лежит референция к агрессивным свойствам соответствующего хищника и наделение теми же свойствами соответствующих боевых средств: Leopard (леопард): Kampfpanzer LEOPARD – боевой танк “Леопард”, Marder (куница): Schützenpanzer MARDER – БМП “Мардер” (боевая машина пехоты “Мардер”), Wiesel (ласка): Waffenträger WIESEL – СПУ “Визель” (самоходная противотанковая установка “Визель”), Jaguar (ягуар): Jagdpanzer JAGUAR – СПУ “Ягуар” (самоходная противотанковая установка “Ягуар”),

---

[3] Нарезное ружье (Büchse) было изобретено в Лейпциге в 1494 году (Мальцева, 1991: 151 со ссылкой на работу Ф. Энгельса “История винтовки”).

inslav

Fuchs (лисица): Transportpanzer FUCHS – БТР "Фукс" (колесный бронетранспортер "Фукс"), Spürpanzer FUCHS – БРМ "Фукс" (боевая разведывательная машина "Фукс", предназначенная для обнаружения радиационных, биологических и химических боевых веществ), Luchs (рысь): Spähpanzer LUCHS – БРМ "Лукс" (боевая разведывательная машина "Лукс"), Gepard (гепард): Flugabwehrkanonenpanzer GEPARD – ЗСУ "Гепард" (зенитная самоходная установка "Гепард"), Skorpion (скорпион): Minenwerfer SKORPION – самоходная установка для постановки минных полей в наброс (Waffensysteme und Grossgerät, 2002, Вооруженные силы ..., 1988).

Аналогию находим в наименованиях отдельных единиц российской боевой техники, содержащих семы со значениями "колющий", "острый", "бьющий", "жалящий" – "Стрела" и "Оса", "Град", "Шмель", "Пчелка". Слова, используемые в наименованиях однородных систем оружия, могут относиться к различным тематическим рядам. Например, в наименованиях отечественных комплексов ствольной артиллерии "цветочный" ряд "Гвоздика", "Акация", "Гиацинт", "Василек", "Тюльпан" перемежается чужеродными "ботаническому" ряду словами "Мста", "Нона", "Поднос". В этом случае системность реализуется в наличии постоянных компонентов в наименовании – калибр, вид оружия, буквенно-цифровое обозначение, кодовое слово, как правило, характеризующееся нестертой образностью: 122-мм самоходная гаубица 2С1 "Гвоздика" (Панкратов 1999). Использование кодовых наименований в криптолалической функции одновременно удовлетворяет потребности языковой экономии, имеющей статус нормы в разговорной речи.

Образность в наименованиях отдельных единиц немецкой военной инженерной техники опирается на соотнесение с животными, которым свойственно копаться в земле, перепахивать землю клыками или копытами, подпруживать лесные ручьи, как это делают бобры. Основной признак, лежащий в основе образности, – нарушение целостности природной среды: Biber (бобер): Panzerschnellbrücke BIBER – танковый мостоукладчик "Бибер", Dachs (барсук): Pionierpanzer DACHS – саперный танк "Дахс", Keiler (кабан, секач): Minenräumpanzer KEILER – танк-тральщик "Кайлер", Büffel (буйвол): Bergepanzer BÜFFEL – танковый тягач / бронированная ремонтно-эвакуационная машина "Бюффель" (Waffensysteme und Grossgerät, 2002).

Образность характерна для разговорной речи. Исследователь немецкой разговорной речи и лексикограф В.Д. Девкин пишет об образности разговорных номинаций следующее: "Образность свойственна номинациям разного типа. Разговорным сло-

inslav

вам она присуща даже в несколько большей степени, чем другим. Разговорные образы отличает некоторая приземленность, простота, иногда смелость, преувеличение, гротеск, грубоватость. Для человека, его мыслей, действий, чувств применяются названия из вещного мира, из флоры и фауны: Lumpensammler последний трамвай [автобус], Maschine крупная толстуха, Fahrgestell ноги, "шасси", Besen сварливая грубая баба, Vogelscheuche страшилище... Образность присуща и нейтральным словам, только она уравновешеннее, логичнее, без гротеска и озорства... Bienenfleiß, Luftschlösser, Elfenbeinturm, samtweich, pfeilgerade" (Девкин 1994).

В.С. Елистратов полагает, что арготическая образность сочетает в себе две противоположные тенденции – ономасеологическую и семасиологическую. В первом случае носители арго идут от конкретного звучащего слова, как потенциально экспрессивно-смешного образа. Слово "морда", например, может стать ядром большого числа фразеологизмов – "морда протокольная", "морда просит лица", "сделать морду кирпичом", "морда в телевизор не влезает" и т.п. Создание словесных образов от смысла (семасиологический подход) опирается на использование "криптотипов", скрытых семантических полей – источников синонимии и тематических комплексов. Наиболее продуктивными являются физиологические темы, актуальные реалии города, категории оценочности. Для иллюстрации приведем часть материала тематического поля "нехороший человек": "фраер", "халда", "ханурик", "хлам", "маша", "хмырь", "мезозой", "чемодан", "чух", "чмо" и т.п. (Елистратов, 1995: 192–193, Елистратов, 2000: 672–673).

Образность и экспрессия вторичных наименований в слове немецкой военной жаргонной лексики в полной мере сохраняет образность и экспрессию разговорной речи. Ограничим иллюстративную часть данного тезиса лексикой немецкого военного жаргона теми, образную основу которых составляют сравнения с животными и насекомыми: Aktenbock, Aktenhengst, Aktenlöwe – штабной, военный канцелярист, Aasgeier, Aasfliege, Kadaverfliege – мародер, Baumeule – артиллерийский наблюдатель, Brieftaube – представитель службы полевой почты, Brüllaffe – начальник, инструктор, Brüllochse – строгий начальник, Erdfloh – пехотинец, Erdratte – окопник, солдат на передовой, Erdmaus – солдат в бункере (в укрытии), Etappensau, Etappenschwein – тыловой солдат, офицер, Floh – рекрут, Flohmajor – инструктор, Fronthase, alter Hase – фронтовик, бывалый солдат или офицер, Hammel, Hammelarsch –

inslav

новобранец, Kameltreiber – инструктор, Kettenhund – солдат, офицер полевой жандармерии, Karbolmaus, Karbolzicke, Karbolziege – медицинская сестра, Krähe – воздушный наблюдатель, Laubfrosch – метеоролог, Sanitätsbulle – (военный) санитар, врач, Seichbock – трусливый солдат, Tintenfisch – военный канцелярист и др. (Küpper 1970).

Наиболее объемный пласт немецкой военной жаргонной лексики времен Второй мировой войны, относящейся к вторичным наименованиям человека, в основе которых лежат образы животных, по материалам упомянутого словаря Х. Кюппера, представлен сложными словами с компонентами Bulle (бык) и Hengst (жеребец):

☐ Bulle: Barrasbulle, Bullendoktor, Etappenbulle, Gemeindebulle, Kammerbulle, Kommissbulle, Küchenbulle, Sanitätsbulle, Schreibbulle, Schreibstubenbulle, Transportbulle, Waffenbulle;

☐ Hengst: Aktenhengst, Aspirinhengst, Barrashengst, Blechhengst, Bürohengst, Gamaschenhengst, Karbolhengst, Kommisshengst, Küchenhengst, Lazaretthengst, Luftwaffenhengst, Schleifhengst, Schmalspurhengst, Speckhengst, Schreibstubenhengst, Schreiberhengst, Schreibtischhengst, Stabshengst.

В основе вторичных наименований, которые присваиваются солдату на передовой, лежат образы животных слабых, мелких: Hasen (зайцы) в составе сложного слова Fronthasen, Ratten (крысы) – Erdratten, Flöhe (блохи) – Erdflöhe.

Использование образов животных и насекомых для вторичных наименований человека характерно и для русского военного жаргона: “бык” – солдат до принятия присяги или в течение первых шести месяцев службы (т.к. на нем “пашут” “старики” и “деды”), “взводная мышь” – молодой солдат, в неуставные обязанности которого входит будить командиров отделений и заместителя командира взвода обращением: “Товарищ сержант, бортовое время ноль шесть двадцать пять” (ВМФ, морская пехота), “гусь” – солдат первых шести месяцев службы (автомобильные войска) и офицер из штаба ВМФ в роли проверяющего, “карась” – молодой матрос (ВМФ), “карасик” – солдат второго полугода службы (морская пехота), “ломовая лошадь” – десантник на земле (ВДВ), “лось” – солдат или офицер ВДВ, “мамонт” – физически сильный человек крупного телосложения (ВМФ), “кукушка” – снайпер, “паучок” – парашютист, из страха перед прыжком ухватившийся за косяки люка (ВВС и ВДВ), “телка” – девушка (современный молодежный и солдатский жаргон), “тряпочный волк” – прапорщик (ВДВ) и др. (Коровушкин 2000).

inslav

Образы животных интенсивно используются и во вторичных наименованиях оружия, боевой техники, снаряжения: “кабан” – крупнокалиберный пулемет конструкции Дегтярева и Шпагина, “корова” – большой транспортно-грузовой вертолет, “грач” – самолет-штурмовик Су-25, “крокодил” – вертолет Ми-24, “Мишка” – тяжелый военно-транспортный вертолет Ми-26, “рыба” – образец какого-л. документа, “рыбешка” – самолет на экране радиолокационной станции и т.п. (Коровушкин 2000).

Взаимодействие культур и языков, характерное для контактов в различных областях, не прекращается с возникновением вооруженных конфликтов. Взаимодействие приобретает форму противостояния и концентрируется вокруг проблем военной политики и военной борьбы. Возрастает количество реалий, относящихся к функционированию вооруженных сил, эти реалии должны получать наименования в каждом из языков. Например, в годы Великой Отечественной войны на страницах средств массовой информации появляются ассимилированные к звуковой и графической системе русского языка наименования немецких реалий: фриц, ганс, блицкриг, вервольф, фаустпатрон, фольксдейч, панцерфауст, фольксштурм, а также усечения, характерные для разговорной речи типа фоккер, мессер (Кожин 1985). В языке фронтовиков получают образное осмысление реалии войны и прежде всего боевая техника. Эта образность имеет исключительно национальную основу: пикирующий бомбардировщик “Ю-87”, “Ю-88” из-за неубирающегося шасси по сходству с предметами получает в солдатском жаргоне наименования “лапотник”, “лаптежник”, “козел”, по слуховому восприятию рёва включенных во время штурмовки самолетных сирен – “музыкант”, “визгун”. Самолет “Хейнкель-12” по внешней форме фюзеляжа – “горбач”, “горбыль”, “горбатый”, “костыль”, “кривой” и т.п., истребитель типа “мессершмитт” по сочетанию желтовато-темных и зеленоватых тонов окраски фюзеляжа – “лягушатник”, бомбардировщик типа “юнкерс” из-за черно-белого фона окраски – “косач”, двухфюзеляжный “Фокке-Вульф 189”, похожий в полете на букву “П” – “рама”,”ворота”, “фриц с оглоблями”, транспортный самолет “Ю-52” – “телега”, “корова”. Немецкий шестиствольный миномет из-за визгливых, режущих звуков летящей мины – “пес”, “ишак”, а также – “дурило”, “дурила”, “ганс сопливый”. Контейнеры, заполненные минами и сбрасываемые с самолетов, – “чемоданы”. Ручные гранаты на длинных рукоятках – по восприятию формы – “толкушки”, “колотушки” (Там же: 237–238).

Немецкий военный жаргон времен Второй мировой войны также означивает реалии войны. Солдаты армий противника и союзни-

inslav

ков получают наименования Iwan – русский солдат, Moskali (m)-русский солдат, партизан, Ami, Indianer – американский солдат, Tommy – английский солдат, Allons (pl) французские солдаты. Для итальянского солдата находится чуть ли не десяток наименований: Avanti, Makkaroni, Makkaronifresser, Itaker, Ithaker, Itakser, Ikaker, Itakacker, Kaputti. Mausefallis (pl). Боевые средства: Stalinorgel – многоствольный реактивный миномет, Nervensäge, Nähmaschine – учебный самолет "У-2", Molotow-Cocktail – бутылка с зажигательной смесью[4], Molotow-Gitarre – русский автомат. Реалии быта: Stalin-Häcksel – махорка, и др. (Küpper, 1970).

Общность видения признаковой сущности предметов окружающего мира приводит к образованию единиц со сходной образностью внутренней формы слова. Образ короба, коробки, ящика, как не самого удачного средства для транспортировки людей и грузов, лежит в основе единиц военного жаргона немецкого и русского: "Kasten" – бронетранспортер, "Kiste" – автомобиль, самолет, "müde Kiste" – автомобиль со слабосильным двигателем, "fliegende Kiste" – самолет (соответственно – "Kistenöffner" – точное попадание зенитного снаряда в летящий самолет), Sarg, fahrbarer, fahrender, rollender Sarg – бронетранспортер, fliegender Sarg – самолет неудачной конструкции, Konservenbüchse – штурмовик (Küpper, 1970, 1978). Та же образность положена в основу единиц русского военного жаргона: "коробка", "коробочка" – надводный корабль, танк, бронетранспортер, боевая машина пехоты, "гроб" – изношенный самолет, бронетранспортер, "консервная банка" – судно, танк, самолет устаревшей конструкции (Коровушкин, 2000), "летающий контейнер" – тяжелый транспортный вертолет Ми-6 ("Афганский" лексикон, 1998). Образ телеги и кучера, телеги и ямщика находим в параллелях: "Karre", "Karren" – автомобиль, танк, самолет, "Kutscher" – водитель, "fliegender Kutscher" пилот (Küpper, 1970, 1978) и "телега" – бронетранспортер, "ямщик" – водитель ("Афганский" лексикон, 1998)[5]. Несколько лексических единиц с общей образностью приводит в словаре русского военного жаргона В.П. Коровушкин: "горбач", "горбыль" – отечественный штур-

[4] В 90-х годах 20 в. слово калькируется в русский военный жаргон – "коктейль Молотова" (Коровушкин, 2000).

[5] Следует оговориться, что в найденном нами примере единицы "ямщики" и "телеги" используются как кодовые наименования: "Ротный хмуро поглядел на кишлак. – Саныч, – сказал он радисту, – давай отзывай наших из кишлака и ямщикам передай – пусть гонят сюда телеги" (*Ермаков О.* Рассказы // Знамя. 1989. 10. С. 95).

inslav

мовик “Ил-2” и немецкий самолет-корректировщик “Хеншель”, в послевоенном жаргоне – армейский вертолет, “летающий гроб” – самолет устаревшего типа или конструкции и многоцелевой всепогодный истребитель F-104G “Starfighter”, состоявший на вооружении ВВС ФРГ, “головастик” – отечественный бомбардировщик – “Пе-2” и немецкий истребитель ФБ-190 (общий признак – форма фюзеляжа) (Коровушкин, 2000).

Сходная образность лежит в основе единиц”Koffer” – “чемодан” – крупноколиберный снаряд (признак громоздкости, большого веса), “Iwan, Iwans” – “фриц, фрицы”, “ганс, гансы” (обобщенный образ противника по наиболее распространенному имени), “Tommy” – “томми” (английский солдат), “Nähmaschine” (о немецком пулемете и русском ночном бомбардировщике У-2 /По-2, по материалам Х. Кюппера) – “спичечная коробка”, “консервная банка”, “телега”, “керосинка”, (о том же У-2/ По-2, по материалам А.Н. Кожина,) (в основе образности – звуковые впечатления от работающего двигателя).

Выводы:

1. Материал отобранной для данной статьи военной лексики частично, но в большей степени материал военного жаргона, имеет образную основу.

2. Образная основа воспринимаемого элемента иноязычной культуры может строиться на специфическом национальном материале – ассоциациях, характерных для представителей данной культуры, о чем свидетельствуют приведенные выше наименования немецких военнослужащих с компонентами “-bulle”, “- hengst” и т.п. в составе сложных слов.

3. Анализ наименований реалий иноязычной культуры показывает возможность создания параллельной системы означивания за пределами отдельной национальной культуры. Примером тому – наличие в русском военном жаргоне наименований немецких реалий войны (“рама”, “лапотник”, “ганс сопливый”, “колотушка” и др.) и в немецком жаргоне наименований русских реалий войны (Stalinorgel, Nähmaschine, Molotow-Cocktail etc.).

4. Речевые образы опираются на стереотипы представлений, отражающих глубинные слои культурных традиций этноса. Они могут совпадать, мы это видели на примерах совпадения образов в отдельных единицах немецкой и русской культуры – (da lachen [ja] die Hühner – курам на смех, Schweinefraß – свинская еда и т.п.), тем самым, подтверждая тезис Ш. Балли об общности способов выражения понятий, свойственных европейскому психическому складу.

inslav

5. Сопоставление фрагментов образных систем различных этносов, своеобразных этнических картин мира, явленных в образах речи, позволяет вычленить общее и различное в языковом сознании представителей европейской цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

"Афганский" лексикон. Военный жаргон ветеранов афганской войны 1979–1989 гг. // Составление Бойко Б.Л., Борисов А. [1998] – http: // www.rus.org / afgan / titel.htm.

Duden Deutsches Universalwörterbuch. 3. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich; Dudenverlag, 1996.

Küpper, Heinz. ABC-Komiker bis Zwitschergemüse. Das Bundessoldatendeutsch. Verlag für die deutsche Sprache (VfdS) GmbH. Wiesbaden, 1978.

Küpper, Heinz. Am A... der Welt. Landserdeutsch 1939–1945. Claassen Verlag. 1. Auflage 1970.

Waffensysteme und Grossgerät. Herausgeber: Bundesministerium der Verteidigung. Presse und Informationsstab. Typo-Druck&Bonn. Stand: Februar 2002. www.bundeswehr.de.

Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Вооруженные силы основных капиталистических государств / С.И. Анжерский, С.И. Семенов, Н.Ф. Скридлевский и др. / Под ред. С.Н. Беркутова. М.: Воениздат, 1988.

Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. М.: Рус. яз., 1994.

Елистратов В.С. Арго и культура. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.

Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг. М.: Русские словари, 2000.

Кожин А.Н. Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1985.

Коровушкин В.П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.

Мальцева Д.Г. Страноведение через фразеологизмы. Пособие по немецкому языку: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1991.

Немецко-русский политехнический словарь, 110 000 терминов. Подготовлено при редакционном участии издательства "Техника", Берлин. Изд. второе, стереотипное. М.: Изд-во "Русский язык", 1979.

Панкратов В.Н. Комплексы ствольной артиллерии и перспективы их развития. М.: Военный университет, 1999.

Парпаров Л.Ф. Артемов А.П., Азарх Л.С. Немецко-русский военный словарь / Под ред. Л.Ф. Парпарова. М.: Воениздат, 1978.

Потебня А.А. Теоретическая поэтика / Сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратова. – М.: Высш. шк., 1990.

Тарасов Е.Ф. Предисловие // Языковое сознание: устоявшееся и спорное. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 29–31 мая 2003 г. / Редактор Е.Ф. Тарасов. М., 2003.

Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / Под ред. А.Н. Федорова. М.: Топикал, 1995.

inslav

III. НОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е.В. Вельмезова
(Россия)

СМЕНА ЯЗЫКОВЫХ КОДОВ В ЯЗЫКЕ ФРАНЦУЗСКОЙ "ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЫ"

"Языки извлекают ресурсы не только из своих собственных запасов; они ищут их и в других языках. Заимствование всегда было нормальной функцией лингвистической жизни, но особо большое значение оно приобрело в современных языках" [Балли, 2001: 348].

0. ОБЪЕКТ, МАТЕРИАЛ И ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Английский язык[1] очевидно становится сегодня средством межнационального общения для разноязычного населения Европы, что не может не вызывать его интерференции с европейскими языками. В этом отношении положение французского среди последних особое: "На протяжении вот уже почти тысячи лет у французского языка были столь частые, тесные и порой столь интенсивные контакты с английским, что в них видишь настоящую долгую романтическую историю, в которой взаимное притяжение переплелось с многочисленными запретами, а имена первых действующих лиц гораздо лучше известны в истории вообще, чем в истории языкознания" [Walter, 2001 : 11][2].

Как известно, при контактах разных языков наиболее восприимчивым к заимствованиям уровнем оказывается лексика. Еще в начале двадцатого века женевский лингвист Ш. Балли, описывая современное ему состояние французского языка, писал: "Глубинные изменения в языке происходят очень медленно, их не замечаешь. Говорящие же ощущают лишь то, что лежит на

---

[1] В данной работе мы не будем различать английский и "американский" языки, англицизмы и американизмы: речь все время будет идти об английском языке и об англицизмах.

[2] Здесь и далее цитаты переведены с английского и французского языков мною.

inslav

поверхности, внимание привлекают новые слова, заимствования из иностранных языков [...]; это тревожит и возмущает, и когда буря разражается... в стакане воды, все начинают говорить о кризисе французского языка" [Bally, 1930 : 13].

Конечно, интерференция с английским вызывает изменения и других уровней французского языка[3] – но, как верно заметил Балли, последние не столь очевидны, как изменения словарного состава – в частности, появление во французском языке заимствований из английского, – которые и будут объектом исследования в настоящей работе.

Материалом нашего исследования послужили более трехсот "электронных писем", написанных франкоязычными людьми (французами и франкоязычными швейцарцами) в возрасте от 28 до 42 лет. В классической оппозиции "устный – письменный языки" статус "электронного письма" сегодня довольно специфичен. С одной стороны, это, конечно, не устный язык: "электронные письма" пишутся. С другой стороны, пишущий их, скорее всего, не ощущает всей той "ответственности", к которой обычно обязывает человека письмо в собственном смысле слова: очень часто у печатающего письма на компьютере не много времени (особенно очевидно это в западных странах, где интернет и электронная почта гораздо более распространены, чем в России, и письма зачастую пишутся по нескольку раз в день людьми, которые работают на разных этажах одного здания, сидя за компьютерами и обмениваясь по "электронной почте" самой незначительной информацией типа "Я уже пообедал", "Пойду попью кофе" или "Что-то сегодня болит голова") – кроме того, чаще всего "электронные письма" не сохраняются в памяти компьютера, в целях избежания

---

[3] Обратим внимание, к примеру, на некоторые синтаксические изменения: в группах англицизмов, появляющихся в текстах, написанных по-французски, определение часто предшествует определяемому слову. Так, во франкоязычных газетах можно встретить сочетания (le) *product manager* [24 Heures, 4.IV.2002 : 2], (le) *locked-in syndrome* [Le Temps, 4.IV.2002 : 11], (les) *checks-points* [Le Monde, 4.IV.2002 : 2], (les) *coffee houses* [Le Matin, 4.IV.2002 : 2] и т.д. Такой порядок слов типичен для английского, тогда как во французском, чаще всего, он противоположный: определение, будь то существительное или прилагательное, стоит после определяемого слова. Не исключено, что в конечном счете многочисленные заимствования из английского – в том числе, и сложных слов, в которых определяющая часть предшествует определяемой (ср. *webmaster* [24 Heures, 4.IV.2002: 2]; *e-mail* [Le Figaro, 4.IV.2002 : 8]; *e-business* [24 Heures, 4.IV.2002 : 10]; *lesboshow* [Le Matin, 4.IV.2002 : 38]), – положат начало новому синтаксическому порядку во французском. О морфологических изменениях англицизмов во французском см. далее.

inslav

перегрузки последней. Поэтому, наверное, язык "электронных писем" в гораздо большей степени передает особенности устного языка, чем все другие жанры письма. Анализировать же его легче, чем устную речь, так как исходный материал даже не нужно собирать – он уже находится в "почтовом ящике" компьютера в письменном виде, изначально доступный для анализа.

1. ДВЕ ГРУППЫ АНГЛИЦИЗМОВ

Разумеется, для самих франкоязычных говорящих встречающиеся в "электронных письмах" англицизмы имеют разный статус, различаясь прежде всего по степени своей интеграции во французский язык. Некоторые из них были заимствованы из английского уже довольно давно и составляют сегодня неотъемлемую часть французского словаря – как правило, все они фигурируют в последнем издании (2001 г.) словаря "Le Grand Robert de la langue francaise " [GR 2001]. В этом случае употребление их в речи или на письме так же нормально и естественно, как и других слов французского языка. Назовем эти заимствования *англицизмами первого типа* (они составили Приложение I). В данной работе мы постараемся определить семантические контексты их употребления, те семантические поля, к которым они принадлежат, а также возможные причины, заставившие авторов писем предпочесть эти слова их французским синонимам. С другой стороны, в "электронных письмах" употребляются и англицизмы, которые не стали еще частью французского языка – употребление их в этом случае носит окказиональный характер и имеет специфические прагматические функции. Эти заимствования мы назовем *англицизмами второго типа* (они составили Приложение II), и попытаемся определить, какие именно функции несет их употребление во французских "электронных письмах".

2. АНГЛИЦИЗМЫ ПЕРВОГО ТИПА: КОНТЕКСТЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Каковы же контексты употребления англицизмов этой группы и семантические поля, к которым они принадлежат?

Представим их в порядке убывания соответствующих словарных единиц, встретившихся в "электронных письмах".

1) "Нейтральные" контексты, связанные с повседневными житейскими ситуациями и позволяющие выделить следующие семантические поля:

inslav

– 'деятельность, приносящая доходы' (*baby-sitting*);
– 'отдых' (*week-end*);
– 'прием еды, особенно в контексте социально-светских отношений' (*cocktail; lunch*);
– 'чувства' (*feeling*);
– 'нарушения закона' (*pick-pocket*);
– 'деятельность, связанная с коммерцией' (*shopping*);
– 'одежда' (*short*);
– 'положительные качества' (*top*[4]).

2) Контекст и семантическое поле 'технические изобретения и инновации' (*e-mail, fax, scooter*).

3) Контекст и семантическое поле 'приветствия' (*bye-bye, hello*).

4) Контекст и семантическое поле 'деловой мир' (*business*).

5) Контекст и семантическое поле 'кино и сцена' (star).

6) Контекст и семантическое поле 'физическая активность' (*body-building*).

Из всех перечисленных выше заимствований только англицизмы второй и шестой групп не имеют возможных "конкурентов" во французском. Для всех остальных слов легко могут быть найдены соответствующие французские синонимы:

англ. *baby-sitting* – франц. la *garde des enfants*,
англ. *week-end* – франц. la *fin de la semaine*,
англ. *cocktail* – франц. la *soirée*,
англ. *lunch* – франц. le *déjeuner*,
англ. *feeling* – франц. *le(s) sentiment(s)*,
англ. *pick-pocket* – более редкое франц. *le voleur à la tire*,
англ. *shopping* – франц. *faire les magasins*,
англ. *short* – более редкое франц. *la culotte de sport*,
англ. *top* – франц. *le comble или meilleur/magnifique*,
англ. *hello* – франц. *salut*,
англ. *bye-bye* – франц. *salut*,
англ. *business* – франц. *le travail, les affaires или le métier*,
англ. *star* – франц. *l'étoile* или *le monstre sacré*.

---

[4] Последнее слово было заимствовано из английского во французский относительно недавно, по сравнению с другими словами данной группы. Для сравнения: слово *baby-sitting* "официально" вошло во французский в 1960 г., *cocktail* – в 1929, *feeling* – в 1946, *lunch* – в 1867, *pick-pocket* – в 1865, *shopping* – в 1906, *short* – в 1910 [GR 2001]. Поэтому слово top все еще сохраняет специфические семантические коннотации, которых не имеют (или не имеют в такой степени) прочие слова из этой группы, см. об этом далее.

inslav

И тем не менее, авторы писем отдали предпочтение англицизмам. Почему? Не исключено, что эта тенденция связана с понятием престижа и положительными коннотациями, ассоциирующимися сегодня у многих с английским языком.

2.1. Англицизмы в языковом сознании носителей французского языка

Как показал последующий опрос авторов писем, из всех англицизмов, называющих реалии повседневной жизни (первая группа) только одно слово имеет негативные коннотации – *pick-pocket*[5], и еще три могут быть описаны как нейтральные (*short, shopping, feeling*). С другой стороны, интересно, что некоторые из семантических полей, к которым принадлежат англицизмы первого типа, так или иначе связаны с работой или социально-светской жизнью, имеющими для большинства корреспондентов положительные коннотации.

Так, что касается семантического поля 'технические изобретения и инновации', то, на первый взгляд, все три слова, составляющие его, нейтральны. И тем не менее, частое использование первых двух слов в контекстах, связанных с трудовой деятельностью (ср. также с семантическим полем 'деловой мир'), объясняет тот факт, что в языковом сознании франкоговорящих (ср. понятие *языкового сообщества, linguistic community,* о котором еще пойдет речь) они становятся маркированными положительно. Слово из семантического поля 'сцена и кино' (*star*) имеет очевидные положительные коннотации, так же, как и (хотя и в меньшей степени) семантическое поле 'физическая активность' и составляющее его слово (*body-building*).

Получается, что большая часть англицизмов первого типа имеют в языковом сознании франкоязычных положительные коннотации, причем коннотации эти будут тем более очевидными, чем позднее заимствовал французский язык из английского соответствующее слово (как, к примеру, слово *top*). Является ли это причиной и того, что очень часто французы и франкоязычные швейцарцы предпочитают и здороваться "по-английски": *hello*[6], *bye-bye* (ср. семантическое поле 'приветствия')?

---

[5] Впрочем, один из опрошенных описал это слово как "скорее положительное", так как оно "называет мелкого мошенника, а не крупного бандита".

[6] Заметим, что в повседневном общении носители французского языка произносят это слово на французский манер, [ello] или [elo]: в отличие от английского произношения, первой букве не соответствует никакой звук.

inslav

2.2. Говорить по-английски "престижно"?

Понятие *языкового сообщества (linguistic community)* было введено в социолингвистику В. Лабовым. Оно обозначает "множество носителей определенного языка, разделяющих одни и те же оценки – выраженные более или менее имплицитно – конкретных речевых использований соответствущего языка" [Boyer, 2001 : 23]: "Неверно было бы рассматривать *языковое сообщество* как простое множество носителей языка, использующих одни и те же (языковые) формы. Опишем его лучше как группу, разделяющую одни и те же нормативно-оценочные подходы к языку" [Labov, 1976: 228]. Другими словами, "социально-оценочное поведение по отношению к языку в пределах языкового сообщества одинаково" [Там же: 338][7].

Кажется, в ситуации интерференции английского и французского языков употребление англицизмов чаще всего окружается в сознании франкоговорящих ореолом престижа – и не исключено, что эта ситуация напрямую связана с образом богатства и силы, приписываемым сегодня многими (англо-)американскому обществу.

Так, Г. Вальтер, автор уже упоминавшейся выше книги о "любви между французским и английским", приводит целый список слов, которые "могут произвести хорошее впечатление", будучи вставленными в речь, произносимую по-английски ("если, говоря по-английски, вы захотите показаться образованным, не стесняйтесь пересыпать свою речь французскими *déjà vu, à propos, faux pas, fait accompli, joie de vivre...*" [Walter, 2001: 244]), а также те английские слова, произнесение которых во французской речи может, напротив, вызвать раздражение собеседника ("если вы желаете навлечь на себя гнев французских пуристов, вам достаточно произнести несколько слов типа *booster, fast food, casting, look, cool, overbooké* или *start up*" [Там же]). Как полагает Вальтер, причины кроются в истории: "Достаточно самого беглого взгляда на историю этих двух языков, чтобы все понять. С одной стороны, по сравнению с английским, французский долгое время оставался языком престижа. Разве не был он языком властей и образованных людей в Англии в течение нескольких веков? Следовательно, существует историческое объяснение тому, что

---

[7] Вспомним и о понятии *языкового рынка, marché linguistique*, введенном П. Бурдье и определяемом им как "подвергаемое оценке пространство языковой практики" [Boyer, 2001: 23].

inslav

французский принимается и даже высоко оценивается англичанами[8]. И напротив, нужно было дождаться восемнадцатого века, чтобы английский, в свою очередь, предстал во всем своем очаровании по другую сторону Ла-Манша, и двадцатого века, чтобы он, в своей новой, американской, форме, стал казаться и вовсе неотразимым" [Там же: 245].

Как можно видеть, сегодня ситуация изменилась, и в настоящее время англицизмы оцениваются франкоязычной публикой гораздо более благосклонно, чем в прежние времена.

3. АНГЛИЦИЗМЫ ВТОРОГО ТИПА: СМЕНА ЯЗЫКОВЫХ КОДОВ И ЯЗЫКОВОЕ СМЕШЕНИЕ

В отличие от проанализированной выше группы англицизмов, практически ни одно из слов второй группы "официально" не входит еще в словарный состав французского языка (слова *smile*, *shop* и *break*, вероятно, составляют в этом плане исключение: согласно всем опрошенным франкоговорящим – авторам писем – эти слова уже являются "французскими"[9]: слово *smile* обозначает специфический значок на клавиатуре компьютера (круглое смеющееся лицо), особенно часто используемый сегодня в "электронных письмах". В то же время, почти все опрошенные носители французского языка время от времени используют слово *shop* в повседневной жизни, чтобы сказать 'магазин' (соответствующее французскому *le magasin*) и слово *break* в значении 'перемена, перерыв' (соответствующее французскому *la pause*) – слова *shop/magasin* и *break/pause* в ряде случаев являются для них простыми синонимами[10].

---

[8] Не является ли это одной из причин очень благосклонного отношения к французскому языку и в России? Когда в девятнадцатом веке в России французский считался "языком престижа", на котором говорила аристократия, в русский язык из французского проникли многочисленные слова, окруженные все тем же "ореолом престижа". Многие из них и сегодня составляют неотъемлемую часть словаря русского языка.

[9] Что означает, что словари (как это происходит практически всегда) запаздывают, по сравнению с развитием языка: показательно, что ни одно из этих слов не упоминалось в словаре "Le Grand Robert de la langue française".

[10] Один из опрошенных носителей французского языка признался, что в разговоре с иностранцем, говорящим с ним по-французски, он употребит скорее слова *magasins* и *pause*, тогда как слова *shops* и *break* произнесет в разговоре с другими франкоязычными собеседниками. Известно, что иностранцы, по мнению говорящих на родном для себя языке, не должны говорить на нем так же хорошо, как те, для кого этот язык родной: это может "угрожать" образу принадлежности последних к определенной языковой культуре, культурно-языковому самоопределению, имплицитно присутствующему в сознании каждого

inslav

Для каждого из этих слов легко мог бы быть найден соответствующий французский эквивалент – и тем не менее, корреспонденты предпочли выбрать слова-заимствования из другого

человека и связывающемуся для него с его родным языком. Именно поэтому, например, мы часто очень неохотно используем жаргон и фамильярные слова в разговоре с иностранцами, четко очерчивая границы между "своими" и "чужими". Следовательно, приводимый выше комментарий о словах *shop/magasin* и *break/pause* может свидетельствовать о том, что *magasin* и *pause* относятся к "хорошему" (литературному) французскому, а *shop* и *break* являются для носителей французского словами разговорного языка.

Отдельного исследования заслуживают и одинаковые (в ряде случаев) прагматические функции употребления франкоязычными англицизмов и слов разговорного языка. К примеру, франкоязычные профессора могут употреблять и те, и другие слова на лекции для того, чтобы наладить лучший контакт со своими студентами. В этом случае соответствующие их высказывания часто сопровождаются паузами, акцентирующими только что сказанное. Вот несколько примеров, записанных во время лекций франкоязычных профессоров:

– *Il y a seulement quelques happy few qui connaissent la phonétique* (небольшая пауза).

– *Il était psychopathe, mégalomane et encore physiquement malade. Quel casting...* (небольшая пауза).

– *Non, mais vous voyez ce qu'elle fait? Elle essaie de tricher... Ce que moi, je faisais quand j'étais à l'école... Ecoutez, mais enfin, il n'est pas aussi grave, ce test. Take it easy*! (пауза).

Интересная деталь: некоторые знакомые нам университетские профессора никогда не использовали англицизмов с целью налаживания контакта с аудиторией. Напротив, довольно часто в их речи появлялись слова и выражения разговорного языка. Примеры:

– *Pour les crédits: il faut quand même que je vois votre bobine assez souvent.*

– *Martine, vous êtes paumée où*?

– *Et voici maintenant les références pour les accros...*

Тот факт, что англицизмы и слова из разговорного языка не появляются в речи франкоязычных говорящих одновременно, то, что говорящий выбирает либо одно, либо другое – но практически никогда и первое, и второе одновременно, показывает, что в прагматическом смысле англицизмы и слова разговорного языка находятся в отношении дополнительной дистрибуции, выполняя, следовательно, одинаковые семантико-прагматические функции. В данном случае, как уже говорилось, речь идет об установлении более тесного контакта со своим собеседником (функция "соучастия").

И еще одна интересная деталь: те франкоязычные говорящие, чье отношение к родному языку можно назвать пуристическим, никогда не произносящие англицизмов, стараются избегать и слов разговорного языка. Обратное также верно: избегающие разговорного французского не допускают вторжения в свою речь и англицизмов. Так, некоторые известные нам франкоговорящие предпочитают французские слова и сочетания *courrier électronique, fin de la semaine* и *chiclette* гораздо более распространенным английским *e-mail, week-end* и *chewing-gum*, хотя большинство из их окружения говорит по-другому (см. об этом далее).

inslav

языка. Речь идет о классической ситуации *языкового смешения*.

Понятия *языкового смешения* (англ. *code mixing*) и *смены языковых кодов* (англ. *code switching*) предполагают смену языков, осуществляющуюся в пределах одной или нескольких фраз [Calvet, 2002: 28]: согласно Ж.-Л. Кальве, в первом случае (смена языковых кодов в пределах одной фразы) речь идет о *языковом смешении*, а во втором (смена кодов на протяжении нескольких фраз) – о *смене языковых кодов*[11]. В нашем случае, следовательно, можно говорить о *языковом смешении*.

3.1. Функции языкового смешения в "электронной переписке"

Каковы основные прагматические функции языкового смешения в ситуации "электронной переписки"? По-видимому, их можно выделить как минимум пять.

1. Функция передачи речи некоторого третьего лица. Так, говоря о коктейле или вечеринке sorte *d'* "*after*", корреспондент берет английское слово в кавычки, желая тем самым подчеркнуть его специфический характер, по сравнению с остальными написанными им в письме словами. Английский давно уже стал для этого человека основным языком общения с коллегами из разных стран. Это слово достаточно часто произносится его коллегами, и в этом смысле можно говорить не только о передаче речи третьего лица, но и о профессиональном жаргоне. В то же время, употребляя данное слово, корреспондент, вероятно, хочет (возмож-

[11] Существуют и другие определения этих понятий, к примеру, смена языковых кодов может определяться как "переход с одного языка на другой в ситуации коммуникации, определяемой как двуязычная" [Lüdy, Bernard, 1986]; альтернативное использование двух или более "кодов" в пределах одного коммуникативного эпизода [Auer, 1998: 1]; "соположение в пределах одного и того же словесного обмена фрагментов, относящихся к двум разным грамматическим системам или подсистемам" [Gumperz, 1989b: 57]. Несмотря на попытку введения сразу нескольких критериев различия (протяженность соположенных речевых отрывков, частота альтернаций в письменном или устном тексте; сугубо индивидуальный или распространенный характер альтернации; наличие или отсутствие социальной значимости в соположении разных кодов и т.д.) лингвисты все еще не могут выработать общую терминологию для определения понятий *code shifting*, *code mixing*, *code switching*, *borrowing*, *disglossia* [см. об этом McCormick, 1994: 581]. Во избежание терминологической путаницы, в настоящей работе мы будем опираться на понятия смены языковых кодов и языкового смешения, предложенные и разработанные Кальве [Calvet, 2002].

inslav

но, бессознательно) подчеркнуть социальный престиж того, о чем идет речь.

2. Социальный престиж. Как мы уже попытались показать выше, в языковом сознании франкоговорящих англицизмы часто окружаются своеобразным "ореолом престижа". Поэтому использование их в "электронной переписке" служит цели позитивного (прежде всего, с социальной точки зрения) подчеркивания того, о чем идет речь. Таким образом, коктейль или еда *sorte d'* "*after*" "становятся" более престижными, чем простой обед или ужин (*le souper*).
3. Кроме того, использование в "электронных письмах" англицизмов может быть направлено на установление между участниками коммуникации определенного уровня близости и доверия.

Точно так же, как проанализированные выше *hello* и *bye-bye*, англицизмы второго типа становятся маркерами "своего (нашего) языка", в отличие от "чужого (их) языка", ассоциируясь с неформальными связями членов одной группы, одного круга общения.

Большая часть наших корреспондентов имела приблизительно один профессиональный статус: молодые люди с университетским образованием находились в начале профессиональной карьеры, предполагающей для каждого из них многочисленные контакты с представителями других стран, осуществляющиеся, в большинстве случаев, именно по-английски. Можно ли это считать причиной, по которой английский был выбран "своим языком" для общения внутри группы? Не следует забывать важного положения, сформулированного Дж. Гумперцем: "Феномен, определяемый лингвистом как кодовая альтернация, смена языковых кодов, может нести в себе информацию, важную с социальной точки зрения" [Gumperz, 1989a: 84].

Функция "соучастия" объясняет и употребление англицизмов в функции обращений (*hello* *everybody*, *ciao/adieu* *baby*), "вежливых" вводных слов (*sorry*) и эпистолярных формул в начале и в конце писем (*ton* *forever*; *love*, *écris*).

В последнем случае (эпистолярные формулы) англицизмы теряют, в каком-то смысле, свое семантическое наполнение и получают специфическое прагматическое (контекстуальное) значение: так, конечно, молодой человек, закончивший свое письмо (коротенькая полуделовая записка) словами *ton forever* нисколько не хотел сказать этим 'твой навеки': это была всего-навсего его манера попрощаться.

inslav

4. Языковое смешение может иметь целью и отчетливое выделение точки зрения пишущего (по сравнению с кем-то другим) на то, о чем идет речь в письме.

Так, в одном из писем речь шла о человеке, которого одна из корреспонденток называла *big boss*: этот человек, по ее свидетельствам, довольно сурово относился к своим подчиненным, в частности, и к ней самой. Используя этот англицизм, корреспондентка, уставшая от его требований и очевидно раздраженная, тем самым хотела сказать: "Этот человек считает себя большим начальником (*big boss*) и ведет себя соответствующим образом, тогда как на самом деле он таковым не является". То же самое может быть сказано и о фразе *Il va bien, ton play-boy?* в которой речь идет о семилетнем мальчике, любящем танцевать, менять наряды и часто копирующем манеры поведения взрослых.

Функция этого употребления англицизмов состоит в том, чтобы подчеркнуть контраст между "реальностью" – той, какой ее видят авторы писем, – и тем, что думает о ней лицо, о котором идет речь. И когда один из корреспондентов обозначил свою крохотную комнату англицизмом *living room*, он хотел тем самым отчетливее подчеркнуть контраст между тем, как его дела обстоят на самом деле, и тем, что другие люди, никогда у него не бывавшие, думают о его жилище, намереваясь, в частности, организовать у него дома вечеринку. Его фраза *Tu t'imagines vraiment ce dîner dans mon grand living-room*? обозначала следующее: "Другие думают, что я живу в большой и просторной квартире. На самом деле, у меня лишь крохотная комната, и поэтому я не хочу организовывать эту вечеринку у себя".

Эта фраза (так же, как и фразы *Il va bien, ton play-boy*? и *Mon big-boss de Peshawar venait de passer...*) превращалась, таким образом, в "антифразу", выражающую ироническое отношение пишущего к тому, о чем шла речь в письме.

5. Наконец, употребление англицизмов может иметь и функцию передачи некоторого специфического содержания – "табуированных" тем и сюжетов. Так, даже не изучавшие специально лингвистику авторы писем могли почувствовать, что употребленное во французской речи английское слово *girl* может иметь иное значение, чем его "словарный" французский эквивалент *fille*, а английское *body* не всегда равнозначно французскому *corps*. Эти английские слова употреблялись для передачи того, что корреспонденты (возможно, бессознательно) "не решались" сказать на своем родном языке.

inslav

Так, в электронном сообщении, содержащем строку *Je sors le soir et quoi? Les girls, les bandits, les flics...* – английское *girl* очевидно заменяло французское *prostituée* (ср. также многочисленные частные объявления, которыми пестрят некоторые франкоязычные газеты: *Jeunes girls, super dociles...* (Le Matin, 4.IV.2002: 39), *Travesti girl métisse, Susi top model...* (Там же, 4.IV.2002: 38)), а сочетание *body massage* предполагало очевидные эротические коннотации и потому было предпочтено французскому сочетанию *le massage du corps*, не обязательно предполагающему таковые (ср. с объявлением из тех же "розовых" газетных рубрик: *Vevey, brune et blonde [...], massage body* (Там же, 4.IV.2002: 38)[12].

3.2. Морфологические изменения англицизмов во французском

Какие же формальные изменения происходят с англицизмами, помещенными "во французскую среду"?

Во-первых, в отдельных случаях у них появляются морфологические маркеры, свойственные французскому, но не английскому языку. Показательна в этом случае фраза одного из писем, начинающегося словами *Si l'on veut seulement stopper ce marasme...* Как известно, в отличие от английского, во французском многие глаголы имеют специфические окончания в инфинитиве. Поэтому и английский глагол *to stop*, соответствующий французскому *arrêter* и употребленный во французском тексте в функции инфинитива, получает окончание первой группы французских глаголов *-er*: *to stop* → "stop" → "*stopper*".

Во-вторых, у англицизмов во французском появляется и грамматический род. Одно из существенных отличий французского языка от английского состоит в наличии в первом грамматического рода у всех без исключения существительных. Именно поэтому заимствование англицизмов во французский сопровождается наделением их соответствующими значениями (мужской / женский) категории рода (в отличие от описанных выше фактов несоблюдения заимствованными англицизмами синтаксической нормы французского языка, морфологические закономерности соблюдаются строже – см. сноску 3).

---

[12] Интересно, что именно в этих рубриках содержится, пожалуй, рекордное количество англицизмов (ср. например: *girl, body, baby, kiss, gay, top, lesboshow, drinks, online, stop* и т.д.), что еще раз подтверждает гипотезу о практике "табуирования" запретных тем с помощью слов чужого языка.

inslav

Чем же обуславливается фактор приобретения англицизмами мужского или женского родов во французском?

Прежде всего, если во французском языке уже имеется похожее по форме существительное с похожим значением, новоприобретенный род соответствующего англицизма будет соответствовать роду данного французского слова. Так, английское (*news)letter* употреблялось с артиклем женского рода, вероятно, из-за того, что французское слово *lettre* также женского рода. Английское *star*, вне зависимости от того, шла ли речь о "звезде"-мужчине или женщине, употреблялось как существительное женского рода (см. *ma petite star*, *une star internationale*, *deux stars sont attendues*), скорее всего, из-за женского рода соответствующего французского существительного *étoile* – даже если, в отличие от пары *a letter – la lettre*, никакого формального сходства в данном случае не было. Наконец, слово *entertainment* (*un petit entertainment*) употреблялось как существительное мужского рода, по-видимому, потому, что все французские слова с суффиксом *-ment* относятся к этой категории.

Как можно видеть, наделение английских существительных родом во французском происходило исключительно по формальному критерию: выбирался род, соответствующий роду французских слов либо с аналогичной формой, либо с аналогичным значением.

4. "БУРЯ В СТАКАНЕ ВОДЫ"? АНАЛИЗ МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И НЕКОТОРЫЕ ПРОГНОЗЫ

В заключение скажем несколько слов о том, как оценивают феномен смены языковых кодов сами говорящие по-французски – таким образом, в отличие от предшествующей металингвистической части нашего исследования, следующий его фрагмент будет "мета-металингвистическим", и цель его будет состоять в анализе не языка или речи, но дискурса о языке и речи.

В этом отношении опрошенные нами франкоязычные информанты (20 человек) делились на две неравные (и в количественном, и в возрастном отношении) группы. Большинство из опрошенных (14 человек) относились к употреблению англицизмов в речи как к обычному явлению: заимствования из английского очевидно осознавались ими как таковые, однако ничего из ряда вон выходящего в использовании их в своей речи эти люди не видели. Показательно, что всем им было до сорока лет, и ше-

inslav

стеро из них (то есть почти половина) еще не имели законченного высшего образования.

Еще трое из опрошенных оценивали вторжение англицизмов как негативный, но неизбежный феномен.

Лишь трое из опрошенных двадцати человек категорически возражали против "засорения" французского языка англицизмами. Все они были старше сорока лет и имели превосходное университетское образование (двое из них – профессиональные лингвисты). По мнению всех троих, необходимо предпринимать специальные усилия, чтобы активно противостоять проникновению англицизмов во французский. Усилия эти, по их мнению, должны состоять в обдуманном употреблении исконно французских слов там, где большинство их соотечественников (и французов, и франкоязычных швейцарцев) употребили бы англицизмы, а именно: заменять, к примеру, англицизм *e-mail* – французским *courrier électronique*, сложное слово *week-end* – сочетанием *la fin de la semaine*, ср также пары *look* – *apparence*, *cool* – *sympathique*, *cash* – *argent liquide*, *girl* ('prostituée') – *fille facile* и т.д.

Эта политика сознательного предпочтения французского языка английскому нередко проводится и на университетском уровне – когда, к примеру, редакторы лингвистических журналов строго придерживаются стратегии обязательного перевода публикуемых статей с английского языка на французский. Дело, конечно, не в том, что читатели журналов – образованная университетская публика, говорящая на нескольких языках, включая и "обязательный" английский, – по-английски не понимает, а в том, чтобы на практике соблюдать официально принятую языковую норму соответствующего региона.

За каким же из этих двух подходов к языку будущее? Конечно, процесс языковых заимствований мог бы казаться в принципе неизбежным – однако пример (хотя и по-своему уникальный) Чешского национального возрождения опровергает эту точку зрения. Тот же швейцарский лингвист Балли, называвший дискуссии о "кризисе французского языка" (слово "кризис" во многом обуславливалось появлением во французском многочисленных заимствованных слов) "бурей в стакане воды" [Bally, 1930], в других своих работах высказывал вполне обоснованное мнение о становлении, со временем, отношения человека к языку все более и более сознательным[13]. Именно поэтому, полагал он в частности, языковые реформы, не имевшие успеха в прошлом, име-

[13] Подробнее об этом см. Velmezova, 2004.

inslav

ют все шансы быть реализованными в будущем: “Если роль сознательно предпринимаемых усилий в функционировании языков становится все более эффективной, [...] возможно, что языковые реформы будут иметь больше шансов на успех. В подобных реформах никогда не было недостатка, и иногда они даже успешно осуществлялись. Усилия Французской Академии, к примеру, не были вовсе тщетными, однако влияние ее сдерживалось тем фактом, что она представляла собой элиту общества и воздействовала также исключительно на элиту. Еще сегодня сила традиции во Франции настолько велика, что реформа орфографии имела бы все шансы потерпеть неудачу. Однако возможно, что языки, со временем все лучше и лучше приспосабливаясь к нуждам общения, когда-нибудь станут более послушными сознательным реформам. Это, впрочем, лишь лингвистический аспект общей тенденции, указывающей на рост и развитие сознания в человеческом обществе. Самые спонтанные, самые традиционные формы общественной жизни мало-помалу начинают контролироваться осознанной человеческой волей. И было бы удивительно, если бы язык совершенно не подчинялся этой закономерности” [Bally, 1921: 637].

Так что вопрос об употреблении англицизмов во французском – частная проблема общего вопроса о заимствованиях в языках и отношении к ним – остается открытым.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конечно, очень ограниченный материал исследования пока не позволяет делать какие бы то ни было широкие обобщения. Поэтому выделим лишь то, что кажется нам очевидным.

1. С точки зрения языка как системы, употребленные во французских “электронных письмах” англицизмы имеют разную значимость. Одни из них уже входят в лексический состав французского языка, другие – нет, и употребление их в письмах в этом случае несет дополнительную прагматическую нагрузку.

2. Использование англицизмов первого типа в “электронных письмах” не несет никаких специфических функций. Большая часть их используется в описании обычных житейских ситуаций, в “нейтральных” контекстах. Другие контексты употребления англицизмов – сфера технических изобретений и инноваций, приветствия, деловой мир, сцена и кино, а также спорт. В большинстве случаев эти англицизмы положительно маркированы в языковом сознании франкоговорящих, что может быть объяснено

inslav

тем "престижем", которым окружен сегодня английский язык в языковом сознании носителей французского языка.

3. В случае использования англицизмов, официально не являющихся частью французского лексикона, речь идет о языковом смешении. Можно выделить несколько специфических функций этого феномена, в частности: передача речи третьего лица; подчеркивание социального престижа того, о чем идет речь; установление более тесного контакта между собеседниками; четкое выражение собственного мнения, в отличие от мнения третьего лица и передача особых, "табуированных" тем и сюжетов.

4. Анализ металингвистического дискурса франкоговорящих свидетельствует о неоднозначном их отношении к проблеме языковых заимствований. Как правило, более образованные люди, принадлежащие к старшему поколению, относятся к ним отрицательно, тогда как люди до сорока лет (даже имеющие университетское образование) воспринимают их нейтрально.

Дальнейшие исследования должны показать, насколько установленные выше закономерности универсальны, а насколько характеризуют лишь "электронную переписку" как особый жанр коммуникации.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Англицизмы первого типа (в алфавитном порядке), встретившиеся во французских электронных письмах, с контекстом их употребления

Baby-sitting

– Le soir, elle n'est jamais disponible, tu peux oublier. Je crois qu'elle fait du *baby-sitting*. *Ou elle est au pair tout court*?

Body-building

– *Je veux m'inscrire finalement au body-building. Viens avec, si tu veux.*

Business

– *Il n'y a pas de téléphones de Russie aujourd'hui, pas de fax, aucun contact. Et comme tout mon business se fait là-bas, le travail est étonnement calme.*

– *Elle construit de petits trucs pour les vendre après. C'est son business.*

Bye-bye

– *Bye-bye et bon week-end.*

Cocktail

– *Et la vie de tous les jours. Coiffeur, massage, cocktails. Un luxe incroyable.*

E-mail

– *Concernant ce type, je sais qu'il avait essayé de t'appeler probablement chez tes parents mais peut-être ne s'est-il pas fait comprendre. Et son e-mail ne fonctionne plus.*

– *D'ailleurs en même temps, prends note de mon e-mail, tu pourras toujours m'écrire ici.*

inslav

Fax

– Il n'y a pas de téléphones de Russie aujourd'hui, pas de fax, aucun contact. Et comme tout mon business se fait là-bas, le travail est étonnement calme.

Feeling

– On ne discute que son feeling, toujours les mêmes histoires.

– Chez soi, on a toujours le feeling du pays. Pas à l'étranger.

– Ici, c'est une nouvelle équipe, nouveaux feelings!

Hello

– Hello! Je serai à Peter dès le 27 mai et nous repartirons de Moscou le 4 juin.

– Hello chérie, ou étais-tu encore? Ma pauvre, toujours autant occupée.

– Hello everybody!!! Un peu de courage, filles, on va toutes faire une carrière d'enfer!

– Hello ma chère, comment vas-tu?

– Hello ma chère, mais où es-tu donc???

– Hello, quelques secondes à peine. Mais où étais-tu donc? Bises.

– Hello ma chére, comme tu le sais, les Russes ne travaillent pas aujourd'hui...

– Hello les filles, je vous souhaite un excellent week-end.

Lunch

– Depuis une semaine, je peux me poser dans le jardin après le lunch et c'est tellement agréable.

Pick-pocket

– Bien, tu arrives, tu sors du train... Attention aux pick-pockets, et tout.

Scooter

– Imagine ces minettes en tenue locale sur leurs scooters!

Shopping

– Je vais encore faire du shopping

– Je vais au shopping

– C'était bien, ton shopping? Tu as trouvé le cadeau?

– Je profite de ce qu'on appelle la vie. C'est-à-dire: shopping, petits restos, ne rien prévoir...

Short

– Que dire du temps? Il fait hyper bon. Mais, bon, de toute maniere, tu ne sors pas en short...

Star

– Mademoiselle est devenue une star internationale?

– Bonne soirée et bonne nuit, ma petite star. A demain!

– Deux stars sont attendues chez nous ce vendredi...

Top

– Avec des potes que j'ai retrouvé là-bas, on a fait du feu, des brochettes et on a même essayé de pêcher. Sans succès côté poisson, mais c'etait vraiment le top. La liberté!

Week-end

– Aujourd'hui, c'est samedi, et alors que c'est pour vous le début d'un torride week-end, c'est pour moi le premier jour de la semaine, *ça fait drôle...*

– Bye-bye et bon week-end

– Je suis fatiguée et c'est lundi à peine. Il faut dire que j'ai passé un week-end pas très agréable. On a amené ma grand-maman à l'hôpital.

– Hello les filles, je vous souhaite un excellent week-end.

– T'as passé un bon *week-end*?

inslav

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Англицизмы второго типа (в алфавитном порядке), встретившиеся во французских электронных письмах, с контекстом их употребления

After

– Bon, comme de coutume, vu que ma vie rime avec couvre-feu et travail, les occasions de faire la fête sont rares. Parfois, une fois par semaine, nous allons au club et maintenant, de temps en temps, nous organisons une sorte d' "after", à la française, le plus souvent. Car les gens que je côtoie sont Français.

Baby

– Ciao baby.

– Adieu baby.

Big boss

– Mon big-boss de Peshawar venait de passer pour près de 3 semaines à Kaboul et nous avions travaillé tous les soirs tard.

Body

– Je le déteste. Notre premier rdv et déjà il veut du body massage!

Break

– J'ai l'impression que tu bosses trop. Il te faut un bon break.

Computer

– Comme tous les soirs, quand la nuit arrive et que nous n'avons plus la force de nous pencher sur nos computers...

Entertainment

– Je te propose un petit entertainment ce soir.

Everybody

– Hello everybody!!! Un peu de courage, filles, on va toutes faire une carrière d'enfer!

Forever

– Ton forever (в конце письма).

Girl

– Tu ne peux pas t'imaginer ce quartier: je sors le soir et quoi? Les girls, les bandits, les flics...

Living-room

– Tu t'imagines vraiment ce diner dans mon grand living-room?

Love

– Love, écris (в конце письма).

Newsletter

– Je viens de recevoir la dernière newsletter de la SHESL.

Play-boy

– Il va bien, ton play-boy?

– N'oublie pas de saluer ton petit play-boy de ma part.

Policeman

– Nous avons du embarquer un policeman qui nous a geniment montré la route.

Shop

– L'endroit est charmant, il y a même une piscine (avec l'antenne parabolique dedans), et je me mets en tête de décorer un peu tout ça : on voit que la maison a été fort peu occupée et, en plus, par des hommes : pas trop de déco... Peut-être vais-je fouiner du côté des shops a tapis...

inslav

Smile
– *Plein de smiles et tout de bon!* (в конце письма).
Sorry
– *Je te réponds avec du retard, sorry...*
– *Excuse de t'avoir dérangée. Sorry, sorry, sorry...*
Stop over
– *Je vais vous raconter mon stop over sur le Nil.*
"***Stopper***"
– *Si l'on veut seulement stopper ce marasme...*

ЛИТЕРАТУРА

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Эдиториал-УРСС, 2001.

Auer P. Bilingual Conversation. Amsterdam, Benjamins, 1998.

Bally Ch. Langage naturel et langage artificiel // Journal de psychologie normale et pathologique. 1921. N18.

Bally Ch. La crise du français: notre langue maternelle à l'école. Neuchâtel, Paris: Delachaux et Niestle, 1930.

Boyer H. Introduction à la sociolinguistique. Paris, Dunod, 2001.

Calvet J.-L. La sociolinguistique, QSJ. Paris, PUF. 2002.

Le Grand Robert de la langue française. 2ème édition dirigée par A. Rey. Paris, Dictionnaires Le Robert, 2001.

Gumperz J. Engager la conversation. Introduction à la sociolinguistique interactionnelle. Paris, Minuit, 1989a.

Gumperz J. Sociolinguistique interactionnelle. La Réunion, L'Harmattan, 1989b.

Labov W. Sociolinguistique. Paris, Editions de Minuit, 1976.

Lüdy G., Bernard P. Etre bilingue. Berne, Lang, 1986.

McCormick K. Code-Switching and Mixing // R. Asher & J. Simpson (éds.). The Encyclopedia of Language and Linguistics. Oxford, Pergamon, 1994.

Velmezova E. Le *langage artificiel* chez Ch. Bally: *révolution* ou *évolution*? // Cahiers F. de Saussure, Genève (à paraître), 2004.

Walter H. Honni soit qui mal y pense. L'incroyable histoire d'amour entre le français et l'anglais. Paris, Robert Lafont, 2001.

inslav

Я. Гоффманнова

(Чехия)

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ, КОЛЛОКВИАЛИЗАЦИЯ, ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМЫ

(чешский язык и его ипостаси в актуальных коммуникативных ситуациях)

0. ВВЕДЕНИЕ[1]

В статье рассматриваются некоторые новые коммуникативные ситуации и жанры, появившиеся в сфере письменного общения в нашем политико-географическом регионе лишь в последние годы. Речь идет о таких ситуациях и жанрах, которые у нас распространяются очень стремительно, концентрируя в себе в несколько гипертрофированном виде некоторые тенденции современного развития чешского языка. В наши задачи входит рассмотрение под этим углом зрения:

1. Коммуникатов бульварного характера, главным образом, текстов в журналах, предназначенных для женщин (в чешской среде это, напр., *Story, Spy, Šťastný Jim*) [Hoffmannová, 2003b; Hoffmannová, 2004a].

2. Текстов, относящихся к развивающемуся рынку недвижимости [ср. Hoffmannová, 2004b].

3. Электронной коммуникации с помощью e-mail и "коротких текстовых сообщений" (SMS).

В первом случае речь идет о своеобразной, стилистически "сниженной" реализации публицистического стиля. Во втором – о жанре объявлений, т.е. текстов, находящихся в пограничной зоне между стилями административным и рекламным. Наконец, в третьем случае мы имеем дело с текстами, относящимися, главным образом, к стилю просто информативному (за исключением некоторых интернет-конференций, более или менее тяготеющих к стилю специальному).

Совершенно очевидно, что эти трансформации коммуникативных ситуаций, типов текста и жанров отражают и изменение стилей и прежде всего динамические процессы, развертывающиеся в "пограничной зоне" основных функциональных стилей, их

[1] Статья написана при финансовой поддержке Агентства по грантам Академии наук Чешской республики в рамках проекта № IAA 9061303.

inslav

смешение, интерференцию и как следствие – возрастающую проблемность основного стилистического концепта.

Анализируемые тексты относятся к трем, диаметрально отличающимся друг от друга коммуникативным сферам. К числу общих для них для всех динамических тенденций, очевидных уже при первом рассмотрении, можно отнести следующие.

1) проявления глобализации, интеграционные процессы, находящие свое отражение главным образом в интернационализации и интенсивном проникновении заимствований, а также в цитатном воспроизведении иностранных слов (абсолютное преобладание англицизмов);

2) тенденцию к гиперболической, преувеличенной, чрезмерной (главным образом, позитивной тональности) оценке, к экзальтированному, экспрессивному, интенсифицированному способу выражения, что, несомненно, связано с интервенцией рекламы в различные области коммуникации, стремлением убедить, внушить, а иногда даже манипулировать адресатом;

3) специфику словообразовательной реализации упоминавшихся выше тенденций, в частности:

– появление новых сложных слов, правописание которых зачастую весьма не стабильно

– непривычно частое употребление деминутивов, граничащее порой даже с заискиванием

– широкое использование сокращенных обозначений, причем как вновь образованных, так и заимствованных из английского языка.

4. Коллоквиализацию, т.е. стирание различий между письменными и устными текстами. В рассматриваемые нами письменные коммуникаты проникает множество нелитературных и сленговых выражений, синтаксических особенностей устной речи и т.д. С этим же связано и некоторое игнорирование норм правописания.

5. Юмор, языковую игру, игру с графикой, использование каламбуров, анекдотов, мистификаций и т.п.

1. ЖЕНСКИЕ ЖУРНАЛЫ БУЛЬВАРНОГО ТИПА

1.1. Глобализация, интернационализация, заимствование из иностранных языков

В женских журналах мы сталкиваемся с бесчисленными иноязычными заимствованиями, а также с попытками их своеобразной адаптации в чешском языке. Даже простые предикативные структуры выглядят в буквальном смысле слова “разбухшими”

inslav

от заимствованных слов, скапливающихся вокруг невыразительного и семантически бедного глагола *být: Všechny mini jsou sexy! – Pro pravou lady jsou kontrasty tabu. – Super in je být aktivně pozitivní.*

Характерной приметой этих текстов является, к примеру, слово *trend, trendy*, появляющееся здесь в самом различном обличье: изредка как существительное в единственном числе (*váš životní trend*), чаще же во множественном числе (*sleduje trendy, reaguje na trendy*). Обычно оно, так же, как и ряд других приводимых ниже заимствований, функционирует как несклоняемое прилагательное, т.е. в атрибутивной и предикативной позициях. В атрибутивной позиции (*trendy kšiltovka, trendy pásek*) оно является составной частью конструкций, по поводу которых С. Махова [Machová, 2002: 36–37] пишет, что несклоняемые заимствования, обозначающие свойство, стоят на месте согласованного атрибута, однако с последующим управляющим существительным они не согласуются, т.е. речь не идет о согласованной синтагме. Еще более распространены конструкции, включающие то же слово, однако в предикативной позиции: *bláznivá svatební oznámení jsou trendy*, *róba byla trendy*. В отдельных случаях встречается прилагательное *trendový / netrendový*: *nadčasové*, *netrendové kreace*; *doplnit klasický kostým trendovými záležitostmi*. Ср. также сложное прилагательное: *trenduchtivé zákaznice*.

Выразительной приметой лексики женских журналов являются и слова *styl*, *stylový*. Широко распространены сочетания типа *mít* (*svůj*) *styl*, *životní styl, ve velkém stylu*, а также различные характеристики вроде *sportovní styl*, *ležérní styl*, *ztřeštěný styl* и т.д. "*Stylový*" может быть ресторан, рубашка или даже *vychytaně stylový modýlek*. Часто встречаются и слова *stylista, styling* (здесь, правда, могут возникать проблемы с произношением).

Впрочем, и другие заимствования, включенные в состав синтаксических структур, ведут себя подобно слову *trendy*; ср., например, *cool móda, cool botky, buďte cool*. Можно привести и другое характерное слово *sexy: sexy křivky*, *sexy matka*, *být korektně sexy* и т.п. Все чаще встречается *vintage*: *vintage look, vintage kožacky*. Излюбленным становится и обозначение *glamour: glamour hadříky, být sportovně glamour ... Má překrásný šatičky – jsou glamour, sexy, jak to ma být*. Впрочем, фраза *glamour top z blýskavých plíšků* позволяет нам констатировать, что слово *top* в этих текстах функционирует в двух различных значениях – в качестве: (1) существительного, обозначающего верхнюю часть (как правило, миниатюрную) женской одежды – майку, лифчик; (2) несклоняемого слова с частеречной характеристикой прила-

inslav

гательного или же наречия со значением "первоклассный, непревзойденный, потрясающий": *Od modelky čekáme, že i v soukromí bude top oděna.* (Ср. Nová slova v češtině. Slovník neologizmů, 1998: 305. Далее сокращенно: SN).

Некоторые из заимствований нами пока были зафиксированы лишь в функции препозиционного атрибута, напр., *office oblečení*; *byznys prádlo* и *byznyshadry*. (ср. *byznyscentrum*, *byznysplán* – SN: 51). Добавим к этому, например, *kalhoty s hi-tech podšívkou, pumpky s kamufláž vzorem*. И, напротив, чрезвычайно частотные слова *in* и *out* встречаются лишь в предикативных структурах, возникших на основе глагола *být*: *ostré barvy jsou out*; *bez citlivého stylingu budete nevkusně out*; *tepláky jsou letos in*; *růžová je trendy*, *řužová je in* (SN: 50 *být in*, но не *být out*).

Попутно приведу еще несколько часто употребляющихся заимствованных существительных типа *look* (*nový look, hitem léta je Asia look*), *hit* (*horké hity, hity sezóny*), *ikona* (*módní ikona* и *úžasné ikony mody*), *guru (guru módního světa*, *guru plesu* – SN: 100) или же *image*: *kašle na image; kam se poděla její vždy tak dokonalá image ...Pokouší se i o styling*, *mění image zpěvaček. Sportovní oblečeni je skvělý protipól k jejich povinnému image v glamour balení.* [Ср. также SN: 111; Akademický slovník cizích slov – Далее сокращенно: AS – AS , 1, 1995: 332].

Некоторые обозначения по сути являются сочетанием, комбинацией нескольких заимствованных компонентов, чаще всего английского происхождения: так например, *outlook* (*moderni outlook není vše*) и главным образом *outfit* – слово, без которого в этих текстах попросту невозможно обойтись. В словосочетаниях *sexy outfit, disco outfit* к *outfit* присоединяется еще одно заимствование в атрибутивной функции (т.е. несклоняемое слово, о чем уже была речь выше). Приведем и другие примеры: *Dát dohromady plesový outfit. Ten outfit nemá chybu. Jednotlivé kousky outfitu dokonale ladí. To tričko se k celkovému outfitu prostě nehodí.* То же касается и весьма характерной комбинации со словом *trendy: V tom růžovém outfitu je trendy. Super černý outfit*, *perfektně dokombinovaný trendy páskem.*

1.2. Интенсификация, гипертрофированная оценка

Слова с оценочным и усилительным значением [ср. также Saicová, Římalová, 2002] являются характерной особенностью лексики бульварных изданий. Одновременно они во многом символизируют тот мир ценностей, который эти издания пропагандируют и с которым они себя отождествляют.

inslav

Речь идет прежде всего об оценочных прилагательных или же о прилагательных, которые в этом контексте приобретают однозначно оценочную семантику. Начнем сразу же с наиболее характерного слова *nový*, поскольку в мире моды, светских событий, партнерских отношений интерес представляет, конечно, лишь то, что является новым. Можно назвать и массу других прилагательных, широкое употребление которых в этом виде публицистики связано с рекламными слоганами [Ср.: Čmejrková, 2000 и другие работы о рекламе того же автора]: *svěží (vůně)*, *kouzelný* (*kouzelné střevíčky*), *působivý* (*detail*), *zářivý* (*zářivé vlasy*), *žhavý (žhavé drby)*, *sladký* (*divoch*), *ladný* (*ladné křivky*), *bujný* (*bujné poprsí*), *smyslný* (*smyslná ústa*), *svůdný* (*svůdné mládí*), *podmanivý* (*podmanivá ženskost*), *mámivý* (*pohled*), *omamný* (*omamné prádlo*), *vyzývavý* (*vyzývavé negližé*), *divoký* (*sex*), *veselý* (*veselá pařba*), *vysmátý*, *nabitý* (*energií*), *ujetý* (*ujeté triko*), *drsný*, *nepřehlédnutelný*, *magický* (*magická smyslnost*), *provokativní*, *fatální* (*vůně*), *démonický*, *šokující* (*fotografie, klip*) и *šokovaný*, *luxusní* (*kabelka*), *exkluzivní* (*prostředí*), *decentní* (*doplňky*), *prestižní* (*butik*), *elitní* (*návrhář*), *efektní* (*botky*; *ví, co je vkusně efektní*).

Оценочные прилагательные этого типа очень сходны с экспрессивными интенсификаторами, характерными для устных высказываний и которые в этих текстах встречаются в изобилии, напр., *šílená komedie*, *šílený DJ*; *děsně se naštval*, *příšerně zhubla*; *strašně pružná těla*; *úžasný model*, *úžasné kalhoty*; *velkolepá akce*, *velkolepá kreace*; *oslňující dvojice*, *hvězdný pár*. Оценочное значение закрепляет и акцентирует и ныне столь любимое словечко *fakt* (*je fakt dokonalá*). Не может нас удивлять и широкое использование степеней сравнения прилагательных, высокая частотность употребления сравнительной и превосходной степени: *Čím kratší sukně, tím vyšší podpatky. – Můžete být třeba sebepřekrásnější* (как видим, и прилагательное *překrásný* также годится для изменения по степеням сравнения!) – *Chcete být hezká, hezčí, nejhezčí? – Dokonalejší, půvabnější, svůdnější.*

Приведенные примеры подводят нас к другому явлению, столь типичному для данных журнальных текстов, шагающих, судя по всему, "в ногу" с текстами реклам. Оценочные (имеется в виду прежде всего положительная оценка) и усилительные слова чрезвычайно часто встречаются в триадических структурах. Это подтверждает бесчисленное множество примеров: *Byla půvabná, byla pozitivní, byla svá. – Spravne rozevlátá, přiměřeně provokativni, sexy elegantní. – Je extrémně citlivý, pozorný, vnímavý. – Zářivý lesk, jemnost, smyslnost – to je trend.*

inslav

Стоит упомянуть и о некоторой семантической подвижке, произошедшей, судя по всему, в подобных контекстах у слова *slavný*: *Spy luští záhady ze světa slavných. Když slavní odloží večerní róby a obléknou se do civilu, nejsou k poznání* и т.д. Авторы этих текстов считают "славными" (или же *celebrity*, или же *V.I.P.*) определенный круг лиц, непрестанно подвизающихся на страницах женских журналов, а также других бульварных изданий – иными словами, это те звезды и звездочки шоу-бизнеса, которых публика, не читающая бульварную прессу, в большинстве своем даже и не знает. Здесь налицо какая-то ущербная "игра в славу", явная девальвация значения слова *slavný*.

Публикации в бульварных журналах в большинстве своем коротки, ядро текстовой информации содержится уже в самом заголовке или же в "приманке", помещенной на обложке журнала. Язык публикаций в основном состоит из предложений (изредка сложных) вопросительных и восклицательных, которые буквально "пестрят" вопросительными и восклицательными знаками. Это в полной мере соответствует склонности к сенсациям, экзальтации, столь характерным для журналистов бульварных изданий; ср., например: *Ukradla jí muže! – Podvedl ji! – Rozhodla se ztloustnout!* Среди вопросов есть и структуры уточняющие (выявляющие), дополняющие и исключающие: *Bude Diana fotit porno? – Kolik operací mají za sebou? – Tak naletí ta Helena, nebo ne?* Пожалуй, чаще всего эта модель воспроизводится в надписях и слоганах: *Láska, nebo šílenství? – Popelka, nebo princezna? – Ranař, nebo gentleman? – Chtěl, nebo musel?* Довольно распространенной и стабильной является и модель, в которой перемежаются вопросы и восклицания, причем, нередко выстраиваются целые цепочки, длинные серии вопросов или же восклицаний: *Žena vamp! A proč ne? – Halina čeká dítě! Kdo je otec? – Rozchod? Půl roku se neviděli! Zprávy o jejich chystaném rozchodu se šíří jako lavina!*

1.3. Словообразовательная специфика

Для языка женских журналов, равно как и многих других разновидностей современных текстов характерно использование пограничных средств между деривацией и словосложением. Это так называемые префиксоиды, или же радиксоиды, т.е. заимствованные морфемы, находящиеся на границе между префиксами и корнями. К ним относятся прежде всего *super-*, *hyper-*, *extra-*, *ultra-*, *mega-*, *multi-*, *mini-*, *maxi-*, *show-* / *šou-*, *etno-*, *retro-* и пр. Здесь опять-таки возникают многочисленные проблемы с право-

inslav

писанием, что становится очевидным даже из нескольких примеров: *Supermodely, superpovolání, superštíhlé ženy. Má trendy kalhoty a super tričko. Do společnosti je to super! Super out je čekat až na dovolenou. Set vonných svíček v kazetě je super stylový. Dekorace tón v tónu je super hit.* [Другие примеры см. SN: 286-300; также: AS, II: 720-721]. Рекомендуются *mikrosukně*, *sukýnky ultramini* (или даже *mini-mini*), другой же вид одежды оценивается как *ultra sexy*. Проникает сюда и выше упомянутое слово *image* (*imagemaker*, встречающееся в SN: 112, но пока еще в виде *image-konzultant*). *Šoubyznys* успешно конкурирует с *showbyznys*. К пропагандируемому "*lifestyl*" примыкает и *vyjít si na megaparty do zábavního parku a na nákupy do hypermarketu*. Очень распространенное слово *retro* на сегодняшний день может быть написано как раздельно (*retro móda*, *retro vlna*, *retro inspirace*, *retro prvky*, *retro tenisky*), так и слитно, в сочетании с последующим существительным (*retrostyl*; SN: 251–252; AS, II: 662). Наряду с этим, встречается и написание через дефис (*boty s ultra-kulatou špicí*); приведем еще *boty s multi color efektem*. Упомянем в этой связи и о часто употребляемом компоненте *ex-*, т.е. о префиксе, который всегда пишется слитно со словом: *exmanžel, exmanželka* (также *jeho bývalka*), *exmilenec, exmilenka, expřítel, expřítelkyně, exkamarádka, exmodelka, exzpěvačka* [другие примеры см. SN: 85]. И эти префиксоиды в бульварном стиле часто передают значение оценки и экспрессивной интенсификации; с этой точки зрения к ним можно причислить и чешский префикс *vele-*: *velevášeň, velepřekvapení, velebláziner*.

Уже упоминавшееся выше часто употребляемое слово *styl* встречается в комбинации с бесчисленными атрибутами, опять-таки являющимися несклоняемыми заимствованиями – и в этом случае вновь возникают проблемы с правописанием: не ясно, нужно ли писать слитно (*retrostyl, chicstyl*) или же раздельно (*trendy styl, country styl, kamufláž styl*). Возможны и проблемы с произношением (*lifestyl, lifestylový*; *casual styl, street styl*).

1.4. Коллоквиализация, проникновение примет устных текстов в письменные коммуникаты

Авторы бульварной прессы для женщин нередко включают в состав различных устойчивых словосочетаний лексемы со сниженной стилистической характеристикой, заимствованные из нелитературных разновидностей чешского языка, сленга и т.д. Их основу составляют маркированные или же употребленные

inslav

маркированно глаголы: *pálí za ní*; *platina teď letí (frčí)*; *české hvězdy to bere, nijak ho to nebralo*; *ženy ho nevytáčejí ... občas se vytočí sám; ten článek ji dostal, jeho jméno ji dostalo*; *nerozhodilo ji to, nenechala se rozhodit*; *lásko, rozbal to*; *ženy vyhořely*; *vyřvala si prsten*; *vystřihla parádní swing*; *na co urvala Gotta*; *ulovil celebritu*; *šla si zapařit, má ráda pařby*; *drink vás skvěle nakopne*; *neprudit se navzájem*; *čapla ji policie*; *na stará kolena se rozjíždí*; *chce do toho šlápnout*; *umí vybudit v mužských fantazii*; *nabrnkl si ji v tělocvičně*; *práskne jeho soukromí*; *pokud to rychle nerozdýcháte, přijdete o...* ; *nemůže to vydejchat*; *nemůže skousnout chytrou ženskou*. В виде исключения "*in*" становится и глагол *vychytat* (а также производное от него *vychytávky* – ср. Šimandl 2003): *S účesem to nevychytala. – S bílým trikem a zelenou košilí to vychytal. – Vychytala svůj sportovně elegantní styl k naprosté dokonalosti*.

Нелитературный, преимущественно сленговый характер приобретают в женских журналах и существительные со значением лица, напр., *srdcař, pohodář, slušňák, drsňák / drsňačka, tvrďák, ranař, bouchač, balič, děvkař, pařič, úleťák, šílenec, exot, frajer* и *frajírek, výtržník, rebel / rebelka, divoch / divoška, týpek (ona je skvělým objektem takových týpků)*. Можно привести и другие существительные, которые не обозначают лицо – это, наряду с уже упомянутым словом *vychytávka*, также *pecka, bomba; hlody, hlášky* (из чешских фильмов); *fitko*; *socka* (*kdo se neobléká do značkových věcí, je socka*); *drbárna* (название регулярной рубрики в одном из журналов звучит: *žhavé drby*); *je šik*; *model postrádá šmrnc; vypadá to u nich na pěkný šrumec; bavily se nad úlety sousedů* (добавим к этому излюбленное прилагательное *ulítlý*: *ulítlé modely, ulítlá svatba*). [О подобных средствах см. также Mareš 2003].

1.4. Юмор, языковая игра, каламбуры

"*Dala si do pořádku finance, fobie i figuru*". В только что приведенном примере автор текста превзошел самого себя: он использовал уже упоминавшуюся триадическую структуру, три компонента которой объединены друг с другом аллитерацией. Мало того, начальное **f** он остроумно мотивировал именем знаменитости, о которой идет речь: Сара **Ф**ергюсон, называемая "**Ф**ерги", бывшая супруга британского принца Эндрью. Встречаются в текстах и другие примеры аллитерации: ***rozverná rosnička*** – в тексте статьи о телеведущей, объявляющей прогноз погоды (*rosnička* 'лягушка'. – *Прим. пер.*). Или же примеры языковой игры, основывающейся на использовании рифмы: *Lucie Bílá koupila*

inslav

Kratochvíla. Далее, комментируя "outfit" вдовы Дж. Леннона Йоко Оно: Yoko *má prostě oko, hlavu, patu, šik. To je ONO, Yoko*!

Очевидная тяга к игривости, ни к чему не обязывающему, "щекочущему" балагурству, столь типичному для стилистики этих журналов, неутомимая погоня за сенсациями – все это, вместе взятое, влечет за собой смакование авторами и редакторами бульварных изданий двусмысленностей и дешевых мистификаций.

2. ОБЪЯВЛЕНИЯ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ПРОДАЖЕ НЕДВИЖИМОСТИ

2.1. Глобализация, интернационализация, заимствование слов из иностранных языков

Объявления о покупке недвижимости (квартиры, дома, нежилого помещения, дачи или дома в деревне, земельного участка и пр.) также пестрят заимствованиями. Велик спрос на квартиры *mezonetové, studiové, ateliérové, atriové, apartmánové*. Широко употребляется (впрочем, как и в других коммуникативных сферах) слово *projekt*: *prodej bytů v novém projektu* и прежде всего *developerský projekt*. Очевидно, уже стало привычным и специфическое употребление глагола *koncipovat*: *byt je možno koncipovat i jako kancelář* и наоборот *kancelář lze koncipovat i jako bytovou jednotku*. И сюда, конечно, тоже проникают англицизмы: например, фирме предлагают объект, включающий *showroom*; или же вы можете приобрести квартиру *řešený jako velký otevřený prostor – loft*, или же дом, управляемый компьютером – *smart home*. Достоинством предлагаемых квартир, разумеется, является оборудованный *parking*, с охраной объекта связан *monitoring*. Что уж говорить о возможности занятий спортом – этим оснащены новые жилые комплексы – здесь уж вы вообще не встретитесь с чешским словом: *squash, bowling, curling, fitness (fitcentrum), streetball, pétanque, whirlpool*. Наверное, совершенно не было необходимости прибегать к английскому языку при обозначении вновь построенных объектов: *Vítkov Building*, *Troja Gardens*.

Стоит, пожалуй, упомянуть и о названиях агентств по продаже недвижимости, которые, собственно, и сочиняют бóльшую часть подобных объявлений. Лишь малая толика этих названий отдаленно напоминает чешский язык или же имеет какое-то отношение к чешскому региону. К их числу относятся названия типа *První česká realitní, 1. česká realitní a investiční, Pražské reality,*

inslav

Letenská realitní или же, например, *Ráj nemovitosti*. Некоторые из них включают чешские имена собственные, чаще всего имя владельца: *Realitní kancelář JUDr. Josef Křen; Kadlec, realitní kancelář; Prokop Reality; Reality Vltavín; RK Pokorný, RK Honzík* и т.д.

А как же устраиваются другие? Да, очень просто: *RK Atlantis, Mentis, Centa, Renix, Bonus, Omega Reality, Pergamon Reality, BEST Reality, TIDE Reality, Real Komplet, Juris Real, Exkluziv Real, Victoria Real, GES Real, Reality Elephant, Reality Invest, Rosa Euro, Europrague. B&B Reality, J&T Real Invest, DT Rentals&Reality, HUTS real estate, G&G estate agency, Prague Real Estate Consultants* и пр.

По этим в большинстве своем не прозрачным названиям трудно понять: то ли наши агентства по продаже недвижимости уже приобрели мировую известность, то ли чешский рынок недвижимости принадлежит прежде всего иностранцам, выступающим на нем в качестве владельцев агентств по продаже недвижимости, различных фирм, компаний и пр.

2.2. Интенсификация, гипертрофированная оценка

Остановимся прежде всего на оценочных словах, т.е. экспонентах положительной (чаще всего очень положительной) оценки на рынке недвижимости. Нам предлагают, например, *komfortní bydlení*; *stylové bydlení*; *exkluzivní intimní bydlení* или даже *místo, jež se stane korunou bydlení*. Рекомендуемая квартира обладает такими достоинствами как *zajímavý, zajímavě řešený, stylový, aristokratický, mimořádný, nádherný* и даже *neuvěřitelný*. Дом может оцениваться как *velice útulný*, весьма притягательным, судя по всему, является слово *atypický*: *neokázalý atypický RD* (*RD* 'rodinný domek', т.е. 'дом, принадлежащий семье'. – *Прим. пер.*); *atypické vějířovité RD*; *atypicky řešený vysoce nadstandardní RD*; *atypický moderní design*. Вилла может иметь и другие положительные качества: *krásná, honosná, luxusní, reprezentativní, atraktivní, okouzlující, přepychově vybavená*. Говорится, помимо этого, напр., об *architektonickém unikátu, originálním architektonickém řešení, noblesním řešení* и т.п.

Очень часто при рекламировании объектов, называемых в объявлениях, используется слово *standard*. Так, если вам предлагают *standardní byt* или *byt ve standardním stavu*, то это явно не сулит ничего "сногсшибательного". Бóльшие надежды вы можете возлагать на *byty ve vyšším / vysokém standardu*; *evropský standard* (*evropskou úroveň bytů*); на *jedinečný projekt dle německého nadstandardu*; *velmi vysoký standard použitých materiálů*; *nadstandardní provedení* и пр.

inslav

Еще одним заимствованным словом является *rezidenční*, используемое в этих случаях в значении 'жилой, предназначенный для жилья' (ср.: *rezidentní* = жилой, предназначенный для жилья, т.е. адаптация английского слова *residential*; см.: SN: 252). Наверное, я буду не одинока, полагая, что *rezidence* означает нечто импозантное и, следовательно, служит средством фиксации в высшей степени положительной оценки (ср.: AS, II: 663 – *rezidence* 'местопребывание, резиденция главы государства или же другого высокопоставленного лица; переносное значение: роскошное жилище'). Из рассматриваемых контекстов видно, что в настоящее время преобладает первое значение, нейтральное. Впрочем, по крайней мере, у некоторых из приводимых ниже сочетаний отчетливо ощущается оценочное значение: *bytová rezidence*; *vhodné jako soukromá rezidence*; *rezidenční domy*; *rezidenční sídlo*; *rezidenční nemovitost*; *rezidenční ulice / lokalita / oblast / zóna*; *rezidenční čtvrť Podolí*; *v rezidenční části Prahy 4*; *unikátní rezidenční projekt*; *symbol luxusního rezidenčního bydlení*. Примечательно, что восторженное восхваление распространяется и на ближайшие окрестности некоторых объектов недвижимости (напр., *nádherné okolí*). Заинтересованные лица, наверное, по достоинству оценят *preferovanou / vyhledávanou / žádanou / zajímavou / atraktivní / exkluzivní / perspektivní / lukrativní lokalitu*; *absolutně tichou a klidnou lokalitu*; *lokalitu s vysokým podílem zeleně*; *prostě super lokalitu*. Точно также им понравится и то, что предлагаемый объект имеет *ideální polohu* или же *perfektní / fantastické / výborné strategické místo*. Им определенно будет импонировать *hezké / krásné / klidné / příjemné / ekologicky čisté prostředí*, а уж тем более *prostředí jako stvořené pro rodinný klid*. Для кого бы не была предметом вожделения *velmi malebná příroda* или же дом в *krásné malebné vesničce*. Предлагаем вам самим убедиться в том, что продаваемый земельный участок действительно является *přenádherným*, или же *romantickým*. Кстати говоря, прилагательное *romantický* предстает перед нами и в других комбинациях: *romantické bydlení*, *romantická usedlost, v romantické uličce*.

Некоторые оценки претендуют прямо-таки на элитарность. Так, в объявлениях, предлагающих самые дорогие объекты недвижимости, мы можем прочесть, что они предназначены *pro náročné klienty / náročnou klientelu* или даже что они являются *vhodnými pro cizince*. Не каждый может себе позволить квартиру или же дом *v jedné z nejlukrativnějších částí Prahy*, *v prestižní části Průhonic* или же *na prestižní / výjimečné adrese*.

Чрезвычайно важным квалификатором является и *dopravní dostupnost*. Рекламная стратегия предписывает, чтобы во всех

inslav

объявлениях транспортная доступность оценивалась как *dobrá*, *velmi dobrá* или же *výborná*. Мало того, мы можем здесь встретиться с самыми разнообразными формулировками: *dobrá dostupnost stanice metra / autobusu*; *výborná dostupnost do Prahy / do centra*; *velmi dobrá dostupnost z Prahy / z dálnice*; *dostupnost PID* (*PID* 'Интегрированная транспортная система Праги'. – *Прим. пер.*). Иными словами, доступность "чего – куда – откуда – на чем". Совершенно необходимо жить *na dobré a dopravně dostupné adrese*.

Большие буквы – вот одно из главных зол чешского правописания. В проанализированных текстах их великое множество, причем даже там, где они явно не уместны. *Prodáváte* ***B****yt*, ***C****hatu*, ***D****ům*? *Neváhejte a volejte*!; *Prodej* ***C****halupy na Křivoklátsku*; *Prodej* ***D****ružstevního bytu...* do ***O****sobního vlastnictví*; *dostavba* ***D****uben* 2004; *dům mezi* ***A****merickou a* ***N****ěmeckou ambásdou*, *blízko Karlova* ***M****ostu* ... В некоторых случаях это "укрупнение" объясняется неосведомленностью авторов; в других – их стремлением выделить наиболее важные с их точки зрения данные. Ну, и, конечно же, не заставляют себя ждать англицизмы, особенно часто встречающиеся в надписях и заголовках объявлений.

2.3. Словообразовательная специфика

Префиксоид *super*, этот модный компонент, разумеется, буйствует и на рынке недвижимости (*super lokalita, super místo, super stav, superpoloha...*). В большинстве случаев он встречается в раздельном написании, хотя иногда возможно и написание слитное. Подобное колебание характерно и для других случаев: *eurookna, Eurookna, euro-okna, euro okna; vila domy, vila-domy, villa domy*. Нет стабильности и в написании слов *villapark, termo-omítka*.

Нас может озадачить и то, как можно интерпретировать появление в тексте объявлений деминутивов. *Prodej malého hotýlku / chatky / roubené chaloupky*; *pronájem vilky / zařízeného bytečku*. Может быть, авторы объявления хотят принизить, поставить под сомнение качество объекта, создать впечатление его малости, незначительности? Вряд ли! Скорее всего, они стремятся к тому, чтобы у читателя возникло ощущение уюта, интимности, камерности. Сходную мотивацию, очевидно, имеет и частое употребление деминутивов в современных неформальных электронных сообщениях, в какой-то степени они участвуют и в формировании "женской" стилистики бульварных журналов.

В словообразовательном отношении в языке текстов объявлений заслуживают внимания некоторые префиксальные глаго-

inslav

лы. Речь идет о словообразовательном типе, который встречается не столько в специальном, сколько в административном стиле, занимающем одну из доминирующих позиций в стилистике объявлений. Агентства по продаже недвижимости нам обещают *vyinzerovat nemovitost* или же *nemovitost vám zainzerujeme*. Они могут нам предложить и *předjednat hypotéku*. Речь идет также о *profinancování výstavby*, о том, что *inženýrské sítě jsou předpřipraveny* или же о том, что необустроенную квартиру *lze částečně dozařídit*. У нас вызовет замешательство и то, что строительную площадку можно *rozparcelizovat*.

Широко употребляются отглагольные прилагательные, образованные от страдательных причастий, прежде всего от глаголов совершенного вида с префиксом *za-*: *zastavěná plocha*, *zasít'ovaný pozemek*, *zatravněný areál*, *zateplená hala*, *pozemky se prodávají jako zainvestované*. Добавим к этому и *dům celoplošně podsklepený*, а также все, что может быть встроенным (*vestavěné*), т.е. шкафы, электро- или же газовые приборы, складные кровати, шкафы для обуви и пр.).

Особое место занимают сокращенные обозначения. Основу "стилистики объявлений", несомненно, составляет широкое употребление сокращенных обозначений, а также использование для этой цели разнообразной словопроизводственной техники. Используемые сокращения, а также различные сокращенные обозначения в этих текстах постепенно стабилизируются и могут затруднять понимание лишь тех, кто не следит регулярно за этого рода продукцией. К одному и тому же типу относятся, напр., *elektro na pozemku, vila vhodná na repre sídlo firmy*, *možná hypo* (= *hypotéka*), *v celém domě klima* (= *klimatizace*). А, может быть, вы задумали купить весь дом? Тогда важно, какой он: *cihlový* или *panelový*, но вместо "*cihlový / panelový dům*" уже полностью вошло в употребление заместительное обозначение *cihla / panel* (напр., *byt 2 + 1*, *dobře udržovaný panel*).

Обращает на себя внимание и возрастание численности инициальных сокращений типа *komplet IS* (inženýrské sítě 'инженерные сети'); *RD*, *ŘRD* (rodinný dům, popř. řadový, т.е. типовой дом, принадлежащий семье); *ZP*, *UP* (zastavěná plocha, užitná plocha 'застроенная; полезная площадь'); *1, 2. NP / PP* (nadzemní / podzemní podlaží 'наземный/подземный этаж'); *OV*, *DV* (osobní / družstevní vlastnictví 'личная/кооперативная собственность'); *PS* (parkovací stanì 'место для парковки'); *SAT* (satelit 'антенна-сателит'); *PID* (Pražská integrovaná doprava 'Пражская интегрированная транспортная система'); *vrata garáže na DO* (dálkové ovlaídání 'дистанци-

inslav

онное управление'); *ohřev TUV* (teplé užitkové vody 'горячая техническая вода'); *EZS* (elektronický zabezpečovací systém 'электронная блокировочная система'); *prázdná AB* (administrativní budova 'административное здание') и др. Но и без этого тексты буквально наводнены самыми различными сокращениями, более или менее прозрачными: *po celk. rek.*, *nez./nezař.*, *pl. podl.*, *centr. vyt.*, *soc. zař.*, *novost. před kol.*; *lze koup. sous. poz.* i *3 lož.*, *2 koup.*, *podkr. místn.* (примечательно, что в первом случае *koup.* означает "koupit", во втором – "koupelna"); *byt s id.* (= ideálními) *částmi domu a pozemku*; *pronájem bytu 2 + 1 zař.*, *10.000 + en* (= poplatky za spotřebu energie).

2.4. Коллоквиализация, проникновение примет устных текстов в коммуникаты письменные

В большинстве своем тексты объявлений написаны на литературном языке, тем не менее в них нет-нет да и появляются некоторые сленговые выражения. Особенно следует обратить внимание на результаты универбизационных процессов. Так, здесь можно встретить, напр., *obývák*, *akumulačky* или же *wawky*, которые в нашей неофициальной речи уже давно стали повседневными; уже вошли в обиход и *bodovky* (*bodová světla*), или *vířivka* (*vířivá vana*). Наряду с *měřiče tepla*, встречаются и *měřáky*. Впрочем, я впервые встретила и слово *pinkponkárna*.

3. ЭЛЕКТРОННЫЕ СООБЩЕНИЯ: МЕЙЛЫ, СМС, ЭЛЕКТРОННЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ

3.1. Глобализация, интернационализация

В язык электронных сообщений проникает огромное количество англицизмов. Причем, нередко они встречаются в довольно "дикой" чешской транскрипции, в комбинации с чешскими окончаниями. Приведем лишь: *mailovat*, (*mejlovat*, *mejlnout*), *esemeskovat*, *mobilovat*, *etečment*, *sejfovat*, *dylítovat*, *kliknout*, *odentrovat*, *apgrejdovat*, *surfovat*, *skenovat*, *logovat*, *postnout*, *subscribe-nout* и пр. Лишь изредка здесь случайно может появиться чешское слово, ставшее общепринятым, как, например, распространенное *zavináč* (эквивалент для значка @; русский эквивалент "собака". – *Прим. пер.*), однако уже, напр., *průnikář* как обозначение *хакера* вряд ли приживется в узусе. Та же участь ожидает и потенциальные чешские эквиваленты для *laptop*; ср. предложенные в анке-

inslav

тах *počvždypor*, *mozkokaps* и др. Авторы электронных писем и "эсэмэсок" (см. ниже) далеко не всегда находятся "в ладах" с правилами правописания. Если же добавить к этому множество случайных, к тому же весьма своеобразно адаптированных для чешского языка англицизмов, то это не может не привести к появлению гибридных языковых уродцев. Существует мнение, что это, не может не сказаться пагубно на дальнейшем развитии чешского, немецкого и других языков. [Ср. по этому поводу Naumann 1998]. Этому угрожающему (по мнению некоторых ученых) процессу способствует и тот факт – весьма важный и серьезный для чешского языка – что из этих коммуникатов зачастую исчезает диакритика. Последнее в свою очередь значительно обедняет выразительные возможности чешского языка, оно может служить поводом для возникновения комической путаницы (*mej se – měj se*), нередко могут возникать и различного рода недоразумения (*pracka – pračka*, *sirka – šířka*, *rada – ráda – řada* и пр.).

3.2. Между устной и письменной коммуникацией

С появлением новых жанров мы оказываемся в промежуточном положении МЕЖДУ письменной корреспонденцией и непосредственным личным разговором. Данные тексты "лишь на поверхностном уровне являются письменными, на глубинном же уровне они оказываются устными" [Čmejrková 1997]. По сути, это "письменная конверзация", являющаяся в то же время "устной корреспонденцией". Сам факт существования подобных текстов воспринимается некоторыми авторами как призыв "писать так, как мы говорим" [см. по этому поводу, например, Violi 1998]. Эти тексты очень интерактивны, обмен репликами между партнерами зачастую приобретает характер неформального общения.

Хотя электронными письмами и "эсэмэсками" мы обмениваемся не только с близкими знакомыми, тем не менее при их написании большинство авторов чувствуют себя более свободно и раскованно. В результате этого общение во многом приобретает неофициальный и спонтанный характер [Ср.: Hoffmannová, Müllerová 1999; Hoffmannová 2000; Hoffmannová 2003a]. Обмен текстами происходит настолько быстро, что у участников коммуникации невольно возникает ощущение, что они находятся в одной и той же ситуации, нередко партнер буквально втягивается в эту ситуацию (этому способствует непринужденность общения, использование средств дейксиса, модальности, оценки и т.п.). В ходе возникающей последовательности сообщений их авторы

inslav

непосредственно реагируют на текст партнера, включает фрагменты его текста в свой текст, используют анафорические ссылки. Ярко выраженная контекстуальная взаимосвязь отдельных коммуникатов, сходство ситуации – все это позволяет редуцировать высказывание, использовать сокращения, эллипсис. Это не только ускоряет, но и удешевляет общение, что весьма существенно. Создавая текст, авторы обычно не возвращаются к нему, не корректируют его, т.е. не поправляют допущенные ошибки и многочисленные опечатки, они все время продвигаются вперед. Из синтаксиса разговорной речи в эти тексты проникают такие явления как перекрещивание конструкций, различного рода анаколуфы, наблюдается фрагментаризация конструкций, их свободное подключение друг к другу, причем зачастую это происходит без соединительных слов (т.е. паратаксис или же соположение). О доверительности и неформальности общения говорит и высокий уровень экспрессивности. Некоторые авторы увлекаются уменьшительными словами, другие дают себе волю в употреблении междометий, в результате чего текст иногда выглядит как сплошная цепь неартикулированных выкриков.

Часто используются контактные слова типа *jo, no, nojo, aha, víš* и т.д., средства, подчеркивающие имплицитность и неопределенность текста, встречаются также всякого рода "хмыканья" типа *hm, ehm*, которые буквально образно создают иллюзию устности. К этому особенно склонны молодые авторы, которые стремятся максимально приблизить свой текст к устной речи: они не обременяют себя соблюдением нормы литературного чешского языка (если за этим не стоит специальное, в большинстве своем ироническое, намерение). В силу этого они отдают предпочтение формам и словам нелитературным, а порой и сленговым (ср. студенческий сленг в приводимых примерах "эсэмэсок", а также своеобразный сленг участников интернет-конференций). В резком контрасте с данной лексикой находятся слова литературные и даже книжные, архаичные, окрашенные зачастую легкой иронией.

Молодые авторы электронных писем, "эсэмэсок", участники "чатов" обычно не утруждают себя соблюдением правил правописания – ведь это не школьные задания, выполняемые на "отметку" или же, к счастью, не какие-то престижные тексты! Игнорирование правил правописания у молодых людей [ср.: Müllerová, 2001] иногда приобретает характер определенной позиции, детского упрямства, протеста молодого поколения ("мы не позволим себя связывать никакими правилами, общественными условностями"). Вместе с тем, как известно, большинство моло-

inslav

дых (да и более взрослых!) людей попросту очень плохо усвоили правила правописания, так что речь идет скорее не о свободомыслии, а о "хорошей мине при плохой игре".

3.3. Сокращения, языковая экономия

Короткие текстовые сообщения (*textovky, esemesky, eSeMeSky, smsky* – из английского *Short Message Service* [см. по этому поводу: Hašová, 2002] особенно ярко иллюстрируют существующую ныне потребность передавать и принимать информацию невероятно быстро. Платой за скорость является, конечно, ограничение объема текста (обычно до 160 знаков). Это заставляет автора быть очень изобретательным, используя наиболее экономную форму выражения. Чешские авторы эсэмэсок, "к счастью", могут многому научиться у пользователей английского языка, имеющих немалый опыт сокращенного и экономичного написания:

3.3.1. Так же, как в английском (*U2 = you too*, *T2GO = time to go*, *B4 = before*, *4U = for you*, *GR8 = great*, *CUL8R = see you later*, *DNBL8 = don't be late*), можно и в чешском для сокращения слов использовать "встроенные" числительные: например, *pro1t = projednat*, *me2d = medvěd*, *se3t = šetřit*, *Pe3n = Petřín*, *z5 = zpět*, *o5 = opět* и т.д.

3.3.2. Две буквы иногда можно заменить на одну как в английском (*FANX = thanks*), так и в чешском языках (*sqele = skvěle*, *qalita = kvalita*, *jaxemas = jak se máš*).

3.3.3. И в чешских эсэмэсках могут использоваться принятые в английском языке сокращения вроде *BTW = by the way*, *FAQ = frequently asked questions*, *NP = no problem*, *CU = see you*, *XMAS = Christmas*. Если английское *I* короче чешского *já*, а *1F* короче, чем *jestli*, то почему, спрашивается, не сократить сообщение с помощью подобных чешско-английских макаронизмов!

3.3.4. Сократить слова можно и с помощью их упрощенного, обычно не литературного произношения, которое в связи со своей экономичностью проникает и в письменный текст: *nepude, neska, dyš, sme* и пр.

3.3.5. Можно использовать или вообще, или по соглашению с партнером сокращенные варианты некоторых наиболее частотных чешских слов: *poe = protože, cu = chci, su = jsem...*

3.3.6. Там, где это допустимо, можно устранить из текста все пробелы: без ущерба для понимания это можно сделать после знаков препинания (запятая, точка, двоеточие, знак вопроса, восклицательный знак и пр.). Впрочем, при написании заглав-

inslav

ными буквами это можно сделать и в других случаях: *PriduNeskaVecer* / *PRIDUneskaVecer*.

3.3.7. Можно опустить и гласные (опять-таки там, где это не во вред пониманию, лучше всего не в конце слова): Zvlj, *PckmNaTbeNaStnci* = *Zavolej, počkám na tebe na stanici*.

3.3.8. Ну, и, конечно, короче всего можно передать чувства, настроение, оценку, а также личностные характеристики и пр. с помощью, "смайликов".

Продемонстрируем комбинацию этих возможностей: *I tm asi go* (*Já tam asi půjdu*); *Prmn,NskaToO5Nego* (*Promiň, dneska to opět nejde*). Посредством этого способа, как говорят, можно сэкономить до 30% знаков (что правомерно, очевидно, и для чешского языка). Таким образом, возникает некое подобие "гибридного" техноязыка, "чешско-английского" псевдоязыка. В определенном смысле можно сказать, что это в своем роде электронная стенография, или же "нетовский (интернетовский) язык" [Hašová 2002].

3.4. Проявления шаловливости, языковой игры, игры с графикой

Коммуникация поколения компьютеров и Интернета, пользующегося электронной почтой и эсэмэсками, с одной стороны, прагматична и очень экономична; с другой, она отличается облегченностью, актуализованностью, полна юмора и иронии (порой даже самоиронии). Молодые авторы склонны к творчеству, они не прочь поиграть. Мало того, играя с языком и графикой, они хотят немного "повыпендриваться", используя для этого различные виды шрифтов, подчеркиваний, выделяя наиболее важное с помощью больших букв. Достаточно чуть подольше подержать клавишу нажатой, чтобы получилось многократное повторение буквы, что-то вроде крика. Все это сигнализирует неотложность сообщения. Различные поясняющие, а также юмористические замечания и комментарии можно вставить в текст или же к нему "подвесить", наконец их можно добавить с помощью скобок, косых черточек, тире и других знаков.

Проявлением языковой игры и одновременно эмоциональности в этом типе коммуникации служат многочисленные, все более разрастающиеся *эмотиконы*, *smileys*, *"smajlíky"*, *"ksichtíky"*. Это позволяет авторам электронных писем, участникам чатов и дискуссионных форумов (электронных конференций) вносить разнообразие в свои тексты. Изобретательности молодых авто-

inslav

ров, комбинирующих эти символы из знаков препинания, скобок и т.д., поистине нет конца. Существуют уже словари эмотиконов [у нас это, напр., Baránek, 2001; Lukáš, 2001], однако это не мешает любому человеку по договоренности со своими партнерами ввести свои собственные знаки. Эти символы различного вида эмоций (приязни и неприязни, насмешки, смущения, удивления, восторга и т.п.) еще более приближают письменные тексты к устным высказываниям, внося в них элемент жестикуляции и мимики, способствуя их визуализации.

3.5. Образцы электронных коммуникатов

3.5.1. Электронные письма студентов

Ahoj Rivenko: o)))

Mám k tobě jednu velikanánskou prosbu!! Ne, tentokrát to není dotazník: o)) ... tentokrát je to ještě mnohem horší: o)) !!!!

Víš, dneska jsem tu spáchala jednu takovou naprosto infantilní báfnifku teda to spíš takové docela soukr. a taky tak trochu z hecu, a tak trochu jako zaklinadlo ... ehmm ... co si budeme povídat, jako básnička to nestojí za slovo: o)) spiš šlo o ten fórek ... ALE... a teď' přijde ta prosba!!!!

Já chci dát jedný svoji kolegyni – ctí a darem: o))) – ale má to háček, těch chyb co jsem tam nejspíš našvihala: o)))) – ajajajaj!!!: o((... Teda, těma chybama myslim hlavně ty čárky!!!

No, abych Ti vysvětlila svůj přístup k čárkám: oD)))) Víš, asi takhle... já zásadně do básniček tečky, čárky, vykřičníky ani jiné ohavnosti necpu!! Leč, tu a tam se mi přihodí, že prostě mám neodolatelné nutkání tam nějakou tu čárku švihnout: o))) protože mám pocit, že bez ní nikdo nepochopí, jak jsem to myslela:o)))

... ... Nojo, no... ...hele, nech si ty xichty!!! Vidím je až sem: o)))

Takže ta prosba zní: Nemohla bys mi na tu básničku hodit očičko a nějak mi to očárkovat celé, nebo odčárkovat / – to zní skoro jako odvšivit /

Zkrátka a dobře, aby to s kolegyní nešvihlo :o)))

U ostatních – normálních a kratších básniček si s tím tu a tam poradím, ale tady se mi ta délka té story nějak vymkla z kloubů: o)) – a já v tom totálně plavu: o))) Ovšem, nemám tuchu, jak mi to svoje očárkování pošleš, či dáš vědět...aha...a eště jsem zapomněla říct, že VČERA BYLO POZDĚ...!!!... ...nojo, já jsem na zabití!!!! :o))))

Rivenkoooo, heeeelp!!!!! Síííím.

inslav

BTW: nezapomeň, že u nás v ledničce pořád eště máš to jahodový lízátko... a jsem schopna ještě nějaké přihodit :o))) TO NENÍ CITOVÉ VYDÍRÁNÍ ...jo a děkuju :o

**o* a*

3.5.2. Студенческие "эсэмэски"

Cau pod vecer do hospy, Ida ma narozky. Callnul jsem Martinovi, uz je na MFF ready tak je happy. Tak v 7 na IPaku if you wanna jojin us.

Nazdaar, takze kalbaaa? Ještě nevim, ted sem prisel z jobu – I sel sii. Když ne tak cestik, see you zejtra.

Zdar Martine, ten printer fakt desperately chce tu disketu. Myslis ze bys mi moh ty fily mailnout? Nebo tu disketu nechat u Dana, ja si ji zitra nak get. Dik.

Tak si to stahni – a taky tu k tomu někdo pridava tak tahni ☺ A vubec se mej a ☺

Tak pockej be specific, kdo to pridava?

P.S. Fily stahnu a printer hazim z vokna :o))

CCCAUUUUU! Tu Petra: ja sem se vecpala na ten projekt co sem chtela!!-!! :o)))) To je BOMBA! Nejaka angina me nerozhaziiiiii. Huraaaaaaaaaaa.

3.5.3. Дискуссионный форум на Интернет-конференции [Ср. об этом: Vaňková – Vejvodová, 2000]

Myslite news.uni.stuttgart.de? Jaky je traceroute od Vas na tento server? Nemuze byt problem u Vas například s fragmentaci TCP paketu zpusobenou modemovym pripojenim?

Na otazku o traceroute budu moci odpovedet maximalne vecer, budu doma a budu moci pustit traceroute skrz login.cz.account. Ja si nestezuju na nacteni seznamu skupin, ja taham zpravy v baliku (asi tak okolo deseti z felku a deseti ze stuttgartu) a ctu si to offline, seznam skupin si stahnu tak jednou za mesic abych si ho prohnal diffem a podival se co je tam noveho. Nacteni seznamu nicmene strasne dlouha doba na obou z nich...

Tady je asi ten zakopany pes: news.felk.cvut.cz ma exspiration time pro valnou vetsinu skupin 2 tydny na rozdil od 1 tydnu v Nemecku. Tim padem tahate o neco vice dat...

Tohle me fascinuje, jak (do haje zelenyho) muzu tahat vic dat z cech nez z nemecka, když na OBOU serverech ma tataz grupa totozny počet zprav. Ja si to stahuju DENNE vazeny pane kolego a abych byl takovy idiot abych si stahoval to co jsem uz cetl to nehrozi.

inslav

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хочется надеяться, что отобранные для анализа ситуации, а также многочисленные конкретные иллюстрации наглядно показывают, что чешский язык меняется буквально у нас на глазах. Вне всякого сомнения, его наводняют иностранные слова, которые посредством различных способов в нем "укореняются". В письменные тексты проникают средства из устных высказываний; в полуофициальных и официальных ситуациях появляются слова нелитературные и сленговые. Урон наносится и чешскому правописанию, исчезают некоторые специфические особенности чешского языка. От коллоквиализмов и произвольно заимствованных англицизмов невозможно уберечь тексты публицистические и даже специальные. Многие коммуникативные и стилевые сферы подверглись агрессивному воздействию рекламы (это касается административного стиля, публицистического, а также текстов обычного общения). Экспрессивность, экзальтация, гиперболизация речи, великое множество оценочных средств, средств направленного воздействия, манипуляции – в их числе можно назвать и употребление деминутивов, позволяющее создать атмосферу доверительности, и использование шокирующих вульгаризмов. Со всем этим, постепенно свыкаясь, мы сталкиваемся буквально на каждом шагу. Мы можем осуждать эти тенденции, порой нам даже начинает казаться, что вокруг нас существует какой-то очередной "новояз", полный англицизмов, нелитературных слов, искажений, орфографических ошибок... Вместе с тем можно быть и терпимыми, воспринимая все это как значительное обогащение, делающее чешский язык более разнообразным, как проявление его ускоренного развития (что в какой-то мере даже естественно при вступлении в объединяющуюся Европу). Нас даже могут забавлять некоторые оригинальные выходки, шутливость, юмор. Все зависит от того, какую позицию мы для себя выберем. Не приходит даже в голову, что современная языковая и коммуникативная ситуация чешского языка может дать повод для апокалипсических выводов о его полном упадке или даже гибели.

ЛИТЕРАТУРА

AS 1995 – Akademický slovník cizích slov. I, II. Academia. Praha.

Baránek T. SMILEYS. Stručný průvodce emotivní elektronickou komunikací. Computer Press, Praha, 2001.

Čmejrková S. Čeština v síti: Psanost či mluvenost? (O stylu e-mailoveho dialogu). Naše řeč. 1997. 80.

inslav

Čmejrková S. Reklama v češtině, čeština v reklamě. Leda. Praha, 2000.

Hašová L. Lásky jedné esemesky. Naše řeč. 2002. T. 85.

Hoffmannová J. Rodinné mailování // Principy jazyka a textu. Univ. Komenského. Bratislava, 2000.

Hoffmannová J. Čeština v současné soukromé korespondenci (dopisy, e-maily, esemesky) // Přednašky z XLVI. běhu Letní školy slovanských studií, FF UK, Praha, 2003a.

Hoffmannová J. Hodnocení, intenzifikace... a STYL v lexiku časopisů pro ženy // Sborník prací Filozoficko-přírodovědecké fakulty Slezské univerzity v Opavě, Řada jazykovědná, D 3, 2003в.

Hoffmannová J. "Outfit" a "look" českých magazínů pro ženy: je jejich jazyk a styl dost "trendy"? // Přednášky z XLVII běhu Letní školy slovanských studii, FF UK. Praha, 2004a.

Hoffmannová J. Na trhu s nemovitostmi (k jazyku a stylu inzerce realitních kanceláří) // Čeština doma a ve světě 12. Praha, 2004b.

Hoffmannová J., Müllerová O. Ein Privatbrief auf E-mail: immer noch ein Brief oder eher eine Plauderei? // Naumann B. (ed.): Dialogue Analysis and the Mass Media. Niemeyer. Tübingen, 1999.

Lukáš I. SMSmánie. Computer Press, Praha, 2001.

Machová S. Jemné proměny české věty // Sborník prací Filozoficko-přírodovědecké fakulty Slezské univerzity v Opavě. Řada jazykovědná, D 2. 2002.

Mareš P. Spisovnost a nespisovnost, formálnost a neformálnost // Přednášky z XLVI běhu Letní školy slovanských studií, FFUK. Praha, 2003.

Müllerová O. E-mailová korespondence z hlediska generačních rozdílů // Český jazyk a literatura na sklonku XX století. Wałbrzych; Ostrava, 2001.

Naumann B. Stirbt die deutsche Sprache? Überlegungen zum Sprachwandel durch IRC (Internet Relay Chat) // Dialoganalyse VI. Čmejrková S., Hoffmannová J., Müllerová O., Světlá J. (eds.) Teil 1, Niemeyer. Tübingen, 1998.

Nová šlova v češtině. Slovník neologizmů. Academia. Praha, 1998.

Saicová Římalová L. "Vyznavačkám chicstylu" (Dnešní čeština podle časopisu Style). Čeština doma a ve světě, 10. 2002.

Šimandl J. Vychytávky // Naše řeč, 2003. T. 86.

Vaňková J., Vejvodová J. K navazování kontaktu v elektronické konferenci i užívání sítí typu Internet // Jazyk a literatura VII. Sborník katedry českého jazyka a literatury PF. Západočeská univerzita. Plzeň, 2000.

Violi P. Electronic dialogue between orality and literacy. A Semiotic Approach // Dialoganalyse VI. Čmejrková S., Hoffmannová J., Müllerová O., Světlá J. (eds.) Teil 1, Niemeyer. Tübingen, 1998.

Перевод Г. Нещименко

inslav

Л. Йилкова (Гашова)

(Чехия)

НЕСКОЛЬКО НАБЛЮДЕНИЙ НАД ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ИНТЕРНЕТ-КЛУБА "ČEŠTINA"

Цель данной статьи – в общих чертах показать, как выглядит (с лингвистической точки зрения) общение в интернет-клубе "*Čeština*" на сервере *Okoun* (www.okoun.cz). Мы уже уделяли этому клубу довольно подробное внимание на страницах журнала "*Naše řeč*" [Hašová, 2003]. В настоящей статье представлено дальнейшее изучение его деятельности. Начало статьи посвящено понятийному аппарату, который служит для описания коммуникации в Интернете (определение понятия интернет-чата, общие и приватные разделы чатов, роль модератора чата, идентификация участников чата); далее рассматриваются общие черты текстов, авторы которых являются участниками интернет-коммуникации (стирание границы между языком письменным и устным, средства выражения экспрессии, в т.ч. использование т.н. эмотиконов/смайликов и образованных от английских слов акронимов). Далее на конкретных примерах описана коммуникация в интернет-клубе "*Čeština*", в котором общаются между собой лингвисты и просто люди, интересующиеся различными аспектами чешского языка. Здесь также определена специфика данного клуба, не встречающаяся в других интернет-клубах: соблюдение правил правописания и пунктуации, использование специальных тематических языковых пособий.

Интернет-клуб "*Čeština*" сервера *Okoun* можно включить в большую группу разнообразнейших интернет-конференций, дискуссионных форумов, дискуссионных групп, чатов (от англ. *chat* 'приятельский разговор, беседа, болтовня', *слэнг* 'треп', *have a chat* 'побеседовать', *have a good chat* 'наговориться'). Дискуссионные интернет-клубы могут быть посвящены самым разным темам (например, человеческим отношениям, путешествиям, музыкальным группам, компьютерному оборудованию и компьютерным играм, отечественным и зарубежным политикам, Евросоюзу, феминизму, теле- и радиопередачам, спорту, погоде и т.п.). Некоторые интернет-клубы изначально направлены на завязывание контакта, на поиск новых партнеров для общения; проще говоря, речь идет о клубах знакомств, среди которых есть так на-

inslav

зываемый *ICQ* – аббревиатура, которая в соответствующем "спеллинге" звучит так же, как английская фраза *I seek you – я ищу тебя* (см. также [Baron, 1999]).

Само слово *chat* служит примером межъязыковой омонимии. Мы можем его произнести либо так как оно написано, т.е. по правилам чешского произношения, либо по правилам английского произношения. В обоих случаях этому будут соответствовать чешские слова (*chat* – род.п. мн.ч. от существительного *chata, čet* – род.п. мн.ч. от существительного *četa, čet,* кроме того, это слово звучит как усеченная форма глагола *četl*, что даже способствует игре слов вроде: *už jsi čet' dneska čet*?). Посетители интернет-клубов, таким образом, называются *chataři* или *četaři*, деятельность, которую они осуществляют, называется *chatování* или *četování*, инфинитив этого глагола, соответственно, звучит как *chatovat* или *četovat*. Некоторые интернет-клубы такие межъязыковые омонимы используют непосредственно в своих заголовках и называются *chata, chatička* и т.п. Участники этих клубов, следовательно, говорят, что *scházejí se na chatě*. В их виртуальное дискуссионное пространство, как правило, можно попасть, "кликнув" мышью по картинке соответствующего чата. Виртуальные помещения, из которых состоят интернет-чаты, т.е. пространство в сети, в которое посетитель попадает после регистрации, чаще всего называются (в т.ч. и в чешской среде) по-английски *chat-room*.

Интернет-чаты, как правило, состоят из двух частей: общей и приватной. Общая часть содержит сообщения, которые может прочитать на экране своего компьютера любой подключенный к интернету пользователь. Общаться также можно и "шепотом", перейдя в приватную "комнату", где все посылаемые сообщения будут обращены только к одному конкретному посетителю чата, а остальные участники не смогут наблюдать за этим общением. Иными словами, два участника в одном дискуссионном пространстве (в одном *чат-руме*) могут общаться либо "вслух", предполагая, или желая, чтобы за их общением наблюдали и остальные, либо "шепотом", когда не хотят, чтобы их "слышал" кто-нибудь еще. Даже уже эта дихотомия намечает проблематику, которая подробнее будет рассмотрена ниже: в интернет-коммуникации, общении по сути письменном, мы находим ряд элементов устной речи. Это проявляется не только в самих текстах сообщений, но и тогда, когда сами участники описывают свое общение в интернете (из интернет-дискуссии: *další povídání s tebou bych nechal na šeptání, další už ti řeknu raději šeptem* и т.п.).

inslav

Каждый интернет-клуб имеет, как правило, своего модератора или администратора, в обязанности которого входит обеспечение работы клуба. Администратор может разными способами направлять ход дискуссии, может устанавливать темы дискуссии и, кроме прочего, он располагает так называемым правом удаления, т.е. может из общей части удалить высказывания, которые, с его точки зрения, являются недопустимыми. Причиной удаления текста может быть, например, тот факт, что кто-нибудь из участников написал сообщение, которое не соответствует теме дискуссии, другой причиной может быть чрезмерная вульгарность сообщения и т.п. На сайте любого дискуссионного клуба обычно легко можно найти правила, установленные администратором для участников чата или форума. Если кто-нибудь из участников многократно нарушает установленные правила, администратор вправе навсегда запретить ему входить в свой клуб (или же до тех пор, пока недисциплинированный участник не выдумает новое имя и новый пароль для входа).

Как только что было замечено, участник очень редко выступает под своим настоящим именем. Широко распространены клички (наиболее распространенное название *nicky* – от англ. *nickname*, кличка). Слово *nick* употребляется как неодушевленное существительное мужского рода (из интернет-дискуссии: *vtipný nick, tenhle nick se mi líbí víc než ten předchozí, tyhle nicky jsou běžné, pokud vím, XY má teď nový nick* и т.п.). С одной стороны, кличка может содержать некую информацию о своем носителе, с другой стороны, обычно по кличке даже трудно понять, о мужчине или женщине идет речь. Некоторые участники намеренно выбирают кличку, которая намекает на принадлежность к противоположному полу, другие вообще имеют по нескольку кличек. Множество кличек (тем или иным способом) образованы под влиянием английского языка, их примеры будут представлены далее (см. также подр. [Patraš, 2000, Wachtarczyková, 2000]).

Часто кличка сопровождается (по желанию участника) так называемой иконкой (*ikonka*), картинкой, которая может – но не обязательно – каким-нибудь образом перекликаться с кличкой ("ником"). Иконка, как и кличка, может содержать в себе информацию об участнике, например, показывать, что ее владелец хорошо владеет компьютерной графикой. Часто встречаются затейливые цветные иконки, мультипликационные иконки, иконки, которые являются уменьшенными художественными фотографиями и т.п. Существительное *ikonka* склоняется по типу склонения *žena*, так же, как и его полная, менее частотная, форма *ikona*.

inslav

Таким образом, сообщение в дискуссионном клубе содержит: кличку (часто сопровождаемую иконкой; образцы иконок, однако, в данной статье приводиться не будут), дату и час отсылки сообщения и, наконец, сам текст сообщения, например[1]:

> von_Zeppelin – 2. 6. 2003 18:09
> Jak vůbec vzniklo slovo "rozbřesk" ? Mám následující ženijální teorii: břesk, to je skoro jako třesk, třesk je rána, takže je to ráno.

Для языка интернет-конференций, форумов и чатов обычно характерно то, что их участники часто пренебрегают правилами пунктуации: предложение начинается с маленькой буквы, типичным является написание без диакритики, наблюдается тенденция к непрерывному стиранию границы между языком письменным и устным. Возможности Интернета позволяют авторам в сообщениях самыми разнообразными способами проявить свою личность, достичь того, чтобы их сообщение привлекало внимание, было экспрессивным и т.п. [Čmejrková, 1997, Čmejrková, 1999]. У них есть возможность писать буквами разной величины (заглавная буква может означать громкую речь, строчная – тихую), буквами разных цветов (некоторые экспериментируют и пишут буквами белого цвета, которые на белом фоне экрана не видны, рассчитывая на то, что кому-то не будет стоить труда изменить цветовой фон своего экрана, чтобы сделать возможным чтение белого текста). Конкретную фразу в тексте сообщения можно написать либо жирным шрифтом, либо заглавными буквами, какой-нибудь звук можно повторить несколько раз (речь идет, как правило, о долгих гласных, шипящих или других фрикативных звуках, т.е. тех звуках, которые мы можем и в устной речи, например при эмфатическом произнесении, удлинять). Чтобы передать иронию, улыбку, хорошее или плохое настроение и другие эмоции, автор сообщения может снабдить свой текст так называемым *эмотиконом,* или *смайликом*. Слово *emotikon* (мн.ч. *emotikony*) ведет себя обычно как неодушевленное существительное мужского рода. В редких случаях это слово встречается в форме женского рода – *emotikona*, которое склоняется по типу *žena*. Слово *smajlík* встречается только в мужском роде, а, склоняться может и как одушевленное и как неодушевленное существительное. Для обо-

[1] Здесь и далее выдержки из сообщений интернет-клуба даны в рамочке.

inslav

значения грустного лица, т.е. “грустного смайлика”, существует слово *frowney*, которое в чешской среде не прижилось [см. также Škodová, 2001]).

Самые распространенные эмотиконы, используемые в сообщениях, отображают, как правило, следующие эмоции:

:-)	участник дискуссии смеется, соглашается, он ироничен саркастичен
:-(	участник дискуссии хмурый, у него плохое настроение

К менее популярным эмотиконам относятся, например:

:-@	участник дискуссии кричит
:-o	участник дискуссии удивлен
:-I I	участник дискуссии равнодушен
:-p	участник дискуссии показывает язык
:'-)	участник дискуссии плачет от счастья
:-t	участник дискуссии обижен и рассержен
:-e	участник дискуссии разочарован
:-\	участник дискуссии нерешителен

У некоторых эмотиконов наблюдается постепенный сдвиг или даже отказ от прямого назначения, так как они служат, например, для описания внешнего облика:

8-)	очкарик
:-{	усатый
=:-)	панк
[:-)	слушает плеер
:^)	остроносый
:-{}	с накрашенными губами
:-#	носит подтяжки

В языке интернет-сообщений очень распространен буквенно-цифровой код, в котором используется частичное либо полное

inslav

звуковое совпадение какой-нибудь цифры и слова (или части слова) и также так называемые акронимы (мн.ч. *akronyma*; в сети часто называемые *akronymy*). Буквенно-цифровой код встречается в разных языках. В таблице представлены примеры из английского, немецкого и чешского языков:

GR8	great (великолепно)
L8R	later (позже)
CUL8R	see you later (увидимся позже)
2U	to you (тебе)
4U	for you (для тебя)
U2	you to (ты тоже)
B4	before (перед этим)
F2F	face to face (лицом к лицу)
TLK2UL8R	talk to you later (поговорим позже)
LY4E	love you for ever (я люблю тебя беспрестанно все время)
gute N8	gute Nacht (спокойной ночи)
jsem o5 z5	jsem opět zpět (я снова здесь)
jdeme na Pet3n	jdeme na Petřín (пошли на Петршин)

Следующая таблица содержит список самых частотных акронимов, используемых в общении в сети:

AFAIK	a s far as I know (насколь я знаю)
AKA	also known as (известный как)
BTW	by the way (между прочим)
FAQ	frequently asked question (часто задаваемые вопросы)
FYI	for your information (к вашему сведению)
IMHO	i my humble opinion (по моему скромному мнению)
NRN	no replay necessary (ответ не нужен)
OIC	oh, I see (A! Ага!)
O-O	over and out (отключаюсь и ухожу)

inslav

Некоторые английские акронимы проникают в чешские письменные электронные тексты:

Konrád– 20. 12. 2003 12:48
V Ostravě se také říká "kvůli" s druhým pádem, místo se třetím...
IMHO je opravdu ta středočeština nejblíže spisovne češtiné. Ale nemám teď sílu ani čas se o tom bavit.

После некоторых замечаний, стандартных для описания коммуникации в Интернете, мы намерены проследить, как, собственно, проходит дискуссия в упомянутом клубе "*Čeština*". Основной схемой можно считать пару "вопрос-ответ". Один из участников дискуссии задает вопрос, касающийся проблем чешского языка, а кто-нибудь (один или более) на него отвечает.

Ответ на легкий вопрос может появиться немедленно, ответа на более сложный вопрос можно ждать и несколько дней. Иногда вопрос оказывается для участников дискуссии слишком сложным и приходится констатировать, что решение не было найдено. Часто дискутируют сразу несколько пар, много вопросов решается одновременно и поэтому, случается, о каком-то вопросе забывают.

Для иллюстрации приводим аутентичные примеры вопросов из интернет-дискуссии:

Barclay– 7. 1. 2004 11:52
Pokud se hovoří o "newtonovské fyzice" a "einsteinovské f.", tak to jsou dvě fyziky, ne?

kulida – 4. 1. 2004 23:28
podle ceho je spravne psano kapary a nikoli kapari? Jedna se mi ted o nakladana poupatka cehosi, co nevim co je

Vuk– 2. 1. 2004 13:13
eště mám otázku. Možná je to základní neznalost...: 1. proč se píše "vzít něco s sebou", a ne "vzít něco se sebou" (už jsem to párkát viděl); 2. proč se říká a píše "byli jsme ve při", a ne "byli jsme v při", když se jinde říká: "v případě požáru..." atd.?

Dave G – 27. 12. 2003 06:08
Můžete mi prosím poradit, kdy se používá "s sebou" a kdy jen "sebou"?

inslav

lachauer – 22. 12. 2003 00:36
už jsem si zvyk, že misto **protežovat** se často píše **protěžovat**. Ale dnes jsem se dočet v Lidovkách, že *...císař Konstantin křesťany prostěžoval..* To je nějaká nová varianta, nebo měl prostě jen korektor málo kafat?

janek – 21. 12. 2003 13:43
Prosím vás, co jsou to kafata?

Далее приведена часть дискуссии, в которой одним участником был задан вопрос, а несколько других попытались доискаться ответа на него. Мы можем проследить хронологию обсуждения, количество участников, высказавшихся по данному поводу и т.д.:

Frazer – 8. 12. 2003 14:55
zna nekdo pojem "sovka"? mel by to byt druh ptaka, nejaky racek. nic blizsiho jsem o tom ale nenasel

FarsaiD – 8. 12. 2003 15:05
Frazer: Sovka je český rodový název některých sov z čeledi puštíkovitých.

bmind – 8. 12. 2003 15:26
Sovka je můj kamarád :-)

Vuk – 10. 12. 2003 08:11
Se "sovkou" jsem se setkal v Těsnohlídkově Vrbě zelené. Je to i něco ze zlodějské hantýrky; teď už přesně nevím, ale mám pocit, že to znamenalo něco jako "manžel, druh, milý". Tu knížku doporučuji– Těsnohlídek se snažil ukázat, jak to tady bude vypadat, až si muži a ženy vyměni své role :-) (knížka je z r. 1925).

Vuk – 10. 12. 2003 09:16
Sovka trochu jinak :-)
Těsnohlídek: Františka zachvátila zvědavost. Zatáhl průvodce za hřbetní srst a otázal se : "Poslóché, ty *sovko* oditá či jamboro, či jak tě volajou, nač tadyk máte tolik hafhaf ?" :-)

Моментально определить, кем являются участники дискуссии в интернет-клубе "*Čeština*" трудно, поскольку (как уже было отмечено) участники выступают под самыми разными кличками: *stromovous, vlaho, serendipity, FarsaiD, jkom, S_M_Lomoz, Baldachyn, KaRel, JBee, Mastodont, Roshtee, von_Zeppelin, arnost, Case, Kdokoliv, carnot, EnSof, slavecek, Halub, METALmaria, cap-*

inslav

tainn, wonderka и многими другими. Однако длительность наблюдения за этой дискуссией (исследование автора опирается на приблизительно двухгодичное наблюдение за клубом) дает нам определенное представление о том, кто есть кто. В своих вопросах дискутирующие иногда поясняют, почему их интересует данное языковое явление, а по ответам часто можно догадаться, что определенная область языка кому-то близка из-за того, что участник дискуссии – филолог. Более того, некоторые из участников имеют свои собственные странички в интернете, посетив которые, довольно точно можно определить область их профессиональных интересов. Таким образом, очевидно, что завсегдатаями сайта клуба "*Čeština*" являются специалисты, будущие специалисты (студенты-богемисты) и, наконец, любители, которые из интереса (иногда, конечно, из интереса профессионального, напр., переводчики, журналисты) участвуют в дискуссии о чешском языке. Самое большое количество вопросов задают любители. Но лингвистические "авторитеты" с ответами не спешат. Иногда создается впечатление, что они выжидают, пока остальные участники выскажут свое мнение о данной проблеме – и лишь потом только выступают сами с конечным решением. Можно также констатировать, что, кроме названных групп дискутирующих, существует неопределенная по количеству большая группа наблюдателей, т.е. тех, кто только читают сообщения в клубе, но сами в дискуссиях не участвуют.

О том, что участники дискуссии родом из разных областей Чешской Республики (кроме того, к обсуждению часто присоединяются словаки), свидетельствуют сообщения о разных вариантах национального языка:

stromovous – 20. 12. 2003 00:39
Jako že slovní zásoba chybí nebo je jiná? Ještě po devíti letech v Praze občas s překvapením zjistím, že mnou použité slovo, které považuji za naprosto běžné a spisovné, je moravismus. Mohu uvést i příklady– například během prvního měsíce v Praze jsem díky občas sklízenému posměchu zjistil, že slovo "fajný" je výrazem pouze ostravským (a samozřejmě polským), ale teprve před pár týdny mne šéfredaktor upozornil, že kniha není "hrubá", nýbrž "tlustá". Od té doby mám velký problém se slovem "hrubý" a nevím přesně, co česky znamená (kromě povahové vlastnosti). Nu a před několika dny jsem prohlásil, že jedna kolegyně to dnes "vybulila"– o tomto slovu jsem věděl, že je nespisovné, ale netušil jsem, že jest také mimo Ostravsko obecně nepoužitelné (znamená to sloveso pro záměrné uskutečnění absence).

inslav

ocs – 19. 12. 2003 18:21
Já. Jsem pražák rodilý, a z pražštiny je mi značně nevolno. Mám za to (bez důkazů, jen odhadem), že spisovné češtině je poměrně nejblíže moravština.

stromovous– 19. 12. 2003 23:55
IMHO je spisovné češtině nejblíže jazyk, kterým se hovoří v okolí Lipníku nad Bečvou a Hranic na Moravě. Jinak si myslím, že taková "obecná moravština" je spisovné češtině opravdu nejblíže, ale tou mluví Moravané v podstatě proto, že většinou z důvodu snahy o vzájemnou srozumitelnost a vliv komunikace s Čechy rezignovali na svá původní rozdílná a od spisovné češtiny velmi odlišná ňařečí. Například v Olomouci už málokdo hovoří skalní hanáčtinou, ale nejvíce je tam slyšet obecná moravština s prvky hanáčtiny. Stejně tak je v Brně slyšet nejčastěji obecná moravština s prvky hantecu. S Ostravou je to složitější, protože tam se mísí hned čtyři dialekty v různých jejich částech– hlučínské "německé" ponazsimu na severním okraji, těšínské "polské" ponazsimu ve Slezské Ostravě (tento dialekt je nejblíže zmíněnému lašskému interdialektu), "hornická" ostravština v Moravské Ostravě (s četnými slovenskými prvky, které v předminulém a minulém století přinesli slovenští přistěhovalci za prací) a velmi spisovná nevyhraněná "severomoravština" na jižním a jihozápadním okraji (k Ostravě pozdně integrované oblasti s nejmenším rázem a velkým procentem přespolních, například sorelová megačást Poruba z padesátých let na západě nebo velká sídliště na jihu). Tohle všechno dohromady dává vzniknout klasické "krátké" ostravštině, jakou je možno nejčastěji slyšet na tamějších ulicích, když se místní obyvatelé snaží o spisovnou mluvu.

Как выглядят вопросы участников дискуссии, рассказано выше. Ответы на них могут быть самого разного профессионального уровня. Одни ответы находятся в области предположений, другие обнаруживают высокую эрудицию участника дискуссии:

Šnek– 13. 3. 2003 22:21
To se říká podle toho, jestli to člověk chápe (resp. lidé dříve chápali) spíš jako oblast krajiny, nebo jako uzavřené sídlo. Žižkov je původně kopec, člověk může bydlet na ňem, ale těžko v něm. Vršovice byly odjakživa ves, a tak člověk bydlel v nich.
Samotné pražské čtvrtě Pražáci chápali jako oblasti důležité pražské krajiny, proto se říká "na Starém Městě", "na Malé Straně" atd.
Do banky chodi lidé, kteří ji chápou jako dům. Někteří lidé ovšem chodí na banku, protože mají ještě v podvědomí zachovanou původní představu peněžoměneckého stolu. Na poštu se chodí ze stejného důvodu jako na stanici ("pošta" < "posta" < < "posita" = "stanice"); je to zkrátka místo, tedy určitá plošna oblast, a jak víš, chodíme na místo ("do míst" nebo "do místa" má opět charakter nadplošný, prostorový).

inslav

Специфика интернет-клуба "*Čeština*" заключается во всеобщем стремлении к грамотному правописанию, пунктуации, написанию заглавной буквы в начале предложения:

ocs – 20. 12. 2003 00:10 Aúúúúú. Aspoň v tomto klubu, prosím pěkně, v plurálu *nevědi* :((((

Одна из интересных особенностей, характеризующих деятельность интернет-клуба "*Čeština*", – комментирование специальной литературы. Лейтмотивом через дискуссию проходит критика правил правописания (*Pravidla provopisu. Academia Praha, 1993*). Ряд участников постоянно негодует по поводу некоторых форм, которые это издание допускает как литературные. Авторы сообщений (по крайней мере некоторые) обычно заглядывают в четырехтомный *Spisovný slovník jazyka českého (Praha, 1960–1971)* и *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost (Academia, Praha, 1994)*, а некоторые и в восьмитомный *Příruční slovník jazyka českého (SPN, Praha, 1935–1957)*. В своих ответах ссылаются также на этимологические словари, например, *Český etymologický slovník J. Rejzka (Leda, 2001)* или на словари иностранных слов, например, *Akademický slovník cizích slov (Academia, Praha, 1995)*. Отрадно, конечно, что некоторых участников-любителей дискуссия в интернет-клубе "*Čeština*" побуждает к покупке специальной лингвистической литературы. Авторы сообщений также постоянно выясняют, где в сети можно найти электронную версию правил чешского правописания и достаточно содержательного толкового словаря чешского языка. Самым "посещаемым" источником информации, особенно для выявления частотности определенного выражения, в Интернете является поисковая служба *Google* (www.google.com). Реже авторы пользуются открытой для общественности частью *Чешского национального корпуса* (http://ucnk.ff.cuni.cz). Наименее посещаемой является другая – более полная, но закрытая для широких масс часть *Корпуса*.

Привычным для участников дискуссии стало также посещение сайта Института чешского языка (http://www.ujc.cas.cz/), особенно раздел "*Часто задаваемые вопросы*" (обозначенный и на самих страницах сайта Института чешского языка АН ЧР английским акронимом *FAQ*), который наглядно разработан консультационным отделом института, о чем свидетельствует следующее сообщение:

inslav

slavecek– 28. 5. 2003 16:38
Ahoj, ve FAQ ÚJČ píšou o čárce za respektive tohle: >>> Takovéto dodatky, např. jízdenka plnocenná, resp. zlevněná pro studenty chápeme jako zpřesňující vsuvky, a proto před resp. píšeme čárku. Pokud věta za vysvětlovací vsuvkou pokračuje, oddělíme vsuvku oboustranně. <<< Jenže pak uvedou tyhle příklady: >>> chtěl jsem, resp. jsem musel odjet už v sobotu. dvacet let, respektive třicet pět let v totalitarismu <<< Tak co z toho je správně??? Jsem z toho trochu jelen. Píše se za vsuvkou s respektive čárka, nebo ne? Dík předem za radu.

Помимо упомянутых пособий и словарей, многие участники дискуссии знакомы и со специальными журналами. Это, прежде всего, "*Slovo a slovesnost*" и "*Naše řeč*". Некоторые дискутирующие ищут и их электронные версии:

snoopy – 3. 1. 2004 10:55
Nazdarek, potebuju shromazdit ke zkousce, deset prispevku z casopisu nase rec, ale mam k dispozici jen dve papirova cisla a ty uz jsem zcela vyzdimala, nevedel by nekdo, zda se nachazi na siti elektronicka volne pristupna verze casopisu? pripadne nejake shrnuti nebo tak neco, jsem v koncich....diky

В заключение (без дословного цитирования) перечислим некоторые темы, которые появились за последнее время в интернет-клубе "*Čeština*". То есть выясним, какие, собственно, вопросы чешского языка интересуют участников дискуссии (ряд тем уже обозначен на примерах выше, остальные примеры приведены в упомянутой работе автора [Hašová, 2003]. Здесь обсуждаются проблемы: морфологии (склонение иностранных географических названий, среди которых недавно появились названия таких городов как *Suchumi* и *Karáčí*, употребление существительных, которые в чешском языке функционируют в двух родах (*salám/saláma, klobás/klobása, fix/fixa, brambor/brambora, hadr/hadra* и др.); к глагольным "хитам" этого клуба относятся проблемы окончания глаголов четвертого класса – тип *prosí, trpí, sází* – в третьем лице множественного числа настоящего времени, а также образование деепричастных форм, как правило, логически дополненные дискуссией о глагольном виде), семантики (наиболее частые из них те, в которых дискутирующие выясняют, как понять то или иное выражение: в данном тексте уже были упомянуты слова *sovka* и *kafata* – то есть слово *kafe* во мн.ч., к другим подобного рода случаям относятся, к примеру, *moldánky* или *zhůvěřilý*), стилистики (напр., не-/надлежащее использование титула *pan* пе-

inslav

ред мужской фамилией и в других словосочетаниях), фонетики (недавно обсуждалось, например, положение согласного *g* в современном и древнем чешском языке). Уделяется внимание плеоназмам самых разных видов (напр., *Anno Léta páně 1914, kompaktní CD, jazyk HTML* – англ. аббревиатура от *hyper text mark-up language*, и т.п.) и также разнообразным "играм" с чешским языком (поиск самого длинного слова, создание аллитерационных предложений и т.п.).

Безусловным преимуществом этого дискуссионного клуба является то, что здесь происходит повседневный контакт нелингвистов с лингвистами. Очевидна работа со специальными языковыми пособиями. Участники, которых мы для наглядности в данной работе называем любителями, в течение очень короткого периода получают ответы на вопросы и найденную здесь информацию применяют в своей работе – переводческой, журналистской и т.п. – что, естественно, можно считать одним из главных достоинств этого клуба. Ряд вопросов, разумеется, задается только из любопытства, но этот факт тоже свидетельствует о том, что многие пользователи Интернета проявляют настоящий интерес к своему родному языку. Не может не радовать и то, что участники дискуссии принимают во внимание несколько возможных решений языковой проблемы, отдают себе отчет в том, что ответ (напр., вопросы стилистики) не всегда однозначен, задумываются об уместности употребления того или иного выражения и размышляют о разных уровнях культуры речи.

ЛИТЕРАТУРА

Baron N.S. History Lessons: Telegraph, Telephone and Email as Social Discourse // Dialogue Analysis and the Mass Media / Ed. by Bernd Naumann, Niemeyer, Tübingen 1999. S. 1–34.

Čmejrková S. Čeština v síti: Psanost či mluvenost? (O stylu e-mailového dialogu), Naše řeč, 5/1997. S. 225–247.

Čmejrková S. Czech on the Network: Written or Spoken Interaction? // Dialogue Analysis and the Mass Media. S. 113–126.

Fronek, J. Velký česko-anglický slovník, Leda, Praha, 2000.

Hašová L. Jak a o čem se diskutuje v internetovém češtinářském klubu (*BTW např. přechodníků je IMHO škoda*), Naše řeč. 86. 2003/2. S. 57–70.

Škodová S. Kdo smajluje naposled, ten smajluje nejlíp! Sborník 2002, TU Liberec 2001. S. 95–101.

Patraš V. "Niky v chate" (pohl'ad na internetové prezývky cez okienko sociolingvistiky) // Vlastné mená v jazyku a spoločnosti, sborník z 14. slovenské onomastické konference. Bratislava; Banská Bystrica, 2000. S. 209–221.

inslav

J. Wachtarczyková. Virtuálna identita l'udi na interente a ich mená // Vlastné mená v jazyku a spoločnosti, sborník z 14. slovenské onomastické konference. S. 223–230.
http://smile.parcon.cz/
http://stmbs.kvalitne.cz/smajliky/view.php?co=akronymy
http://www.motobike.cz/akronymy.htm
http://searchwebservices.techtarget.com/sDefinition/0,,sid26_gci211776,00.html

Перевод *Я. Ганелиной*

З. Гладка
(Чехия)

ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ЧАСТНОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Еще в 1971 г. А. Едличка в статье "*Jazyk korespondence jako pramen studia spisovného jazyka*" отметил важность частной переписки для изучения языковой реальности и особенно живой формы литературного языка: "Материал, взятый из личной переписки, в которой [...] спонтанно, непреднамеренно могут использоваться элементы индивидуального языка, отражающего в том числе и региональную, и социальную норму, может, наряду с другими источниками, способствовать установлению истинной литературной нормы и тенденций ее развития. Материал личной корреспонденции мог бы обогатить лексиграфический архив, на базе которого осуществляется разработка словарей современного литературного языка" [Jedlička 1971-2: 286]. Несмотря на бесспорную обоснованность рекомендации А. Едлички, язык частной переписки, особенно обычных авторов, до сих пор не был детально изучен, и, прежде всего, из-за трудности сбора материала, относящегося к столь личной сфере человеческой коммуникации. В последнее время на филологическом факультете университета им. Масарика в Брно создается электронный корпус частных писем, который станет общедоступным источником, облегчающим всестороннее исследование этого специфического вида коммуникатов. В данной статье мы попытаемся наметить некоторые перспективы использования эпистолярных текстов для изучения синхронного (не только литературного) узуса чешского языка, а также специфики языковой ситуации в Чехии, Моравии и Силезии.

inslav

2. КОРПУС ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Использование электронных корпусов, позволяющих изучать язык посредством быстрой обработки большого количества аутентичных данных, в последнее время получает все большее распространение и при изучении славянских языков. В большинстве своем исследователи работают с корпусом ранее опубликованных, т.е. более или менее литературных текстов, в меньшей степени – с корпусами устной речи, получить записи которой далеко не просто. Начиная с конца 90-х гг. XX в., в рамках подготовки Чешского национального корпуса[1] в Институте чешского языка философского факультета университета им. Масарика в Брно также создается корпус частной корреспонденции, объединяющий тексты, находящиеся на грани письменности и устности. Ныне он включает электронную фиксацию примерно 2000 "традиционных", т.е. написанных от руки писем (а также несколько сот электронных писем и СМС-сообщений)[2], собранных за последние 15 лет. Авторы писем происходят из всех регионов Чешской Республики (соотношение женщин и мужчин 4:1). Корреспонденция собирается анонимно, дарители заполняют лишь короткую анкету с основными социолингвистическими параметрами.

На базе предварительного корпуса был создан подкорпус из 500 писем, на котором апробировались методы дальнейшей электронной обработки, а также возможности использования данного типа текстов. Для анализа были отобраны письма молодых авторов, лучше отражающие современные тенденции развития языка. Материал был помещен под "менеджером" (программа управления. – *Прим. пер.*) корпуса, облегчающим поиск "конкордансов" заданных слов, словоформ и словосочетаний, а также проведение статистического анализа (конкорданс – алфавитный список всех слов заданного текста с указанием контекстов ис-

---

[1] Český národní korpus (ČNK) – это репрезентативный электронный корпус чешского языка, созданный в 1994 году в Институте Чешского национального корпуса на философском факультете Карлова университета в Праге (http://ucnk.ff.cuni.cz). Значительная часть материалов корпуса доступна широкой общественности [Ср. Kocek – Kopřivová – Kučera 2000].

[2] В первой фазе сбор материала был ориентирован на письма, написанные от руки, так как они наиболее значимы для лингвистического исследования. Мало того, по мере развития новых средств коммуникации (т.е. электронной почты и мобильных телефонов) они быстро исчезают.

inslav

пользования. – *Прим. пер.*[3]). В случае необходимости можно работать с определенной частью корпуса, задав произвольную комбинацию из 10 релевантных социолингвистических параметров, к которым относятся, например, возраст, пол, образование и диалектная характеристика автора. В настоящее время ведется подготовка морфологической маркировки этого подкорпуса, что связано с рядом трудностей, поскольку любой автоматический или полуавтоматический анализ осложняется большой языковой неоднородностью текстов писем (особую проблему создает пересечение литературного кода с несколькими субстандартными, территориально и социально обусловленными кодами). Автоматическую обработку осложняют и орфографические ошибки. При грамматической маркировке, очевидно, следует использовать и механическую ручную обработку.

3. ПРЕИМУЩЕСТВА ЧАСТНОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ КАК ИСТОЧНИКА ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО УЗУСА

Для лингвистического исследования эпистолярные тексты имеют ряд преимуществ, щедро компенсирующих неудобства, связанные с их получением. Наиболее важна значительная степень аутентичности и спонтанности высказываний, сравнимая, пожалуй, только со скрытыми магнитофонными записями устной речи, осуществление которых весьма затруднительно. Большим преимуществом писем является и разнообразие территориальной принадлежности их авторов, позволяющее изучить территориальную дифференциацию языковых явлений без трудоемкого полевого исследования. Ценнейшим качеством частной корреспонденции является то, что она занимает пограничное положение между устной и письменной речью. В силу этого ее лингвистическое изучение позволяет получить интересную информацию о соотношени дихотомий письменности и устности, официальности и частноти, литературности и нелитературности.

К числу основных признаков частной переписки относится устность, впрочем, это устность переосмысленная [Krčmová, 1994], акцентирующая значимость конститутивных признаков спонтанности, неподготовленности и неформальности по сравне-

---

[3] При подыскании соответствий мы ориентировались на "Англо-русский словарь по программированию и информатике (с толкованиями)", автор А.Б. Борковский. М., 1989.

inslav

нию с признаком звуковой реализации. Благодаря своей неофициальности, скрытой диалогичности, повышенной значимости контактной функции по сравнению с функцией сообщения, эмоциональности и т.п. частные письма приближаются к доверительному общению[4]. Именно поэтому они содержат важные сведения о современном состоянии и тенденциях развития так называемого языка повседневного общения. Вместе с тем в результате традиционного соединения письменности и литературности эти письма отражают повседневную речь в несколько скорректированном виде. Нельзя, впрочем, не отметить, что именно в частной корреспонденции последнего времени комбинация "письменности и литературности" уступает по значимости функциональной комбинации "неофициальности и нелитературности" [Chloupek, 1986: 15]. Наконец, тексты писем позволяют установить, какие нелитературные элементы устной речи уже воспринимаются как более или менее нейтральные, а какие, наоборот, остаются еще настолько признаковыми, что не используются даже в этом переходном типе письменных коммуникатов. Последнее, кстати говоря, может помочь при выработке кодификации, выявляя, какие субстандартные языковые средства в дальнейшем могут войти в литературный язык.

4. АНАЛИЗ ЯЗЫКА ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ

4.1. Цель исследования

Цель настоящей статьи[5] – проследить, в какой степени в современной частной переписке признак устности нарушает традиционную литературность письменного текста, какие нелитературные элементы являются для данного пограничного типа письменных текстов более приемлемыми, а какие менее, и насколько на численности и типологии используемых нелитературных элементов сказываются территориальные различия. В связи с этим мы попытаемся установить, какие уточнения мо-

[4] "В непринужденной переписке [...] автор письма, равно как и участник доверительного общения имеет практически неограниченную возможность сделать выбор между средствами выражения литературными и нелитературными, терминологическими и сленговыми, эмоционально нейтральными и экспрессивными, автоматизированными и актуализованными и, конечно, между средствами с разными стиллистическими признаками" [Jelínek 1995: 128].

[5] Материал, используемый в данной статье, отчасти взят из дипломной работы [Šindlerová, 2002].

inslav

жет внести анализ частной корреспонденции в продолжающуюся в чешской лингвистике дискуссию о степени экспансии идиома *obecná čeština* в восточную часть территории распространения чешского национального языка, т.е. в область Моравии и Силезии. Нас будут также интересовать территориально обусловленные различия в функциональном спектре чешского литературного языка. Мы постараемся также вкратце наметить возможности использования текстов корреспонденции для лексикографических целей.

4.2. Исходный материал

Источником материала для данной статьи стали 500 писем молодых авторов (в возрасте от 15 до 30 лет). Стремясь отразить многообразие идиолектов, мы привлекли к исследованию 323 письма. Их авторами в подавляющем большинстве случаев были женщины, адресованы письма также женщинам, причем, как правило, они носят дружеский характер. Исходя из территориальной (диалектной) принадлежности авторов, анализируемые письма можно расклассифицировать следующим образом[6]: чешские диалекты – 79 писем, чешскоморавские – 12, среднеморавские – 127, восточноморавские – 65 и силезские диалекты – 40 писем. При сравнении с устной речью учитывались некоторые данные из уже опубликованных исследований устного языка, а также языка современной беллетристики [Kravčišinová, Bednářová 1968; Krčmová 1981; Šonková 2000; Bermel 2001]. Помимо этого, были также проанализированы 20 аудиозаписей формальной речи и 20 аудиозаписей речи неформальной из Брненского корпуса устной речи[7].

---

[6] Мы исходим из определения диалектных областей, предложенных в работе [Balhar – Jančák a kol. 1993].

[7] Брненский корпус устной речи – Brněnský mluvený korpus (BMK) возникает, начиная с 1994 г., в Институте чешского языка философского факультета университета им. Масарика. В 2002 г. часть этого корпуса (около 500 000 слов) в составе Чешского национального корпуса стала достоянием общественности. Аудиозаписи формальной речи включают ответы респондентов на вопросы некоего подобия социологической анкеты, сформулированные на литературном языке; аудиозаписи неформальной речи фиксируют обычное дружеское общение. Материал, используемый в статье, включает как формальную, так и неформальную запись речи одного и того же индивидуума (были опрошены десять женщин и десять мужчин, являющихся студентами вуза).

inslav

4.3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЛИТЕРАТУРНЫХ СРЕДСТВ В ЧАСТНОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

4.3.1. Территориальное распространение идиома obecná čeština

В язык частной переписки проникают, как уже было сказано, элементы повседневной речи, т.е. "спонтанно устной функциональной разновидности национального языка, структурная реализация которой может различаться: она может быть как нелитературной (прежде всего), так и зачастую смешанной" [Bogoczová a kol. 2000: 11]. На большой части чешской языковой территории (прежде всего в собственно чешских землях) основу повседневной речи уже длительное время составляет *obecná čeština*. Как обстоит дело с территориальным распространением этого идиома в Моравии и Силезии, мы и попытаемся в дальнейшем выяснить, привлекая к анализу тексты частной корреспонденции. Следует, однако, учитывать, что поскольку ряд характерных признаков идиома *obecná čeština* отмечается и в некоторых моравских и силезских традиционных диалектах[8], было бы неверным объяснять их наличие в текстах писем лишь экспансией идиома *obecná čeština*.

Для установления степени распространения элементов идиома *obecná čeština* в частной корреспонденции важнее всего анализ языковых фактов с высокой степенью потенциального использования (т.е. высокая численность возможных позиций). В этом случае объектом исследования может служить даже небольшая выборка. Ключевую роль, несомненно, играют **фонетические**

---

[8] При рассмотрении признаков идиома *obecná čeština* в традиционном диалектном пласте Моравии и Силезии мы исходили из данных, приводимых Я. Беличем [Bělič 1972]. **Фонетические признаки:** 1) сужение *é* > í: чешско-моравские диалекты, среднеморавские диалекты и юго-западный край восточно-моравских диалектов; в позиции после мягких согласных это отмечено также и в восточной части силезских диалектов; 2) дифтонгизация *ý* > *ej*: келечский и дольский край восточноморавских диалектов; 3) протетическое *-v*: среднеморавские диалекты, исключая северо-восточную область. **Морфологические признаки:** 1) тип *já byl, já sěl*, т.е. отсутствие вспомогательного глагола в 1 л. ед.ч. претерита: восточная часть силезских диалектов; 2) связки *jseš/seš*: среднеморавские диалекты, исключая северо-восточный край, с выходом в восточноморавские диалекты; 3) тип *ty dobrý kluci*, т.е. выравнивание форм им.п.. мн.ч. У местоимений и прилагательных твердой разновидности одушевленных и неодушевленных: в традиционном диалектном пласте в Моравии и в Силезии не отмечено; 4) причастия типа *ved*, т.е. без конечного *-l*: силезские диалекты и прилегающая часть восточноморавских диалектов.

inslav

явления, особенно сужение *é* > *í* и дифтонгизация *ý* > *ej*. Наряду с протетическим *v*-, эти фонетические признаки считаются наиболее характерными особенностями идиома *obecná čeština*.

Сужение *é* > *í* (в окончании). Территориальное распределение фактов сужения в языке переписки практически полностью соответствует традиционным диалектным изоглоссам. В позиции абсолютного конца слова на чешской и отчасти на моравской территории, т.е. в областях закономерного распространения этого явления, формы с сужением зафиксированы примерно в 30% возможных позиций (чешские диалекты 31,25%, среднеморавские диалекты 31,08%). В письмах из восточноморавской диалектной области в соответствии с традиционным диалектом количество случаев сужения резко убывает (восточноморавские диалекты 7,75%; большинство случаев приходится на юго-западный край области, где это явление подтверждается и в диалектах). В письмах из Силезии случаи сужения являются единичными (1,13%). В окончаниях косвенных падежей сужение в целом наблюдается реже, хотя территориальные пропорции в основном сохранены (чешские диалекты 16,79 %, среднеморавские – 22,37%, восточноморавские – 3,85%, силезские – 0%). Таким образом, суженное *í* в исследуемом материале представлено почти исключительно в случаях, когда это совпадает с нормой традиционного диалекта. Сказанное подтверждают и данные о наличии суженного *í* в корне слова, которые здесь из-за недостатка места, а также из-за сниженных статистических показателей не приводятся.

Дифтонг *ej* (в окончании). Наличие дифтонга *ej* в текстах писем существенно отличается от его представленности в традиционном диалектном слое. На практике это проявляется в его инвазии в среднеморавскую диалектную зону. В письмах из средней Моравии, где данное явление не имеет диалектной поддержки, фреквенция дифтонга (в окончаниях) совпадает с его фреквенцией в письмах из Чехии. В позиции абсолютного конца слова частотность даже выше; ср.: чешские диалекты 26,17%, среднеморавские – 30, 97%; в косвенных падежах в чешских диалектах – 7,95%, в среднеморавских – 5,29%. Равномерное распределение дифтонга отмечено в письмах из всей области среднеморавских диалектов, правда, это не распространяется на письма из крупных городов. Сведения о его распространении далее на восток, за пределы среднеморавских диалектов, тексты писем не содержат. Наличие дифтонгизации в абсолютном конце слова зарегистрировано в восточноморавской диалектной зоне, прав-

inslav

да, исчисляется это всего лишь несколькими процентами (5,26%). Сказанное касается писем прежде всего из юго-западной части этой территории, где дифтонгизация также отмечается в диалектах. В письмах из большей части восточноморавской диалектной области и во всей области силезских диалектов дифтонг (в полном соответствии с традиционными диалектами) не отмечен. Аналогичное соотношение характерно для дифтонга *ej* в корне слова.

Протетическое *v-* (в начале слова). Крайне низкая фреквенция протетического v- в текстах писем (около 1%) не позволяет провести полноценное территориальное сравнение, тем не менее даже небольшое количество примеров в целом достаточно точно отражает традиционное территориальное распределение явления (чешские диалекты – 1,23%, среднеморавские – 0,75%, восточноморавские – 0,26%, силезские – 0%).

На **морфологическом** уровне данные, полученные из текстов корреспонденции, более или менее совпадают с ситуацией в традиционных диалектах. Сравним, например, наличие форм им.п. мн.ч. у местоимений и прилагательных твердой разновидности типа *ty dobrý kluci*, что наблюдается в диалектах лишь собственно Чехии и западного края Моравии (чешские диалекты – 22,22%, среднеморавские – 5%, восточноморавские – 0%, силезские – 0%). Письма не подтверждают распространение черт идиома *obecná čeština* даже у форм причастия прошедшего времени, т.е. отсутствие конечного *-l*, например, *ved*. Данное явление встречается даже реже, чем в диалектах Силезии и прилегающей к ней части восточноморавских диалектов (чешские диалекты – 19,15%, восточноморавские – 0%, силезские – 3,03%). Что касается других морфологических показателей, например, таких как форма 2 л. ед.ч. глагола-связки *sešljseš* и форм 1. л. ед.ч. претерита с опущенным вспомогательным глаголом типа *já byl*, *já šel*, то за пределами традиционной территории их численность невелика.

Подводя итог статистического анализа частной корреспонденции из Моравии и Силезии, мы заключаем, что говорить о значительной экспансии примет идиома *obecná čeština* за пределы традиционных диалектных изоглосс, допустимо лишь для дифтонга *ej*, и то лишь для области средней Моравии. Судя по письмам, на указаной территории анализируемое явление отличается значительной устойчивостью и имеет во многом одинаковые масштабы, что и в письмах из Чехии! К аналогичным выводам уже давно пришли и

inslav

исследователи устной речи[9]. Распространение дифтонга *ej* в средней Моравии поддерживается непосредственным территориальным соседством с Чехией, а также наличием другой самой значимой приметы идиома *obecná čeština* (сужение *é* > *í*), которая здесь находит свою опору и в диалектах. Не последнюю роль играет и фонетическая близость с постепенно трансформирующимся ганацким *é*, которое развивается в направлении к дифтонгу *ej*. Далее на восток эти предпосылки отсутствуют, в связи с чем дифтонг *ej* здесь имеет незначительное распространение.

Судя по данным корреспонденции, остальные признаки идиома *obecná čeština* при отсутствии поддержки со стороны диалектов распространяются лишь спорадически (в большинстве своем это обусловлено происхождением авторов из регионов, находящихся вблизи областей с диалектной поддержкой явления или же у авторов из больших городов).

4.3.2. Общая степень нелитературности в частной корреспонденции (с учетом территориального аспекта)

Наряду с территориальной дифференциацией использования идиома *obecná čeština*, нас интересовало общее количество, а также региональная обусловленность нелитературных средств, встречающихся в частной переписке (по сравнению с устной неформальной речью).

Степень употребления нелитературных средств во многом обусловливается действием ряда индивидуальных и ситуационных факторов[10]. Как показал анализ выборки современных пи-

[9] К примеру, как показало изучение детской речи в Брно [Krčmová 1981], в 1967 г. дифтонг в конечной позиции окончания прилагательных отмечается в 46,6%; в неконечной позиции окончания – в 16,5% возможных случаев; в 1972 году в конечной позиции – 55,1%, а в неконечной позиции – 27,1% возможных случаев. Проведенное нами зондирование Брненского корпуса устной речи показало, что в неформальной речи молодых жителей Брно в конце 90-х гг. XX в. дифтонг *-ej-* зафиксирован в конечной и неконечной позиции окончания в совокупности – в 74,4% возможных случаев, в формальных высказываниях – в 46% возможных случаев употребления. Для сравнения приведем данные о речи жителей Чехии: при исследовании повседневной речи Праги начала 90-х гг. XX в. [Šonková 2000] употребление дифтонга в конечной позиции окончания было зарегистрировано в 85–92% (в зависимости от одушевленности).

[10] К ним относятся, например, отношения между автором письма и адресатом, тема письма и не в последнюю очередь личные качества автора; бóльшая склонность к нелитературности отмечается у авторов с более низким уровнем образования, у лиц более молодого возраста, а также у авторов женского пола [Ср.: Šindlerová 2002].

inslav

сем, субстандартные средства в них, действительно, встречаются, причем, главным образом, в корреспонденции молодых людей. Наиболее распространены (по крайней мере, в Чехии) языковые средства, относящиеся ныне преимущественно к нейтральному регистру, их литературные варианты, напротив, стали восприниматься как слишком книжные[11] (напр. *pěkný město* X *pěkné město*). Вместе с тем некоторые, достаточно частотные элементы повседневной речи в переписке практически не зафиксированы. Наименее приемлемым оказалось протетическое *v-*. Так, если по данным Кравчишиновой-Беднаржовой [Kravčišinová–Bednářová, 1968] его наличие в устной речи выходцев из Чехии составляет в неформальных высказываниях 80,5% (в формальных – 58,6%), то согласно выборке из Моравского корпуса устной речи в 90-е гг. в неформальных высказываниях жителей Брно он был зарегистрирован в 24,6% случаев (в формальных – 11,27%)[12], причем в целом в частной корреспонденции употребление протетического *v-* составляет всего лишь около 1%. Сходное соотношение было выявлено и Н. Бермелем [Bermel, 2001] при изучении современной беллетристики. Два из трех проанализированных писателей протетическое *v-* вообще не употребляли, третий же его использовал лишь в 13,6% возможных позиций. При этом все другие показатели идиома *obecná čeština* употреблялись довольно широко. Говоря о причинах этого, Бермель отметил: "начальное *v-* может произноситься иногда очень отчетливо, а иногда слабо, так что мы его даже не замечаем. Обычные чешские буквы и шрифты не годятся для фиксации этого. Автору беллетристического текста остается выбрать: либо написать *v-*, либо не написать" [Bermel 2001: 24]. Вариант "написать", в сущности, соответствует отчетливому произнесению и, таким образом, является слишком признаковым. Практически полное элиминирование протетического *v-* в письменных текстах может быть обусловлено его позицией

---

[11] В 1980 г. на конференции по языковой культуре в Усти над Лабем А. Стих перечислил несколько морфологических явлений, которые имеют в литературном чешском языке оттенок книжности и у которых в рамках литературного языка отстутствует нейтральный вариант: 1. *bychom*, 2. форма тв.п. мн.ч.: *lidmi, ženami, těmi, jarními*, 3. форма им.п. мн.ч. одушевленных прилагательных и местоимений мужского рода: *ti dobří chlapci*, 4. согласование типа: *všechna velká města*.

[12] Изучение речи г. Брно 60-х-70-х гг. [Krčmova, 1981] показало более высокую частотность протетического *v-*, примерно в 40% случаев. Это говорит о том, что данное явление в устной речи, по крайней мере, в средней Моравии, постепенно исчезает.

inslav

в начале слова. Таким образом, на использовании литературных и нелитературных средств в письменной речи, более, чем в речи устной, сказывается тенденция начинать отдельные фрагменты (абзацы, предложения и слова) литературно и только затем постепенно высвобождать простор для нелитературных элементов.

За исключением протетического *v-* большинство других показателей идиома *obecná čeština* в текстах корреспонденции употребляется (если, конечно, этому не "противодействует" местный диалект), причем соблюдается примерно та же иерархия частотности, что и в повседневной речи. Различие состоит лишь в том, что в письменной речи по сравнению с устной их употребление вдвое или даже вчетверо меньше. В то время как, например, в неформальной устной речи жителей Праги дифтонг *-ej* в финальной позиции окончания встречается примерно в диапазоне 85–92% [Šonková 2000: 196], в письмах из Чехии зарегистрировано 26,17%. Морфологическая комбинация *ty dobrý kluci* в Чехии отмечена в 82% возможных позициях [Kravčišinová–Bednářová, 1968], в текстах писем – 22,22%. Таким образом, традиционное соотношение "письменность–литературность" частично сохраняется и в текстах писем.

Какова же в сравнении с чешским ареалом значимость этого соотношения в Моравии и Силезии? Анализ текстов писем показывает снижение использования нелитературных средств в восточной части чехоязычного региона. Сокращается и употребление признаков, характерных для идиома *obecná čeština*, особенно, если они отсутствуют в местных диалектах; отчасти это происходит и тогда, когда подобные соответствия все же имеются. Наиболее отчетливо это прослеживается в Силезии. Судя по письмам, поступившим из восточных регионов, здесь действует тенденция постепенного снижения употребления нелитературных признаков вообще. Подтверждают это и статистические данные, которые мы здесь из-за ограниченности места не приводим: так, уменьшается употребление нелитературных признаков, не нашедших своего подтверждения в местных диалектах, причем нередко это затрагивает те особенности устной речи, которые распространены на всей чехоязычной территории, например, унифицированные окончания тв.п. мн.ч. существительных типа *ženama, stavenímа*; далее тип *ty hezký/é města* и форма *bysme*.

При сопоставлении масштабов использования нелитературных черт в языке писем из Чехии, а также из Моравии и Силезии, следует учитывать не только специфику идиома *obecná čeština* (последний все же имеет ограниченное распространение) или же некоторые особенности устной речи, используемые на всей чехо-

inslav

язычной территории. В письмах из Чехии степень нелитературности действительно определяется прежде всего частотностью использования элементов идиома *obecná čeština*. Иначе обстоит дело в регионе Моравии и Силезии, где необходимо учитывать прежде всего использование диалектных и интердиалектных элементов из этих регионов. Именно в этом, если судить по текстам писем, и проявляются весьма существенные отличия. Если в Чехии традиционная литературность письменного текста ограничивает употребление нелитературных элементов в корреспонденции лишь примерно в 2–4 раза, то в Моравии, а еще очевиднее в Силезии использование территориально маркированных нелитературных элементов ограничивается в еще большей степени. Проведенное нами исследование показало, что, по крайней мере, один локальный или же интердиалектный признак отмечается практически во всех письмах из этого региона (больше всего это касается писем из восточноморавской диалектной зоны), однако в целом их представленность столь незначительна, что в процентном отношении это отразить не удается. Это касается и общеморавских фонетических явлений, например, непроведение перегласовок *'a* > e, *'u* > *i* или же так называемое старое моравское сокращение типа *dat*. Так, непроведение перегласовки *'u* > *i* отмечено почти исключительно в окончаниях слов *nedělu, ju/ňu, chvílu, chcu*, однако и в этих в значительной мере лексикализованных случаях прежде всего в Силезии однозначно используются литературные формы: *neděłu* X *neděli* (средняя Моравия 5:23, восточная Моравия 8:8, Силезия 0:4), *ju/ňu* X *ji/ni* (средняя Моравия 15:82, восточная Моравия 19:26, Силезия 0:49), *chvílu* (средняя Моравия 2:27, восточная Моравия 4:9, Силезия 0:14). Непроведение перегласовки *'a* > *e* в переписке встречается еще реже (в письмах со всей Моравии 18 раз, из Силезии 1 раз), чаще всего это отмечается в словах *sviňa, švica, špica* и в форме *borca*. Относительно низкая представленность характерна и для моравского сокращения количества гласного, которое в устной речи относится к самым частотным, мало осознаваемым диалектным чертам; ср.: в слове *spat* X *spát* (средняя Моравия 0:14, восточная Моравия 1:8, Силезия 1:12). Из числа морфологических явлений назовем, к примеру, интердиалектное окончание 3 л. мн.ч. глаголов 4 и 5 классов *-ijou, -ajou*, которое, вопреки ожиданиям, было зафиксировано лишь дважды. Шкала других интердиалектных и локальных фонетических и морфологических признаков, зафиксированных в частной переписке, хотя и широка, однако их частотность еще более ограничена, чем в названных выше случаях.

inslav

Обобщая, отметим, что факторы "приватность" и "неофициальность" в современной корреспонденции все более ограничивают действие фактора "письменность". Это открывает доступ в корреспонденцию нелитературных элементов из повседневной речи, что особенно заметно в письмах авторов из собственно Чехии. Впрочем, и в этих текстах взаимосвязь между факторами "письменность" и "литературность" ограничивает употребление нелитературных средств, в результате чего по сравнению с устным языком использование нелитературных компонентов снижается до половины или даже до одной четверти. Некоторые, наиболее частотные признаки повседневной речи (прежде всего протетическое *-v*), в корреспонденции практически вообще не встречаются. В письмах из Моравии и Силезии нелитературные включения встречаются еще реже, чем из Чехии. Это обусловлено прежде всего различием положения нелитературных идиомов национального языка, используемых на этих территориях в повседневной речи. Так, *obecná čeština*, утратив прежнюю узко ограниченную локальность, приобрела значительную престижность на своей исконной территории. В силу этого ее использование в текстах писем уже не нарушает столь значительно традиционное единство письменности и литературности, чего нельзя сказать об использовании местных диалектов и интердиалектов в письмах из Моравии и Силезии. Носители языка в Моравии и Силезии острее ощущают региональную признаковость, а, следовательно, и субстандартность своего диалекта или же интердиалекта, поэтому и употребление литературного языка в целом здесь отмечается в более широком спектре коммуникативных ситуаций (в том числе и в частной корреспонденции), чем в Чехии[13].

4.4. Возможности лексикографического использования материала частной корреспонденции

Специфика частной корреспонденции (особенно переписка молодежи) на лексическом уровне заключается в широком использовании лексем, выходящих за рамки нейтрального литературного словарного состава. Речь идет прежде всего о словах из идиома *obecná čeština*, интердиалектов, местных диалектов, слен-

[13] Между прочим, по этой причине возрастание использования литературного языка по мере увеличения возраста и повышения образования в письмах из Моравии и Силезии проявляется в большей степени, чем в письмах из Чехии.

inslav

гов, широко представлена экспрессивная лексика (неожиданно высокий уровень частотности имеют, например, вульгаризмы), неологизмы, различного рода актуализованные окказионализмы, являющиеся результатом языковой игры. Анализ корпуса показал, что признаковые слова составляют до 10% лексики частной переписки. По большей части это лексика, используемая не только в частной переписке, но и в повседневной речи вообще. Картографирование этой лексики может оказаться весьма полезным для будущей лексикографической практики.

По сложившейся традиции толковые словари чешского языка лексику повседневного устного общения не приводят. Это вызвано как стремлением их составителей зафиксировать и стабилизировать литературную лексику, так и тем, что проведение эксцерпций устных высказываний является делом весьма трудоемким. В основных словарях чешского языка (*Slovník spisovného jazyka českého,* сокращенно SSJČ и *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost* – SSČ) нелитературные лексемы, хотя и встречаются, однако извлекались они из письменных текстов, главным образом, из беллетристики. Во введении к SSJČ говорится, что в словарь включались лишь те нелитературные слова, с которыми "читатели встречаются в известных произведениях нашей литературы, поэтому они вправе ожидать, что найдут о них в словаре соответствующее разъяснение" [SSJČ I. 1960, V]. При подобном подходе отбор лексики в известной степени становился делом случайным. Так, в словаре приводится периферийная лексика (напр. узкорегиональная) и вместе с тем не включаются некоторые нелитературные лексемы из повседневной речи.

Примечательно, что, как следует из корпуса писем, даже в случайной выборке, состоящей из 150 писем, примерно 120 лексем не приведены ни в SSJČ, ни в SSČ. К ним относятся и такие, распространенные в устной речи слова как *běžkovat, jazykovka, tépéro, ztrapnit se* и т.п.

Лакуны, имеющиеся в лексикографической фиксации колоквиализмов, можно проиллюстрировать на примере существительных с суффиксом *-ák*[14]. В чешских толковых словарях они учитываются не полно и не систематически (например, SSJČ и SSČ приводят *tramvaják*, однако опускают образованное тем же

[14] Существительные с суффиксом *-ák* чаще всего образуются путем так называемой универбизации из двусложных наименований (*korespondenční lístek* > *korespondťák*) или же с помощью различного вида сокращений, напр., механическое сокращение + деривация (*časopis* > *časák*).

inslav

способом *autobusák*; в SSČ есть *motorák*, но отсутствует *osobák*). Причина традиционной для лексикографии недооценки этих существительных заключается в потенциальной экспрессивности суффикса *-ák*, которая, впрочем, в повседневной речи практически не ощущается.

Неполное воспроизведение в словарях существительных с *-ák* может привести к тому, что из словарей исчезнут не только самые распространенные обозначения некоторых понятий (напр., *fot'ák*), но и – если иметь в виду универбы – вообще все обозначения подобного рода. Мотивирующее номинационное словосочетание в этом случае "растворится" в иллюстративном материале других словарных статей (например, существительное *dopisák* наши основные словари не приводят, *dopisní papír* мы найдем под *dopisní* и *papír*). Это создает, помимо прочего, трудности для иностранцев, которые в устных (в том числе и в культивированных) высказываниях встречают слова типа *dopisák, kazet'ák, korespond'ák, obchod'ák, řidičak* и т.п. буквально на каждом шагу, в толковых же словарях чешского языка они отсутствуют.

Проведенное зондирование пятисот писем позволило нам выявить 190 слов с суффиксом *-ák*, из которых 45 лексем не приведены ни в SSJČ, ни в SSČ, невзирая на то, что речь идет о лексемах, имеющих высокую частотность употребления в устной речи; ср.: *autobusák, časák, děcák, diák, dopisák, dospělák, dvoulůžák, fot'ák, kilák, korespond'ák, kulturák, lyžák, masňák, maturák, moudrák, nervák, obchod'ák, odpad'ák, opušt'ák, pajdák, ploužák, propadák, předškolák, pubert'ák, put'ák, rodičák, řidičák, snubák, svat'ák, sympat'ák.*

Из приведенных примеров видно, что при подготовке новых толковых словарей корпусы корреспонденции могли бы стать очень полезным источником реального отражения коллоквиального слоя словарного состава, включая его экспрессивные компоненты.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье были намечены лишь некоторые возможности использования корпуса эпистолярных текстов при изучении современного чешского языка и при выявлении факторов, влияющих на дифференцированное использование его средств. Работа в этой области пока только начинается. Выполнение исследова-

inslav

ния по гранту (GAČR: 405/03/0248 *Současná soukromá korespondence. Vytvoření databáze a zpracování vybraných jevů z pohledu lexikologicko-lexikografického a dialektologického*), в рамках которого была написана и эта статья, позволит прийти к важным наблюдениям.

ЛИТЕРАТУРА

Balhar J., Jančak P. a kol. Český jazykový atlas 1. Praha: Academia, 1993.

Bermel N. Střídání kódů či míšení jazykových prostředků? K popisu dialogu v české beletrii // Naše řeč,. 2001. 84. S. 16–30.

Bělič J. Nástin české dialektologie. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1972.

Bogoczová I. a kol. Mluvená čeština na Moravě. Ostrava: Filozofická fakulta Ostravské univerzity, 1997.

Hladká Z. Několik poznámek k výběru lexikálních jednotek pro výkladové slovníky // Nová slovní zásoba ve výkladových slovnících. Sborník příspěvků z konference / Eds. Martincova O., Světlá J. Praha 31. 10. – 1. 11. 2000. Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, 2000. S. 35–42.

Hladká Z. Spisovnost a nespisovnost v jazyce soukromé korespondence (se zřetelem k teritoriální příslušnosti pisatelů) // Naše řeč. 2001. 84. S. 225–234.

Hladká Z. Tvorba korpusů češtiny na Filozofické fakultě Masarykovy univerzity v Brně. In: Čeština – univerzália a specifika. 4 / Eds. Hladká Z., Karlik P. Praha: Nakladatelství lidové noviny, 2002.

Chloupek J. Dichotomie spisovnosti a nespisovnosti. Brno: Univerzita J. E. Purkyně, 1986.

Jedlička A. Jazyk korespondence jako pramen studia spisovného jazyka // Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica. XXIII–XXIV. Bratislava, 1971–72. S. 281–286.

Jelínek M. Epistolární styl // Pocta Dušanu Šlosarovi. Sborník k 65. narozeninám / Eds. Karlík P., Pleskalová J., Rušinová Z. Boskovice: Nakladatelství Albert, 1995. S. 126–137.

Český národní korpus – úvod a příručka uživatele. *Kocek J., Koprivová M., Kučera K.* (*eds.*). Praha: Filozofická fakulta Karlovy univerzity – Ústav Českého národního korpusu, 2000.

Kravčišinová K., Bednářová B. Z výzkumu běžně mluvené češtiny. Slavica Pragensia. X. Praha, 1968. S. 305–320.

Krčmová M. Běžně mluvený jazyk v Brně. Brno: Univerzita J. E. Purkyně, 1981.

Krčmová M. K pramenům specifika mluveného projevu (mluvenost či spontánnost?). // K diferenciaci současného mluveného jazyka. Davidová D. (ed.). Ostrava: Filozofická fakulta Ostravské univerzity, 1994. S. 26–32.

Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. 2. revidované vydání. Praha: Academia, 1998.

Slovník spisovného jazyka českého. Praha: Academia, 1960–1971.

Šindlerová H. Spisovnost a nespisovnost v jazyce soukromé korespondence. Brno: Filozofická fakulta Masarykovy univerzity 2002 (rkp. diplomové práce vedené Z. Hladkou).

Šonková J. Mluvená čeština a korpusová lingvistika. Slovo a slovesnost. 2000. 61. S. 190–202.

Перевод *Г. Нещименко*

inslav

В.М. Лейчик
(Россия)

ЯЗЫК РЕКЛАМЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЭТНИЗАЦИИ

Предметом статьи является язык рекламы (ЯР). На первый взгляд кажется, что имеется мало общего между политическими и экономическими аспектами глобализации в современном мире и психолингвистическими и прагмалингвистическими проблемами воздействия ЯР на личность. Однако без решения общих вопросов оценки тенденций глобализации в экономике в последние десятилетия XX в. – начале XXI в. невозможно объяснить выбор лексических единиц в текстах коммерческой, промышленной и научно-технической рекламы, как бы последние ни были экзотичны и ненормативны. Дело в том, что предмет номинации в ЯР – это наименования объектов, которые, прежде чем стать объектами потребления, служат объектами производства национальных или интернациональных предприятий, выпускающих продукцию либо выполняющих некоторые услуги. И в зависимости от отношения рекламиста к экономической системе, плановой или рыночной, интеграционной или национально замкнутой ("автаркической"), выбираются языковые средства в ЯР с их экспрессивно-эмоциональными и даже когнитивными признаками. Кроме того, выбор этих языковых средств определяется во многом национальными представлениями и предпочтениями, национально-культурной спецификой, в конечном счете, национально-языковой картиной мира.

Поэтому прежде чем описать и оценить особенности единиц разных уровней ЯР, необходимо сделать ряд вводных замечаний относительно глобализации, регионализации и этнизации в экономике и политике и показать место ЯР среди других разновидностей языка (языков), сформировавшихся и получивших распространение в нашу эпоху на основе общественных потребностей коллективных и индивидуальных языковых личностей.

В мире европейско-азиатско-американской (христианской) цивилизации существует, по крайней мере, три точки зрения на проблему глобализации. Согласно первой точке зрения, которая отражает наиболее распространенные процессы в материальной и духовной культуре, включающей экономику (производство, распределение и потребление), с середины XX в. тенденция гло-

inslav

бализации постоянно нарастает. Она охватывает интеграцию материального производства, при которой на месте национальных компаний и фирм образуются транснациональные корпорации, когда уже трудно сказать, какой стране принадлежат фирмы "Форд", "Боинг", "LG Electronics", "Мерседес" и сотни других, когда часть узлов и деталей машин производится в одних странах, другая часть – в других странах, а сборка – в третьих, когда филиалы фирмы "Sony" имеются, например, и в России, когда капитал перетекает из одной части света в другую, а валюта становится международной или, во многих случаях, конвертируемой. Признание глобализации естественной тенденцией в современном мире позволяет объяснить и международный обмен в сфере духовной культуры (музыка, живопись, кино, телевидение, единая телефонная сеть, Интернет как интернациональная сеть обмена информацией и духовными ценностями с использованием единых общих программ и др.). Одним из вариантов этой первой точки зрения является предпочтение американской экономики и культуры; однако бóльшая часть сторонников данной позиции не считает, что глобализация равна американизации, и лишь подчеркивает, что многие достижения цивилизации имеют свое начало в США с их пионерскими решениями в сфере информационных технологий, военной, промышленной и бытовой техники. Такой подход к глобализации оставляет место политике регионализации с выделением в качестве центров научно-технического и общественного прогресса ряда стран Западной Европы, России, Японии и Юго-Восточной Азии. Различия в рамках этих подходов не приводят к серьезным противоречиям: возникающие конфликты разрешаются за столом переговоров и заканчиваются соглашениями на уровне ООН или региональных союзов (НАТО, ЕЭС, СНГ, СЕАТО, страны "двадцатки", Всемирный экономический форум и др.). Изложенная здесь вкратце первая точка зрения на глобализацию отражена в сотнях книг виднейших экономистов, культурологов, писателей, деятелей отдельных видов культуры.

Вторая точка зрения – позиция антиглобалистов, направленная на устранение преобладания США и некоторых других высокоразвитых стран и провозглашение приоритета национализма (вплоть до расизма и шовинизма), – не имеет четко обоснованной теоретической базы и реализуется в разрушительных практических действиях во время международных форумов или в противодействии международному обмену, международной торговле и срыве международных соглашений в области экономики и по-

inslav

литики (решений ООН, европейского парламента, ВЭФ и т.п.). Не являясь специалистами в области экономики, науки и технологии, мы можем привести доводы против антиглобализма на базе данных духовной культуры и языка.

Одним из обоснований антиглобалистской практики является мнение о непроницаемости национальных культур, в частности, в сфере лингвистики – мнение о непроницаемости языков со специфическими для них переносными значениями и национальной фразеологией, составляющей элемент наивной национально-языковой картины мира. При таком подходе происходит, по существу, подмена тезиса. Действительно, в каждом языке имеют место значения лексических и фразеологических единиц, основанные на первобытных сближениях и образах (рус. *писать* на основе и.-е. **peik* – 'пестрить, украшать, красить'; рус. *учить* на основе исчезнувшего балто-слав. *вык- (выч-)*, откуда рус. *привыкнуть, навык, обычай* и их родственники во всех славянских и балтийских языках; рус. *мать сыра земля* на основе представления о земле как праматери всего живого. Но, во-первых, эти первоначальные метафоры являются не сугубо национальными, а общими для всего сообщества родственных языков (культур), имеющих общее происхождение (ср. рус. *речь (реку)*, укр. *річ, рік (року)*, белор. *рок (оброк)*, болг. *речамъ*, польск. *rzecz, rok, urok*, чешск. *řici* и др., известное уже в санскрите *racáyati* – 'приводить в порядок' и в более поздних индоевропейских семьях языков). А, во-вторых, наряду с национальной фразеологией в каждом современном языке имеются транснациональные фразеологизмы, первоначально возникшие в одном языке, а затем заимствованные в другой (другие) с той же образностью (библеизмы, латинские и греческие мифологизмы), а также собственно интернациональные фразеологизмы, которые появились в последние десятилетия, на основе глобальных проблем человечества, практически одновременно во многих языках (рус. *организованная преступность*, англ. *organized crime*, польск. *przestępczość zorganizowana* наряду с *zorganizowana przestępczość*; *охрана природы*, англ. *environmental protection*, франц. *protection (défence) de la nature*). Вместе с международной промышленной продукцией, созданной с применением международных стандартов, мы имеем дело с интернациональными достижениями духовной культуры – от художественных образов мировой литературы и мирового изобразительного искусства до интернационализмов в лексике десятков языков, интернационализмов латинского, греческого, французского, английского происхождения, незначительно раз-

inslav

личающихся фонетически и словообразовательно. На базе всех этих и иных общих элементов создается ныне единая мировая культура. По словам В.Г. Костомарова, "интернациональное не есть механическое соединение национальных культур, а такая органичная область, в которой качества национальных культур, интегрируясь, создают нечто новое" (Костомаров, 1999, 78). Приведенные здесь лингвистические опровержения позиции антиглобалистов, основанные на изначальной общности культуры разных народов, ниже будут подкреплены материалом ЯР.

Третья точка зрения на глобализацию начала развиваться лишь в самые последние годы как реакция на две предшествующие. Она состоит в том, что естественное расширение глобализации и появление единой интернациональной культуры приводит одновременно к расцвету культуры национальной, к этнизации. Известный канадский ученый, профессор Р. Сол (R. Saul) выступил в октябре 2003 г. в Финляндии с докладом "Конец глобализации и возрождение национального статуса; новый гражданин и новое государство", в котором на многих примерах показал, что международные достижения в области производства (экономики) и духовной культуры по-разному проявляются в каждой стране, где они используются (Internet: www.helsinki.fi/collegium). Эта точка зрения имеет прямое отношение к языку, в том числе к языку рекламы с ее терминологией, и к терминологии вообще. Как пример, можно сослаться на опыт Франции, где внедрение терминологического заимствования из английского языка (в его американском варианте) регулируется решениями комиссии Французской академии наук (не запрещение, а обоснование заимствования). В Польше также не запрещается использование англицизмов, но рекомендуется на улицах делать вывески со словами только польского происхождения. Этот разумный подход не отрицает глобализацию, а лишь упорядочивает ее, в том числе в сфере рекламы и ее языка.

Переходя к характеристике ЯР, необходимо показать специфику этого языка и его место в том или ином этническом языке с точки зрения общего подхода к глобализации и этнизации в различных областях жизни современного общества (в разных странах, участвующих в этих процессах).

ЯР, по мнению ряда ученых, входит в совокупность функциональных языков, появление и развитие которых является знамением XX в. Само понятие функционального языка восходит к манифесту Пражского лингвистического кружка и трудам его представителей (Б. Гавранека и др.). Наиболее активно теория функ-

inslav

циональных языков, или языков для специальных целей – ЯСЦ (languages for specific purposes – LSP в англоязычных странах, Fachsprachen – в германоязычных), начала развиваться в середине XX в. как один из теоретико-прикладных выводов из тогдашней научно-технической революции. Было установлено, что каждая развитая область знаний и/или деятельности (а к этому периоду таких областей науки, производства, экономики, делопроизводства, средств массовой информации, даже искусства – насчитывалось уже несколько сотен) обладает своим языком, который имеет особенности практически почти на всех уровнях, по крайней мере, начиная со словообразовательного и заканчивая текстовым, но при этом базируется на определенном этническом языке, представляя собой его функциональную разновидность, иначе говоря, выполняя оптимально функции, необходимые для обслуживания данной области в современном многогранном обществе. Теория ЯСЦ стала закономерным продолжением функциональной стилистики, которая также возникла на основе идей Пражского лингвистического кружка, но не создала такой дробной классификации функциональных разновидностей современных развитых языков, а выделяет в них лишь до десятка функциональных стилей.

Теория ЯСЦ была изложена в трудах английских ученых Х. Сейгера, Д. Дангворта и П. Макдоналда (Sager et al., 1980), немецкого лингвиста Л. Хоффманна (Hoffmann 1976, 1-е изд.), российских лингвистов А.В. Суперанской (Суперанская, 1983) и В.М. Лейчика (Лейчик, 1986) и др. Впоследствии эта теория была предметом 14 международных симпозиумов (в 2003 г. в Англии, в Университете Саррей состоялся 14-й европейский симпозиум по LSP на тему "Коммуникация, культура, знание" (The 14th European Symposium... 2003), на который было представлено более 220 докладов). Теоретики ЯСЦ, в частности Х. Сейгер, М. Роджерс, Х. Ахмад, постепенно перешли к прикладным аспектам – научно-техническому переводу, статистическому изучению терминов, извлекаемых из специальных текстов. Начали выходить журналы, в которых отражаются эти прикладные аспекты ЯСЦ, например, журнал по English Special Language, где освещаются вопросы обучения "специальным языкам" и др.

ЯСЦ специфичны в трех отношениях. Прежде всего, они базируются на этнических языках и поэтому, например, имеют ту же фонетическую и морфемную систему, что и русский, английский и другие языки, может быть, с некоторым преобладанием определенных единиц, зависящих от использования заимствован-

inslav

ной лексики. Далее, ЯСЦ, относящиеся к одной области и фигурирующие в разных этнических языках, достаточно близки друг к другу. Еще задолго до появления теории ЯСЦ в СССР, когда речь шла лишь о так называемом языке науки (первая сфера, описанная довольно подробно), В.Н. Ярцева писала о том, что нередко семантика терминов, относящихся к разным естественным языкам, и способы построения этих терминов ближе в разных языках, чем в разных предметных областях, отраженных в языках науки одного естественного языка (Ярцева, 1977, 32). Развивая эту мысль и подкрепляя ее конкретным материалом, можно утверждать, что, например, химические ЯСЦ, существующие в рамках русского, английского, французского языков, ближе друг другу на всех уровнях, чем химический и юридический ЯСЦ, базирующиеся на одном этническом – русском – языке. И, наконец, стремительное развитие знания и общественной практики во второй половине XX в. привело к тому, что ЯСЦ многих конкретных общественно значимых сфер начинают расслаиваться функционально-стилистически, и появилось мнение о том, что в этих областях формируется два или три функциональных языка. Так, в сфере информационной техники и технологии (компьютеры коллективного использования и персональные, Интернет и другие информационные сети, мобильная связь) имеют место: 1) сугубо научный язык со специальной терминологией, в том числе аббревиатурами, знаками-символами и схемами, специфической структурой синтаксиса; 2) профессиональный язык создателей, конструкторов и пользователей этой техники и технологии, язык с элементами профессиональных лексиконов и даже жаргонов, понятных только этой группе говорящих и пишущих; 3) язык широкого круга пользователей-неспециалистов, названный в западной и российской литературе киберязыком и использующий общепонятные лексические единицы и упрощенный синтаксис СМС'ок и писем, передаваемых по e-mail'у (Хребтова, 2002). Сходным образом в сфере экономики формируются специальный экономический язык и общеупотребительный экономический (в рамках немецкого языка – НСЭЯ и НОЭЯ) (Зяблова, 2002), а в сфере медицины три ЯСЦ: специальный язык медицинских, анатомических, физиологических и других текстов; язык общения "врач–врач" с элементами профессионализмов и жаргонизмов (язык "посвященных"); язык общения "врач–пациент" с традиционными, общеупотребительными названиями болезней, синдромов, симптомов, рассчитанными на щадящее – деонтологическое – восприятие (Абрамова, 2003).

inslav

Уже из этой краткой характеристики современных ЯСЦ видно, что мы имеем дело с обширной и очень разветвленной сферой коммуникации с речевыми и языковыми элементами, далеко выходящими за традиционные рамки общеупотребительного литературно-разговорного стиля. О том, что функционально-стилистический и даже развиваемый ныне регистровый подход к этому лингвистическому материалу явно недостаточен, свидетельствует тот факт, что мы можем обнаружить специфические, только каждому данному ЯСЦ присущие явления на разных языковых и речевых уровнях.

Так, ЯСЦ включают три лексических класса: имена нарицательные, в первую очередь, термины (а, по подсчетам ученых-химиков только химических терминов насчитывается в русском языке около 3 млн единиц); номенклатура, то есть наименования массовых объектов, представляющих собой частные классы продуктов производства и потребления, общие классы которых названы терминами: *легковой автомобиль* (термин) марки "*Опель-Кадет*" (номенклатурная единица); имена собственные, называющие единичные понятия в специальных сферах знания: *звезда* (термин) *Арктур* (имя собственное). В каждом ЯСЦ фигурируют свои лексические единицы, которые могут использоваться в других ЯСЦ как привлеченные единицы.

На словообразовательном уровне создаются или применяются (из морфемного фонда соответствующего этнического языка) необходимые словообразовательные единицы, причем в отдельных ЯСЦ они могут становиться важнейшим языковым материалом: в языке химии, где морфемы *-ан (метан, пропан, бутан), -н- (серный, сернистый, серноватистый)* и др. специализируются, противопоставляясь достаточно близким морфемам; в языке формакогнозии, где морфемы *-ол-* ("маслянистость"), *-ил-* (углеводородный или иной радикал) закрепляются в номенклатуре лекарственных средств, изготовляемых из лекарственного растительного сырья (Куркин, Новодранова, Куркина, 2002, 11) (отметим, что эти морфемы и в целом включающие их номенклатурные единицы становятся широко используемым материалом в языке рекламы: *валидол, тавегил*). В отдельных ЯСЦ можно выявлять десятки и сотни специфических словообразовательных морфем, становящихся предметом научных словарей, в том числе интернациональных (на базе латинских, древнегреческих – Юшманов 1968, а в последние десятилетия и английских). Именно в рамках различных ЯСЦ (технических, естественно-научных) образуются и закрепляются семантически полноценные, но мор-

inslav

фологически неоформленные "осколки" морфем типа *-matic* (из *automatic*), которые входят в номенклатурные названия автоматических устройств (Aquamatic – одна из модификаций стиральной машины фирмы Candy), *-trol* (из *control*) и др. (Кстати, упомянутая морфема *-ol-* – часть названий многих лекарственных средств – оторвалась от латинского слова *oleum* 'масло' и практически не может считаться производной от него).

На уровне синтаксиса языки таких областей, как математика, логика, юриспруденция, делопроизводство, реклама, обладают специфическими особенностями, позволяющими противопоставить их и друг другу, и соответствующему литературному языку. Например, особая структура предложения в деловой документации заставляет преподавателей при обучении языку (иностранному и даже родному) специально выделять курс устного и письменного делового общения на материале разнообразных текстов, включающих стереотипные формулы, не меняющиеся на протяжении десятилетий и даже столетий и не встречающиеся ни в других ЯСЦ, ни в неспециальных разновидностях того же языка (см., например, Жилина, 1999). При этом обучение синтаксису, к примеру, английских юридических документов становится предметом отдельной дисциплины, а обучение правилам создания рекламных текстов образует особый курс в российских вузах.

Речевые уровни ЯСЦ, еще в большей степени зависящие от функциональной направленности речевых произведений, создаваемых на этих языках (уровень сверхфразовых единств, уровень текста, уровень дискурса, если принять эту категорию) становятся объектом пристального внимания современных ученых. И если единицы нижележащих уровней являются общими для соответствующего этнического языка и входящих в него ЯСЦ и отличаются только отбором и специализацией этих единиц, преобладанием одних и отсутствием других в том или ином ЯСЦ, то речевые особенности ЯСЦ могут быть настолько специфичными, что изучение соответствующего этнического языка в целом может оказаться недостаточным для овладения соответствующим ЯСЦ (причем, как мы видим, не только потому, что он включает специальную терминологию, не известную вне сферы его функционирования).

В этом смысле ЯР обладает и языковыми, и функциональными (речевыми) особенностями, которые требуют отдельного изучения.

Имеют место два подхода к ЯР. При первом подходе отрицается факт существования отдельного ЯР. Допускается, что "про-

inslav

цессы, происходящие в языковой сфере рекламы за последние десять лет, привели к формированию новой языковой разновидности русского литературного языка, которую вполне можно причислить к имеющимся функциональным стилям, то есть складыванию рекламного стиля" (Кара-Мурза, Лейчик, 2003, 134). Утверждается, что создатели рекламных текстов руководствуются тем же конструктивным признаком, что и журналисты, следуя той же стилистической норме, что и авторы текстов, относящихся к публицистическому стилю: "ЭКСПРЕССИЯ–СТАНДАРТ". Иными словами, принимается мысль о том, что рекламный стиль является развитием публицистического стиля (Кара-Мурза, 2001) и, следовательно, он выполняет те же функции: информационную и воздействующую. Правда, при этом подчеркивается, что рекламные тексты (имеется в виду коммерческая реклама) призваны не столько информировать о наличии товаров, сколько формировать к ним позитивное отношение, а воздействие идет скорее не по рациональным, а по иррациональным каналам. Поэтому важнейшей стилевой чертой рекламного стиля признается **оценочность** (по Г.Я. Солганику), но не социальная, как в публицистическом стиле, а **утилитарная** (термин Н.Д. Арутюновой). И в результате в рекламных текстах речевой деятельностью руководят стилистические нормы, а литературные (языковые, то есть "уровневые", и, кроме того, логические) оказываются в подчинении у конкретных задач речевой коммуникации, так что в рекламном стиле может обнаружиться "**конфликт норм**" (и то, что в литературном стиле (языке) считается ошибкой, может оказаться в рекламном стиле допустимым (в пределах **игрового нарушения нормы**) (Кара-Мурза, Лейчик, 2003, 134–136).

Изложенная позиция имеет под собой достаточно серьезные основания. Однако она может быть принята, только если допустить, что весь корпус рекламных текстов остается в рамках языка для общих целей, публицистический стиль не имеет собственных норм, отклоняющихся от литературных норм, и в рамках этнических языков не существует ЯСЦ с собственной лексикой, собственным синтаксисом и собственными элементами на других уровнях.

Между тем, мнение о совпадении или тесной связи рекламной разновидности (стиля или языка) соответствующего этнического языка с публицистическим функциональным стилем может быть подвергнуто серьезной критике. Публицистический стиль, как правило, не создает собственного словарного "фонда", не имеет своих словообразовательных средств, его синтаксис, если и явля-

inslav

ется своеобразным, то он лишь сближается с разговорной речью (иногда и с общим жаргоном), но не выходит за рамки литературно-разговорного стиля. Выполняя две главные функции – информационную и воздействующую (см. М.Н. Кожина и др.), произведения публицистического стиля (в печатных и электронных СМИ) не ограничены в предмете информирования (все, что может представлять интерес для широких кругов потребителей информации – в массовых газетах и программах и для узкого круга специалистов – в специальной прессе) и в способах воздействия (положительного или отрицательного), но ограничены лишь в выборе способов и приемов.

В этом отношении реклама (рекламные произведения) обладает иными, специфическими признаками. Предметом информирования являются продукты и услуги (в коммерческой рекламе) или политические объекты – от рекламируемых личностей до политических образований, требующих пропагандирования (в политической рекламе). Воздействие в рекламе может быть только положительным, рассчитанным на позитивное потребительское поведение (за редким исключением предостерегающей рекламы: ср.: *Превышение скорости может круто перевернуть твою жизнь*! Видеоряд: перевернутая автомашина. – Щитовая реклама на московской улице, январь 2004 г.). При этом наименования рекламируемых объектов не привносятся извне, как в публицистических текстах, а создаются часто производителями товаров или услуг совместно с рекламистами в расчете на возможное приобретение (поэтому неточно вышеприведенное высказывание о том, что рекламные тексты не призваны информировать о наличии товаров). Что же касается способов воздействия на получателя рекламы, то эти способы частично совпадают, частично не совпадают с интеллектуальными, импрессивными (воздействующими на рациональное и чувственное восприятие) приемами, используемыми в СМИ: в прессе, на радио (аудиосигналы), в телевидении (аудиоряд, видеоряд – картинка, неподвижная и движущаяся, текст и знаки-изображения и пр.). Можно сказать, что произведения рекламы используют весь арсенал средств СМИ, если угодно, "паразитируют" на них, вторгаются в их сферы, но значительно расширяют эти средства, располагаясь на их площади и добавляя к ним собственную площадь. Необходимо, говоря о стилевом статусе ЯР, сказать, что сложности в отнесении его к тому или иному стилю привели уже довольно давно исследователей к мысли о том, что ЯР и вообще реклама – это внестилевое явление (Стеллиферовский, 1988, 25).

inslav

Кроме того, в последние годы появились и новые точки зрения на ту разновидность современных развитых языков, которая традиционно называлась публицистическим стилем (иногда пишут о языке и стиле газеты). В коллективном учебном пособии, изданном в МГУ им. М.В. Ломоносова, "Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования" под редакцией М.Н. Володиной, говорится, что "язык СМИ все более и более захватывает различные функциональные разновидности русского языка, превращаясь в мощную информационную систему. Публицистический стиль обслуживает лишь одну из сфер этой системы, связанную с политической жизнью..." (Там же, 179–180). В язык СМИ включаются при таком подходе язык печати, язык рекламы, связи с общественностью и др. И хотя в учебном пособии описаны прагматические особенности рекламных текстов (О.А. Ксензенко), показаны методы их лингвистической экспертизы (Е.С. Кара-Мурза) и т.п., в итоге остается не определенным соотношение понятий языка и стиля, в том числе языка рекламы, публицистического стиля и всех других разновидностей языка, с которыми сталкивается современный человек. И действительно, можно думать, что лишь на пути признания ЯР отдельным языком для специальных целей удастся установить его место и функции в этой богатой совокупности. Таков второй, реальный, подход к ЯР, отраженный в конце цитированной статьи (Кара-Мурза, Лейчик, 2003).

Можно утверждать, что ЯР – это ЯСЦ особого типа, который выполняет все привычные функции языка (когнитивная, репрезентативная, сигнификативная, экспрессивно-эмоциональная, импрессивная и др.), но к ним добавляется и новая – аттрактивная (рекламная) функция, носящая комплексный характер, поскольку наряду с собственно языковыми/речевыми ресурсами в рекламе используется значительное количество разных невербальных и вообще неязыковых средств (что, кстати, облегчает применение рекламы в процессах глобализации).

Предметом статьи не являются ни виды рекламы как реализации маркетинга и (белого) пиара, ни ее функции в целом. Об этом написаны тысячи книг, научных и прикладных статей, десятки диссертаций (Реклама и PR: Библиографический указатель... 2001). Только в Москве в 2003 г. выходили около 90 журналов и газет, содержащих исключительно рекламу, а также 35 журналов, посвященных рекламному делу (Рекламный год Москвы, 2003). В ряде вузов (МГУ им. М.В. Ломоносова, Международный институт рекламы, Государственный институт русско-

inslav

го языка им. А.С. Пушкина и др.) проводятся исследования феномена рекламы. Количество исследований рекламы, в частности ее языка, в России и за рубежом постоянно растет.

Анализируя языковые (речевые, стилистические) средства рекламы, нужно уточнить еще один момент. В работах, посвященных лексике, относящейся к рекламе, нередко смешивают лексические единицы, обозначающие рекламируемые объекты, и термины, называющие предметы, процессы, явления, даже лиц, занимающихся рекламной деятельностью (например, в кандидатской диссертации С.М. Харлицкого – Харлицкий, 2003). Можно утверждать, что имеют место два разных функциональных языка: собственно язык рекламы со своей лексикой, фигурирующей в рекламных текстах, и язык рекламного дела со своими наименованиями типа *слоган, биллборд, растяжка, копирайтер, медиапланинг* и др., без которых невозможно ни описание рекламной деятельности, ни выполнение самих операций в этой сфере. Рекламист в этом смысле сталкивается с серьезными трудностями в связи с тем, что подавляющее большинство терминов появилось на Западе, в частности, в США, и часто не имеет русских эквивалентов; кроме того, при переводе, заимствовании и калькировании этих терминов имеет место большая вариантность (транслитерировать или трансфонировать англицизмы?), да и определение соответствующих понятий не всегда однозначно. Так что словари рекламного дела, ошибочно называемые иногда словарями рекламы (например: Бобров, 2001 и др.), не могут считаться нормативными; в журналах по рекламному делу ("Индустрия рекламы", "Рекламный мир" и пр.) наблюдается разнобой в написании многих терминов; появляются и предложения выбрать оптимальное русское написание и произнесение из общего числа различных вариантов заимствуемых терминов (Семина, 2001). Понятно, что эти вопросы являются темой отдельного изучения. В то же время при обсуждении терминологии рекламного дела легко увидеть, что эта сфера деятельности чрезвычайно сложна, многоаспектна, комплексна.

Поэтому при решении языковых проблем, которые представляют собой лишь часть общей ее проблематики, приходится учитывать и смежные вопросы, в частности, тот факт, что реклама делится по объекту на политическую, социальную, научно-техническую, промышленную, коммерческую, иначе говоря, торговую (ниже будет сделан упор на последнюю), что рекламные тексты фигурируют в разных ее видах, основными из которых являются: телереклама – со всеми ее компонентами, начиная

inslav

от движущейся картинки, иногда анимационной, и кончая музыкальным исполнением рекламной речи на русском или иностранном языке; радиореклама, где имеются те же компоненты за исключением видеоряда; реклама в прессе – как в специализированных рекламных газетах и журналах, так и в газетах и журналах, имеющих в целом другое назначение; наружная реклама – рекламные щиты, биллборды, растяжки; реклама на свободных поверхностях транспортных средств – в метро, на бортах автобусов, троллейбусов, трамваев, грузовых и легковых автомобилей; реклама на упаковке товара вместе с его наименованием; вывески магазинов, все больше выполняющие не собственно информирующую, а рекламную функцию (см. вывески *Универсам СамБери* в Измайловском районе Москвы, *Ваш сотовый телефон* на проспекте Мира) (можно думать, что светящиеся буквы *Coca-cola*, размещенные не на вывеске магазина, а на крыше дома, в отдалении от места продажи, – это уже реклама!).

Характерно, что языковое наполнение рекламного произведения очень часто зависит от различия перечисленных видов рекламы. Так, в рекламной газете, в которой серия рекламных объявлений имеет общий заголовок, возможен сокращенный текст, состоящий из одного неполного предложения или даже одного слова; см. в рубрике "Интимные услуги" рекламные объявления: *Едем, т. 722-23-28; Всё, т. 341-35-04* или: *Бальзаковская дама, т. 505-64-45* (газета рекламных объявлений "Центр-plus Восток, № 39 от 27.09.02, с. 18) (о различии между административным объявлением и рекламным объявлением с точки зрения используемых языковых средств и речевых интенций: предложение, приглашение, обещание..., гарантирование услуги, товара и др. – см. в статье Н. И. Формановской – Формановская 2003). Отбор лексики (на основе выбора объекта рекламирования) определяется также местом расположения рекламного произведения, доступностью его для пользователя, возможным временем на его прочтение или прослушивание. Коротко говоря, существует двусторонняя зависимость между отличительными особенностями рекламы (во всех ее видах, формах, объектах) и ее языком, реализуемым в рекламных произведениях (текстах), шире – в рекламной речи.

Для доказательства того, что эта речь воплощает в себе именно функциональный язык, один из языков для специальных целей, используемых в современной общественной практике, целесообразно последовательно рассмотреть отдельные признаки ЯР. При этом нужно будет показать, что ЯР формируется на

inslav

стыке ряда технических ЯСЦ (иначе – научно-технического стиля, делового, публицистического стилей и разговорной речи), частично заимствуя у них языковой материал и речевые приемы и используя собственные языковые/речевые ресурсы. В этом сочетании своего и чужого – отличительная особенность той разновидности языка/речи, которую называют ЯР. Можно эту мысль выразить иначе: ЯР – это креолизованный ЯСЦ, имеющий собственную функцию.

Для удобства и убедительности изложения рассмотрим ЯР по уровням, вначале показывая заимствуемые извне элементы, а затем выделяя собственные элементы ЯР.

Начнем с самого наглядного уровня – лексического. В текстах ЯР, как и любого ЯСЦ, используются общеупотребительные слова соответствующего этнического языка. В ЯР, как это убедительно показала Е.В. Медведева (Медведева, 2002), главное место занимают ключевые и неключевые слова, с помощью которых реализуется аттрактивная функция рекламы (в русском языке это такие слова, как прилагательные *любимый, лучший, первый,* глаголы *обеспечить, гарантировать, облегчить*; естественно, широко применяются и экспрессивные слова – метафоры, метонимии и пр.). В произведениях коммерческой рекламы фигурируют многие тысячи наименований видов продукции и услуг. Эти наименования заимствуются, прежде всего, из лексики технических и экономических ЯСЦ, причем, в соответствии с приведенной выше классификацией данной лексики, здесь имеют место имена нарицательные (в первую очередь, термины) и – в основной массе – номенклатурные единицы. Интересно, что, как правило, в рекламном тексте прежде всего используется термин как показатель класса продукции, а затем номенклатурная единица как показатель части этого класса. Так например, в заголовках рубрик рекламной газеты используются именно термины: "путеводитель по газете "Центр-plus Восток" (в выдержках) – *недвижимость* (внутри рубрики: *нежилое помещение, гаражи, дачи, коттеджи...), автомобили (отечественные авто, импортные авто, аудиосистемы, газосистемы, запчасти, тенты, ракушки), бытовая техника (швейные машинки, кондиционеры, обогреватели), аудио, видео, фото (антенны, домашние кинотеатры, видеокассеты, DVD), торговое оборудование, связь (телефонные станции, мобильные телефоны, пейджеры), компьютеры (программное обеспечение, интернет, сети), оргтехника, интерьеры (мебель...), строительство и т.д.; туризм, финансы, юридические услуги, безопасность (охрана, обо-*

inslav

рудование, домофоны), медицина (венерология, урология, аборты, стоматология, наркология, табакокурение, похудение, массаж), спорт (бассейны), животные, услуги (уборка, мойка окон, салоны красоты), транспортные услуги, магазин (продажа... скупка...), знакомства (брачные агентства), досуг (массаж, рестораны, бары, сауны, бани, интимные услуги), оккультные услуги... ("Центр-plus Восток", 2003, № 52, декабрь, с. 2). Легко увидеть, что в этом перечне содержатся родовые названия товаров и услуг, представленные терминами. При наполнении рубрик каждое родовое название может повторяться в названии конкретного подкласса, то есть номенклатурной единицы, или не повторяться, если из наименования вида продукции или услуги, из бренда (широко известной марки, нередко ставшей зарегистрированным товарным знаком) ясно, о чем идет речь. Вот пример газетного текста: *БЕСТ недвижимость (ООО БЕСТ, ЗАО "Наша Москва" 725-22-22 сдать бесплатно, снять за 1 день; 105-7775 Продажа, покупка, обмены. Нам 10 лет! Услуги сертифицированы"* (Там же, с. 2). Или: *ИНКОМ-АВТО. ВАЗ – ГАЗ – ИЖ. Daewoo – KIA – Renault – Hyundai, www.incom – auto.ru 363-0000* (Там же, с. 3).

Анализ приведенных текстов позволяет сделать следующие наблюдения: 1) вслед за термином *авто* используется номенклатура: *ВАЗ*... (отечественная, в других случаях и более частная *ВАЗ 2121*), *Daewoo* (интернациональная); при термине *недвижимость* имеются пояснения *"продажа..."*, *"сдать, снять"*; 2) из юридического ЯСЦ заимствуется формула *"товар сертифицирован"*; 3) собственно на ЯР формулируется рекламное высказывание, которое должно подтвердить надежность данного ООО и ЗАО: *Нам 10 лет!* Таким образом, в печатном рекламном объявлении органично совмещаются элементы ряда ЯСЦ.

Если же мы имеем дело с комплексным рекламным произведением, то подобное сочетание может быть и более богатым. К примеру, в телерекламе фигурирует рифмованный (трудно назвать его поэтическим) текст, дополняемый и "музыкальным" исполнением, и видеорядом: *Invite – просто добавь воды!* (международная реклама напитка).

Лексика ЯР достаточно четко делится на заимствуемую из смежных разновидностей языка и лексику из собственных ресурсов. Кроме официальных названий товаров и услуг, используются ЛЕ из сферы профессионализмов и жаргонизмов. Надпись на уличном мусорном ящике: *Поиск без мусора. Почта без спама.*

inslav

Www.Rambler.ru (Москва, декабрь 2003 г.) (разъяснение происхождения и семантики интернетского жаргонизма spam – 1) рассылка какого-либо сообщения множеству адресатов – не желательная, не соответствующая содержанию сообщения... См. Матвеева 2003). Такая надпись, понятная молодежи – пользователям Интернета – выполняет рекламную функцию предостерегающего характера.

ЯР ставит себе на службу лексико-семантические особенности лексики соответствующего естественного (этнического) языка. Так, активно обыгрывается амбивалентность (дву-, многозначность) слов. В рекламе пищевой компании Роллтон, используемой в метро, сочетаются рисунок тарелки с вилками и надпись: *Где бы вы ни были... Горячая поддержка. Роллтон* (Москва, декабрь 2003 г.). Этот текст можно понимать двояко – и буквально, и метафорически.

Особенно выпукло проявляется в рекламных текстах неоднозначность русского слова *вкус* (для сравнения – это невозможно в польском языке, где различаются *smak* 'вкус чего-л.' и *gust* 'вкус к чему-л.'): *Открой новый вкус классики Winston. Истинное качество* (щитовая реклама сигарет. Москва, ноябрь 2003 г.). *Stream tec. Фильтр. Технология вкуса* (щитовая реклама сигарет. Москва, октябрь 2003 г.). *Вкус на грани возможного* (телереклама таблеток Stimorol, 2002 г.). *Миром правит вкус* (одновременно функционирующая амбивалетность слова: кулинарная передача "Властелин вкуса", ТВ, 1-й канал, 4 октября 2002 г.). *Хороший вкус доставляет удовольствие... как и подарок в хорошем вкусе* (реклама табака Темный Берли в сигаретах Chesterfield. Рекламная листовка). *Кофе – вкус твоего времени* (телереклама, 2002 г.) – та же амбивалентность, амбисемия, совмещение двух значений одной и той же лексической единицы, приводящие к диффузности значения. Напомним поэтическое (не словарное) определение второго, абстрактного значения слова *вкус* у Д. Самойлова: "Вкус – это способность соизмерения своих пристрастий и антипатий, своей манеры видеть – с посторонним взглядом. Вкус – часть ума и сродни чувству юмора" (Самойлов 2001). Исходя из данного определения, можно понять, почему именно это слово с его коннотациями так широко используется в ЯР и в его текстах. Дело в том, что в ЯР слово вкус теряет свои первоначальные значения, фигурирующие в омонимах толковых словарей: 1) одно из внешних чувств человека и животных; ощущение на языке, во рту... 2) чувство, понимание изящного, красивого; склонность, пристрастие к чему-л.; стиль, манера. В ЯР это

inslav

слово приобретает третье, достаточно диффузное значение "нечто особенное, необычно приятное".

То же относится и к некоторым другим словам современных языков: *Сроки действия больше не действуют!* (телереклама режима Суперджинс в оплате работы мобильных телефонов в России. – ТВ, лето 2003 г.). Пример аналогичного явления в американской рекламе: рекламный щит, посвященный водке с портретом Ленина: *Now that the party's over, let the party begin!* (*Теперь, когда с партией покончено, начнем вечеринку!* (Тополь, 1995). Прием наложения одного значения слова на другое зависит от необходимости с помощью рекламных текстов создавать положительное отношение к рекламируемому товару или услуге, причем нередко не только на рациональном уровне, но и на уровне подсознания, когда вступают в силу коннотации, основанные на метафоре: *Горит? т. 785-39-10* (реклама фонда содействия развитию предпринимательства – газета "Центр-plus Восток", 2002, № 39 от 27 октября 2000 г., с. 14), метонимии или синекдохи ("Каблучок" – название обувного центра – реклама на борту троллейбуса, март 2003 г.). В этом смысле ЯР имеет общую функцию с языком СМИ, который использует тропы с той же прагматической целью (Желтухина, 2003, 259–261, 235–239 и др.).

Эта функция ЯС реализуется также путем создания слов – наименований товаров и услуг с помощью отбора слов с положительной коннотацией и путем использования современных способов словообразования. Эти наименования создаются с самого начала с расчетом на выполнение рекламной функции привлекательности. Например, номенклатурное обозначение микроавтобуса *Газель* (марка автомобиля ГАЗ 3302) сходно с названием изящного вида млекопитающих, родственного антилопе. Номенклатурная единица *Жигули* омонимична названию гор на берегу Волги (не вина авторов в том, что она оказалась близкой европейскому слову *Жиголо,* вызывавшему отрицательные коннотации, что недопустимо в рекламе, и поэтому оно было удачно заменено при рекламировании автомобиля за границей названием *Лада,* что соответствует известному древнерусскому женскому имени).

В ЯР использованы широко распространившиеся во второй половине XX в. во многих языках приемы словообразования, в частности, создание так называемых телескопических слов, то есть соединение начала одних и конца других слов: *фругурт* (из *фруктовый* + *йогурт*); *эрмигурт* (из фамилии владельца фирмы Ehrmann + *йогурт*); "*Компьютерра*" (название журнала);

inslav

музыкайф 106,2 Europa plus (из *музыка* + *кайф* (щитовая реклама 2002 г.); *Сонет* (один из видов сотовой связи – сочетание начала слова и заимствованного слова *net* – 'сеть'); ср. англ. *transistor* (из *transfer* + *resistor*), франц. *bibliobus* (из *bibliothèque* + *autobus*). На службу рекламе поставлена активная тенденция, наблюдающаяся в создании аббревиатур в разных языках – тенденция перехода от нейтральных по форме аббревиатур типа *США* или "*Трансмаш*" к выразительным словоподобным образованиям: *бомж*, напоминающим *корж, морж* (ср. название газеты по трудоустройству *"РУС" – работа, учеба, сервис* – или название холдинга в Красноярском крае "*Русал*", то есть "*Русский алюминий*"), или к полностью совпадающим со словами аббревиатурам: *бич (бывший интеллигентный человек), САДКО (система автоматизированного диалога и коллективного обучения*, созданная в Вычислительном центре Минобразования России); ср. название документальной системы в Японии *HUNDRED (Hiroshima University New Document Retrieval And Dissemination)*, совпадающее с английским словом *hundred* 'сто'. В последнее время широко используемые в рекламе и СМИ английские аббревиатуры образуются из английских (а не латинских или русских) букв, и появляются выразительные "слова" *пиар*, похожее на *товар, базар; си-ди*, заставляющее вспомнить русское *сиди* и т.п. (подробнее: Лейчик, 2002).

Уже говорилось, что в последние годы вывески на магазинах, кроме чисто информационной функции, начинают выполнять и рекламную функцию. Это достигается путем создания необычных слов с искусственной структурой, орфографией и сочетаемостью: магазин *ГастроноМир*, суши-бар *Изуминка* (намек на слово *изумление*), *Салон-магазин Ваш Диван* (все примеры: Москва, 2003 г.) (ниже будет сказано о роли языковой игры, в частности, в орфографии рекламных текстов). Как и в других ЯСЦ, в языке рекламы происходит специализация аффиксов, в том числе по семантике: четко различаются морфемы *супер-* и *гипер-* (*супермаркет, гипермаркет*), которые за пределами ЯР синонимичны.

В русском ЯР используется очень много заимствованных из иностранных языков слов и отдельных словообразовательных морфем. В большинстве случаев это полностью освоенные, ассимилированные слова типа *Кока-кола, Фанта*. В других случаях это не менее привычные слова, которые пишутся, правда, с использованием латиницы: *Blend-a-Med, Vitek, Jacobs*, в третьих случаях применяются новые слова (наименования), которые переводятся (калькируются), правильно или неправильно, в зависимо-

inslav

сти от культурного уровня копирайтера: *Excite – реальный excite* (жевательная резинка *Excite – реальный восторг*), *Garnier* (*Гарньер* – с ошибочным произнесением и написанием французского слова *Garnier*).

Сказанного достаточно, чтобы утверждать, что ЯР не только берет лексику из других разновидностей русского языка и из ЯР западных и восточных языков, но и приспосабливает все эти лексические и словообразовательные средства для своих рекламных потребностей. Обращаясь непосредственно к особенностям ЯР на фонетическом уровне, следует отметить сознательное применение элементов разговорной речи. Можно считать удачной находкой телерекламу посекундной тарификации телефонных переговоров абонентов Bee Line GSM: *Скоко [сколько] вешать [взвешивать] в граммах?* (ТВ, лето 2002 г.). Тот факт, что в данном и подобных случаях мы имеем дело с сознательной стилизацией, не меняет общей тенденции. Фонетические искажения слов не всегда бывают удачными, но функция привлечения внимания в таких фонетических "экспериментах" реализуется полностью.

Той же цели служат целенаправленные отклонения от орфографической нормы (графический уровень): *Квартиры в новостройках. КуПИКвартиру. Www.pik.ru* (рекламная газета "Экстра М Север", 2003, № 21, 7 июня, с. 4). Этот прием давно уже отмечен в литературе о ЯР. Так, название известных сигарет много десятилетий пишется *Marlboro* вместо *Marlborough*, о чем писал в своей книге французский исследователь языка рекламы М. Галлио еще в середине 50-х гг. XX в. (Galliot 1955). Ср. в телевизионной рекламе 2002 г.: *Пиво по... руски.* Часты случаи совмещения кириллицы и латиницы в одном предложении и даже слове: *Почувствуй себя EUROпейцем!* (Сеть центров по изучению иностранных языков "Диалект" – рекламная листовка). Шрифтовые выделения также выполняют аттрактивную функцию: *ОтЧАЯнная бодрость* (реклама чая "Бодрость" – ТВ, 1-й канал, октябрь 2003 г.). Такие функционально объяснимые приемы вне ЯР, даже в публицистическом стиле (языке СМИ), были бы квалифицированы как ошибки.

Для фразеологического уровня ЯР типично использование различных типов фразеологизмов (включая паремии, афоризмы и т.п.) в сознательно деформированном виде: *грандиозное застулье* (вывеска-реклама в мебельном магазине). В этом отношении ЯР заимствует стилистический прием, давно распространенный в языке СМИ (ср. *Красивым жить не запретишь* – заголовок в газете). И там, и здесь фигурируют хорошо известные пользовате-

inslav

лю прецедентные тексты (высказывания); в ЯР они могут приобретать необычное значение (*душистый хмель* из романса служит для рекламы пива и парфюмерии). Широко распространенное выражение "*У нас будет маленький*" фигурирует в щитовой рекламе осени 2003 г., где изображены растерянный мужчина и улыбающаяся женщина с малогабаритным мобильным телефоном Panasonic в руке. Характерно, что позднее на основе этого известного прецедентного текста создана щитовая реклама со вторичным текстом "*Меньше, чем маленький*".

Синтаксический уровень ЯР также специфичен. Этот язык не создает новых типов предложений; особенностью его является широкое применение одних типов и отсутствие других. Так, в рекламных текстах почти полностью отсутствуют сложные, прежде всего, сложноподчиненные предложения (кроме медицинских газетных объявлений – очерков или интервью). В то же время для рекламных текстов, как устных, так и письменных, характерно преобладание неполных и односоставных предложений. В первую очередь, это наблюдается в рекламных газетах, где реализуется принцип экономии за счет общего названия рубрики и, тем самым, создания условий для использования контекста: *Досуг* (название рубрики) – *Яна и мои подружки. Дешево 24 ч. Тел. 495-02-06* (рекламная газета "Экстра М Север, 2004, № 1, 10 января, с. 25). Особенно часто встречаются назывные неполные предложения в разных рубриках так называемых строчных объявлений: *Мебель* (название рубрики) – *Архисрочно! Зам. раскладушек в диван. 502-6199* ("Экстра М Север", 2003, № 21, 7 июня, с. 38). Характерным явлением в рекламных произведениях служит применение слоганов. Синтаксически слоган – это чаще всего короткое предложение побудительного типа, нередко назывное или неполное: *Пейте кока-колу! Тефаль, ты всегда думаешь о нас* (далее следует название и изображение конкретного изделия бытовой техники); Pampers Total Care и текст *Памперс знает, что ваш малыш желает* (ТВ, декабрь 2003 г.). *Ведь ты этого достойна* – неполное предложение – слоган французской фирмы косметических изделий l'Oréal, Paris, переводимый на разные этнические языки: *Because you're worth it* (англ.), *Jesteś tego warta* (польск.) (исходный французский текст слогана – *Puisque tu le vaux*).

Вот пример текста газетной рекламы фирмы, торгующей недвижимостью, где есть и слоган, и краткое рекламное описание фирмы, и необходимая информация (в виде характеристик продаваемых квартир), и сведения о филиалах фирмы, их адресах и др.:

inslav

Твой принцип: самое лучшее! Отрадное-2. М "Отрадное", ул. Отрадная, вл. 18а. 1-, 2-, 3-комнатные квартиры общей площадью от 48,7 до 104,3 кв. м. Аркада-хаус. М "Юго-Западная", "Коньково" ул. Островитянова, вл. 4. Азовский-2. М "Каховская", ул. Азовская, вл. 25-31. Декра [основная фирма], *т. 956-0007. Москва, Пятницкая, 2/38, стр. 3. Www.dekra.ru. Недвижимость принципов. Участник постоянно действующей выставки "Столичная недвижимость" в выставочном комплексе "Росстройэкспо" Фрунзенская наб., 30, павильон № 21, стенд № 8* ("Экстра М Север", 2003, № 21, 7 июня, с. 3).

Известно, что целый ряд ЯСЦ обладает весьма специфическими синтаксическими признаками (язык логики, математический, юридический языки и др.). ЯР приближается в этом плане к разговорной речи, которая реализуется, в частности, в устных формах неспециальных сфер общения, а также в устных видах СМИ (радио, телевидение). В ЯР этот признак разговорности распространяется и на письменную форму (в том числе в текстах на рекламных щитах, их разновидности – биллбордах и т.п.). Этим данный язык противопоставляется "серьезным", научным ЯСЦ, а также печатным СМИ, публицистическому стилю, применяемому в этих видах СМИ, и другим функциональным стилям, кроме разговорного подстиля – разговорной речи, которая выходит за рамки литературного подстиля. Принцип разговорности виден и в необычной сочетаемости слов: *Золотой вкус, которого ты достоин* (телереклама пива "Золотой колос" – СТС, октябрь 2003 г.).

Перечисленные особенности синтаксиса ЯР проявляются, естественно, на уровне сверхфразовых единств и – далее – на текстовом уровне ЯР, где мы переходим с языковых на речевые уровни анализа. Тексты в ЯР весьма специфичны. Они не обладают многими типовыми признаками текста: законченностью (цельностью), связностью; они состоят из одного или ряда назывных предложений, в частности, с повторением названий продуктов или их производителей (для закрепления информации), перемежающимся характеристиками рекламируемых продуктов (товаров). В тексты, созданные на ЯР, включаются рифмованные отрезки, как правило, низкокачественные с художественной точки зрения: *Окна Proma – тепло и тихо дома* ("Экстра М Север, 2004, № 1, 10 января, с. 19). Как и произведения разговорной речи, рекламные тексты диалогичны, даже если это эксплицитно не выражено. Кроме того, нередко они включают прямые диалоги: *Выбираете окна? Обратитесь к нам. Мы вас приятно уди-*

inslav

вим (реклама окон "*Мастер*" – "Экстра М Север", там же). Диалогичны по форме многие тексты теле- и радио рекламы: *А в вашем доме есть Арбидол?* (телереклама лекарства, январь 2004 г.), *Тогда мы идем к вам* (телереклама отбеливателя Tide – 2002–2004 гг.). Каждое высказывание на ЯР предполагает обратную связь с получателем (адресатом). И это приводит к незаконченности интонации, синтаксически незаконченным предложениям в устной форме рекламы и внешней неполноте в письменной форме (дополняемой графическими средствами). Например, в щитовой рекламе страховой компании изображена черная кошка, а текст гласит: *Приметы отдыхают* (предполагается, что пользователь домысливает ответный текст: *На эту компанию можно положиться, дурные приметы на нее не действуют.*

Именно на текстовом уровне в его диалогическом варианте можно увидеть, как реализуется один из главных приемов функционирования ЯР – прием языковой игры. Сущность языковой игры, характерного признака homo ludens современной эпохи, подробно описана в трудах Й. Хейзинги (Хейзинга, 2001) и В.З. Санникова (Санников, 2002). К сожалению, в тщательно разработанной классификации видов языковой игры по языковым уровням в книге В.З. Санникова не выделены формы языковой игры, используемые в рекламе. Между тем, ЯР использует все виды языковой игры – от графических выделений (*Интернет-к@фе,* ул. Галушкина, Москва), фонетических отклонений от нормы (*шопинг-празднинг* – реклама торгового комплекса "*Золотой Вавилон*" – реклама в метро, 2002 г.) до обыгрывания многозначности слов; в частности, нередко слова в рекламном тексте имеют сразу два значения (см. выше о слове *вкус*), и потребитель выбирает то значение, которое ему больше нравится. Однако наиболее полно языковая игра "работает" в письменном или устном тексте: *Девушка, я не знаю, что делает у вас кальций... Если на рост не влияет, какой он к черту "Растишка"?!* (отрывок из диалога-рекламы кисломолочного продукта компании "*Данон-Большевик*" под рекламным названием "*Растишка*": "*Растишка*" *или* "*Укрепляшка*" ("Экстра М Север", 2003, № 21, с. 2).

Рассмотрев разные уровни языковых/речевых средств, фигурирующих в рекламе, можно с большей или меньшей уверенностью сказать, что количество специфических средств и различий в их применении в зависимости от вида и формы рекламы, подтверждает мысль о том, что мы имеем дело именно со структурированнным, четко оформленным, практически сложившимся

inslav

языком – функциональным языком, то есть одним из языков для специальных целей, выполняющим важную роль в современном обществе. Это именно язык, а не стиль (стиль, в традиционном понимании, характеризуется в большей степени особенностями использования несобственных средств и в меньшей степени создает свои средства – на разных уровнях: слова, синтаксические конструкции и др.). Элементы ЯР очень тесно связаны с потребностями общества, отдельных социальных, профессиональных, возрастных групп – и потому весьма динамичны: легко меняются, быстро устаревают вместе с рекламируемыми объектами. Это хорошо видно на примерах так называемой агрессивной рекламы: нередко уровень такой рекламы низок, в языковых средствах наблюдается пренебрежение не только к языку в целом, но даже к стилевым нормам самого ЯР; кроме того, подобные рекламные произведения не выполняют этические нормы – это, в частности, характерно для радиорекламы, используемой на молодежных радиостанциях, но проникает и в рекламные тексты, фигурирующие в передачах ведущих радио- и телеканалов. Примеры рекламных произведений низкого качества и проявлений откровенной пошлости неоднократно подвергались критике в средствах СМИ и в научной литературе, посвященной рекламе.

ЯР, существующий в рамках русского языка, обладает рядом признаков, которые трудно при переводе рекламных текстов перенести на другие этнические языки в силу национальной специфики единиц разных языковых и речевых уровней. Так, многозначность русских слов может не совпадать с комплексом значений в ЛСВ других языков: амбисемия выражения "*горячая поддержка*" понятна только русскоговорящему. В равной мере прецедентные высказывания, как правило, могут выполнять рекламную функцию только в пределах языка, на котором они созданы, и не представляется возможным адекватно перевести на другие языки такие фразеологизмы, как *красна изба блинами* (на киоске, продающем пирожки, – надпись *Красна изба пирогами,* 2002 г.). В лучшем случае в другом языке будет найден эквивалент фразеологизма или другого прецедентного текста – афоризма, крылатого выражения, взятого из литературы, кинофильма, телепередачи и т.п. Труднопереводимы элементы разговорной речи и жаргонов: именно в русском ЯР создан слоган "Фанты": *Вливайся!* или сладостей типа Nuts: *Заряди мозги, если они у тебя есть!*

Вопрос о взаимосвязи, взаимозаменяемости ЯР и взаимопереходе от ЯР, базирующемся на одном этническом языке, к друго-

inslav

му, базирующемуся на другом этническом языке, чрезвычайно сложен. Он включает аспекты, связанные с национальной спецификой данных этнических языков, с национальной культурой, средством и орудием которой является тот или иной этнический язык, и с наивной национально-языковой картиной мира, проявляющейся в этом языке и, естественно, в его разновидностях, в том числе, в ЯР. Описывая переход от одного ЯР к другому, Е.В. Медведева показывает, что здесь имеет место не перевод (лексики и фразеологии) и даже не трансформация этих единиц, а транспонирование "для обеспечения понимания иностранными адресатами не только основного смысла сообщения, но и всех его оттенков, а также для осуществления возможной компенсации семантических и стилистических особенностей [рекламного] текста оригинала, которые в силу лингвистических и экстралингвистических причин трудно или невозможно адекватно передать на языке перевода" (Медведева, 2002, 25).

В то же время глобализация, распространяющаяся в нашу эпоху, в частности, на продукцию зарубежных, в том числе международных фирм, консорциумов, холдингов, приводит к тому, что в русском ЯР используются пришедшие из-за границы элементы ЯР, и неизбежны процессы "транспонирования" наименований данной продукции и рекламных текстов, которые ее сопровождают.

Прежде всего, следует сказать о различии интернациональных и российских продуктов (товаров), рекламируемых в России. Предварительные наблюдения свидетельствуют о том, что чаще всего отечественными товарами являются: пищевые продукты (в том числе многочисленные сорта пива, масла, соки); некоторые марки автомобилей; чистящие средства; лекарства. Из услуг нужно назвать услуги банков (включая оплату автогражданской ответственности, виды вкладов).

Зарубежная реклама в России охватывает следующие виды товаров: косметика (зубная паста, средства против перхоти, антиперспиранты и др.); пищевые продукты (некоторые известные в мире сорта пива, мировые марки кофе); некоторые марки автомобилей, в том числе международных консорциумов; лекарства; отбеливатели для стирки. Широко рекламируется современная техника высшего класса: телевизоры, средства мобильной связи и – шире – коммуникации; компьютеры, бритвы, кухонная техника.

Характерно, что виды рекламы различаются в зависимости от страны происхождения продукта. Например, отечественные

inslav

лекарства чаще рекламируются по радио: имеется возможность подробно рассказать о таких лекарствах, как *Нестарит, Исцелин, Доктор Вен*, в радиоинтервью, в диалоге с врачом. Этот же товар рекламируется в очерках, помещаемых в рекламных газетах. Зарубежные лекарства больше отражены в кратких рекламных роликах по телевидению – с показом иностранных названий этих лекарств крупным планом и с неоднократным повторением в аудиотексте. При международном обмене радио- и телерекламой часть текста может переводиться, другая (включая бренды) остается в оригинальном написании или произношении.

Зарубежная реклама помещается на рекламных щитах. Напротив, отечественная реклама, в частности, названия магазинов, торговых фирм и центров, располагается на поверхностях, которые либо сами движутся, либо находятся краткое время в поле внимания движущегося адресата: на эскалаторах метро, на транспортных средствах, на растяжках: *"Кони-Айленд" – центр цивилизованной торговли, сеть магазинов "Маленький гений", антиглянцевая газета "Хулиган"*.

Политика глобализма своеобразно и многообразно отражается в выборе языка, на котором реализуется реклама в России.

На уровне лексики имеют место три способа использования иноязычных слов; термины либо переводятся, либо заимствуются путем трансфонии: *отбеливатель, памперсы, принтер* (при этом термины-словосочетания ассимилируются грамматически: *мобильный телефон, информационные сети*); имена собственные, например, названия фирм, сетей магазинов, банков и других организаций, остаются в фонетической и графической форме, которую они имеют в языке-оригинале. Это относится, прежде всего, к мировым брендам – кофе *Tchibo, кофе Jacobs*, компания по производству средств от перхоти и других косметических средств *Head and Shoulders* (хотя перевод этих имен нарицательных был бы возможен), компания по производству напитков *Coca*, компании по производству бытовой техники *Samsung, Vitek, Bosch, Moulinex* и др. Иначе говоря, эти наименования являются в русском языке, да и в других этнических языках, иностранными словами (Fremdwörter), которые выделил, наряду с полностью ассимилированными, заимствованными словами (Lehnwörter) и неасссимилированными варваризмами (Gastwörter), австрийский ученый О. Вюстер (Wüster 1985, 35–36). Номенклатурные единицы, образованные как от названий фирм (*Jacobs Monarch*), так и от брендов – названий классов продукции (*Pampers Full Care, Tchibo Exclusive*, шампунь *Schauma* от фирмы *Schwarzkopf*), также

inslav

остаются иностранными словами или словосочетаниями (для сравнения отметим, что используемые как в ЯР, так и в языке СМИ политические обозначения – названия учреждений, партий, общественных организаций и движений, то есть имена собственные специального характера, – также могут либо переводиться, либо калькироваться, либо транслитерироваться или трансфонироваться – в зависимости от степени их освоенности и общественной потребности).

Результатом международной кооперации и разделения труда в условиях глобализации является следующая картина в сфере лексики и словообразования языков рекламы разных стран. Образовался огромный интернациональный фонд терминов, обозначающих промышленную и сельскохозяйственную продукцию, которой обмениваются развитые страны. Часть этих терминов имеет единую форму; другая часть переводится, калькируется либо транслитерируется (или трансфонируется). Что касается еще более обширного фонда номенклатурных единиц, обозначающих общедоступные во всем мире товары, то эти названия не переводятся, являясь интеллектуальной собственностью тех национальных и международных предприятий, которые производят соответствующую продукцию, то есть промышленную и сельскохозяйственную собственность. Онимы (имена собственные) в языках рекламы ведут себя так же, как в языке СМИ: названия фирм и пр., как правило, не изменяются при переходе в другой этнический язык либо переводятся поэлементно.

Та же картина наблюдается и в сфере словообразовательных аффиксов и корневых морфем, из которых строятся лексические единицы, используемые в ЯР. Сложился интернациональный фонд данных морфем (см. языки химии, фармакогнозии, техники).

Коротко говоря, процессы глобализации в промышленности, сельском хозяйства, шире – экономике – и сфере потребления, привели к тому, что, во-первых, постоянно растет объем рекламных текстов, а, во-вторых, языки рекламы, базирующиеся на соответствующих этнических языках, оказались близки друг другу, как и все ЯСЦ, о чем говорилось выше. Постоянный обмен лексическими словообразовательными элементами между этими ЯР всеми перечисленными путями способствует сближению народов в современном мире.

На синтаксическом уровне наиболее характерным проявлением глобализации служит перевод слоганов на все языки стран-потребителей, в том числе на русский язык; например, о кофе

inslav

Tchibo: Давать самое лучшее, ср. польск. *Podaj to co najlepsze*. В том случае, когда фирма-дилер не знает, как адекватно перевести слоган, он записывается на языке оригинала: *Panasonic – Ideas for life* (ТВ, декабрь 2003 г.). Текстовый уровень рекламных произведений остается в принципе национальным; музыкальный и видеоряд могут быть общими.

Передача фонетических особенностей слов и синтаксических конструкций исходного языка часто определяется степенью знакомства рекламистов с иностранными языками. Поскольку английский язык известен в наибольшем объеме, ошибок в заимствованных и переведенных элементах меньше; французские, японские слова изобилуют фонетическими ошибками: японское *суши (суси)* получило свою форму в русском языке, пройдя через английский.

То же относится к графическим признакам. Здесь широко используется языковая игра (латинские вставки в кириллический текст): *Эльдорадо – сеть из 27 магазинов в Москве* (январь 2004 г.).

Зафиксированный здесь макаронический язык рекламы (на всех уровнях!) – это знамение времени. Понятно, что веяние моды в настоящее время дает преимущество английским вставкам в тексты на различных этнических языках; понятно также, что сколько бы ни было таких вставок, они не приводят ни к пиджинизации, ни к креолизации этих этнических языков. В равной мере не идет речи о том, что английский язык становится единым языком общения в современном мире (lingua franca). Никто не гарантирован от того, что через какой-то промежуток времени в силу экономических, политических и иных причин таким lingua franca может стать и другой этнический язык, а о едином всемирном языке вообще пока нет смысла говорить, в отличие от попыток начиная от Лейбница и заканчивая Заменгофом, когда эта тема еще дебатировалась в научной литературе – вплоть до середины XX в.).

И, признавая рост тенденций глобализации в самых разных областях жизнедеятельности народов на переломе веков, в том числе в сфере рекламы в условиях международного обмена продукцией (товарами) и услугами, включая финансовые, можно лишь поставить вопрос: приводят ли языковые контакты и взаимовлияние к обогащению или обеднению этнических языков? Представляется, что те этнические языки, которые находятся на высоком уровне своего развития, обогащаются, оставляя в своей лексике, словообразовании, синтаксисе, даже фонетике опреде-

inslav

ленную часть заимствованных элементов и отторгая постепенно ненужное, избыточное и чуждое, как об этом справедливо писали, говоря о заимствовании, Ю.С. Сорокин, а вслед за ним и Д.Н. Шмелев (Шмелев, 1977, 272)*.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова Г.А. Медицинская лексика – основные свойства и тенденции развития: на материале русского языка / Отв. ред. В.П. Нерознак. М.; Краснодар [Кубанский гос. ун-т, Общество любителей русской словесности], 2003.

Бобров Б.В. Англо-русский словарь по рекламе и маркетингу. Ок. 40000 терминов. 4-е изд. М., Руссо, 2001.

Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. Монография. М.; Волгоград, Изд-во ВФ МУПК, 2003.

Жилина О.А. Деловой документ: специфика языка, стиля и структуры текста. Учеб. пособие / Под общей и научно-метод. ред. Т.Б.Лесохиной. М., Билингва, 1999.

Зяблова О.А. Социолингвистические и когнитивные особенности функционирования экономической лексики. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2002.

Кара-Мурза Е.С. "Дивный новый мир" российской рекламы: социокультурные, стилистические и культурно-речевые аспекты // Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М., ИНДРИК, 2001.

Кара-Мурза Е.С., Лейчик В.М. Два подхода к языку рекламы // От слова к делу. Сб. докладов / X Конгресс МАПРЯЛ (Санкт-Петербург. 2003). М., Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2003.

Костомаров В.Г. Русский язык в современном диалоге культур// Русский язык за рубежом. 1999. № 4.

Куркин В.А., Новодранова В.Ф, Куркина Т.В. Иллюстрированный словарь терминов и понятий в фармакогнозии. Учеб. пособие. М., 2002.

Лейчик В.М. Языки для специальных целей – функциональные разновидности современных развитых национальных языков // Общие и частные проблемы функциональных стилей / Отв. ред. М.Я. Цвиллинг. М., Наука, 1986.

Лейчик В.М. Пиар и другие аббревиатуры // Русская речь. 2002. № 5.

Матвеева С.А. Термин "спам" в коммуникативном пространстве Интернета// Языки профессиональной коммуникации: Материалы междунар. научн. конф-ции 21–22 октября 2003 года. Челябинск, 2003.

Медведева Е.В. Рекламный текст в плане межъязыковой и межкультурной коммуникации. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2002.

Реклама и PR. Библиографический указатель: Книги на русском и иностранных языках. М., Пашков дом, Изд-во Междунар. ин-та рекламы, 2001.

Самойлов Д. О мемуарах // Самойлов Д. Проза поэта. М.: Вагриус. 2000.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002.

---

* Исследование проведено в рамках гранта РФФИ "Научная жизнь. Опыт комплексной характеристики". №02-06-80014.

inslav

Семина Н. Внимание: медиа пленнинг баинг супервайзер!// Индустрия рекламы. 2001. Декабрь.

Стеллиферовский А.В. Проблема функционально-стилевого статуса языка рекламы // Текст в функциональном аспекте. М.: Прогресс, 1988.

Суперанская А.В. Национальный литературный язык и языки для специальных целей // Межъязыковые коммуникативные связи и научно-технический перевод. Орел, 1983.

Тополь Э. Убийца на экспорт // *Тополь Э.* Собр. соч. Убийца на экспорт. Дюжина разных историй. Рассказы для серьезных детей и несерьезных взрослых. Ростов-на-Дону: Гермес, 1995.

Формановская Н.И. Объявление – реклама – рекламное объявление (к уточнению характеристики жанра)// Проблемы речевой коммуникации. Межвуз. сб. научн. трудов, посвященный 80-летию Ольги Борисовны Сиротининой, вып. 3 / Под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 2003.

Харлицкий С.М. Информационная структура термина (на примере русских терминов рекламы и связей с общественностью). Автореф. дис... канд филол. наук. М., 2003.

Хейзинга Й. Homo ludens: Человек играющий. Пер. с нидерланд. и прим. В. Ошиса. М., Эксмо-Пресс, 2001.

Хребтова И.А. Когнитивно-прагматические особенности языка средств электронной коммуникации. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2002.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1977.

Юшманов Н.В. Элементы международной терминологии: Словарь-справочник. М.: Наука, 1968.

Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. Изд-во Моск. ун-та, 2003.

Ярцева В.Н. Научно-техническая революция и развитие языка // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М.: Наука, 1977.

Galliot M. Essai sur la langue de la réclame contemporaine. Toulouse: Privat, 1955.

Hoffmann L. Kommunikationsmittel Fachsprache: Eine Einführung. Berlin: Akad. Verl., 1976. 498 S.; 3. Aufl., durchges. Berlin: Akad. Verl., 1987.

Sager J.C., Dungworth D., MacDonald P.F. English Special Languages: Principles and practice in science and technology. Wiesbaden: Brandstetter, 1980.

The 14th European Symposium on Languages for Special Purposes 18–22nd August 2003 "Communication, Culture, Knowledge". Book of Abstracts. University of Surrey, UK. Univ. of Surrey, 2003.

Wüster E. Einführung in die allgemeine Terminologielehre und Terminologische Lexikographie. 2. Aufl. Kopenhagen: HEPU-tryk, 1985.

inslav

И.В. Рогозина

(Россия)

НОВЫЕ МЕДИЙНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ И ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Медиа-коммуникация является особой сферой человеческой деятельности: в ней наиболее полно и отчетливо манифестирует себя взаимодетерминация когнитивных, коммуникативных и социальных процессов. В настоящее время в этой сфере происходят кардинальные изменения, которые вызываются динамичным развитием традиционных СМИ и взрывным распространением электронных, кабельных и спутниковых технологий для передачи, хранения и мультипликации информации, характеризующейся принципиально новыми количественными и качественными параметрами.

Отмеченные изменения способствуют ***формированию информационного общества*** [1]. Его возникновение является закономерным результатом эволюции человеческой когниции, вследствие чего происходит преобразование мирового сообщества в единое целое, характеризующееся принципиально новым уровнем информационной взаимосвязи между конституирующими его частями. Информационное общество и технологии, лежащие в его основе, оказывают беспрецедентное влияние на индивидуальное сознание. Медиа-информация становится основополагающим фактором формирования картины мира современного человека. Существенно интенсифицируя информационные процессы, новые знания и технологии многократно увеличивают коммуникационные возможности индивидов, что приводит к ***качественно новым*** изменениям в их представлениях о мире.

Принципиально важно, что сущность информационного общества не сводится к чисто техническим аспектам, поскольку возникшее благодаря новым системам коммуникаций глобальное информационное пространство, репрезентируя комплексные общемировые процессы, способствует ***появлению новых ментальных структур, универсализирующих восприятие мира индивидом.*** В этих условиях стремительно возрастает роль средств массовой информации как уникального механизма, способного интегрировать как отдельный социум, так и все составляющие общего мира. На наших глазах происходит резкое усиление темпов слияния этнокультурных сообществ людей в над-

inslav

национальные сообщества, в рамках которых устанавливаются единые политические, правовые, экономические и иные стандарты. Эти процессы детерминируются тем, что в сфере медиа-коммуникации возникают универсальные когнитивные структуры, которые с неизбежностью ведут к ***сближению различных типов сознания.***

Становление информационного общества, в свою очередь, служит одним из факторов ***глобализации мировых*** процессов, которые больше принято рассматривать в экономическом аспекте, однако очевидно, что названные процессы не могут не коснуться и сферы медиа-коммуникации. Взаимодействие глобализационных и информационных процессов носит дуальный характер. С одной стороны, информация становится важнейшей экономической категорией и, воздействуя на развитие связей между странами, ускоряет глобализационные процессы, а с другой – глобализационные процессы ускоряют развитие информационных систем и технологий. В результате за последние 10 лет СМИ не просто расширились, а ***трансформировались в новую информационную структуру,*** обеспечивающую неуклонный рост ***объемов предназначенной для индивида информации.***

Если рассматривать историю развития человечества в информационном аспекте, то нетрудно убедиться в том, что ***общество эволюционирует вместе с формированием и расширением информационного пространства.*** Расширение информационного пространства осуществляется за счет развития и взаимодействия материального и нематериального компонентов. С одной стороны, широко используются и усовершенствуются ***технические средства*** передачи информации, а с другой – изменяются сами способы презентации информации, выражающиеся в использовании полисемиотических, полимодальных кодов, обеспечивающих ее "скоростную" интериоризацию. Можно сказать, что для индивида расширение информационного пространства происходит параллельно со "сжатием" пространства его обитания за счет привнесения большей организованности и упорядоченности в социальные структуры вследствие получения знаний о социальной и природной реальности. В основе этих процессов лежит деятельность когнитивной системы человека, являющейся по своей природе биосоциальной структурой информационного обмена со средой.

Современный этап расширения информационного пространства связан с созданием персонального компьютера, резко изменившего обработку и характер информации, а также ее накопле-

inslav

ние и хранение. Вследствие появления виртуальной коммуникации происходят важные количественные и качественные изменения: диапазон коммуникации резко расширяется. Традиционные СМИ начинают использовать информационное пространство Интернет для размещения там своих информационных сообщений: создается Интернет-система реализации информации. В этом смысле можно говорить об ***интеграции в картину мира новых видов реальности, например, виртуальной***. Как следствие, на смену "партикулярности" сознания приходит "глобальность" сознания, что непосредственно связано с множественностью концептуальных пространств в рамках глобального информационного пространства.

Темпы происходящих перемен, равно как и объемы поступающей индивиду информации, столь велики, что это позволяет говорить об ***интенсификации интегративной деятельности мозга индивида*** и, как следствие, о коренных изменениях, имеющих место в его картине мира. Согласно научным данным, последние десять лет явились периодом, когда действовал закон Мура, в соответствии с которым общий объем существующей в мире информации удваивается каждые полтора года. Следовательно, усложнение общемировых процессов и рост объемов поступающей индивиду информации являются двумя основными факторами, детерминирующими ***комплексность содержания мышления*** индивидов.

Как справедливо отмечает Т.В. Ершова, сегодня "стало очевидным преобладание информационной составляющей деятельности людей над всеми другими ее формами и компонентами" [2, с. 2]. Это обусловливается тем, что медиа и гипермедиа ***становятся основной средой, в которой осуществляется большинство значимых для индивида видов коммуникации.*** Поэтому закономерно, что человек все в большей степени имеет дело с реальностью второго порядка – ***медиа-реальностью***, а его картина мира начинает базироваться в значительной степени на представлениях о реальности.

Усложнение явлений глобализующегося мира делает информационное воздействие на индивида ***комплексным и медиатизированным***. В свою очередь, следствием упомянутого воздействия на ментальные структуры индивида становится медиатизация его ***мышления.*** Можно назвать ряд факторов медиатизации мышления индивида, имеющих ***медиа-генез:***

♦ расширение информационного пространства, создаваемого традиционными медиа, и появление глобального информацион-

inslav

ного пространства, т.е. множественность концептуальных пространств;

♦ медиа (масс-медиа и гипермедиа) становятся основной информационной средой осуществления большинства социально значимых видов коммуникации;

♦ медиа встраиваются в различные сферы деятельности человечества, становясь при этом неотъемлемым элементом структуры этих видов деятельности, не только отражающим, но и формирующим эту структуру;

♦ медиа-информация становится основополагающим фактором формирования картины мира современного человека.

Термин *медиатизация* начал использоваться недавно, и поэтому не удивительно, что он не стал еще широко известен и что до сих пор не существует единой, принятой и признанной всеми его трактовки. Медиатизация рассматривается в качестве глобальной тенденции ***в области культуры*** [3]. Социологи отмечают ***глобализацию социальных процессов*** и их взаимодействие с партикулярным жизненным миром личности как следствие медиатизации [4]. В области журналистики этот термин используется в книге И. Засурского "Масс-медиа второй республики", в которой автор констатирует переплетение сферы политического и СМИ, что, на его вгляд, позволяет говорить о ***медиатизации политики*** [5]. Согласно И. Засурскому, медиатизация – это "такой процесс, при котором политическая жизнь перемещается в символическое пространство средств массовой информации" [5, с. 28]. Представляется, что данное определение является лишь отчасти обоснованным. Очевидно, что политическая жизнь как континуум событий и явлений происходит в реальном пространстве и не может полностью перемещаться в пространство символическое. Скорее, речь должна идти о том, что в определенном смысле медиа-репрезентация политических событий приобретает большую значимость, чем сами эти события вне медийного контекста.

Представляется более правомерным рассматривать явление медиатизации не в политическом, а в психолингвистическом аспекте. В этом случае логичнее говорить о ***медиатизации мышления субъектов медиа-коммуникативной деятельности.*** Исходя из этого, мы вкладываем в понятие медиатизация принципиально иное, когнитивное содержание. ***Медиатизация определяется как ментально-когнитивный результат воздействия на мышление индивидов полимодального, полисемиотического медийного продукта, выражающийся в формировании картины мира посред-***

inslav

ством специфически медийных интегративных когнитивных структур познания и представления реальности.

Поскольку усложнение общемировых процессов влечет за собой интенсификацию интегративной деятельности сознания индивидов, это требует адекватного выражения результатов становящегося все более комплексным мышления. Медиа-реальность замещает собой усложняющуюся структуру взаимодействия индивида с окружающей действительностью. Однако оказывается, что репрезентировать ее только средствами системы языка и достичь таким образом максимально эффективного воздействия на индивида невозможно. Поэтому очевидно, что ***изменяется и роль языка*** как доминантного средства осуществления масс-коммуникационных процессов. Указывая на неразрывную связь когниции с языком, Е.С. Кубрякова отмечает, что ***ее результаты не обязательно принимают языковую форму*** [6] (Курсив мой. – *И.Р.*). Это положение особенно актуально для медиа-коммуникации, где наряду с языковыми средствами начинают интенсивно использоваться альтернативные знаковые системы, в частности, появляются ***медийные полисемиотические знаковые комплексы и гиперкомплексы,*** представленные разнообразными сочетаниями элементов генетически разнородных знаковых систем. Эти поликодовые образования дают основания для констатации факта множественности типов актуализации медийных когнитивных структур, что вполне соотносится с одним из постулатов когнитивной лингвистики о множественности воплощения когнитивных структур [7].

Представляется, что интенсивное использование поликодовых способов фиксации результатов медиа-познания реальности обусловлено рядом факторов. Во-первых, интегративные когнитивные структуры позволяют частично снимать противоречие, возникающее в современных условиях между относительной устойчивостью и инертностью языка и взрывным характером изменений всего информационного контекста существования человечества. Этим объясняется резкий прирост информативности, ассоциируемый с использованием подобных структур. Можно утверждать, что наблюдается по меньшей мере двустороннее взаимодействие между вербальными и авербальными компонентами медийных интегративных структур. С одной стороны, язык придает другим всевозможным авербальным кодам знаковые свойства, и они начинают порождать дополнительные смыслы, а с другой – аналогичное приращение смыслов возникает и по линии от авербального компонента к языковому.

inslav

Во-вторых, постоянный процесс возникновения новых когнитивных структур предопределяется "техногенными" факторами – появлением технологических новшеств, используемых и для познания мира, и для создания новых средств коммуникации. Принципиальная возможность создания одними и присвоения другими индивидами новых когнитивных структур определяется тем, что "с ходом истории изменяется природа познания, природа самого когнитивного присвоения мира. Тот способ, каким мы получаем знания, меняется по мере изменения форм ***социальной и технологической практики*** и форм социальной организации" [8, с. 8] (Курсив мой. – *И.Р.*). "Технологические" факторы рассматриваются нами не как чисто технические, т.е. участвующие в механической передаче информации реципиенту, а как инструменты познавательных процессов, фиксирующие их результат. Следовательно, речь идет о системе гетерогенных когнитивных структур, в которой "технологические" составляющие не менее значимы в смысловом отношении, чем "чистое" содержание медиа-сообщения. Эта мысль согласуется с парадоксальным на первый взгляд утверждением М. Маклюэна о том, что средство передачи информации более важно, чем сама передаваемая информация [9]. Эта позиция не будет казаться преувеличением, если исходить из того, что факторы, кажущиеся чисто технологическими, на самом деле создают необходимую систему координат, вне которой недостижимо адекватное восприятие и понимание медиа-сообщения.

Развитие медиа-коммуникации особенно наглядно демонстрирует эволюцию человеческой когниции: создание новых медийных технологий приводит к осознанию возможностей их широкого использования для познавательной деятельности и ведет к усложнению когнитивных схем. В результате обнаружения мышлением индивидов возможностей новых сочетаний разных знаковых систем формируются новые универсальные когнитивные структуры, позволяющие расширять границы познаваемой реальности.

В-третьих, преобладание поликодовых когнитивных структур в сфере медиа-коммуникации детерминируется ***разноприродностью сущностных свойств мышления и речи.*** Как подчеркивает Л.С. Выготский, "мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется", при этом "мысль и слово никогда не совпадают" [10, с. 308]. Вполне очевидно, что как бы индивид не стремился репрезентировать все содержание своего мышления исключительно вербальными кодами, это оказывается недости-

inslav

жимым. Хотя язык является основным средством коммуникации, из этого не вытекает возможность и эффективность вербализации всех компонентов мышления продуцента. Это тем более актуально в настоящее время, когда в условиях резкого возрастания объемов информации и изменения ее структуры в сторону значительно большей комплексности, изменяется и содержание и структура мышления индивида. С одной стороны, использование широкого спектра разноприродных систем знаков необходимо для объективации результатов структурно и содержательно изменяющегося мышления продуцента, а с другой – поликодовые знаковые системы необходимы для более эффективного "пробуждения" мышления реципиента. Эта дуальная сущность полисемиозиса и является определяющим фактором появления и фиксации новых гетерогенных когнитивных структур в медиа-коммуникации.

Несовпадение границ языка/речи и мышления становится фактором, вызывающим настоятельную необходимость компенсировать это несовпадение интегрированием в медиа-реальность элементов авербальных знаковых систем для расширения смыслового пространства речи за счет образования гетерогенных когнитивных структур и для максимально возможной корреляции между речью и мышлением. Особенно очевидно несовпадение мышления и речи в контексте проблемы вербализации как абстрактного, так и чувственно-наглядного мышления, что особенно актуально для медиа-коммуникации.

В результате деятельностной реализации познания на нейрофизиологической основе возникает некоторое мыслительное содержание, которое оказывается генетически и структурно отличным от речи. Если для репрезентации сложных экономических, политических и социальных процессов, ассоциируемых с абстрактным мышлением, требуются когнитивные структуры, включающие графические, диаграмматические, картографические компоненты, то для репрезентации чувственно-наглядного мышления в большей степени подходят фотографические, пиктографические и видео-компоненты гетерогенных структур. Авербальные компоненты медиа-реальности в сочетании с вербальными стимулируют динамическую корреляцию чувственно-наглядной и абстрактной составляющих мышления, более жестко и определенно детерминируя как характер протекания медиа-коммуникативного события, так и его результат (появление определенных ментальных моделей репрезентируемых событий).

inslav

Вполне очевидно, что в случае исключительно вербальной репрезентации медиа-информации в определенном смысле осложняется протекание психической деятельности индивида как целостной самоорганизующейся системы. Разумеется, самоорганизационные процессы будут реализовываться и в этих условиях, однако монознаковость становится аналогичной отсутствию вектора, задающего прогнозируемое направление интерпретации медиа-сообщения. Таким образом, в ситуации отсутствия чувственно-наглядных опор для понимания и интерпретации процессы самоорганизации психической деятельности протекают в условиях большей неопределенности и могут пойти по принципиально большему количеству направлений. Несомненно, что для массового реципиента медиа-продукции такая неопределенность вступает в противоречие с мотивами познавательной деятельности посредством масс-медиа. Поэтому масс-медийный канал, структурирующий события реальности в монокодовом формате, т.е. не осуществляющий сознательного интерпретирующего "подражания реальности" средствами различных символических систем, вряд ли может рассчитывать на действительно "массовое" потребление своей продукции. Отсюда следует, что для любого медиа-канала возникает принципиальная необходимость максимально включать в продуцируемую медиа-реальность многочисленные авербальные коды с тем, чтобы "объединить рефлексы воздействия многочисленных гетерогенных факторов, приводящих к возникновению смысла" [11, с. 43].

Инвентарий медийных когнитивных структур позволяет репрезентировать объект или ситуацию практически на всех уровнях семиозиса, причем семиотическая разноплановость представления цельного понятийно-образного компонента отображаемой действительности дает возможность достигать резкого прироста объема презентируемой информации. Благодаря этому знак приобретает большую определенность, репрезентируемый объект становится более когнитивно доступным, а сам реципиент получает больше информации об объекте [12]. Компоненты интегративной структуры, репрезентированные в знаках разной природы, обеспечивают цельность восприятия репрезентируемого фрагмента реальности.

Медийная когнитивная структура (медиа-фрейм) представляет собой аудио-видео-графическое образование, взаимодействующее с мышлением реципиента, в результате чего возникает новая гетерогенная смысловая когнитивная структура. Медиа-фрейм – когнитивный инструмент и одновременно инструмент

inslav

воздействия на реципиента, часто опосредованно – через предлагаемую структуру: порядок следования и взаиморасположения компонентов. Гетерогенная структура направляет, а значит в известной мере управляет работой мышления.

Когнитивный подход к изучению вербальных и авербальных явлений в сфере медиа-коммуникации позволяет рассматривать язык как одну из целого ряда ментальных способностей индивида, реализуемых им в процессе познания действительности и фиксируемых в продуцируемой СМИ медиа-картине мира. В контексте такого подхода правомернее ставить вопрос о гетерогенности когнитивных структур, т.е. не об автономности языковых структур как познавательных, а об их включенности в познавательные.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мелюхин И.С.* Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М., 1999.

2. *Ершова Т.В.* Концептуальные вопросы перехода к информационному обществу XXI века. http://infra.rfbr.ru/pub/vestnik/V3_99/1_5.htm.

3. *Каптерев А.И.* Медиатизация "лягушки" и воспитание принца: общее и особенное в стратегиях болота и королевского двора. http://www/library.ntkpi.kiev.ua/html/arhiv/arh177.

4. *Соколова И.В.* Структура и функции социологии информатизации как новой специальной социологической теории. http://www.iis.ru/infosoc/emag/nsf/BPA/.

5. *Засурский И.И.* Масс-медиа второй республики. М., 1999.

6. *Кубрякова Е.С.* Когниция // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. Барнаул, 2001.

7. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Постулаты когнитивной семантики // Известия АН СССР. Ин-т русс. яз. 1997. Т. 56. № 1.

8. *Вартофский М.* Модели. Репрезентация и научное понимание / Пер. с англ. М., 1988.

9. *McLuhan M.* Understanding Media, 1967.

10. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М., 1996.

11. *Пищальникова В.А.* Общее языкознание. Барнаул, 2001.

12. *Клюканов И.Э.* Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата. Автореф. дис. ... д-ра филол наук. Саратов, 1999.

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 3

I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ И ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ешич М.Б. (Россия). "Естественный" язык людей как специфическая знаковая система и феномен культуры: Объективно-исторические причины языково-культурного (этнического) плюрализма человечества (некоторые тезисы) 9

Нещименко Г.П. (Россия). К рассмотрению динамики языковой ситуации через призму процессов интеграции и дифференциации 38

Тарасов Е.Ф. (Россия). Глобализация и этнизация: семиотические проблемы 69

Дыбо В.А. (Россия). Язык – этнос – археологическая культура (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы.) IV 75

Корженский Я. (Чехия). Коммуникация в Европе: глобализация и этничность 94

Крысин Л.П. (Россия). Заимствованное слово как транслятор иной культуры 106

Липатов А.В. (Россия). Универсальное и национальное: двуединство процесса формирования этнических языков и культур в цивилизационном пространстве Европы 113

Борботько В.Г. (Россия). Язык как планетарный феномен: символы и архетипы в коллективной рефлексии 139

Крупа В., Ондрейович С. (Словакия). Языковые мифы и их миссия 164

Балек А. (Чехия). Качественно новая фаза в развитии Европы в ближайшие десятилетия XXI в. (Глобализация) 182

Балек А. (Чехия). Некоторые проблемы России: взгляд со стороны 198

II. ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ЭТНОС В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Крупа В. (Словакия). Идеальный всемирный язык? 208

Мокиенко В.М. (Германия – Россия). Национальное и интернациональное в славянской паремиологии 219

Штейнке К. (Германия). Глобализация – регионализация и лингвистика 249

Стыкалин А.С. (Россия). Проблемы межнациональных отношений в Центральной Европе в работах И. Бибо..... 258

inslav

Людоговский Ф.Б. (Россия). Православный акафист в межкультурной коммуникации (конец XX – начало XXI в.) 293

Тарасов А.Е. (Россия). Трансформация национальных образов глобализации (на примере космической деятельности) 312

Василевич А.П. (Россия). Процессы глобализма и лексика цветообозначения 322

Мельник Ю.В. (Украина). Языковая ситуация на фоне глобализации в Украине и в среде постсоветских эмигрантов 351

Бойко Б.Л. (Россия). Образность слова и военная лексика 364

III. НОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Вельмезова Е.В. (Россия). Смена языковых кодов в языке французской "электронной почты" 377

Гоффманнова Я. (Чехия). Интернационализация, коллоквиализация, влияние рекламы (чешский язык и его ипостаси в актуальных коммуникативных ситуациях) 396

Йилкова Л. (Гашова) (Чехия). Несколько наблюдений над деятельностью Интернет-клуба "Čeština" 418

Гладка З. (Чехия). Чешский язык в зеркале современной частной корреспонденции 431

Лейчик В.М. (Россия). Язык рекламы в контексте глобализации и этнизации 447

Рогозина И.В. (Россия). Новые медийные когнитивные структуры и глобализационные процессы 476

inslav

Научное издание

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ–ЭТНИЗАЦИЯ:

Этнокультурные и этноязыковые процессы

В двух книгах

Книга I

Утверждено к печати
Научным советом РАН
"История мировой культуры"
и Ученым советом
Института славяноведения РАН

Зав. редакцией *Е.Ю. Жолудь*

Редактор *Т.М. Скрипова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *В.В. Лебедева*
Корректоры
З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая,
Т.А. Печко

Подписано к печати 19.05.2006
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 30,5. Усл.кр.-отт. 30,5. Уч.-изд.л. 32,0
Тираж 530 экз. Тип. зак. 3377

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

inslav

ISBN 5-02-033922-9

inslav

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ – ЭТНИЗАЦИЯ

Книга I

inslav